

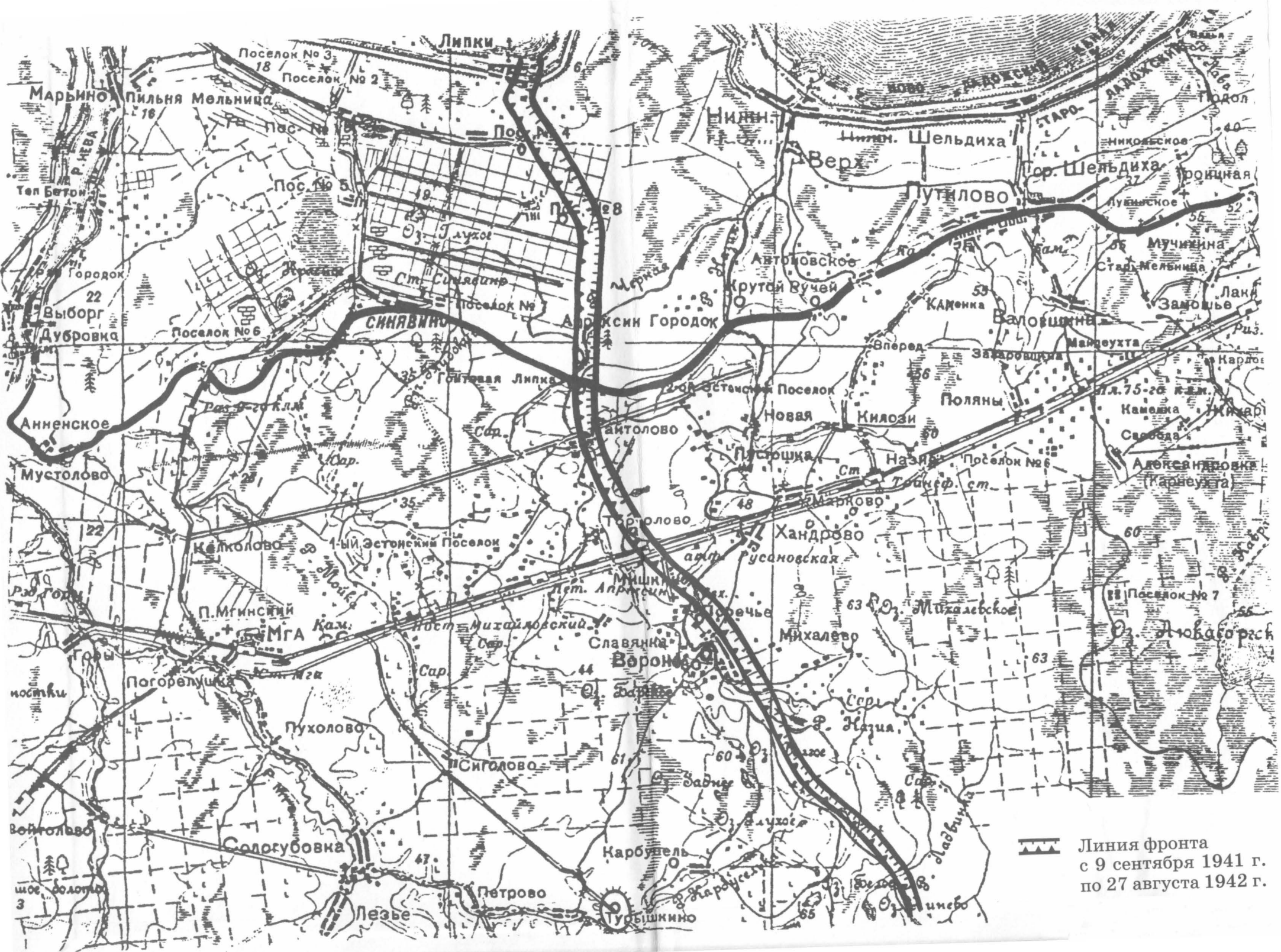
СИНЯВИНО


ОСЕННИЕ БОИ
1941–1942 ГОДОВ

ОСЕННИЕ БОИ
1941–1942 ГОДОВ

СИНЯВИНО





 Линия фронта
с 9 сентября 1941 г.
по 27 августа 1942 г.

СИНЯВИНО

ОСЕННИЕ БОИ
1941–1942 ГОДОВ

*Сборник воспоминаний
участников сянвинских сражений*

3-е издание, переработанное и дополненное

ИПК «Вести»
Санкт-Петербург
2012

УДК 82–94
ББК 63.3(2)722
С38



Издательство благодарит Центральный архив Министерства обороны РФ, Центральный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга, Совет ветеранов 2-й ударной армии, Музей боевой славы 37-й железнодорожной средней школы пос. Мга, а также А. В. Чупрова, Ю. М. Лебедева, М. К. Кусаинова и П. Г. Апеля за предоставленные материалы

Автор-составитель *И. А. Иванова*
Оформление *А. А. Шмелевой*
Рисунки *Е. В. Абрамовой*

Синявино, осенние бои 1941–1942 годов: Сборник воспоминаний участников синявинских сражений. — 3-е изд. перераб. и доп. — СПб.: ИПК «Вести», 2012. — 624 с.: ил.

ISBN 978-5-86153-261-7

В книге собраны архивные материалы (как отечественные, так и немецкие), воспоминания ветеранов боев на синявинском направлении с 9 сентября 1941 г. по 10 октября 1942 г. — участников 1-й, 2-й и 4-й попыток прорыва блокады Ленинграда. Подробно описана Синявинская наступательная операция 1942 г., осуществленная с 19 августа по 10 октября 1942 г. силами Ленинградского и Волховского фронтов, предотвратившая штурм Ленинграда и сковавшая крупные силы противника, чем способствовала победе советских войск под Сталинградом.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей Великой Отечественной войны.

УДК 82–94
ББК 63.3(2)722

ISBN 978-5-86153-261-7

© Иванова И. А., предисловие,
составление, литературная запись
и обработка, 2012

Часть I
Год 1941-й

«Умалчивание наших трагедий и поражений в годы войны есть предательство по отношению к тем погибшим, которые не сложили оружия, а погибли в жестоких боях, выполнив долг перед Родиной».

Б. М. Шапошников

И. А. ИВАНОВА

Тревожный сентябрь сорок первого

29 августа 41-го года немецкие войска захватили Саблино и Тосно и намеревались по Московскому шоссе войти в Ленинград. Неожиданно был получен приказ Гитлера: в город не входить, а окружить его плотным кольцом. «Командующий группой армий “Север” фон Лееб создал две ударные группировки: Красногвардейскую – с задачей овладеть Гатчиной и через Красное Село выйти к Финскому заливу, и Слуцко-Колпинскую под командованием Гепнера: в нее вошли 121, 96, 122 пехотные дивизии 28-го армейского корпуса с танками 12-й тд. Развернутая у Ям-Ижоры, группа Гепнера должна была прорвать оборону советской 55-й армии, сформированной из остатков 41-го корпуса (после падения Лужского рубежа — *сост.*), затем, двигаясь вдоль р. Ижоры, захватить Слуцк (Павловск) и Колпино»*.

В тот же день передовые части 28 ак вошли во Мгу, а 39-го — в Ивановское на левом берегу Невы. 6 дней шли упорные бои за Мгу, в которых с нашей стороны действовали 128-я, 311-я сд, 1-я горно-стрелковая дивизия и 1-я дивизия НКВД, переброшенная с Карельского перешейка. Отбить нашим войскам Мгу не удалось. 7 сентября было оставлено с. Синявино.

Части 39-го немецкого корпуса, захватив Ивановское, продвигаясь по берегу Невы, овладели Лобановом, Павловом, Марьином и 8 сентября вошли в Шлиссельбург. Этот день считается днем начала ленинградской блокады.

Далее немцы двинулись по южному берегу Ладожского озера на восток с целью соединения на Свири с финнами, но за деревней Липки были остановлены нашими войсками.

* Д. Гланц. «Битва за Ленинград». Астрель, 2008 г.

Повернув к югу, немецкие части овладели деревнями Гонтовая Липка, Гайтолово, Тортолово, Вороново, Малукса. По этой линии, идущей строго с севера на юг, фронт остановился надолго. В течение всей трехлетней битвы за Ленинград он будет ареной кровопролитнейших боев, незабываемых до конца дней всеми выжившими в них солдатами — как русскими, так и немцами.

Левый берег Невы от Ивановского * до Шлиссельбурга, западный (и отчасти южный) берег Ладожского озера, Синявинские и Келколовские высоты, ст. Мга и участок железной дороги Мга—Волховстрой до р. Назиы образовали шлиссельбургско-синявинский выступ, названный противником «бутылочным горлом».

Разбить это «горло» шириной в 16 км и выйти к Неве — значило избавить наш город от удушающей его смертоносной блокады. Реальная возможность достичь этого с минимальными потерями была только в сентябре 41-го, пока немцы не возвели здесь мощные фортификационные сооружения, на которых полегли тысячи наших бойцов. Промедление поистине оказалось смерти подобно.

Недеспособная 48-я армия, просуществовав всего месяц, была рассечена противником на две части и расформирована. Вместо нее в синявинские леса и болота направили подразделения спешно формируемой 54-й армии под командованием маршала Г. И. Кулика. В нее вошли 285-я, 286-я, 310-я, 314-я стрелковые и 27-я кавалерийская дивизии, а также 122-я танковая бригада, три корпусных артполка, два полка МиГ-3, авиаполки. Позднее в нее влились также части 48-й армии, которые после сдачи Шлиссельбурга оказались за блокадным кольцом.

«Наступали “с колес”. 9 сентября прямо с марша пошла в бой 310-я (акмолинская) дивизия. За два дня она вклинилась в оборону противника на 6 км. 1080-й сп, наступавший вдоль Путиловского тракта (проложенного еще при Петре I от Невы до Архангельска), сбил боевое охранение немцев у д. Апраксин Городок и овладел д. Гонтовая Липка. Наступая в темноте на Рабочий поселок № 7, полк попал под массированный огонь противника, понес большие потери и отошел на восточный берег р. Черной.

1082-й сп, продвигаясь по просеке высоковольтной линии электропередач, был отрезан от основных сил дивизии и с потерями также отошел за р. Черную.

* Село в устье р. Тосны, входит в состав г. Отрадное Кировского района Ленинградской области.

1084-й сп майора Юртова, наступая на д. Мишкино, оказался в окружении за железной дорогой и с большим трудом пробился к своим * ».

286-я сд прибыла из Череповца 6 сентября. Наспех сколоченная, необученная дивизия 9-го заняла исходные позиции у пос. Михайловский и 10-го, без артподготовки и прикрытия с воздуха, была брошена в бой. Боец этой дивизии К. Д. Григорьев вспоминал: «Выгрузили нас с эшелона на станции Войбокало. В сентябре это было. Политрук сказал: — Немцы окружили Ленинград, надо освободить колыбель революции от вражеских оков. Пошли в атаку со штыками наперевес. По болоту... Вода выше колен, деревца стоят чахлые — не спрячешься. Немцы на высотах засели, по нам из минометов шпалят, из пулеметов поливают, а мы идем... И они пошли на нас. Идем навстречу, стреляем друг в друга. Только мы из винтовок, а они из автоматов и ручных пулеметов. Раненые падали, даже кричать не могли, тут же захлебывались в болотной жиже. Моему товарищу миной голову оторвало. Оборачиваюсь, а он стоит, но без головы. Шинель зацепилась за срубленный ствол березки, и держит... Потом написали — мол, пропал без вести. Такими “пропавшими без вести” все болота от Войбокало до Синявино выложены... Но я отомстил за него. У немца-пулеметчика патроны кончились. Он стоит, орет на своего помощника, который за ним тащил цинковый ящик с пулеметной лентой. Вот я сначала подносчика патронов застрелил, а потом и пулеметчика успокоил. Он пулемет бросил и на меня с ножом бросился, я его штыком достал... Из нашей роты в том бою семеро в живых осталось. Если книгу об этом писать, то каждую страницу надо слезами омыть» **.

Историк Ю. А. Сяков, исследовавший ход боевых действий на внешнем кольце блокады, писал: «10 сентября, утром, 286-я, выполняя приказ, атаковала противника в направлении на Мгу. Немцы отразили все атаки. На следующий день противник атаковал крупными силами пехоты при поддержке танков. Немцы прорвались на КП дивизии у д. Поречье. В этом бою погиб комиссар дивизии Л. Данилов, который возглавлял контратаку. Комдив п-к Г. Соколов, собрав отступавших через лес бойцов и командиров, повел их в атаку на врага и тоже погиб. В результате, потеряв общее управление [...], полки 286-й оказались отброшенными на 10 км, оставив врагу дд. Вороново и Поречье. Но они сумели удерж-

* ЦАМО, фонд 310 сд, оп. 1, д. 3; оп. 2, д. 4. Цит. по М. Кусайнов. Тайны синявинских болот и высот. — Астана, 2004.

** Цит. по: Г. Г. Самсоненко, Ю. А. Сяков. Сражение за Волхов. — СПб.: Знание, 2003.

жать фронт по р. Нази. Потери за два дня боев составили более половины штатного состава дивизии».

Командир батальона 996-го сп 286-й сд А. Д. Гутман рассказывал: «Полки пошли отбивать станцию Мга, а навстречу — немецкие танки. Подавили они нас сильно, люди дрогнули, и мы откатились на несколько километров. Мне пришлось из «тыловиков» сформировать роту и вместе с ней идти в штыковую атаку. Штаб дивизии немецкие танкисты стерли в пыль. Уже через день, приведя себя в порядок, мы снова пошли вперед. Бои были очень упорными».

В немецком журнале боевых действий группы армий «Север» за 11 сентября зафиксирована задача:

«Группа наносит удар по остаткам войск противника южнее Ладожского озера; входит в соприкосновение с финнами западнее Ладожского озера. Соединение с ними восточнее Ладожского озера следует искать, когда высвободятся соответствующие силы и будет обеспечено уничтожение противника под Ленинградом».

Сталин и Ворошилов (с 5 сентября он стал командующим Ленфронтом *) требовали от маршала Кулика продолжения наступления. К. Е. Ворошилов писал Г. И. Кулику: «Почему Вы ничего не сообщаете о действиях и намерениях 54-й армии, ведь она должна работать в тесном взаимодействии с войсками Ленфронта?»

Взаимодействия, к сожалению, не было. 54-я армия считалась отдельной и подчинялась непосредственно Ставке.

13 сентября маршала К. Е. Ворошилова на посту командующего Ленфронтом сменил генерал армии Г. К. Жуков. В том, что блокада Ленинграда не была прорвана в сентябре 1941-го года, он впоследствии обвинит исключительно командарма-54 маршала Г. И. Кулика.

Действительно, Г. И. Кулик не был гениальным полководцем — как, впрочем, и другие военачальники времен Гражданской войны: Ворошилов, Буденный, Тимошенко. Их некомпетентность в военных вопросах усугублялась страхом перед Сталиным, лишавшим возможности принимать самостоятельные решения.

13-го сентября немцы захватили Красногвардейск (Гатчину), 15-го ворвались в Урицк (Лигово), 17-го — в Детское Село (г. Пушкин). Но сил для одновременного ведения наступательных боев на разных участках Ленинградского фронта у немцев не хватало.

Командующий группой армий «Север» фельдмаршал Р. фон Лееб получил указание Главного управления сухопутными войсками начать с 15-го сентября отвод танков с синявинского направления,

* Ленинградский фронт выделен из Северного фронта 23.08.1941 г. Первым командующим фронтом был г.-л. М. М. Попов.

а командир 1-м воздушным флотом сообщил, что 8-й авиакорпус и основные силы 1-го авиакорпуса переводятся на другой участок *.

В ночь с 19 на 20 сентября неожиданно для противника на левый берег Невы, к Московской Дубровке, переправился батальон 576-го сп 115-й сд под командованием капитана В. П. Дубика, 20-го — батальон 638-го сп капитана В. К. Менькова и батальон 4-й бригады морской пехоты. Немецкие части, захватившие левый берег Невы, отступили за шоссе. Образовался плацдарм, получивший позднее название «Невский пяточок», известный героизмом своих защитников и невиданным количеством жертв.

20 сентября состоялся разговор Г. И. Кулика по прямому проводу с Москвой.

«Сталин: — В эти два дня, 21-го и 22-го, надо пробить брешь во фронте противника и соединиться с ленинградцами, а потом уже будет поздно. [...] Если вы еще будете запаздывать, немцы успеют превратить каждую деревню в крепость, и вам никогда не придется соединиться с ленинградцами. [...]

Кулик: — Я имел в виду перейти в наступление после прихода новых дивизий, т. к. существующие оказались недостаточными. Только вернулся из боя. Целый день шел сильный бой за взятие Синявино и за взятие Вороново [...].

Сталин: — Новые дивизии даются вам не для взятия станции Мга. Наличных сил вполне достаточно, чтобы станцию Мга взять не один раз, а дважды.

Кулик: — Докладываю, что наличными силами, без ввода новых частей, станцию Мга не взять. **За четыре дня боев у нас убыло 10 тысяч человек убитыми и ранеными (выделено мною. — И. И.).** Противник переходил несколько раз в контратаки, несмотря на губительный огонь с нашей стороны (я применял сегодня оба «РС», ввел все резервы), но успеха не имел. Поэтому я сегодня приказал закрепиться на существующих позициях, зарыться в землю, завтрашний день приводить части в порядок и влить пополнение. Повторяю, что эти четыре дня боя были очень жестокими, где перемалывалась живая сила с обеих сторон, и противник уже к концу третьего дня боя заменил побитые дивизии новыми **.

* Здесь и далее: Лееб Вильгельм Риттер фон. Дневниковые заметки и оценки обстановки в ходе двух мировых войн. — Штутгарт: Изд-во «Дойче ферлагсанштальт», 1976. Отрывки за период с 30 августа 1941 г. по 17 января 1942 г. Цит. по: Лебедев Ю. М. «По обе стороны блокадного кольца» (в переводе автора). — СПб.: Изд. Дом «Нева», 2005.

** Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. — СПб, 2004. — С. 45–46.

Ю. А. Сяков в статье «Первая Синявинская операция»^{*} считает слова маршала Кулика о «побитых немецких дивизиях» преувеличением и приводит данные командования группы армий «Север» о потерях в пехотных дивизиях на шлиссельбургско-синявинском выступе в ходе сентябрьских боев: убито офицеров — 2, рядовых — 130; ранено 13 офицеров, 554 рядовых.

Подготовка к наступлению не осталась незамеченной противником. Фельдмаршал фон Лееб записал в дневнике 20.09.41: «Противник стремится выйти с востока к Неве, чтобы отсюда совершить прорыв к окруженному городу. Это единственная для него возможность решить в свою пользу судьбу Ленинграда».

24 сентября 310-я сд с танками 122-й бригады выбила немцев из Гайтолово и вышла к р. Черной: 1-я отдельная горнострелковая бригада с танками 16-й бригады нанесла удар по правому флангу немецкой обороны из района Михалева. Защищенная с флангов, 286-я сд наступала вдоль железной дороги на Мгу и, как вспоминает комбат А. Д. Гутман, «отбила у немцев примерно семь километров территории, но дальше наступать у нас уже не было сил. Потери наши были просто колоссальными. Батальон легких танков, который нам придали для поддержки, был выбит в течение дня... Но мы уцепились на позициях в районе деревень Мишкино-Поречье и не отошли ни на шаг».

Ветераны 286-й не забыли павших однополчан и, уже в наши дни, добились установки скромного памятника на высоком берегу извилистой Нази. Его редко посещают люди: деревни Вороново и Поречье, залитые кровью их защитников, исчезли с лица земли. Но колышутся вокруг обелиска луговые травы и щебечут беззаботно птицы в надежде, что сюда никогда не вернется война...

А тогда, в осенние дни 41-го, «завоеватели жизненного пространства» были крайне озабочены возможным крушением своих дьявольских планов.

Начальник германского генштаба сухопутных войск г.-п. Ф. Гальдер записал в своем дневнике: «День 24 сентября был для ОКВ в высшей степени критическим днем. Тому причиной неудача наступления 16-й армии у Ладожского озера, где наши войска встретили серьезное контрнаступление противника, в ходе которого 8-я танковая дивизия была отброшена и сужен занимаемый нами участок на восточном берегу Невы».

Реакцией Гитлера на наше контрнаступление в направлении Синявина были, как свидетельствует Ф. Гальдер, следующие незамедлительные меры:

^{*} Военно-исторический журнал. — 2005. — № 4.

- а) доставка самолетами группе армий «Север» 20 000 мин;
- б) задержка переброски 36-й моторизованной дивизии (на ливонское направление — *И. И.*);
- в) переброска в группу «Север» двух полков парашютистов;
- г) переброска одного пехотного полка из состава группы армий «Центр» самолетами в группу армий «Север»;
- д) переброска в группу армий «Север» 72-й дивизии с запада.

«О чем все это говорит? — ставит вопрос в своей статье «Упущенная возможность»* военный историк Н. Сорокин. — О том, что первые наши контрудары с двух сторон привели к кризису в войсках противника, посеяли сомнения в их способности удержать захваченный район Мгинского выступа. [...] В пределах Шлиссельбурга, — сообщает Н. Сорокин, — немцы располагали двумя танковыми (8-я и 12-я), одной моторизованной (20-й) дивизиями и подразделениями 122 пд. С нашей стороны в данном районе действовали: на правом берегу Невы — две дивизии, на левом — одна и четыре бригады морской пехоты. 54-я армия имела три дивизии, отдельную горнострелковую бригаду, 16-ю и 122-ю тбр».

Как видим, особого недостатка наших сил не было. Только действовали они порознь и с опозданием.

20 сентября 54-я армия получила из резерва Ставки 3-ю (комдив — полковник Н. А. Гаген) и 4-ю (командир — г.-м. А. И. Андреев) гвардейские стрелковые дивизии. Численность боевого состава в каждой из них не превышала 3-х тысяч человек, которые фактически пошли на возмещение потерь в измотанных двухнедельными боями 310-й и 286-й дивизиях.

И на передовую прибывшие войска попали не сразу. Сначала они были включены в резерв армии, потом занимались маскировкой и рекогносцировкой, и только после 24 сентября поочередно вводились в сражение.

В донесениях 4-й гв. сд сказано, что 25.07 подразделения вели бой за Гонтовую Липку против двух батальонов противника и 26 сентября овладели рощей Круглой. Это название будет фигурировать в наших сводках вплоть до октября 43-го года как совершенно неприступный опорный пункт противника («Нос Венглера», как именовали его немцы по имени командира 366-го пехотного полка полковника Венглера). Но в сентябре 41-го, этот «нос» еще не был столь неприступным. Просто наше неумение закрепляться на достигнутых рубежах, несогласованность действий частей по вине армейского руководства приводили к тому, что успехи оказывались недолговечными.

* Ленинградская панорама. — 1988. — № 7. Цит. по сборнику «Ленинградская битва. 1941–1944». — СПб., 1995.

26 сентября Ставка освободила Г. И. Кулика от командования армией и включила 54А в состав Ленфронта. Управление армией было возложено «по совместительству» на начальника штаба фронта г.-л. М. С. Хозина. В тот же день в войска поступила директива Ставки ВГК № 002339 о формировании 4-й армии, для которой из 54-й изымались две дивизии и танковый батальон.

Новая армия предназначалась для удержания Киришей. Но ослабление боевого состава 54-й и отсутствие твердого руководства ее войсками никак не способствовали успеху Синявинской операции.

Наступление 3-й гвардейской дивизии на Гайтолово началось 28 сентября силами одного, 435-го, полка. Ветеран В. Стебунов вспоминает: «Линия фронта проходила через болота и торфяные топи. Окопы и землянки рыть было бесполезно: их сразу заливало водой. Приходилось под огнем врага строить валы из чахлах деревьев и земли, за ними укрываться. Ни прилечь, ни согреться у огня; спать приходилось сидя на корточках. Промокшие, голодные и злые, пошли в атаку. Девять атак отбили немцы. Затем отошли за р. Черная. С огромными потерями дивизия овладела 1-м Эстонским поселком. Дальше пробиться не удалось. За пять дней боев силы дивизии иссякли. И она была отведена с переднего края».* 29 сентября подразделения НОГ** форсировали Неву и атаковали части 96-й пд противника. 30-го была попытка высадить десант юго-восточнее Шлиссельбурга в районе Петрушино, закончившаяся неудачей.

1 октября фон Лееб отмечает: «Сегодня противник вновь атаковал в нескольких местах, однако численность атакующих в сумме не превышает батальона. Это же касается действий противника в полосе действий 39 ак (район Синявино — *сост.*)... Каждый день означает для нас выигрыш во времени, т. к. ежедневно прибывают новые подкрепления; опасность, подстерегающая нас, уменьшается».

Спустя два дня 3-я гвардейская снова наступала в направлении Мги, а 4-я гв. сд — к о. Синявинскому, но обе были остановлены минометным и артиллерийским огнем из долины р. Черная. Боевые донесения из дивизий со 2 по 8 октября свидетельствуют об ежедневных безуспешных атаках наших войск.

Ветеран 16-й танковой бригады М. Казачинский вспоминал: «Атаки в направлении Гонтовой Липки, рощи “Круглая”, Рабочего поселка № 7 (...). Фашисты сосредоточили немалую наземную и воздушную мощь против свежих советских сил. Все танкодо-

* Стебунов В. Под знаменем, овеянным славой // Волховские огни от 23.11.1988. Цит. по: Сяков Ю. А. Первая синявинская операция. — ВИЖ. № 4. — 2005.

** Невская оперативная группа, созданная 22.09.41 г. (*Сост.*)

ступные направления были под многослойным перекрестным огнем (...). Горели лесные массивы, торфяники. Горело железо танков. Казалось, вода кипела в речках Назия и Черная. Но наши танкисты сквозь удушливое пламя, через непролазные топи рвались на выручку города Ленина*».

Между тем запасы продовольствия в Ленинграде таяли с каждым днем. Хлебопекарни начали выпускать хлеб с примесью отрубей, жмыха, солодовой и соевой муки. Доставка зерна судами Ладожской флотилии от Новой Ладоги до порта Осиновец не обеспечивала потребностей города с населением в два с половиной миллиона человек. Транспорты и баржи подвергались беспрестанному налетам вражеской авиации и нередко тонули. Часть зерна поднималась со дна озера водолазами.

6 октября на запрос Ставки о положении на Ленинградском фронте Г. К. Жуков доложил, что фашистские войска понесли под Ленинградом большие потери и перешли к обороне**.

В своих мемуарах, опубликованных после войны***, Георгий Константинович придерживается того же мнения: «В начале октября разведка фронта доложила, что немцы роют землянки, утепляют блиндажи, укрепляют передний край минами и другими инженерными средствами. Разведчики сделали правильный вывод: противник готовится к зиме. Пленные подтвердили это предположение. Впервые за много дней мы реально осознали, что фронт на подступах к городу выполнил свою задачу и остановил наступление гитлеровских войск» (выделено сост.).

Такой оптимистический вывод оказался, к сожалению, ошибочным. Гитлер, — как свидетельствует фон Лееб, — еще 2 октября задумал наступательную операцию через Чудово в направлении Волховстрой—Тихвин с тем, чтобы, зайдя в тыл нашим войскам, находящимся между Волховом и Ладожским озером, окружить их и уничтожить. Для этих целей немцы получили свежие 217 и 212 пд. Вероятно, советскому командованию эти факты в то время не были известны.

В связи с осложнившейся обстановкой под Москвой Жукова 6 октября отозвали в Ставку. Командующим ЛФ был назначен г.-м. И. И. Федюнинский.

В телеграмме, направленной 12 октября Военному совету Ленфронта, Ставка требовала незамедлительно овладеть ст. Мга

* *Казачинский М.* Почти три тысячи километров с боями // Волховские огни от 08.09.1973. Цит. по: Сяков Ю. А. Первая синявинская операция (ВИЖ. № 4. 2005).

** История ЛенВО. — Воениздат, 1974.

*** *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. Т. 1. — М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1974.

и освободить железную дорогу Мга—Волховстрой. В утвержденном ею 14 октября плане наступления силами 54-й и 55-й армий указывалось: «Соединение осуществить при помощи одновременного удара с двух сторон в районе Синявино, Подгорная, Рабочий поселок № 6, Дубровка, 1-й городок».

А 16 октября немцы форсировали Волхов и начали наступление на Тихвин. «Сегодняшнее наступление 39 ак, — пишет фон Лееб, — проходит исключительно благоприятно».

20-го октября началось наступление наших войск — 2-я синявинская операция. «Для участия в ней привлекались 63 тыс. человек, 475 орудий и 97 танков. Противник имел на синявинском направлении 54 тыс. человек и 450 орудий. Наши войска атаковали вражеские позиции с востока и запада. На отдельных участках они потеснили гитлеровцев, но серьезного успеха не достигли»*.

В этот день фон Лееб записал в дневнике: «39-му АК не удалось расширить фронт наступления. Захвачены два плацдарма: южный 25×20 км и северный 15×15 км». 21 октября: «...Атаки русских под Шлиссельбургом. Войска переправляются через Неву и с востока пытаются атаковать части 227 пд».

По Неве и переправам немцы вели массированный артиллерийский и минометный огонь, не хватало переправочных средств для переброски войск, танков и орудий. Положение 54-й армии также осложнилось.

23 октября Ставка телеграфировала в Ленинград: «Не прекращая активных действий по прорыву блокады, перебросить к Тихвину две дивизии 54-й армии, а также 191-ю, 44-ю стрелковые дивизии и 6-ю бригаду морской пехоты из Ленинграда».

Усиливая тихвинскую группировку, Ставка приказывала Ленфронту не прекращать наступления на синявинском направлении, чтобы сковать здесь как можно больше сил противника.

Во Второй синявинской операции в октябре сорок первого возможностей прорвать блокаду у нас уже не было.

Судами Ладужской флотилии 191-я сд была перебросена через Ладужское озеро в район Ситомли, 44-я — к Тихвину. Отстоять Тихвин не удалось: он был сдан 8 ноября. Однако спустя месяц, 9 декабря 1941 г., в ходе упорных боев город был освобожден.

Немцы ожидали в декабре нового наступления наших войск в районе «бутылочного горла» (шлиссельбургско-синявинского выступа), но Ставка ВГК приняла решение о прорыве вражеской обороны на Волхове южнее Грузино. 17 декабря был образован Волховский фронт, 13 января 1942 г. началась Любанская на-

* Архив штаба ЛенВО, инв. № 138, стр. 94, док. 760.

ступательная операция. А на синявинском направлении стороны перешли к обороне. Фронт здесь установился по реке Назии вплоть до 27 августа 1942 года, когда началась 3-я синявинская операция, о чем будет рассказано во второй части книги.



Памятник воинам 286-й сд на берегу р. Назии

310-я вступает в бой *

В конце августа 1941 года положение под Ленинградом обострилось. 25-го числа 18-я армия немецко-фашистских войск овладела Любанью и, перехватив оперативную инициативу, начала наступление по трем направлениям: на Тосно, Мгу и Кириши. 29 августа противник захватил Тосно, к исходу следующего дня вышел на железную дорогу Мга—Кириши. Быстро продвигаясь вдоль нее, 28-й армейский корпус противника в начале сентября создал угрозу полного окружения Ленинграда на суше.

Для перехвата и задержки ударной немецкой группировки Ставка ВГК направила в состав обескровленной 48-й армии дивизию НКВД, сформированную из пограничников, и 1-ю отдельную горно-стрелковую бригаду. Не выдержав удара 20-й моторизованной, 122-й пехотной и 12-й танковой дивизий противника, наша горно-стрелковая бригада, оставив Мгу, отошла к с. Синявино. Захватив ст. Мга, 8 сентября немцы вышли на окраины г. Шлисельбурга. Началась блокада Ленинграда. Ставка предвидела это, но не успела своевременно сгруппировать войска на пути ударных соединений противника.

Только что подтянутая из резерва 310-я стрелковая дивизия полковника Замировского Н. М. (сформирована в г. Акмолинске Республики Казахстан) была включена в состав формируемой 54-й армии и брошена на прорыв замкнутого кольца блокады. Внешний деблокадный удар дивизии был нацелен на самую узкую полосу кольца. Исходный рубеж для наступления проходил по деревням Тортолово, Гайтолово, Гонтовая Липка. Эти деревеньки стояли на пологих высотах и выделялись среди обширных синявинских болот, все дороги проходили через них. Это и определило выбор направления деблокадного удара и судьбу этих деревень. Они стали впоследствии известны всей стране. Немцы назвали все сражения близ этих деревень «Синявинским Верденом».

9 сентября 310-я стрелковая дивизия с марша пошла в наступление. Левый фланг дивизии прикрывала 286-я стрелковая дивизия полковника Фетисова Ф. К., сильно поредевшая в пред-

* Главы из книги: М. Кусайнов. Тайны синявинских болот и высот. Изд-во «Сарыарка», Астана, 2004 г.

шествующих боях, правый фланг — 128-я стрелковая дивизия полковника Сергеева И. Г.

За первые два дня наступления 310-я сд вклинилась в оборону противника на 6 км (см. схему № 1). 1080-й стрелковый полк, наступавший вдоль путиловского тракта (дорога Путилово-Синявино), сбил боевое охранение немцев у деревни Апраксин Городок. Взяв деревню Гонтовая Липка к концу второго дня, полк подошел к восточной окраине Рабочего поселка № 7 (с/з «Торфяник»), но в темноте попал в огневую засаду и понес большие потери. Пришлось отойти на восточный берег реки Черная.

1082-й сп, наступая вдоль высоковольтной линии электропередач, достиг оз. Синявинское, но фланговыми ударами немцев был отрезан от основных сил дивизии и с серьезными потерями вышел из окружения тоже на восточный берег реки Черная.

1084-й сп, наступая на д. Мишкино, разгромил два батальона противника, но, увлекшись атакой, также «забыл» о прикрытии флангов и оказался в окружении. С большими потерями полк сумел пробиться к основным силам дивизии (ЦАМО, 310 сд, опись 1, дело 3, том 1, стр. 38; опись 2, дело 4, стр. 173).

Вот так проходило боевое крещение дивизии. Окрыленная удачей первого дня наступления, еще неопытная, она получила жестокий урок за тактические промахи. Однако, несмотря на серьезные потери в 310-й сд, командование 54-й армии усилило ее поредевшие ряды малочисленными полками 286-й, 128-й стрелковых дивизий и 16-й танковой бригадой и возобновило наступление — пока противник не создал прочную оборону на только что занятых высотах. Для наступления этих сил было недостаточно. Бои шли с переменным успехом и приняли затяжной характер. По существу 310-я сд вела активную оборону.

Для перехвата инициативы и выполнения главной цели — прорыва блокады — командование 54-й армии создало ударную группировку под командованием генерал-лейтенанта Антонюка (бывшего командующего расформированной 48 А). На острие удара, как и прежде, должна была наступать пополненная 310-я сд, усиленная полками 294-й сд и 122-й танковой бригадой.

На втором этапе Синявинской наступательной операции за период с 22 сентября по 12 октября 1941 года полки 310-й сд продвинулись в глубь обороны противника на 4 км и завязали тяжелые бои на восточной окраине 1-го Эстонского поселка и на северной окраине деревни Тортолово (ЦАМО, 310 с. д., опись 1, дело 12, стр. 3–5).

Как складывалась боевая обстановка у Эстонского поселка, описывается в боевых донесениях:

«310 сд с частями усиления, преодолев упорное сопротивление противника на северо-восточной и восточной окраине 1-го Эстонского поселка, находится на опушке рощи, что западнее 1 км д. Тортолово...) Противник несколько раз переходил в контрнаступление, но атаки отбиты...

1082 сп стал продвигаться вперед (...) Противник дважды пытался контратаковать и восстановить первоначальное положение, но был отбит, и полк овладел половиной 1-го Эстонского поселка» (ЦАМО, 310 сд, опись 1, дело 3, том 1, стр. 49).

«Противник к исходу дня 2.10.41 г., подтянув подкрепление, перешел в контратаку с танками (...)

1082 сп, отбив 2 контратаки противника с танками, понес потери и отошел в исходное положение.

1084 сп в результате сильного пулеметного огня понес большие потери и, оставив западную опушку рощи, занял ее северо-восточную опушку (...)

Как свидетельствуют документы ЦАМО, огромными были потери. (...)

Большого сделать обескровленные полки 310-й сд не могли, и командование 54 А дало приказ перейти к обороне. 12 октября 1941 года дивизия заняла позиции на восточном берегу р. Черная, начиная от северной окраины д. Тортолово до разбитого железобетонного моста у д. Гонтовая Липка (...)

Так неудачно завершилась 1-я Синявинская наступательная операция по прорыву блокады Ленинграда. О накале сражений можно судить по неполным цифрам потерь. Только за период боев с 8 по 26 сентября 1941 года 1084-й и 1080-й сп 310-й сд потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести 4725 человек (ЦАМО, 310 сд, опись 1, дело 3, том 1, стр. 38; опись 2, дело 4, стр. 173). На следующий день эти потери составили 583 чел. В архивных документах нет данных о потерях 1082-го сп и в целом по 310-й дивизии за октябрьские бои 1941 года. Поэтому эти цифры потерь являются далеко не полными.

294-я сд, поддерживая в наступлении и обороне 310-ю сд с 8 сентября по 16 октября 1941 года, потеряла убитыми, ранеными и пропавшими без вести 5373 чел. (ЦАМО, 294 сд, опись 1, дело 1, стр. 2). По 286-й сд данных о потерях нет.

К сожалению, в архивных документах 310-й, 286-й, 294-й и 128-й с. д. нет координат братских могил. Нет даже именных списков безвозвратных потерь за период сентябрьских и октябрьских сражений. До поры это было загадкой для нас, поисковиков. Только многолетний архивный поиск раскрыл тайну отсутствия именных списков безвозвратных потерь и, соответственно, коор-

динат братских могил. В мои руки попал акт, составленный командованием 310-й сд о потерях за период с начала вступления дивизии в сражение (ЦАМО, 310 сд, опись 2, дело 4, стр. 173), где приведены общие потери с 25.08.41 г. по 25.05.42 г. и даются объяснения отсутствия списков безвозвратных потерь на 6756 человек. Причины типичны для первого периода войны. Вот отдельные выдержки из акта: «20–22 сентября 1941 года в районе восточнее Гайтолово и Гонтовой Липки полки 1080 и 1084 находились в окружении противника, в силу трудно сложившейся обстановки были уничтожены имевшиеся в штабе 1084 сп документы по учету личного состава (...)»

В процессе боев с 9 сентября по 22 октября 1941 года в составе 54-й армии на мгинско-синявинском направлении, выполняя задачу прорыва к Ленинграду, на узком фронте было сосредоточено 5 дивизий: 310 сд, 128 сд, 294 сд, 3 и 4 гв. сд; 122 и 16 танковые бригады. Во время ожесточенных боев раненые следовали одной дорогой, на которой были расположены медсанбаты всех дивизий. Раненые проходили через другие медсанбаты так же, как и в медсанбат 310 сд попадали раненые других дивизий. Например, были дни, когда через этот медсанбат проходило 100–150 человек в день. Легкораненые самостоятельно эвакуировались в тыл, минуя все медсанбаты, а обмена списками о прошедших раненых медсанбаты не производили.

«С ноября 1941 года 1080 и 1084 полки у п. Пчева Волховского района были окружены противником, штабы полков полностью уничтожены, а с ними все документы (...)»

13 ноября 1941 года в д. Бор-Усадьбище Волховского р-на Ленинградской обл. штаб 1082 сп оказался в тылу противника. При выходе из окружения документы личного состава частично были уничтожены (...)»

Установить персональные потери по другим каким-либо документам на данное время не представляется возможным. Ввиду безнадежности персонального установления потерь 6756 человек, на 25.06.42 г. списать как безвозвратные потери и пропавшие без вести (...)»

Вот так, взяли и списали тысячи человек. А ведь такое в первые годы войны было сплошь и рядом. По далеко не полным данным, 310-я сд только в ходе первого этапа 1-й Синявинской наступательной операции с 9 по 26 сентября 1941 года потеряла убитыми, ранеными и пропавшими без вести 5408 чел., 294-я сд за период с 8 сентября по 16 октября 1941 года потеряла 5373 чел.

Именные списки безвозвратных потерь и координаты братских могил, возможно, были уничтожены штабными офицерами при

угрозе окружения либо попали в руки противника. А вероятнее всего таких списков просто не было. В пекле сражений начального периода войны, когда в бои вступали плохо обученные части и соединения, которыми командовали не имеющие боевого опыта офицеры-запасники, люди гибли сотнями. Было не до списков потерь, а тем более до захоронения погибших.

Как ни горько и больно сознавать, но и до сих пор останки бойцов и командиров лежат там, где они были скошены кинжальным огнем пулеметов при отчаянных попытках взять в лобовой атаке опорный пункт врага. После боя противник, как обычно, сбрасывал трупы советских бойцов и командиров в воронки, траншеи или заброшенные землянки, присыпая слоем земли. Делал это не из рыцарских побуждений, а в санитарных целях. Порою подобное делали и наши, потому что в грохоте ожесточенных сражений было не до похорон. Поэтому-то и находим мы, поисковики, лежащих, сидящих и даже стоящих в траншеях и окопах останки бойцов и командиров.

Вторая наступательная операция

С 12 октября 1941 года на синявинских болотах и высотах у деревень Тортолово, Гайтолово и Гонтовая Липка, по которым проходил передний край, наступило относительное затишье. Войска 54-й армии вели активную оборону, именуемую на военном языке боями местного значения.

Советское командование стремилось не только укрепить оборону своих войск, но и развернуть активные наступательные действия с целью деблокады Ленинграда. Для этого 14 октября Ленинградскому фронту было приказано подготовить и провести во второй половине октября наступательную операцию на синявинском направлении. Войска фронта должны были нанести удары силами 54-й армии с востока, а Невской оперативной группой и 55-й армией — с запада, окружить и уничтожить шлисельбургско-синявинскую группировку немецко-фашистских войск, деблокировать Ленинград и восстановить его сухопутные связи со страной.

Выполняя указания Ставки, командование фронтом решило начать Синявинскую наступательную операцию 20 октября. 54-я армия должна была, по замыслу операции, силами 3-й и 4-й гвардейских и 310-й стрелковых дивизий, 16-й и 122-й танковых бригад при поддержке двух корпусных артиллерийских полков, двух дивизионов реактивной артиллерии (М-8) и всей авиации прорвать оборону гитлеровских войск в районе Тортолово и, нанося удар на

Синявино, во взаимодействии с войсками оперативной группы восточного сектора обороны фронта и Невской оперативной группы окружить и уничтожить шлиссельбургскую группировку врага.

За сентябрь и начало октября противник сумел превратить узкую полосу, отделявшую Ленинград от страны по суше, в сильный оборонительный рубеж, состоящий из нескольких сплошных дерево-земляных заборов, поставленных на болотах. Передний край врага был хорошо прикрыт минными полями и проволочными заграждениями. Тщательно была подготовлена и система огня.

Наступление советских войск на синявинском направлении осложнялось лесисто-болотистой местностью, большим количеством рек, озер и глубокими выемками торфоразработок, заполненными болотной водой. Более или менее сносные дороги проходили по высоткам у деревень Тортолово, Гайтолово и Гонтовая Липка. Поэтому, несмотря на особенно сильную оборону этих деревень, основной удар, как и в ходе 1-й Синявинской операции, было решено нанести вдоль этих дорог.

В самый разгар подготовки операции, 16 октября, противник перешел в наступление на тихвинском направлении. Главный удар он нанес силами 39-го механизированного корпуса (8-я и 12-я танковые, 18-я и 20-я механизированные дивизии) и четырьмя дивизиями 1-го армейского корпуса. Имея значительное превосходство в людях, танках и артиллерии, противник сразу же добился заметного успеха. 20 октября оборона 52-й армии оказалась прорванной. 23 октября враг захватил Будогощ и вышел в тыл 4-й армии. Нависла реальная угроза не только над г. Тихвином, но и над коммуникациями Ленинградского фронта. И в таких невыгодных условиях 20 октября началась 2-я Синявинская наступательная операция.

Вот как в своих фронтовых дневниках описывает первый день наступления журналист А. Кондратский: «Наступление началось в полдень (...) Первыми ударили по позициям врага наши самолеты-бомбардировщики. Затем дружно открыли огонь артиллеристы, минометчики, «катюши». Тысячи бомб, снарядов, мин обрушились на головы фрицев. Все это оглушило немцев, придавило их. И вот тогда-то в наступление поднялись стрелковые полки. 1080-й и 1082-й стрелковые полки возглавил первый заместитель комдива подполковник Миликадзе (...) Наши полки ударили по врагу, засевшему в роще «Круглая». Ох, эта роща «Круглая»! Десять дней ее штурмовали гвардейцы из 4-й гвардейской стрелковой дивизии. Нанесли немцам большой урон. Сами понесли большие потери, врывались туда дважды, но роща в руках немцев до сих пор (...) Самый значительный результат сегодняшнего дня: наши

полки ворвались в Круглую рощу!» (А. Кондратский. «На подступах к Ленинграду», фронтовой дневник, книга «В боях за Родину». Казахстан, Алма-Ата, 1966 г., стр.108).

На острие наступления снова была 310-я с. д., она и действовала довольно успешно. Во втором эшелоне наступала 4-я гв. сд генерал-майора А. И. Андреева, которая должна была развить успешно начатое наступление 310-й дивизии. 286-я и 294-я сд обеспечивали наиболее опасный левый фланг наступающей дивизии. Правый фланг прикрывала 128-я сд полковника Л. Г. Сергеева, 3-я гв. сд генерал-майора Н. А. Гагена была в резерве (см. схему № 2).

В штабе 54-й армии намечали меры для усиления ударов по врагу. Но обстановка под Тихвином настолько осложнилась, что Ставка 22 октября приказала командованию Ленинградского фронта направить туда 310-ю стрелковую и 4-ю гвардейскую стрелковые дивизии и 881-й стрелковый полк. Таким образом, Сиявинская группировка была сильно ослаблена.

Об обстановке на 22 октября в своих дневниках А. Кондратский пишет: «Утром советское радио передало очередную сводку Совинформбюро. Она начиналась с похвалы воинам-милкадзевцам.

Действительно, сегодня милкадзевцы не только удерживают в своих руках рощу «Круглая», но и дальше продолжают теснить упорно обороняющегося противника. Особенно горячий бой развернулся за опорный пункт Гонтовая Липка. В полдень юртовцы (1084 сп, командир Юртов А.) ворвались в село (...)

(...) Все бойцы дивизии рвутся на соединение с ленинградцами, наступающими от Невы. Мы хорошо знали, что Невская группа советских войск не только ждет нас, но и всемерно помогает нам прорвать вражеский заслон. 310-ю от Невской группы отделяет какой-нибудь десяток километров. Наши бойцы слышат их артиллерийскую канонаду, они слышат нашу. Соединись мы — и путь в Ленинград с Большой земли был бы очищен вдоль Ладожского озера.

Но этой близкой победе не суждено было тогда сбыться. Вечером из штаба армии последовал приказ: 310-ю срочно вывести из боя и ускоренным маршем двигаться на станцию Войбокало...

23 октября (...) Что случилось? Почему в разгар успешного наступления полки выводятся из боя? Эти вопросы взволновали всех. Поползли разные слухи, даже такие: «Не измена ли?» Но приказ есть приказ. Выполняя его, бойцы 310-й сд передали свои позиции соседям, а сами отходят назад...

(...) Вечером, встретив комиссара дивизии С. Шаманина, я узнал, наконец, почему нашу дивизию вывели из боя и спешно перебрасывают на другой участок фронта.

Вражеский план прорваться к Волховстрою через Синявино, Гайтолово, Тортолово потерпел крах: здесь немцам самим пришлось обороняться. Поэтому, подтянув свежие силы (пехотный корпус и танковую дивизию), они через Грузино ударили на станцию Будогощь, чтобы, захватив затем города Тихвин и Волхов, соединиться с финнами.

Сдав отбитые у врага рубежи 3-й гв. сд, 310-я и 4-я гв. сд ускоренным марш-броском спешили к Волховстрою на перехват прорвавшейся армейской группировки противника.

Значительно ослабленная Синявинская группа войск не могла успешно продолжать начатое наступление. Встал вопрос: продолжать наступление или перейти к обороне?

Ответ на этот волновавший всех вопрос дал новый командующий 54-й армией генерал-лейтенант И. И. Федюнинский, прибывший 24 октября. Ознакомившись с обстановкой на месте, командарм поставил задачу: активизировать действия группы, т. к. противник значительные силы отвел с синявинских болот и высот под Тихвин, где у него обозначился стратегический успех. (Г. Ф. Одинцов. «Повелители огня». Военные мемуары. Л., 1980, стр. 49–50). Но, несмотря на все усилия 3-й гвардейской, 286-й и 294-й стрелковых дивизий, войска синявинской группы только на отдельных участках продвинулись на несколько сот метров. Противник стал вводить резервы, чего, к сожалению, наши сделать не могли.

28 октября 54-я армия перешла к активной обороне. 2-ю Синявинскую наступательную операцию все-таки пришлось прекратить из-за начавшегося наступления противника на Тихвин.

В связи с тем, что в исторической и мемуарной литературе до сих пор не освещены Синявинские наступательные операции осени 1941 года и, соответственно, нет анализа этих операций, я возьму на себя смелость оценить действия командования 310-й стрелковой дивизии и 54-й армии в целом при организации наступательных операций.

Несомненно, у полнокровной и «свежей», хотя и не обстрелянной, 310-й сд, перешедшей с марша в наступление, на 2-й день блокады Ленинграда был шанс выбить, еще не успевшего закрепиться противника и прорвать только что замкнутое кольцо блокады. Но, к сожалению, этого не произошло по нескольким причинам.

Во-первых, успех первых двух дней наступления 310-й сд, когда ее 1080-й и 1082-й полки вклинились в еще слабую оборону противника на 6–7 км, необходимо было развить с помощью ввода в прорыв 294-й сд, надежно прикрывая фланги.

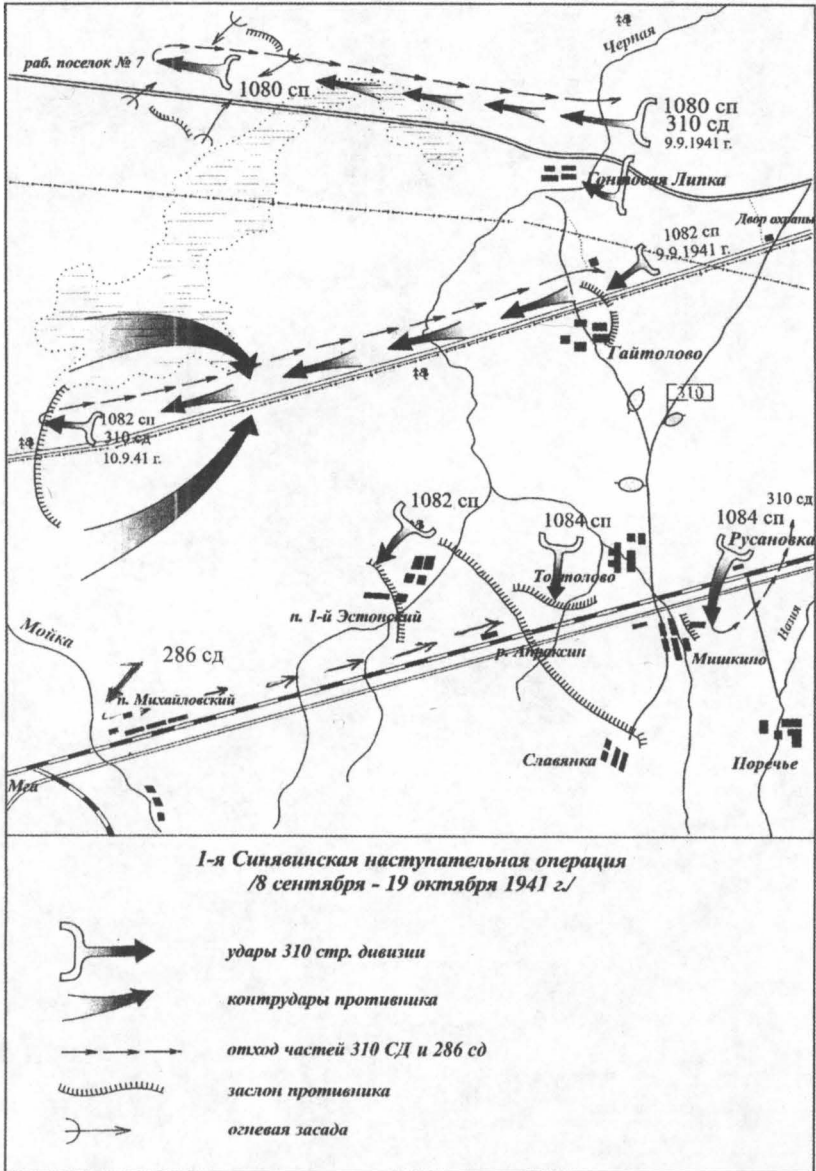
Во-вторых, командование 286-й сд, якобы прикрывавшей левый фланг наступавшей дивизии, и командование 128-й сд, обязанной прикрывать правый фланг 310-й сд, не создало подвижные группы, выдвигаемые по ходу наступления и надежно прикрывающие фланги ударных подразделений. Это сделано не было.

Противник, имеющий большой опыт и хорошо поставленную разведку, быстро понял, что командование 310-й сд и только что сформированной 54-й армии не обладает опытом наступательных сражений. Ударами в незащищенные фланги противник отрезал 1080-й и 1082-й стрелковые полки от основных сил 310-й сд. Дивизия понесла серьезные потери и, конечно, утратила наступательный порыв. В последующих сражениях командование 54-й армии вместо того, чтобы сосредоточить удар пополненной 310-й сд в одном направлении, опять распылило силы ударной группировки. Войска группы генерал-лейтенанта Антонюка завязли в ожесточенных боях у 1-го Эстонского поселка, дд. Тортолово и Гонтовая Липка. Противник в это время усилил обороняемые позиции и создал мощную систему огня артиллерии и минометов.

Полки 310-й сд и части усиления несли большие потери и уже не помышляли о наступлении. Время было упущено.

Значительно лучше была подготовлена 2-я Синявинская наступательная операция. Учитывая ошибки первой операции, командование 54-й армии выбрало одно направление удара — вдоль дороги Путилово-Синявино. Впервые применили двухэшелонное построение наступления и позаботились по-настоящему о флангах. Все это способствовало успеху. Несмотря на сильно укрепленную оборону противника в роще «Круглая», 310-я сд прорвала оборону врага и к исходу второго дня продвинулась вперед на 4 км, обеспечив условия для ввода в прорыв второго эшелона: 4-й и 3-й гвардейских стрелковых дивизий и 122-й танковой бригады. Но резкое осложнение обстановки под Тихвином не позволило завершить успешно начатую 2-ю Синявинскую наступательную операцию.

Схема № 1*



* Схемы боев выполнены А. К. Кусаиновым для книги М. К. Кусаинова «Тайны сиявинских болот и высот». Изд-во «Сарыарка», Астана, 2004 г.

Схема № 2

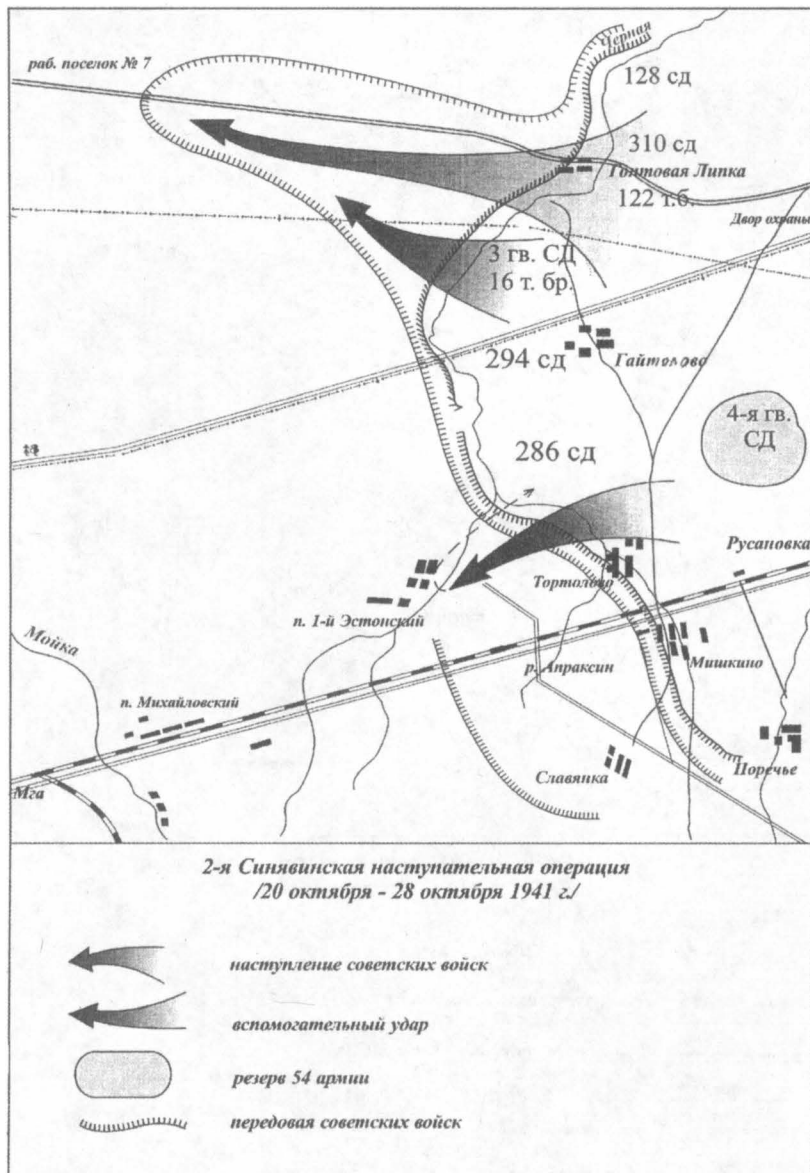
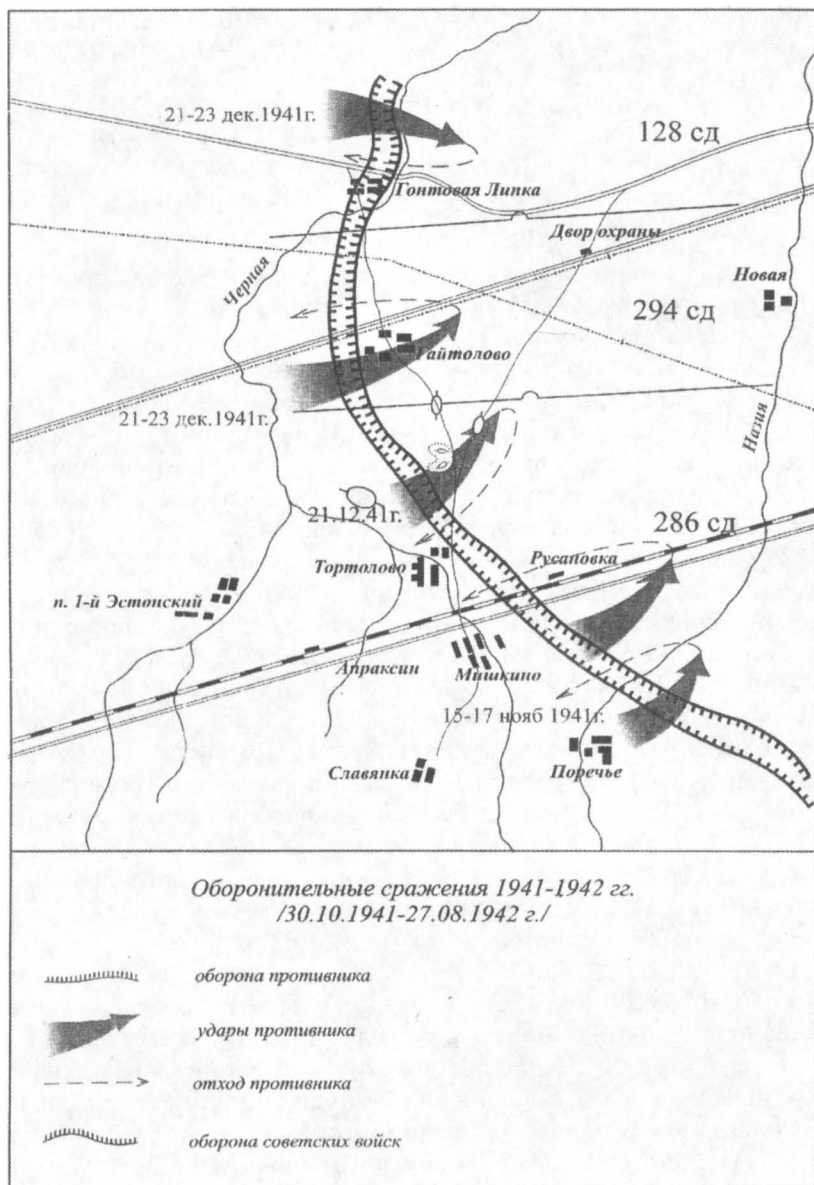


Схема № 3



Н. И. ЛЯШЕНКО,
политрук 3-й саперной роты
1080 осп ОСБ 310 сд

Герои 310-й остановили врага *

Великая Отечественная война бушевала уже сорок дней и сорок ночей, когда в начале августа 1941 года наша дивизия прибыла на железнодорожную станцию Тихвин.

Солнце клонилось к западу, но жара стояла еще нестерпимая, знойное лето, кажется, умышленно помогало врагу творить бесчинства на нашей земле.

Небольшой городок Тихвин, почти сплошь деревянный, лежал севернее станции, в нем что-то догорало, выбрасывая временами сизый дымок. Станцию и город немцы уже бомбили, о чем свидетельствовали многочисленные руины, воронки от авиабомб на железнодорожных путях, изуродованные товарные и пассажирские вагоны, стены которых были забрызганы людской кровью.

В предвидении новой бомбежки полки, части и подразделения дивизии разгружались с ходу. Только что прибывший эшелон через десять — пятнадцать минут угоняли со станции уже порожним, а наши подразделения бегом двигались на юг, в леса.

Под разгрузкой стоял последний эшелон артиллерийского полка. Все гаубицы уже были выгружены и галопом уходили к лесу. Последним разгружался зенитный дивизион, оставалось снять одну зенитную пушку и два ДШК **, когда внезапно в совершенно чистом небе на небольшой высоте появилась эскадрилья тяжелых четырехмоторных «юнкерсов». Развернувшись в боевой порядок, они начали бомбить станцию. Зенитчики мужественно продолжали разгружать свое имущество, а машинист, стремясь увести состав из-под бомбежки, принялся гонять его взад-вперед.

Но фашисты не желали упустить добычу и пытались накрыть состав своими бомбами. Видя эту безнаказанную наглость, комиссар дивизиона вскочил на платформу, сел за ДШК и ударил по «юнкерам» очередями крупнокалиберных пуль. «Юнкеры» разлетелись в разные стороны и, сбросив бомбы куда попало, стали уходить восвояси. Но один бомбардировщик отделился от эскадрильи и, развернувшись по ходу эшелона, снова зашел на бомбежку, успел сбросить на эшелон две бомбы, и в это же время по нему полоснул из ДШК комиссар. «Юнкерс» вспыхнул яркой свечой и рухнул

* Отрывок из книги Н. И. Ляшенко «Война от звонка до звонка».

** ДШК — крупнокалиберный станковый пулемет Дегтярева—Шпагина образца 1938 г.

рядом с пустым эшелонном, угрожая ему пожаром. Находившиеся в укрытиях солдаты и офицеры сбежались к месту пожара. Самолет пылал, в небо поднимался черный столб дыма, распространяя смрадный запах горящего солидола и жареного мяса, летчики не успели выбраться на парашютах и теперь горели вместе со своим «юнкерсом». А комиссар дивизиона лежал на платформе возле своего ДШК с пробитой грудью, кровь струилась по деревянному настилу вагона и, найдя щель, капала на пыльную сухую землю тихвинского вокзала.

Это была первая кровь нашей дивизии. Кровь комиссара зенитного дивизиона, героически погибшего в борьбе с врагом.

Эшелону «юнкерсы» не сумели причинить вреда, и теперь машинист смог спокойно увести состав в безопасное место.

К ночи передовые части дивизии были уже в двадцати пяти — тридцати километрах от Тихвина, а к вечеру следующего — в девяноста километрах.

Мы шли форсированным маршем днем и ночью, делая небольшие привалы для отдыха.

Дивизия двигалась и большими дорогами, и проселками, и просто сквозь лесную чащу по азимуту, и всюду навстречу нам тянулся поток беженцев. Ехали на грузовиках, подводах, шли пешком, толкая перед собой двухколесные тачки, велосипеды, нагруженные домашним скарбом, другие шли без ничего, неся на руках маленьких детей и узлы с самым необходимым. Все эти люди были утомлены и деморализованы, они торопились, стремясь как можно скорее уйти подальше от наседавших гитлеровцев.

Многие шли от самой Риги, из Эстонии, Пскова, и нигде немцы не давали покоя. Вид у людей был крайне изможденный. Слабая, они еле двигали свой ручной транспорт.

Мужчины — небритые, женщины — обветренные, почерневшие, все в пыли; грязные дети. Ведь они находились в почти непрерывном движении вот уже больше месяца. «Мы уже забыли, что такое отдых, что бывает горячая пища», — говорили нам беженцы. Они шли днем и ночью, а за ними шли многочисленные стада коров, овец, свиней. Это эвакуировались стада колхозов и совхозов.

По специальным чекам они щедро снабжали нас молоком и мясом, а овощи на покинутых полях и огородах мы добывали сами.

Встречая нас, свежую боевую силу Красной армии, беженцы улыбались, их лица освещались нескрываемой радостью и надеждой. Многие тянулись к нам, чтобы пожать руку, пожелать успеха, а иные крепко обнимали нас и горячо целовали, будто они встретили воинов, освободивших их от фашистского плена. Это нас крайне смущало: ведь мы еще ничего не совершили.

Дело было в том, что до сих пор беженцы шли одной дорогой с частями Красной армии, отходившими под напором противника, видели наших отступающих бойцов — измученных, обессиленных, подавленных и не способных к серьезному сопротивлению. Они видели это своими глазами. К тому же гитлеровская пропаганда заваливала население листовками, что Красная армия уже разбита, что Москва взята, а Сталин бежал за Урал. И вдруг они встречают боевые и хорошо вооруженные части уже похороненной гитлеровцами Красной армии, идущие навстречу врагу и готовые с ним сразиться.

Теперь мы читали на лицах беженцев радость надежды. Надежды на то, что наконец-то враг будет остановлен. Мы это чувствовали всем своим существом и мысленно давали клятву остановить врага во что бы то ни стало.

Остановились мы на каких-то лесистых холмах. Все полки и подразделения дивизии готовились к бою. Рылись окопы, ячейки, траншеи, щели, ходы сообщений. Устанавливалась связь, минировались наиболее опасные подходы. Артиллеристы оборудовали огневые и наблюдательные пункты, штабы зарывались в землю. Но, простояв несколько дней, мы не дождались противника: внезапно он изменил направление движения.

И вот мы снова в походе. Теперь мы свернули на северо-запад, к берегам Ладожского озера. По ночам над нами пролетала фашистская авиация в направлении Волховской гидроэлектростанции. Бомбардировщики летали большими эскадрильями почти непрерывно. Сменяя одна другую, они, прежде чем начать бомбардировку, сбрасывали массу долго висящих в воздухе осветительных ракет, которые мы называли «воздушными фонарями». Эти ракеты действительно представляли собой светящиеся воздушные фонари, с помощью которых летчики высматривали свою цель.

Нам, находящимся под этими фонарями, казалось, что целиться им так же легко, как ночной сове на мышей.

В двадцать два часа дивизия остановилась на привал. Не успели поужинать, как послышался гул бомбардировщиков. Над расположением пронеслось:

— Воздух! Потушить огни! Прекратить курение!

В кромешной тьме леса командиры, растопырив перед собой руки, на ощупь добивались до своих подразделений, проверяя их и наводя порядок. Замерев, мы тревожно вслушивались в приближающийся гул моторов. Вдруг наш комбат, капитан Никулин, закричал:

— Погасить папиросу! Кто там курит?!

Мы стали пристально всматриваться в темноту и тоже заметили мигающий огонек, который несмотря на приказ командира продолжал мигать.

— Прекратить курение, иначе пристрелю на месте! — зло повторил команду Никулин, выхватил из кобуры пистолет и, щелкнув верхним кожухом, поставил его на боевой взвод.

Но что за чертовщина? Огонек невозмутимо продолжал мигать, словно его и не касались угрозы командира.

— Сычев! — строго сказал комбат. — Прикажете немедленно поймать этого негодяя и привести ко мне. Я ему покажу, как сигналить вражеской авиации!

Рассыпавшись, солдаты стали окружать курильщика. Добравшись, кто-то пинком ударил его. Веером рассыпались точно такие же огоньки.

— Тьфу ты, проклятый пень! — выругался солдат и доложил: — Товарищ капитан, это гнилушка светит!

Послышался сдавленный смех.

Лежа на земле, мы с любопытством и страхом впервые наблюдали за ночной бомбежкой и действиями противовоздушной обороны. Хотя ночное небо светилось сотнями воздушных фонарей, самолетов мы не видели, они летели намного выше, и только по гулу моторов можно было определить, где они. Зато с восторгом и радостными выкриками мы наблюдали, как наши прожектористы, пронзив черноту неба лучами своих мощных машин, нацупывали вражеский бомбардировщик и вели его под снаряды наших зенитных пушек и пулеметов. Вот несколько прожекторов с разных сторон поймали немецкий самолет, и мы отчетливо видим, как он начал выкручиваться: бросал машину в одну, другую сторону, кубарем валился вниз, затем взвивался свечой — но наши крепко вцепились и не отпускали, а зенитчики тем временем посылали шквал огня. Разноцветные трассы снарядов и пуль гнались вслед за бомбардировщиком.

Вдруг совсем рядом ударило несколько пушек. Первое впечатление было будто эти пушки ударили по нам. В одно мгновение мы оказались брюхом на земле, готовые нырнуть в нее, но, увидев над собой разноцветные трассы уходивших в небо снарядов, тут же приободрились. (Потом мы узнали: это ударили зенитные батареи, охранявшие аэродром, мимо которого мы проходили.) Бомбардировщик, пойманный прожектористами, уже горел — объятый пламенем, «приземлялся», оставляя позади себя огромный светящийся шлейф. Еще два самолета догорали севернее нас, а над нами вспыхнул четвертый.

Чтобы не попасть под случайную бомбежку, так как фашистские асы часто сбрасывали бомбы, не долетая до цели, дивизия

быстро снялась и двинулась к месту назначения. Даже отойдя на большое расстояние, мы все еще наблюдали страшную иллюминацию над Волховом. Гитлеровцы бомбили город чуть ли ни каждую ночь.

И опять мы идем форсированным маршем. Днем и ночью. Усталость достигла своего апогея. Дневная жара и дорожная пыль усугубляли нашу усталость. Но нужно было спешить. Перед нами была поставлена задача упредить противника: остановить и задержать прежде, чем он развернет свои силы.

Колонны войск двигались в строгом походном порядке. Шли бодро, но без песен. За пехотой тянулись полковая артиллерия, хозчасти и санитарные роты. Артиллерийский полк и автобатальон замыкали движение. Саперный батальон и батальон связи следовали вместе со штабом дивизии.

Мы приближались к Ладожскому озеру. Позади слева осталась станция Войбокало. Во второй половине дня, когда дивизия находилась на марше в малолесистой местности, на нас неожиданно навалилось несколько эскадрилий немецкой авиации.

Казалось, до сих пор ничего более страшного в жизни я не встречал. Когда впервые видишь, как на тебя валятся со страшным свистом авиабомбы и с невероятным грохотом рвутся впереди, сбоку, за спиной — тут поистине душа уходит в пятки, а небо сворачивается в овчинку; почему-то кажется, что каждая бомба непременно метит в тебя, в твою спину или грудь. От нервного перенапряжения меня трясло как в лихорадке, но, помня рассказы летчиков, я не метался по полю, а прижимался плотно к земле и лежал на одном месте.

Но вот бомбардировщики переключились на соседнюю часть. Осмотревшись, я заметил метрах в двадцати пяти свежую воронку и быстро перекочевал в нее. Здесь уже находилось несколько солдат и офицеров, резко пахло газом сгоревшего тола, опаленные края воронки чернели свежей сажой, а из глубины ее поднимались пар и газ, как из кратера вулкана. Такие ямы образуются от полутонной бомбы.

Все обитатели воронки были бледны и находились в крайнем возбуждении, одни слегка подергивались всем корпусом, у других дергалась только голова или тряслись руки, у некоторых же только дрожали губы, к числу последних принадлежал и я. Тем большее впечатление произвел на меня старший лейтенант.

Он выглядел спокойным и даже веселым, словно бомбежка веселила в него дополнительную энергию.

Страхнув с себя пыль и грязь, он посмотрел на солдат, сидящих и лежащих в воронке с винтовками в руках, и громко спросил:

— Товарищи бойцы! Вы что же не стреляете по этим стервятникам?! Все ко мне! — И командовал: — Бронебойными патронами заряжай!

Солдаты оживились. Быстро залязгав обоймами, вставляли их в магазинные коробки, щелкали затворами и готовились к стрельбе. Старший лейтенант строго следил, кто и как заряжает винтовку. Заметив, что один солдат никак не может загнать патроны в магазинную коробку и второпях уже поранил правую руку, лейтенант тут же выхватил у него винтовку:

— Не нужно торопиться, но делать все быстро и умело. Вот как надо вставлять обойму в магазинную коробку, — он быстро и ловко нажал на верхний патрон, и все патроны, скользнув по канавкам обоймы, ровно нажали на пружину подающего механизма и плотно улеглись в коробку.

Пока старший лейтенант обучал молодого и неопытного солдата, другие, зарядив винтовки, открыли беспорядочную стрельбу по самолетам.

— Отставить одиночную стрельбу! — командовал старший лейтенант.

Повернувшись, он протянул мне взятую у солдата винтовку, которую только что зарядил, и приказал:

— Товарищ политрук, перевяжите руку бойцу и помогите ему наладить стрельбу.

Сам же, обращаясь к солдатам, снова командовал:

— Слушать мою команду! По фашистским самолетам! Бронебойными патронами, залпом! Огонь! Огонь! Огонь!

Он командовал ровно и спокойно, вместе с тем настойчиво и энергично, точно рассчитывая время, необходимое, чтобы выбросить стреляную гильзу и дослать новый патрон в канал ствола.

Пока я перевязывал руку солдата, я внимательно присматривался к старшему лейтенанту. Это был кадровый офицер средних лет. Ладно сложенный, он по-видимому имел хорошую физическую подготовку. Обмундирование и снаряжение сидели на нем плотно и красиво. Казалось, этот человек родился в офицерской форме. Сапоги начищены, каска крепко держится на голове. Темные брови нависали над открытыми и смелыми глазами. Солдаты быстро полюбили командира и точно выполняли его команды.

Отбомбившись, фашисты улетели, не потеряв ни единого самолета, а пулевые попадания, видимо, особого вреда им не принесли. Горнисты проиграли сбор. Разбежавшиеся в панике во время налета солдаты и офицеры медленно выходили на дорогу. Выбирались из кустов, вылезали из оврагов и воронок. Колонны быстро

пополнялись. Потерь в людях почти не было, если не считать нескольких раненых. В обозе потери оказались более ощутимы. Здесь было убито девять лошадей и несколько ранено.

Приведя себя в порядок, дивизия продолжила свой путь.

Ранним утром мы проходили через село Путилово. Это красивое село стоит на высоком берегу Ладожского озера. Давным-давно озеро отступило, и дно озерной чаши поросло высоким лесом. Могучие ели густыми кронами тянулись к небу, стараясь сравняться с Путиловскими высотами.

Утро было тихим и прекрасным. Свежий ветерок изредка потягивал с озера, донося до нас запах водорослей. Бледно-голубое небо было чистым и прозрачным. Солнце еще не взошло.

Мы тихо шли по широкой улице села, с горечью всматриваясь в его руины. От многих домов остались лишь обугленные печи с вытянутыми трубами.

В уцелевших домах были настежь распахнуты окна и беспрепятственно гуляли сквозняки, балуясь изорванными занавесками. И почти в каждом доме на столах стояли самовары, чайная посуда, а кровати остались неубранные.

Ни людей, ни животных. Когда и куда ушло все живое из этого села, мы не знали. Мы знали одно. Немцы зверски бомбили это мирное село таким же ранним утром, когда, ничего не подозревая, заботливые матери и добрые бабушки, согрели самовары и собрав на стол, будили свои семьи.

Боевые позиции дивизия заняла в районе села Апраксин Городок.

Местность здесь была сильно пересеченной. Густые лесные заросли и кустарник, речки, многочисленные ручьи, овраги и болота — обычный ландшафт этих мест.

Справа в синей дымке рассвета виднелся рабочий поселок Синявинских торфоразработок, а слева покрытые лесом высоты. Почва — местами песчаная, местами каменистая, иногда илистая. Весь день дивизия спешно оборудовала свои боевые позиции, и к ночи все уже были в окопах и щелях. Здесь предполагалось встретить врага.

Укладываясь на ночлег, мы с комсоргом батальона младшим политруком Мишей Бойченко забрались в одну щель. Однако уснуть в этой щели нам так и не удалось. Мелкий песок сыпался со всех сторон, при малейшем движении назойливые песчинки попадали в глаза, уши, за воротник, в рот, и, как мы ни плевались, на зубах постоянно ощущался противный хруст. Кроме того, для Миши Бойченко эта щель была явно коротка. Поворочавшись с боку на бок и вдоволь наглотавшись песку, мы с руганью выскочили

из этой ямины, расстелили плащ-палатку под низкой кроной старой ели и, безмятежно уснули.

Миша Бойченко был совсем еще молодой, даже юный детина, ростом около двух метров, широкий в плечах.

До флегматичности спокойный, он был так же медлителен и неповоротлив в деле, но всегда уравновешен и никогда не поддавался панике. Такому бы офицеру да зенитный дивизион! Кадровый офицер, он был хорошо подготовлен в военном отношении, но для комсорга не подходил никак. Никакого комсомольского задора в нем не было.

Не дождавшись противника, наша дивизия развернулась широким фронтом и двинулась на юг в предвидении встречного боя. Первыми нам встретились руководители Мгинского района Ленинградской области, метавшиеся по лесам в поисках подходящих мест для закладки партизанских баз. Однако Мгинский район вскоре оказался ареной кровопролитных боев и надолго превратился в линию фронта двух воюющих армий, где для партизанского движения не оставалось места.

Наконец, боевые части нашей дивизии обнаружили противника. Передовые части с ходу ударили по врагу, сбили с позиций и вошли в преследование. Все роты отдельного саперного батальона, в котором я служил, были распределены и приданы стрелковым полкам — в основном как минеры. Ко второй и третьей роте младший комиссар батальона политрук Коваленко направил меня и Бойченко. Мне была поручена третья саперная рота, где командиром был старший лейтенант Заболоцкий.

Напутствуя нас перед боем, комиссар сказал:

— Ну вот, товарищи, пришел и наш час. Вы идете в первый бой с ненавистным врагом. Будьте мужественными и достойными воинами нашей доблестной Красной армии!

Ответив дружным «Ура!», мы разошлись по своим полкам.

Не скажу, чтобы в этот момент меня одолевали какие-либо чувства восторга или страха, боязни смерти или желания отличиться.

Нет, об этом я не думал. В глубине сознания гнездилось чувство неизвестности. Отсутствовало полное представление о конкретных деталях войны — с чего она начинается, чем заполнен ее каждый день и каждая ночь, каждое утро и каждый вечер?

Ясно было одно: либо мы выдержим эту борьбу с фашизмом и разобьем его, либо погибнем — вопрос мог стоять только так.

* * *

Боевые части нашей дивизии успешно теснили противника и ушли далеко вперед. В поисках своего полка я вышел на господ-

ствующую высоту. Здесь скрещивались шоссейные и грунтовые дороги. Прямо на юг уходило вдаль белое шоссе, слева от него за большой ровной поляной, прилепившись к густому лесу, стояла небольшая деревня Гайтолово, а еще левее, прямо на восток, особняком на возвышенном месте расположилась богатая деревня Тортолово. С высоты далеко просматривались окрестности. На южном направлении трещали автоматы и пулеметы, хлопали одиночные выстрелы из винтовок. Временами рвались ручные гранаты, с треском разрывались ротные и батальонные мины. Артиллерия с обеих сторон молчала. Но я видел, как наши артиллеристы энергично готовят огневые позиции. Неподалеку от шоссе на опушке осинового рощи вырубали деревья перед стволами орудий, сооружали дерновые валы вокруг пушек, расчеты бегом подносили к орудиям ящики со снарядами, копали для них погреба. С правой стороны шоссе, почти рядом с кюветом, связисты тянули телефонный кабель, навешивая его прямо на сучья деревьев, а на открытых полянах укладывали кабель в вырытые канавки и маскировали кусочками дерна и мхом.

Узнав от проходивших мимо штабных офицеров, где находится искомый мною полк, я быстро спустился с высоты и зашагал по шоссе. По дороге ко мне присоединилось несколько солдат и офицеров. Навстречу, с передовой, шли первые раненые, и мы набрасывались на них с вопросами: «Ну, как немцы? Где они?» В ответ одни пожимали плечами, другие со злостью огрызались: «Догонишь, так узнаешь, как немцы!»

В воздухе показался немецкий самолет-разведчик, и мы быстро сбежали с шоссе в лес. Пройдя два-три километра лесом, мы наткнулись на брошенные немцами позиции. Это были наскоро отрытые ячейки, пулеметные точки находились просто в круглых ямах, прикрытых скорее от солнца, чем от пуль и снарядов. Никакой системы обороны не было. По небрежности и бессистемности этих «фортификаций» было ясно, что обороняться здесь немцы никак не предполагали, ведь за три года войны им почти не приходилось встречать сопротивления. Прошли еще несколько километров, и все чаще стали попадаться одиночные трупы зверски умерщвленных наших солдат, а потом и целые груды тел. Разбитые головы, рассеченные грудные клетки, выколотые глаза, вспоротые животы, а у некоторых изо рта торчали немецкие штыки. Поспешно отступая, немцы, как мы поняли, специально оставили на пути нашей армии трупы, чтобы утратить нас.

Стихийно возник митинг. Здесь я впервые во всей полноте понял и ощутил свою миссию политрука. Она рождалась как протест против этой дикой расправы над обезоруженными пленными.

Я говорил о нарушении международных конвенций и соглашений, разоблачая идеологию фашизма, ее бесчеловечность, и лица солдат постепенно становились все более суровыми. С ненавистью к захватчикам расходились люди.

Догнали мы свой полк только вечером. И тут же получили приказ командира полка: заминировать шоссе и его обочины противотанковыми минами. Ожидалась танковая атака противника. Ночью мы задание выполнили. Однако к утру пришел новый приказ: разминировать шоссе, пойдут наши танки. Обрадовавшись такому обороту дела, мы с рассветом выползли на дорогу и принялись быстро снимать мины, относя их подальше в глубь леса. На нашу раннюю работу немцы не реагировали, очевидно еще спали, и мы, потеряв осторожность, стали работать в полный рост. Перед восходом подъехали три наших танка. Приглушив моторы, они остановились. Из открытого люка переднего танка выглянул офицер:

— А где же тут немцы?

Мы ответили, что немцы где-то впереди. Посмотрев вокруг, танкист полушутя-полусерьезно произнес:

— Приехали бить немцев, а тут не то, что немцев, русских-то раз-два и обчелся. — И вдруг предложил: — Вот что, ребята, садитесь к нам и поедem искать немцев.

Столь неожиданное заманчивое предложение вначале смутило нас, в недоумении мы переглядывались: как быть? Ведь мы же саперы, да и приказа нет, хотя задание мы уже выполнили и доложили командиру. Тем временем танкист нырнул в танк и вновь появился уже с автоматом в руке. Окинув нас взглядом, крикнул:

— Политрук, вот тебе автомат! Садись позади башни и, как увидишь немцев, пали по ним из автомата, а мы их будем косить из пулеметов и бить из пушек.

Не раздумывая, я вскочил на танк, схватил автомат и стал устраиваться за башней. Командир второй роты лейтенант Сычев взобрался на второй танк, за ним последовали солдаты, и спустя несколько минут, оседлав танки, мы уже мчались по шоссе в сторону противника.

Миновав поляну, мы въехали в большой лес. Передний танк остановился. За ним остановились и два других. Вдали сквозь длинный коридор деревьев виднелась уже освещенная солнцем высотка. Плотнo прильнув к холодному металлу танков, мы напряженно всматривались в лесную чащу. Утренние сумерки и легкий туман ухудшали видимость, лес подозрительно молчал. Вдруг справа в глубине что-то зашевелилось. Я немедленно дал очередь из автомата, и тут же раздались крики немцев:

— Русс! Русс!

Спрыгнувшие с танков солдаты уже бежали в глубь леса, стреляя на ходу. Я побежал туда же. Стало светлее, и мы четко увидели, как два долговязых пруссака уходят от нас, волоча за собой труп убитого товарища, а третий возится с пулеметом, наводя на нас. Но кто-то метким выстрелом ранил немца. Он бросил пулемет и заорал на весь лес. Подбежавшие бойцы быстро схватили его, сунули кляп и потащили к танкам. Подобрал четыре автомата и пулемет, захватив двух пленных, мы вскочили на танки. Танкисты открыли огонь из всех пушек, затем быстро развернули машины и выскочили на дорогу. Из глубины леса и с обеих сторон шоссе застрочили пулеметы и автоматы. Лес загудел, защелкал, затрещал. Разбуженные немцы открыли запоздалый беспорядочный огонь.

От пленных мы узнали, что столкнулись с передовыми частями 21-й пехотной дивизии. Высадив на станцию Мга воздушный десант, гитлеровцы спешили навстречу финнам, наступавшим на Ленинград через Карельский перешеек. Однако они опоздали. На их пути уже стояла наша 310-я стрелковая дивизия.

Деревни Гайтолово и Тортолово переходили из рук в руки несколько раз. Поддерживая 1080-й полк, наша рота сосредоточилась на левом фланге полка за деревней Гайтолово в густой березовой роще. Проходя на рассвете через эту деревню, мы уже не обнаружили никакой деревни. На ее месте остались лишь голые каменные фундаменты, на которых недавно стояли дома, повсюду валялись полусгоревшие бревна да кое-где торчали разрушенные печи. Даже колодезный журавль и тот был сбит снарядом, так что воду из колодца нам пришлось черпать уже без его помощи.

Наскоро окопавшись, мы ожидали «грандиозного», как объявили немцы, наступления. 1-й взвод, с которым находились командир роты Заболоцкий и я, расположился впереди. 2-й взвод уступом влево, а 3-й уступом вправо позади нас. Почва на месте расположения первого взвода оказалась каменистой, рыть окопы было крайне трудно даже нам, саперам. К восьми часам утра удалось отрыть окопы глубиной всего лишь для стрельбы с колена, а в 8.00 — мы уже знали пунктуальность немцев — начнется бой. Приказав всем прекратить работу и укрыться в окопах, командир роты тоже залез в вырытый для него окоп, и, только я устроился рядом, как одновременно из всех видов оружия немцы открыли бешеный огонь. Затрещали пулеметы, затыркали короткие очереди автоматов, загремели залпы артиллерии и минометных батарей.

На нас посыпались ветки и зеленая листва деревьев. Инстинктивно мы плотнее прижались ко дну окопа.

Посмотрев на часы, я убедился: ровно 8.00. Какая педантичность!

Стрельба нарастала с дьявольской интенсивностью. Пули, удаляясь о ветки деревьев, трещали как полевая саранча. Разрывы мин и снарядов сливались в общий гул. Небо заволокло густыми клубами дыма, газа и пыли. Казалось, вокруг нас горят и земля, и небо.

Неожиданно появился связной командира полка с приказом немедленно заминировать опушку леса на левом фланге, который находился от нас в трехстах метрах.

— Ну, политрук, кого пошлем минировать? — обратился ко мне Заболоцкий.

— Кажется, одного взвода будет достаточно, и с этой задачей, по-моему, вполне справится взвод младшего лейтенанта Гревцева.

— Да, пожалуй, — согласился Заболоцкий. Тут же написал распоряжение командиру взвода и послал приказ со связным.

Обстановка между тем становилась все более напряженной. Со стороны противника четко слышался гул моторов, даже отдельные выкрики команд. С минуты на минуту ожидалась атака немцев. Получив приказ, Гревцев быстро снял свой взвод и бегом повел на выполнение задания. Увидев это, некоторые трусы и паникеры из соседнего стрелкового батальона, кажется, только того и ждали — сначала по одному, а затем и целыми группами они устремились к нашей роще следом за взводом Гревцева. Углядев это безобразие, я понял: через минуту то же самое может случиться и с нашим вторым взводом, через который бежала вся эта масса.

— Надо немедленно предупредить второй взвод! — прокричал я почти на ухо командиру роты. — Чтобы без приказа не отходил ни один человек, иначе взвод тоже может сняться и уйти.

— Ну и предупреждай, если тебе жизнь надоела! — с выкаченными глазами прокричал мне в лицо Заболоцкий, отвернулся, уткнувшись лицом в окопчик, и съежился, словно готовясь нырнуть в преисподнюю.

Будто плетью стегнул меня этот трусливый писк! Как ужаленный, я выскочил из окопчика и в бешенстве помчался во второй взвод, не обращая внимания на опасность.

Однако обстановка во втором взводе меня так обрадовала, что я тут же забыл и про обиду, и про Заболоцкого. Еще издали я заметил высокие брустверы синевато-зеленого грунта, извивавшиеся и уходившие в глубь рощи, и теперь увидел — я прыгнул в окоп полного профиля! К счастью, грунт здесь оказался мягким, и взвод быстро смог уйти в землю: длинные, извилистые окопы были сооружены по всем правилам инженерного искусства; огневые ячейки для пулеметов вынесены вперед, с хорошим сектором обстрела.

И сейчас политрук роты подбирал гранатометчиков по танкам, готовились связки гранат, учитывались бронебойные патроны и всем бойцам был отдан приказ надеть на винтовки штыки. Командир взвода младший лейтенант Мальченко находился в центре взвода, откуда деловито отдавал приказания работавшим солдатам. Все были бодры и активно готовились к встрече врага. Никаких следов паники или волнения.

— Ну и молодцы! — здороваясь с командиром взвода, сказал я улыбаясь.

— Рад стараться! — весело ответил Мальченко по-солдатски.

Подшли политрук Иванков и несколько солдат, отдохнувших в окопе.

— Как вы оцениваете обстановку? — спросил я политрука и взводного.

— Да как оцениваем! Готовимся вот отбивать атаки, — ответил Мальченко. — Кажется, они что-то там затевают.

Я похвалил:

— Правильно оцениваете обстановку и хорошо готовитесь.

Проинформировав комсостав дополнительно об обстановке, я заторопился в первый взвод, который первым должен встретить врага. Но, бросив взгляд вдоль окопов, заметил невероятное число людей не саперного обличья. Делая вид, будто ничего не понял, недоуменно спросил Мальченко:

— Откуда у вас столько людей?

— А вон, смотрите, еще двое бегут, — улыбаясь показал Мальченко. — Мы их всех тут задерживаем и заставляем рыть окопы. И представьте, очень охотно у нас работают.

— Да, но знаете ли вы, что их ожидает?

— Я-то знаю, — со вздохом ответил командир взвода, — а вот знают ли они?

«Какая трагедия, черт возьми!» — подумал я. Ведь по законам военного времени все они подлежат расстрелу как трусы и паникеры, самовольно оставившие свое место в бою.

— Товарищ Иванков! — обратился я к политруку. — Немедленно побеседуйте с беглецами, напомните им о воинской присяге и разъясните, что их ожидает в случае, если командование полка обнаружит их самовольный уход с боевых позиций.

— Ясно! — ответил Иванков и сразу направился к группе работавших солдат.

Между прочим, интересный был человек — командир взвода Мальченко. Все в нем было интересно. Даже его рост и сама фигура. И выглядел он по-особому: собранный и подтянутый, расторопный, деловитый, никогда не унывающий. Не лишенная ума голова плот-

но сидела на плечах. С каской он никогда не расставался, потому что голову берег и ценил превыше остальных частей тела. Правда, ценил еще глаза и руки. Зато другие части тела не ставил ни во что. В пылу горячих споров о том, какие части тела всего важнее для человека, Мальченко неизменно заявлял:

— Да пусть мне отобьет обе ноги и даже одну руку (лишиться обеих ног и обеих рук в расчеты Мальченко не входило), я и тогда буду жить и работать. На стул я заберусь, — продолжал развивать свою мысль Мальченко, — до чертежной доски достану, а проект и смету моя голова продумает до мельчайших подробностей.

Мальченко не падал духом даже в самых сложных и опасных условиях. Все задания он выполнял продуманно, без лишней суеты и торопливости, но получалось все вовремя, аккуратно и быстро. Обычная оценка таких людей — «деловой человек».

Возвратившись в первый взвод, командира роты Заболоцкого на прежнем месте я не обнаружил. Прошел по всему взводу — и опять не нашел.

Спросил у командира взвода Шаубергена, он ответил, что видел командира, когда тот вниз лицом лежал в своем окопе, а куда и когда он исчез, не видел. То же самое ответили и солдаты, к которым я обращался.

Но размышлять было некогда, а уж тем более заниматься розыском — вот-вот начнется атака противника. Срочно вызвал политука роты Иванкова, объяснил ситуацию с комроты и предложил ему временно принять на себя командование ротой.

Артиллерийский и минометный огонь немцев подтягивался все ближе и ближе; если с утра они вели огонь на отсечение, то сейчас били нам почти по ногам. Мины рвались между нами и вторым взводом. Осколки то и дело осыпали нас сверху. Все говорило о том, что приближается атака. Напряжение возрастало. И вдруг все стихло.

— Ручная пулемета, вперед! — скомандовал командир взвода Шауберген. — Приготовить граната! Стрелять по команде, залпом! Слушать моя команда! — продолжал выкрикивать взводный.

Я достал пистолет, наскоро протер его кусочком масляной тряпки, вынул из своей парусиновой сумки гранаты — в общем, тоже приготовился. Но что такое? Ждем пять, десять минут... пятнадцать... Ничего. Никакого движения в лагере противника. Раньше даже сквозь грохот стрельбы и разрывы мы четко слышали шум моторов и отдельные выкрики команд, а тут — словно все они подошли. Я вынул часы. Четверть третьего. Не сдержался и выругался:

— Тьфу ты, черт! Никак не привыкнем к их старому порядку, где уж нам до «нового»?

Мы забыли, что по старому немецкому обычаю в два часа дня все немцы, проживающие на нашей планете, обедают. Какая же — в это святое время! — может быть война?

Наши солдаты немедленно принялись за углубление окопов. Мы ведь уже пообедали час тому назад. Зазвенели кирки и лопаты, полетели за бруствер камни. Некоторые солдаты из камней выкладывали бойницы. Несколько саперов пришли углублять и наш окоп. Я вслед за Иванковым выбрался на поверхность. Работа кипела. Солдаты спешили поглубже зарыться в землю. Проходящая между работающими, я слышал веселые шутки и анекдоты.

— Вишь, у немца-то своя привычка, — говорил пожилой боец соседу, — каву (кофе) он пьет в семь часов утра, а баланду хлебает только в два часа дня. Вот и в атаку без танков не ходит: гудел, гудел да так и не осмелился. Должно быть, танк поломался, вот те и атака сорвалась. Экая народина! Войну и ту ведет по шаблону.

— А ты не тужи, — ответил ему сосед, — мы ему ету шаблону ломаем. Не может того быть, чтобы какая-то немчура могла побить нас. Этому никогда не бывать. Вот те крест! Попомни меня!

Эта наивная, святая вера русского человека в какую-то неведомую, но могучую силу меня до слез радовала и окрыляла. В этом случайно услышанном разговоре я ощущал подлинный голос Родины — ее мысли, стремление и полет. Это были и мои мысли.

Мимо нас то и дело пробегали небольшие группы солдат: возвращались в свои подразделения бойцы второго взвода. Иванков улыбнулся:

— Ага! Кажись, дошло до них!

Возвратившийся к вечеру третий взвод младшего лейтенанта Гревцева доложил об успешном минировании. Потерь взвод не имел. На вопрос, был ли во взводе командир роты Заболоцкий, все отвечали отрицательно. Неужели его ранило? Но где его могло ранить? В окопе? Не могло, потому что немцы по нашим окопам минами и снарядами еще не били. Пулевые ранения были. Были и убитые на поверхности окопов. Но всем известно, что Заболоцкий из окопа не вылезал. И все-таки, куда же он делся?

Обыскав все расположение роты и ближайшие окрестности, труп Заболоцкого мы не нашли. Вернувшись на вторые сутки в штаб батальона, мы и тут его не обнаружили. Посланный в медсанбат офицер штаба доложил, что через медсанбат Заболоцкий не проходил. В соседнее соединение Заболоцкий попасть не мог. Для этого он должен был обойти слева позиции нашего полка,

а справа позиции еще двух полков. И вот первая фамилия в нашем батальоне — старшего лейтенанта Заболоцкого — была внесена в списки без вести пропавших.

* * *

Однажды днем я шел правой стороной шоссе по хорошо проторенным тропам среди густого елового леса. Теперь здесь повсюду были предусмотрительно нарыты щели и траншеи, узлы связи укрыты в глубоких землянках, защищенных двумя-тремя накатами толстых бревен. В таких же землянках располагались и батальонные пункты медицинской помощи, возле которых стояли рессорные санитарные двуколки и скрытые в глубоких «конюшнях» лошади. Бои принимали все более затяжной характер. Немцы стремились во что бы то ни стало добиться осуществления своей цели: выйти к берегам Ладожского озера, соединиться с финнами и замкнуть мертвое кольцо вокруг Ленинграда, чтобы затем взять его измором, надругаться над ним, уничтожить, лишить наш народ памятника революции и русской культуры.

От Синявина до Мги растянулась наша дивизия. Временами нас поддерживала седьмая танковая бригада. Однако сдерживать нарастающий натиск врага становилось все труднее. И все-таки дивизия не оборонялась, а постоянно наступала. Никогда мы не отдавали инициативы в руки противника. Эта тактика командования и, в частности, комдива полковника Н. М. Замировского нам очень нравилась, хотя нам, саперам, стоила большого пота и нервов. Несмотря на то, что мы работали дни и ночи, все-таки не успевали сооружать КП и НП дивизии. Они так часто менялись, что у нас не хватало ни сил, ни времени, чтобы закончить их вовремя. Неделки мы нередко заканчивали уже в присутствии комдива, за что он отчитывал нас по всем правилам неласковой солдатской терминологии.

Комдив был человеком своеобразным. В его внешности, манерах, в мышлении как-то переплелось привнесенное издревле с современным. Он, кажется, никогда не уделял внимания своему внешнему виду, исключая бритье. Никогда не старался быть деликатным, даже в присутствии женщин. С подчиненными, даже с равными по возрасту и званию, мог быть груб до истерики. В то же время как воин и командир он был глубоко предан Родине, воинскому долгу и вкладывал в его исполнение все свое существо. Во всяком случае дивизия под его командованием дралась с львиным напором.

В тот день я шел по обочине шоссе, укрываясь от зноя в тени лесного массива. Я разыскивал свою роту. Части дивизии, разбив

наступление, успешно преследовали противника. К половине дня полковая артиллерия и обоз с боеприпасами далеко отстали от передовых частей, преследовавших врага. Полевые кухни тоже спешили догнать свои подразделения, чтобы накормить людей наваристыми щами из свежих овощей и жирной солдатской кашей с мясом, угостить любителей горячим ароматным чаем. Все это двигалось не торопясь, всяк своим путем.

Вдруг откуда-то появился командир дивизии и принялся сгонять всех на шоссе, а затем на рысях погнал вдогонку передовым частям. Достигнув речки Черная, наши части задержались на обед, приостановив преследование противника. Вот к ним-то сейчас и подтягивались вплотную наша артиллерия, обозы с боеприпасами и кухни. На узком шоссе образовался сплошной обоз длиной более километра. Расчет, конечно, был прост: на ходу пообедать, пополнить боезапасы, подтянуть артиллерию — и снова в бой. Вот тут-то и заключалась трагическая ошибка и командования полков, и самого командира дивизии. Не было учтено одно серьезное обстоятельство: противнику понадобилась столь же короткая передышка, чтобы осмотреться, привести себя в порядок и нанести контрудар.

Жаркий августовский день повернул на вторую половину. Деревья под зноем опустили листья. В воздухе дрожало раскаленное марево, ни малейшего ветерка, если б не речка поблизости, дышать было бы совершенно нечем.

И в этот момент — когда все остановилось, когда на шоссе задымилась ароматным паром кухни, а повара засуетились, разливая щи по котелкам и термосам, — вдруг загремели залпы минометных батарей противника и вокруг сгрудившихся на узком шоссе обозов, артиллерийских упряжек, кухонь и множества людей стали рваться мины.

Началась свалка.

Глубокие кюветы по обеим сторонам шоссе не давали возможности быстро развернуться, а ожидать, пока развернутся другие, никто не желал. В дело вступила безрассудная грубая физическая сила. Кто сильнее и нахальнее — тот мял, давил и опрокидывал других, не считаясь ни с чем. В кюветы полетели кухни и повозки с боеприпасами.

Артиллеристы, развернув упряжки, галопом устремлялись из зоны огня. А тем временем немецкие наблюдатели всё точнее корректировали огонь своих батарей. Видя свой просчет, командир дивизии кинулся в гущу свалки и лично принялся за вывод из-под огня полковых батарей и обоза. Все офицеры, находившиеся вблизи, бросились ему на помощь.

Пока мы разворачивались, немцы наладили точный огонь по всему шоссе. А комдив, вырвавшись из гущи обозов на простор, уже бежал по шоссе впереди всех, крича и махая руками:

— За мно-ой!

Но вот немецкая мина, просвистев над головами, разорвалась впереди комдива. Он моментально плюхнулся в пыльную лужу, но тут же вскочил и что есть силы побежал вперед, стремясь во что бы то ни стало выскочить из зоны огня. Бежал он так быстро, смешно неся впереди свой толстый живот, что едва ли быстрее мог бегать и натренированный, выносливый и сухопарый генералиссимус Суворов. Бьюсь об заклад, так бежать мог только хороший спринтер. Свистела мина — комдив падал, замирал на секунды, распластанный, ожидая взрыва, снова вскакивал, и продолжался бег. От каждого падения поднималось облако пыли. На наши призывы свернуть в лес и укрыться в щели он не обращал никакого внимания, продолжая бежать вдоль шоссе, пока не обогнал все мины и не выскочил из огня целым и невредимым.

Добежав до первого узла связи, комдив уже командовал артиллерийским полком. Успев засечь еще до появления комдива местонахождение вражеских батарей, наши артиллеристы быстро заставили их замолчать. Однако они уже успели наделать дел.

Четверка лошадей с полковой пушкой, вырвавшись на простор, галопом следовала за комдивом. Разорвавшаяся рядом мина мгновенно повалила всю четверку. Оставшаяся в живых лошадь, жалобно заржав, рванулась в сторону, вывернувшись из построения и, стоя задними ногами в кювете, зависла в хомуте. Ездовой, весь в крови, быстро спешился с убитой лошади и побежал к лесу. Я выскочил ему навстречу, на ходу доставая индивидуальные пакеты. Но, увидев раненого перед собой, растерялся, не зная, откуда начать перевязку. Кровь сочилась и текла отовсюду — из головы, с лица, по груди, из рук и ног. А он, наивно улыбаясь, как ни в чем не бывало, спокойно проговорил:

— Ну и дали же нам жару фрицы!

Я принялся его перевязывать. Забинтовал голову и стал осматривать грудь. Это был парень лет двадцати шести, невысокого роста и атлетического телосложения в звании сержанта. Широкая и хорошо развитая его грудь еще часто вздымалась от пережитого волнения, в нескольких местах на груди виднелись небольшие рваные раны, из которых сочилась кровь. Осматривая дальше, я заметил, что, пробиваясь через белье и гимнастерку, из-под правой руки течет кровь. Снял с него гимнастерку и нательную рубашку, я с ужасом увидел почти вскрытую грудь, мышцы правой руки были порваны, поэтому кровь не сочилась, а просто текла ручей-

ком. Быстро наложил на рану один, другой, третий стерильные бинты, но этого было явно недостаточно, чтобы остановить кровотечение. Попросил у стоявших рядом товарищей несколько индивидуальных пакетов, наложил еще два бинта, но кровь пробивалась и сквозь них.

— Товарищ политрук, — сказал ездовой, указывая на убитых лошадей, лежавших на середине шоссе, — вот там у меня, в вещмешке, есть индивидуальные пакеты и чистое полотенце, я его только сегодня выстирал, так вы, пожалуйста, перевяжите мне под рукой еще и полотенцем, а то у меня там что-то холодит и больно.

Выбрав паузу в минометной стрельбе, я проскочил к убитой лошади, к седлу которой был приторочен вещевой мешок, отвязал его и принес сержанту. Открыв мешок и порывшись в нем, он достал несколько индивидуальных пакетов, свое полотенце и протянул мне:

— Вот, товарищ политрук, теперь перевязывайте.

Откровенно говоря, я очень боялся, что от потери большого количества крови сержант может обессилеть и наступит шок, поэтому то и дело просил его сесть на траву, на что он всякий раз отвечал мне:

— Да вы не беспокойтесь. Если я сяду, вам же будет неудобно перевязывать, я постою.

Израсходовав одиннадцать бинтов и одно полотенце на перевязку, я тщательно осмотрел сержанта, не пропустил ли какую рану.

— Ну, кажись все, — вздохнул я и вдруг заметил торчащий на верхней его губе листок, похожий на листик акации. Я схватил его, хотел снять с лица сержанта, как вдруг мой сержант, подпрыгнув, закричал:

— Ой, что вы делаете?! Ах, как больно! — и, закрыв губы ладонью, горько замотал головой.

Присмотревшись, я убедился, что это вовсе не листик, а похожая на него тонкая металлическая пластинка, которая, пробив верхнюю губу сержанта, глубоко вонзилась между зубов. Вытащить ее без инструмента представлялось невозможным, к тому же это причинило бы нестерпимую боль человеку, и без того истекающему кровью.

— Ну вот что, братец, — сказал я сержанту, — эту пластинку у тебя могут вытащить только в медсанбате или госпитале.

— Так она мне и не мешает, — спокойно ответил сержант.

— Ну, тем лучше. А Вы дойдете сами до медсанбата? Тут не близко. Километров семь-восемь будет. Возле Путилова, знаете?

— Знаю. Проходили мы через него, — так же спокойно ответил сержант. — Ноги у меня, чувствую, целые, а то, что их маленько

поцарапало, это пустяки. Ничего, я дойду, — уверенно сказал сержант.

Он ушел, а я долго стоял и следил за ним. Но он все шел, удаляясь все дальше. Наконец он вышел на господствующую высоту и скрылся за ней.

Командир дивизии еще долго переживал свой просчет. Он даже похудел. Слишком дорого обходятся на войне ошибки.

Рано утром меня неожиданно вызвал полковой комиссар Шаманин.

Во время формирования нашей дивизии я некоторое время работал в политотделе дивизии, где и познакомился с полковым комиссаром; потом прибыли кадровые работники из штаба округа, и меня заменили.

— По вашему приказанию прибыл! — доложил я, обращаясь к комиссару.

Он в это время что-то договаривал скороговоркой командиру дивизии, махнул мне рукой, дескать, подожди. Поняв его, я тут же вышел из кабинета комдива в приемную и стал ожидать. Наконец комиссар вышел и уже на ходу заговорил:

— Вот что, товарищ политрук! Только что издан приказ о передислокации двух наших полков. 1080-й полк снимается из-под Гайтолова и переводится на позиции 1082-го, а последний должен занять позиции первого. Ваша задача: помочь командованию полков кратчайшим и наиболее скрытным путем произвести передислокацию. Местность вы знаете хорошо, в лесу ориентироваться умеете, вот я вам и поручаю эту задачу. Надеюсь, вы с ней справитесь. Работники штаба дивизии уже разошлись по полкам. Торопитесь, — подавая мне руку, сказал комиссар.

Стояло позднее августовское утро. Солнце забиралось все выше и выше, начиная припекать. Мы стояли в тени деревьев с командиром полка майором Михайловым, рядом расположилась группа офицеров соседнего полка и коновод с двумя оседланными лошадьми. Мимо нас форсированным маршем проходили части полков.

Майор Михайлов был образованным и опытным командиром. Окончив военную академию в 1936 году, он участвовал в испанских событиях, за что был награжден орденом Боевого Красного знамени. Всегда аккуратный и подтянутый, он обладал спокойной манерой оценивать обстановку даже в самых сложных ситуациях. В полку его все любили и хорошо знали.

Как жаль, что таких командиров у нас было не так уж много.

Заметив, что его полк заканчивает переход, Михайлов быстро простился с нами, вскочил на коня и галопом поскакал догонять головную колонну.

Осматривая проходящие колонны, мы старались внимательнее и точнее определить состояние людей. Несмотря на непрерывные и тяжелые бои, которые вела наша дивизия, люди, в основном, выглядели бодро и боевито, все аккуратны и подтянуты. Шли быстро, не теряя рядов и интервалов, хотя жара выжимала соль на спинах.

И сегодня мне горько. Я видел этих людей живыми, в действии, я искренне восхищался ими тогда и восхищаюсь поныне, и смею утверждать, что они совершенно не похожи на тех, какими изображают их некоторые современные писатели, драматурги, режиссеры. Как старательно, боясь упустить даже самую незначительную деталь, показывают белогвардейцев, гитлеровцев и прочих! Они, как правило, предстают культурными, подтянутыми, дисциплинированными.

Своих же, русских солдат и офицеров, непременно изобразят неряшливыми, с расстегнутыми воротниками, небритыми, без пояса, в пресловутом ватнике и обязательно в помятой пилотке. Каким же это «патриотам» пришло в голову представлять нашего мужественного и умного русского солдата этаким дурачком и растяпой! Иной раз сидишь, смотришь в кино на такого «героя» и думаешь: как же ты — такой! — смог остановить, казалось, неодолимого врага, разбить наголову да еще освободить Европу от фашизма?

Заканчивалась передислокация. Солнце стояло в зените. Жара все усиливалась. Стоя в тени, мы с штабными офицерами говорили о боеспособности каждого полка, как вдруг я заметил, что один солдат из проходившей роты минометчиков отделился от строя и бежит прямо ко мне. Не успел я опомниться, как оказался в крепких объятиях моего брата Ванюши. С трубой минометного ствола за спиной он выглядел настоящим воином.

Оказалось, мы были мобилизованы в одно и то же время, в одну и ту же дивизию, но служили в разных частях и потому ничего не знали друг о друге, пока не встретились случайно здесь, под Ленинградом.

А где сейчас еще два наших брата — Зоша и Митя? Этого ни я, ни Ваня не знали. Знали только, что Зоша служил танкистом с 1939 года где-то в г. Мары и там его захватила война. Митю же могли призвать в армию только в этом году.

Ваня до войны работал учителем в одной из сельских школ. Я уже на третьи сутки после мобилизации оказался за 350 километров от дома, в городе Акмолинске. А если учесть, что за эти первые трое суток войны была сформирована наша дивизия, для чего нам необходимо было собрать всех мобилизованных района, весь мобилизованный гужевой и автомобильный транспорт и только после этого появиться на сборном пункте, то станет понятно, почему мы

не смогли обменяться письмами и узнать о судьбе друг друга. Записав номера полевых почт и горячо простившись, мы расстались. Ваня побежал догонять свою роту, я вернулся в свою часть.

С тех пор я больше ничего о Ване не знаю, несмотря на то, что продолжал служить в той же дивизии и не один раз пытался разыскать его в списках живых, мертвых или без вести пропавших.

О младшем нашем братишке — Мите, я впоследствии узнал от мамы, что он был призван в армию во второй год войны, воевал в районе Старой Руссы и там же погиб. Зоша рассказал, что свой первый танк он подбил в первые месяцы войны, а второй на Мусфронте, спустя полтора года после лечения. Был опять ранен. Из госпиталя Зоша вышел только в 1946 году.

* * *

В районе села Апраксин Городок немцы нажимали на нас особенно яростно, стремясь захватить крайне важное для них шоссе. Сдерживая напор гитлеровцев, наши части отошли на два-три километра и окопались у подножия господствующей высоты. Однако с ходу противнику не удалось добиться своей цели, и он стал готовиться к штурму. Готовились немцы у нас на виду.

С нашей высоты хорошо просматривались все ближайшие тылы и коммуникации противника, и мы отчетливо видели, как они устанавливают минометные батареи, роют окопы и ходы сообщения, накапливают пехоту в лесном массиве. Но так как у наших артиллеристов осталось всего по одному боекомплекту снарядов, а у минометчиков и того меньше, то мы не могли оказать им серьезного противодействия. Всем было ясно, что немцы готовятся к серьезной операции. Командование дивизии готовилось дать достойный отпор врагу. И совершенно неожиданный. Узнал я об этом при почти комичных обстоятельствах.

У меня скопилось много материалов, которые необходимо было передать в политотдел дивизии. Обойдя саперные роты, разбросанные по полкам дивизии, я собрал несколько заявлений наших бойцов и командиров о вступлении в партию; кроме того, в результате бесед с каждым из них накопилось изрядное количество демографических данных, которые нужно было занести в анкеты, а бланки у меня закончились. Ко всему, я постоянно носил с собой партийные билеты погибших товарищей. В силу этих причин мне и нужно было побывать в политотделе, находившемся в районе села Путилова. Составив отчет за август месяц и список погибших коммунистов, уложил все документы в полевую сумку и отправился в тыл дивизии. Идти предстояло километров семь-восемь. Можно было сократить путь на два-три километра, если идти напрямую

лесом, но идти по нехоженному лесу одному — и тяжело, и опасно; уже были случаи, когда одиночки, даже в тылах, оказывались хорошей находкой для вражеской разведки. Потому я предпочел путь по шоссе, где было круглосуточное движение.

Через два-три километра пути меня догнала двигавшаяся на большой скорости к передовой диковинная автоколонна. Это были новейшие машины марки ГАЗ, окрашенные в защитный цвет, но вместо кузова на них громоздилось нечто странное, нависавшее над кабиной и затянутое в брезентовые чехлы. На подножках каждой машины по сторонам кабины стояло по солдату в каске. Что за команда? Вроде бы пожарники. Но зачем их черт несет на передовую, что им там делать?

Остановившись на обочине, я разглядывал проносившиеся мимо машины. Но так как они все были похожи одна на другую, мой интерес скоро пропал.

Проехав с километр, машины круто свернули в лес и, проехав метров триста-четырееста, остановились. Побуждаемый любопытством, я побежал туда, где, сгрудившись, стояла эта чудная техника. Внезапно меня окликнули:

— Стой! Пропуск!

— Какой пропуск? — машинально выпалил я.

— Назад! Уходите отсюда, товарищ политрук, — сурово предупредил меня часовой. — Идите по своим делам, мы тут и без вас обойдемся.

«Вот так пожарники», — подумал я. Тут затевается что-то интересное. Однако оставаться на виду у часовых не положено и небезопасно, поэтому я отступил в глубь леса. Увидел, как к машинам подъехало несколько легковых автомобилей, из них вышли наш комдив и группа штабных офицеров. После короткого совещания машины развернулись и выстроились длинным рядом вдоль крутого берега ручья.

Ничего не происходило, а идти мне еще пять-шесть километров. Да и есть охота. Рассчитав, что, пока дойду до тылов, там уже пообедают, я решил зайти на обед в конный обоз нашего батальона.

Конобоз располагался в лесу, в полукилометре от шоссе. Здесь под густой кроной деревьев стояли на подставках длинные деревянные корыта, возле них были привязаны лошади.

Увидев начальника конного обоза, я направился к нему, и только мы протянули друг другу руки поздороваться, как раздался ужасающий грохот с металлическим скрежетом и чудовищным ревом. Такого ошеломляющего грохота никто из нас еще не слышал.

Я волчком юркнул под корень толстого дерева. Начальник молниеносно оказался под конским корытом. А сорок лошадей,

как по команде, упали на передние ноги и плотно прижали головы к земле.

Всего несколько десятков секунд продолжался этот грохот, и так же внезапно все стихло.

Не рискуя подняться, мы переглядывались друг с другом, как бы спрашивая: ну что, кончилось? Так как грохот доносился с той стороны, где находились засекреченные машины, я сразу догадался, что именно они устроили его, и, вскочив, стремглав помчался на полянку, откуда рассчитывал посмотреть на эти загадочные машины. Подобрал полы шинели, я летел, как безумный, прыгая через пни и кочки, а за мной с криком бежал начальник конобоза:

— Товарищ политрук! Куда же вы? Успокойтесь!

Но я ничего не слышал и продолжал бежать, пока не выскочил на ту полянку, откуда все было видно. И остановился как вкопанный. На месте, где совсем недавно стояли машины, теперь высоко в небо вздымались густые ядовитые клубы дыма, пыли, пара.

«Наверно, произошел несчастный случай», — с тревогой подумал я, как видно, что-то не рассчитали и все машины взорвались и сгорели. Сняв пилотку, я минутой молчания почтил память героически погибших в катастрофе испытателей новой техники — так я рассудил.

Подбежавший начальник конобоза был сильно взволнован и почему-то пристально всматривался в меня. А я, повернувшись, вдруг увидел, как все те же загадочные машины — аккуратно зачехленные, с теми же солдатами в касках по сторонам кабин — одна за другой выезжают на шоссе и, развив бешеную скорость, скрываются из вида.

— Вот это дали концерт! Вот это сыграли! — в восхищении воскликнул я.

Занятый своими мыслями, я не замечал, что начальник конобоза, стоя возле меня, продолжал смотреть не на машины, а на меня, пока я не обратил на это внимание. Убедившись в чем-то, он торжествующе выпрямился и с улыбкой произнес:

— Ну, вот и хорошо. Кажется, все прошло благополучно.

— Да, представьте себе! А мне показалось, что все эти машины взорвались и взлетели на воздух.

— Какие машины? — недоумевающе спросил начальник.

— Да вот эти, что недавно сыграли такую страшную музыку.

— Какую музыку? О чем вы говорите? — И он снова пытливо посмотрел на меня испуганными глазами. Не найдя во мне ничего ненормального, он все же участливо спросил: — А как вы себя чувствуете?

— Хорошо. А как вы себя чувствуете? — спросил я в свою очередь.

Начальник неловко замялся, хотел что-то сказать, но, опередив его, я предложил:

— Знаете что, Семен Михайлович? Пойдемте-ка лучше обедать, а то я уже проголодался, да и времени у меня в обрез.

— Да, да! Пойдемте.

Мы вошли в просторный блиндаж с хорошим накатом, где нас встретили пожилой солдат-ординарец и старшина.

— Ну как, готов обед?

— Готов, товарищ начальник, — ответил старшина.

— Люди все поели?

— Все.

— Хорошо. Тогда подавай что там есть, — приказал начальник.

Плотно пообедав, начальник конобоза заговорил первым:

— А вы знаете, товарищ политрук, что я подумал, когда вы, ничего не сказавши, вдруг соскочили с места и побежали к шоссе?

— И что же вы подумали, Семен Михайлович? — осведомился я.

Заливаясь хохотом, он с растяжкой ответил:

— Я по-о-ду-умал, что вы от страха со-о-шли с ума-а! Ей-богу, правда! Ха-ха-ха! — и долго еще хохотал, хватаясь за живот.

Смеялись почему-то и мы. Но вот ординарец, сделав суровое лицо, сказал серьезно:

— Так ведь и было от чего рехнуться-то, Семен Михайлович. Вот, истинный господь, прожил я около пятидесяти лет на свете, но никогда не видал, чтобы скотина, вот, к примеру, наши лошади, от страха падала на колени и прижимала голову к земле, ища спасения. Да так плотно, словно человек. Это удивительно. А в самом деле, что это так сильно гремело, Семен Михайлович? — допытывался солдат. — Я еще никогда не слышал такого.

— А кто его знает, что там гремело? Только напугало нас сильно — это точно, — ответил начальник. — Может, товарищ политрук что-нибудь скажет?

Но я тоже ничего вразумительного ответить не мог, за исключением того, что видел какие-то загадочные машины, которые и навели на нас такой страх.

Лишь спустя несколько дней нам разъяснили, что на нашем фронте появились крупнокалиберные реактивные минометы, которых нет ни в одной армии мира, и что одна такая машина одновременно выпускает по врагу шестнадцать многоосколочных снарядов.

После залпа дивизиона этих машин наши отступившие части свободно вернулись на прежние позиции, не встречая сопротив-

ления. Подготовка противника к штурму была сорвана. Паника среди немцев, вызванная этим необычным минометным налетом, была такова, что оставшиеся в живых в паническом отступлении бросали не только оружие, но и раненых.

А вскоре, когда реактивные минометы стали нашим самым надежным и самым популярным, кто-то дал им романтическое имя «катюша». Кто и когда первым дал это имя новому грозному оружию остается загадкой.

Ну а те, первые услышанные нами «катюши», вселили в нас особую, уверенную надежду.

Пообедав у начальника конного обоза, я не стал задерживаться и поспешил в политотдел, чтобы засветло вернуться на КП дивизии. Справившись с делами, заторопился обратно. Вышел на шоссе — и сразу попал в переplet. Несколько эскадрилий пикирующих бомбардировщиков утюжили наш тракт, а над лесами на бредущем рыскали истребители и разведчики. Подумал: дали же им жару загадочные машины, что на их поиски бросили столько авиации. Ничего не обнаружив, бомбардировщики стали бомбить шоссе и его обочины.

Пока что они сосредоточились на лесном массиве слева от шоссе, и я, свернув с дороги, побежал направо к болоту, полагая что его-то бомбить не станут. Перепрыгивая с кочки на кочку, я бежал по болоту, одновременно наблюдая за самолетами. Редкие чахлые елочки указывали на наличие под ними более или менее твердого грунта. Но чем дальше я продвигался, тем сильнее ощущал колебание почвы, и тут увидел, что бомбардировщики разворачиваются к моему болоту. Не раздумывая, я с разбега плюхнулся на зеленый мягкий ковер. Послышался хорошо знакомый свист падающих бомб, следом — оглушающие разрывы... И тут случилось невероятное: я взлетел! После каждого взрыва меня подбрасывало высоко вверх и тут же швыряло вниз и каждую секунду я ждал, что вот-вот порвется тонкая пленка трясины и жидкая черная бездна поглотит меня.

Постепенно разрывы стали удаляться, и только теперь я заметил, что лежу на сплошном слое клюквы. Шинель, которую я нес в руках, лежала впереди вся в красных пятнах, а брюки и гимнастерка были буквально «окровавлены» клюквой.

Встав и подняв шинель, я принялся отряхиваться и обтираться, как вдруг услышал детский голосок:

— Дяденька, скалее, скалее, а то бомбить будет!

Не успел оглянуться, как надо мною взревел мотор бомбардировщика, летевшего так низко, что меня обдало горячими струями отработанных газов. Однако бомб самолет почему-то не сбросил.

Опасаясь новой бомбежки, я рывком бросился в сторону детского голоса. Пробежал метров сто пятьдесят и уже стоял на твердой земле. Огляделся и заметил детскую головку с белыми, взлохмаченными на ветру волосенками. Мальчишка лет пяти-шести стоял на крыше своей землянки и зорко наблюдал за самолетами. Он видел то, чего я видеть не мог, и потому, как настоящий солдат, пришел на помощь. И вовремя! Едва я выскочил из болота, как точно на то место, где я только что лежал, посыпались авиабомбы. Схватив мальчонку, я крепко прижал его к себе и расцеловал:

— Молодец, малыш! Ты настоящий солдат!

Подойдя к почти отвесному склону глубокого оврага, я увидел в склоне узкую щель, в глубине ее виднелись окно и деревянная дверь, которая вела в довольно просторную землянку-пещеру.

Овраг был глубокий, по его склонам рос густой кустарник, а местами возвышались даже березки и ели; каменистое дно, ровное и широкое, как автострада, покрывал тонкий слой песка, на котором не было никакой растительности. Присмотревшись, я заметил среди кустов землянки, они ярусами спускались к песчаному дну ущелья, хорошо скрытые растительностью. А на самом дне были даже небольшие дворики, в которых спокойно и важно расхаживали утки, куры и даже козы.

— Эге! Да тут целый пещерный городок, — вслух проговорил я.

— Да, дяденька, тут много насих зивет, — подтвердил мальчонка, который не отходил от меня и с детским любопытством рассматривал с ног до головы.

— А что это у тебя, дяденька, наган? — спросил, касаясь ручонкой кобуры пистолета.

— Нет, это не наган, а пистолет, — разъяснил я.

— Пишталет, — шепелявя, повторил мальчонка. — А с него можно стрелять по фасистам?

— Конечно можно.

— Вот бы мне пишталет, я бы: пуф! пуф! — всех фасистов убил.

— Фе-едя-а! — откуда-то из подземелья донесся женский голос. — Поди домой, негодный, а то я вот те!..

— Дяденька, пойдемте к нам. У нас, если гудят самолеты, так их не слысно, — настойчиво приглашал меня маленький друг.

Я последовал за ним.

Оказалось, в этом ущелье нашли свое убежище жители окрестных деревень, не успевшие эвакуироваться. Они по-фронтовому глубоко врылись в землю и чувствовали себя в безопасности.

Солнце между тем склонилось низко над лесом, бросая косые тени от верхушек деревьев. Фашистские самолеты улетели восвояси. По шоссе вновь засновали машины и подводы, одни доставляли

на передовую оружие, боеприпасы, продовольствие, другие эвакуировали раненых.

Постепенно летний зной начал спадать. Небольшие дожди стали навещать нас все чаще. Стало ветрено и прохладно. Дивизия продолжала стойко и небезуспешно драться. Ни на одном участке немцам не удалось добиться желаемого результата. Командный пункт дивизии перенесли на новое место, расположив в болотистом редколесье, некоторые землянки пришлось наращивать дерновыми стенами из-за близости грунтовых вод.

Вот на этот-то, столь неблагоустроенный КП дивизии, в начале сентября 1941 года неожиданно пожаловали маршал Григорий Иванович Кулик и командующий Ленинградским фронтом Климент Ефремович Ворошилов. Рано утром я шел со старого командного пункта на новый. На шоссе со стороны Ладожского озера показался кортеж легковых автомобилей. Он свернул с шоссе и въехал на территорию КП. Оставив пассажиров, машины тут же развернулись и уехали.

Когда я пришел на командный пункт, гости уже разошлись по штабным землянкам. В большом блиндаже комдива шел разговор, говорил Климент Ефремович.

— Ваша дивизия хорошо зарекомендовала себя в боях с эсэсовцами. Задачу остановить дальнейшее продвижение противника вы выполнили хорошо. Однако немецкое командование продолжает накапливать силы в районе вашей и соседней дивизий, надеясь выйти к берегу Ладожского озера, соединиться с финнами и замкнуть кольцо вокруг Ленинграда. Вчера они захватили разъезд Апраксин, глубоко вклинившись в нашу оборону. В связи с этим вам ставится новая задача: выбить противника из Апраксина и закрепиться на разъезде. С выполнением этой задачи будет возбуждено ходатайство перед правительством о присвоении вашей дивизии звания гвардейской. В помощь вам придается седьмая танковая бригада. Действовать следует быстро и энергично, ибо противник спешит и угрожает городу. Необходимо упредить его. А если не удастся остановить, то хотя бы максимально затруднить продвижение, оттянув время до подхода резервов.

Разъезд Апраксин не входил в зону нашей дивизии, поэтому необходимо было тянуть туда линию связи, укреплять стыки и фланги.

Сформировав ударный батальон и придав ему танковый дивизион, командование приступило к выполнению поставленной задачи. Но связисты не успевали за боевым маршем батальона, и некоторое время связь между ударным батальоном и КП дивизии отсутствовала, а радики тогда работали неважно, и передовые части

ими почти не пользовались. Только во второй половине дня было получено донесение командира ударного батальона, в котором он докладывал: разезд Апраксин взят, танкисты преследуют отступающего противника. С быстротой молнии разнеслось это радостное сообщение по дивизии. Климент Ефремович тут же отдал распоряжение срочно готовить материалы для представления дивизии к званию.

Веселое оживление отрядной волной захлестнуло командный пункт. Все куда-то бежали, торопились, готовили с нескрываемой радостью материалы на гвардейство. Прогуливаясь по КП, Климент Ефремович заметил, что нет щелей для укрытия от бомбежки, и тотчас приказал исправить положение. Почти всем саперным батальоном мы немедленно приступили к выполнению приказа наркома, и через непродолжительное время по всему КП уже виднелись свежестырятые щели, а саперы вернулись в свое расположение.

Климент Ефремович то заходил в штабную землянку, то снова выходил на улицу и прохаживался в приподнятом настроении. Внезапно он остановился и громко сказал:

— Смотрите! Вон, видите?! — И тут же подал команду: — Воздух! По щелям!

С юго-востока одна за другой шли несколько эскадрилий бомбардировщиков. Застонала земля. Завыл и затрещал окружающий лес. Дым, газ и пыль заволокли небо.

Неистовый вой сирен пикирующих бомбардировщиков сливался с ревом и грохотом взрывов. Это был первый налет на КП нашей дивизии, и, думаю, не один я понял, что навлек его на нас не кто иной, как сам товарищ Ворошилов.

Отдав распоряжение немедленно вызвать эскадрилью истребителей, Ворошилов продолжал бегать по КП, загоня всех в щели и блиндажи. По тому, как быстро прилетели и прицельно бомбили немцы, можно было безошибочно судить: их направляла чья-то опытная рука.

Появилась новая эскадрилья бомбардировщиков и снова задрожала земля. Спасаясь от налета, я прыгнул в какую-то яму или воронку. Взрыв! — и сверху посыпались земля и сучья деревьев, запорошив мне глаза и уши. Когда, протирая глаза и отряхиваясь, я поднял голову, то первого, кого увидел, — Климента Ефремовича, он стоял под раскидистой елью напротив и кому-то кричал:

— Быстрее в щель! Не бегайте во время бомбежки!

Лежа в воронке, я почти в упор разглядывал любимого наркома. Выглядел он совершенно спокойным, хотя проскальзывали и признаки напряжения. На висках из-под форменной фуражки

проглядывала седина, но это нисколько не сказывалось на его живости и энергичной подвижности. По степени активности ему можно было дать не более тридцати пяти — сорока лет, он быстро замечал все недочеты и немедленно реагировал на них. Одет он был в шинель серого сукна. Португепи плотно облегали фигуру. Казалось, природа специально одарила его внешностью военного наркома.

Наконец в небе показалась эскадрилья наших истребителей и с ходу ударила по врагу. Бомбардировщики бросились врассыпную и, не приняв боя, скрылись. Тем временем на разъезде Апраксин происходило нечто невероятное. Выбив немцев с разъезда, наши танкисты решили быстро сгонять на базу, чтобы заправиться и пополнить боезапасы, а так как день уже клонился к вечеру, то они спешили, чтобы успеть засветло возвратиться на разъезд. Но комбата в известность о своих планах танкисты не поставили.

Комбат же, видя, как стремительно на большой скорости промчались танки через разъезд, принял это за панику под давлением какой-то страшной, неведомой ему силы. Наспех прикинув: если уж танкисты не выдержали и бегут, то что он может сделать — один, без танков, со своим изрядно потрепанным и поредевшим в бою батальоном? — и, недолго думая, комбат приказал отступить. Спешно снял батальон с огневых позиций и пустился вслед за танкистами, оставив занятый — им же, с боями! — разъезд. Без приказа и без сопротивления! Просто так — бросил и ушел! Отойдя от разъезда километров пять-шесть, батальон вдруг встретил свой танковый дивизион, спешащий в обратном направлении. Только теперь командир понял свою роковую ошибку. Но было уже поздно. Когда батальон вернулся к разъезду, то был встречен сильным организованным огнем из всех видов оружия. Опомившись от неожиданного и мощного натиска нашего батальона, немцы успели вернуться и, заняв удобные позиции, оказали сильное сопротивление.

С боями, понеся дополнительно большие потери, батальон вынужден был отступить, потеряв — так бездарно! — все завоеванное. Так нелепо была утрачена завоеванная победа.

Узнав о срыве боевой задачи, Климент Ефремович весь вскипел. От негодования и ярости у него дрожали руки, тряслись щеки, в глазах сверкали молнии. Схватив со стола готовые материалы на представление, он в гневе изорвал их в клочья и отшвырнул от себя. Круто развернувшись к адъютанту, почти прокричал ему в лицо: — Немедленно! Вызвать машины! — и бегом выскочил из землянки.

Как обухом по голове, оглушила нас эта история. Мы сидели в штабной землянке и горестно поглядывали на валявшиеся по полу клочья нашей гвардейской, тишина была такая, что мы слышали дыхание друг друга.

— И какой же дурак рекомендовал этого комбата?! — вдруг возмущенно спросил начальник разведотдела дивизии капитан Демичев. — Это же бездарный и трусливый тип! Я знаю его как свои пять пальцев! — со злостью хлопнул по колену, порывисто встал и выскочил из землянки.

Негодование у всех за неудачу было настолько велико, что каждый из нас, самолично, хотел отколотить комбата, так опозорившего дивизию.

Из штабной землянки мы выходили как пришибленные. Словно черная туча опустилась на КП. Вышли все, словно ожидая, что Климент Ефремович еще раз отчитает нас за столь печальный провал операции.

Почти стемнело. Климент Ефремович молча ходил взад-вперед, заложив руки назад, лицо суровое, злое, ни на кого не глядел.

Вскоре подошли машины командующего фронтом. Маршал Г. И. Кулик отдавал последние распоряжения командиру дивизии, а Климент Ефремович молча сел в одну из машин и первым уехал с нашего КП.

* * *

Противник продолжал накапливать силы на нашем участке фронта. Очертя голову, враг рвался к Ладожскому озеру. Давление изо дня в день усиливалось, дивизия с величайшим напряжением сдерживала напор. Видя это, командование 54-й армии приняло меры к усилению позиций. Участок обороны нашей дивизии был значительно сокращен, теперь у нас появились соседи. Положение облегчилось. Но не надолго. Дело в том, что нашим правым соседом * была действительно боевая дивизия, дрались они по-гвардейски, а вот дивизия слева ** оказалась очень слабой: стоило немцам нажать, как она без особого сопротивления откатывалась на несколько километров, оголяя наш левый фланг. Уже несколько раз нам приходилось спешно перестраиваться и бить немцам во фланг, выручая эту несчастную дивизию.

В один из воскресных дней сентября на небольшой высотке, покрытой вековыми деревьями, проходило дивизионное собрание партактива. День выдался теплый, и президиум разместился за

* Имеется ввиду 128 сд п-ка И. Г. Сергеева. (Сост.)

** 286 сд п-ка Ф. К. Федисова, понесшая большие потери в предыдущих боях. (Сост.)

небольшим столом, сооруженном из досок на четырех кольях. На стол водрузили уцелевший чудом графин с хвойной болотной водой и стакан, рядом лежали бумаги докладчика и карандаш. Участники собрания разместились кто как мог.

Я тоже уселся лицом к президиуму, опершись спиной о толстый ствол большой старой ели. Подбежавший подполковник Мелкадзе Ш. И. уселся рядом.

После доклада командира дивизии «О положении на фронтах Великой Отечественной войны и задачах коммунистов дивизии» начались прения. Все выступавшие говорили страстно, давая клятву не пропустить фашистских захватчиков к берегам Ладожского озера, не допустить мертвой блокады Ленинграда.

— Ляжем костями на пути фашистов, но никогда не позволим им захватить наш славный Ленинград! — говорил политрук Зайцев, который спустя несколько дней героически погиб в одном из ожесточенных боев.

Многие выступавшие с возмущением осуждали недостойное поведение в бою нашего левого соседа. Некоторые даже предлагали ударить по этой дивизии, если она снова позволит себе несогласованное отступление. Горячий Мелкадзе закричал прямо с места:

— Кагда адна трус бежит с поля боя, ми его стрелаем! А бежит целай дивизия — ми ему не стрелаем? Какой такой парадка?!

Поступило предложение: избрать авторитетную делегацию и поручить ей немедленно пойти к левому соседу поговорить с людьми, потребовать исправления положения. (...)

Собрание закончилось хорошей деловой резолюцией.

Время шло. Бои продолжались с неослабевающей силой. И постепенно мы перестали узнавать своего левого соседа.

Его будто подменили.

Словно по чьему-то заказу немцы продолжали наваливаться именно на эту дивизию, пытаясь, как прежде, сломить ее сопротивление и обратить в бегство. Не тут-то было! Массированная артиллерийская и минометная канонада гремела непрерывно, дым и пыль круглые сутки огромным облаком стелились над левым соседом — но он упорно и мужественно отбивал все атаки противника.

Артиллерийский полк нашей дивизии решил помочь соседям — открыл интенсивный огонь по батареям противника. Сначала немцы ослабили обстрел, а затем и вовсе прекратили. Наблюдатели доложили, что фашисты спешно перебрасывают артиллерию и живую силу на наш участок фронта.

За два месяца непрерывных боев дивизия сильно поредела. Пополнения мы почти не получали. Враг вводил новые дивизии,

собранные со всей Европы. На нашем участке стали появляться австрийцы и испанцы, венгры и финны. (...)

Медсанбаты и прифронтовые госпитали не успевали обрабатывать и эвакуировать раненых в тыл. На местах скапливались сотни и тысячи раненых. Медработники, выбиваясь из сил, не отдыхая по несколько суток, самоотверженно боролись, чтобы спасти жизнь как можно большему числу раненых.

Овладев господствующей высотой левее деревни Тортолово, немцы создали серьезную угрозу коммуникациям двух наших полков. Выбить их с ходу у нас не хватило сил. Полки были настолько изрежены, а фронт настолько растянут, что нельзя было взять ни единого человека, не рискуя ослабить линию оборону.

Между тем выдворение немцев с господствующей высоты превратилось в жизненную необходимость.

Формируя боевое подразделение, комдив в качестве основы взял первую роту саперов. В ней были и шоферы, и связисты, и даже санитары. Остальных мы набирали отовсюду: из конобоза, из автовзвода и санитарного взвода, из ремонтников, а на их места вставали легкораненые и ходячие больные.

В итоге роту мы все же собрали солидную и вооружили ее винтовками, ручными пулеметами, было немного автоматов, ручные противопехотные и противотанковые гранаты, а патронов у нас всегда было много. На передовой пока было спокойно, немцы, конечно, знали наши силы и потому, имея численное превосходство, не проявляли особой озабоченности. Однажды вечером я вышел из блиндажа. Мне очень хотелось посмотреть на нашу роту, идущую теперь в бой не в качестве саперов, а как обычное стрелковое подразделение, нужно было побеседовать с ее людьми. Рота была подготовлена к бою, полностью экипирована и сейчас отдыхала; наступление назначили на четыре утра, следовательно, до подъема оставалось еще около восьми часов.

Я подошел к большому блиндажу саперов. Вся рота расположилась на воле. Солдаты лежали вокруг блиндажа серой массой и спокойно спали. Рядом, в палатке, растянутой под кудрявой елкой, мерцал слабый свет коптилки. Я заглянул внутрь. Политрук Леонтьев спал, а комроты лейтенант Юганов сидел на небольшой чурке и сортировал бумаги — одни аккуратно складывал в полевую сумку, другие рвал на мелкие кусочки и выбрасывал вон из палатки. Заметив меня, протянул:

— А-а-а, товарищ секретарь партбюро. Милости прошу.

Откинув полу, я влез в палатку. От тока воздуха коптилка сильно замигала и чуть не погасла, но Юганов успел обхватить огонек своими широкими ладонями. Услышав наш разговор

и шорох палатки, политрук сразу проснулся и сел, протирая глаза:

— Хорошо, что пришли, товарищ политрук, тут вот парторг передал мне материалы о приеме в партию, а я не успел вам отдать. Вот, возьмите, — и протянул мне большую пачку бумаг.

Просмотрев документы, я увидел, что к четырем заявлениям не хватало рекомендаций, а на двоих вступавших отсутствовали анкетные данные. Отобрав их, объяснил Леонтьеву, в чем загвоздка:

— Быстро все дооформите, пока еще есть время. Надо бы до выступления успеть!

— Понял! Есть! — политрук поспешно вышел.

В это время, закончив с бумагами, командир роты стал укладывать вещи в чемодан, будто собираясь в длительную командировку. Чувство чего-то неотвратимого сдавило горло, когда я смотрел на эти неторопливые сборы. Но сам Юганов был спокоен и по-хозяйски деловит, ничто не говорило о том, что через какие-нибудь несколько часов ему идти в бой.

Лет двадцати восьми-тридцати, Юганов был росту около двух метров, широк в плечах, судя по мускулатуре — незаурядный физкультурник. Видно, он был из северных областей — Вологодской, Кировской, может Горьковской. Это был русский человек, могучий по силе и уму. Он не курил табак, не пил, однако ел всегда с завидным аппетитом. Был вынослив, энергичен и до предела аккуратно-исполнителен. За уравновешенный характер, выдержанность и благородство его любили все окружающие.

Закончив с приведением в порядок личного хозяйства, Юганов достал чистый лист бумаги, пододвинул к себе чемодан с копилкой и молча стал что-то писать. Наступила какая-то не вовремя пришедшая тишина. Обстановку разрядил вернувшийся политрук Леонтьев.

— Парторг спит? — почему-то осведомился Юганов.

— Нет, уже бодрствует, а что?

— Да так, просто поинтересовался.

— Как люди? — продолжая писать, вновь спросил Юганов.

— Многие уже на ногах, а некоторые еще похрапывают, — ответил политрук.

Леонтьев принес материалы, полностью оформленные. Просмотрев их, я вложил все в полевую сумку и собрался уходить, но тут Юганов, закончив писать, повернулся ко мне и смущенно попросил:

— Товарищ политрук, если можете, дайте, пожалуйста, мне рекомендацию для вступления в партию. Я ведь весь у вас на виду. — И, помолчав, добавил: — А вторую рекомендацию мне,

может, Василий Михайлович даст? — он вопросительно посмотрел на политрука.

— Конечно, с удовольствием дам вам рекомендацию, товарищ Юганов. Лучше меня в дивизии вас никто не знает!

— Я тоже охотно дам вам, Иван Ефимович, свою рекомендацию, — подтвердил я.

— Ну, а в третьей, думаю, мне не откажет парторг, — обрадовано воскликнул Юганов и, вскочив, быстро вышел из палатки.

В оценке Юганова мы с политруком не расходились. Два с половиной месяца совместной жизни, учебы и боевых действий — этого срока оказалось вполне достаточно, чтобы составить полное и, я бы сказал, яркое представление о человеке. Здесь, на войне, происходила безошибочная, проверка людей.

Все мужественное, стойкое и патриотическое укреплялось, цементировалось и усиливало наше сопротивление врагу. А все трусливое и бездарное: как измена Родине, самострелы и симуляция, дезертирство и позорный плен — отсеивалось, как фильтром, самой жизнью. Юганов вернулся сияющий, с рекомендацией парторга в руках.

— Ну вот, — показывая мне рекомендацию, воскликнул Юганов, — я же говорил, что парторг мне не откажет!

Приняв рекомендации, я прочел ему свою и Леонтьева. Затем сколол все булавкой и передал политруку для обсуждения на партсобрании роты. Юганов что-то обдумывал. Может быть, он уже обдумывал план, как лучше и незаметнее для врага вывести свою роту на исходные позиции, как успешнее атаковать противника. Леонтьев молча возился в углу палатки, связывая свои вещи и чемодан в один узел.

— Теперь я попрошу вас, товарищ политрук, — обращаясь ко мне, сказал Леонтьев, — пожалуйста, проследите, чтобы наши вещи сдали в обоз, а в случае чего, переслали домашним.

— Ну, ну! — шутливо погрозил я политруку. — А кто же мои вещи будет пересылать домашним?

— А разве вы тоже с нами пойдете?

— Да, на исходные я, пожалуй, вас выведу. Время у меня еще есть.

Юганов посмотрел на часы:

— Ого! Нам пора! — И, встав во весь рост, громко позвал: — Старшина!

Выходя из палатки, мы чуть не столкнулись с разбежавшимся старшиной.

— Палатку свернуть. Мои вещи и вещи политрука отправь в обоз, завтракать будем на исходных, — распорядился командир.

На посветлевшем небосводе не было ни единой тучки. Мы по-
дошли к уже шевелившейся массе бойцов.

— Подъем! Выходи строиться! — скомандовал лейтенант.

Старшина сновал среди поднимающихся солдат, кого-то по-
торапливал, кому-то приказывал закрепить котелок, а для всех
повторял одну и ту же команду:

— Быстрей! Быстрей!

Рота была неполного состава. В ней насчитывалось всего
семьдесят-восемьдесят человек, но мы знали, что это теперь не-
малая сила. В ротах стрелковых полков не насчитывалось и сорока
бойцов, а фронт нужно было держать огромный.

Рота построена. Произвели проверку. Колонна была готова к
походу. В это время к командиру подошел парторг роты старшина
Шматенко и попросил разрешения провести короткое партийное
собрание.

— Пожалуйста! — разрешил Юганов.

— Так и вас, товарищ лейтенант, прошу на собрание. Будем
рассматривать и ваше заявление.

— А-а, ну что же, я готов. Стоять вольно! Можно покурить, —
подал команду Юганов.

— Коммунисты, ко мне! — позвал парторг.

Из строя вышло человек пятнадцать. Отойдя в сторону метров
на сто, парторг объявил партийное собрание открытым.

— Прощу назвать фамилии кандидатов на пост председателя
и секретаря.

— Шматенко и Бирзул, — предложил кто-то.

— Других предложений нет?

— Не-ет!

— Товарищи! — обратился председательствующий Шматенко
к собранию. — Накануне боя в нашу парторганизацию обратились
с заявлениями несколько товарищей с просьбой принять их в ряды
партии, и среди них командир нашей роты лейтенант Юганов Иван
Ефимович. Первым рассматриваем его заявление. — Прочитав
при свете факела заявление и сообщив анкетные данные, парторг
добавил: — Рекомендации Ивану Ефимовичу дали: политрук
товарищ Леонтьев, секретарь партбюро батальона Лященко и я.
Какие будут вопросы к товарищу Юганову?

— Да что ж спрашивать-то, ежели человек желает идти в бой
коммунистом? Разве ж можно ему перечить? — отозвался один из
участников собрания.

— Не перечить, а спросить чего-нибудь, — поправил его дру-
гой. — Вот, к примеру, вы — наш командир, так скажите, сумеем
ли мы взять эту высоту? Как вы думаете?

Не ожидая столь делового вопроса, Юганов оживился и тут же горячо ответил:

— А как же! Для чего же мы тогда идем к этой высоте? Конечно, здесь требуется не только желание, а и умение. Если коммунисты меня поддержат и поднимут дух всей роты, направят его на успешное и дружное выполнение боевой задачи, то разве сможет устоять перед нами враг?

— Правильно сказано! — загудело собрание.

— Ну, так вы, товарищ командир в нас не сомневайтесь, — выступил вперед один из собравшихся. — Рота как один пойдет за вами, это точно! Только и вы нас поддерживайте.

— Будьте, товарищи, уверены! — взволнованно и гордо воскликнул Юганов. — Я вас не подведу!

— Ну вот, теперь все ясно. Надо принять товарища командира, — предложил тот же оратор.

— Кто за то, чтобы принять в члены Коммунистической партии лейтенанта Юганова Ивана Ефимовича? — четко произнес председательствующий.

В предраассветную темноту поднялся частокол рук.

— Единогласно!

В таком же порядке были рассмотрены и другие заявления. Закончив собрание, мы все вернулись к бывшему лагерю, и колонна тут же двинулась к безымянной высоте.

Это была обыкновенная поляна, поднимавшаяся над лесом. Выглядела она как срезанная гора, которую катаклизмы земли когда-то вознесли над вершинами леса. До войны колхозники сеяли на ней хлеб, сажали картошку, выращивали овощи.

Но теперь вся она оказалась изрыта окопами, траншеями и ходами сообщений. С этой высоты были хорошо видны окрестности. С юго-запада, у самого подножия, по опушке леса проходила наша линия обороны. Сюда мы и прибыли.

Расположившись в лесу позади передовой, рота позавтракала, проверила оружие, пополнила боезапас и бесшумно рассредоточилась по самой кромке леса за передовой, откуда были видны немецкие траншеи и пулеметные гнезда. Решено было тремя группами по три-четыре человека, скрытно подползти к пулеметным гнездам противника и внезапно атаковать их.

И вот в предраассветной мгле разом двинулись все группы, каждая в своем направлении. Было строго установлено: нападение на огневые точки противника должно быть произведено одновременно. В случае преждевременного обнаружения противником одной или всех наших групп атаку не задерживать, а как можно

стремительнее атаковать, стремясь во что бы то ни стало парализовать огонь противника.

Оставив возле себя полтора-два десятка автоматчиков, всех остальных Юганов направил во главе с комвзвода, коммунистом младшим лейтенантом Лужиным, на южный край немецкой обороны с задачей: одновременно атаковать левый фланг противника и ударить в тыл фашистам.

Вершина высоты, где проходила линия обороны немцев, нами хорошо просматривались, мы видели каждое их сооружение. Немцы были лишены этого преимущества. Наше расположение скрывали лес и предутренняя мгла. Они не увидели ни нашего сосредоточения, ни наших ползущих групп. И теперь только коварная предутренняя тишина могла выдать нас.

Было около четырех часов. Слегка посветлевший восток разгорался все ярче. Появившиеся тучки потянулись к восходу, словно стремясь погасить надвигающуюся зарю. Лес глухо молчал.

Но вот на вершине что-то глухо охнуло. Затем послышалась какая-то возня. Потом выстрел! Другой!

— За мной! За Родину! За Сталина! Ур-р-а-а! — вскочив, бросился на высоту Юганов, строча из автомата.

Все автоматчики, опережая своего командира, с криками «Ура!» вихрем устремились к немецким окопам, поливая их смертоносным дождем автоматных очередей.

Одновременно на левом фланге немцев затрещала частая стрельба, захлопали резкие разрывы гранат. Ошеломленные столь неожиданным и дерзким ударом, фашисты заметались, стремясь наладить оборону. Но, услышав многоголосое и дружное «Ура!» у себя в тылу, они, как стадо баранов, панически ринулись на правый фланг, где по ним снова ударили пулеметные очереди, теперь со стороны левого фланга одного из наших полков.

При свете восходящего солнца мы осматривали отбитую у немцев безымянную высоту. Юганов тут же отдал приказ переоборудовать огневые точки в сторону противника, почистить окопы и траншеи, углубить их и оправить брустверы, подобрать брошенное оружие и боеприпасы, эвакуировать своих и немецких раненых в тыл.

Только к восьми часам немцы начали пристрелку высоты из минометов. К тому времени связь роты с КП дивизии и соседями была уже налажена. Юганов попросил артиллеристов подавить минометные батареи противника. И вскоре прибывшие артиллеристы уже выкатили три орудия почти на самую вершину высоты и вступили в поединок с несколькими минометными батареями противника. Простившись с командиром и политруком роты,

я отправился в обратный путь, на командный путь дивизии. Но, проходя мимо артиллеристов, остановился и залюбовался, с каким азартом они вели дуэль с немецкими батареями. Сначала немцы беспорядочно разбрасывали мины и снаряды по всей территории высоты, затем, когда почувствовали точный огонь нашей батареи, стали медленно нащупывать ее. Вот первая тяжелая мина ударила справа от батареи, и оба расчета кубарем скатились в щель. Но через мгновение снова оказались у своих орудий. Так — не меняя позиций, они продолжали борьбу долго, пока немцы не послали своего воздушного разведчика-корректировщика на маленьком итальянском спортивном самолете.

Желтокрылый одномоторный маленький «фиат» медленно летел на бреющем полете над вершинами деревьев. Кабина не скрывала фигуры летчика, его туловище торчало сверху. Издали казалось, что он сидит верхом на своей стрекозе.

Самолетик скрылся. И совершенно неожиданно, как вор, вновь выскользнул из-за леса. словно не замечая артиллеристов, сверкая огнем своего пулемета, он летел... прямо на меня. Я четко видел летчика: его движения, высокий оранжевый, как у мотогонщика, шлем, его большие, сверкающие на солнце очки. Однако, почувствовав редкие брызги пуль, поспешил укрыться за лежавший рядом большой валун. Не успел приземлиться, как надо мной снова затарахтел все тот же самолетик и летчик, что-то крича, швырнул в мою сторону гранату.

— Ах ты, нахал! — в свою очередь закричал я, выхватывая пистолет, и несколько раз выстрелил ему вдогонку.

Наблюдая за этим обменом любезностями, артиллеристы выскочили из своих укрытий и, пренебрегая опасностью, от души хохотали и подзадоривали меня.

К вечеру стали поступать тревожные вести. Не желая оставлять за нами высоту, враг с остервенением атаковал ее защитников. За день было отбито шесть атак. Чтобы выбить нас с высоты, немцы перебросили сюда значительную часть артиллерии. Наш артиллерийский полк тоже работал в полную силу, подавляя батареи противника и ведя ответный огонь по живой силе. Небольшая высота площадью в четыре-пять гектаров превратилась в настоящую мясорубку.

Поток раненых все нарастал. Тела убитых подбирать было некому. Да и невозможно. Над высотой весь день стоял непрерывный гул, а в небе постоянно висела черная туча из дыма и пыли. Прибывающие с поля раненые скорее походили на шахтеров, только что извлеченных из-под обвала. Пот и кровь, смешанные с грязью, довершали картину. На телах трудно было найти живое место.

Прыгая из воронки в воронку, часто меняя места и уклоняясь от многочисленных мин и снарядов, наши защитники самоотверженно отражали атаки противника.

Во время очередного массированного артиллерийского налета Юганову перебило обе ноги. Леонтьев замертво рухнул рядом. Санинструктор коммунист Сандурский бросился к Юганову, чтобы оказать ему помощь и вынести из боя, но тот грозно приказал:

— Помогите политруку, я придержу немцев, — и, перевернувшись на живот, продолжал вести огонь из автомата.

Пока Сандурский выносил тяжело раненного Леонтьева, его самого дважды ранило. Однако, оставив в безопасном месте политрука, он поспешил к Юганову.

Но было поздно: тот был уже мертв. Вынести тело командира Сандурский не смог. Истекая кровью, он успел забрать документы лейтенанта, выползти из зоны огня и потерял сознание. Его обнаружили неподалеку от вынесенного им политрука. Для обеспечения успеха гитлеровцы бросили авиацию, она бомбила все дороги к месту боя, затрудняя наше движение и помощь обороняющимся. К ночи немцы овладели высотой. Так и не удалось нам вынести тело Юганова.

Вернувшись после очередного сопровождения подкрепления, я увидел на КП дивизии несколько санитарных повозок. На одной из них лежали политрук Леонтьев, санинструктор Сандурский, боец Уразбеков и шофер Карпенко. Леонтьев все еще был без сознания, голова забинтована. Время от времени он тихо поднимал правую руку и, стиснув зубы, проводил ею по лицу. На мой голос Леонтьев не реагировал, глаз не открывал.

Подошедшая медсестра попросила не тревожить раненого. Сандурский, с хрипящим дыханием, часто останавливаясь, медленно рассказывал о трагической и геройской гибели лейтенанта Юганова.

Шофер Карпенко, у которого была по колено отбита левая нога, спокойно лежал, внимательно слушая нашу беседу с Сандурским. Потом, подтянувшись за борт, сел в угол повозки. Как всегда, лицо его было спокойно, даже бесстрастно; забинтованная культя лежала на чем-то мягком, слегка приподнятая кверху. Я перешел на его сторону повозки. Он рассказал, как потерял ногу.

— Понимаете, снаряд разорвался совсем близко. Слышу, чем-то больно ушибло левую ногу возле колена и вроде одеревенело. Гляжу, а она болтается на одной коже. Я позвал санитаря, говорю: отрезай мою отбитую ногу, потому что теперь она мне ни к чему, а только мешает ползти.

Но он испугался и не хотел резать мою кожу, а когда я крикнул на него: «Что тянешь?!» — он вынул ножницы и стал все-таки резать. Резал, резал и никак не может отрезать. Руки трясутся, ножницы выпадают. Смотрю — ну ничего у трясуна не получается! Выхватил у него ножницы и сам себе отхватил ногу! И отшвырнул подальше от злости!

Слушавший этот рассказ Сандурский не выдержал, тихо захотал, но тут же с искаженным лицом схватился за грудь и сильно закашлялся.

Откашлявшись и чуть передохнув, Сандурский тихо произнес:

— Никогда еще не встречал человека, который бы так безжалостно резал свое собственное тело.

Посмотрев на меня, Карпенко лукаво усмехнулся. Потом попросил:

— Товарищ комиссар! — Карпенко почему-то всегда так ко мне обращался, хотя и знал, что я не комиссар батальона. — Будьте добры, выполните одну мою просьбу.

— Пожалуйста, хоть две, — не зная еще, о какой просьбе идет речь, торопливо ответил я.

— Пока я доберусь до госпиталя, — продолжал Карпенко, — да пока напишу домой, письма на меня будут сюда идти. Прошу вас, не сообщайте моей жене, что мне ногу отбило.

— Хорошо, хорошо! — немедленно согласился я.

Уставив глаза вдаль, Карпенко молча о чем-то мечтал. Вдруг Карпенко повернул голову и спросил:

— Товарищ комиссар, у вас есть сахар?

Я порылся в полевой сумке:

— Да, есть.

— Дайте мне, пожалуйста, кусок сахара, а то у меня сухари есть, а сахару нет.

— Так у меня еще и сливочное масло есть, шпик, будете кушать? — предложил я Карпенко.

— Нет, — спокойно ответил он. — Я люблю сахар с хлебом или с сухарями, а если к этому, допустим, еще клубничка, земляничка или, скажем, клюква, то для меня это просто деликатес.

Удивляясь его шутливому ходу мыслей, я спросил:

— Сильно болит нога?

— Да, болит, — спокойно ответил он. — Но что поделаешь? Скорей бы в госпиталь.

И тут я ощутил горькую обиду на себя! Может, из-за меня задерживается обоз с ранеными?! Может, эти минуты кому-то из раненых будут стоить жизни?!

Рванувшись с места, я бегом бросился разыскивать медработника, ответственного за эвакуацию раненых.

— Что ж вы не отправляете раненых! — со злостью закричал я на медичку, спокойно беседующую со штабным офицером. — Ведь там же есть умирающие!

Подняв на меня удивленные глаза, она спокойно сказала:

— А что же вы прикажете из-за одного-двух всех погубить? Вы же видите, что делается, — она подняла глаза к небу. Слышен был гул и взрывы налета. — Вот стемнеет — тогда и повезу. Кроме того, вы преувеличиваете. Умирающих там нет. Я всех тщательно проверила, что вам может подтвердить товарищ майор медицинской службы, — она указала на своего собеседника.

— Да-да, безнадежных в этой партии нет, — подтвердил начальник медслужбы.

Надвигались вечерние сумерки. В небе все еще гудели фашистские самолеты. Все реже ухали пушки, рвались снаряды, но предвечерняя тишина овладевала пространством все глубже. Лошади, запряженные в санитарные повозки, мирно дремали и, подергивая ушами, лениво обмахивались хвостами. Ездовые, собравшись в кучку, сидели на траве, курили и о чем-то негромко переговаривались. Карпенко спокойно сидел в своем углу санитарной двуколки и с завидным аппетитом грыз сухари с сахаром.

Наконец, закончив свою беседу с майором, медичка вприпрыжку побежала к обозу. Ездовые подскочили, и обоз тихо тронулся в путь.

* * *

Фронт постепенно стабилизировался, хотя постоянной линии все еще не было.

Закончились осенние дожди. За ними последовали заморозки. Листва с кустарников, осин, берез густо посыпалась на землю. Подули холодные северные ветры и ночевать на воле под плащпалаткой стало уже невозможно. Тянуло в теплое убежище, страшно хотелось попариться в жаркой бане, надеть чистое белье. Но все это было только мечтой.

Блиндажей как таковых у нас фактически не было, разве что на командных пунктах полков и дивизии где-нибудь в тылах, основная же масса солдат и офицеров продолжала по-прежнему находиться в окопах, траншеях, открытых щелях. Даже мы, саперы, и то лишь изредка сооружали для себя крытые землянки. Ведь нам еще не удавалось постоять на одном месте и нескольких дней. Мы все время находились в маневренных боях.

Однажды в конце дня я шел в тыл дивизии и на знакомом месте увидел совершенно незнакомое сооружение. В неглубокой лесной

балке прямо под откосом была вырыта полупещера, над ней возвышалась широкая, сложенная из камня труба, из которой валил густой дым. В былое время это сразу привлекло бы внимание фашистской авиации, но теперь она появлялась все реже: погода стояла нелетная. Воспользовавшись обстановкой, саперы соорудили баню и теперь топили ее. Вход был завешен плащ-палатками. Я заглянул внутрь. Невысоко на четырех столбах висел дощатый потолок, пол был устлан аккуратно обтесанными жердями, и в дальнем левом углу была сооружена печь с вмонтированным в нее большим котлом; позади котла кучей был навален булыжник, сквозь который красными языками прорывалось пламя горящих под котлом дров. Словом — типичная сибирская курная баня.

— Вечером будем париться, товарищ политрук, — не без гордости доложил мне сапер, хлопотавший здесь за старшего. — Мы вот уж и веничков достали, — похвалился он, указывая на лежавшую кучу банных веников с сухой березовой листвой.

— Молодцы, — похвалил я солдат, — это вы хорошо придумали. Ну что ж, топите покрепче, попариться теперь в самый раз.

— Будьте уверены! Натопим так, что волосы будут трещать, — вновь похвастал все тот же сапер.

Пока я закончил свою работу в политотделе дивизии, наступила ночь. Возвращаться на КП дивизии было уже поздно, поэтому я зашел в хозяйственную роту, в надежде помыться в бане, поменять белье и переночевать. Взяв у старшины пару чистого белья, я побежал в баню.

Здесь мытье шло уже полным ходом. Я тоже помылся хорошенько в горячей воде, оделся в чистое, натянул свои суконные брюки — благо, более или менее приличного вида; что же касается хлопчатобумажной гимнастерки, то тут я засомневался: вся она была в темных пятнах, с белыми просоленными кругами на спине, груди, а уж у воротника просто задубелая. Взяв в руки, я долго вертел ее и думал, что же с ней делать? Надеть? — Уж больно страшная. Заменить бы. Да есть ли у старшины новые гимнастерки?

Заметив мое замешательство, один из саперов сказал:

— Товарищ политрук, оставьте гимнастерку, я постираю. К утру будет готова.

Вот, думаю, спасибо, и, недолго думая, отдал гимнастерку саперу:

— Ну хорошо, постирайте, пожалуйста, а то эдакую после бани и надеть неприятно.

Накинув на плечи шинель, я ушел в хозроту. По пути зашел на кухню, поужинал и, выпив кружку горячего чая, вернулся в землянку, где находилось командование батальона. Смотрю на них

и не понимаю: время уже двадцать четыре часа, а никто и не подумал о бане, все почему-то склонились над картой, подклеивают к ней еще листы, новый маршрут что ли прокладывают?

— В чем дело? — спрашиваю у начальника штаба.

— Как «в чем дело»? — подняв недоумевающие глаза, переспросил он. — Разве вы не знаете? Нашу дивизию снимают с этого участка фронта и перебрасывают на другой. Через два часа выступаем.

Не говоря ни слова, я опрометью выскочил из землянки и, как ужаленный, побежал к бане в надежде, что еще захвачу нестиранной свою гимнастерку. Но увы! Она висела над уже погасшей печкой — к утру, возможно, и высохнет, но ждать утра... Сняв с колышка гимнастерку, я стоял в нерешительности. Она была еще очень сырая, особенно плечи и воротник. Солдат, выстиравший гимнастерку, стоял рядом и так же озабоченно поглядывал на нее.

— Что же делать? — наконец вырвалось у меня. — Надевать? Ведь холодно, заколею в ней.

— А вы, товарищ политрук, наденьте сначала байковое белье, а ее сверху, тогда и не услышите, как она на вас высохнет, — подсказал солдат.

Перекинув через руку мокрую гимнастерку, я пошел к старшине.

— Вот видишь, какая история, — показываю ему мокрую гимнастерку. — А ведь скоро поход! Есть у тебя гимнастерки?

Усмехнувшись, старшина сказал, что гимнастерок у него нет, а вот теплое белье, кажется, есть. Покопался в одном из ящичков и достал пару новенького байкового белья. Скинув шинель, я с радостью взялся за одевание. Новое белье натянул на нательное. Сверху, как советовал сапер, надел свою мокрую гимнастерку. Гимнастерку заправил в брюки. Теперь шинель. Застегнул ее на все пуговицы, под горло, и по-зимнему подтянулся ремнем. И, наконец, поверх всего — портупея. Снаряжение плотно прижало к телу одежду, и я почувствовал себя очень хорошо.

К двум часам утра дивизия была уже на марше.

После более чем двухмесячных непрерывных боев дивизия сильно поредела и резко сократилась. Особенно пострадали стрелковые полки. Только артиллерийский полк по-прежнему представлял собой внушительную силу, так как его потери в живой силе и технике были незначительны. Выстроившись в огромную, длиной в несколько километров походную колонну, мы форсированным маршем уходили на юго-восток, оставляя большой участок фронта от Синявина до Мги, где первыми встретили и остановили врага, лишив его возможности выйти к берегам Ладожского озера и окружить Ленинград.

Наша земля

Горели кочки — торфяник и вереск,
Да рощи безветренным днем
Меркнут, неверному солнцу доверяясь,
То желтым, то алым огнем.

Здесь все, что земля берегла и растила,
Чем с детства мы жили с тобой,
Смели, искалечили тонны тротила,
Развеяли пылью слепой.

Но снова, сгорая ль,
Как факелы, в танке,
В грязи ль, под шрапнельным дождем,
Клянемся смертельной страстью атаки:
Мы с этой земли не уйдем!

Так вот она, милая Родина наша —
Болота саженный огрех,
И щепки, и торфа багровая каша,
Летящая брызгами вверх.

А там, оседа в разрывах мохнатых
Обломками бревен в траву,
Глядят, погибая, Синявина хаты,
Решетками рам за Неву.

Так вот она, даль, что в боях не затмилась,
И вся — как Отчизна, как дом,
Вот здесь, вот на этом клочке уместилась
В бессмертном величье своем!

И глохнут снаряды, в трясине прогавкав,
И катится снова «ура»
Туда, где тревожная невская чайка
Над берегом бьется с утра.

Прыжками, бегом от воронки к воронке,
Пройти сквозь клокочущий ад
Туда, где на синей, на облачной кромке
Полоской плывет Ленинград.

Кого мы увидим, кого мы там встретим
Из братьев навеки родных?
Но двое сойдутся и вспомнят о третьем,
Погибшем за встречу двоих.



Саперы сорок первого*

Я родился 22 февраля 1921 г. в с. Незавертайловка Слободзейского района Молдавской АССР. Семья у нас была типичной для крестьянства того времени – шестеро детей. Жили мы трудно, но в то время мало кому легко жилось. После окончания семилетней школы я окончил в г. Балта педагогический техникум и год отработал учителем в родном селе, хотя мечтал быть военным. Вы себе даже не представляете степень авторитета и престижа армии, которая была в то время. Наше село было пограничным, и мы постоянно имели контакт с пограничниками. Но особенно я хотел быть летчиком во многом из-за того, что у них была шикарная форма: невиданные кожаные шлемы, куртки и сапоги мехом наружу, не говоря уже об аэропланах, которые тогда казались волшебными машинами. Во время работы в школе я связался с райвоенкоматом и попросил направить меня в летное училище, если появится такая возможность, но вскоре меня вызвали и предложили вместо летного поступить в Борисовское военно-инженерное училище в Белоруссии. Я согласился и отучился там с 1938 по 1941 г. Экзаменов при поступлении не было, только медкомиссия и собеседование. Училище было большое, количественно и структурно напоминало полк, т. е. 2–2,5 тысячи людей, а еще в Ново-Борисове (пригороде Борисова) были танковое и кавалерийское училища.

Раз я остался жив, выходит, что ни разу не ошибся, и благодарю за это не только удачу, но и своих учителей. Это были высококвалифицированные специалисты, офицеры с боевым опытом гражданской войны, Хасана, Халкин-Гола, войн в Испании и с Финляндией. Например, начальник училища был удостоен звания ГСС за штурм линии Маннергейма. Нас готовили на основе боевого опыта, изучались не только успешные операции, но и неудачные. Несмотря на то, что в начале обучения я плохо говорил по-русски, все-таки окончил училище успешно и получил звание лейтенанта, а за менее успешную учебу присваивали звание младших лейтенантов.

К сожалению, я не знаю, сколько из моих сокурсников остались живы, просто мы потеряли связь. Знаю лишь, что из тех 16, кто вместе со мной попал в 294 сд, уже к сентябрю 1942 в живых осталось двое...

* Из интервью Н. Чобану, помещенному в интернете на сайте «Я помню».

Я, как и вся окружающая меня молодежь, были воспитаны в духе патриотизма, верили партии и Сталину, шли с его именем в бой. Сейчас многие говорят, что они Сталину не верили, но я таких людей не встречал. Хотя, например, у меня родную тетю, сестру отца, вместе с ее двумя детьми депортировали во время коллективизации, и об их судьбе мы ничего больше не узнали вплоть до сегодняшнего дня... Я знал об этом, но нас так воспитывали, что мы верили и не сомневались. В комсомол я вступил еще в техникуме, а в партию меня приняли в сентябре 1941 г.

О том, что приближается война мы, конечно, знали. Нам открыто говорили, что мы должны готовиться к войне, и к войне именно с гитлеровской Германией. На каждом митинге наши преподаватели подчеркивали, что скоро будет война, но никаких особых примет приближения войны в Борисове не было, шла самая обычная жизнь.

В мае 1941 я окончил училище и был направлен в 294 сд, в 565 отдельный саперный батальон на должность командира саперного взвода. Наша дивизия была укомплектована резервистами, в основном из Смоленской области, призванными на 6-ти месячные сборы. Командиры были кадровые, а сержантский состав из – резервистов. Дивизия располагалась в лесу под Липецком, офицеры жили в палатках, а солдаты в шалашах. Из нашего училища в эту дивизию было направлено 16 человек. Мы жили дружной командой в одной палатке. У ребят возникла идея отметить окончание училища.

Организацию пикника поручили самому опытному и старшему по возрасту лейтенанту Дерешеву. Пикник решили провести на красивом острове посреди р. Воронеж, ниже Липецкого металлургического завода. Заготовили закуски, шампанское. С помощью знакомой девушки пригласили весь ее выпускной класс. Праздник начался вечером 21 июня и продолжался до утра 22 июня. Шампанское лилось рекой, я кстати, тогда его первый раз попробовал. Казалось, что веселится весь город – такой был шум и радостный хохот. Такого веселого и красиво оформленного кострами праздника я больше не видел за всю свою долгую жизнь.

Утром, переправившись на берег, мы шли по городу шумной ватагой. Горожане смотрели на нас с удивлением и осуждением. Мы еще не знали, что началась война, поэтому нас удивляло их недружелюбие. Мы поняли все только тогда, когда шедшая нам навстречу женщина спросила нас: «Ребята, вам весело от того, что война началась?» Мы срочно вернулись в часть, где уже шел митинг. Так мы узнали, что началась война.

Спустя месяц нас погрузили в эшелоны и медленно повезли на юг, но затем повернули на север, и очень быстро, дня за два, довели до ст. Мга под Ленинградом.

Когда началась война, мы думали, что она быстро закончится. Это потом мы все поняли, а уж когда и сами в бой вступили, я подумал: – Прожить еще хотя бы месяц, посмотреть, что же будет дальше, ведь мы же все время отступали. Далеко я не загадывал. Задумывались мы, почему самая сильная Красная армия постоянно отступает? Все вопросы отпали, когда мы увидели, какое у немцев превосходство в технике. Ведь у нас против танков были только гранаты, в воздухе мы видели только немецкую авиацию...

3 августа мы выгрузились и отправились к деревне Хандрово, чтобы занять оборону, но по дороге наш взвод дважды обстрелял немецкий самолет. У меня промелькнула мысль, что всех убило, и только я один остался в живых. Это было жутко. Но никого даже не ранило. Такое у нас было боевое крещение, первый страх и первая радость, что все остались живы. А первый бой случился дня через три в районе деревень Хандрово, Липки, но дивизия уже успела более-менее подготовиться к обороне. Мы, саперы, оборудовали линию обороны, строили дзоты, производили минирование. Несмотря на отсутствие боевого опыта и слабую подготовку личного состава, мы упорно оборонялись, а немцы несли большие потери. На минах, которые поставил наш взвод, в первом же бою подорвались 2 немецких танка. В один из дней меня контузило. Недели две я пробыл в медсанбате, и хотя слух полностью не восстановился, меня отправили обратно в часть, где через пару дней назначили командиром роты. По дороге я впервые попал под сильную бомбежку, и сам понял какой это ад... С этого рубежа дивизия отошла в конце сентября. Нас осталось процентов 30 из тех, кто начинал... Причем отходили беспорядочно, хотя паники не было. К декабрю дивизия была вновь укомплектована.

Мы слушали сводки и видели, какие территории оставили наши войска. Это был тяжелый период, неудачи наших войск и их отход вызвали у людей моральную подавленность. А еще тяжелее было, когда население, в основном, старушки подходили к нам и спрашивали: «Вы не пустите сюда немца? А? или может нам уезжать?» ...

Определенные сомнения были, и не у одного меня. Был, например, такой эпизод, еще до контрнаступления под Тихвином. На нашем участке к немцам перешла целая стрелковая рота (!!!) вместе со всеми командирами. Только политрука они застрелили. И временно мою саперную роту расположили на переднем крае вместо нее. Но когда началась блокада, была уже полная уверенность, что мы победим, хотя положение было очень серьезное. Особенно подняло боевой дух наше удачное контрнаступление под Тихвином. Причем немцы там отходили как мы, беспорядочно. Бросили уйму транспорта, везде валялись трупы немецких солдат.

А в январе 1942 меня назначили полковым инженером 857 сп нашей дивизии. Запомнились кровавые бои за ст. Погостье, причем было понятно сразу, что наша обескровленная дивизия не справится с этой задачей. Станцию немцы сильно укрепили, а вокруг нее были топкие и непроходимые даже для легких пушек болота... Фактически от дивизии остался только номер, но нам повезло, нас сменила другая часть. А нашу дивизию передали в состав 8 армии, и мы стояли в обороне между Ладожским озером и ст. Мга. Труднопроходимые лесные заросли и болотные хляби. Постоянные дожди и никакой возможности окопаться. И в этих условиях, под огнем противника, мы возводили оборонительный рубеж. Делали земляные насыпи, дзоты (клали в один сруб второй поменьше, наподобие матрешки, пространство между ними заполняли грунтом), а вместо окопов делали заборы...

Когда приходило пополнение, первыми выбирали людей разведчики. Вторыми всегда выбирали саперы. Я старался выбрать людей с какой-нибудь подходящей гражданской специальностью, например, плотника, и, конечно, привыкших к физическому труду. Ведь помимо всех фронтовых опасностей, у сапера это еще и постоянный, тяжелейший физический труд... Солдаты, которые уже служили саперами, придя в новую часть, не хотели вновь становиться саперами. Но их желания не спрашивали...

Был такой забавный эпизод. Мы с подчиненными возвращались после минирования к месту нашей стоянки, и тут из-под куста выскочил заяц, а это же мясо. Я выхватил у одного из солдат винтовку и, гоняясь за зайцем, начал стрелять в него. Ко мне присоединилось несколько солдат, и со стороны могло показаться, что идет бой. Я несколько оторвался от солдат и наткнулся на немца в маскхалате, который следил за стреляющими солдатами. Увидев меня, он начал поворачиваться, чтобы выстрелить в меня, но я его опередил. Я хотел выстрелить еще раз, но патронов больше не было. Я «сдрейфил», прямо говорю, и побежал за солдатами. Мы вернулись, но кроме лужи крови никого не нашли. А на следующий день этот немец сам сдался в плен сержанту Никишину т. к. был ранен мною в бедро, и понимал, что уйти далеко не сможет. Сержанта, который отвел немца в штаб, наградили медалью «За боевые заслуги», а про меня солдаты шутили, что их «геройский командир стрелял в зайца, попал в немца, но ни того, ни другого не поймал, а вот Никишин, как жених невесту, привел немца в штаб». Оказалось, что у нас в тылу была разведывательно-диверсионная группа, которая корректировала бомбежки и артиллерийский огонь. Это был единственный раз в моей жизни, когда я видел, что стреляю в человека...

В. М. ЖАГАЛА,
в 1941 г. — капитан,
командир 3-го дивизиона 881 ап 3 гв. сд

*Расчищая путь пехоте**

В полдень 8 сентября 1941 года командир полка вновь собрал у себя командиров дивизионов и начальников служб. Знакомя нас с общей обстановкой, он сообщил, что в районе Мги и Синявино противник большими силами перешел в наступление и начал теснить оборонявшиеся здесь соединения 54-й армии. Прорвавшись через Мгу, он вышел к Ладожскому озеру и овладел Шлиссельбургом. Ленинград оказался блокированным с суши. За линией фронта остались 42, 55 и 23-я армии, а также соединения Балтийского флота, которые обороняли Ленинград.

Для прикрытия волховского и тихвинского направлений на рубеж реки Волхов были выдвинуты дивизии 52-й и 54-й армий, перед которыми поставили задачу не допустить прорыва противника на восточный берег. 881-му артиллерийскому полку было приказано немедленно сняться с занимаемых позиций и переместиться под Синявино, в район развернувшихся боев.

Не так просто немедленно в светлое время суток снять корпусной артиллерийский полк с огневых позиций, расположенных в полутора-двух километрах от переднего края. Такая операция практически не может остаться незамеченной. Другое дело ночью. Гул сотен двигателей в ближайшей глубине нашей обороны, которые немцы могут принять за танковые, изрядно потреплет им нервы и, возможно, введет в заблуждение относительно наших намерений. Учтя эти обстоятельства, майор Колесов принял решение оставить позиции ночью.

Все получилось так, как было задумано. Как только полк снялся с позиций, несколько вражеских артиллерийских и минометных батарей открыли стрельбу по площадям. Но тут же получили отпор: ударили огневые взводы, оставленные на прежних позициях в полной боевой готовности по одному от каждого дивизиона, и гаубичные батареи артиллерийских полков стрелковых дивизий. Всю ночь гитлеровцы пытались разобраться в происходящем. Свой передний край они увешали гирляндами осветительных ракет.

* Отрывок из книги: В. М. Жагала «Расчищая путь пехоте». М., Воениздат, 1985 г.

В течение следующего дня оставленные взводы произвели несколько удачных налетов по расположению вражеских батарей, окончательно сбив противника с толку. Благодаря всем этим действиям он так и не заметил исчезновения нашего полка.

Цель была достигнута. Полк ушел с прежних позиций и, совершив марш, к утру сосредоточился на новом месте. 3-й дивизион развернулся за лесом, неподалеку от хутора Гонтовая Липка. Собственно, хутора, как такового, уже не существовало. От него осталось несколько пепелищ у дороги, ведущей в Синявино. Бои здесь шли ожесточенные, хутор несколько раз переходил из рук в руки. На подступах к Синявино он был самым выгодным рубежом как для нас, так и для немцев. А овладение Синявино со всеми его высотами решало судьбу десятикилометрового коридора, отделявшего нас от войск, окруженных в Ленинграде. Беда была, однако, в том, что на высотах закрепились гитлеровцы, а нам достались болота...

И все же 3-я гвардейская стрелковая дивизия, которую теперь поддерживал наш 881-й корпусной артиллерийский полк, наносила врагу чувствительные контрудары. Активная оборона ее частей на этом участке фронта не на шутку беспокоила гитлеровское командование. Как установила наша разведка, оно все время подбрасывало сюда свежие подкрепления.

Дивизион развернул свои боевые порядки на участке обороны 435-го стрелкового полка и без промедления приступил к разрушению долговременных огневых точек и борьбе с вражескими артиллерийскими и минометными батареями.

Немцы тоже не жалели снарядов, по несколько раз в сутки подвергали наши позиции массивной артиллерийской обработке. Их разведывательные самолеты непрерывно, как и под Киришами, производили облет оборонительных рубежей наших войск, корректировали огонь своих батарей.

Контрбатарейная борьба требовала хорошо налаженной артиллерийской разведки, совершенствования способов обнаружения и определения координат вражеских огневых позиций. Золотое правило артиллеристов «не вижу — не стреляю» мы, к сожалению, не могли реализовать в полной мере. Для этого надо было «видеть» не только в бинокль, стереотрубу, перископ разведчика, но и с помощью звукозаписывающей аппаратуры, аэрофотоснимков, с помощью своих наблюдателей, вылетающих на самолетах-корректировщиках. Но ни наблюдателей, ни звукометрических подразделений у нас не было. Поэтому чаще всего приходилось довольствоваться методом засечки целей с пунктов сопряженного наблюдения (СНД) по вспышке, наблюдая ее

визуально. А этого, конечно, было недостаточно. Ведь не всегда нам способствовали и погода, и местность.

Пункты СНД, наблюдательные пункты дивизиона и батарей мы старались выдвигать как можно ближе к переднему краю противника. Некоторые разведчики ухитрялись даже проникать в нейтральную полосу и, поминутно рискуя жизнью, корректировать оттуда стрельбу. Кроме того, уже через несколько дней после прибытия в этот район благодаря энергии и находчивости начальника штаба дивизиона старшего лейтенанта Панферова и лейтенантов Струтинского и Тюфякина бойцы топовычислительного взвода и взвода управления оборудовали на вековых соснах наблюдательные пункты, установили там круглосуточное дежурство у стереотруб.

Местность под Синявино была пересеченной, лесистой, весьма удобной для скрытного передвижения и расположения артиллерийских и минометных батарей врага. Особенно сильно досаждали и пехоте, и нам вражеские мины: ударяясь о ветви деревьев, они разрывались вверху и осколки их уничтожали вокруг все живое, причем на большой площади. Неудивительно поэтому, какое большое значение мы придавали наблюдению за противником. Немаловажную роль играло и то, что с каждым днем наши разведчики, огневики, топографисты и связисты накапливали опыт боевой работы. Номера орудий, к примеру, стали действовать более хладнокровно, расчетливо, стараясь экономить физические силы на каждом движении. Ведь обслуживание такой тяжелой артиллерийской системы, как 152-миллиметровая гаубица, дело нелегкое, требующее от каждого номера недюжинной силы. Уже после первых десяти-пятнадцати минут стрельбы заряжающий, его помощники, замковый и снарядные сбрасывали с себя шинели, телогрейки, расстегивали гимнастерки. Возьмем, скажем, установщика и снарядного. При подготовке очередного сорокакилограммового снаряда к стрельбе они должны обтереть его и гильзу ветошью, передать из рук в руки заряжающему. В минуту при беглом огне таких операций приходится проделать 2-3, за 15 минут — 30-45, то есть каждый из них за эти 15 минут в среднем поднимает полторы тонны груза!

Немало потрудиться приходится артиллеристам и после окончания стрельбы. Чтобы оставшиеся боеприпасы можно было перевозить и хранить, латунные гильзы необходимо очистить от нагара, смазать дизтопливом или смазкой, взрыватели привести в походное (заводское) состояние. Все это — снаряды, заряды, гильзы — уложить в укупорку, закрепить в арматуре ящика. Поневоле задумаешься над тем, как облегчить себе труд, где бы

сократить путь со снарядом в руках хоть на один шаг, как не сделать лишнего движения.

Времени для приобретения необходимых навыков в боевой работе при формировании полка в Кузьминках у нас было в обрез. Поэтому с первых же дней боевых действий весь командный и политический состав дивизиона не жалел ни времени, ни сил, чтобы помочь бойцам приобрести эти навыки, повысить свое мастерство, научиться действовать ритмично, без лишнего напряжения.

Доброго слова заслужили наши разведчики и связисты. В их обязанность входило оборудование пунктов сопряженного наблюдения, наблюдательных пунктов и промежуточных точек линий связи между элементами боевого порядка. А здесь тоже нужно было рыть индивидуальные ячейки, окопы, сооружать землянки. И в то же время — вести разведку, устранять повреждения на линиях.

Однажды стрелковый батальон поддерживаемого нами полка залег под перекрестным огнем вражеских пулеметов на подступах к месту пересечения шоссежных дорог. Несколько станковых пулеметов и полевое орудие гитлеровцев были укрыты в трехамбразурном дзоте. Справиться своими силами с таким сооружением пехота не могла. Цепи батальона вынуждены были залечь... Тогда разведчики 9-й батареи сержант С. Суслов и красноармеец А. Галашвили затемно подобрались к перекрестку и окопались в непосредственной близости. Место с хорошим обзором они разведали еще засветло. Притаившись, стали ждать утра. На рассвете они отчетливо увидели и дзот, и его гарнизон. Не подозревая, что за ними следят, гитлеровцы вели себя беспечно. Разведчики тотчас связались с командиром батареи, уточнили данные о положении цели и стали ждать первого разрыва.

Снаряд с перелетом разорвался непосредственно у дзота. Произведя еще один выстрел на прежних установках, комбатр вновь получил перелет. Затем последовало два разрыва с недолетом. Наконец, введя необходимую корректировку, комбатр дал команду на поражение. И снаряды точно накрыли цель.

— Есть прямое попадание! — закричал в трубку Суслов без опаски, что фашисты могут его услышать. Батальон поднялся в атаку и успешно, не потеряв ни одного бойца, овладел перекрестком.

Но, как ни трудились разведчики, условия местности и погода сильно ограничивали их возможности. Наблюдатели не могли видеть того, что было тщательно упрятано и замаскировано где-нибудь в лесу, в глубине обороны противника. Поэтому иногда мы применяли и такой метод, как стрельба по наиболее вероятным местам нахождения целей: по высотам, где, как правило, располагались командные пункты и штабы, узлы связи, по лощинам,

удобным для размещения минометных подразделений и резервов. Данные для стрельбы готовили по карте.

Вспоминается такой случай. Как-то я зашел на наблюдательный пункт командира 8-й батареи лейтенанта Павлова. Небольшая землянка, вход в которую прикрывала плащ-палатка, была битком набита людьми. Не успел лейтенант подняться мне навстречу, как вокруг землянки забухали разрывы. Начался минометный обстрел. Одна из мин разорвалась совсем рядом. Павлов тут же подбежал к телефону и стал передавать команды на огневую позицию. Меня его действия несколько озадачили. Я спросил:

— Откуда знаете, какая батарея противника ведет огонь?

— Знаю, товарищ капитан. Мы давно за ней охотимся. Сейчас она замолчит...

И верно, после ответных залпов 8-й батареи гитлеровцы тотчас прекратили обстрел. Видимо, место, которое Павлов приказал обработать, было определено точно. Оборона в районе Синявино стабилизировалась надолго. Дивизион по-прежнему занимал огневые позиции в лесу под Гонтовой Липкой и в основном вел борьбу с артиллерией и минометами противника. В минуту затишья личный состав занимался учебой, совершенствуя свое мастерство, улучшал окопы для орудий, погребки для снарядов, укрытия для личного состава.

Много работы было у связистов. Использовалась у нас в основном проводная связь. И, как мы ни старались понадежнее проложить кабель, почти после каждого артиллерийского налета связь нарушалась. Восстанавливать ее приходилось, как правило, под пулеметным и артиллерийско-минометным огнем. Связисты мужественно справлялись со своими нелегкими и опасными обязанностями.

Однажды М. И. Нечаев, старший телефонист центрального поста связи дивизиона, под сильнейшим минометным огнем восстанавливал связь с передовым наблюдательным пунктом дивизиона. Он был ранен, но задание выполнил. Вернулся насквозь промокший, весь в грязи. По лицу струился пот, смешанный с кровью.

— Вы ранены? — спросил я.

— Да так, царапнуло немного, пустяки. Нечаеву оказали первую помощь, и я приказал эвакуировать его в тыл.

— Не отправляйте, товарищ капитан. Тут мои товарищи, я не могу их оставить... — взмолился связист.

Я не стал настаивать на эвакуации, так как хорошо понимал, что значит для бойца родная часть и как трудно оставить ее и друзей-однополчан. За проявленное мужество я представил Нечаева к медали «За отвагу».

Несмотря на постоянно подстерегавшую опасность, на лишения фронтовой жизни, изнурительный солдатский труд, боевой дух бойцов и командиров нашего полка был очень высок. Дружба, взаимная выручка и помощь в опасных ситуациях стали законом их повседневной жизни.

Не случайно, что нам удалось в это время решить многие задачи по повышению боеспособности подразделений. В первую очередь мы добились в процессе продуманно спланированной штабом полка и штабами дивизионов боевой подготовки хорошей слаженности оружейных расчетов, обеспечили взаимозаменяемость номеров. В каждом расчете удалось быстро подготовить одного-двух запасных наводчиков, которые могли заменить и командира орудия. Основное внимание обратили на отработку задач по огневой службе при стрельбе с закрытой позиции днем и ночью. Все это делалось, как говорится, «без отрыва от производства»: в любой момент, когда того требовала обстановка, занятия прекращались и орудие, взвод, батарея открывали огонь по заданной цели.

Учеба специальная подкреплялась большой политико-воспитательной работой. Комиссар дивизиона политрук И. И. Горячев, политруки батарей И. И. Хребтов, М. В. Трунов и А. К. Волжанский наладили в подразделениях содержательные политинформации. В каждом расчете, как правило, утром агитаторы читали бойцам сводки Совинформбюро, газеты, обсуждали с ними наиболее важные и интересные статьи и заметки. Иван Ильич Горячев, скромный и неутомимый в работе человек, умел привнести в несколько однообразную жизнь коллектива, присущую периоду длительной обороны, свежую струю. То он организовывал в часы досуга выступление танцоров, то устраивал вечер политической сатиры, на котором больше всего доставалось бесноватому фюреру и Геббельсу. В другой раз сатирическая стрела поражала уже нерадивого солдата, забывшего почистить оружие. Особым почетом пользовались у нас частушки. Не помню уже, кто их сочинял, но отлично помню, что равнодушным при их исполнении никто не оставался.

Бой в лесистой местности имеет много особенностей. Самой неприятной из них, над которой мы в мирное время как-то не задумывались, является поражающее действие и весьма отрицательный психологический эффект, производимый рвущимися над головой минами и разрывными пулями. Ударяясь о ветви и стволы деревьев, разрывные пули создавали отвратительную трескотню, которая слышалась раньше звука выстрелов пулеметов или автоматов, а значит, и заглушала их. Поэтому определить, откуда ведется обстрел, а тем более дальность стрельбы в таких случаях было почти невозможно. Создавалось ложное впечатление, будто

стреляют откуда-то с тыла, а то и со всех сторон, и притом с близкого расстояния.

Другой особенностью боевых действий в лесистой местности, какой она и была под Синявино и Гонтовой Липкой, являлась невозможность визуального наблюдения, что очень затрудняло организацию контрбатарейной борьбы. Все вражеские батареи скрывались в лесах, перелесках, в складках местности. Поэтому, чтобы удар наш был весомей и эффективней, стрельбу по ненаблюдаемым артиллерийским и минометным батареям противника мы вели, как правило, всем дивизионом методом переноса огня от действительного репера. К каждому такому налету я, как стреляющий, начальник штаба и командиры батарей тщательно готовились сами, готовили подчиненных, материальную часть орудий и боеприпасы.

Старший лейтенант Александр Петрович Панферов, который отвечал за готовность батарей к выполнению задачи, был отличным огневи́ком. Он в совершенстве знал теорию и правила стрельбы артиллерии. Сообщив заранее командирам батарей уточненные исходные данные — установку прицела по центру участка и величину скачка прицела в метрах, доворот от основного направления стрельбы, установку уровня и взрывателя, заряд, интервал веера, продолжительность и порядок ведения огня, расход снарядов, — Панферов через достаточное для подготовки к стрельбе время вызывал к телефону Когана, Павлова и Деркача и требовал от них доклада о рассчитанных установках по центру участка, величине интервалов между разрывами соседних орудий, темпе огня, то есть доклада о всем том, что характеризует качество подготовки подразделений к выполнению важной огневой задачи. Нередко роль стреляющего (всем дивизионом) я предоставлял начальнику штаба и командирам батарей. И с каждым днем они все лучше и лучше справлялись с этой обязанностью, совершенствовались свое боевое мастерство. Припоминается такой случай.

На НП дивизиона прибыл майор Колесов. Справившись у меня, как дела, и выслушав краткий доклад, он вдруг скомандовал:

— Дивизион, к бою! Цель номер 212, подавить!

Это была «хитрая», живучая вражеская 120-миллиметровая минометная батарея, не дававшая покоя пехотинцам ни днем, ни ночью. Очень часто она открывала огонь и по нашим тылам. Не раз нам с Панферовым казалось, что мы уже уничтожили ее. Но не проходило и суток после очередного сильного артиллерийского налета по позиции этой батареи, как она оживала вновь. Вот и решил командир полка проверить; а не допускаем ли мы тут какой-нибудь оплошности?

Я повторил команды, но майор Колесов предостерегающе поднял руку и сказал:

— Отставить! За стреляющего будет начальник штаба. Старший лейтенант, принимайте командование дивизионом!

Панферов занял место у стереотрубы, взял на колени огневой планшет, быстро проверил все данные и отдал на огневые положенные команды. Прошло время, и командиры батарей, а также пункты СНД доложили о готовности к боевой работе. Командир полка молчал. Потом же, не проронив ни слова, подошел к другой стереотрубе и стал наблюдать. Его смуглое лицо было бесстрастным. Казалось, он здесь и не присутствует.

Дружно грянул залп двенадцати мощных гаубиц. Огневой налет начался. Затем стрельба велась беглым огнем с предельным темпом. Учитывая, что площадь огневой позиции вражеской батареи по глубине не должна превышать 100 метров, начальник штаба решил вести стрельбу на трех установках прицела. Закончив налет, он подождал докладов с пунктов СНД, быстро произвел необходимые графические операции на планшете, получил координаты центра группы разрывов, ввел небольшую корректуру и после десятиминутной паузы повторил налет, но уже на второй установке угломера.

Командир полка дал отбой. Потребовал планшет стреляющего, провел необходимые вычисления и вернул его начальнику штаба:

— Что ж, Панферов, все верно. Молодец! Надеюсь, эта батарея приказала долго жить...

Так оно и случилось: батарея больше не обнаруживала признаков жизни.

Начштаба чувствовал себя именинником. Похвала командира полка ценилась у нас очень высоко. Майор Колесов обладал глубокими познаниями в артиллерийском деле. По натуре, правда, он был несколько резковат. Но все знали, что отчитать он может только за дело. Зазря, просто так, — ни в коем случае! Невысокого роста, коренастый, смуглолицый, Александр Алексеевич Колесов даже с виду был словно высечен из гранита. Предельно требовательный, он тем не менее всегда был готов прийти на помощь любому командиру, будь то командир дивизиона или батареи, взвода, орудия.

Во второй половине октября 1941 года положение Ленинграда еще более осложнилось. Немецкие войска обошли город с юга и юго-востока, а финские нависли со стороны Карельского перешейка и вышли к реке Свирь. Единственным путем для связи со страной оставалось Ладожское озеро и его юго-восточное побережье. Тогда и появилось известное решение командования Ленинградского фронта: ударами войск 54-й армии с одной стороны

и Невской оперативной группы — с другой в направлении Сняино деблокировать город Левина.

Это была трудная задача. Противник сильно укрепился. Перед его передним краем проходили проволочные заграждения в 2–3 кола, подступы к ним защищались многочисленными противотанковыми и противопехотными минными полями. Во всей тактической глубине его обороны было сооружено множество дотов и дзотов с бетонированным и бревенчатым покрытием в 3–5 накатов.

К наступлению в первом эшелоне готовились три стрелковые дивизии 54-й армии. 3-й гвардейской генерала Н. А. Гагена, которую наш полк продолжал поддерживать, предстояло наступать в центре. Накануне наступления я еще раз провел с командирами подразделений рекогносцировку местности, уточнил их задачи. Весь день перед наступлением батареи вели пристрелку контурных точек и целей, а к вечеру подавили и уничтожили несколько хорошо оборудованных пулеметных гнезд на переднем крае обороны противника. Все это походило на наши действия в предыдущие дни, и гитлеровцы не заметили подготовки артиллерии к крупному наступлению: как всегда — пристрелка, как всегда — огневые налеты.

А в нашем тылу шла напряженная работа. Службе артиллерийского снабжения доставалось больше всех. Ей предстояло обеспечить подразделения нужным количеством боеприпасов, что сделать было не так просто: дороги разбиты, автомобильный парк изрядно износился.

Каждая батарея должна была подавить от трех до пяти целей, что предполагало ведение огня одновременно по нескольким из них. По уставным нормам, для обеспечения хотя бы одного прямого попадания в дзот полагалось израсходовать от 20 до 40 снарядов, да на сопровождение и поддержку атаки стрелковых батальонов полагалось иметь не меньше половины боекомплекта, то же — для боя в глубине вражеской обороны.

И вот все готово. Сидя в траншеях, залитых болотной жижей, продрогшие, в отяжелевших от влаги и глины шинелях, мы с нетерпением ждали начала. Команда на открытие огня поступила, когда уже совсем рассвело. Батареи дружно, методически начали уничтожать одну цель за другой. И полетели вверх бревна, раздробленные бетонированные плиты — все, что осталось от вражеских блиндажей, дотов и дзотов. В течение первого дня было разрушено больше половины целей. Однако немцы, используя столбы высоковольтной линии, за ночь восстановили часть дзотов. Пришлось на второй день поработать с дополнительной нагрузкой.

В ночь перед наступлением всем было приказано отдыхать. Бодрствовали лишь по одному огневому расчету в каждой бата-

рее: всю ночь вели беспокоящий методический огонь. Под утро батареи были приведены в полную боевую готовность и произвели несколько огневых налетов по артиллерийским и минометным батареям противника. Но и немцы не дремали. Их артиллерия тоже проявляла активность. Лейтенанты Струтинский и Тюфякин засекли новую 105-миллиметровую батарею и сообщили ее точные координаты. Я поручил подавить вражескую батарею лейтенанту Деркачу. Уже через четверть часа 9-я батарея переносом огня от действительного репера точно накрыла цель.

На рассвете 20 октября задрожала земля. Свиваясь в тяжелые стелющиеся облачка, пополз по болотным зарослям дым. Когда огненная лавина покатила в глубину вражеской обороны, из леса выскочили танки, за ними двинулись стрелковые цепи. Мы неотлучно сидели у стереотруб и следили за развитием атаки: тут ведь многое зависело и от того, насколько хорошо потрудились мы, артиллеристы.

Передний край противника пехота прошла безостановочно. Гул разрывов снарядов и глухие удары танковых пушек стали медленно удаляться на юго-запад. Мы свернули свой НП и тоже двинулись вперед. Достигнув рубежа, где у немцев было особенно много дзотов, я подбежал к одному из них, к тому, по которому вел огонь лично. Тут все было вспахано и исковеркано. Захотелось посмотреть, что же внутри. Забежав с тыльной стороны, прыгнул в траншею и пошел к двери. Точнее, не пошел, а начал протискиваться между глыбами вывороченной земли. Только хотел просунуть голову в проем, как из темноты прогремел выстрел, потом второй. Первая пуля пробила воротник шинели. Находившийся со мной сержант Суслов бросил гранату. Бойцы вытащили из дзота уже мертвого фашистского офицера с вальтером в руке. Этот пистолет хранился у меня до конца войны, постоянно напоминая о том, что осторожность никому не вредит...

Следуя за танками, стрелковые батальоны упрямо пробивались к району огневых позиций вражеской артиллерии. Наши батареи успешно подавляли вновь оживавшие огневые точки, артиллерийские и минометные подразделения. Так, к примеру, произошло с батареей противника, обозначенной у нас на планшете как цель № 214. Только наши танки подошли к ней на дальность прямого выстрела, как ее пушки открыли стрельбу прямой наводкой. Сосредоточенный огонь всего дивизиона заставил вражескую батарею замолчать. Атака продолжалась...

В районе Рабочего поселка № 7 левофланговый батальон 425-го стрелкового полка попал под губительный огонь пулеметов из трех дзотов. Бойцы залегли, начали зарываться в землю.

По дзотам тотчас же открыли огонь прямой наводкой полковые пушки и батареи лейтенантов Когана и Павлова. И здесь путь нашей пехоте был расчищен в считанные минуты. Сопротивлялись гитлеровцы отчаянно. Они вводили в действие свежие подразделения, без конца контратаковали большими и малыми силами, упорно цеплялись за каждую хоть сколько-нибудь выгодную высотку. Но советские танкисты и пехотинцы упорно теснили врага к Синявино.

Личный состав дивизиона в ходе этой операции проявил не только настойчивость, большую работоспособность, но и профессиональное мастерство. Наши разведчики превзошли все ожидания. Действуя в качестве передовых наблюдателей, они постоянно находились в наступающих цепях пехоты, корректировали огонь батарей. Командиры батарей шли вперед вместе с командирами стрелковых батальонов и рот, чтобы как можно оперативнее выполнять их заявки.

В полдень первого дня наступления лейтенант Деркач доложил о скоплении перед ручьем Глубокий по дороге в Синявино подразделений вражеской пехоты. Чуть левее в заросшей кустарником ложине стояло около десяти танков.

— Веду огонь по мосту через ручей, — сообщил лейтенант. — Если разрушим его, гитлеровцам крышка...

Я немедленно перенацелил на ложину две другие батареи. Через несколько минут артиллеристы Когана и Павлова точно накрыли место вражеской танковой засады. В это время батарея лейтенанта Деркача разрушила мост прямым попаданием трех снарядов. Несколько уцелевших вражеских машин попытались прорваться вброд, но безнадежно застряли и стали легкой добычей советских артиллеристов. Контратака фашистской пехоты и танков не состоялась.

В этом бою смелость и находчивость проявил младший лейтенант В. Ф. Комаров, командир взвода управления 9-й батареи. Он двигался вместе с командиром поддерживаемого стрелкового батальона. Благодаря прекрасной ориентировке Комарова на местности и его умению точно определять координаты вражеских целей батарея за один день уничтожила два наблюдательных пункта, несколько пулеметов, полевое орудие, чем в немалой степени способствовала успешному выполнению батальоном трудной задачи на левом фланге наступающего полка. Отважный офицер был представлен к правительственной награде.

Разведчики сержант С. Суслов и красноармеец А. Галашвили, неразлучные боевые товарищи, своевременно обнаружили несколько огневых точек и дали точное целеуказание. Дивизион уничтожил два дзота, пулемет на открытой площадке. Залегшие было наши стрелковые роты вновь поднялись в атаку. Суслов и Галашвили засекли и колонну вражеских мотоциклистов, двигав-

шуюся к перекрестку дорог в районе Рабочего поселка № 7. Цель с НП командира 9-й батареи не просматривалась. Тогда разведчики взяли управление огнем батареи на себя. По их командам она произвела налет по колонне, рассеяла ее, уничтожив более десяти мотоциклов с коляской вместе с их экипажами. Оба разведчика были представлены к правительственной награде.

Большую работу в дивизионе проводили политрабтники, партийные и комсомольские активисты. Возьмем, к примеру, политруков батарей. Все они — М. В. Трунов, А. К. Волжанский, И. И. Хребтов — постоянно находились среди бойцов на огневых позициях, знакомили воинов с успехами их товарищей на других участках, читали сводки Совинформбюро, делали все для того, чтобы боевой опыт лучших становился достоянием всех. Заботились политруки и о том, чтобы артиллеристов вовремя накормили, чтобы снарядов было в достатке, чтобы раненым своевременно оказывалась медицинская помощь. В то же время и Трунов, и Волжанский, и Хребтов были квалифицированными артиллеристами. Все трое в любой момент могли заменить командира, умело управлять огнем батареи и взвода. Приведу лишь один пример.

Младший политрук Волжанский, находясь на передовом НП под Гонтовой Липкой, заметил в небольшой роще в глубине обороны противника скопление вражеской пехоты. Роща находилась на расстоянии, недосягаемом для минометных подразделений стрелкового полка. Не ожидая, пока вернется командир взвода управления, которого в это время вызвали на НП поддерживаемого стрелкового батальона, Волжанский сам подготовил данные и передал их на позицию.

Со снарядами у нас тогда было очень туго, цель — неплановая, и командир батареи лейтенант Деркач обратился ко мне за решением израсходовать 20 выстрелов. Я дал «добро». Батарея произвела огневой налет по роще и нанесла немалый урон врагу.

Отважно дрались наши пехотинцы, испытывая невероятные трудности при действиях на сильно пересеченной, то каменистой, то болотистой земле синявинской. Но, несмотря на их мужество и поддержку артиллерии, войска 54-й армии не смогли овладеть Синявино и соединиться с наступавшими им навстречу дивизиями Невской оперативной группы. Противник постоянно вводил резервы, чего мы, к сожалению, не могли делать. 28 октября 54-я армия перешла к активной обороне на достигнутых рубежах, ограничиваясь лишь местными атаками, чтобы сковать гитлеровцев, отвлечь часть их сил и средств на себя. Невская оперативная группа по-прежнему продолжала наступательные бои на синявинском направлении. Однако Синявинскую операцию нам пришлось все-таки прекратить в связи с начавшимся наступлением противника на Тихвин.



*А. Д. ГУТМАН,
лейтенант, командир
батальона 996-го сп 286-й сд*

Здесь каждый метр полит солдатской кровью*

Родился я в Киеве в 1915 году в семье портного. До войны окончил техникум и три курса индустриального института. В 38-м меня призвали в РККА, и я попал в школу комсостава автомобильных войск.

Служил я в 8-й отдельной автотранспортной бригаде округа, дислоцированной в Киеве. Бригада была оснащена грузовиками ЗИС-5 и занималась перевозкой пехотных частей. В декабре 1940 года в звании лейтенанта был демобилизован. Моя гражданская работа была связана со строительством секретных военных объектов. (...) Война застала меня в Заполярье, где строилась секретная база флота. Уже 24 июня я был в штабе Архангельского ВО. Посмотрели мой военный билет, грустно развели руками, и сказали, что в округе не формируются автобронетанковые части. Оставили в штабе округа в оперативном отделе. Какое-то время я там карты с места на место перекладывал, потом мне все это надоело, пришел к начальнику штаба и потребовал отправки на фронт. Без каких-либо проблем получил направление в Череповец, где формировалась 286-я сд, в 996-й стрелковый полк на должность помощника НШ по тылу. Если два соседних полка дивизии были уже укомплектованы призывниками из Череповца и районов Вологодской области, то наш полк был полностью укомплектован только комсоставом.

* Интернет-сайт «Я помню. Воспоминания — пехотинцы». Интервью и лит. обработка Г. Койфмана. Печатается с сокращениями.

Прошло пару недель, и из Ленинграда прибыл эшелон с более чем тысячей призывников. Комполка майор Никишин приказал построить всех на плацу. Все офицеры штаба вышли к строю, представились. Никишин начал вызывать. — Пулеметчики есть? Вышли трое. Дальше: — Артиллеристы, выйти из строя! Вышло восемь человек.

Мне в тыловые службы нужно было набрать всего с пару десятков бойцов. Но, когда я обратился к новобранцам с вопросом: — Повара, парикмахеры, сапожники есть? — сразу почти сотня человек сделала два шага вперед. После этой «переклички» десятки других солдат окружили меня, объясняя, что кто-то музыкант, кто-то может шить и так далее. Стало мне очень неловко: всех по тылам не рассуешь, кто-то и воевать должен...

Все дело в том, что наш набор состоял из людей в возрасте 25–30 лет, большинство из которых имели, как тогда говорили, «интеллигентные профессии». Единицы прошли действительную службу в армии. Но, когда начались бои, все эти ребята показали себя с самой лучшей стороны. Кадровые части драпали, а бойцы нашего полка героически дрались до последнего патрона, никогда не отходя без приказа.

Артиллерийского вооружения в полку не было. Полковая батарея была организована уже после того, как мы два месяца были на передовой. Но со снарядами и тогда был полный «швак». Дело доходило до того, что на батарее оставалось по пять снарядов на орудие, и действовал строгий приказ: огонь открывать только в случае танковой атаки.

Батальоны имели по четыре пулемета «максим» и взводу 50-миллиметровых минометов. Бойцы были вооружены винтовками — трехлинейками, каждому выдали по гранате и по бутылке «КС» с зажигательной смесью. Винтовки были у всех, так что рассказы про то, как одна трехлинейка приходилась на троих бойцов — это не про нашу дивизию. Автоматов ПППШ в 41-м году еще не было.

В моем подчинении оказались командиры тыловых и специальных служб, сотни людей, несколько майоров и капитанов. Вскоре начальник штаба капитан Кузнецов мне сказал: — Саша,ними свои лейтенантские «кубики» с петлиц, а то некоторые из комсостава смущаются...

Завершить боевую подготовку мы не успели. Дивизия ушла на фронт «сырой». В начале сентября нас подняли по тревоге и вместо ожидаемой отправки на Северный фронт бросили подо Мгу.

Эшелон с тыловыми службами дважды бомбили по дороге, но нам крупно повезло. Человеческих жертв было мало, зато погибло много лошадей. Высадились на ст. Войбокало. Я доложил

комдиву полковнику Г. Соколову о прибытии эшелона. До войны Соколов был начальником пехотного училища то ли в Самаре, то ли в Саратове. Спустя два дня его убило вместе с комиссаром дивизии Л. Даниловым.

А дальше — «с колес в бой». Полки пошли отбивать ст. Мга, занятую немцами, а навстречу — немецкие танки. Подавили они нас сильно. Люди дрогнули, и мы откатились на несколько километров назад. Мне пришлось из «тыловиков» сформировать роту и вместе с ней идти в штыковую атаку. Штаб дивизии немецкие танкисты стерли в пыль.

Уже через день, приведя себя в порядок, мы снова пошли вперед. Бои были очень упорными. В конце сентября дивизия отбила у немцев примерно семь километров территории, но дальше наступать у нас уже не было сил. Потери наши были просто колоссальными. Батальон легких танков, который нам придали для поддержки, был выбит в течение дня, а с одними винтовками много не навоеешь. Там танков немецких было столько, что нашей дивизии изначально был уготована печальная участь.

Но... За исключением первого боя 10 сентября и еще одного в конце сентября, когда мы отступили перед танками, не имея возможности их остановить, дивизия уцепилась за позиции в районе Мишкино—Поречье и не отошла ни на шаг. Помню, в Мишкино, на высоте, немцы вкопали в землю три танка, у которых кончилось горючее, и расстреливали из танковых пушек наши атакующие цепи. Просто не давали нам житья. Стали набирать группу добровольцев, которые должны были ворваться в деревню и уничтожить эти проклятые танки. Вызвались сотни людей! На верную смерть...

Ночью отобранная группа добровольцев подобралась к этим танкам, забросала их гранатами и с малыми потерями вернулась в полк.

Каждый день мы поднимались в атаку в надежде отбросить немцев на запад и каждый день хоронили своих товарищей. Бомбили нас немцы почти ежедневно, а свои бомбардировщики мы впервые увидели только в декабре...

В синявинских болотах подо Мгой, в невероятно тяжелых условиях, дивизия постоянно вела активные боевые действия. Здесь каждый метр обильно полит солдатской русской кровью.

Лишь первые недели на фронте нас кормили сносно. Осенью сорок первого хлеба не было, выдавали сухари. В декабре мы просто голодали. Зимой получали по 100 г сухарей на человека и раз в день горячее питание — кашу или затируху. Иногда можно было увидеть в каше тонкий лоскуток мяса — значит начпрод раздобыл несколько банок мясных консервов. Несколько раз вместо горячего выдавали по банке рыбных консервов на двоих.

Главным «лакомством» было мясо убитых или павших лошадей. Если где-то убьют коня — делили на все роты по-честному.

Командиры допайков не получали. Единственное отличие, что вначале нам выдавали папиросы, потом перешли на махорку, а вскоре и ее не стало.

Голод некоторых лишал благоразумия. Пример: врываемся в немецкую траншею. Надо сразу закрепляться или идти вперед. Но многие, с таким трудом преодолевшие смертельные метры нейтральной полосы, забывали об инстинкте самосохранения и начинали искать съестное в немецких окопах. Немцы сразу заваливали нас минами и снарядами, закидывали снарядами и тем, кому удалось уцелеть, приходилось отходить назад.

Ничего... Главное — выстояли!

За полгода «моей» войны я помню всего два случая малодушия: одного дезертира и одного «самострела». Оба были расстреляны перед строем. Перебежчиков не было. Нам зачитывали приказ по фронту, что в случае сдачи в плен семьи предателей будут репрессированы. Наверное, кого-то этот факт от измены сдерживал...

Для меня лично сама мысль, что немцы будут измываться надо мной в плену, была невыносима. В конце сентября сорок первого немецкие танки прорвались на наши позиции, и мы оказались в окружении. Нас в землянке было трое: командир стрелковой роты, солдат-связист и я. Танки остановились метрах в сорока от нашей землянки. Мы решили умереть, но не сдаваться. Договорились взорвать себя гранатами вместе с немцами. Свои документы закопали в углу землянки в надежде, что наши их потом найдут и узнают, как мы погибли. Взяли в руки по гранате и стали ждать, когда немцы ворвутся в землянку. Но до вечера их пехота не подошла, а в темноте мы пробрались к своим. Выйти же в той ситуации к немцам с поднятыми руками — даже на мгновение мысли такой не возникло!

По поводу репрессивных органов. У нас в полку даже не было своего «особиста». Особый отдел находился только в штабе дивизии. Когда кто-то из его работников приходил в батальон, то никогда не афишировал принадлежность к «органам», просто представлялся: «старший лейтенант такой-то из штадива», беседовал с бойцами и удалялся. Штрафных частей на Ленфронте, а потом на Волховском, я в это время не помню.

Месяц я пробыл с ротой на передовой, пока в каждом полку не ввели должность «координатора». В месте, где намечалась наша атака или немцы шли на прорыв, обязан был находиться офицер штаба полка, ответственный за выполнение боевой задачи. У него

было несколько функций: дублер комбата, контролер, обеспечивающий связь и т. п. К тому времени я уже успел заслужить репутацию боевого командира и был представлен к ордену.

Про тот первый орден рассказывать особенно нечего. С остатками роты шли мы как-то после боя через лесок. На данном участке сплошной обороны у немцев не было. Смотрим, по дороге идет колонна из пяти машин, груженных боеприпасами в сопровождении нескольких мотоциклистов. Немцев мы перебили, а машины остались целыми. Вот и мелькнула шальная мысль, что зря машины жечь не стоит. Кроме меня, еще двое в группе могли сесть за руль. Мы и пригнали их в свое расположение, за что меня наградили орденом Красной Звезды.

Сдав командование тылами, я стал тем самым «координатором». Но пробыл им недолго: погиб один из комбатов и меня назначили на его место. Я принял батальон.

Зима 1941–1942 гг. была очень суровой. Идет солдат, а у него с полы шинели сосульки свисают. Некоторые снимали шинели с трупов и ходили в двух одетых на себя шинелях. Шапки-ушанки были у всех, а валенок не хватало, и бывало, что люди замерзали насмерть. Задачей и целью было дожить до следующего утра. В те зимние дни никто далеко не загадывал, и никто не рассуждал, как он в Германию ворвется «на горячем боевом коне».

Шли тяжелые бои перед Черной речкой. Наши позиции отделяли от немецкой передовой траншеи всего 70–100 метров. Десятки раз (я повторяю — десятки!) мы ходили в атаку, пытаюсь преодолеть эти гибельные и страшные сто метров и выбить немцев. Неоднократно мы захватывали первую и вторую линии траншей, но немцы нас быстро выбивали обратно. На этом клочке земли остались навечно сотни солдат нашего полка. В феврале сорок второго мы захватили всю линию немецких укреплений и закрепились на ней намертво. Было это так.

Однажды в пять утра с нашей стороны раздался залп «катюш». Все мы были поражены, увидев шквал огня, стерший с лица земли лес в глубине немецкой обороны. Через пять минут и мы пошли «в штыки». Все три линии окопов брали в жестоком рукопашном бою. И, когда казалось, что все уже закончилось, с пригорка застрочил немецкий пулемет. Пули попали мне в плечо и грудь. Я упал в снег. Следующей очередью немец «прошил» всю правую сторону моего тела. Еще семь пуль в руку и ногу... Ребята меня вытащили, отправили в санбат.

На следующий день меня навестил комиссар полка Заикин. Принес мою планшетку и сказал, что на меня и на командиров рот, участвовавших в этом бою, направлены представления на

награждение орденами Красного Знамени. Наутро комиссар полка погиб вместе с комполка...

После ранения я два года провел в госпиталях, правые рука и нога не действовали и меня демобилизовали по инвалидности.

После войны я пришел раз в военкомат за какой-то справкой для медкомиссии и заодно попросил выяснить судьбу наградного листа. Из Москвы пришел ответ: «документ в архиве не найден». Спустя двадцать с лишним лет череповецкие поисковики нашли в архиве наши наградные листы. Меня вызвали к облвоенкому и вручили орден Отечественной войны I степени. А мои командиры рот войну не пережили — погибли там же, в синявинских болотах.

Беседуя с бывшими фронтовиками, я для себя открыл, что командиры сорок первого года и те офицеры и политработники, которые победоносно заканчивали войну в Берлине, очень сильно отличаются друг от друга по манере поведения и степени активного участия в боях.

Комсостав сорок первого года был ближе к простому солдату. И дело не в том, что на нас не было золотых погон, а они вышли из войны с психологией победителей.

Я не могу себе представить, как бы в должности комбата сам не повел бы солдат в атаку. Меня бы через час «к стенке» поставили за трусость. И дело даже не в этом. Просто в нашей дивизии было так принято: действовать только личным примером. Говорят, что в других частях не видели на поле боя офицера в звании старше капитанского.

У нас комиссар соседнего полка пошел в атаку с винтовкой в руках вместе с рядовыми и погиб как простой солдат. В обычную атаку, а не на прорыв из окружения!

Мой политрук батальона был обязан поднимать людей в атаку. Может, по ночам он и писал донесения в политотдел, но в бой ходил лично.

Наш комполка Никишов — «военная косточка», человек внешне сухой и бесстрастный, живший по уставу, не позволявший себе проявления каких-либо «гражданских» эмоций, мог в бою сам лечь за пулемет вместо убитого пулеметчика. Такой эпизод произошел на моих глазах.

По приказу Никишова штаб полка располагался в 500 метрах от передовой, мог быть поражен при артобстреле, но бойцы видели из окопов, что командир рядом.

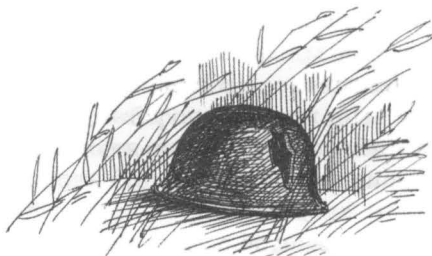
Командир дивизии Емельян Васильевич Козик — невысокий крепкий мужик, бывший пограничник, мог придти в окопчик боевого охранения, встать рядом с солдатом по колено в гнилую

ледяную воду и угостить его куревом. И это не была работа «на публику», или поиск дешевой популярности. Просто у нас была общая Родина и общая цель — отстоять Ленинград.

Те же череповецкие школьники организовали поиск ветеранов нашей 286-й дивизии. На первую встречу в Ленинград через 20 лет после Победы приехало 280 человек, из них 50–60 — воевавших с сорок первого года. Большинство — из 994-го сп. Из моего полка я был один. Неужели все погибли?! Я не хотел в это верить. Позже ребята из поискового отряда разыскали еще двоих из 996-го полка первого формирования. Один из них жил в Казани — инвалид, прикованный к постели. Второй — бывший солдат стал директором совхоза в Ростовской области. Но из своего батальона я встретил только одного человека, когда ветераны 286-й еще через 5 лет снова собрались на встречу. Ко мне подошел молодежавый мужчина и сказал:

— Товарищ комбат, лейтенант мой дорогой! Мы так тебя любили и гордились тобой!

Эти слова были для меня высшей наградой за все, что я успел сделать на войне... Мы с ним обнялись и заплакали. Перед глазами снова всплыли позиции под Синявином, февральское морозное утро, устланная трупами наших бойцов нейтральная полоса и лица наших товарищей, сжимающих в руках винтовки, готовых броситься в новую атаку, которая для многих станет последней в жизни...



Александр МЕЖИРОВ *

Просыпаюсь и курю...
Засыпаю и в тревожном
Сне
...о подлинном и ложном
С командиром говорю.

Подлинное — это дот
За березами, вон тот.
Дот как дот, одна из точек,
В нем заляжет на всю ночь
Одиночка-пулеметчик,
Чтобы нам ползти помочь.

Подлинное — непреложно:
Дот огнем прикроет нас.
Ну, а ложное — приказ...
Потому что все в нем ложно,
Потому что невозможно
По нейтральной проползти.
Впрочем... если бы... саперы...
Но приказ — приказ, и споры
Не положено вести.
Жизнью шутит он моею,
И, у жизни на краю,
Обсуждать приказ не смею,
Просыпаюсь и курю...

* А. Межиров. «Тысяча мелочей». М., «Современник», 1984 г.

П. М. ДЕМИДОВ,
в 1941 году лейтенант, заместитель
командира батареи 856 ап 286 сд

*Между Мгой и Назией **

В жаркий августовский день мы, несколько выпускников 1-го Ленинградского артиллерийского училища в новенькой, как медные пятаки, форме прибыли в Вологодский военкомат. Звенья шпорами, остановились у двери с надписью «Военком». Нас встретил подполковник, спросивший:

— Ну что, гусары, воевать приехали?

Мы хором ответили:

— Так точно, прибыли за назначением!

Военком смерил нас пристальным взглядом и сказал:

— Не сомневаюсь, что как только вы появитесь на фронте, немцы от одного звона ваших шпор бросятся врассыпную. А пока вот вам направление в гостиницу. Ждите, вас вызовут.

...Начальство определило нас на временные должности в подразделение формирующегося артполка. Призванным из деревни не надо было объяснять, что такое конь как тягловая сила, но для горожан это было в диковинку.

Вскоре всем бывшим курсантам приказали собрать вещи, посадили в поезд и выгрузили на разъезде в дремучем лесу. В 2–3 км от железной дороги стояли бараки за колючей проволокой — бывший лагерь для заключенных. Настроение у нас упало. Но появился подполковник и объявил:

— Здесь будет формироваться 856-й артиллерийский полк 286-й дивизии. Командовать полком приказано мне.

Поселив в бараки для охраны, нас стали распределять по подразделениям. Меня направили командиром огневого взвода в 1-ю батарею, где было 6 командиров и около 80 человек солдат и сержантов. Кадровых офицеров двое: я и комбат — ст. лейтенант Веселов. Остальные прибыли из запаса.

Если командиры имели какое-то представление об артиллерии, то с бойцами, призванными по мобилизации из Вологодской и Ленинградской областей, предстояло основательно поработать.

* *Демидов П. М.* На службе у бога войны. В прицеле черный крест. — М.: Эксмо, 2007. (Отрывок из книги в редакции составителя).

В полк стали поступать орудия, средства связи, повозки и лошади. Я сформировал 2 боевых расчета по семь человек. Знакомясь с бойцами, выяснял личные качества каждого, чтобы определить, кого на какую должность назначить. Особое внимание уделял командирам орудий и наводчикам.

Несмотря на изнурительную августовскую жару, расчеты ежедневно изучали материальную часть пушки, боеприпасы и вскоре уже неплохо выполняли обязанности номеров в бою. Я радовался умению и ловкости, с которой действовали вчерашние новобранцы.

По вечерам с нами беседовали комиссары. Всех волновал вопрос: что происходит на фронте? Никто не мог объяснить причины неудач Красной армии. Мы так надеялись, что вот-вот на фронте произойдет перелом, и наш полк тоже с марша пойдет в бой.

Но полк формировался непростительно медленно. Лишь в конце августа пригнали табун лошадей, и мы отправились в поле подбирать тягло для пушек и верховых для комсостава. Я заметил серого в яблоках орловского рысака, спокойно щипавшего траву. Он сразу понравился мне: стройный, с гордо поднятой головой. Я привел его на батарею. С общего одобрения рысак получил кличку «Васька». Мы пережили с ним немало приключений, пока в одном из боев под Ленинградом его не срезала пулеметная очередь. Я очень сожалел о своем друге: веселый, ласковый и добрый был конь.

Прошли полевые тактические учения. Вообще, они прошли неплохо, но заместитель комбата лейтенант Речков — пожилой человек из запасников — не смог выполнить свои обязанности в полном объеме. Комбат сделал перестановку и назначил своим заместителем меня. Так, еще не понюхав пороху, я неожиданно получил повышение по службе.

Наконец, пришел приказ об отправке полка на фронт. На станцию подали «теплушки» для людей и лошадей, платформы под орудия, и вот мы уже мчимся на запад. На станциях и переездах стоят люди и машут нам руками, а мы, сгрудившись у открытых дверей вагонов, машем им пилотками и фуражками: мол, будьте спокойны, враг дальше не пройдет!

Об истинном положении вещей мы, младшие командиры, естественно, не знали. Было известно лишь, что немцы захватили Мгу, Лугу, Гатчину, Пушкин и вышли к Стрельне и Пулкову.

Вечером наш эшелон прибыл на полустанок вблизи ст. Назия. Разгрузившись, построились в походную колонну и двинулись в сторону Мги, где виднелось зарево пожаров и откуда доносился гул артиллерийской канонады.

Мы двигались по разбитой дороге: здесь недавно прошли бои. Все было изрыто взрывами бомб и снарядов, на обочинах валялись

трупы людей и лошадей, перевернутые повозки и полевые кухни. В воздухе стоял смрадный запах мертвечины и тола. Тревожно забилося сердце: что-то нас ждет впереди?

Прозвучала команда: — Слезай!

Веселов со взводом управления направился в сторону фронта. Им предстояло оборудовать НП, откуда будут поступать команды на ведение огня.

Я вызвал командиров взводов. Нам предстояло выбрать место для огневой позиции, установить пушки, в бездействии стоявшие на дороге. Нам приглянулась небольшая поляна на высотке среди леса и болот, откуда к фронту вела единственная дорога. Если противник будет наступать, то только по этой дороге.

Работа кипела всю ночь. К счастью, грунт на высотке оказался песчаным, и к утру были готовы капониры для пушек и ровики для личного состава; лошади уведены в укрытия, под горкой укладывали снаряды, тщательно прикрытые ветошью. Батарею замаскировали ветками.

Раздался телефонный звонок с наблюдательного пункта, получены исходные данные для стрельбы по установленным целям и рубежам. Командиры расписывают их мелом на щитах орудий. Моя батарея готова к открытию огня.

Наступал рассвет. Из леса доносились птичьи голоса. Туман стал рассеиваться на глазах. Из-за деревьев выглянуло солнце, согревая наши остывшие за ночь тела и души.

С НП сообщили, что противник пошел в наступление. Поступила команда: «Неподвижный заградительный огонь одиночными, беглый огонь!» Расчеты быстро заняли свои места. Спустя секунды пушки уже заряжены. Подаю команду: «Залпом, огонь!» Первые снаряды выпущены по врагу. Об их результативности мы еще не знали, но то, что мы начали боевые действия, для нас значило многое.

Наша 76-миллиметровая пушка системы «УСВ» — отличное оружие. Легкая, подвижная, с полуавтоматическим затвором, она быстро и точно наводится на цель. Большая скорость стрельбы и хорошая начальная скорость полета снаряда позволяют успешно поражать танки, ДОТы и пехоту противника. Но если плохо закреплены сошники станины, то после выстрела пушка откатывается назад и подпрыгивает как лягушка. Так что стрельба из нее требует определенной сноровки.

Вой разгорался все сильнее. Меня вызвал к телефону командир батареи и приказал одно орудие направить на НП для стрельбы прямой наводкой по прорвавшимся немецким танкам. С болью в сердце я отправил орудие со своим лучшим расчетом. Больше

я его не видел. Позже узнал, что батарейцы подбили две машины с пехотой, но и сами попали под гусеницы немецкого танка...

Неожиданно связь с НП прервалась. Но наш НП держал связь также и со 2-й батареей, которая стояла в километре от моей. Ею командовал мой однокашник л-т Графов. Он прислал связного с приказом командира дивизиона встретить огнем танки противника, прорвавшие передний край.

Три оставшихся пушки я решил поставить на прямую наводку с задачей выбивать вражеские танки. Но тут по единственной дороге, ведущей на огневую позицию, стали отходить части дивизии. Сначала с необычайной резвостью в тыл покатали хозяйственные повозки с испуганными возницами на передках, батальонные кухни, санитарные двуколки с ранеными, затем отдельными группами потянулись солдаты со своими младшими и старшими командирами. Этот всеобщий «драп» действовал на нервы моим батарейцам. Но они, молодцы, стояли у орудий, не поддаваясь панике.

К середине дня дорога опустела. Не видно было больше ни наших отступающих частей, ни немцев, хотя вдалеке еще слышались разрывы бомб и снарядов.

Пехота оказалась позади батареи, что противоречит всякой логике. Но я решил стоять до конца. Собрал командиров орудий и сказал:

— Вон видите впереди отдельно стоящую у дороги елочку, это наш ориентир № 1. Как только танки его достигнут, мы открываем огонь.

Этот ориентир был выбран мною не случайно. Немецкие танки будут проходить именно мимо елочки — других путей здесь нет. Слева и справа — непроходимое болото.

Стрельба прекратилась, наступила зловещая тишина. Потянулись минуты тягостного ожидания. Но вскоре донеслись звуки тихо работающих моторов. Танки! Они все ближе подходили к нашим позициям, но мои батарейцы были спокойны, как никогда.

Я подал команду: — Приготовиться! Стрельба прямой наводкой... взрыватель фугасный зарядить!

Прошел мимо каждого орудия, еще раз напомнил наводчикам об ориентире № 1. Батарейцы замерли, напряженно наблюдая за дорогой. Вот из-за поворота показался броневик — разведка. По выходе из леса он открыл огонь из башенного пулемета. Батарея молчала. Не обнаружив ничего подозрительного, немцы двинулись дальше. Когда машина поровнялась с елью, я громко выкрикнул: — Огонь!

Орудия дружно хлестнули по цели, выбросив длинные лоскуты пламени. Три снаряда с дистанции 300 м — это стрельба почти что

в упор. Броневи́к подпрыгнул козликом, развернулся поперек дороги и задымил. Через несколько минут появился первый танк и стал справа обходить своего меньшего собрата. Снова ахнули три выстрела, и танк моментально загорелся. Незаметно подошел второй танк и открыл огонь по нашей позиции. Разорвавшийся снаряд вывел из строя одну из наших пушек, стоявшую ближе к дороге. Но, открыв огонь, немцы демаскировали себя. Двумя выстрелами мои батарейцы зажгли третий костер.

На какое-то время наши пушки остудили наступательный порыв немцев. Танки в этом месте больше не прорывались, но начала откуда-то бить артиллерия. В болоте то и дело разрывались снаряды, поднимая в воздух грязные фонтаны воды.

Я подошел к разбитому орудью. Моим глазам предстала удручающая картина: из семи человек расчета четверо погибли, троих ранило. Раненых я приказал отправить в тыл, а погибших похоронить. Самым непонятным для меня было то, что на месте взрыва все вокруг пылало синим пламенем. Горели бронированный щит и станины разбитой пушки, расплавленный металл стекал на землю сине-белыми каплями. Всепоглощающий адский огонь ставил меня в тупик. Позже узнал, что немцы применили здесь термитные снаряды, которые для нас были в диковинку. Корпус такого снаряда начинался термитом, температура плавления которого превышала 3000 градусов.

Бой продолжался. На поляне то и дело бухали артиллерийские снаряды. Еще один разорвался совсем рядом с нашей батареей. Едва дым рассеялся, как раздался душераздирающий крик: «А-а-а!» . Оглянувшись, я увидел, как командир огневого взвода лейтенант Речков, выбравшись из ровика, схватился за голову и бросился бежать по дороге, ведущей в тыл. С возгласом: «Речков, Речков, стой!» — я бросился догонять его. Преследование продолжалось несколько минут, пока беглец не выдохся и не упал ничком, все так же держась руками за голову. Опустившись рядом с ним на колени, я стал его упрекать:

— Что же ты, Речков, так опозорил всю батарею? Ты же командир, пример для починенных!

Военный трибунал судил потом Речкова за трусость, осудили на 10 лет, заменив срок пребыванием на фронте; разжаловали в рядовые, но оставили на батарее телефонистом. На него жалко было смотреть, он опустил плечи, стал нелюдимым и неразговорчивым.

Мы же продолжали драться. Немцы опять зашевелились. Поводив «цейсом» по придорожному кустарнику, я обнаружил еще один замаскированный танк, который хотел обойти горящие машины,

но застрял в трясине. Слышно было, как натужно, на высоких оборотах, работал его мотор. Тут мы немцев и засекали.

Подготовив орудия, шарахнули фугасными снарядами и по этому танку. Он задымил. А чтобы немцы не могли вести спасательные работы, выпустили по ним до десятка шрапнелей. На дороге сразу все стихло.

Меня больше всего беспокоило отсутствие связи с командиром батареи, но решение у всех было твердое: стоять на занимаемых позициях. Солнце нещадно палило, очень хотелось пить, но воды у нас не было. Я уже подумывал о том, чтобы отправиться на поиски брошенных кухонь, но было не до того: враг стоял в буквальном смысле «перед носом».

Создавалось впечатление, что немецкие танки прорвались далеко вперед, оставив позади себя пехоту. Только окажись сейчас пехота на переднем крае, она бы обошла батарею по болоту и смяла нас в считанные минуты.

Вдруг в небе послышался нарастающий гул и на горизонте появился немецкий самолет-разведчик, корректировщик артиллерийского огня «Хейнкель-126», который бойцы окрестили «костылем» за торчащий в хвостовом оперении стабилизатор. Сделав два круга и определив наши координаты, «хейнкель» удалился. И немцы тут же обрушили на нас шквал огня. Земля заходила ходуном. Мы попадали в укрытия. Мысль работала в одном направлении: попадет снаряд в твой ровик или пролетит мимо?

Над лесом снова появилась эта чертова «стрекоза», делающая очередной заход. Я злился, что снять ее нам нечем. В экстремальной ситуации мозг работает с удвоенной энергией, и я понял, что надо увести орудия из зоны обстрела, иначе немецкая артиллерия добьет и так уже изрядно потрепанную батарею. Пока «костыль» развернется и передаст информацию на землю, у нас есть шанс — не более 10 минут.

Выскочив из ровика, я подал команду:

— Передки на батарею! Орудиям отбой!

Сразу все пришло в движение. Пушки из окопов выкатили через несколько минут. Но где лошади? Как медленно их подают! Смотрю на часы. Секундная стрелка на моих «кировских» бежит так быстро, что боюсь не успеть. Наконец, лошади поданы. Цепляем к передкам оставшиеся пушки, грузим несколько снарядных ящичков, на станины — раненых и убитых, и немедленно покидаем огневую позицию.

Не успела батарея удалиться на сотню-другую метров, как плыну в пух и прах разнесла немецкая артиллерия. Ездовые яростно погоняли лошадей, стараясь как можно быстрее уйти из зоны

обстрела. Чуть притормозили у 2-й батареи лейтенанта Графова, которая тоже готовилась принять бой. На ходу крикнул лейтенанту, что вел бой с фашистами, потерял одно орудие, теперь меняю огневую. Я надеялся, что мой сосед еще имеет связь с комбатом и успеет передать: 1-я батарея сражается с врагом.

Отмахав еще километра два, я приказал колонне остановиться, чтобы передохнуть и осмотреться. На батарейцев страшно было смотреть — почерневшие от копоти, уставшие до изнеможения, они валились с ног. Все взоры были обращены на меня: им казалось, что в моих руках — их дальнейшая судьба.

Я это понимал и старался, как мог. Немного передохнув, мы продолжили движение, надеясь соединиться с какой-нибудь частью. Вскоре колонна выехала из леса на поляну. Невдалеке протекала речка, за ней — густой лес. Неожиданно на поляну выкатились наши легкие танки. Сюда же стали подходить пехотинцы какой-то части. Вокруг танков бегал маленький полковник — командир этой части. Размахивая руками, он отдавал распоряжения и на чем свет крыл подчиненных. На поляне царили бестолковщина и неразбериха: никто не знал, что происходит на фронте и что надо предпринимать в создавшейся обстановке.

Я пока не хотел представляться старшему по званию и прикидывал, что можно по мостику перебраться через речку и, перетащив пушки на другой берег, организовать там огневую позицию. Речка стала бы естественным препятствием для танков, и форсировать ее под огнем нашей артиллерии немцы бы не смогли.

Но мои планы поломал откуда-то взявшийся командир батареи Веселов. Он появился на поляне без фуражки, в порванной гимнастерке, но с пистолетом в руках. Увидев нас, он бросился ко мне на шею, восклицая: «Живы! И орудия спасли, ну, совсем молодцы!» . Комбат даже прослезился: видимо, боясь ответственности, здорово переживал за потерянные пушки. О том, где остались его разведчики и связисты, а также имущество взвода управления, Веселов не сказал ни слова.

Как дисциплинированный командир, я доложил ему, как своему непосредственному начальнику, о результатах боя с немецкими танками и тут же предложил переправиться на противоположный берег речки, где можно закрепиться и продолжать бой. Веселов вначале согласился, но, увидев полковника-танкиста, пошел согласовывать наши действия с ним.

Полковник, скорее всего, не был силен в тактическом применении артиллерии и приказал оставить пушки на поляне. Теперь тут были и танки, и артиллерия, и пехота, но построить разумную оборону ему не удалось. В общем хаосе отступления некоторые

военачальники, не имея командирского опыта, чувствовали себя неуверенно, их безграмотные решения становились причиной многих неудач. Вот и на этом маленьком участке фронта — лесной поляне — беспорядочно перемешались остатки разбитых частей, словно какой-то злой волшебник манипулировал человеческим сознанием.

Мой командир даже не пытался доказать полковнику пагубность его решения — сконцентрировать у дороги пусть небольшие, но боеспособные силы. В результате я стал командовать одной пушкой, Веселов — другой. Моя пушка стояла у дороги как гриб на поляне. Ее не успели замаскировать, как начался новый бой.

Теперь немецкие танки шли вместе с пехотой. Разгромив батарею Графова, они подошли к нашей поляне. Завязался ближний бой. Вскоре все перемешалось: лязг гусениц, треск пулеметов и залпы орудий, рев моторов и взрывы снарядов. Трудно было понять, где немцы, а где наши. Я здорово пожалел, что связался со своим незадачливым командиром, нехстати оказавшимся на поляне и помешавшему мне осуществить переправу через речку.

Мои батареи в считанные секунды подготовили пушку к стрельбе. Я увидел, как два танка, выделившиеся из огненного клубка, направились в нашу сторону. С первого же выстрела один танк был подбит. Слово конь на скаку, он споткнулся и остановился. Даю команду перенести огонь на вторую машину, которая уже поворачивала свою короткоствольную пушку в нашу сторону. Тут произошел очень редкий во фронтовой практике случай: немцы и мои пушкари пальнули друг в друга почти одновременно. Танк задымился, но и пушка была подбита. Снаряд разорвался в нескольких метрах, но осколки ударили по стальному щиту, колесам и стволу. Взрывной волной меня повалило на землю. Рядом лежал весь мой расчет. Я огляделся: мои пушкари живы, только озираются как зайцы.

Без пушки нам нечего было делать на этой поляне. Пропадать за понюшку табаку не хотелось, и я увел свой расчет к речке, надеясь укрыться за крутыми берегами. Но не успели мы сделать нескольких шагов, как ударил немецкий пулемет. Пули густо зашумели вокруг нас, впиваясь в землю. Мы стали пробираться мелкими перебежками. После резкого броска я плюхнулся носом в траву, оглянулся и оцепенел: ко мне медленно приближалась очередь трассирующих пуль. Пулеметчик держал меня на прицеле. Это конец!

За свою долгую жизнь я прочитал много книг о войне. Чего только в них не написано! Даже такое: герой перед смертью прокручивает, как в кино, всю свою жизнь, видит лица родных. Думаю, что все это — домыслы авторов. В стрессовых ситуациях возможен

лишь нервный срыв, как это случилось с лейтенантом Речковым. У меня в этот момент не было никаких эмоций — один страх. Страх сковал и тело, и мысли, тут было не до воспоминаний.

Метрах в двух от меня огненная «змея» вдруг притихла и потухла. Видимо, пулеметчик решил, что я убит, а, может, у него кончились патроны, во всяком случае огонь прекратился. Приподняв голову, я определил, что до спасительной речки метров семьдесят. Пока пулеметчик перезаряжает ленту — успею. Это расстояние я преодолел быстрее орловского рысака, прыгнул с обрыва и кубарем скатился к воде. Почувствовав себя в безопасности, с жадностью припал к холодным струям. Таким же путем спустились к речке и мои батарейцы. Нас осталось пятеро. Мы оказались в «мертвом пространстве», куда не долетали ни пули, ни снаряды. Радости нашей не было передела. Мы смеялись, обнимались — живы! Умылись, наполнили фляги водой, пожевали сухариков, оказавшихся в ранце у одного из батарейцев. Приняли решение перейти речку и двигаться в тыл. Вид у нас был явно не армейский. В грязных гимнастерках и телогрейках, мы больше походили на лесных разбойников, чем на военнослужащих. Солнце прогревало воздух и эту грешную землю, а на мне по-прежнему была теплая шинель, перепоясанная ремнем. С одной стороны у меня болталась полевая сумка, с другой — пистолет и противогаз. Растегнув крючки и ослабив ремни, я почувствовал себя свободнее. Бросил в речку ненужный противогаз, который больше не носил до конца войны.

Перейдя речку вброд, мы углубились в тыл на несколько километров. Топали по бездорожью, пока не набрели на свою родную 286-ю сд — точнее, ее остатки, вышедшие из окружения и собравшиеся в хвойном лесу. Тут я впервые увидел командира дивизии. Он был в звании полковника. «Эмка», на которой он только что приехал, стояла у дороги, а шофер, подняв капот, копался в моторе.

Сколько здесь собралось людей — рота, батальон или полк — сказать было трудно. Поставив в цепь пехотинцев, танкистов, артиллеристов, ездовых и поваров, комдив бросил все это воинство в атаку. Наша пятерка тоже оказалась в этой цепи.

Что это была за атака — не описать. С криком «Ура!» мы бросились на противника. Немцы подтянули минометы и пушки; снаряды и мины стали рваться прямо в цепи атакующих. Автоматным и пулеметным огнем противник выкашивал наши ряды. Комдива ранило, и его вынесли с поля боя на плащ-палатке. Атака захлебнулась.

Наша цепь откатилась назад. Новую атаку возглавить было некому. Да если бы кто-то и нашелся, это привело бы к напрасным

жертвам. Мои батарейцы держались вместе. Патроны у нас давно кончились, мы не испытывали никакого желания попасть немцам в лапы и показали им спины. Рядом бежали, отстреливаясь, десятка два бойцов — у них еще были патроны.

Отмахав километров пять, пока не стало слышно стрельбы, мы остановились. Упали на землю, отдышались, посмотрели друг на друга испуганно-бегающими и чуть виноватыми глазами. Снова живы, и даже никто не ранен! Один из моих батарейцев, ездовой Тимофеев, сказал, что Господь Бог даровал нам жизнь. Возможно, он был прав. Я не раз наблюдал, как солдаты при обстрелах и бомбежках, сидя в окопчике, осеняли себя крестным знаменем, хотя единственным богом для нас тогда был Сталин. Только когда смерть подступала совсем близко, о Сталине никто не вспоминал.

Передохнув, мы снова тронулись в путь, держа направление на восток. Так и брели с невеселыми мыслями по лесу, пока не натолкнулись на штаб нашего дивизиона. Радости не было границ!

Появился командир батареи старший лейтенант Веселов. Последний раз мы его видели в рваной гимнастерке, без фуражки. Теперь он был в полной форме, и, кажется, доволен собственной судьбой. Докладывать мне было не о чем: все, что осталось от батареи — четверо бойцов и я. Он сам все прекрасно понимал, приказал отвести нас на кухню и накормить. Пока ели кашу, Веселов рассказал, что большая часть батареи погибла или попала в плен, а техника осталась на поле боя.

Картинка не радостная, что и говорить: в сентябрьские дни 41-го года 286 сд потерпела сокрушительное поражение. Да разве только 286-я? Целые армии Ленинградского фронта оказались в окружении.

Здесь, в тихом лесу между Мгой и Назией, после первых жестоких боев, оставшись без орудий и средств тяги, мы медленно приходили в себя, ожидая дальнейшей участи. На следующий день узнали, что батарея будет сохранена, так как знамя врагу не досталось. Прибудет пополнение, подвезут пушки, пригонят лошадей, и мы снова будем воевать.

В это небывало трудное время Ольга Берггольц написала строки, доходившие до сознания каждого защитника города:

«Смотри — материнской тоскою полна,
За дымной грядкою осады,
Не сводит очей воспаленных страна
С защитников Ленинграда...
Спасибо тебе за тревогу твою —
Она нам дороже награды.

О ней не забудут в осаде, в бою
Защитники Ленинграда...
Мы знаем — нам горькие выпали дни,
Грозят небывалые беды,
Но Родина с нами, и мы не одни,
И нашу будет победа...»

Вскоре прибыло людское пополнение, лошади, пушки. Правда, то были допотопные системы образца 1890 г. — с дальностью стрельбы 4,5–5 км, но все же в октябре 1941 г. батарея была подготовлена к боевым действиям в обороне.

Измотанная в безуспешных сентябрьских боях 286-я сд заняла оборону на рубеже р. Черная—Вороново—Тортолово—Гайтолово—полустанок Назия (южнее р. Назия).

Огневую позицию мы оборудовали у д. Вороново, НП — в двух километрах. С наблюдательного пункта велось постоянное наблюдение за перемещением войск противника.

Немцы, также перейдя к обороне, постоянно тревожили нас своими вылазками. Приходилось отбиваться всеми доступными средствами. У противника появилась звукозаписывающая техника. Как только мы открывали огонь, немцы засекали координаты батареи. Минут через 15–20 начиналась бомбежка или обстрел, что заставляло нас срочно менять огневую позицию.

Зимой фронт застыл. Нашего наступления в этом районе не предполагалось, притихли и немцы. Наступили холодные и голодные дни. Немцы захватили Тихвин, перерезав коммуникации 54-й армии, по которым шло снабжение войск на внешнем кольце ленинградской обороны. Продукты на батарею и сено лошадям поступали с большими перебоями. Лошадей приходилось кормить березовыми ветками. Их мелко рубили, запаривали, смешивали с сеном или соломой. Наше тягло стало дохнуть от бескормицы. Болели и люди: голод давал себя знать. Одно время я передвигался по позиции с палочкой, не слушались ноги, кружилась голова.

Как-то меня вызвали в штаб дивизиона на совещание. Проезжая через разрушенную деревню, от которой остались одни кирпичные трубы, я выстрелил из пистолета по стае ворон, сидевших на ветках. Подстрелив трех ворон и положив их в переметную суму, двинулся дальше. «Вороний» ужин оказался вполне съедобным. С тех пор мы постоянно охотились за этой совсем не промысловой птицей.

Несколько месяцев «болотной» жизни надоели до чертиков. Самое неприятное, что зимовали мы в летней одежде и мерзли по-страшному. Бойцов, заступавших в караул, я старался одеть как можно теплее, но поношенные шинели и дырявые сапоги

плохо держали тепло. До сих пор вспоминаю обмороженные лица своих батарейцев, в холод и голод исполнявших нелегкую службу. Эту действительность точно отразил ленинградский поэт Виктор Шутов.

«Наград не густо на груди —
Был в обороне я, в блокаде.
Огонь стеною впереди,
А голод, как трясина, сзади.
И все бои, бои, бои —
Ни отступать, ни продвигаться.
А рядом сверстники мои,
Как по ранжиру, всем по двадцать.
Но мы дубленые уже
И на ветру, и на морозе
Стоим на смертном рубеже,
Ни хлеба, ни воды не просим.
... Не густо на груди наград,
В блокаде путь военный пройден.
Но жив и славен Ленинград —
На всех один великий орден».

Только после освобождения Тихвина наши страдания закончились. В январе 42-го снабженцы подвезли долгожданное зимнее обмундирование. Мы оделись в стеганые ватные брюки, телогрейки, шапки-ушанки, валенки. Офицеры получили отличные полушубки, меховые безрукавки, байковое белье и портянки.

Разведка обнаружила в д. Вороново дом отдыха гитлеровской солдатни, куда, по слухам, немцы привозили по ночам русских девушек. Деревня находилась недалеко от наших позиций, и комбат Веселов приказал ликвидировать «дом отдыха» при первой возможности. Операцию надо было провести деликатно, чтобы не пострадали местные жители.

Мы заранее выбрали огневую позицию, проложили к ней дорогу, перетащили туда пушки. Обстрел назначили на утро. Стало светать. Морозная дымка окутывала полупрозрачным маревом деревню. Наконец, дымка рассеялась, и в бинокль отчетливо просматривалась наша цель — публичный дом. Командир первого орудия не выдерживает:

— Товарищ лейтенант, пора!

Подает команду: — По бардаку гранатой, первому — взрыватель фугасный, второму — осколочный! Прицел... Уровень... Огонь!

В утренней тишине хлопают два выстрела. Недолет. Ввожу поправку. Теперь снаряды ложатся в цель. Публичный дом вспыхивает ярким пламенем. Ездовые подают передки. Прицепив орудия, удаляемся из опасного места.

Немцы постоянно следили за передним краем, используя даже аэростат. Пробовали его сбивать — безрезультатно. И все же корректировщиков подвела немецкая аккуратность. Почувствовав безнаказанность, аэростат стал подниматься в одно и то же время, хотя и из разных точек. И мы его подловили — огнем нашей батареи аэростат был сбит. Мы еще не раз делали дерзкие вылазки, не давая противнику спокойно отсиживаться в занятых деревнях.

В феврале 42-го года меня откомандировали в Москву, в артиллерийское управление, где формировались новые части. Тепло распрощавшись с батарейцами, с которыми я несколько месяцев просидел в болоте, я отправился на попутных машинах в Жихарево — конечную станцию на пути к Ленинграду. Отсюда отправлялись составы и в другую сторону — на Москву.

Александр МЕЖИРОВ

*Споры **

Мы ни о чем не спорили тогда,
Делили молча сухари и сало.
Синявинская черная вода
Под снегом никогда не замерзала.
 Кто как умел спасался от зимы.
 Умел ли кто? Быть может. Но едва ли...
 К огню вплотную придвигались мы
 И, задремав,
 Шинели прожигали.
И, лишь размяться отойдешь на шаг,
Огнем займется кровельная хвоя,
Взрываются патроны в шалашах,
И облако встает пороховое.
 Но минул срок Синявинских болот,
 Остались только гильзы от патронов.
 Теперь мы спорим ночи напролет,
 Вагон вопросов
 С места трудно стронув. (...)
Мы спорим, загораюсь, как огонь,
Опасности таятся в наших спорах,
Как будто мы с ладони на ладонь
Вблизи огня
Пересыпаем порох.

* А. Межиров. «Закрытый поворот». Московский рабочий, 1985 г.

И. Ф. ПАШКОВ,
в 1941–1942 гг. комбат 1-го дивизиона 849 ап 294 сд

Труднее всего было под Ленинградом...*

Родился я в д. Здоровец Орловской области в 1919 году, закончил 8 классов и поступил в Ростовское политпросветучилище. В 39-м меня призвали в армию. Я попал в артполк, находившийся в г. Смоленске, и мне очень понравилось служить в артиллерии. В том же году Смоленское артиллерийское училище осуществляло дополнительный набор. Я успешно сдал экзамены и стал курсантом.

В училище было 4 дивизиона — двенадцать учебных батарей 122- и 152-миллиметровых гаубиц. График занятий был очень напряженный, основное внимание уделялось артиллерийско-стрелковой подготовке, тактике, изучению материальной части.

В апреле 41-го года я сдал на «отлично» госэкзамены и был включен в отдельную сводную батарею, принявшую участие в первомайском параде. Через несколько дней группу выпускников, и меня в том числе, направили в Горьковское артиллерийское училище для переподготовки на командиров-зенитчиков. Я не особо хотел становиться зенитчиком, т. к. уже изучил гаубицы я считал, что поддерживать пехоту — более боевая работа, чем стрелять по самолетам, но моего желания никто не спрашивал. Потому, как интенсивно нас обучали, было понятно, что война неизбежна.

22 июня нас срочно отозвали из лагерей и объявили, что началась война. Мы не знали, сколько она продлится, но шапкозакидательского настроения, помнится, у нас не было.

В июле 18 отличников отправили в Москву, где нам присвоили звание лейтенантов и распределили по частям. Я был направлен в 294-ю дивизию, находившуюся в Липецке, где меня назначили командиром взвода управления 37-го отдельного зенитного дивизиона.

В начале августа мы получили орудия и были отправлены под Ленинград. Выгрузились на ст. Мурманские Ворота и направились к месту дислокации. Нам повезло: вскоре после нашего ухода немецкая авиация разнесла станцию в щепки.

По прибытии на место попали под артобстрел. И хотя в дивизионе никто не пострадал, было, конечно, страшно.

* Из интервью Н. Чобану «Воспоминания артиллериста» (Интернет-сайт: www.militera.lib.ru).

А через пару дней набирали добровольцев идти в разведку. Четверо бойцов из моего взвода вызвались, и я подумал: — Как же я, их командир, не пойду с ними?

Пошли вместе с дивизионными разведчиками — всего человек четырнадцать. Успешно перешли линию фронта, обнаружили немецкую минометную батарею, но нас засекли, и мы еле оторвались от погони. Вот так мы сходили за «языком», да чуть свой не оставили.

Потом я недолгое время, дней 10–15, командовал стрелковой ротой. Получилось так, что немцы нас потеснили, и командование дивизии сформировало три взвода из зенитчиков, саперов и связистов, а командовать этой сводной ротой поручили мне. Через некоторое время нам удалось вернуть утраченные позиции.

В нашей дивизии в конце 1941-го года был случай, когда к немцам перешла целая стрелковая рота, правда, сильно обескровленная. В тот период в ротах оставалось человек по 20–30. Насколько я помню, сдались тогда только солдаты, без офицеров. Что тут сказать? Видно с людьми плохо работали, и, конечно, был очевиден факт сговора. Солдаты были из Смоленской области, на тот момент оккупированной, и, видно, надеялись, что немцы их отпустят по домам. Командира батальона, грамотного и боевого капитана Сугрובה отдали под суд. Его разжаловали, присудили срок с отбытием на фронте. И получилось так, что батальоном командовал красноармеец Сугробов... Правда, потом его восстановили в звании. Пострадал и командир дивизии полковник Мартычук. Это был грамотный командир, и человек хороший. Его сняли и направили командовать полком в 3-ю гвардейскую дивизию, где он отличился при защите г. Волхова. Я его потом встречал, он уже был генералом и командовал этой 3-й гв. сд. Зато ни одного политработника не наказали... Разве они не виноваты? Разве не их прямая обязанность работать с солдатами?! Правда, впоследствии о случаях дезертирства, тем более массовых, я не слышал.

Мне предложили стать помощником начальника оперативного отдела дивизии. Я подумал и согласился. А в штабе меня вдруг подозвал начальник артиллерии полковник Сионин и начал распекал: «У нас командовать батареями некому, а он тут на пехотную должность нацелился!». И все это с матами, вдоль и поперек он меня тогда «причесал»... Я пытался возразить, что меня как артиллериста все равно не используют, но куда там! Так в декабре 1941-го года я оказался командиром взвода в артполку, чему был очень рад. Почти сразу меня назначили командиром 1-й батареи 76-миллиметровых пушек 1-го дивизиона 849-го артполка.

23 февраля мы получили приказ вывести одно орудие на прямую наводку. Вывели, я остался с расчетом, начали стрелять. Уни-

чтожили один дзот, тогда же меня впервые легко ранило. Немцы открыли ответный огонь, мы бросились по щелям, сверху на меня упал командир орудия, но все равно осколок попал именно в меня, в левое бедро. Из медсанбата вернулся через месяц. Медаль «За отвагу» мне вручили в торжественной обстановке, даже удалось обмыть ее, выпил сто грамм.

Пытаясь прорвать блокаду Ленинграда, наша дивизия участвовала в августовском наступлении 1942 г. в районе Черной речки, и в числе многих частей оказалась в окружении. Перед самой попыткой прорыва лично мне командир дивизии поручил найти командные пункты 22-й, 23-й, 32 бригад 4-го гвардейского корпуса, и передать им позывные нашей радиостанции. Почему это задание поручили именно мне? Командир дивизии прямо сказал, что он мог бы послать и разведчиков, но там такие глухие леса, что нужен человек, который хорошо знает топографию и может ориентироваться на местности по карте. Я взял с собой двоих солдат, и хотя мы натыкались на немцев, нам удалось не обнаружить себя, и в течение одной ночи успешно выполнить задание. Когда мы на рассвете вернулись, то весь полк уже ушел, а батарея осталась нас ждать. Закопали все четыре пушки, снарядов к тому времени уже не было, и все оставшиеся, а было нас человек пятьдесят, пошли на прорыв. Причем, был такой момент: когда мы шли к выбранному участку прорыва, то «нос к носу» встретились с группой из двадцати человек в немецкой форме. Не говоря ни слова, мы пошли в своем направлении, а они в своем, но, наверное, это все же были наши разведчики. При прорыве был очень тяжелый бой, я получил пулю в область левой ключицы, а вышла она через спину, задев легкое. Вначале я еще держался на ногах, в правой руке держал пистолет, в левой — обойму к нему, и вдруг левая рука почему-то стала плохо двигаться. Помню, как один сержант мне говорит: «Капитан, я ранен». А я ему в ответ: «Терпи, я тоже ранен». Но потом силы покинули меня, мои солдатики вынесли меня на плащ-палатке. Думаю, процентов семьдесят из нас провалилось из окружения на участке 73-й морской бригады.

Своим выздоровлением я обязан прекрасному врачу из Ленинграда Минаевой. Когда в декабре я вернулся из госпиталя, мои сослуживцы очень удивились: они думали, что я умер.

Меня назначили командиром формирующегося 350-го отдельного истребительного противотанкового батальона, с которым я прошел всю войну, участвовал в Корсунь-Шевченковской, Яско-Кишиневской и других операциях, освобождении Польши и Чехословакии, но бои 1941–42 годов под Ленинградом запомнились как самые тяжелые.

Б. В. ВЕСЕЛОВСКИЙ*,
в 1941 г. — мл. лейтенант,
летчик 2-й эскадрильи
283-го истребительного авиаполка

На Ленинградском фронте**

В конце августа наш полк*** в составе двух эскадрилий на 20 истребителях МиГ-3 вылетел из Рязани на Ленинградский фронт. Летели за лидером — бомбардировщиком Пе-2. Метеообстановка была сложной: грозовая облачность и ливневые дожди, видимость снизилась почти до нуля. Лидер куда-то пропал, и командир полка сам завел всех нас на посадку у населенного пункта Кесова Гора. Посадочная площадка была оборудована на бывшем картофельном поле, она раскисла от ливня. На рулении из-под колес вылетала картошка. К счастью, все обошлось без происшествий. Вылетели мы отсюда на другой день. Прифронтовой аэродром находился южнее Тихвина, у деревни Шибинец. Взлетная грунтовая полоса длиной с километр, шириной метров пятьдесят находилась в живописном смешанном лесу, у небольшой речки с водяной мельницей. Самолеты мы укрыли в углубленных капонирах за западной стороной взлетной полосы. После заруливания полоса была тут же замаскирована подвижным кустарником и деревцами. Нашим жильем стали две землянки, еще одна — штабная. На мельнице была кухня и столовая. У самой деревни расположился батальон авиационного обслуживания с необходимой техникой и заправщиками.

После обеда начальник штаба полка майор Фатюшенко доложил летному составу обстановку на плацдарме, показал на карте линию фронта. Она пролегла по западному берегу реки Волхов до Киришей на юге, далее поворачивала на северо-запад к Синявину и Ладожскому озеру.

В это время года заканчивались белые ночи, темнота наступала лишь на короткое время. В землянках спали на сене, не снимая

* Судьба этого человека удивительна (...) Начал войну 22 июня на МиГ-1 (И-200), потом летал на «Киттхоуке», был сбит по Ленинградом, попал в плен, затем концлагеря в Польше, побег, партизанил, вернулся в строй, летал на Ла-5 и Ла-7, в феврале 1944-го по нелепой случайности попал под трибунал, опять лагеря (на этот раз наши), несколько побегов, после реабилитации — летная работа в аэроклубе, потом в Аэрофлоте. (А. Ревенко)

** Отрывок из книги «Скрытая биография». М., Воениздат, 1996 г.

*** 283-й истребительный авиаполк. Комполка — майор А. Н. Мальцев. (Сост.)

комбинезонов, под аккомпанемент пролетавших одиночных немецких бомбардировщиков. Иногда воздух сотрясали разрывы бомб. Это немцы пытались обнаружить наш аэродром и наугад сбрасывали свой смертоносный груз. Просыпались мы от рокота прогреваемых техниками моторов наших истребителей. В первое же утро командир эскадрильи Токарев приказал мне быть готовым к вылету с ним на разведку.

— Запуск двигателя — по ракете! Взлет — парой! Мы набрали высоту 1500 метров. В левом пеленге мы шли на запад на первое боевое задание. Реку Волхов пересекли у плотины Волховской ГРЭС. Линию фронта обозначали пожары, дым и огневые вспышки артиллерийской стрельбы. Сквозь пелену дыма едва просвечивалось Ладожское озеро — горел Шлиссельбург. Кроме нас, в воздухе никого. Командир, маневрируя, изучал обстановку на земле. На подходе к узловой станции Мга на нас обрушился шквал зенитного огня. Ясное небо стало черным от шапок разрывов, нити снарядных трасс стали проходить между нашими машинами, заставляя разомкнуться. Казалось, конца не будет этому полету. Наконец командир стал разворачиваться. В это время я услышал хлопок слева, словно кто-то стукнул палкой по крылу. Глянув, увидел, что отсутствует часть консоли — торчали обломанные деревяшки и болталась обшивка. Мотор работал нормально. Я приблизился к ведущему, но командир не увидел повреждения крыла моей машины. Разрывы зенитного огня остались позади. Стало спокойнее.

Неожиданно спереди появились два «мессершмитта». Они шли навстречу ниже нас. Когда «мессеры» были почти под нами, командир выполнил поворот и устремился в атаку. Я повторил его маневр, не отставая. Выходя из пикирования на большой скорости, мы подходили к противнику снизу. Приблизившись почти вплотную, Токарев открыл огонь. Убедившись, что второй «мессер» у меня в прицеле, я нажал на гашетки пулеметов. Результата не видел, так как в это время сорвало фонарь, воздушная струя ворвалась в кабину и унесла шлемофон, растрепав волосы. Когда я пристроился к ведущему вплотную, Токарев увидел все, что было с моим самолетом. Он сбавил скорость и постучал кулаком по своей голове, что означало: «Как мотор?» Я показал большой палец. Токарев улыбнулся и, махнув рукой вперед, закрыл фонарь своей кабины.

Никаких признаков посадочной полосы не было видно в лесу, но зеленая ракета обозначила ее место. Быстро раздвинулась маскировка, и мы зашли на посадку по одному. Наш воздушный бой с «мессерами» наблюдали с земли. В штаб пришло донесение: оба

истребителя противника сбиты. Это случилось 9 сентября 1941 года в 10 часов 5 минут в районе населенного пункта Кириши.

Осень выдалась на редкость красивой, действительно золотой. Но утренняя роса с каждым днем уступала место седому инею. Небольшое озерко около наших землянок стало затягиваться стеклянным ледком. Приходилось пробивать его каблуком сапога, чтобы умыться. Обычно еще с вечера мы знали, какая предстоит боевая работа. Были и неплановые вылеты по тревоге, которые выполняло дежурное звено самолетов, замаскированных в начале взлетной полосы. Летчики звена сидели в кабинах, готовые к запуску двигателей и взлету по сигнальной ракете.

Плановые вылеты эскадрилий выполнялись для сопровождения бомбардировщиков, штурмовиков, для прикрытия своих войск от налетов вражеской авиации. На разведку вылетала пара истребителей. По тревоге приходилось вылетать на перехват бомбардировщиков, шедших бомбить Тихвин. Сопровождали мы и транспортные самолеты Ли-2, доставлявшие грузы через Ладожское озеро в осажденный Ленинград. Они шли бреющим полетом над самой водой. Это редко обходилось без воздушного боя над Ладогой с немецкими истребителями. Если во время прикрытия штурмовиков Ил-2 — «горбачих», как мы их называли, — в воздухе не оказывалось противника, мы вместе с ними штурмовали наземные цели: артиллерийские батареи, автомашины, траншеи. За смертоносные удары немцы называли штурмовики Ил-2 «черной смертью».

В основном вылеты на задания проводились поэскадрильно. Одна эскадрилья уходила — летчики другой садились в кабины и ждали команды на вылет. Взлетающая эскадрилья пристраивалась к идущим бомбардировщикам или штурмовикам. Истребители сопровождения шли двумя группами: одна — непосредственного прикрытия — шла в стороне и сзади метров на 200. Другая — скрывающаяся группа — шла выше на 300–500 метров. Командир эскадрильи Токарев всегда вел скрывающую группу. Во всех вылетах я был у него ведомым. Наша задача: сковать боем появившихся истребителей противника и не дать им возможности атаковать бомбардировщики. Летчики группы непосредственного прикрытия отсекали прорвавшиеся «мессершмитты», не отходя при этом от охраняемых бомбардировщиков. Задача считалась успешно выполненной, если все бомбардировщики оставались в сохранности и наносили бомбовый удар по заданной цели, даже если у истребителей сопровождения были потери.

В нашу дивизию, которой командовал Герой Советского Союза полковник Николай Степанович Торопчин, входило пять полков.

Севернее Тихвина, на аэродроме у деревни Кейвакса, стоял полк на «чайках». У города Волхова, у деревни Плеханово, а так же на аэродроме у Ладоги стояло три полка на «мигах». Они выполняли аналогичные задачи. Мы часто встречались в воздухе и нередко приходили на помощь друг другу. На «пяточке», как называлась окруженная ленинградская территория, истребителей базировалось мало. Там недоставало обеспечения для боевой работы. Нам рекомендовали на «пяточке» не садиться. Только крайняя ситуация могла заставить это сделать, что и случилось однажды со мной. Мы сопровождали через Ладожское озеро транспортные самолеты Ли-2. На нас обрушился рой «мессеров». Каждый из нас дрался с несколькими «мессерами». Когда бой кончился, у меня осталось совсем мало горючего и пришлось сесть на «пяточке», на Комендантском аэродроме. Ко мне подбежали рабочие авиационных мастерских. Они быстро залатали пробойны и подогнали к самолету заправщик.

— Как у вас тут дела? — заговорил я с одним из рабочих.

Он вынул из кармана и протянул немецкую листовку. На ней значилась дата, когда фашисты собирались быть в Ленинграде и предлагали встречать гостей.

— Вот им, — рабочий показал кукиш, — а не Ленинград! Сейчас стало полегче, добавили хлеба, теперь получаем сто пятьдесят грамм! Так что бейте этих стервятников, а мы тут не подкачаем!..

Немецкой авиации под Ленинградом было намного больше, чем нашей, особенно самолетов-истребителей. Наш МиГ-3 уступал немецкому «Мессершмитту-109» по всем статьям. Лишь на больших высотах он имел превосходство в скорости. Немцы это знали и вели боевую работу на малых и средних высотах. Все немецкие объекты и укрепления были прикрыты зенитками. Наши бомбардировщики несли большие потери не только от истребителей, но и от зенитного огня.

В район Синявино мы ежедневно сопровождали группы бомбардировщиков Пе-2. Чего только не сыпали на немецкую оборону — от разных бомб до фосфорных шариков, горящих даже в воде. И тем не менее вражеские средства обороны оказались неподдавленными. Готовилась Синявинская операция по прорыву кольца блокады в направлении Шлиссельбурга. Когда наши части пошли в атаку, немцы встретили атакующих ураганным огнем. Операция не удалась, погибли десятки тысяч солдат.

Каждый день из боевых вылетов кто-то из летчиков не возвращался. Особенно большие потери были в 1-й эскадрилье. В конце сентября из утреннего вылета на сопровождение бомбардировщиков вернулся лишь один заместитель командира

1-й эскадрильи Саша Анюточкин. Долетел чудом — вся его машина была в пробоинах, из мотора текло масло. Не вернулась и половина бомбардировщиков. На наши расспросы Саша лишь рукой махнул: «Встретила нас тьма “мессеров”».

Следующий вылет был нашей эскадрильи. Взлетели восьмеркой. Три истребителя пристроились к бомбардировщикам. Наша сковывающая пятерка во главе с Токаревым расположилась выше. Шли на станцию Лодва на высоте 1000 метров. Не доходя до цели, как обычно, показались приближающиеся многочисленные точки, увеличивающиеся в размере. Действительно «тьма», вспомнил я слова Анюточкина. С одной стороны, такая масса вражеских машин позволяет быстро атаковать цель, а с другой — не успеешь открыть огонь, как тебе самому сядет на хвост «мессер».

В такой ситуации даешь одну-две прицельные очереди, но результат стрельбы увидеть не успеваешь, так как видишь немца на хвосте и резким маневром пытаешься уйти от его огня.

Начинается карусель воздушного боя. Чуть замешкаешь — будешь расстрелян. Возвратившись на аэродром, о результатах такого боя в большинстве случаев ничего конкретного сказать нельзя.

— Вел воздушный бой с превосходящими силами противника, стрелял. Сбил или не сбил — сказать не могу.

В тот раз все происходило именно по такой схеме. Я открыл огонь в лобовой атаке. Успел дать очередь после боевого разворота и сразу же ушел скольжением от трасс пристроившегося мне в хвост фрица. Снаряды прошли в полуметре над кабиной. Немец не отставал, никакими маневрами не мог я от него оторваться, а он настойчиво подбирал момент для решающей очереди. На помощь мне никто не приходил. Видимо, вся группа рассеялась и летчики вели индивидуальные бои. Двигатель работал на максимальном режиме, я выжимал все из себя и машины. Стремился пилотировать на максимальных перегрузках, надеясь, что фриц слабее меня, и у него в глазах потемнеет раньше. Не раз выскакивали предкрылки, предупреждая срыв в штопор. Наконец, убедившись по трассам, что немецкому асу в меня не попасть, я успокоился тем, что у «мига» меньше топлива, нежели у «мессера». Единственное спасение — тянуть фрица на высоту. Это мне удалось, несмотря на круговерть маневров.

Уже на высоте 5000 метров «мессер» стал «проваливаться», выше — отставать. Если бы не оставшиеся капли горючего, можно было поменяться ролями. Из этого боя из нашей пятерки домой не вернулся Коля Ленюк. Наши бомбардировщики успели зайти на цель. Бомбы легли прицельно. Все бомбардировщики вернулись на свой аэродром. Земля сообщила, что в этом бою было сбито

четыре «мессера». К концу сентября 1941 года в нашем полку осталось шесть летчиков — командир полка Мальцев, командир 2-й эскадрильи Токарев, ее комиссар Алексей Годовиков, заместитель командира эскадрильи Саша Анюточкин, Миша Горлов и я. Оставшиеся самолеты были потрепаны, все в заплатах. Пять «мигов» были переданы в другую часть. Один ремонтировался на аэродроме. К нам прибыли остатки другого полка — сержанты Толя Сорокин, Коля Денчик, Саша Лазарев и капитан Леонид Горячко, знакомый мне по Каунасу. Встреча с Леонидом была дружеской и радостной. Мы ждали транспортный самолет, чтобы убыть на переформирование и получить новые самолеты. Немцам стало известно, что на нашем аэродроме нет больше истребителей, и они нагло, на небольшой высоте, проходили нашу зону и безнаказанно бомбили Тихвин.

Это особенно переживал наш командир Токарев. Он мастерил зенитную установку и готовился поразить немцев. Как-то в первые дни октября в чудесный, с легким морозцем денек, мы небольшой группой стояли у штабной землянки. Развлекались анекдотами и всякой болтовней. Вдруг появились «Хейнкели-111». Шли на Тихвин. Вскоре оттуда донеслись разрывы. Бомбардировщики безнаказанно повторяли заходы, поражая выбранную цель. Видимо, бомбы попали в склад горючего — столб черного дыма поднялся на большую высоту и стоял неподвижно в спокойном синем небе. От досады мы приумолкли. Кто-то выругался, когда немецкие самолеты возвращались назад. Едва они скрылись, как на большой высоте, оставляя за собой инверсионный след, появился «Юнкерс-88». Он шел на Тихвин, видимо намереваясь фотографировать результаты бомбежки. В это время из палатки, где ремонтировали МиГ-3, выбежал инженер полка и доложил командиру о готовности машины к облету. Взгляд командира полка остановился на мне.

— Давай! Облетай. И — вот! — Он ткнул пальцем вверх, указав на движущегося разведчика.

— Понял! — был мой ответ.

Мотор уже был запущен. Привычно наброшен парашют, привязные ремни, сектора газа — вперед, разбег и взлет. На высоте надеть кислородную маску трудно. Пришлось ее прижимать ко рту рукой. Когда я набрал высоту разведчика, он, не дойдя до Тихвина, стал разворачиваться обратно. Видимо, обнаружил меня по инверсионному следу, но это не спасло его. Зайдя ему в хвост, я с небольшой дистанции прицельно открыл огонь. Красная трасса уперлась в туловище «юнкерса», из правого двигателя потянулся сизый шлейф. Резко перейдя в пикирование, разведчик пытался

уйти от огня, но я не отставал. Дистанция не увеличилась. На пикировании методично, очередь за очередью, всаживал я в него. Он дергался, но никак не загорался. Так и скрылся в приземной облачности. Потом из района Будогощи сообщили о врезавшемся в лес «юнкерсе». По времени определили, что это тот самый разведчик. Это был четвертый сбитый стервятник на моем счету. Прошел неполный месяц боевой работы нашего 283-го полка. Фактически его не стало, как не стало нашего 31-го полка в первый день войны. А сколько погибло людей!

Для нас же, оставшихся в живых, жизнь продолжалась, чувства обострились. Все стало выпуклым, ярким, ощутимым. Природа стала казаться иной — мы поняли цену жизни, стали дороги друг другу, словно породнились. Обязаны этому мертвым и живым. Умирать из нас никто не хотел, но мы смирились с мыслью, что кто-то сегодня не вернется. Но если расставаться с жизнью, то отдать ее следует подороже, чтобы не было обидно. Идя в атаку, мы кричали не только: «За Родину!», «За Сталина!». Мы так же кричали: «За Ваню!», «За Петра!», «За Наташу!», «За Таню!», «За Ленинград!»

Недавние бои не покидали наши мысли, подолгу мы не могли уснуть. Лишь утро прерывало переживания и раздумья. Избавиться от такого состояния помогало спиртное — «сто грамм» за каждый вылет. Выпьешь перед ужином триста граммов — и приходит желанный сон. Спишь тогда мертвецки, пока гул моторов не разбудит. За этот месяц пришлось привыкнуть к спиртному, до этого не только водку — пива в рот не брал.

Отвлекали нас от фронтовой действительности и ленинградские артисты. Они приезжали к нам, и мы с удовольствием прослушивали их концерты. На весь лес из громкоговорителя доносился голос Клавдии Шульженко: «...синенький скромный платочек...»

Осталось в моей памяти еще одно немаловажное событие. В сентябре меня и других летчиков приняли в ряды ВКП(б). Партийные билеты нам вручили, когда мы дежурили в кабинах машин в готовности к немедленному вылету. Было нам в то время по 20–25 лет...

Часть II
Год 1942-й

Осенью сорок второго

Июль 1942 года. Только что закончилась Любанская операция — третья безуспешная попытка прорыва блокады Ленинграда, длившаяся шесть месяцев и стоившая потерь в четыреста тысяч человек¹.

Ленинград, пережив тяжелейшую военную зиму, все еще находился на голодном пайке, имел единственную связующую нить со страной через Ладожское озеро. По этому пути город эвакуировал женщин, детей, стариков, получал продовольствие. В самом осажденном Ленинграде выпускались снаряды, ремонтировались танки; за счет предельных возрастов и выписанных из госпиталей пополнялись редееющие части Ленфронта. Но без помощи с востока прорыв блокады был невозможен.

В июле сорок второго Волховский фронт приступил к подготовке новой наступательной операции. «Операция планировалась, — пишет К. А. Мерецков², — как совместные действия правого крыла Волховского фронта и Невской оперативной группы Ленинградского фронта. Главная роль отводилась войскам Волховского фронта, которые должны были прорвать оборону противника южнее Синявина, разгромить его мгинско-синявинскую группировку и, выйдя к Неве, соединиться с частями Ленинградского фронта. [...] Всего лишь 16-километровое пространство, занятое и укрепленное противником, разделяло войска Волховского и Ленинградского фронтов. Казалось, достаточно было одного сильного удара, и войска двух фронтов соединятся. Но это только казалось. Я редко встречал местность, менее удобную для наступления. У меня навсегда остались в памяти лесные дали, болотистые топи, залитые водой торфяные поля и разбитые дороги. [...] Чтобы воевать и жить, войска вынуждены были строить вместо траншей дерево-земляные заборы, вместо стрелковых окопов — насыпные открытые площадки, на протяжении многих километров прокладывать бревенчатые гати и сооружать для артиллерии и минометов деревянные платформы».

«Мы никогда не организовали бы прорыва на такой местности», — писал впоследствии генерал-фельдмаршал вермахта Эрих фон Манштейн³.

¹ «Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах». — М.: Воениздат, 1993.

² Мерецков К. А. На службе народу. — М., 1970.

³ Манштейн Э. Утерянные победы. — М.: Воениздат, 1957.

Но у нас, по-видимому, иного выхода не было.

В это время войска Южного фронта оставили Крым. Освободившуюся после взятия Севастополя 11-ю армию Манштейна Гитлер решил использовать для нового наступления на Ленинград. В директиве ОКВ¹ № 45 от 23 июля 1942 г. говорилось: «Группе армий "Север" к началу сентября подготовить захват Ленинграда. Операция получает кодовое название "Фойерцаубер" ("Волшебный огонь"). Для этого передать группе армий пять дивизий 11-й армии наряду с тяжелой артиллерией и артиллерией особой мощности»².

Группа армий «Север» начала подготовку к наступлению. Под Ленинградом шло сосредоточение немецких войск, техники и вооружения. Операция получила новое название «Нордлихт» («Северное сияние»). В указаниях Гитлера говорилось: «...операция "Нордлихт" является лишь средством для освобождения Балтийского моря и овладения Карельским перешейком. Задача: 1-й этап — окружить Ленинград и установить связь с финнами; 2-й этап — овладеть Ленинградом и сровнять его с землей»³.

Наша разведка доносила о прибытии новых немецких частей под Ленинград.

«Из Крыма, — пишет Х. Польшман⁴, — были доставлены штабы 30-го и 54-го армейских корпусов, 24-я и 170-я пехотная дивизии, а также 28-я легкопехотная дивизия. Это был первый эшелон соединений, предназначенных для наступления на Ленинград».

«Тогда не удалось установить, — вспоминал К. А. Мерецков⁵, — что эти войска принадлежат 11-й армии Манштейна, перебрасываемой с юга. Впрочем, противник, в свою очередь, ничего не знал о подготовке нашего наступления. Следует признать, что обе стороны сумели осуществить подготовку операции скрытно, с широкими мерами маскировки и искусной дезинформации».

19-го августа, когда на Волховском фронте еще прокладывали гати и подвозили снаряды, Ленфронт уже начал наступление. 268-я дивизия полковника С. И. Донского атаковала пос. Усть-Тосно и, высадив с Невы десант на пристани в Ивановском, захватила шоссейный мост через Тосну⁶. Такую несогласованность в действиях

¹ Верховное командование вермахта.

² *Husetan F.* Die guten Glaubens waren. — Coburg, 1999. Перевод И. М. Дунавской.

³ История 2-й мировой войны 1941–1945 гг. — М., 1975. — Т. 5.

⁴ *Польшман Х.* Волхов. 900 дней боев за Ленинград / Пер. с нем. М. И. Беккер. — М., Захаров, 2000.

⁵ *Мерецков К. А.* На службе народу. — М., 1970.

⁶ *Иванова И. А.* Заслон на реке Тосне. — СПб.: Политехника, 2003.

фронтов трудно объяснить одним стремлением к дезинформации противника.

Только 21-го августа, когда на Ивановском «пяточке» истекал кровью клюкановский полк и плыли по Неве расстрелянные баржи с мертвыми десантниками, под Тихвином встретились Военные советы Ленинградского и Волховского фронтов и командующий Балтийским флотом В. Ф. Трибуц.

«Мы познакомили ленинградских товарищей с планом операции Волховского фронта и вместе обсудили степень участия в ней Невской оперативной группы, а также артиллерии и авиации Ленинградского фронта», — пишет в своих воспоминаниях К. А. Мерецков¹, ни словом не упоминая о боях в устье Тосны, будто их и не было вовсе.

Между тем, кровопролитное сражение 19–25 августа 1942-го года, стоившее 268-й и 136-й дивизиям потерь в семь тысяч человек, закончилось завоеванием Ивановского плацдарма и истощило ресурсы Ленфронта, предназначенные для совместных действий. Ивановский «пяточок» просуществовал до января 1944 г., но, будучи блокирован немецкими войсками с трех сторон, не мог быть использован для нашего наступления.

После войны Фридрих Хуземан, автор книги о полицейской дивизии «СС», напишет об этих боях²: «Наступление дивизий к востоку от Колпина мы расценили как отвлекающее от прорыва в Гайтолово. С этой точки зрения должен рассматриваться упрямый натиск противника и крайняя необходимость его выдержать, т. к. при удачном наступлении русских весь северо-восточный заслон вокруг Ленинграда рухнул бы».

23 августа в Ставке Гитлера состоялось совещание, определившее дату наступления на Ленинград, — 14 сентября, о чем свидетельствует запись в журнале боевых действий группы армий «Север». «...В заключение Гитлер вновь обратился ко всем собравшимся: — Я очень озабочен действиями Советов в связи с наступлением на Ленинград. Подготовка не может остаться для них неизвестной. Реакцией может стать яростное наступление на Волховском фронте против слабо занятого нами участка у Погостья и прежде всего против узкой горловины у Мги. Этот фронт при всех обстоятельствах должен быть удержан. Танки “тигр”, которых группа армий получит сначала девять, пригодны, чтобы ликвидировать любой танковый прорыв»³.

¹ Мерецков К. А. На службе народу. — М., 1970.

² Huseman F. Die guten Glaubens waren. — Coburg, 1999. Перевод И. М. Дунаевской.

³ Слова Гитлера на совещании в Ставке ОКВ 23.08.42 г.

Наступление Волховского фронта планировалось тремя эшелонами. Первой выступала 8-я армия под командованием г.-м. Ф. Н. Старикова, имевшая в своем составе 6-й гвардейский корпус (3-я, 19-я, 24-я гв. сд), пять стрелковых дивизий, одну стрелковую и шесть танковых бригад. Второй эшелон — 4-й гвардейский корпус г.-м. Н. А. Гагена должен был развить наступление на всю глубину, а третий — 2-я ударная армия г.-л. Н. К. Клыкова — предназначался для разгрома противника на завершающем этапе.

К моменту начала наступления второй и третий эшелоны еще не были полностью сформированы, но, опасаясь выступления немцев, командующий фронтом назначил дату прорыва на 27 августа. Соотношение сил на Волховском фронте было таково ¹. Немцы имели 19 стрелковых батальонов (24 тыс. чел.), наши войска — 75 батальонов (73 704 человек). Станковых пулеметов у немцев было 210, у нас — 446; ручных соответственно — 830 и 1746; минометов — 270 и 1447; ПТР — 170 и 1274; полевых орудий — 132 и 540; танков — 20 и 78; самолетов — 20 и 200 (включая Ленфронт).

К. А. Мерецков приводит в своих воспоминаниях разговор с Верховным Главнокомандующим накануне операции: «И. В. Сталин спросил меня: "Сколько вам нужно автоматов и винтовок?"»

— Автоматов 3–5 тысяч, винтовок 5 тысяч, — памятуя о былых затруднениях с оружием, назвал я самую минимальную цифру.

— Дадим 20 тысяч, — ответил Сталин, а затем добавил: — У нас сейчас достаточно не только винтовок, но и автоматов»².

Автоматы ППД были получены. Но качество их оставляло желать лучшего, а главное, боеприпасы были израсходованы в первые дни наступления, доставка же новых через горловину прорыва была сопряжена со значительными трудностями.

27 августа, после двухчасовой артподготовки, 8-я армия г.-м. Ф. Н. Старикова начала наступление на 15-километровом фронте от мыса Бугровский на Ладожском озере до Воронова за Северной железной дорогой. Скрытность подготовки, внезапность удара, превосходство в силах и средствах обеспечили первоначальный успех.

128-я сд полковника И. В. Грибова с ходу овладела Рабочим поселком № 8. 24-я гвардейская дивизия полковника П. К. Кошевого и 19-я гвардейская дивизия полковника Д. М. Барина прорвали оборону 425-го немецкого полка между Гонтовой Липкой и Гай-

¹ ЦАМО, ф. 344, оп. 5554, д. 349.

² Мерецков К. А. На службе народу. — М., 1970.

толовом, вышли на западный берег речки Черной южнее роши Круглой и овладели участком Путиловского тракта от Гайтолова до Синявина.

265-я сд полковника Б. Н. Ушинского заняла Тортолово и поселок 1-й Эстонский. За два дня 8-я армия продвинулась на запад на 7 км.

Вспоминает бывший командир взвода 72-го полка 24-й гвардейской дивизии Н. А. Чеков. «27 августа после артподготовки наша дивизия начала наступление вдоль высоковольтной линии Волхов—Ленинград. Нас сопровождали три легких танка БТ-70. Два из них вскоре увязли в болоте, третий был подбит. Но как хорошо мы тогда пошли! За сутки прошли километров пять-семь. Это очень много, если учесть, какая местность была вокруг: густой лес и болото. Взяли несколько батарей противника и обстреляли немцев из их же орудий. На третий день наступление замедлилось: продвигались уже на 200–300 метров в сутки. Пехота несла большие потери. Мой взвод несколько раз пополнялся. Немцы сильно и умело оборонялись. Их авиация свирепствовала... Наших "сталинских соколов" мы не видели».

Неподавление огневых точек, неумение закрепляться на достигнутых рубежах привели 28 сентября к потере 128-й дивизией Рабочего поселка № 8. Лобовые атаки 3-й гвардейской дивизии на рошу Круглая и 286-й дивизии на Вороново сопровождались большими потерями и не давали результатов. Неудовлетворительная разведка не давала представления о характере укреплений противника: дерево-земляные валы оказались неожиданным препятствием для пехоты и танков. Артиллерия наносила удары не по целям, а по площадям, и огневые точки врага из роши Круглой, Поречья, Мишкина, Воронова не были подавлены.

Генерал-полковник Г. Е. Дегтярев, бывший тогда начальником артиллерии Волховского фронта, впоследствии напишет ¹: «Командующий артиллерией 8-й армии г.-м. Безрук со своим штабом спланировал лишь подготовку атаки. Что касается поддержки пехоты и танков, то она предусматривалась только до захвата опорных пунктов. [...] Обеспечение боя в глубину совсем не планировалось. Стрельба в основном велась не по целям, а по площадям, вследствие чего система огня противника осталась ненарушенной. Не случайно атакующая пехота несла большие потери и быстро утрачивала боеспособность».

¹ Дегтярев Г. Е. Особенности артиллерийского обеспечения фронтовой и армейской наступательных операций в лесисто-болотистой местности. — М.: Воениздат, 1947.

Тем не менее наступательный порыв первых дней операции был силен. «Русским все же удалось, — пишет Х. Польшман¹, — прорваться до Бальцервега — немецкого пути снабжения в Шлиссельбург — и таким образом пройти полдороги до Невы. Создалась обстановка, с которой уже нельзя было справиться только местными мероприятиями. [...] 170-я дивизия была спешно переброшена по железной дороге на станцию Мга и уже 28 августа введена в бой с целью локализовать район прорыва.»

29 августа 128-я сд вернула Рабочий поселок № 8. Части 6-го гвардейского корпуса вплотную подошли к Синявино, но, остановленные массированным артогнем, залегли. 19-я гв. сд вышла к о. Синявинскому, но была контратакована подразделениями 170-й пд. Немецкая авиация бомбила наши позиции весь день. Над полем боя стоял несмолкаемый грохот разрывов.

Бывший ротный политрук из 19-й гвардейской дивизии В. Г. Иванов вспоминал: «Командир 56-го полка Ярошевич ставил перед батальоном задачу войти в Синявино 30 августа. Но ни тридцатого, ни тридцать первого, ни в сентябре ворваться в Синявино, несмотря на все приложенные силы, не удалось. Бои были ожесточенными и тяжелыми для обеих сторон. Батальон отбивал атаку за атакой. Редели наши ряды, выбывали из строя товарищи. Погибли комбат, старший лейтенант Пушкин — смелый и решительный человек, и наш командир роты Анатолий Поляков. Рукопашные схватки стали чуть ли не системой».

За пять дней боев потери 8-й армии составили 16 185 человек. В армии осталось 11 103 активных штыка². Наши потери и наращивание сил противника привели к 1-му сентября к равновесию сторон. Превосходство в живой силе было утрачено. Немцы получили 550 самолетов из Крыма и делали в день по 450 вылетов. Блокированный немецкий гарнизон в роще Круглой снабжался с самолетов.

«Было очень важно, — читаем у Х. Польшмана³, — удержать две угловые опоры в месте прорыва — на юге у Тортолова и на севере у Гонтовой Липки, где особенно отличился 366-й пехотный полк под командованием полковника Венглера, который, несмотря на окружение, стойко держался на так называемом «носу Венглера». Таким образом, единственным путем снабжения всех сил противника оставалась только электропросека».

¹ Польшман Х. Волхов. 900 дней боев за Ленинград / Пер. с нем. М. И. Беккер. — М., Захаров, 2000.

² ЦАМО, ф. 344, оп. 5554, д. 339, л. 1–32.

³ Польшман Х. Волхов. 900 дней боев за Ленинград / Пер. с нем. М. И. Беккер. — М., Захаров, 2000.

Дивизионный инженер, подполковник в отставке К. К. Крупица так характеризовал этот опорный пункт ¹. «Роцца Круглая — сильно укрепленный батальонный узел сопротивления немцев, в котором находилось по три опорных пункта с орудийными и пулеметными дзотами, открытыми пулеметными площадками, минометными позициями, системой траншей с ходами сообщения и блиндажами. Инженерное оборудование и система огня позволяли вести оборонительный бой в полном окружении. Все подходы к узлу сопротивления и ротным опорным пунктам прикрыты минно-проволочными заграждениями, простреливаются фланкирующим и косоприцельным огнем, накрываются огнем минометов».

Немцы удерживали «нос Венглера»² два года и покинули «дьявольскую дыру», как они называли этот перепаханный снарядами клочок земли, лишь 2 октября 1943 года, когда после Мгинской операции («3-го Ладожского сражения») он потерял для них всякое значение.

А тогда, в сорок втором, весь сентябрь вела безуспешные бои за роццу Круглую, ежедневно пополняясь, 3-я гвардейская дивизия г.-м. Мартынчука. В первый же день наступления 27 августа в журнале боевых действий 13-го полка появилась запись: «...Подразделения продвижения не имеют. В первой роте осталось 13 человек, во второй — 8, в четвертой и шестой — 20. Комиссар полка ранен, начальник артиллерии убит.

29 августа. Продвижение подразделений полка вперед невозможно ввиду того, что дерево-земляной вал, лежащий на протяжении всей полосы наступления, не разрушен, за валом имеются дзоты и минные поля. Из роццы Круглая и с Синявинской горы ведется сильный артминпульгонь, что мешает продвижению вперед.

31 августа. 8, 9 стрелковые роты и рота автоматчиков в 11.00 с боями заняли северную опушку роццы Круглая и закрепились на достигнутых рубежах. Остальные подразделения в течение всего дня вели упорные бои за овладение роццей, 1-й батальон четыре раза бросался в атаку. Наши потери убитыми 44 человека, ранеными — 128.

3 сентября. Подразделения полка с 3.00 до 21.00 шесть раз бросались в атаку, стремясь овладеть роццей Круглая».

Для развития наступления в глубине прорыва К. А. Мерецков ввел 29 августа 2-й эшелон — 4-й гвардейский корпус генерала

¹ Крупица К. К. Синявинская наступательная операция // рукопись.

² Роцца Круглая.

Н. А. Гагена в составе трех стрелковых дивизий и четырех бригад. Прокладывая гати через непроходимое Большое болото, передовые части углубились в оборону противника еще на три километра. До Невы оставалось 6 км. Но немецкая артиллерия поливала атакующих сплошным огнем с Синявинских и Келколовской высот, и преодолеть эти километры не удавалось.

В книге Х. Польмана ¹ приводятся выдержки из дневника советского старшего лейтенанта, командовавшего 861-м полком 294-й сд и попавшего в плен в конце операции.

«4 сентября 1942 г. Вчера был боевой приказ: прорыв на Ленинградское шоссе и Московскую Дубровку... Сегодня мы на исходной позиции. Положение дивизии следующее: на ширине 2 км наши части продвинулись на 3–3,5 км, образовав тем самым мешок. Дальнейшее продвижение вперед без прорыва и расширения на флангах было бы глупостью. Несмотря на это, наш полк по решению командира корпуса сегодня целый день атакует, но не сдвигается с места. До 18 часов полк потерял 65% рядового состава и 100% командиров».

Действовавшая в составе 4-го гвардейского корпуса 294-я сд имела при введении в бой 7288 человек, а потеряла в сентябре 6934 человека ².

Свежая 259-я сд сменила понесшую большие потери 24-ю гвардейскую у озера Синявинского с задачей продолжить наступление к Неве.

«Мы наступали 3–4 сентября от Черной речки на Келколово, — вспоминал заместитель командира 939-го полка 259-й сд П. А. Чипышев, — без артиллерийской поддержки. Снаряды, присланные для дивизионных пушек, к нашим 76-миллиметровым не подходили. Гранат не было. Пулеметы немецких дзотов оставались неподавленными, и пехота несла огромные потери».

Немцы об этих днях пишут так ³.

«...Серьезная ситуация возникла 3-го сентября, когда противник вновь прорвался несколькими полками севернее Синявинского озера в направлении Келколово. [...] Возникла серьезная угроза флангового прорыва противника в тыл находящихся на берегу Невы, фронтом на запад, немецких позиций и опасность блокирования единственной линии снабжения в северном направле-

¹ Польман Х. Волхов. 900 дней боев за Ленинград /Пер. с нем. М. И. Беккер. — М., Захаров, 2000.

² ЦАМО, ф. 344, оп. 5554, д. 339, л. 1–32.

³ Kardel H. Die Geschichte der 170. Infanterie-Division 1939–1945. — Bad Nauheim, 1953.

нии. [...] Теперь начались самые тяжелые до настоящего времени оборонительные бои дивизии с многочисленными, значительно превосходящими в военной технике, прежде всего, в танках, врагами. Взятый рубеж удерживался без противотанковых средств. Нападавшие танки уничтожались пехотинцами в ближнем бою или артиллеристами прямой наводкой. Только за первый день дивизия уничтожила 47 танков».

4-го сентября Гитлер приказал Манштейну принять на себя командование всеми войсками, действующими на фронте южнее Ладожского озера, и «восстановить положение при Гайтолово, чтобы избежать катастрофы»¹.

30-й немецкий корпус воевал у Тортолова, 26-й — севернее Путиловского тракта, всего — пять пехотных и три горнострелковые дивизии. Танки 12-й дивизии из группы Байера, освободившиеся после боев за Ивановское, были переброшены к Гайтолово.

Наши передовые части, сражавшиеся в глубине прорыва на подступах к Синявину, таяли. На смену 19-й гвардейской дивизии полковника Барина Мерецков направил 191-ю сд из состава 2-й ударной армии, только что прибывшую в Килози.

2–5 сентября в ротах проводились политинформации, партийные и комсомольские собрания, нацеливающие на прорыв блокады, но ничего не говорилось о ближайших задачах конкретным подразделениям применительно к местности и обстановке.

Вспоминает командир взвода 546-го полка Ф. А. Меньшиков: «После боев на Волхове нас привезли в район Гайтолова. Вечером собрали командиров рот и взводов, объявили о наступлении. Задача: взять Синявино и соединиться с войсками Ленфронта. Карты не было. Никаких сведений о противнике, о соседях не сообщили. Утром без артподготовки, без танков пошли в атаку».

5 сентября на рекогносцировке был убит командир 191-й сд подполковник Н. И. Артеменко. Его заменил комдив 19-й гвардейской сд полковник Д. М. Баринов.

В тот же день 200 немецких автоматчиков вышли в тыл 3-й гвардейской дивизии, удерживавшей дорогу из Синявина к роще Круглой и оттеснили в болото полки 19-й гвардейской сд.

6-го сентября начались атаки немцев из рощи Круглой, потеснивших наши части. Силами 191-й дивизии и 53-й стрелковой бригады удалось восстановить положение. Как писал впоследствии начальник оперативного отдела фронта генерал-майор В. Я. Семенов, — «у К. А. Мерецкова появилась надежда овладеть

¹ Манштейн Э. Утерянные победы. — М.: Воениздат, 1957.

рощей Круглой. Надо только как следует подавить огневую систему противника»¹. Но наша артиллерия и авиация не смогли разбить немецкие дзоты в роще, и подразделения по-прежнему теряли людей в лобовых атаках. Спустя двое суток в 191-й сд осталось лишь тридцать процентов от первоначального состава.

«После 4-го сентября, — констатировал К. А. Мерецков², — мы не смогли продвинуться ни на один метр. Тогда Военный совет фронта решил ввести в бой третий эшелон».

Это произошло 8 сентября. Командование Волховским фронтом издало директиву № 010 о вводе в сражение 2-й ударной армии. К тому времени в ней оставалась одна стрелковая (374-я) дивизия и две бригады — 22-я и 32-я. 6-й и 4-й гвардейские корпуса были переданы штабу 2-й ударной армии. Войскам определялись следующие задачи:

6-му гвардейскому ск — овладеть рощей Круглая и к 14.09 выйти на рубеж РП 5 — Синявино;

4-му гвардейскому ск — нанести удары на Мустолово-Анненское, овладеть совхозом «Торфяник», Келколово и наступать на Московскую Дубровку; 8-й армии — удерживать рубеж озеро Синявинское — пос. 1-й Эстонский — Тортолово—Вороново, защищая 2-ю ударную армию от контрударов противника³.

Но ведь те же задачи ставились перед войсками две недели назад, когда соотношение сил было совсем иным! Реально ли было их выполнение теперь, когда части первых двух эшелонов понесли потери в 49 534 человека⁴, войска не имели резервов и надежных путей подвоза? Когда мы утратили численное превосходство, а личный состав 2-й ударной армии пошел лишь на пополнение поредевших полков?

Создается впечатление, что штаб фронта, отдавая директиву № 010, не имел представления о состоянии своих частей.

В стрелковых подразделениях 3-й дивизии, которой предписывалось брать рощу Круглая, к 10 сентября насчитывалось 379 человек. 5-й и 9-й полки были окружены за дорогой Синявино—роща Круглая. Из окружения вышло 54 бойца. Полки, по заключению комкора-6 генерал-майора С. Т. Биякова, были небоеспособны⁴.

137-я отдельная стрелковая бригада 4-го корпуса насчитывала 79 активных штыков, имела 1 станковый и 4 ручных пулемета;

¹ Военно-исторический журнал. — 1972. — № 10.

² Мерецков К. А. На службе народу. — М., 1970.

³ Д. 010

⁴ ЦАМО, ф. 344, оп. 5554, д. 339, л. 1-32.

140-я бригада, окруженная у отметки 38,3, располагала 23 процентами личного состава, двумя станковыми и семью ручными пулеметами¹. О каком ударе на Анненское у Невы могла идти речь?

Вероятно, для командующего фронтом было важнее отдать решительный приказ, чем обеспечить его выполнение: ведь рассчитывать за неудачу будут подчиненные.

10 сентября немцы перешли в наступление по всему фронту нашего прорыва. На южном фланге действовали 24-я, 132-я, 170-я пехотные дивизии, с запада и севера — 28-я мотопехотная, 5-я горно-егерская, 121-я пехотная дивизии. Манштейн пишет: «Контрнаступление было организовано с севера и юга, из опорных пунктов, чтобы отрезать вклинившиеся войска прямо у основания клина»². Авиация противника получила семь бомбардировочных эскадрилий с других фронтов, причинив большой урон нашим войскам.

Комдив 24-й гвардейской дивизии полковник П. К. Кошевой вспоминал: «Дни и ночи *оборонительного*³ сражения против войск Манштейна слились для нас в один бесконечный, грохочущий взрывами снарядов и бомб, треском пулеметов и автоматов, бой. Сутки за сутками проходили в отражении бесчисленных атак пехоты, танков противника, в борьбе против авиации»⁴.

Действительно, к этому времени Синявинская операция, начатая как наступательная, превратилась в оборонительную. Наступательные возможности наших войск были исчерпаны. Подвоз продовольствия и боеприпасов по единственной дороге вдоль высоковольтной линии не обеспечивал потребности частей.

«Один раз в сутки, — вспоминал пулеметчик 33-й бригады С. С. Сейтенов, — в роту приволакивали неполный мешок прессованной пшенной каши.

— Рус, дели сухари! — кричали нам немцы.

Это была правда. Не хватало питания, боеприпасов: на двоих-троих солдат одна винтовка, на пулеметную роту — один пулемет «максим», да и у того ленты старые, рваные, поэтому он без запинки не стрелял».

Но командование, несмотря ни на что, ставило частям задачи наступательного характера.

На северном фланге прорыва 128-я сд продолжала наступление на Липку. Атака после залпа гвардейских минометов 19 сентября

¹ ЦАМО, ф. 344, оп. 5554, д. 339, л. 1–32.

² Манштейн Э. Утерянные победы. — М.: Воениздат, 1957.

³ Курсив мой. — И. И.

⁴ Кошевой П. К. В годы военные. — М.: Воениздат, 1974.

результата не дала. Прибывшая 376-я сд наступала 20 сентября. Итог: 428 убитых, 768 раненых. По приказу командарма перешли к обороне.

259-я сд в глубине прорыва овладела участком высоковольтной линии южнее озера Синявинского. Саперы сделали проход в проволочном заграждении, но за ним оказался лесной завал в двадцать метров шириной и второй ряд проволоки. Наступление остановилось. Немцы нанесли удар от Келколова, вклинились в боевые порядки 4-го корпуса, раскололи их, взяли в кольцо 137-ю бригаду, стойко удерживавшую свои позиции.

Как вспоминают ветераны 137-й отдельной стрелковой бригады, «...с каждым днем бои становились все ожесточеннее. Передовые части бригады при контрнаступлении во фланг крупными силами танковых и моторизованных частей противника оказались отрезанными. 2-й отдельный стрелковый батальон с приданными ему подразделениями и тремя танками Т-34 во главе с заместителем командира бригады по политчасти А. Рязанцевым оказался в окружении. На следующий день основные части бригады пытались пробиться к окруженным, но успеха не имели. На четвертые сутки, привязав раненых к броне танков, окруженные нанесли удар с тыла по противнику. Гитлеровцы оказали ожесточенное сопротивление. Танки проскочили их оборону, а наши атакующие бойцы и командиры попали под кинжальный огонь. Часть погибла, оставшиеся в живых отошли обратно, заняв круговую оборону. Через двое суток по болоту окруженные вышли к своим».

Вышли, вероятно, немногие. В списках 137-й бригады, хранящихся в ЦАМО, есть только цифра первоначального состава — 3284. Вместо данных о вышедших из окружения — прочерк¹. Многие попали в плен. Как правило, это происходило помимо их воли.

Рассказывает старший сержант В. Ф. Лобышев. «В наступление мы пошли за танками. Ни батальона, ни полка мы не знали. Командирам, по-видимому, просто некогда было нас информировать об этом. Одну линию обороны мы сняли и проскочили дальше. Было очень много убитых и раненых. Фашисты нас обошли, мы оказались в кольце. В этом бою я был ранен осколком мины под правую лопатку. Доведенные до изнеможения, мы неоднократно пытались пробиться где-либо к своим, но тщетно: наши силы и возможности таяли вместе с надеждами. Ночью мы рыскали, чтобы выйти из окружения, а днем прятались. И так до

¹ ЦАМО, ф. 309, оп. 4073, д. 24.

16 сентября, когда нас, семерых раненых, измученных, обессиленных голодом, обнаружили под разбитым танком и захватили немцы...»

Но и в самых невыносимых условиях бойцы делали все, что было в их силах.

32-я, 33-я стрелковые бригады и 191-я дивизия вели бой за соххоз «Торфяник». Их сопровождал 1225-й гаубичный полк. Артиллеристы этого полка подбили шесть опытных танков «тигр», на которые Гитлер возлагал большие надежды. Об этом после войны рассказал в своих мемуарах бывший министр вооружений вермахта Альберт Шпеер.

«Как и всегда при появлении нового оружия, Гитлер ждал от "тигров" сенсации. Красочно описывал он нам, как советские 76-мм пушки, насквозь простреливающие лобовую броню танков Т-IV даже на большом расстоянии, напрасно будут посылать снаряд за снарядом и как, наконец, "тигры" раздавят гнезда противотанковой обороны. Генеральный штаб обратил внимание на то, что слишком узкие гусеницы из-за болотистой местности по обеим сторонам дороги делают невозможным маневрирование. Гитлер отвел эти возражения.

Так началась первая атака "тигров". Все было напряжено в ожидании результата... Но до генерального испытания дело не дошло. Русские с полным спокойствием пропустили танки мимо батареи, а затем точными попаданиями ударили в менее защищенные борта первого и последнего "тигров". Остальные четыре танка не могли двинуться ни вперед, ни назад и вскоре были также подбиты. То был полнейший провал...»¹

На публикацию в журнале откликнулся наводчик 1225-го полка И. Н. Дацкевич. «Его батарея и встретила новые немецкие танки, которые шли колонной, — пишет В. Орлов². По команде с КП орудие Дацкевича подбило первую машину, а другие орудия — шестую, замыкающую колонну. Последующими выстрелами были подбиты четыре остальных танка, поскольку они оказались зажатыми».

374-я дивизия с танками 29-й бригады прорвала вторую линию немецкой обороны восточнее Большого болота. Позиции противника прикрывала проволока в три кола, минометные батареи, дзоты, закопанные танки. Дивизия теряла в сутки по 500 человек. К 20-му сентября в ней осталось 764 бойца.

¹ Цит. по: Орлов В. // Техника молодежи. — 1978. — № 10.

² Техника молодежи. — 1978. — № 5.

Комкор-4 генерал-майор Рогинский, сменивший на этом посту Н. А. Гагена, просил у командарма Клыкова два батальона 23-й бригады. Клыков отвечал: «Батальоны будут переданы в полное использование только для развития успеха, а не для затычки дыр. Задача — выход на северную опушку леса и высоту 38.3 — не выполнена. Требуется очистка территории от противника и вклинение в совхоз "Торфяник" этими же силами...»¹

По всей вероятности, 23-я бригада все же была введена в бой, так как понесла большие потери и 22-го сентября была выведена в Гайтолово на пополнение.

В 4-м корпусе осталось 853 активных штыка. Из донесений командующего корпусом: «Единственная дорога все время подвергается обстрелу. Подвоз продовольствия и вывоз раненых затруднен»².

Не стихали бои в сжимающейся горловине прорыва. 3-я гвардейская стрелковая дивизия, 53-я, 22-я и 137-я бригады продолжали атаки на рощу Круглая. 12 сентября за отход пульбата 53-й бригады с позиций комбат был отдан под суд.

15 сентября подразделения 22-й бригады с танками вышли на просеку севернее Гонтовой Липки. Танки, которые должны были проделать проход в заграждениях и подавить дзот на южной окраине рощи Круглая, завязли в болоте. Атаки пехоты с западного берега р. Черной оказались безрезультатными. Ветеран 22-й бригады И. И. Палкин вспоминал: «Наши атаки захлебывались одна за другой: люди гибли или выходили из строя по ранению, а продвинуться вперед не могли... В нашем батальоне, насчитывавшем первоначально 318 человек, в строю осталось только 12 бойцов».

Тем не менее, боевое распоряжение командарма за 19 сентября гласило: «22-я бригада не спланировала свое взаимодействие с танками. Если не возьмет рощу Круглая — командование будет снято с должностей»³.

Но 22 сентября комбриг-22 полковник Гордов был ранен и 23-го скончался. В бригаде из 5397 человек осталось 95 активных штыков.

Войскам южного фланга предписывалось овладеть Поречьем и Мишкиным. 286-я сд заняла безымянную высоту юго-восточнее Поречья. 11-я сд вела бои в траншеях противника на северной окраине Мишкина. 265-я сд наступала юго-западнее Тортолова

¹ Кошевой П. К. В годы военные. — М.: Воениздат, 1974.

² ЦАМО, ф. 309, оп. 4073, д. 39.

³ Там же.

пор. Черная, но вынуждена была отойти из-за бомбежки. 951-й сп, в котором оставалось 183 человека, оборонял поселок 1-й Эстонский и полностью погиб. В донесении командующего 2-й ударной армии фронту сказано: «Командование 951-го полка проявило трусость и потеряло управление»¹. 16 сентября немцы заняли поселок, а командир и комиссар 951-го сп пошли под суд трибунала.

Нелегко приходилось и немцам. Вот что рассказал ефрейтор Генрих Аспиш из 227-й пехотной дивизии, взятый в плен разведчиками 13-го гвардейского полка: «...12-я рота месяц тому назад имела 110 человек, в настоящее время — 60, несколько раз пополнялась, штаб полка разбит...» В донесениях 13-го гвардейского стрелкового полка есть запись: «...Перед фронтом первого стрелкового батальона немцы выставляют руки из-за плетня, чтобы получить ранения...»

Кровопролитные бои шли по всему фронту гайтоловского прорыва. Некоторые участки переходили из рук в руки по несколько раз.

21 сентября противник форсировал р. Черную и подошел к Гайтолову. Движение транспорта по единственной дороге вдоль высоковольтной линии прекратилось.

Из воспоминаний Манштейна². «К 21 сентября в результате тяжелых боев удалось окружить противника. В последние дни были отражены сильные атаки противника с востока, имеющие целью деблокировать окруженные армии прорыва. [...] Вместе с тем необходимо было уничтожить находившиеся в котле между Мгой и Гайтоловом значительные силы противника. Как всегда, противник не помышлял о сдаче, несмотря на безвыходность положения и на то, что продолжение борьбы с оперативной точки зрения не могло принести ему пользы. [...] Штаб армии подтянул с Ленинградского фронта мощную артиллерию, которая начала вести по котлу непрерывный огонь. [...] Лесной район в несколько дней был превращен в поле, изрытое воронками, на котором виднелись лишь остатки гордых деревьев-великанов».

Манштейн считал, что наши войска окружены и находятся в «котле». А приказы командующего Волховским фронтом К. А. Мерецкова все еще призывали к наступлению...

Так, 22 сентября отдается приказ 367-й стрелковой дивизии овладеть Липкой; 128-й — Рабочим поселком-4 и станцией Си-явино; 6-му гвардейскому корпусу — рощей Круглой, 4-му —

¹ ЦАМО, ф. 309, оп. 4073, д. 39.

² Манштейн Э. Утерянные победы. — М.: Воениздат, 1957.

отметкой 38,3. И это в то время, когда части, находящиеся за Черной речкой, отрезаны, не имеют подвоза продовольствия и боеприпасов, не могут вывозить раненых! Знал ли вообще командующий, что творится в его войсках? Или приказы отдавались из других побуждений — для собственной реабилитации?

23 сентября немцы, после бомбежки и обстрела, атаковали наши войска у Тортолова, вклинившись в стык 24-й гвардейской и 265-й стрелковых дивизий.

25 сентября немцы заняли Гайтолово. Мерецков распорядился: «немедленно усилить группировку на р. Черная за счет Синявинской группировки и совместными ударами с востока и запада 26.09 очистить дорогу от Гайтолово до р. Черная, после чего перегруппировать силы и *взять роццу Круглая*¹».

Брать укрепленный опорный пункт противника частям, находящимся в окружении, — такой приказ может показаться невероятным. Но он в самом деле был отдан и по сей день хранится в ЦАМО².

Как бы то ни было, войска, находившиеся в наибольшем удалении от места прорыва, получили возможность покинуть свои позиции и с 25-го сентября вели бои уже не за Синявино, а за мост через Черную. Из 85 433 человек, числившихся в списках 2-й ударной армии с учетом пополнения, осталось 30 988 бойцов³: в каждой дивизии примерно три тысячи, в бригаде — тысяча.

26 сентября командарм Клыков отдал приказ, разрешающий отход частей на восточный берег р. Черная.

И в тот же день, когда для войск Волховского фронта уже не было и речи о продвижении к Неве, Ленфронт высадил десант в Московской Дубровке. Второй Невский «пятак».

«...В районе Дубровки противник форсировал Неву, — записано у Польшмана⁴. — Однако не добился никакого успеха, кроме создания маленького плацдарма. Эти отвлекающие удары не могли изменить судьбу котла».

Вряд ли в Ленинграде беспокоились о том, чтобы отвлечь на себя противника, окружившего волховчан. Скорее всего, имея приказ к наступлению с начала сентября, командование Ленфронта стремилось выполнить его независимо от изменившейся

¹ Курсив мой. — И. И.

² ЦАМО, ф. 204, оп. 89, д. 58.

³ ЦАМО, ф. 309, оп. 4073, д. 39.

⁴ Польшман Х. Волхов. 900 дней боев за Ленинград / Пер. с нем. М. И. Беккер. — М., Захаров, 2000.

ситуации. В донесениях группы НОГ¹ за 25 сентября записано: «После неудачной попытки форсирования Невы 9.09 из Ленинграда в Невскую Дубровку было отправлено 2000 лодок, 10 катеров, с Ладужской военной флотилии — 30 тендеров и мотоботов. 70-я, 86-я стрелковые дивизии и 11-я бригада пополнены моряками...

Участок высадки — от 8-й ГЭС до Анненского. Для переправы направлен отдельный морской батальон из слушателей курсов младших лейтенантов и школы боцманов Балтфлота под командованием капитана 1-го ранга Александрова. Артподготовку осуществляли морские береговые батареи, орудия эскадренных миноносцев и канонерских лодок, выведенные по Неве к Рыбацкому.

В ночь с 25 на 26 сентября состоялась неудачная попытка одновременной высадки в нескольких пунктах.

С 26 на 27 сентября 252-й стрелковый полк 70-й стрелковой дивизии овладел небольшим плацдармом в районе Арбузова. Переправу бомбили, обратно вернулись 345 лодок»².

«Десантники устремились к дороге, не очистив от врага первую траншею, — вспоминал ветеран 70-й сд В. А. Кононов. — У переправы «ожили» немецкие огневые точки. Связь штаба с батальонами потеряна. На наблюдательном пункте 68-го стрелкового полка погибло командование полка. Переправу прекратили».

Командир первого батальона 329-го полка А. В. Строилов предложил наступать скрытно, без артподготовки, небольшими группами. Это удалось: в ночь с 27 на 28 сентября Неву форсировал 1-й батальон с ротой автоматчиков и взводом разведки, за ним — 2-й батальон. Строилов сообщил, что занял первые вражеские траншеи, ждет подкрепления. КП Строилова находился впереди окопов, под танком «КВ», подбитым в 1941-м году. 29 сентября противник потеснил на правом фланге 169-й полк 86-й дивизии, создалась угроза переправе. Строилов и командир 68-го полка организовали группу в сто человек, которая контратаковала немцев и восстановила положение. «Пятачок» снова жил.

Его героические защитники устилали своими трупами землю Арбузова и Анненского и до последнего мига верили, что вот-вот к ним из-за Леншоссе прорвутся волховчане. О том, что это невозможно, им, разумеется, никто не говорил. Это было известно лишь высокому фронтовому начальству, для которого соображения личной карьеры и безопасности были важнее тысяч напрасно загубленных солдатских жизней. «Огромные потери смутили даже

¹ Невская оперативная группа.

² ЦАМО, ф. 309, оп. 4073, д. 39.

Ставку, — писал в 1992 г. д-р ист. наук А. В. Басов ¹. — Ставка ВГК обвинила Ленфронт в неспособности толково организовать форсирование реки Нева, в результате чего загублено большое количество командиров и бойцов». Бои в Московской Дубровке продолжились до 6 октября, когда безумное побоище было, наконец, прекращено. Все потери десятидневных бессмысленных боев списали, как всегда, на коварство врагов, а не на собственных генералов, расточительно бросавших своих солдат в костер войны.

Приказ на выход из окружения частей ВФ был отдан, но трудно выполним. Из мемуаров К. А. Мерецкова ²: «В те дни в районе охвата врагом наших войск создалась тяжелая обстановка. Соединения и части перемешались между собой, управление ими то и дело нарушалось. Из 2-й ударной армии поступали разноречивые сведения...»

Группы генерал-майора Н. А. Гагена и подполковника Вержбицкого на западном берегу р. Черной не имели продовольствия и боеприпасов, подразделения потеряли управление и целостность и выходили, кто как сумеет.

Разведчик 4-го гвардейского корпуса Г. Г. Борисов вспоминал: «Числа 27 сентября мы получили приказ сняться с переднего края у озера Синявинское и прибыть в такой-то квадрат. Прибыли на место ночью. [...] Нас, активных штыков при полевом штабе Гагена, оказалось 16 человек. Вечером 28 сентября Гаген приказал создать две группы: одну из трех человек с задачей разоружить три сгоревших броневика, снять замки с орудий и пулеметов. Второй группе (тринадцать человек) принять последние самолеты с патронами и сухарями. Все, что не сможем унести, утопить в трясине. Если по возвращении штаб не застанем, мы должны рассчитывать только на свои силы. При выходе 29 сентября штаб корпуса нарвался на оборону немцев и почти полностью погиб. Гаген просидел почти сутки в воронке с водой; зная, что мы должны выходить следом, узнал нас и вышел с нами».

Группа с боем продвигалась к берегу Черной речки. Здесь оказался блиндаж с ранеными, подготовленными к эвакуации. «Зная, что завтра здесь будут немцы, — продолжает Г. Г. Борисов, — мы объяснили сестрам, что как ни жаль раненых, но они обречены на плен, а сестры могут выйти с нами. Посоветовавшись, медсестры решили остаться с ранеными, без присмотра их не бросать. Через час обнялись, расцеловались с сестрами и пошли на выход».

¹ Басов А. В. На страже Родины. — 1992. — № 184.

² Мерецков К. А. На службе народу. — М., 1970.

Сколько же их, верных своему долгу медиков, разделило с ранеными участь военнопленных? И в плену они продолжали свое святое дело — облегчали страдания больных и умирающих. А что получили взамен? Поголовное осуждение соотечественников, санкционированное «отцом народов».

Для пробития коридора у Гайтолово была брошена 372-я сд. 28 сентября дивизия наступала с танками 98-й бригады. Вскоре 80 процентов танков огнем немецкой артиллерии были выведены из строя. 372-я сд понесла большие потери; ей на помощь были направлены 314-я сд и учбат 265-й сд.

28 сентября последовал приказ командарма-2: «Категорически запрещаю вывод без матчасти. Всех вышедших без матчасти возвращать обратно».

Вывести под непрерывным огнем увязшую в болотной трясине технику, не имея горючего, было, конечно, невозможно. Уцелевшие солдаты взрывали орудия и лесными тропами пробивались к своим.

В то же время в район Тортолова прибыла из-под Лодейного Поля 73-я морская стрелковая бригада, состоявшая из моряков Тихоокеанского флота и Каспийской военной флотилии. «Перед бригадой, — вспоминает бывший командир артиллерийской батареи А. В. Басов, — была поставлена задача захватить три безымянные высоты между поселками Гайтолово и Тортолово. Были бесчисленные атаки пехоты, танков, наши порядки непрерывно бомбила авиация, отдельные позиции по несколько раз переходили из рук в руки, но моряки намертво вцепились в склоны высоток среди болота и не отступали ни на шаг». И здесь, как в Севастополе, солдаты Манштейна увидели матросов в полосатых тельняшках, с криками «Полундра-а-а!» бросавшихся в рукопашные схватки. Моряки сражались героически, но сам приказ к наступлению в финале провалившейся операции выглядит по меньшей мере нелогично.

374-я сд, также прибывшая из Лодейного Поля, была направлена для вывода 2-й ударной армии из окружения. Начальник 4-го отдела штаба дивизии Ф. Д. Добровольский писал своей жене в Красноярск: «Вот уже двадцатые сутки идут активные боевые действия. Наше соединение выполняет свою работу. На какой приказ нас хватит, трудно сказать. Последние дни стояла канонада. Немцы сбросили тысячи бомб всяких калибров с самолетов. По лесу разносился оглушительный треск. Обильно рвались мины и ухали рвущиеся снаряды дальнобойной артиллерии. Все это сопровождается сухой, переливчатой трелью пулеметных и автоматных очередей. Ветвей у 85 процентов деревьев не стало, остались лишь

голые, исковерканные стволы, земля была вспахана снарядами. Деревья, ветки, клочья одежды и того, что раньше было человеком, перемешалось...»

Эти строки в полной мере подтверждают определение «зеленого ада», данного немцами гайтоловскому лесу.

Старший лейтенант Добровольский, уцелевший в Мясном Бору, навечно остался в Гайтолове, как и 2308 его сослуживцев по 374-й сд...

«Основная масса войск, — пишет К. А. Мерецков¹, закончила выход на восточный берег к рассвету 29 сентября. Остальные подразделения вышли в ночь на 30 сентября. После этого активные боевые действия были прекращены. Наши войска, а также и войска противника возвратились примерно на свои позиции».

Но что же осталось от этих войск, «благополучно возвратившихся» с западного берега р. Черной? Приведем цифры из отчетного доклада командующего 2-й ударной армией генерал-лейтенанта Н. К. Клыкова Военному совету фронта 1 октября 1942 г.

Из 19-й гвардейской вышло 108 человек. Штабы 56-го и 61-го полков не вышли; из 374-й дивизии — 687, из них 110 раненых; из 191-й сд — 600; из 259-й — 659 из восьми тысяч; из 22-й бригады — 22 человека; из 23-й — 100; из 33-й — 234; из 53-й — 211; из 132-й — 288; из инженерных частей — 300 человек. Итого — 3209 бойцов из 156 927, участвовавших в Синявинской операции со стороны Волховского фронта². В плен попало 12 370 человек³.

«Когда немецкое радио сообщало о победе, — вспоминает командир 284-го полка 96-й пехотной дивизии 18-й немецкой армии Хартвиг Польшман⁴, — русская глушилка на немецком языке возвестила: “Все это вранье! Никакого сражения под Гайтоловом вообще не было!”»

Соотечественникам такого не говорили: ведь вышел же кто-то и живым из «зеленого ада». Но позабыть постарались: в отечественной литературе нет ни одной книги или брошюры о печальной Синявинской операции. Данные о потерях безмолвно пролежали в архивах более полувека: министерство обороны было уверено в их вечной «строгой секретности».

¹ Мерецков К. А. На службе народу. — М., 1970.

² ЦАМО, ф. 344, оп. 5554, д. 379.

³ Huseman F. Die guten Glaubens waren. — Coburg, 1999. Перевод И. М. Дунаевской.

⁴ Польшман Х. Волхов. 900 дней боев за Ленинград / Пер. с нем. М. И. Беккер. — М., Захаров, 2000.

В маршальских мемуарах лишь вскользь сообщалось о 60 тысячах «перемолотых» немцев и большом значении операции, предотвратившей штурм Ленинграда. Последнее справедливо: Ленинград был действительно спасен от немецкого вторжения.

«Если задача по восстановлению фронта 18-й армии и была выполнена, — писал Манштейн ¹, — то все же дивизии 11-й армии понесли значительные потери. Были израсходованы боеприпасы, предназначенные для наступления на Ленинград». Манштейн получил за 1-е Ладужское сражение фельдмаршальский жезл. Но в дальнейшем удача от него отвернулась: 29 октября 1942 г. под Ленинградом погиб его 19-летний сын Геро, а возглавляемая фельдмаршалом 11-я армия не смогла прорвать кольцо окружения войск Паулюса под Сталинградом.

Когда в наши дни немецких ветеранов спрашивают, куда они хотят поехать в отпуск — на Багамские острова или Канары, многие отвечают: — В Синявино...

Это неудивительно: здесь они пережили самые трудные дни войны, потеряли многих товарищей.

Захоронений военного времени в синявинских лесах почти нет: ни наших, ни немецких. Деревни Гонтовая Липка, Гайтолово, Тортолово исчезли с лица земли. Лесные могилы осели, потеряли венчавшие их пирамидки со звездами и березовые кресты. Проводя мелиорацию, власти сравнивали бульдозерами окопы и траншеи, стирали саму память о войне. А в Гайтолове, где погибло людей больше, чем в Бородинском сражении, построили свинарник...

Мокрый болотистый лес за Северной железной дорогой устлан костями павших бойцов, едва покрытых мхом. Их имена еще помнят родные, а в памяти восьмидесятилетних ветеранов не стираются картины жестоких побоищ. «Мы помним, — говорит Н. Н. Никулин, — болото перед деревней Гайтолово, забитое мертвыми телами. По ним, как по гати, бежали атакующие. Мы помним Круглую рощу — она стоила уйму крови. Мы помним дом отдыха в селе Вороново, высоту Лесную, "высоту смерти", как ее называли солдаты...»

Тысячи убитых остались непогребенными. У них нет могил, нет имен. Каждое лето сюда приходят — за правдой о войне — ребята из молодежных поисковых отрядов. Они находят останки без вести павших, хоронят, иногда — по смертным медальонам, наградам, надписям на касках и ложках, — устанавливают фамилии,

¹ Манштейн Э. Утерянные победы. — М.: Воениздат, 1957.

разыскивают родственников, и тогда потрясенные внуки снимают шапки перед свежими братскими могилами.

Великая Отечественная война — нераскрытая, неизученная, поверхностно описанная часть нашей истории. Ленинградская битва — огромный ее пласт, требующий подробного и объективного рассмотрения.



Лес под Синявином. 2002 г.



А. Ф. ХРЕНОВ,
*Герой Советского Союза,
генерал-полковник в отставке,
бывш. начальник инженерных войск
Волховского фронта*

Синявинская наступательная операция (август-сентябрь 1942 года)*

Прошло сорок лет с тех пор, как в синявинских лесах и болотах, на берегах Невы закончилась одна из значительных операций на северо-западном направлении в битве за Ленинград.

Более 40 дней и ночей шли непрерывные ожесточенные и кровопролитные бои. Крупная стратегическая группировка врага, нацеленная на штурм Ленинграда, была разгромлена, и гитлеровцам нечем было штурмовать город. Стратегическая инициатива была вырвана у врага на северо-западном направлении.

Но лето 1942 года было для нас очень трудным. Только что закончилась тяжелая Любанская операция. Войска приводились в порядок. Пополнялись поредевшие полки 2-й ударной армии, вышедшие из окружения. Поступали вооружение и техника для них. Войска Волховского фронта усиленно работали по оборудованию своих позиций, наблюдательных пунктов и укрытий. Строили все — стрелки, артиллеристы, танкисты. Всякая смена позиций была сопряжена с величайшими трудностями и начиналась с прокладки дорог. Напряженная работа войск по оборудованию оборонительных позиций потребовала снять с передовой шесть стрелковых дивизий. Эти дивизии оченьгодились для создания фронтового резерва. Но Ставка Верховного Главнокомандования уже торопила с подготовкой наступательной операции.

* Доклад на военно-исторической конференции во Мге 1.10.1982 г.

Позади у ленинградцев осталась нечеловечески трудная зима, во время которой голод и мороз унесли многие тысячи жизней, а новая зима была не за горами. Блокаду необходимо было прорвать!

По всем видам разведки поступали сведения о крупной переброске немецко-фашистских войск и тяжелой артиллерии под Ленинград. Стали поступать данные о прибытии из Крыма 11-й армии Манштейна. По всем данным противник готовил крупное наступление на Ленинград.

Для срыва готовившегося вражеского наступления и прорыва блокады Ленинграда Ставка Верховного Главнокомандования решила провести наступательную операцию на синявинском направлении в августе-сентябре 1942 года силами войск Волховского и Ленинградского фронтов во взаимодействии с Балтийским флотом.

Принимая это решение, Ставка также рассчитывала активными действиями на северо-западном направлении сковать вражеские войска и не позволить немецкому командованию перебрасывать свои соединения на юг, где в то время разворачивались решающие события.

Командующий войсками Волховского фронта решил сосредоточенным ударом прорвать вражескую оборону на 15-километровом участке между Гонтовой Липкой и Вороновом, соединиться с войсками Ленинградского фронта в районе Мги и вместе с ними разгромить мгинско-синявинскую группировку врага. Ударная группировка фронта создавалась из двух оперативных эшелонов: в первом должна была наступать 8-я армия генерала Ф. Н. Старикова, во втором — 2-я ударная армия генерала Н. К. Клыкова. Между 8-й и 2-й ударной армиями размещался 4-й гвардейский стрелковый корпус генерала Н. А. Гагена. Такое построение диктовалось необходимостью преодолеть сильно укрепленную позиционную оборону противника с учетом возможности наращивания силы его сопротивления в короткие сроки. Поэтому 8-я армия и 4-й корпус предназначались для прорыва обороны на всю глубину, а задача 2-й ударной сводилась к разгрому вражеских резервов уже на завершающем этапе операции. Суть идеи заключалась в намерении высокими темпами пробиться к Неве до того, как придут немецкие подкрепления.

Ленинградский фронт наносил два удара силами 55-й армии и Невской оперативной группы, расположенными на блокированной территории: один — в направлении р. Тосны, другой — на Синявино с целью соединения с войсками Волховского фронта. К операции привлекались малые корабли Балтийского флота. Им предстояло высадить десант на противоположные берега Невы

и Тосны, захватить мосты и переправы, обеспечить форсирование главными силами водных рубежей и развитие ими наступления на Тосно и Синявино.

Для согласования взаимодействия боевых действий 21 августа неподалеку от Тихвина встретились Военные советы Волховского и Ленинградского фронтов и командующий Балтийским флотом адмирал В. Ф. Трибуц.

Причина, побудившая планировать прорыв блокады близ Ладожского берега, была очевидна. Всего 15–16 километров разделяли здесь Волховский и Ленинградский фронты. Именно поэтому операция представлялась небольшой по глубине и по срокам. Здесь в случае удачи наступления наши войска могли достичь Невы в течение двух-трех суток. На проведение более продолжительной операции фронт не имел сил. Короткие сроки выхода к Неве позволяли завершить ее до того, как немцы подтянут свои резервы с других участков. Наступление ленинградцев нам навстречу позволяло надеяться на ускорение встречи.

Но на войне наименьшее расстояние не всегда самое короткое. В полосе запланированного наступления противник обладал наиболее совершенной обороной. Каждый поселок был превращен в мощный опорный пункт обороны, все проходимые участки местности держались под огнем орудийных и пулеметных дзотов, перекрывались минно-взрывными и проволочными заграждениями. С точки зрения гитлеровского командования здесь нельзя было планировать наступление из-за труднопроходимой местности и хорошо оборудованной оборонительной позиции. Значит, мы могли рассчитывать на тактическую и оперативную внезапность. И это была вторая причина, по которой осуществлять прорыв решили именно здесь.

Но нам нужно было упредить противника, раньше и более скрытно произвести перегруппировку и развернуть свои силы для наступления. При этом удар должен был оказаться не только внезапным, но и решающим. Избранное направление полностью отвечало этим требованиям.

Успех наших действий во многом определяла скрытность подготовительных мероприятий. В ходе подготовки операции Волховскому фронту нужно было произвести большую перегруппировку войск, находившихся в основном на чудовском и новгородском направлениях. Редкая дорожная сеть в полосе фронта, которая к тому же подвергалась непрерывному воздействию вражеской авиации, крайне затрудняла переброску войск.

А нам надо было в приладожский район перебросить 13 стрелковых дивизий, 8 стрелковых и 6 танковых бригад, 35 артилле-

рийских и минометных полков, управление 2-й ударной армии, два корпусных управления, большое количество специальных и обслуживающих частей, 120 маршевых рот пополнения, конский резерв и крупные запасы боевого снаряжения, продовольствия, горючего и фуража.

В почти бездорожном районе сосредоточения требовалось большое дорожное строительство при тщательной маскировке производимых работ. На это необходимо было много времени, но сроки начала операции поджимали, и район не получил нужных дорог для наступающих войск.

Более месяца шла перегруппировка войск фронта, но хорошо продуманный план оперативной маскировки, перевозок, разработанный штабом фронта, который выполнялся неукоснительно, позволил скрыть переброску войск от противника. Достаточно сказать, что эшелоны с войсками направлялись из-под Малой Вишеры в сторону Москвы, якобы на Южный фронт, а потом круглым путем, через Вологду и Череповец, прибывали к месту назначения. Но достигнуть оперативной внезапности все же не удалось. С 25 августа над районами сосредоточения войск начали подозрительно часто кружить вражеские самолеты-разведчики. Это не могло не вызвать тревогу у командования. Генерал армии К. А. Мерецков, командующий войсками Волховского фронта, решил созвать 26 августа совещание командующих и начальников родов войск, командиров соединений и их комиссаров, заслушать их о готовности войск к наступлению и установить время начала операции.

На совещании тов. Мерецков отметил, что все подготовительные мероприятия к наступлению в основном закончены. Войска первого эшелона вышли на исходные позиции. Соединения 4-го гвардейского стрелкового корпуса завершают получение пополнения, но до полной боевой готовности им нужно еще 2–3 дня. Войска 2-й ударной армии (третий эшелон фронта) в ближайшее время закончат перевозки. Полное же сосредоточение в исходном районе соединений третьего эшелона ожидается через 10–12 дней. Следовало бы закончить перевозки войск и всего необходимого для наступления и тогда начинать операцию. Но активность вражеской воздушной разведки увеличивает риск вскрытия противником создаваемой группировки фронта и участка подготовительного прорыва. И, конечно, позволит противнику подготовиться к отражению нашего удара. Командующий считает необходимым начать операцию, не ожидая сосредоточения всех войск.

Кроме того, командующий сообщил, что 19 августа части 268-й стрелковой дивизии Ленинградского фронта после сильной артиллерийской подготовки и бомбового удара по противнику

десантировали на катерах и заняли плацдарм в районе Ивановского. Отразив ожесточенные контратаки немецких войск, 268-я и прибывшие к ней на помощь части 43-й, 70-й и 136-й стрелковых дивизий прочно удерживают захваченный плацдарм.

Участниками совещания высказаны мнения относительно немедленного начала операции. Было принято решение начать операцию 27 августа, не ожидая сосредоточения всех войск.

27 августа 1942 года после артиллерийской подготовки продолжительностью 2 часа 10 минут 128-я, 3-я гвардейская, 19-я гвардейская, 24-я гвардейская, 265-я, 11-я, 286-я и 327-я стрелковые дивизии 8-й армии Волховского фронта перешли в наступление на 19-километровом участке Липки—Вороново. Гвардейские дивизии, действуя на главном направлении, имели построение в три эшелона.

Наибольший успех сопутствовал 24-й гвардейской стрелковой дивизии полковника П. К. Кошевого, которая форсировала реку Черная и захватила первую позицию 425-го пехотного полка. Левый фланг соседней справа 19-й гвардейской сд полковника Д. Н. Баринова также форсировал реку Черная и захватил первую позицию 425-го пехотного полка, но центр и правый фланг еще вели бой за первую позицию.

Наступающая слева 265-я сд полковника Б. Н. Ушинского вела бой за Тортолово.

К 16 часам 24-я гвардейская стрелковая дивизия продвинулась на 2–2,5 км от исходного положения и вела бой за перекресток просек, находящийся в 2–3 километрах от исходного положения.

19-я гвардейская сд существенных успехов не имела.

265-я стрелковая дивизия освободила Тортолово и вела наступление на 1-й Эстонский поселок. Но на подступах к нему артиллерийским огнем и контратаками пехоты дивизия была остановлена. 128-я, 11-я, 286-я и 327-я стрелковые дивизии встретили упорное сопротивление и успеха не имели.

28 августа наступление наших войск успешно развивалось, несмотря на усиливающееся сопротивление противника. Воины преодолевали лесные чащобы и болота, иногда передвигались, находясь по пояс в воде. Противник перешел к тактике обороны мелкими группами численностью до роты, седлал тропы, удерживал опушки леса и поляны. На сухих местах немцы оставили минные заграждения.

19-я гвардейская стрелковая дивизия сломала сопротивление противника и быстро продвигалась на Синявино.

265-я сд овладела 1-м Эстонским поселком около полудня. Противник нанес сильный контрудар пехотой по левому флангу

успешно наступающей 24-й гвардейской стрелковой дивизии. Контратака была отбита, было захвачено два вражеских орудия. Через два часа последовала новая контратака пехоты противника, но уже с танками. После ожесточенного боя контратака была отбита, уничтожено три вражеских танка.

265-я сд продвинулась на запад от 1-го Эстонского поселка всего на 400–500 метров и была остановлена сильным артиллерийско-минометным огнем.

К утру 29 августа 19-я гвардейская стрелковая дивизия вела бой в 1,5–2 километрах к востоку и югу от Синявино, а 24-я гвардейская сд вышла к озеру Синявинское.

Со стороны Мги частями вновь прибывшей 170-й пехотной дивизии противника были предприняты три сильные контратаки по левому флангу 24-й гвардейской стрелковой дивизии.

Утром появилась авиация противника, которая группами по 5–15 самолетов совершала налеты с интервалами в 20–60 минут до самого вечера.

Над 1-м Эстонским поселком и Тортолово бомбардировщики непрерывными волнами совершали налеты, и над полем боя стоял сплошной грохот разрывов тяжелых авиационных бомб. Со стороны поселка Михайловский за вторую половину 29 августа противник нанес шесть сильных контрударов пехотой с танками при поддержке авиации по левому флангу 24-й гвардейской дивизии.

На третий день этой операции на поле боя появилась 170-я пехотная дивизия из состава 11-й армии Манштейна, только что прибывшей из Крыма. Усиленная танками 12-й танковой дивизии, она с ходу атаковала наши части. Чтобы отразить этот контрудар, Военный совет фронта усилил наступающие войска одной стрелковой и одной танковой бригадами, взятыми из 2-й ударной армии.

Сильные контрудары пехоты с танками и большим количеством самолетов задерживали продвижение наших войск. 30 августа и в последующие дни наши окопавшиеся части успешно отражали по 7–8 контратак противника.

Были замечены крупные силы немецкой пехоты с танками, подходившие в район южнее Тортолово.

В этой обстановке командующий войсками фронта решил в ночь на 1 сентября ввести в сражение соединения 4-го гвардейского стрелкового корпуса с задачей нанести главный удар в направлении Синявино—Анненское и к исходу дня выйти на восточный берег Невы.

Ввод в сражение 4-го гвардейского стрелкового корпуса проходил в исключительно трудных условиях полного бездорожья. На преодоление болот уходило много времени и сил. Войска ску-

чивались и попадали под сильный артиллерийский обстрел противника, а с рассветом начались непрерывные бомбежки вражеской авиацией.

Артиллерийское обеспечение ввода корпуса со стороны штаба 8-й армии не было организовано.

Преодолевав сопротивление врага, соединения корпуса обошли Синявино с юга, продвинулись в направлении Келколово на 2–3 километра. Нашим войскам оставалось пройти до Невы не более 6 километров. Это не могло не вызвать тревогу у гитлеровского командования и, как мы теперь знаем, последовал личный приказ Гитлера фельдмаршалу Манштейну немедленно вступить в командование войсками на мгинском участке восточного фронта и восстановить положение.

Для восстановления положения Манштейн бросает в сражение соединения своей 11-й армии, подтягивает артиллерию, предназначавшуюся для штурма Ленинграда, сосредоточивает авиацию.

Продвижение соединений 4-го корпуса было остановлено.

2 сентября 3-я и 19-я гвардейские стрелковые дивизии получили приказ овладеть Синявино и развивать наступление на Московскую Дубровку. 259-я сд 4-го гвардейского стрелкового корпуса генерала Гагена сменила 24-ю гвардейскую стрелковую дивизию у озера Синявинское и должна была продолжить наступление к Неве на Анненское.

24-я гвардейская стрелковая дивизия совместно с 32-й отдельной стрелковой бригадой и 29-й танковой бригадой должны были нанести удар на юг на тылы тортоловской группировки врага.

После перегруппировки *4 сентября* все соединения 8-й армии перешли в наступление. *4 и 5 сентября* непрерывные атаки наших войск не имели успеха. Противник подтянул много пехоты и артиллерии, авиация противника абсолютно господствовала в воздухе. Сотни бомбардировщиков постоянно находились над расположением наших войск и беспрерывно бомбили.

Сосредоточив у основания прорыва значительные силы, гитлеровцы нанесли *6 сентября* через рощу Круглая удар и потеснили наши части. Для парирования удара врага командующий фронтом распорядился ввести в сражение 191-ю стрелковую дивизию и 53-ю стрелковую бригаду, взятые из состава 2-й ударной армии. Неприятель был остановлен, а затем отброшен в исходное положение. Командующий фронтом решил овладеть рощей Круглая и приказал подготовить удар по ней артиллерией и авиацией для обеспечения атаки стрелковых частей. Но противник отбил наши атаки плотным артиллерийско-минометным огнем. Тогда Военный совет принял решение о вводе в сражение 2-й ударной армии.

Но к моменту ввода в сражение в составе 2-й ударной армии оставались только одна стрелковая дивизия и одна стрелковая бригада. Поэтому ввод в сражение 2-й ударной армии на ход событий не повлиял. Переподчинение 8 сентября ей соединений 4-го и 6-го гвардейских стрелковых корпусов, которые в многодневных боях уже понесли большие потери и потеряли ударную силу, не дало никаких преимуществ 2-й ударной армии.

Таким образом, вместо ввода эшелона развития прорыва получилась замена одного армейского командования другим с небольшим усилением стрелковыми соединениями действующих войск.

8 сентября управление 2-й ударной армии приняло полосу наступления со всеми войсками от 8-й армии. Вводятся в бой новые соединения, но из-за редкой сети плохих дорог на марше скучиваются и несут большие потери от авиации противника.

Введенные в бой 22-я отдельная стрелковая бригада полковника Гордова, 23-я осбр полковника Сокурова, 374-я стрелковая дивизия при чрезвычайно сильном вражеском сопротивлении продвижение имели небольшое. 24-я гвардейская и 265-я сд с 32-й осбр перешли к обороне фронтом на юг. Бои здесь развернулись ожесточенные, так как противник стремился подрезать у основания клин наших войск в обороне немцев. Все контратаки, несмотря на поддержку большим количеством авиации и танков, были отбиты с большим уроном для противника.

10 сентября противник перешел в контрнаступление на всем фронте прорыва наших войск.

11 сентября авиация противника совершила 700 самолетовылетов. Чрезвычайно высокая активность авиации противника сковывала наши войска и наносила большой урон. Продвижение войск остановилось. Нашей авиации над полем боя не было. Зенитных средств борьбы было очень мало.

12 сентября немецкая тяжелая артиллерия открыла интенсивный огонь по боевым порядкам наших войск и путям сообщений.

14 сентября командующий фронтом генерал К. А. Мерецков приказал 2-й ударной армии овладеть опорным пунктом немцев с кодовым названием роща Круглая на северо-восточной оконечности Синявинской возвышенности.

В роще Круглая оборонялись подразделения 5-й горно-егерской дивизии, прибывшей из Крыма. Противник силами 5-й горно-егерской, 28-й легкопехотной и 121-й пехотной дивизий при поддержке танков и авиации наносили сильные удары от рощи Круглая в направлении на Гайтолово.

Сильный удар пехоты с танками при массовой поддержке авиации противник нанес по 259-й стрелковой дивизии с направле-

ния от Келколово. Вражеские войска вклинились в боевые порядки 4-го гвардейского стрелкового корпуса, раскололи их, окружили четыре батальона и взяли в полукольцо 137-ю стрелковую бригаду, которая стойко удерживала занятые позиции. Четыре батальона с большими потерями прорвали окружение и вышли к своим войскам. 374-я стрелковая дивизия под сильным нажимом врага стала отходить. 24-я, 132-я пехотные и 12-я танковая дивизии противника при поддержке авиации непрерывно наносят сильные удары с юга на Тортолово.

21 сентября после многочисленных сильных ударов противнику удалось форсировать реку Черная и подойти с севера к Гайтолово. Движение транспорта по дороге вдоль высоковольтной линии прекратилось.

23 сентября, подвергнув семичасовому массированному обстрелу и авиационной бомбежке позиции 24-й и 265-й стрелковых дивизий, противник произвел особо сильные и настойчивые атаки. Противнику удалось вклиниться в стык дивизий. Наши войска медленно отходили на заранее подготовленные позиции в глубине обороны. Противник появился на восточном берегу реки Черная южнее Гайтолово. 22-я отдельная стрелковая бригада полковника Гордова дралась очень хорошо и не дала сомкнуться вражеским частям.

26 сентября по приказу фронта войска 2-й ударной армии начали отход на восточный берег реки Черная. 27 сентября 73-я отдельная стрелковая морская бригада полковника Бураковско-го овладела тремя безымянными высотками севернее Тортолово. Этим она помогла нашим частям выйти из окружения. *27, 28, 29 и 30 сентября* происходил отход наших войск и выход из окружения.

В течение сентября не прекращались и боевые действия Ленинградского фронта. В первой половине месяца предпринимались попытки очистить от фашистов район Ям-Ижоры. Но они оказались неудачными. С *30 сентября* проводилось наступление в районе Московской Дубровки с целью форсирования реки Невы, овладения Мустолово и выхода на Синявино для соединения с наступающими войсками Волховского фронта. Две дивизии, наступавшие здесь, вынуждены были отойти на исходные рубежи. *1 октября* войска перешли к обороне на прежних рубежах.

26 сентября 70-я, 86-я стрелковые дивизии и 11-я отдельная стрелковая бригада при поддержке 117 боевых самолетов и десанта морской пехоты форсировали реку Неву и захватили плацдарм в районе Арбузово и Московской Дубровки. Ожесточенные бои продолжались здесь до 6 октября, но развить успех наши войска не смогли. По приказу Ставки операция была прекращена, и основные силы эвакуированы на правый берег.

Синявинская наступательная операция не завершилась прорывом блокады Ленинграда. Однако она имела положительное значение для общего хода борьбы на советско-германском фронте и, прежде всего, для Ленинграда. Синявинская операция сорвала проведение немцами операции «Нордлихт» по штурму Ленинграда.

Впоследствии в своих мемуарах «Утраченные победы» Э. Манштейн напишет: «...и вместо запланированного наступления на Ленинград развернулось сражение южнее Ладожского озера...»

Северное сияние не занялось!

Потери противника в Синявинской операции были огромны: 60 тысяч солдат и офицеров, 260 самолетов, 200 танков, 600 орудий и минометов. В ротах противника осталось по 18–20 солдат. Это был главный итог операции двух фронтов.

В официальном издании «История Второй мировой войны 1939–1945 гг.» дана оценка данной операции.

«Итоги борьбы на северо-западном направлении летом и осенью 1942 года показали, что группа армий «Север», усиленная переброшенной с юга 11-й армией, не смогла решить тех задач, которые были перед ней поставлены еще в плане «Барбаросса», а затем подтверждены директивами ОКВ № 41 и № 45.

Втянутая в оборонительные сражения против Ленинградского, Волховского и Северо-Западного фронтов, она не смогла приступить к операции по овладению Ленинградом. Активными действиями советские войска прочно сковали крупную стратегическую группировку врага и привлекли резервы гитлеровского командования. Если в начале июня в группе армий «Север» было 34 дивизии, то в конце сентября их стало 44.

Самоотверженной борьбой на этом стратегическом направлении и, прежде всего, на ленинградских рубежах, воины Ленинградского, Волховского и Северо-Западного фронтов оказали существенную помощь защитникам Сталинграда и Кавказа, сражавшимся на юге с основными силами вермахта»*.

* История Второй мировой войны 1939–1945 гг. — Т. 5. — С. 242.

Хроника Синявинской наступательной операции (19.08–10.10.42 г.)

19.08–9.09

Бои 268 сд и 136 сд 55 А Ленфронта в устье р. Тосны.

27.08. Прорыв немецкой обороны между Гайтоловом и Гонтовой Липкой 8-й А Волховского фронта (I эшелон в составе: 6 гв. ск — 3, 24 и 19 гв. сд; 11, 128, 265, 286 и 327 сд, 1 гсбр, шесть танковых бригад).

Овладение РП № 8 (128 сд), западным берегом р. Черная (24 гв. сд), Тортоловом (265 сд).

29.08. Ввод 4 гв. ск (II эшелон) в составе: 259, 294 сд; 32, 33, 137, 140 осбр. Бои за р. Круглая, подступы к Синявину, совхоз «Торфяник», Вороново.

Введение противником 170 пд 11 А.

1.09. Равновесие сторон, остановка продвижения советских войск.

6.09. Введение противником 11-й армии, наступление на фланги наших войск от рожи Круглой и Поречья.

Введение 191 сд и 53 осбр из 2 УА.

8.09. Ввод 2 УА (III эшелон) в составе: 374 сд, 22 и 32 осбр. Переподчинение 128 сд, 3 и 19 гв. сд, 4 гв. ск — 2 УА. Задача 2 УА — прорыв к Неве; 8 А (24 гв. сд, 265, 11, 286 сд, 1 осбр) — защита 2 УА с юга.

9.09. Попытка форсирования Невы войсками НОГ.

10.09–15.10

Атаки 128 сд на Липку и РП № 4; 4 гв. ск — на немецкие позиции у о. Синявинское; 374, 191 сд и 32, 33, 137 бр — на совхоз «Торфяник»; 3 гв. сд, 22 и 53 бр — на р. Круглая.

21.09. Наступление противника на фланги.

23.09. Взятие противником Гайтолова; отвод синявинской группировки наших войск к роже Круглой.

24.09. Захват противником высоковольтной линии у р. Черная.

25.09. Взятие противником Тортолова.

26.09. Высадка войск НОГ (70 и 86 сд) на Невский «пятак».

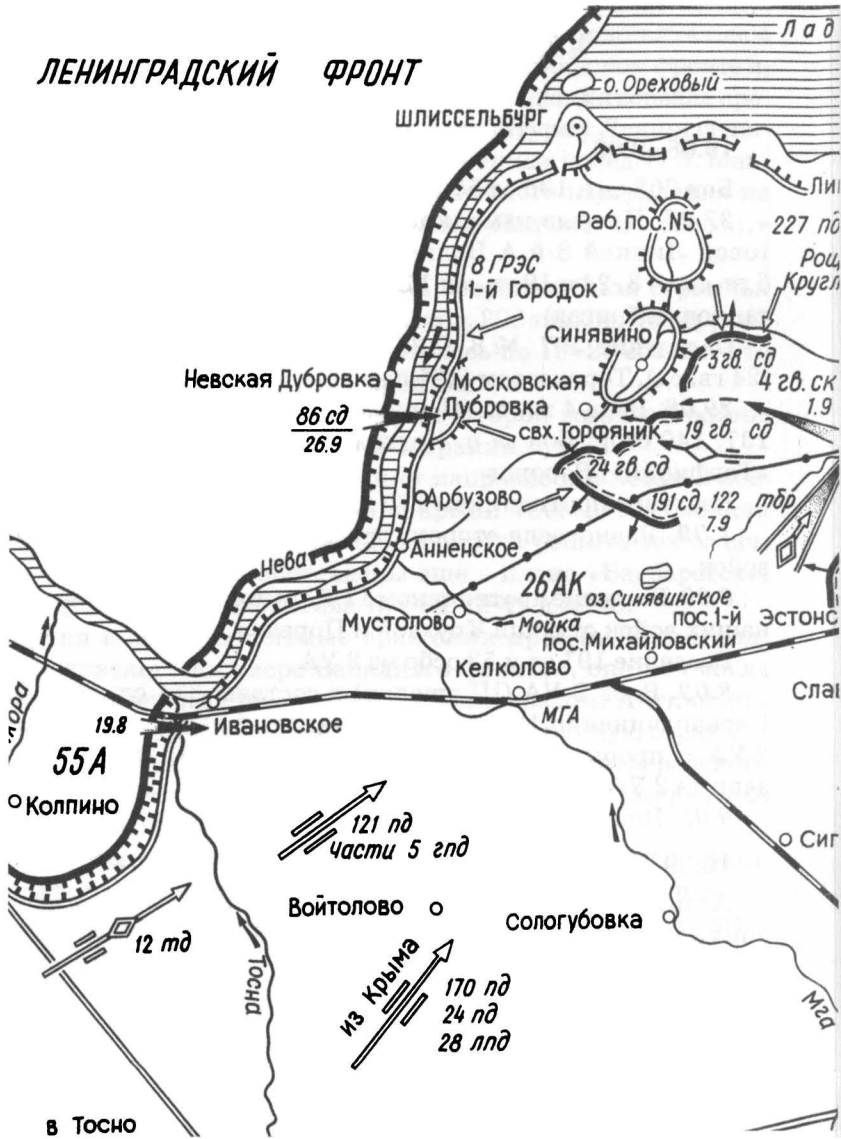
27.09. Приказ на вывод 2 УА на восточный берег р. Черной.

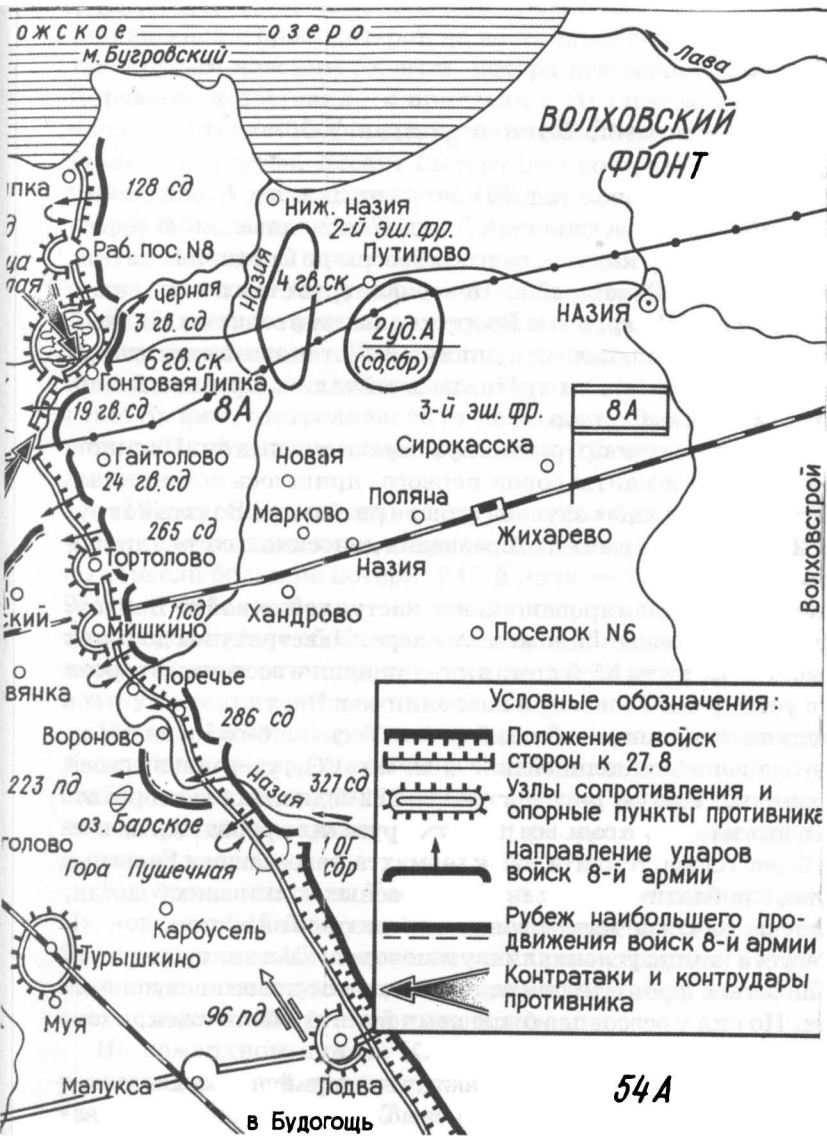
1.10. Прекращение боев в районе Гайтолово — Тортолово.

10.10. Переход к обороне войск ЛФ на восточном направлении.

15.10. Захват противником РП № 8.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ФРОНТ





*Семь дней боев в устье Тосны**

Война шла уже второй год. И почти год длилась блокада. Полувымерший от голода, раненый город все не сдавался. И тесно, по всему блокадному кольцу, от реки Сестры до Средней Рогатки, Колпина и поселка Саперный на Неве, насмерть стояли голодные, уставшие солдаты Ленфронта. Вооруженные винтовками и немногими пулеметами, полковыми пушками и считанными снарядами, они не только сдерживали врага, но и пытались пробить брешь в замкнутом кольце блокады.

Несколько попыток прорыва не увенчались успехом. Целиком погибли морские десанты сорок первого, пришлось оставить залитый кровью Невский «пяточок», была разбита на Волхове окруженная 2-я ударная армия.... А разведка доносила о готовящемся штурме Ленинграда.

И тогда было спланировано новое наступление войск Волховского фронта — южнее Ладожского озера. Навстречу им должны были выступить части 55-й армии, защищавшие восточные ворота города в устье реки Тосны при впадении ее в Неву.

Немецкие траншеи по обоим берегам Тосны с 6-го июня сорок второго года занимала полицейская дивизия «СС», уверенная в своей неуязвимости. Если уж рядовая пехота 122-й дивизии успешно отражала здесь в течение года все попытки русских прорваться на восточный берег Тосны, то элита войск вермахта, завоевавшая Бельгию, Францию, Прибалтику, закаленная в ужасных волховских болотах, не сомневалась, что не даст «иванам» прорваться на восток.

18 августа немцы слышали шум моторов, заметили движение нашей пехоты к фронту и поняли: начинается новое наступление русских. Но сил у эсэсовцев было немного — 1448 человек, и они выжидали.

На рассвете 19-го поднялся шквал артиллерийской подготовки, в небе появились краснозвездные самолеты, сбросившие на немецкие позиции фугасные и зажигательные бомбы. 268-я дивизия полковника С. И. Донского начала наступление. Немцы отвечали заградительным огнем, но наши атаки на деревню Усть-Тосно — ключ к восточному берегу — следовали одна за другой, и сдерживать их становилось все труднее.

* «Санкт-Петербургские ведомости» 18.08.2002 г.

Полной неожиданностью для противника явился десант, высадившийся с бронекатеров на восточный берег Тосны: прикрытые крутым невским берегом, катера незамеченными вышли из Корчмино и доставили к пристани в Ивановском отряд пехоты численностью в 500 человек под командованием старшего лейтенанта Кострубо. Десант быстро распространился по берегу до перекрестка дорог у церкви в Ивановском и занял шоссейный, «горбатый», мост через Тосну. Через мост прошли 3 наших танка.

Немцы вывели противотанковые орудия на прямую наводку, и две машины им удалось подбить. Но 952-й полк майора А. И. Клюканова уже взломал передний край немецкой обороны и ринулся по мосту в Ивановское. Впереди был 1-й батальон под командованием ст. лейтенанта Николая Афанасьевича Кукареко. За ним, отстреливаясь от наседавших эсэсовцев 1-го полка полицейской дивизии, переправился 2-й батальон капитана Поболина.

«19 августа, — записано в журнале боевых действий 268 сд, — части дивизии заняли положение по обе стороны железной дороги, но понесли большие потери: 947-й полк — 70% личного состава, 952-й — 60%, особенно — командиров рот и взводов. Командиры подразделений не обеспечили освоение захваченных районов, занятие огневых точек противника, не ликвидировали оставшихся в тылу немецких автоматчиков».

Неспособность закрепляться на достигнутых рубежах типична для первых периодов войны и зависела, вероятно, не только от слабо усвоенных правил военной тактики, но происходила также из черт русского характера — неудержимого, не умеющего оглядываться назад.

Так произошло и на Тосне. 952-й полк целиком устремился в Ивановское; 947-й не удержал завоеванные участки на западном берегу, и немцы в 16 часов вновь заняли свои траншеи в Усть-Тосно, ведя огонь по наступающим и отрезая им путь к мостам. Живая связь с восточной группой прервалась.

На командном пункте Клюканова в круче западного берега раздавались лишь голоса четверых дивизионных радистов: Рувима Спринциона, Сергея Тютева, Михаила Бубнова и Владимира Люкайтиса, корректировавших огонь артиллерии из подвала пивоваренного завода на том берегу:

- 100 метров вправо — по лощине движется немецкая пехота;
- 200 метров влево — огневая точка!

А на западном берегу не прекращалась борьба за Усть-Тосно. В схватку вступила полковая разведка во главе с лейтенантом Кузнецовым. Фашисты отчаянно сопротивлялись, но к полудню

20-го Усть-Тосно снова стало нашим, а немцы были отброшены за железную дорогу.

Артиллерия постоянно была по Ивановскому — и наша, и немецкая. Над селом стояла сплошная пелена дыма, взлетали вверх комья земли, бревна блиндажей. Неожиданно Спринзон передал:

— Немцы в пятидесяти метрах, окружают, бейте по нам! Повторяю — огонь по нам!

Взрыв — и рация замолчала. Судьба оказалась милостивой к отважным: снарядом лишь перебило антенну и ранило осколком Мишу Бубнова. Радисты остались живы. Но тогда никто не знал, что творилось на восточном берегу. Позже о том поведали очевидцы. Вот как описывает непрерывный семидневный бой на Ивановском «пятакче» участник этих событий военфельдшер 952-го полка Ершов.

«Каждый из бойцов и командиров дрался здесь буквально за десятерых. 60 часов без отдыха бойцы комбата Кукареко бились с немцами, которые вводили в бой все новые резервы. Почерневшие от усталости, с красными от бессонницы глазами, они знали одно: надо держаться. Вчера по радио донеслись слова Клюканова:

— Молодец, Кукареко, держись!

Эти слова врезались в сознание самого Кукареко, пулеметчика Кузьмина, связного Николая Хайминова — всех, кто находился в траншее. Примостившись в ячейках, выдолбленных в сухом песке, люди не выпускали из рук оружия. Внезапно кто-то крикнул:

— Товарищ старший лейтенант, посмотрите направо!

Кукареко вскочил. Вскочили все. Справа бежали немцы. Оврагом они пробрались в траншею и теперь гуськом бежали прямо сюда, даже не пригибаясь. Их серая цепь извивалась на поворотах хода сообщения, как длинное тело змеи. Кукареко смотрел на эту «змею», словно оцепенев. И вдруг, одним движением схватив сразу шесть гранат, он кинулся немцам навстречу. Он не подавал никакой команды, не оборачивался, не смотрел, бегут ли за ним люди. Он бежал и что-то кричал охрипшим голосом. И остальные — все, кто был в траншее, бежали за ним и тоже кричали. Они были готовы рвать, кусать, душить тех, в серых куртках.

Широко размахнувшись, Кукареко метнул две гранаты. Третью послал дальше, чтобы свалить задних и устроить в траншее пробку. Так и кидал поочередно: одну гранату близко, другую — дальше. Бойцы без перерыва подавали ему новые, со вставленными капсюлями. Кукареко швырял их, продолжая бежать. Связной — маленький, рыжий Хайминов следовал за ним по пятам, на бегу добывая раненых немцев из автомата. И остальные мчались за командиром и связным, стреляя на ходу. Когда немцы кидали

в них гранаты, бойцы ловили их на лету и бросали обратно. По ним били из пулеметов, из пушек; их засыпало в траншее. Оглушенные, они откапывали друг друга, окликая:

— Жив?

— Жив! — и снова вставали.

Когда на них пошли танки, с западного берега загрохотали орудия.

— Наши! — выкрикнул Кукареко. — Смелее, ребята, ничего, что нас мало.....

— Я могу за троих, — сказал юркий Хайминов. Он разложил на бруствере три автомата, в тридцати метрах один от другого, и бегал взад и вперед, стреляя из них по очереди. И вдруг упал. Кукареко подбежал к нему и услышал тихие слова:

— Умираю, товарищ командир...

Связной проговорил так, словно извинялся, что мало повоевал.

После пятой атаки в траншее осталось восемь человек. Снова темнело небо, снова близилась ночь, и никто из восьмерых не знал, увидит ли еще раз, как занимается заря...

А у шоссе, вблизи пивоваренного завода, дрались бойцы 2-го батальона капитана Поболина, которые тоже двое суток без отдыха вели бой. У них в руках были то «ППД», то гранаты, то трофейные автоматы. От непрерывных разрывов снарядов — своих и чужих — поднимался песчаный вихрь, слепивший глаза и засорявший оружие. Немцы не раз вклинивались в наши боевые порядки, и группы бойцов оказывались отрезанными, но и тогда они не теряли присутствия духа и с боем прорывались к своим.

Геройски бились бойцы обоих батальонов, но их становилось все меньше. Капитан Поболин погиб, и в его батальоне, как и у раненного Николая Кукареко, осталась лишь горстка бойцов....

Радистам удалось, заменив антенну, восстановить связь, и в землянке Клюканова раздался голос Кукареко:

— Кончаемся... Бойцы кончаются, боеприпасы...»

Рассказывает бывшая телефонистка 952-го полка Тамара Родионовна Овсянникова.

«Клюканов решил перенести свой КП на восточный берег, доложил комдиву. Я слышала по индукции слова Донскова:

— Собери всех: поваров, парикмахеров, связистов, но удержи плацдарм!

И вот уж от бойца к бойцу передается команда:

— Всем живым собраться в траншее около КП. Приготовиться к атаке!

И «все живые» во главе с командиром полка ринулись к доменной насыпи, оттуда, в короткую паузу между пулеметными

очередями, броском двинулись через мост на другой берег. Помню, за командиром бежал его адъютант Жуков, радисты Маслов и Потапов, я с коммутатором. Из темноты послышались голоса:

— Стой, кто идет?

— Командир 952-го полка майор Клюканов, — был ответ.

На том берегу стоял разрушенный пивоваренный завод. В его подвалах разместили раненых и штаб полка. Дальше по берегу Невы — церковь, рядом кладбище. Завоеванный нашими участок — западная часть Ивановского до пристани.

Немцы наступали от церкви и стреляли без перерыва. Клюканов собрал трех радистов, нескольких командиров, десяток бойцов, тринадцать раненых — все свое войско.

— Раненые, вы можете драться?

— Можем, товарищ командир!

Первым из подвала с автоматом в руках выбежал Клюканов. В подвале оставались только радист, сообщавший цели артиллеристам, я у телефона и раненые. Но и они участвовали в бою, заряжая диски к автоматам.

Уже три немецкие атаки отразил клюкановский гарнизон. Вдруг прибегает адъютант Жуков:

— Немцы снова атакуют!

Нужен огонь с того берега, а связь не работает: перебило.

— Ты умеешь плавать? — спрашивает Клюканов радиста. Миша Маслов кивнул.

— Передашь: прошу «катюш!»

Миша поплыл. Прошло минут тридцать, из Корчмино ударили «катюши». Снаряды легли в цель. Немцы забегали. Едва развеялся дым — они снова пошли в атаку.

Тогда Клюканов посылает на западный берег Жукова с запиской: «Огонь на меня!» — и указывает наши координаты. Жуков поплыл, но на другом берегу попал в руки особистов. Доложили комдиву, и Жуков передал Донскову записку, которую держал во рту.

Начавшийся на какое-то время обстрел остановил немцев.

«Горбатый» мост находился под непрерывным огнем, и ночью саперы навели наплавные мостки, скрытые под водой. Рано утром по ним перешли к нам заместитель командира дивизии Дементьев, около 100 человек пополнения. Среди них была и медсестра Кларисса Чернявская.

— Где раненые? — первым делом спросила она.

Кларисса перевязывала, а я подносила котелком воду из Невы.

По Неве на катерах переправились командир минометчиков Ярошенко и начальник артиллерии Бучельников с 45-мм пушкой. Высадив пополнение, катера забрали часть раненых.

И в этот день немцы продолжали атаковать. Раз, другой, пятый, седьмой..... Ключанов все время находился с бойцами, поднимая их в контратаки.

— Ребята, держись!

В окровавленных повязках, с простреленными руками, люди продолжали драться. Но их становилось все меньше. Убило комроты связи Юру Сильвестрова, начхима Шибаева и его сына Толю — 16-летнего связиста, многих других...»

«Все здесь простреливалось и просматривалось, — вспоминал Александр Иванович Ключанов, — но мы знали, что отступить нельзя, что «пяточок» надо удержать любой ценой...»

Немцам тоже приходилось несладко. Командир 1-й роты противотанкового батальона полицейской дивизии «СС» писал в своем донесении: «Состояние наших траншей, где они еще не были сровнены ураганным огнем, ужасно. Люди на пределе своих сил. Только самые категорические приказы могли заставить их двигаться вперед. В этом бою противник, как он привык это делать, вопреки законам гуманного ведения войны, применял разрывные снаряды, допустимые лишь при охоте на крупную дичь. Причиненные ими ранения совершенно ужасны.»

После всего, что мы знаем о преступлениях, совершенных нацистами во время 2-й мировой войны, странно читать об их требованиях гуманного ведения военных действий. По-видимому, наци, уверенные в собственной исключительности, полагали, что гуманизм — явление одностороннее. Война же по сути своей античеловечна, антигуманна и имеет лишь одно оправдание — защиту Отечества.

Но вернемся к дневнику Ершова.

«Стемнело. Казалось, наступила передышка. Ключанов спустился в подвал. Вдруг крики:

— Танки! Товарищ командир, танки!

Ключанов выбежал наружу. Залитая голубым лунным светом, виднелась вдали церковь. За ней — пять вражеских танков, три из них уже идут к нам.

Командир подзывает троих бойцов, каждому дает по противотанковой гранате:

— Ваша задача, — говорит он, — каждому — по машине. Готовы ли вы?

Их взгляды встретились. Все знали, что командир требует от них очень многого, по сути — подвига: ползти навстречу танку и сознавать, что промахнуться — значит умереть. Но все трое ответили одинаково:

— Готовы!

Клюканов обнял и поцеловал каждого:

— Идите!

А сам бросился в подвал к рации, передал артиллеристам цель и, схватив гранаты, снова выбежал наверх. И все, кто мог держать оружие, кинулись за ним.

Танки харкали дымом, огнем, сталью. Они били по КП, по мосту, по переправе. Навстречу им ползли трое. Не сдадут ли ребята в последний момент? Но тут, вздрогнув от взрыва, остановился первый танк. Потом пламя охватило второй; еще взрыв — и запылал третий!

Из-за Тосны была наша артиллерия. Она отсекала пехоту и разбивала танки. Девятая за сутки атака была отбита.

Бой не прекращался ни днем, ни ночью. Он рождал все новых героев, и многих из них вырывала смерть.

Как же выглядел клюкановский «пяточок»? Представьте себе площадку, ограниченную с севера обрывистым берегом Невы, с запада — речкой Тосной, с юга — Шлиссельбургским трактом, а с востока — передним краем у «Пяти углов» — перекрестком дорог вблизи церкви. Весь этот участок занимал по берегу Невы около 600 метров, вдоль Тосны — всего четыреста.

Так стало после прихода на «пяточок» командира полка. До этого нашими были лишь развалины пивоваренного завода, а кругом шныряли немцы, готовые задушить последних защитников плацдарма.

До войны здесь стоял благоустроенный поселок, от которого теперь остались только груды щебня да воронки от бомб и снарядов. Рыть траншеи или строить землянки было очень трудно: вместо земли — песок, сверху — щебень. Только что вырытая траншея либо котлован для землянки осыпались при каждом разрыве снаряда. При этом нередко засыпало песком людей. Чтобы избежать обвалов, требовался лес, который приходилось под огнем вытаскивать из Невы.

Каждый новый день немцы начинали с обстрела КП. Они хорошо знали это место: до нашего наступления здесь располагался их штаб. Свистели и с грохотом взрывались снаряды, ходуном ходил подвал, сыпался песок, но все оставались на своих местах. Спокойно работали у телефонных аппаратов девушки-связистки Тамара Овсянникова и Зинаида Мельникова; обрабатывали раны и даже делали неотложные операции медики ПМП, развернутого в соседнем помещении.

Героически работала по спасению раненых лаборантка медсанбата Кларисса Чернявская. Кругом рвались снаряды и мины, а эта бесстрашная девушка ходила с санитарями по «пяточку»,

словно не замечая огненного вихря. 23 августа, перевязывая раненого, она была прошита пулеметной очередью...

Эвакуацию раненых с «пяточка» организовал начальник санслужбы полка военврач 3-го ранга лейтенант А. П. Лебедев. 24 августа он вышел проверить погрузку раненых в лодки и был убит прямым попаданием снаряда. 25 августа тридцать оставшихся в живых «клюкановцев» отошли согласно приказа под обстрелом на западный берег по наплавному мосту. Последними отходили Клюканов с Дементьевым. Подполковника Дементьева на мосту тяжело ранило: оторвало ногу.

Клюкановский полк сделал все, что мог. Отвоевав у немцев Усть-Тосно и западную часть Ивановского, он выполнил то, за что безуспешно бились в течение года пять наших дивизий.

Попытка расширить «пяточок» силами 136-й сд генерала Н. П. Симоняка не удалась. Наступление 342-го полка 26–27 августа вдоль насыпи в Ивановском привело лишь к гибели 760 человек.

Всего с 19 по 25 августа 268-я дивизия потеряла здесь 3677 человек, а 136-я — 2001.

Но плацдарм в устье Тосны остался за нами. Немцы больше не посягали на него, и подразделения 43-й дивизии удерживали его вплоть до января 1944 года, когда захватчики были, наконец, изгнаны с неевского берега. После войны Фридрих Хуземан, автор книги о полицейской дивизии «СС»*, напишет об августовских боях сорок второго: «Наступление 8 дивизий к востоку от Колпина мы расценили как отвлекающее от прорыва у Гайтолово. С этой точки зрения должен рассматриваться упрямый натиск противника в устье Тосны и крайняя необходимость для нас его выдержать, т. к. при удачном наступлении русских весь северо-восточный заслон вокруг Ленинграда рухнул бы».

* *Huseman F. Die guten Glaubens waren.* — Coburg, 1999. Перевод И. М. Дунаевской.

Борис СЛУЦКИЙ *

Последнею усталостью устав,
Предсмертным умиранием охвачен,
Большие руки вяло распластав,
Лежит солдат.
Он мог лежать иначе,
Он мог лежать с женой в своей постели,
Он мог не рвать намокший кровью мох,
Он мог...
Да мог ли? Будто? Неужели?
Нет, он не мог.
Ему военкомат повестки слал.
С ним рядом офицеры шли, шагали.
В тылу стучал машинкой трибунал.
А если б не стучал, он мог?
Едва ли.
Он без повесток, он бы сам пошел.
И не за страх — за совесть и за почесть.
Лежит солдат — в крови лежит, в большой,
А жаловаться ни на что не хочет.

* Строфы века. Антология русской поэзии. Сост. Е. Евтушенко. Минск—Москва, «Полифакт», 1995.

Х. ПОЛЬМАН,
полковник, командир 284 пп
96-й пд 18-й немецкой армии

Первое Ладожское сражение. * ***Лето 1942 г.***

В то время, как немецкий Восточный фронт с мая 1942 г. начал широкое наступление на юге на Кавказ и Волгу, а 16 армия вела изнурительные бои за Демянский котел, 18 армия на всем своем фронте перешла к позиционной войне.

Даже после того, как стихли бои, жизнь войск на этих позициях, которые во многих случаях еще надо было построить, оставалась тяжелой. Пехота, саперы, противотанковые части, артиллерийская разведка непрерывно находились в соприкосновении с противником, иногда в одной или нескольких сотнях метров от него, постоянно под огнем снайперов, пулеметов, минометов, «сталинских органов»** и артиллерии. Вылазки своих и вражеских разведгрупп сменяли друг друга.

Позиции лишь частично были оборудованы окопами и блиндажами. На Волхове и в котле Погостье почвенные воды не позволяли вести земляные работы, и поэтому приходилось довольствоваться блокгаузами, заборами со смотровыми щелями и жердевыми гатями.

Сводки Вермахта лишь скупо сообщали об этом фронте. Он оставался в тени. Однако и здесь ежедневно были жертвы. Например, в августе 1942 г., согласно одной из записей полкового журнала 284 пехотного полка 96 пехотной дивизии, при отсутствии «значительных боевых действий» потери убитыми и ранеными составили 12%.

Прежде всего необходимо было восстановить численный состав соединений по штатам военного времени. Поскольку почти все дивизии участвовали в боях, это потребовало длительной и многократной перестановки взводов, пока каждый батальон и каждая батарея снова не заняли свое место в соответствующем полку. Эти мероприятия продолжались до августа.

* *Pohlman H. Wolchow. 900 Tage Kampf um Leningrad 1941–1944. — Vad Nauheim, 1962. — С. 55–69 / Пер. с немецкого М. И. Беккер.*

** Немецкое прозвище «катюш».

Начиная с зимы, за линией фронта, в «тыловом районе армии» и дальше, вплоть до самых границ Рейха, создавалась всеобъемлющая система тыловых служб. За всю эту систему отвечали начальник тыла 18 армии со своим штабом, а также генерал, командующий группами прикрытия непосредственно примыкающей территории, и главнокомандующий прифронтовым районом 101 генерал Франц фон Рок с охранными дивизиями 207 (фон Тидеманн), 281 (Байер) и 285 (барон фон Плото) с главной полевой комендатурой, полевыми комендатурами, комендатурами гарнизонов и многими другими подразделениями.

Через дивизионные медицинские пункты и полевые госпитали катился поток раненых и больных, которые на грузовиках, вспомогательных и полностью оборудованных санитарных поездах отправлялись в госпитали в Прибалтийские страны и на родину. В особо тяжелых случаях, требовавших срочной операции, и для транспортировки раненых из котлов использовались также самолеты. Большая часть дивизий устроила себе дома отдыха в Прибалтике, где им помогало дружественное население. Такие дома отдыха находились на Рижском взморье, в Ревеле, Феллине¹, Тойле, Вырице и в некоторых других местах. Здесь «служба» заключалась лишь в том, чтобы есть и спать, здесь претворялась в жизнь извечная мечта солдата — «Больше музыки и меньше начальства!». Работавшие здесь медицинские сестры своими заботами заслужили искреннюю благодарность солдат.

Часть лошадей, даже ценой снижения подвижности войск, уже в первую зиму была переправлена в зоны отдыха вплоть до Эстонии и Латвии по обе стороны Двины, где была возможность их лучше кормить. Однако и здесь падеж от недостатка кормов был очень велик. Работавшие в обозах и подразделениях снабжения добровольцы — частично из населения Прибалтики, частично из перебежчиков и военнопленных — высвобождали все большее количество бойцов для фронта.

Переделанные на нормальную колею железнодорожные линии обеспечивали доставку продовольствия, боеприпасов, горючего, полевой почты, материально-технических средств, а также отправку раненых, порожняка и подлежащей ремонту техники. Большое значение для солдат имело регулярное движение поездов с отпускниками между Вирбалленом² и Красногвардейском. Четкая система плацкарт обеспечивала справедливое распределение крат-

¹ Таллинн, Вильянди.

² Вержболово.

косрочных отпусков. Одетые в синюю форму железнодорожники Рейхбана, верные долгу, бесстрашно водили поезда и по кишащим партизанами районам, и по участкам путей, подвергавшимся нападению с воздуха.

Строительные группы, в которых использовались пленные, строили и содержали в исправности дороги, мосты, гати и полевые железные дороги.

Непосредственно в тылу армии были созданы склады продовольствия, боеприпасов, горючего и обмундирования, склады для хранения оружия, оборудования для саперов, связистов, санитаров, а также автомобильных запчастей. Работали ремонтные мастерские, пекарни, бойни, молочные фермы, прачечные, бани, вошебойки, солдатские клубы и т. п. Лесопилки использовали лесные запасы страны для строительства оборонительных сооружений и убежищ.

Широко разветвленная сеть проводной связи обеспечивала телефонную и телеграфную связь, которая дублировалась радиосетью.

Части охранных дивизий, а также эстонские и латышские полицейские соединения охраняли тыл от партизан, которые причиняли всевозможный ущерб, особенно с 1943 года, хотя и не в такой опасной степени, как в районе действий 16 армии и группы войск «Центр».

Все эти разнообразные задачи начальника тыла армии с подчиненными ему службами, а также деятельность командиров тылового армейского района между Волховом и Ленинградом являлись неотъемлемой составной частью и предпосылкой для боевых действий войск. Нельзя не упомянуть также мероприятия по управлению районом и снабжению населения.

Немецкая сторона еще раз провела подготовку наступления на Ленинград. На направлении главного удара должна была действовать испытанная в боях за укрепленные районы 11 армия под командованием фельдмаршала фон Манштейна. Ее дивизии и осадная артиллерия многочисленными эшелонами перебрасывались в Ингерманландию из Крыма. Войскам, которые теперь, в условиях уже рассредоточенных операций, лучше было бы отправить на Кавказ и в Сталинград, надлежало осуществить наступление, остановленное в сентябре 1941 г., когда еще легко было добиться успеха, но для которого в настоящий момент не было оперативной необходимости. Это новое, без сомнения, ошибочное решение Гитлера несколько месяцев спустя привело к тяжелым последствиям под Сталинградом. Наступление это, получившее кодовое название «Северное сияние», должно было начаться 14 сентября

и проводиться через Неву, минуя самый город, чтобы избежать тяжелых потерь в уличных боях. Таким образом, предполагалось осуществить сплошное окружение, которое должно было привести к падению этой осажденной крепости.

После неудачи на Волхове советское командование поставило перед собой значительно более скромные задачи. Уже не уничтожение всей 18 армии посредством удара в направлении Ямбург—Нарва, уже не разгром всего Волховского фронта посредством наступления на флангах с целью окружения в направлении на Любань, а всего лишь удар через узловую железнодорожную станцию Мга вдоль Кировской железной дороги к Неве в районе устья р. Тосны, чтобы осуществить связь с Ленинградом по суше. Станция Мга, находящейся у основания Шлиссельбургского «бутылочного горла», теперь суждено было оставаться целью советского командования в течение ближайших полутора лет.

Советское командование не без оснований ожидало немецкого наступления на Ленинград после того, как 11 армия (фон Манштейн) в жестоких боях захватила Севастополь в Крыму и приобрела богатый опыт в боях за укрепленный район.

У плацдарма Кириши, где в основном действовали восточно-пруссские дивизии, все лето не было покоя. Снова и снова приходилось отбивать советские атаки. В районе Грузино и у русских плацдармов западнее Волхова тоже постоянно шли местные бои.

Согласно советскому плану Кириши должны были стать прелюдией к массированному применению тяжелого оружия. Три полка артиллерии РКК, четыре танковые бригады вместе с соединениями VI гвардейского стрелкового корпуса бросились на немногочисленные батальоны 11 и 21 пехотных дивизий, которые здесь сменяли друг друга. Сражение, начавшееся 5 июня 1942 года, в период с 21 июля по 2 августа достигло своей высшей точки. Когда 20 августа бои утихли, плацдарм на изрытой воронками местности стоял, как и прежде; был уничтожен 171 вражеский танк, из них большая часть в ближнем бою. Для советского командования Кириши были всего лишь предварительным боем запланированного на лето сражения.

Накануне первого Ладожского сражения, после реорганизации полос обороны корпусов и прибытия первых штабов и дивизий из Крыма, силы 18 армии 23 августа располагались следующим образом.

На Волхове, начиная от Новгорода на север, по обе стороны Мостков приблизительно параллельно шоссе стоял XXXVIII армейский корпус в составе 20 мотопехотной дивизии и 212 пехотной дивизии; к нему примыкал 1 армейский корпус в составе 254, 291,

1 и 61 пехотных дивизий (последняя теперь удерживала плацдарм Грузино). У плацдарма Кириши и вокруг котла Погостье располагался XXVIII армейский корпус в составе 269, 21, 11, 93, 217 и 96 пехотных дивизий. Восточный и северный фронт «бутылочного горла» оборонял XXVI армейский корпус в составе 223 и 227 пехотных дивизий.

На Ленинградском фронте от среднего течения Невы до Урицка Ленинград окружал L армейский корпус в составе полицейской дивизии СС, 121 пехотной дивизии, 2 пехотной бригады СС и 215 пехотной дивизии. Позиции вокруг Ораниенбаумского плацдарма удерживали 58 и 225 пехотные дивизии.

250 (исп.) дивизия была выведена из Новгорода, чтобы сменить 121 пехотную дивизию в районе Колпино; 12 танковая дивизия находилась на отдыхе и пополнении в тылу, и, кроме того, в распоряжении командования имелась еще 5 горно-егерская дивизия.

Из Крыма были доставлены штабы XXX и LIV армейских корпусов, 24 и 170 пехотные дивизии, а также 28 легкопехотная дивизия. Это был первый эшелон соединений, предназначенных для наступления на Ленинград.

Старший артиллерийский начальник 303, уже с осени 1941 г. руководивший артиллерийским боем против Ленинграда, теперь проводил основательную подготовку артиллерийской атаки. Дивизионы артиллерийской инструментальной разведки и воздушной разведки осуществляли разведку целей, привязку позиций для артиллерии усиления вплоть до самых тяжелых калибров; производилась также подготовка исходных данных для стрельбы и накопление боезапаса.

Эти немецкие приготовления нарушила русская атака в направлении Мги. Советское командование пополнило или заново сформировало соединения 2 ударной армии и 54 армии, разбитые в сражении на Волхове. Были подтянуты сводные батальоны, штрафники, ненадежные части, укомплектованные представителями тюркских племен, сокращено время подготовки новых пополнений, чтобы, несмотря на немецкое наступление на южном фронте, предпринять атаку здесь на севере.

Бои вспыхнули сначала на самом Ленинградском фронте, где в последней трети июля и в первой трети августа под Урицком и южнее Колпины находящимся в обороне дивизиям пришлось отбивать мощные атаки советских войск или уничтожать их посредством контратак. Между Пушкином и Урицком рядом с 215 дивизией и полицейской дивизией СС сражались части 12 танковой дивизии, а также фламандцы, голландцы и норвежцы, входившие в состав группы Екельн. В период с 18 августа по 4 сентября еще раз

возобновились оборонительные бои восточнее Колпина. Однако более серьезной угрозы кольцу окружения не возникло.

В основном же все вышеупомянутые атаки в районе Волхова и под Ленинградом проводились для маскировки приготовлений к решающим атакам в районе Кировской железной дороги. Здесь штаб русского Волховского фронта сосредоточил 16 стрелковых дивизий, 9 бригад и 300 танков.

Первое Ладожское сражение началось 27 августа и 2 октября, после преодоления тяжелых критических ситуаций, закончилось полной немецкой победой в обороне. От Кировской железной дороги по обе стороны Тортолово и Гайтолово до большого торфяного болота севернее Синявино волны русского наступления после мощной артиллерийской и минометной подготовки при поддержке штурмовой авиации накатывались на слабые немецкие позиции. Вначале удались только прорывы у просеки с линией высоковольтной электропередачи и у Поселка № 8.

Однако слабые части 223 и 227 дивизий были, конечно, не в состоянии долго противостоять такому натиску. Западнее Гайтолово по обе стороны электропросеки фронт был прорван, и противник стал продвигаться на запад по труднопроходимым лесам. 170 дивизия была спешно переброшена по железной дороге на станцию Мга и уже 28 августа введена в бой с целью локализовать район прорыва; причем ее главные силы действовали на его южном крае севернее Кировской железной дороги от района западнее Тортолово до района северо-восточнее Мги, а отдельные части обороняли Синявинские высоты.

Снова, как и во время Волховского сражения, было очень важно удержать две угловые опоры в месте прорыва — на юге у Тортолова и на севере у Гонтовой Липки, где особенно отличился 366 пехотный полк под командованием полковника Венглера, который несмотря на окружение стойко держался на так называемом «носу Венглера»¹. Таким образом, единственным путем снабжения всех сил противника осталась только электропросека.

Русским все же удалось прорваться до Бальцервега — немецкого пути снабжения в Шлиссельбург — и таким образом пройти подороги до Невы. Создалась обстановка, с которой уже нельзя было справиться только местными мероприятиями.

Фельдмаршал фон Манштейн как раз в первый день сражения прибыл со штабом своей 11 армии в Ушаки. Для генерал-полковника Линдемманна уже один тот факт, что наступлением на Ленинград

¹ Роща Круглая.

будет руководить фон Манштейн, являлся в какой-то мере оскорбительным, но это можно было хотя бы обосновать опытом последнего, приобретенным при наступлении на Севастополь. Теперь же Гитлер приказал фельдмаршалу фон Манштейну руководить боями и под Ленинградом, и за котел между Ладожским оз. и Мгой, причем не подчиняясь группе армий «Север», а непосредственно под его — Гитлера — командованием, хотя он с начальником Генштаба генерал-полковником Гальдером имел свою ставку в Виннице на Украине, чтобы быть ближе к операциям против Кавказа и Сталинграда. Правда, снабжение и дальше продолжало оставаться в руках 18 армии, то есть отлаженной тыловой организации Северного фронта.

Для генерал-полковника Линдемманна это было горькой обидой — ведь в котлах Волхова и Погостья он доказал, что может успешно вести подобные сражения в глухих лесах. Однако фельдмаршал был уже здесь, и в числе сосредоточенных здесь соединений были четыре его Крымские дивизии. В свойственной ему рыцарской манере генерал-полковник Линдемманн подчинил свои личные интересы интересам дела и позаботился о том, чтобы взаимодействие обоих армейских командований осуществлялось без трений.

Штаб 11 армии руководил теперь XXX армейским корпусом на южном краю котла, XXXVI армейским корпусом на северном его краю, L корпусом на берегу Невы и под Ленинградом, а также LIV корпусом у Ораниенбаумского плацдарма.

Штаб 18 армии руководил операциями на Волхове от Новгорода до Киришей и вокруг котла Погостье, где находились XXXVIII, I и XXVIII армейские корпуса. Такой порядок подчинения существовал до 31 октября, когда генерал-полковник Линдемманн вновь принял весь свой фронт.

Для руководства боевыми действиями в районе котла было прежде всего необходимо прочно укрепить угловые опорные пункты и помешать расширению района прорыва. Противнику еще не удалось выбраться из лесистой местности, которая уже сама по себе непригодна для такого наступления. В руках немцев остались: на севере — важная Синявинская высота, на западе Бальцерверг и Келколово, а на юго-западе — узловая станция Мга.

На южном краю района прорыва в составе XXX корпуса сражались 24, 132 и 170 пехотные дивизии, к которым в конце сентября присоединилась еще 3 горно-егерская дивизия, которая пополнилась, отдохнула и «проездом» приняла участие в боях, так что здесь сражались рядом дивизии с полярного фронта и с субтропиков Крыма. В районе Тортолово была введена в бой также 12 танко-

вая дивизия, тогда как 223 дивизия, которую время от времени усиливали части 96 дивизии, прикрывала Вороново с востока.

На западном и северном краях действовал XXVI корпус в составе 28 легкопехотной дивизии у Бальцервега, 5 горно-егерской дивизии восточнее Синявино и 121 дивизии у р. Черная, где в соприкосновении с противником находились еще части 227 дивизии.

Разумеется, здесь тоже нельзя было избежать перемешивания соединений, а также использования сводных и других импровизированных подразделений, так что некоторые батальоны вступали в бой под чужим полковым и дивизионным командованием.

После того, как в упорных оборонительных боях и контратаках удалось помешать расширению котла, возникла необходимость сузить, а затем и замкнуть участок прорыва, начиная с державшихся здесь угловых опор. Этого можно было добиться лишь в упорных боях с силами деблокирования, которые снова и снова бросались в атаку с востока.

На Ленинградском фронте тоже требовалось отразить атаки восьми русских дивизий, наступавших с целью деблокирования восточнее Колпина. Кроме того, в районе Дубровки противник форсировал Неву, однако не добился никакого успеха, кроме создания маленького плацдарма. Эти отвлекающие удары не могли изменить судьбу котла.

После того, как к 21 сентября противника удалось окружить, фельдмаршал фон Манштейн приказал предпринять наступление пехоты с целью разгромить и уничтожить котел в труднопроходимой болотисто-лесистой местности. Наступление поддерживали мощные соединения артиллерии, минометов, а также зенитные и летные части ВВС. Наряду с пехотинцами и горными стрелками особенно отличились саперы, которым постоянно приходилось разминировать местность и уничтожать долговременные оборонительные сооружения противника.

Мощная артиллерия позволила немецкому командованию во взаимодействии с соединениями бомбардировщиков и пикирующих бомбардировщиков VIII авиакорпуса (генерал-полковник фон Рихтхофен) разбить окруженные в котле восемь стрелковых дивизий, шесть стрелковых и четыре танковые бригады и превратить болотистый лес в ад, что весьма ярко изображено в захваченном дневнике командира одного советского полка:

«2.9. Вот мы и снова под Гайтолово.

4.9. Вчера был дан боевой приказ: прорыв на Ленинградское шоссе, на Московскую Дубровку... Похоже на то, что дальнейшее продвижение вперед без предварительного расширения вклинения

на флангах — просто глупость. Однако наш 861¹ стрелковый полк по решению командира корпуса, генерал-майора Гагена, сегодня целый день атакует, но не сдвигается с места. До 18 часов полк потерял 65% своего рядового состава и 100% командиров.

4 и 5.9. Мы не продвинулись вперед.

9.9. Рядовой состав тает, но ни малейшего успеха. Крик, шум, угрозы, ругань — какой от всего этого прок?..

12.9. Вражеская авиация все время бомбит. Вся земля дрожит от разрывов бомб. Кажется, что немцы хотят все сровнять с землей. Их боевые машины идут непрерывным потоком и бомбят, бомбят. Когда это кончится? Вокруг настоящий ад. Чтобы развить наш прорыв, прибыл VI гвардейский стрелковый корпус² в составе 22, 23 и 55 стрелковых бригад, а также других частей. Сегодня они перешли в наступление. Каких успехов они добились, я не знаю. Наверно, таких же, как и мы. Дорого обходится нам эта операция! На полосе 2 км до передовой сплошные трупы людей и лошадей.

16.9. От этих бомбежек можно сойти с ума... Из этого дьявольского котла вряд ли выберешься живым. Год назад на этом самом месте совершали такие же глупости, такие же ошибки, были такие же неудачи. Когда же у нас будет так, как у других?

25.9. Я уже испытал все прелести войны. Теперь последняя «прелесть». Нет почты, нет еды, боеприпасов тоже почти нет... Дневная норма на 4 дня.

27.9. Артиллерия все время бьет по лесу, который веками стоял нетронутый. Он разбит до неузнаваемости... Наши результаты равны нулю. Сейчас в окружении находятся шесть дивизий — 374, 259, 19, 191, 24, 294 — из них две гвардейские, а также шесть бригад и несколько минометных и артиллерийских полков. Вернее, это лишь обозначения целых соединений. В каждом соединении осталось только 7, 8 или 10% состава. Четвертый день без еды, боеприпасы кончаются. Вражеский огонь ужасен. Мы все ждем уничтожения. Куда ни сунься, везде брешь закрылась»³.

Ко 2 сентября уничтожение советских войск в котле завершилось. Было захвачено 12 тысяч пленных, потери противника убитыми и ранеными превысили эту цифру во много раз. 300 орудий, 500 минометов и 244 танка были захвачены или уничтожены. Поле

¹ 861-й сп входил в состав 294 сд 4 ск. (Сост.)

² 6 гв. ск (3, 19, 24 гв. сд) наступал с 27.08.42. (Сост.)

³ Подлинность приведенного дневника вызывает сомнения. Командирам Красной армии вести дневники с указанием частей и соединений запрещалось. Вероятнее всего «дневник» изобретен отделом пропаганды 18-й немецкой армии и распространен преднамеренно в воинских частях. (Сост.)

боя, где между расщепленными деревьями и залитыми водой воронками валялись трупы русских солдат и лошадей, а также груды военного снаряжения, внушало смертельный ужас.

Когда немецкое радио передавало сообщение о победе, русская глушилка на немецком языке возвестила: «Все это вранье! Никакого сражения под Гайтолово вообще не было!»

Однако оно произошло, и его результатом явился новый разгром 2 ударной армии и сохранение блокады Ленинграда. Но его результатом стал также отказ от немецкого наступления на Ленинград. Предназначенные для этой цели дивизии большей частью участвовали в оборонительном сражении и требовали пополнения и отдыха, прежде чем могли бы предпринять такое серьезное наступление, перспективы которого фельдмаршал фон Манштейн назвал «весьма проблематичными». Кроме того, под Гайтолово была израсходована значительная часть предусмотренных для этой операции боеприпасов, и их тоже надо было пополнить. Фельдмаршал фон Манштейн намеревался прорвать укрепления Ленинграда силами трех корпусов при поддержке мощнейшей артиллерии и VIII авиакорпуса. Самый город предполагалось не штурмовать, а после разгрома сил противника между Ленинградом и Ладожским оз. окружить его тесным кольцом и заставить сдать-ся, чтобы избежать больших потерь в уличных боях. План Гитлера посредством массированных налетов принудить огромный город к сдаче и фельдмаршал фон Манштейн, и генерал фон Рихтхофен считали утопическим.

Теперь, после сражения, Гитлер все еще упорно придерживался своего намерения наступать, однако вынужден был примириться с необходимым замедлением операции и, кроме того, сузить цели наступления. Тем самым, однако, окончательное решение вопроса едва ли становилось возможным. Желательного участия финнов в наступлении нельзя было добиться по политическим причинам.

Пока продолжались все эти рассуждения, прошел октябрь, после чего развитие событий на Центральном фронте и прежде всего угрожающая ситуация под Сталинградом положили конец всем этим планам. 11 армия и XXX корпус были выведены, а сам фельдмаршал фон Манштейн назначен главнокомандующим группой армий «Дон». 18 армия с 31 октября вновь приняла на себя командование всем районом Волхов—Ладожское оз.—Ленинград—Ораниенбаум.

Сосредоточение войск для наступления на Ленинград было значительно ослаблено, так как Центральный фронт и прежде всего Южный фронт вследствие тяжелого кризиса под Сталинградом требовали новых сил. Первыми вскоре после сражения район 18 армии покинули 3 горно-егерская дивизия и 12 танковая ди-

визия, еще до середины октября за ними последовали 269, 93, 291 пехотные дивизии, 20 мотопехотная дивизия, а также 58 и 225 пехотные дивизии.

Взамен армия получила 69 пехотную дивизию, а также лишь условно пригодные в качестве пополнения 1, 9 и 10 авиаполевые дивизии. Это были части с отборным личным составом и таким же материально-техническим обеспечением, однако недостаточно укомплектованные офицерским составом и не подготовленные для наземного боя. Это было капризное детище Геринга, который не желал отдавать излишек своего персонала сухопутным войскам. Эти части в качестве временного пополнения направлялись на предположительно более спокойные фронты, а командование сухопутными силами старалось помочь им инструкторским составом.

VIII авиакорпус тоже был переведен на Сталинградский фронт, так что вскоре стало заметно советское превосходство в воздухе.

Таким образом, план захвата Ленинграда штурмом окончательно рухнул. Общее положение не позволяло ожидать, что для выполнения этой задачи Северному фронту еще раз будут предоставлены в распоряжение превосходящие силы. Нельзя было больше надеяться и на то, чтобы посредством блокады принудить Ленинград к сдаче. Благодаря использованию вновь построенных судов на Ладожском оз. и созданию ледовой дороги зимой, снабжение Ленинграда значительно улучшилось, и одновременно в результате эвакуации было намного уменьшено число бесполезных едоков. Таких ужасных лишений, как зимой 1941–1942 гг., ленинградцы могли уже больше не бояться, хотя жизнь в осажденном городе и дальше оставалась тяжелой и опасной. Пропагандистские мероприятия партии и советских властей стали более эффективными, настроение жителей поднялось, развился также своеобразный корпоративный дух и определенная гордость своей стойкостью. Жизнь стала входить в нормальную колею, и даже начали снова проводиться — хотя и в скромных размерах — культурные мероприятия.

Бои, которые теперь велись, служили лишь сохранению блокады и прежде всего имели целью сохранить связь с финнами, чтобы они не прекратили военных действий. Добровольный, планомерный, свободный от серьезных помех со стороны противника отвод войск Северного фронта на «позицию Пантера», то есть на линию оз. Пейлус—Нарва, был теперь наиболее разумным решением, результатом которого явилась бы экономия сил и создание оперативных резервов. Однако при установке Гитлера не приходилось рассчитывать на его согласие произвести этот отход, действительно необходимый с точки зрения группы армий «Север». И поэтому событиям суждено было идти предначертанным судьбою путем.



П. К. КОШЕВОЙ,
маршал Советского Союза.
в 1942 г. — п-к, командир 24 гв. сд

Стояли насмерть*

(...) 2 июля 1942 года меня срочно вызвал командующий Волховским фронтом генерал армии К. А. Мерецков и объявил о назначении командиром 24-й гвардейской стрелковой дивизии.

— Твоя задача — готовить дивизию к наступлению, — сказал командующий, который был, как я понял из его обращения на «ты», в хорошем настроении. — Но об этом никому, еще раз повторяю, никому не говорить. Все должны знать, что дивизия будет обороняться, а людей надо учить наступать в лесисто-болотистой местности. Ты понял?

Я понял, но вид мой, вероятно, был растерянный, так что Мерецков еще раз спросил, все ли мне ясно.

От командующего я попал к начальнику штаба фронта генералу Г. Д. Стельмаху. Он сообщил, что части соединения сосредоточены в районе Вальково, и посоветовал вылететь туда немедленно на самолете У-2.

Летчик, усадив меня на место за собой, дал в руки ракетницу и предупредил, что при заходе на посадку махнет рукой, и я должен буду ракетой осветить посадочную площадку, так как прибывали мы к месту назначения уже затемно. Нашлось место и для ящика с гвардейскими знаками, которые нам велели прихватить с собой: дивизия четыре месяца назад была преобразована в гвардейскую и теперь надо было вручить знаки личному составу.

* Отрывок из книги «В годы военные». М., Воениздат, 1978 г.

Взлетели благополучно. Самолет шел над лесами неторопливо и ровно. Я беспечно наблюдал за тем, как наступала ночь. Мрак постепенно окутывал леса и перелески, а в небе все ярче разгорались звезды. Поглощенный этой мирной картиной, я совсем забыл, что наш неторопыга самолет должен был на одном из участков маршрута пересечь извилистую линию фронта. Вспомнил об этом, когда над головой вдруг сверкнули огненные сполохи. Верчусь туда-сюда на тесном сиденье, вижу, что летчик все так же невозмутимо продолжает вести самолет. Я было собрался вернуться вновь к безмятежному созерцанию окрестностей, как снова какие-то синеватые молнии блеснули прямо перед нами. Это фашистский истребитель открыл огонь по нашему самолету. Признаться, стало не по себе. Летчик же бросил У-2 вниз и повел его, почти касаясь фюзеляжем верхушек сосен. Вскоре мы приземлились в Вальково. На следующее утро я начал знакомиться с соединением.

Части 24-й гвардейской стрелковой дивизии хорошо укомплектовались в основном за счет курсантов пехотных училищ. Численность личного состава подошла к десяти тысячам человек. Подобрался опытный командный состав. Так, 70-м стрелковым полком командовал боевой командир подполковник Яков Филиппович Титов. Во главе 71-го полка стоял подполковник Иван Николаевич Моторичев, 72-м командовал полковник Гавриил Ефимович Кухарев, а 50-м артиллерийским полком — подполковник Федор Петрович Тонких. Комиссаром дивизии был полковой комиссар И. П. Макаров. Начальником штаба вслед за мной пришел подполковник Г. Б. Котик. Начальником артиллерии стал уже знакомый читателю подполковник С. И. Фефелов. Все это — бывалые люди, мастера своего дела. Под стать им были и другие начальники родов войск и служб.

Ознакомился я и с местностью, которая мало чем отличалась от новгородских и чудовских заболоченных лесов. Только Синявинские высоты поднимались на 10–15 м над окружающей топкой низиной. Они находились в руках противника. Лес отступал от высот на 1,5–2 км, так что враг командовал прилегающей округой. Вся безлесная часть местности была перекрыта сплошной системой заграждений и находилась под многослойным огнем немецких пушек и пулеметов.

Немецко-фашистские войска сидели в этом районе одиннадцать месяцев и, по данным разведки, сделали все, чтобы превратить его в неприступную крепость. На естественных рубежах — высотах, берегах рек и болот, по опушкам лесов — они создали множество опорных пунктов и узлов сопротивления, до предела насыщенных

артиллерией и минометами, опоясанных мощными инженерными сооружениями и противотанковыми рвами, минными полями и проволочными заграждениями в несколько рядов. Гарнизоны опорных пунктов размещались в прочных блиндажах и были обеспечены надежной связью.

Началась подготовка дивизии к наступлению. Она проходила в тревожной обстановке, вызванной серьезными неудачами советских войск на юге страны. Враг рвался к Сталинграду и был уже поблизости от города. Гитлеровские войска устремились на Кавказ. День ото дня положение там ухудшалось.

Горестные раздумья вызвало падение Севастополя. Мужество его защитников уже в то время стало легендарным. Мы гордились стойкостью и величием подвига севастопольских богатырей, но знали, что с падением этой крымской твердыни враг высвободил свою 11-ю армию. Теперь эти войска надо было ждать где-то на другом важном участке советско-германского фронта. Можно было предположить, что скорее всего они появятся на юге, где развертывались тогда главные события. Но этого не произошло...

* * *

28 июля Народный комиссар обороны издал приказ № 227. Повсюду этот документ зачитывали перед строем. «Наша Родина, — говорилось в приказе, — переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило... Немцы не так сильны, как это кажется паникерам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас, в ближайшие несколько месяцев, — это значит обеспечить за нами победу.

Можем ли выдержать удар, а потом отбросить врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают теперь прекрасно, и наш фронт получает все больше и больше самолетов, танков, артиллерии, минометов...

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование — ни шагу назад без приказа высшего командования...»

В землянках, после того как завершилась читка, долго шли разговоры. Толковали не о том, что трудно воевать, — говорили, что победа будет за нами, что дисциплина — мать победы. Я не помню другого документа Верховного Главнокомандования, который, подобно этому приказу, рождал бы столь глубокое чувство сопричастности каждого воина к судьбе своей Родины в беде, формировал бы столь жгучую ненависть к врагу и мужество в борьбе.

Через несколько дней мы получили директиву Главного политического управления РККА от 29 июля 1942 года, как разъяснять приказ личному составу. Упор: ни шагу назад! Строжайше крепить дисциплину! Мы — победим!

С раннего утра до позднего вечера в частях 24-й гвардейской дивизии шла напряженная подготовка наступления. Командный состав сколачивал подразделения и обучал гвардейцев тактике наступательного боя, хотя везде и всюду подчеркивалось, что готовимся мы к прочной обороне. Бойцы слушали разъяснения сути приказа «Ни шагу назад», хорошо учились и несли службу, но знали не хуже нас, к чему идет дело. Политработники пропадали в подразделениях. Их главной задачей сейчас было создать полнокровные ротные партийные и комсомольские организации. Агитаторы проводили беседы о провале попыток гитлеровских войск сломить героический Ленинград, о разгроме немцев под Москвой и Тихвином, о гвардейской присяге.

Дивизии вручили гвардейское Знамя. По этому случаю выдали новое обмундирование. Как нельзя лучше к нему подошли только что полученные с завода ПППШ — автоматы Шпагина. На опушке леса полки дивизии расположились развернутым строем. После сигнала «Слушайте все!» оркестр грянул марш, и знамя с изображением великого Ленина пронесли перед воинами. Я принял знамя из рук представителя штаба армии на виду у преклонивших колена гвардейцев. Все мы волновались и ничуть этого не скрывали: знамя не только было символом доблести в прошлых боях — оно звало к новым подвигам. Гвардейцы дали клятву сражаться еще лучше.

Дивизия вошла в состав 8-й армии. Командовал ею генерал-лейтенант Ф. Н. Стариков. К началу боевых действий нам предстояло сменить войска, обороняющиеся на Черной речке, и подготовиться к наступлению в направлении южнее Синявино во взаимодействии с расположенными правее нас 19-й и 3-й гвардейскими дивизиями, которыми соответственно командовали полковник Д. М. Баринов, вскоре ставший генералом, и генерал-майор Н. М. Мартычук. 19-я была нацелена на Синявинскую высоту и поселок Синявино. 3-я — на Рабочий поселок № 5.

Наша 24-я гвардейская стрелковая дивизия находилась в центре боевого построения 8-й армии.

Ей предстояло нанести удар через Черную речку и обширный лесной массив прямо на запад, между Синявино и Мгой, с задачей соединиться с войсками Ленинградского фронта.

Левым соседом была 265-я стрелковая дивизия под командованием волевого и настойчивого полковника Б. Н. Ушинского. Это соединение, как и мы, должно было форсировать Черную

речку и прорвать затем сильно укрепленную оборону противника в районе Тортолово, в последующем — наступать на Мгу с задачей блокировать ее с востока и северо-востока. Левее 265-й готовились наступать 11, 286 и 327-я стрелковые дивизии.

По понятным соображениям, мне тогда далеко не все было сказано о намеченной для Волховского и Ленинградского фронтов операции, имевшей целью встречными ударами разгромить мгинско-синявинскую группировку противника, расположенную южнее Ладожского озера, и снять блокаду Ленинграда с суши. Фронтам помогал Балтийский флот и Ладожская военная флотилия.

За нами к востоку в резерве и втором эшелоне фронта были сосредоточены 4-й гвардейский стрелковый корпус генерала Н. А. Гагена и 2-я ударная армия генерала Н. К. Клыкова. Последняя была, правда, очень слабого состава. Эти силы должны были нарастить мощь удара указанных выше трех гвардейских дивизий (3, 19, 24-й) и других соединений 8-й армии в глубине, довершить поражение противника.

С исходных рубежей до Невы было всего 16 километров. Все мы, командиры и бойцы, радовались, наблюдая, как много сил сосредоточено на Черной речке, и были уверены, что при хорошей подготовке и дружном натиске через три — пять дней наступления встретимся с войсками Ленинградского фронта. Перед наступлением полагалось провести рекогносцировку местности и противника.

— Рекогносцировать только один раз, — предупредил меня генерал Стельмах, — глаза немцам не мозолить. Одеться в солдатскую форму, большой группой не собираться.

Все это было правильно с точки зрения соблюдения тайны замыслов советского командования и внезапности наступления.

20 августа наши командиры прибыли на командный пункт полковника Б. Н. Ушинского — командира 265-й стрелковой дивизии. КП располагался в лесу, в 5 км к востоку от Тортолово — большого населенного пункта и сильного узла обороны противника. Дивизия стояла в обороне 13 месяцев и по-домашнему обжила место.

В обширной землянке комдива под несколькими накатами бревен было тихо. По наклонному ходу сообщения я прошел в помещение, и первое, что там увидел, была добротная никелированная кровать, большой стол с телефонным аппаратом и разложенной картой. На кровати, вытянувшись во всю ее длину, лежал человек без сапог, в форме полковника. Это и был командир дивизии.

Встретил он меня сухо. Неохотно сел на кровати, долго молчал, хотя я сообщил ему, что прибыла группа командиров 24-й гвардейской дивизии.

— Проводите рекогносцировку? — спросил комдив.

— У меня есть приказ. Видимо, и вам сообщили, почему мы здесь, — ответил я. — Прошу дать проводников на передний край.

Полковник ответил, что позвонит в части.

Я вышел к своим командирам, и мы под сенью деревьев стали ждать проводников. Поскольку нас было много — здесь находились не только командиры полков, но и командиры батальонов и дивизионов, — то разбились на группы и окончательно договорились, кто куда пойдет.

Вскоре прибыли проводники — связные командиров полков, которые находились, как и полагалось, на командном пункте дивизии.

Путь к переднему краю оказался не ближним. Мы ехали по лесу, не встречая ни человека. За плечами, как нам казалось, остались многие километры, а переднего края еще не было. Нагнали кухню в конной упряжке. Каша доваривалась на ходу, труба нещадно дымила. Раз можно было так ехать, решили мы, значит, до противника еще далеко. Наконец появились окопы и землянки — командный пункт одного из стрелковых полков. Я знал, что его подразделения нам предстояло в будущем сменить и отсюда начинать наступление. Нас встретил командир полка, представился и повел к переднему краю. Теперь нам уже чаще попадались землянки, окопы, одиночные красноармейцы.

Командира полка я отправил с артиллеристами, а сам со своей группой спустился в землянку сержанта, командира одного из взводов. Как оказалось, мы находились уже поблизости от Черной речки и впереди никаких наших войск не было. Сержант показал свои окопы, пулеметные гнезда, землянки, но о противнике ничего толкового сказать не мог.

Стояла глубокая тишина. Ни с той, ни с другой стороны ни выстрела. По кустарнику и вязкой, заболоченной низине мы вышли к Черной речке. Она вполне оправдывала свое название. Лесные топи и торфяные болота питали ее похожими на деготь водами. Глаз не улавливал течения, и застоявшаяся жижа густо пахла гнилью. Кувшинкам и осоке было раздолье.

Мы перебрались на другую сторону и долго там лазили, пристально всматриваясь в лес, который стоял недвижимо на многие километры по фронту и в глубину. Заметили только редкие признаки немецкой обороны. В лесу царил сумрак, скрывавший не многие тропинки, намеченные на наших картах едва заметным пунктиром. Дорог не было совсем.

Мы молча переглянулись, как только увидели полосу предстоящего наступления. В чаще леса враг мог скрыть любые огневые точки от нашего наземного и воздушного наблюдения. Это было

плохо для артиллеристов, которые поражают наверняка то, что хорошо видят. Нам, значит, следовало рассчитывать в первую очередь на матушку-пехоту. Местность была чрезвычайно неудобной и с точки зрения снабжения войск. Можно было предвидеть, что отсутствие дорог вынудит нас проводить уже в ходе наступления большие работы, чтобы хоть как-то подвезти в части материальные средства.

На карте имелось несколько отметок, обозначающих просеки. Но сколько мы ни смотрели, заметить их за Черной речкой так и не смогли. Только справа невдалеке от нас шагали на запад стальные опоры высоковольтной электропередачи с обвисшими, порванными проводами. Вдоль нее, как было видно на карте, шла через лес широкая прямая вырубка.

Малая активность немецких войск укрепила нас в мнении, что блокада Ленинграда будет обязательно снята.

23 августа 1942 года нас, командиров гвардейских дивизий — 3, 19 и 24-й, вызвал командующий фронтом. Мы доложили о готовности к действиям. Москва дважды вызывала тогда К. А. Мерецкова к аппарату ВЧ. Командующий фронтом просил отложить наступление на одни сутки. Верховный главнокомандующий согласился.

* * *

Из дневника Ф. Гальдера, запись за 23 августа 1942 года:

«...На фронте группы армий “Север” картина остается прежней: как и раньше, отмечаются признаки близкого наступления противника.

...У фюрера: совещание с Кюхлером о положении на фронте группы армий “Север” и о планировании наступления на Ленинград (использование Манштейна)».

* * *

С нетерпением ожидали бойцы Волховского фронта начала наступления. Понимали — оно не только пробьет брешь в блокаде, но и облегчит положение наших войск на юге, под Сталинградом и на Кавказе, где их товарищам приходилось очень тяжело. О том, что происходит на других фронтах, люди были хорошо осведомлены. Политработники организовали отлично действующую систему информации. Газеты доставлялись в подразделения регулярно и в большом количестве. В нашей дивизии было много ленинградцев. Они-то особенно рвались в бой.

В ночь на 26 августа 1942 года дивизия приступила к смене подразделений, оборонявшихся по Черной речке на рубеже исходного положения для наступления.

* * *

Из дневника Ф. Гальдера, запись за 26 августа 1942 года:

«...Множатся признаки близкого наступления русских южнее Ладожского озера».

* * *

Выход войск дивизии на исходное положение для наступления произошел без неприятностей. Противник ничего не заметил. Мы нацелились на свое направление. Соединение было построено в необычный боевой порядок — в три эшелона, полк за полком: впереди — гвардейцы 70-го под командованием Титова, за ними — 71-го — Моторичева и, наконец, 72-го — Кухарева. Это обуславливалось характером обстановки. Поскольку перед нами и правым соседом — 19-й гвардейской дивизией — оборонялся всего один полк 223-й пехотной дивизии немцев, то мы считали прорыв гарантированным, и больших сил для первоначального удара, следовательно, не требовалось. Кроме того, предстояло безостановочно прорваться на сравнительно большую глубину, а для этого надо было непрерывно питать силы войск за счет последующих эшелонов. Вместе с тем глубокий боевой порядок был выгоден на случай осложнений на флангах в ходе наступления. Нарращивание сил было решено производить путем переката каждого последующего полка через боевые порядки впереди идущего.

Из флангов меня беспокоил в первую очередь левый. Здесь перед 265-й стрелковой дивизией имелся сильный опорный пункт противника в районе Тортолово, который мог затормозить ее наступление, создать угрозу контратак противника с этой стороны. Глубокий боевой порядок был удобен и в этом случае для отражения ударов врага.

Все подготовительные работы были успешно закончены. Уладили вопросы взаимодействия с авиаторами (авиации у нас было очень немного), с артиллеристами. Последние сетовали, что огневые точки противника разведаны недостаточно, но сделать было уже ничего нельзя: мы получили данные об этих точках от полка Таркоева. Сами мы разведку поисковыми группами не вели, дабы исключить у противника мысль о близком наступлении.

С командирами соседних дивизий была полная договоренность и существовала хорошая телефонная и радиосвязь.

Свой командно-наблюдательный пункт я расположил рядом с НП Титова поблизости от Черной речки, на заросшей густым кустарником высотке, откуда хорошо просматривался передний край врага. На командном пункте дивизии к югу от Гайтолово оставался начальник штаба Г. Б. Котик. Умный человек, он хорошо понимал мои замыслы, умел обеспечить управление войсками. Мы работали дружно, без трений.

Ночь на 27 августа, когда начиналось наступление, проходила тревожно. Небо было затянуто тучами, шел дождь. Это значило, что авиация работать не сможет. Так оно и получилось. Но более всего беспокоило другое: не разгадал ли наши замыслы противник? Этот и многие другие вопросы, которые в подобных случаях беспокоят командира дивизии, не выходили из головы.

Враг и в эту ночь молчал. Его пулеметы, искусно скрытые от наблюдения в деревоземляных точках, открывали огонь лишь на короткое время. Только осветительные ракеты периодически зависали над Черной речкой, напоминая, что противник не дремлет и зорко следит за нами.

В 6.00 в серой пелене моросящего дождя раздался первый залп артиллерийской подготовки. Особенно хорошо вели огонь воины 50-го артиллерийского полка Ф. П. Тонких. Полковые наблюдатели сидели вместе с командирами батальонов на исходном положении и четко корректировали стрельбу. Артиллеристы видели, как рушились дзоты противника на переднем крае обороны. Ответный огонь был слабым.

Артподготовка продолжалась 2 часа 10 минут. Настало время атаки. Мы наблюдали, как командиры атакующих подразделений встали во весь рост и, подняв вверх пистолеты, подали команду: «Вперед!» Рядом с ними были политруки. С возгласами «За Родину! За родной Ленинград!» гвардейцы дружно пошли в атаку. Они ступили в илистую, пузырястую от дождя речку. Вязкая тина схватывала ноги, замедляла движение. Бойцы падали, поднимались и, стреляя на ходу, упорно шли вперед. Мощное «ура» возвестило, что начало атаки было хорошим.

Противник повсюду оказал сильное сопротивление. Скрытые в лесу пулеметы, минометы и автоматчики врага обрушили на атакующих плотный огонь. Простреливались все промоины и лощины, которые мы могли использовать для подхода к позициям врага. У нас появились первые потери.

Надо отдать должное командиру 70-го полка Я. Ф. Титову и артиллеристам Ф. П. Тонких. Предвидя возможность резкой акти-

визации огневых средств противника в период атаки, Титов заранее договорился с артиллеристами, и теперь специально выделенные орудия уже подавляли дзоты и доты по целеуказанию пехоты.

Сквозь пелену дождя я видел, как наши цепи перешли на бег и приблизились к опушке леса. Вдоль оси наступления с катушками кабеля за плечами уже бежали связисты, прокладывая телефонные линии. Бой за опушку возвестил о себе короткими вспышками перестрелки, хлопками гранат, криком «ура». Позвонил Титов.

— Разрешите перемещение на тот берег реки, — попросил он. — Расположусь в одном из немецких дзотов, где уже развернута связь с подразделениями и вами.

Хотя пробраться к лесу, на опушке которого еще продолжался бой, было довольно рискованно, я разрешил переход на новый наблюдательный пункт. Оттуда Титов мог увереннее управлять подразделениями.

Через 20 минут Яков Филиппович уже с нового НП доложил, что обнаружено много ложных огневых сооружений на переднем крае противника, разрушенных нашей артиллерией. Зато некоторые истинные огневые точки оказались живы и теперь мешали полку двигаться вперед. Однако гвардейцы, хорошо обученные наступлению в лесу, продолжали успешно выполнять боевую задачу.

Через час наступления от Титова был получен еще один доклад: взят пленный. Он подтвердил, что перед нами обороняется 425-й пехотный полк. Гитлеровцы справляли полковой праздник, и почти все офицеры были на банкете. Теперь стали понятны некоторые вялость и недостаточная организованность в действиях противника, которые меня поначалу удивили. Наше решение в такой обстановке могло состоять только в том, чтобы продолжать наступление как можно решительней. Так я и приказал Титову.

Известия от соседей были разными. Правее нас противник оказал 19-й гвардейской стрелковой дивизии упорное сопротивление на Черной речке. Ему в основном удалось удержать позиции. Тем не менее на стыке с нами, где оборонялись подразделения полка, отмечающего праздник, враг был опрокинут, и части соединения полковника Д. М. Баринова продвинулись вперед. Комдив был настроен оптимистически. Он ожидал, что противник скоро дрогнет и откатится к Синявино.

Наступающая слева 265-я дивизия полковника Б. Н. Ушинского действовала успешно. Она нанесла противнику в районе Тортолово большие потери, и комдив не сомневался, что этот населенный пункт скоро будет у нас в руках.

Примерно через два часа после начала атаки небо прояснилось. Над полем боя появилась наша авиация. Она действовала в основ-

ном в районах Синявино и Тортолово, где наступали соседние дивизии. Помогала она и нам, атакуя противника на опушках лесных полей и на единственном перекрестке просек в огромном зеленом массиве. Перекресток лежал на рубеже задачи дня нашей дивизии и отстоял от исходного положения на 2,5–3 км. Помощь летчиков позволила ускорить темп наступления.

В 16 часов я вновь связался с соседями: справа заметных успехов пока не было. Слева было освобождено Тортолово, и 265-я дивизия двинулась к 1-му Эстонскому поселку. Здесь ее остановили огонь и контратаки противника. Далее на юг враг тоже упорно сопротивлялся.

(...) К наступлению темноты задача дня была нами выполнена. С комиссаром и начальником штаба мы сделали подробный разбор боя. В целом результаты его были неплохими. Оправдал надежды 70-й гвардейский стрелковый полк: его воины действовали неустранимо и слаженно. Даже в лесу командиры сохранили взаимодействие подразделений, сумели организовать разгром многочисленных огневых точек противника, перекрывших нам основные пути на запад.

Подполковник Титов управлял боем энергично и грамотно. Потери, которые понес полк, можно было отнести отчасти за счет слабой разведки и глубины обороны противника и лобовых атак некоторых подразделений. Комиссар сделал заметку для себя: нацелить политраблоту на этот оказавшийся большим вопрос.

Если перед фронтом дивизии положение не внушало никаких особых опасений, то на флангах обстановка складывалась недостаточно благоприятно. И правый и левый сосед пока отставали, а наш 70-й полк выдался глубоким клином на запад. Это таило опасные последствия: если у противника найдутся резервы, следовало ожидать, что он бросит их против полка, и уж, конечно, не в лоб, а во фланги.

Перебрав десяток раз данные обстановки и многие варианты действий, мы сообща пришли к мнению, что назрела необходимость выдвинуть ближе к линии фронта полки Моторичева и Кухарева. Потребовалось несколько минут, чтобы отдать соответствующие распоряжения. К рассвету оба полка вышли в назначенные им районы в готовности к развертыванию и наступлению на флангах.

Уже царил глубокая ночь, когда мы разделались со всякого рода донесениями и влезли в текущую работу по снабжению 70-го полка, организации разведки и охранения. Позвонил командарм генерал Ф. Н. Стариков. Я ожидал порицаний, которые иногда бывают даже в тех случаях, когда задача выполнена, и взял трубку

с некоторым опасением. Но командарм похвалил дивизию и соседей, доверительно сообщил обстановку на фронте армии.

— Мы здесь посоветовались и полагаем, — сказал он, — что за первый день наступления противник понес большие потери. Его система обороны надломлена.

Затем генерал поставил дивизии очень нелегкую задачу на следующие сутки — 28 августа. Нам предстояло выйти к озеру Синявинское, то есть продвинуться еще на 4–5 км по болотам и смешанному лесу, где не было ни одной дороги. Я внимательно слушал, отмечая по карте указанный командармом рубеж. Оценка, данная Ф. Н. Стариковым состоянию противника — «его система обороны надломлена», — меня взволновала и обрадовала: значит, подумалось, быть нам в Ленинграде...

* * *

Из дневника Ф. Гальдера, запись за 27 августа 1942 года:

«Ожидавшееся наступление южнее Ладоги началось. Пока только местное вклинение. В основном удары отражены. На остальных участках фронта группы армий картина почти без изменений».

Из воспоминаний Э. Манштейна «Утерянные победы»:

«27 августа штаб 11-й армии прибыл на Ленинградский фронт, чтобы здесь, в полосе 18-й армии, выяснить возможности для нанесения удара и составить план наступления на Ленинград. Было условлено, что затем штаб 11-й армии займет часть фронта 18-й армии, обращенную на север...»

Штабу 11-й армии, кроме мощной артиллерии, предназначенной для поддержки наступления, отчасти доставленной сюда из района Севастополя, были подчинены 12 дивизий, в том числе испанская «Голубая дивизия», одна танковая и одна горнострелковая дивизия, а также бригада СС».

* * *

28 августа наше наступление успешно развивалось, хотя продвигаться стало много труднее. Бойцы буквально продирались сквозь лес и болота, действуя подчас по пояс в воде. Противник перешел к тактике обороны силами мелких групп, до роты численностью, седлая тропы, удерживая опушки леса и поляны. Появились снайперы, очень умело маскирующиеся на деревьях. Они охотились за нашей разведкой и охранением, выводили из строя офицеров, расчеты пулеметов и орудий сопровождения пехоты. На проходимых направлениях враг ставил минные заграждения,

«сюрпризы», всякого рода ловушки. Наши бойцы, особенно саперы, научились быстро находить препятствия, а командиры стали обходить их, не теряя времени на обезвреживание. Мы торопились вперед: звал Ленинград.

Правее нас 19-я гвардейская дивизия мощным рывком преодолела сопротивление противника и ринулась на Синявино. Пошла вперед и наступавшая левее нас 265-я дивизия: она вышибла врага из 1-го Эстонского поселка и медленно продвигалась на запад. Положение на наших флангах улучшалось.

Позвонил командарм. Он был доволен успехами двух гвардейских дивизий и сообщил, что южнее Тортолово еще сидит крупная группировка противника, укрепившаяся в нескольких населенных пунктах. В связи с глубоким вклиниванием 19-й и 24-й гвардейских дивизий складывалась обстановка, которая могла в конечном счете создать благоприятные условия для окружения в этом районе значительных сил врага, если они не бросят свои укрепления в ближайшие сутки и не отойдут.

— В случае упорного сопротивления противника на южном фланге армии мы сумеем здесь окружить его. Тогда путь к Неве будет вам существенно облегчен, — сказал Ф. Н. Стариков. Командарм пожелал нашей дивизии дальнейших боевых успехов, подтвердил, что задачи нам остаются прежние, и положил трубку.

К исходу дня нам требовалось с боем пройти еще 2–2,5 км на запад по сплошному лесу и болотам. Наступало время перехода на новый наблюдательный пункт. Его подготовили в полосе наступления 70-го полка. Но терзали сомнения: не слишком ли тороплюсь? Разговор с командармом сомнения развеял, и я, получив разрешение, выехал верхом на лошади к месту нового НП. Перемещение прошло без приключений, но заняло почти час, в течение которого противник успел провести по растянутому левому флангу полка сильную контратаку. Благодаря предусмотрительности командира, контратаку успешно отбили, причем взяли у врага два орудия. Но эта контратака, как мы и думали, была первой ласточкой, сулившей нам, к сожалению, отнюдь не безмятежную погоду.

Подполковник Титов встретил меня, как мы и договорились, на пути, доложил о контратаке. По его мнению, это не последняя попытка врага помешать нашему продвижению. Я разделял его мнение и приказал уделить левому флангу самое пристальное внимание: именно там вдоль леса проходили дороги, по которым немецкое командование могло подвести войска и даже танки.

Примерно через час после встречи от Титова поступил новый доклад: опять контратака пехоты, но уже с танками. Бой был жестокий. Противника отбили. Уничтожили три танка. Это уже

свидетельствовало о том, что враг подтянул свежие силы и переходит к активным действиям. Его контратаки не могли остановить нас, но отвлекали полк Титова от выполнения прямой задачи — наступления на Невскую Дубровку.

Чтобы ускорить темп продвижения и обеспечить себя с юга, мы в 16 часов ввели в бой 71-й гвардейский стрелковый полк подполковника Моторичева. Вводили его из-за левого фланга полка Титова, который теперь получил возможность развивать наступление. Развертывание прошло хорошо. Противника, мелкими группами удерживавшего лесные тропы и перешейки меж болотами, разгромили и отбросили. Но и полк Моторичева был несколько раз дерзко контратакован небольшими силами.

С места нового расположения я отчетливо слышал, что шум боя соседней слева 265-й стрелковой дивизии раздается чуть сзади нас. Связался с Б. Н. Ушинским. Борис Николаевич сообщил, что ему удалось продвинуться за 1-й Эстонский поселок всего на 400–500 м. Затем дивизия попала под сильный артиллерийско-минометный огонь противника и была вынуждена остановиться.

Настала ночь. Пришло время подвести итоги. Мы, как и в первый день, выполнили боевую задачу. Позади осталось почти 8 км трудного пути сквозь оборону противника в лесу. Сосед справа выходил к Синявино, и мы надеялись, что с этого направления нам не грозят никакие беды. Слева положение не улучшилось, между дивизиями зиял большой, ничем не обеспеченный разрыв. Враг стремился остановить наступление 265-й дивизии на тортоловском направлении. Положение вынуждало нас обеспечивать левый стык с соседом своими силами. Ночь прошла беспокойно, хотя командарм по-прежнему смотрел на обстановку, как на вполне благоприятную для развития наступления.

* * *

Из дневника Ф. Гальдера, запись за 28 августа 1942 года:

«Весьма неприятный прорыв противника южнее Ладожского озера...

Повторный телефонный разговор с ОКВ и группой армий «Север» относительно обстановки у Ладоги».

* * *

Наступило 29 августа. День был ясный. С рассветом полки Титова и Моторичева пошли вперед и с боем перехватили железную дорогу Мга — Шлиссельбург. С запада стали явственно слышны

залпы орудий Ленинградского фронта. До Московской Дубровки оставалось всего 5–6 км. На юге воины 71-го полка подошли к восточному берегу озера Синявинское. Однако наши попытки развить успех были отбиты. В этот день резко изменилась не только наземная, но и особенно воздушная обстановка. С утра по нашим войскам стала действовать очень активно авиация противника. Она налетала группами по 5–15 самолетов с интервалами от 20 до 60 минут. Одновременно были предприняты три сильные контратаки на нашем левом фланге, где наступал 71-й полк.

Еще труднее приходилось нашему левому соседу.

Здесь противник ввел в бой новую, 207-ю пехотную дивизию, переброшенную с другого участка фронта.

С места нашего расположения все, что творилось в воздухе, хорошо наблюдалось. Авиация врага, появившаяся внезапно, висела над районами 1-го Эстонского поселка и Тортолово черной, ревущей массой. Бомбардировщики сменяли друг друга волна за волной в какой-то дьявольской карусели. Над полем боя стоял грохот разрывов тяжелых бомб и горький дым пожарищ. В штабе армии, куда мы обращались дважды, ничего объяснить не могли. Приходилось оценивать все происходящее по собственным наблюдениям. На наш взгляд, враг ввел новые крупные силы, чтобы окончательно сорвать наступление на Ленинград.

Обстановка диктовала срочно ввести в бой 72-й полк на левом фланге дивизии. Авиация, пехота и танки противника могли использовать там разрыв между нашей и соседней слева 265-й стрелковой дивизией, вклиниться и расчленить части.

Командир полка, хладнокровный и решительный полковник Кухарев, моментально понял суть дела, как только я объяснил ему обстановку и поставил задачу развернуться на левом фланге дивизии фронтом на юг. Полк занял оборону в районе отметки 40,8, растянувшись до 1-го Эстонского поселка, где оборонялись подразделения 265-й дивизии.

Подразделения не успели еще как следует окопаться, как пехота врага при поддержке танков и авиации начала контратаку с южного направления. Шесть контратак отбили гвардейцы за вторую половину дня 29 августа, и все с большими потерями для противника. Непоколебимая стойкость бойцов полка помогла нам организовать отпор врагу на других участках фронта дивизии. К концу дня лес, где сражались бойцы Кухарева, походил на пепелище: догорали посеченные снарядами и бомбами деревья, местность заволкло едким густым дымом, земля зияла воронками с черной болотной жижей. А люди все-таки стояли и боролись.

Поражал меня сам командир полка. В самых тяжелых условиях, когда иссякали последние силы и, казалось, не оставалось никакой надежды на то, что устоим, он не только не жаловался, не впадал в уныние, а спокойно, без тени бравады, говорил: «А все-таки будет по-нашему...» Бойцы уважали его за оптимизм, за понимание солдатской психологии, за умение находить выход из самого трудного положения. Без нужды он не рисковал жизнью, был именно там, где требовала обстановка. Кухарев сохранял присутствие духа, неутомимость, принимал правильные решения и докладывал неизменно коротко и содержательно.

Еще в первой половине дня, когда воздушная армада противника сыпала сотни тяжелых бомб на боевые порядки нашей дивизии, а на земле одна за другой следовали немецкие контратаки, позвонил член Военного совета Волховского фронта армейский комиссар 1-го ранга А. И. Запорожец. Он выслушал доклад об обстановке и предложил усилить темпы наступления и скорее выйти к Неве. Но, видимо, член Военного совета не вполне точно представлял себе положение на нашем левом фланге, где сосед отставал от нас на три с лишним километра и не имел возможности подтянуться вперед из-за сильнейших контрударов противника. Отвечать члену Военного совета мне пришлось без обиняков.

— На Неве мы будем в том случае, если вы, товарищ член Военного совета фронта, поможете нашему соседу слева преодолеть сопротивление гитлеровцев и выйти на один рубеж с нами. Мы надеемся на эту помощь.

* * *

Как всегда, по окончании дня мы с Макаровым и Котиком склонились над картой в окопе наблюдательного пункта. Нас одолевала одна мысль: что могла означать резко возросшая активность противника на земле и в воздухе?

Связались со штабом армии, спросили. Никто из офицеров на вопрос не ответил, они сами терялись в догадках. Генерал Стельмах, который позвонил нам почти в полночь, тоже ничего не разъяснил. Он сказал только, что наступление надо продолжать с еще большей энергией, но на помощь армии и фронта пока не надеяться. Время для помощи еще не пришло. Начальник штаба фронта говорил спокойно, да и мы знали, что за нами — сильные резервы: 4-й гвардейский стрелковый корпус и 2-я ударная армия. Когда потребуется, они выйдут вперед и довершат победой начатое нами наступление.

После этого разговора мы как-то успокоились и вернулись еще раз к оценке обстановки в полосе дивизии. 70-й и 71-й полки прочно перехватили железную дорогу и стояли у озера Синявинское. 72-й полк отбил все контратаки врага на левом фланге. Противнику, вероятно, неповадно будет соваться еще раз туда, где его побили. Что же касается авиации, то мы надеялись, что столь массовый ее вылет был временным маневром гитлеровского командования, который скорее всего больше не повторится. Командиры полков получили распоряжение на следующий день продолжать выполнение задачи по выходу на Неву, тем более что у соседей справа дела шли хорошо: как мы узнали, 19-я гвардейская дивизия находилась всего в 1,5–2 км к востоку и югу от Синявино.

* * *

Из дневника Ф. Гальдера, запись за 29 августа 1942 года:

«Группа армий “Север”»: контрудар по вклинившемуся противнику начался вполне успешно. Результатов пока еще нет. “Тигры” еще не приняли участия в боях, так как застряли перед мостами с малой грузоподъемностью».

* * *

Четвертый и последующие дни нашего наступления не принесли, однако, желаемого результата. 70-й и 71-й гвардейские полки продолжали рваться на запад, но враг упорно сопротивлялся и контратаковал на этот раз более крупными, чем ранее, силами пехоты с танками. Продвижение наше исчислялось десятками метров и стоило жертв. 72-й полк оставался на фланге, тем более что 265-я стрелковая дивизия была вынуждена перейти к обороне. Кухарев то и дело докладывал об очередной контратаке немецких войск. Удары врага были по-прежнему яростными и настойчивыми. Они поддерживались танками на земле и сотнями самолетов с воздуха. Авиация, как мы за этот день убедились, не собиралась прекращать свои действия против нас. Но личный состав наших полков успел закопаться на всех высотках столь глубоко, как это позволял уровень грунтовых вод. За день боя 72-й полк отбивал по 7–8 контратак противника. Одна из них, предпринятая врагом под вечер 30 августа, была особенно мощной. На стык 71-го и 72-го полков повел наступление пехотный полк с 15 танками. В районе отметки 40,8 завязался жестокий бой. Наши воины выкатили на прямую

наводку полковую и батальонную артиллерию. Бойцы со связками гранат встречали врага на лесных тропинках и не позволили ему расчленить подразделения полков. Гитлеровское командование, видимо, нащупало стык нашей и 265-й дивизий. Оно бросило сюда крупные силы, но тоже потерпело неудачу. Отражая контратаки, наши гвардейцы подбили 9 немецких танков. В эти дни на стыке с 265-й стрелковой дивизией все время кипел бой: то враг атаковал и пытался расчленить наш фронт, то 72-й полк переходил в контратаку и теснил противника на юг. Район отметки 40,8 переходил из рук в руки, но в конце концов прочно оказался у нас. Это было особо отраднo, поскольку два других полка натолкнулись на прочную оборону противника и были остановлены.

Обстановка между тем становилась день ото дня тревожной и напряженной. Были замечены крупные силы немецкой пехоты с танками, подходившие в район Тортолово с юга. Позже я узнал, что положение на фронте гвардейских дивизий под Синявино послужило предметом особого решения Военного совета 8-й армии. Военный совет определил, что обстановка, хотя и оказалась сложной, все-таки позволяет овладеть Синявино и развить успех на Московскую Дубровку. Решить первую задачу — освободить Синявино — должны были действующие здесь 3-я и 19-я гвардейские стрелковые дивизии. В то же время нашему соединению предстояло сдать полосу севернее озера Синявинское свежей 259-й стрелковой дивизии из корпуса Гагена, которая должна была опрокинуть противника и наступать к Неве.

Военный совет армии рассмотрел положение на стыке 24-й гвардейской и 265-й стрелковой дивизий. Факт успешного отражения контратак противника был расценен как признак, свидетельствующий, что гитлеровское командование не в состоянии добиться здесь серьезного результата. В итоге такой оценки мы получили 2 сентября 1942 года приказ перегруппировать силы дивизии и нанести удар в южном направлении из района высоты с отметкой 40,8 на тылы тортоловской группировки немцев. Я принял решение в первом эшелоне иметь 71-й и 72-й стрелковые полки, а 70-й полк вывести во второй эшелон и поставить за 72-м полком. Таким образом, главный удар дивизия наносила левым флангом. Слева от нас, тоже на юг, должна была наступать 32-я отдельная стрелковая бригада 4-го гвардейского стрелкового корпуса. Развитие удара армии одновременно в западном направлении, а также и на юг было бы, видимо, перспективно при иной, более благоприятной обстановке. Уже впоследствии стало ясно, что наступление в южном направлении, где противник сосредоточил свежие силы и господствовал в воздухе, не сулит удачи. Но приказ есть приказ.

Перегруппировку мы закончили на следующий день. 4 сентября 259-я стрелковая дивизия, теперь наш правый сосед, нанесла удар на запад. Атаковала Синявино 19-я гвардейская дивизия. Командование фронтом ввело в дело другие силы 4-го гвардейского корпуса, а вслед за ним и 2-ю ударную армию. (...)

* * *

Наступление двух наших полков и армейского резерва — 32-й отдельной стрелковой бригады, поддержанной танками, не привело к продвижению на юг. Да его и трудно было ожидать, поскольку враг в районе 1-го Эстонского поселка закопался в землю и подтянул много артиллерии, в том числе тяжелой. Господство фашистской авиации в воздухе было, можно сказать, абсолютным. Сотни самолетов-бомбардировщиков постоянно находились над нашим расположением и бомбили, бомбили без конца.

День 5 сентября выдался для нас на редкость трудным. С утра мы атаковали противника, но были остановлены. Я находился на наблюдательном пункте у Кухарева. Работали под пулеметным огнем, готовили повторную атаку. Здесь меня и застал звонок командарма Старикова. Я доложил ему обстановку, сделав особый акцент на стыке с 265-й дивизией, которой приходилось, пожалуй, тяжелее, чем нам. Стык меня особенно беспокоил. Генерал пожурил меня за то, что без надобности, как он полагал, я выдвинулся на НП полка, и решительно предупредил, чтоб о соседях и флангах я не думал. «Это, — сказал Стариков, — дело командарма». Разговор меня обнадежил. Уверенный тон генерала был хорошим признаком.

Уже перед вечером я вернулся на свой НП. Только умылся, как позвонил К. А. Мерецков, он поздоровался и без предисловий заявил:

— Гляди за левым флангом! И днем и ночью гляди. Тут замышляется что-то большее, чем можно предполагать. Не только в воздухе, но и на земле появились новые крупные силы противника. Что они собой представляют — мы пока не знаем.

— Надо ли мне наступать? — в свою очередь спросил я.

— Пока надо. Это путает противника и служит лучшим видом нашей защиты, — закончил разговор Кирилл Афанасьевич. — К обороне перейдешь шестого сентября. (...)

Вскоре 24-я гвардейская стрелковая дивизия получила приказ командарма о переходе к обороне и держала ее до конца сентября. Оборона была необходима для прикрытия с юга основных сил на-

ших войск, которые в этот момент пытались развить успех между Синявино и Мгой с целью соединиться с Ленинградским фронтом.

Боевой порядок мы построили в один эшелон. На наиболее вероятном направлении наступления противника, на левом фланге дивизии, были поставлены 72-й и 70-й гвардейские стрелковые полки. Оборонялись они на узком участке местности. За ними расположился дивизионный резерв — учебный батальон. Весь остальной фронт, до железной дороги включительно, оборонял 71-й полк. Левее нас, занимая 1-й Эстонский поселок, два дня назад отвоеванный у врага, и Тортолово, оборонялась 265-я стрелковая дивизия.

К сожалению, 4-й гвардейский стрелковый корпус и 2-я ударная армия понесли значительные потери от авиации врага. Удар их оказался слабым и запоздалым, продвижение — небольшим. Перелома в обстановке в нашу пользу они не создали. Наступление заглохло. Синявино противник удержал.

С нашего наблюдательного пункта мы слышали отголоски напряженного сражения главных сил армии. Нам тоже было нелегко. Враг рвался вперед. Замысел был ясен: гитлеровские генералы намеревались подрезать у основания глубокий выступ фронта, который был нами создан в районе Синявино. Однако все попытки противника добиться своей цели успешно отражались воинами нашей и 265-й дивизий. Бойцы проявляли массовый героизм и стояли на позициях насмерть. В ходе совместных боевых действий у нас с полковником Ушинским установились самые деловые отношения. Мы тесно взаимодействовали. Единая задача и общие невзгоды были лучшим учителем правил товарищеского поведения, взаимной выручки и помощи.

10 сентября утром противник перешел в общее наступление. Пехоту и танки поддерживала многочисленная артиллерия и авиация. Враг ринулся одновременно на позиции 265-й и нашей дивизий. Действовал он по классическим канонам военного искусства, пустив вперед танки, двигая за ними густые цепи автоматчиков, нацелив с воздуха самолеты. Мы ожидали именно такой атаки и хорошо встретили танки врага, выдвинув из укрытий противотанковые орудия и ружья истребителей танков. На дорогах и тропях были заранее подготовлены завалы из толстых деревьев, установлены мины. Наткнувшись на организованный отпор 70-го и 72-го полков, пехота противника остановилась, прорвать наши позиции не сумела, хотя пыталась это сделать неоднократно. Убитые солдаты врага принадлежали трем разным пехотным дивизиям: 170, 132 и 24-й. Дивизии были, как видно, свежими. Учитывая, что наши войска уже понесли потери, противник имел, по крайней

мере, тройное превосходство в пехоте, еще большее в артиллерии и абсолютное в авиации. Положение 24-й гвардейской дивизии становилось тяжелым. Еще сложнее было у левого соседа. Враг атаковал 1-й Эстонский поселок. Прорвись он в этом месте на север или северо-восток, наши связи с тылом за Черной речкой были бы перерезаны и сражаться пришлось бы в условиях окружения. Но стык дивизии был хорошо укреплен, и удары противника мы отбили. Враг не продвинулся ни на шаг. Не достиг успеха он и в следующий день.

* * *

Из дневника Ф. Гальдера, запись за 10 сентября 1942 года: «Группа армий «Север»: войска Манштейна, наносящие контр-удар, встретили сильное сопротивление...»

Запись за 11 сентября 1942 года:

«Наступление Манштейна остановилось».

* * *

Командование фронта и армии получило наконец полную ясность в отношении того, кто действовал против нас столь крупными силами. Первым позвонил мне тогда генерал Г. Д. Стельмах.

— Ты слышал про Манштейна? — спросил он. Не дожидаясь ответа, продолжал: — Это тот самый, который воевал под Севастополем. Сейчас он со своими головорезами прибыл сюда. Думаю, что угроза разгрома группировки противника в районе Мга, Синявино, Шлиссельбург напугала гитлеровское командование и вынудила его ввести одиннадцатую армию для противодействия нам. Враг не может допустить прорыва блокады Ленинграда. В ближайшее время, Петр Кириллович, надо ждать усиления ударов противника. Будьте к этому готовы.

Начальник штаба Волховского фронта не ошибался в своих прогнозах.

Затем позвонил генерал К. А. Мерецков. Командующий фронтом подтвердил все, что сообщил мне Стельмах, и еще раз предупредил об особом внимании к левому флангу.

— Вероятно, там действуют главные силы врага. Твоя задача — удержаться, — сказал Кирилл Афанасьевич.

Дни и ночи оборонительного сражения против войск Манштейна слились для нас в один бесконечный, грохочущий взрывами снарядов и бомб, треском пулеметов и автоматов бой. Сутки за

сутками проходили в отражении бесчисленных атак пехоты и танков противника, в борьбе против его авиации. Стоявшие рядом подразделения днем почти не видели друг друга из-за густой пелены дыма, застилавшей землю. Огонь лесных пожаров медленно пожирал стволы деревьев, подползал по траве к окопам. Я переместился еще ближе к частям, и мой наблюдательный пункт оказался теперь в самом центре сражения. Ни на минуту не затихала артиллерийская канонада, самолеты противника буквально висели над нами, снаряды и мины поднимали болотную гниль. Дым ел глаза, не давая дышать. Участок нашей обороны превратился в изрытое воронками горячее месиво грязи с обгорелыми пнями и обугленными стволами недавно еще зеленых деревьев.

Наши воины стояли насмерть. Об их стойкость одна за другой разбивались вражеские атаки. Люди приспособились к невероятно тяжелым условиям боя. Бронебойщик Владимир Орлов из 71-го полка успешно поражал гитлеровские танки. Рядом с ним при этом стояло нехитрое приспособление в виде рогатки, которое он использовал для стрельбы по зенитным целям. И он достиг все-таки своего, сбил вражеский самолет.

В горячих схватках с врагом, доходивших до рукопашной, пали многие сотни гвардейцев. Погиб снайпер старший сержант Анатолий Болтский, который уничтожил несколько десятков фашистских солдат и офицеров. Был убит командир 1-го батальона 70-го полка старший лейтенант Иван Горюнов — любимец бойцов. Выбыл из строя прекрасный офицер и командир полка подполковник Я. Ф. Титов. Командование принял майор Петр Петрович Ткаченко, человек с академическим военным образованием, очень рассудительный, не терявшийся в любой обстановке. До ранения Титова он был начальником штаба полка.

71-й полк подполковника И. Н. Моторичева оборонялся на правом фланге. Растянутый на много километров в линию батальонов, он отражал атаки целой горно-егерской дивизии. Не раз и не два бросался враг на позиции гвардейцев, но всегда был бит и убирался восвояси. Пожелтевшие листы архивных дел воскрешают в памяти имена многих рядовых воинов. Это они лицом к лицу сходились с гитлеровскими егерями в рукопашных схватках. Красноармеец П. Г. Губченко огнем, штыком и гранатой уничтожил 15 фашистов. Другой боец — В. А. Яковлев — сумел подобраться к вражескому орудью, перебил более десятка солдат противника, а орудие подорвал. Хладнокровно и расчетливо действовал снайпер А. М. Мартынов. Умело маскируясь, он истребил 36 немецких солдат и офицеров. Все герои были представлены к награждению орденами.

Величайшее мужество и отвагу проявили гвардейцы 72-го полка. Положение этой части на стыке с 265-й стрелковой дивизией, причем на местности, где проходили основные дороги, предопределило особую ярость борьбы. Здесь на позиции полка накатывались густые цепи гитлеровцев. А полк стоял и не отдал врагу ни пяди земли.

* * *

Из дневника Ф. Гальдера, запись за 21 сентября 1942 года: «Манштейн выступил. Незначительные первоначальные успехи».

* * *

Последующая затем неделя протекала в ожесточенном сражении под Синявино. Гитлеровское командование бросило в наступление крупные силы. Главный удар, как и прежде, наносился в стык 24-й гвардейской и 265-й стрелковой дивизий. К тому времени разведчики взяли десятки пленных и добыли много документов убитых солдат противника. Так мы узнали, что в составе ударной группировки 30-го армейского корпуса врага, нацеленной в основном против 72-го и 70-го полков, действуют 24, 142, 170-я пехотные, 3-я горноегерская и 12-я танковая дивизии.

Полки теперь занимали оборону, построившись в два эшелона. За полком П. П. Ткаченко, как и ранее, стоял учебный батальон — дивизионный резерв. Увеличилась глубина обороны. С невероятным трудом на левый фланг дивизии удалось подтянуть через болота и лес гаубичный дивизион и дивизион «катюш». Они усилили огневую мощь обороны на стыке с 265-й стрелковой дивизией.

Погода благоприятствовала врагу: дни вновь установились солнечные. Многие десятки фашистских бомбардировщиков закрыли небо, повиснув над нашим левым флангом. Открыла ураганный огонь вражеская артиллерия. На главном направлении, проходившем вдоль дороги, появились танки. По всему чувствовалось — начинаются решающие события.

И на этот раз гвардейцы встретили врага с величайшим мужеством и отвагой. Особенно трудно пришлось воинам 72-го полка, на который пришелся главный удар противника. Он почти непрерывно отражал атаки фашистских танков и пехоты. Начальник артиллерии дивизии подполковник С. И. Фефелов, который всегда находился рядом со мной, весь превратился во внимание.

— Сейчас мы их накроем огоньком... Пусть подойдут поближе, — говорил он, ни к кому не обращаясь, но так, чтобы его слышали. Это значило, что к открытию огня готов 50-й гвардейский артиллерийский полк подполковника Ф. П. Тонких и другие части поддержки. Однако гитлеровское командование, обнаружив район артиллерийских позиций, бросило туда свою авиацию, и теперь там бесновались десятки пикирующих бомбардировщиков.

— Товарищ подполковник, — доложил телефонист Фефелову, — проводная связь прервана.

— Действует закон подлости, — проворчал начарт. — Быстро переходи на радио.

Между тем танки подходили к нашим позициям. Они двигались медленно, опасаясь оторваться от пехотного прикрытия, на ходу стреляя по кустарнику, где, справа и слева от дороги, располагались красноармейцы. Выстрелы не были прицельными и потому не причиняли особого вреда.

Настал момент открытия огня для наших артиллеристов. Фефелов подал команду. Но снарядов с огневых позиций полетело вдвое меньше, чем ожидалось, и сосредоточенного огня по танкам явно не получилось. Мы же на него надеялись. Я вопросительно посмотрел на начальника артиллерии.

— В чем дело? — кричал Фефелов в микрофон радиостанции. — Давай на полную мощь!

Рация, работавшая со множеством шумов, хрипло отозвалась голосом Тонких:

— Отражаем непрерывные атаки авиации противника. Несем потери. Несколько орудий прямыми попаданиями бомб выведено из строя. Принимаем меры к наращиванию огня.

Теперь мы подали команду обоим дивизионам: «катюшам» и гаубицам. Они не были обнаружены врагом и не имели еще потерь. Дивизионы одновременно открыли огонь. Пехота противника залегла, пыталась подняться, но вновь была прижата к земле. Танки же продолжали настойчиво идти вперед и кое-где уже достигли наших окопов. Одно из фашистских танковых подразделений в 8–10 машин было особенно активным. Оно ворвалось на позиции гвардейцев.

Теперь вся надежда была на бронейщиков, на немногие батальонные орудия противотанковой артиллерии (это были так называемые сорокапятки — орудия калибра 45 миллиметров) да на гранаты истребителей танков. Бой приняли бронейщики под командованием спокойного и решительного младшего лейтенанта Чуракова. Длинноствольные противотанковые ружья оказались

в их руках грозным и действенным оружием. Умело маскируясь, бронейщики один за другим вывели из строя два танка противника. Но остальные все же продолжали атаку. Теперь вступила в дело батарея противотанковых пушек старшего лейтенанта К. М. Байгарина. В бою был тяжело ранен командир одного из огневых взводов младший лейтенант Н. В. Шишкин. Тогда огонь повел лично комбат К. М. Байгарин. Еще три немецких танка замерли в 100–150 метрах. Мужество и мастерство заставили врага отступить. Не продвинулась и гитлеровская пехота.

Мы получили возможность перевести дух. Однако развитие событий не радовало. Разведчики захватили пленных, и те показали, что противник ввел в бой против нас полностью 24-ю пехотную и 12-ю танковую дивизии из 11-й армии Манштейна. Надо было ожидать нового удара на нашем левом фланге главных сил 30-го армейского корпуса. Обстановка во второй половине дня 21 сентября продолжала ухудшаться.

* * *

Из дневника Ф. Гальдера, запись за 22 сентября 1942 года:

«11-я армия. Отразив вражеские контратаки с запада против левого фланга нашей наступающей группировки, 30-й армейский корпус силами 132-й дивизии снова перешел в наступление. В ходе боев за отдельные укрепленные точки на переднем крае противника наши войска, преодолевая болотистую и лесистую, почти непроходимую, местность, сумели во второй половине дня продвинуться еще дальше на север и овладеть важными высотами севернее Тортолово...»

* * *

После массированных ударов артиллерии и авиации бросались в атаку танки и пехота противника. Однако атакующие цепи неизменно натывались на организованный и стойкий отпор с нашей стороны. Солдаты дивизии наловчились делать глубокие узкие щели, которые разрушались только в случае прямого попадания снаряда или бомбы, и отсиживались в них до окончания артиллерийской и авиационной подготовки. Нужно сказать, что нигде и ни разу противник не достиг прорыва нашего фронта обороны, а лишь теснил полки и батальоны на новые позиции, заранее подготовленные в глубине.

23 сентября 1942 года артиллерийский обстрел и авиационная бомбардировка наших позиций продолжались целых семь часов: с шести часов утра до часа дня. Потом начались атаки, особенно настойчивые и мощные. Противник врзался глубоким клином в стык нашей и 265-й дивизий, стараясь проникнуть за Черную речку. Мы предвидели и это: там его встретили фланговые подразделения 70-го полка и учебный батальон дивизии на заранее подготовленных и выгодно расположенных позициях. Сосед помог огнем. В результате ожесточенного боя противника отбросили на исходное положение.

Примерно через два часа после того, как наш фронт был восстановлен, враг, подтянув свежие части, повторил удар. Опять ему удалось вклиниться в глубину нашей обороны, но гвардейцы отбили и этот натиск, так что к исходу дня части дивизии оставались в основном на прежних рубежах.

Мне этот день остался памятен. Тогда в окоп наблюдательного пункта дивизии угодил немецкий снаряд. Я был в тот момент на НП 70-го полка, отражавшего вторую атаку противника, комиссар тоже отсутствовал. Снаряд не причинил особого вреда, но он свидетельствовал, что место расположения НП, вероятно, уже не является тайной для гитлеровских артиллеристов. Мы его тут же сменили.

Вскоре из информации командующего армией нам стало известно, что врагу удалось проникнуть за Черную речку и приблизиться к Гайтолово с севера. Это значило, что движение по единственной дороге вдоль высоковольтной линии, по которой шло снабжение нашей дивизии, теперь стало невозможно. Кроме главного вопроса — как удержать врага на левом фланге — встал еще один, не менее сложный: как снабжать соединение. (...)

* * *

Последствия перехвата путей подвоза дивизии можно было себе отчетливо представить. Надо было искать любые возможности для доставки войскам боеприпасов и продовольствия. В то же время я должен был решить для себя и другую проблему нравственного порядка: сказать или не сказать бойцам, что противник прорвался в тыл и перехватил нашу единственную дорогу? Не подорвет ли это боевого духа людей? Но ведь они и сами начнут скоро догадываться о неладном. Тогда молчание командира лишь поколеблет их веру в него. Нет, молчать было нельзя! Думалось, что командиры и политработники сумеют объяснить воинам сложившееся положение, что гвардейцы поймут и не подведут.

— Как поступим, комиссар? — обратился я к И. П. Макарову со своими думами.

Оказалось, что комиссар размышлял о том же. Мы пришли к общему выводу: проложить через болота в тыл деревянные настилы и гати и перевозить по ним боеприпасы и продовольствие на вьючных лошадях, привлечь к этому пеших подносчиков. Решили шире использовать и трофейное оружие, которым наши бойцы умели пользоваться. Политработники и коммунисты должны были провести с личным составом соответствующую работу.

К утру командиры и политработники соединения уже знали обо всем.

А чуть позже на позициях войны отбивали противника, не направляя мимо цели ни одной пули. Теперь с еще большей отчетливостью мы видели, что есть такое гвардейская дивизия. Люди стали по-особому подтянутыми и сосредоточенными. Даже раненые встали в окопы, не желая оставлять товарищей.

Количество бойцов в подразделениях под ударами врага все уменьшалось, а число коммунистов росло. В той тяжелейшей обстановке сотни воинов дивизии считали для себя великой честью идти в бой коммунистами. Дивизионная партийная комиссия во главе с политруком С. И. Шишмаковым работала прямо на поле боя. В один из дней она прибыла на командный пункт 72-го полка. Участок обороны этой части насквозь простреливался пулеметным огнем противника. Здесь непрерывно рвались снаряды и мины, с воем пикировали и сбрасывали бомбы фашистские самолеты. Все было вспахано и перепахано свинцом и сталью.

Работа по приему в партию шла в неглубокой землянке с двойным накатом и приспособленными для стрельбы окнами-амбразурами без стекол. Вступающие в партию рядовые, сержанты, старшины, командиры скупо рассказывали свою биографию, давали слово не жалеть себя в борьбе за дело коммунистической партии. Политрук Шишмаков оформлял партийные документы. Ему оставалось оформить несколько анкет, как вдруг два десятка фашистских бомбардировщиков налетели на командный пункт полка. Одна из бомб попала в землянку, где работала парткомиссия. Четверо бойцов, ожидавших вызова, были контужены, а политрук Шишмаков погиб...

Наши попытки доставить боеприпасы и продовольствие днем на лошадях прямо через лес и болота были сорваны противником. Группы подносчиков в два-три человека теперь пробивались с боем только ночью и нередко погибали на пути смертью храбрых. Не удавалось регулярно снабжать войска с помощью самолетов У-2. Они могли действовать лишь по ночам, и грузы падали больше в зыбкие трясины, откуда извлечь их было невозможно.

С продовольствием было плохо, но все же лучше, чем с боеприпасами. Хлеб и даже медикаменты нашим разведчикам удавалось «реквизировать» у гитлеровцев, перехватывая их транспорты. Расход же боеприпасов неуклонно возрастал, поскольку атаки врага стали еще более яростными и многочисленными. В конце концов большинство бойцов перешли на трофейное оружие, благо его было много и боеприпасами пополняться было просто. Пулеметчики обзавелись немецкими МГ.

Наша связь с командованием армии и фронта, с частями и соседями, даже с собственным КП, находившимся по-прежнему южнее Гайтолово, куда рвались уже немцы, осуществлялась только по радио. А там, под Гайтолово, было очень жарко. Авиация и тяжелая артиллерия противника нанесли 4-му гвардейскому стрелковому корпусу и 2-й ударной армии большие потери еще в районах их сосредоточения. Командование фронта сумело все же ввести эти значительно обескровленные войска в сражение, в основном на фланге главной группировки 11-й армии противника. Но наши войска не добились успеха. Отразив их атаки, враг вырвался на восточный берег Черной речки, а затем продвинулся к Гайтолово с севера. Он пытался сделать то же самое на стыке нашей и 265-й стрелковой дивизий. Мы сдержали его главные силы, и создать сплошной фронт к востоку от речки, изолировав нас в районе южнее Синявино, противнику не удалось. Однако несколько вражеских подразделений, до батальона каждое, все-таки уже появились за Черной речкой к югу от Гайтолово. Свободного сообщения с районом нашего прежнего расположения мы теперь не имели. Лишь участки по лесам и болотам оставались еще не занятыми врагом.

На исходе дня 26 сентября поступила радиограмма прямо от командующего фронтом. Приказывалось стойкой обороной, особенно на левом фланге, не дать врагу распространиться на север. В заключение говорилось, что Родина нас не забудет.

Зачем потребовалось напоминать о задаче, если мы и без того выполняли ее уже двадцать дней? Почему такая концовка и через голову командарма?

Очевидно, командующий фронтом распорядился так для того, чтобы мы любой ценой обеспечили выход всей массы наших войск, втянувшихся в синявинский выступ. Это значило вместе с тем, что нам следовало уже сейчас не только принять меры по укреплению обороны, но и — на случай выхода дивизии — обеспечить его планомерность и организованность.

Наступила ночь 27 сентября, когда я покончил с мероприятиями по укреплению обороны войск. На позиции, хотя и в ограниченном количестве, доставили ящики патронов и снарядов, подали

продовольствие. Командиры полков, как обычно, находились в подразделениях и доложили, что все идет как нужно. Чтобы не дать повод для лишнего беспокойства, я решил поставить задачу на возможный выход полков не на общем совещании командиров частей, как это делалось обычно, а каждому в отдельности.

Суть сообщавшегося им решения состояла в том, чтобы совершить отход ночью, когда противник не может нас наблюдать и поражать, проделать это в полной тишине и очень быстро. Первым намечалось снять с позиций 71-й полк. Ему ставилась задача выйти к Черной речке, разгромить противника, если он там окажется, и организовать оборону так, чтобы обеспечить безопасный коридор для ночного выхода остальных частей. Затем по этому коридору должны были отойти на восточный берег реки 70-й и 72-й полки. Пробиваться далее они должны были сами. Последним отводился 71-й полк. Общий отвод предусматривалось прикрыть подразделениями учебного батальона, розданного уже полкам поротно. Все командиры поняли меня правильно и четко повторили задачу и сигналы по радио: «Береза» — приготовиться к выходу; «Дуб» — выходить. На командирских картах пролегли пунктиром вероятные пути отхода.

День 27 сентября, как и все предшествующие, начался с жестоких ударов немецкой авиации и артиллерии, а затем атаки пехоты и танков. Враг не застал нас врасплох. По-прежнему 72-й и 70-й полки стояли непоколебимо, дрались с подлинным героизмом.

На исходе дня, когда враг потерпел еще одну неудачу прорваться на нашем левом фланге, в дивизию поступил приказ опять же от генерала армии К. А. Мерецкова об отходе соединения на позиции, которые мы занимали на восточном берегу Черной речки перед наступлением. На весь маневр отхода отпускалось двое суток: 28 и 29 сентября. Выходили из синявинского выступа и все другие войска.

Наступивший затем день был еще более тяжелым. Войска готовились к отходу и в то же время отражали яростные атаки. До самого вечера положение оставалось крайне напряженным. Взятый в ходе боя «язык» — офицер 437-го пехотного полка — показал, что в районе Тортолово, то есть против нашего левого фланга, сосредоточено несколько пехотных дивизий и танки. Но все-таки натиск противника нам удалось отбить, хотя снарядов почти не осталось. Стрелки же воевали и своим, и трофейным оружием.

Первым об отходе к Черной речке должен был доложить подполковник Моторичев. Но доклада от него так и не поступило. Позже я узнал от очевидцев, почему это произошло.

Сначала все протекало по плану. Подполковник И. Н. Моторичев вместе с комиссаром 71-го полка П. И. Амелиным и командирами батальонов на рассвете прибыли в батальон капитана П. С. Проценко, чтобы наметить на местности вариант отхода. По обыкновению, И. Н. Моторичев был в щегольской накидке и брезентовой фуражке. Так же, подражая своему командиру, был одет и комиссар П. И. Амелин.

Приступили к работе... Подполковник Моторичев с картой в руке определял путь отхода батальона. Затем двинулись дальше и углубились в лес. Тогда-то из густых зарослей кустарника и раздалась автоматные очереди. Это командиров атаковало из засады подразделение фашистских автоматчиков. Опытные гвардейцы мгновенно заняли оборону и открыли ответный огонь. Но Моторичев и Амелин на какое-то время остались стоять. Первым упал за смертью командир полка с простреленной головой, за ним — комиссар. Противник не принял боя и через лес отошел. Тела убитых были отнесены в глубь леса и там на одной из полян преданы земле. Рекогносцировка продолжалась без командира и комиссара полка.

Спустя час после этих событий на мой наблюдательный пункт прибыл начальник штаба 71-го полка капитан Терентий Иванович Степанов. Он доложил о гибели Моторичева и Амелина. Я назначил его командовать полком, так как давно слышал о нем только хорошее. Это был ладный крепыш, ленинградец, чемпион СССР по классической борьбе. Мы знали капитана, кроме того, как человека рассудительного и храброго. Его штаб был хорошо сколочен и четко работал. Как я тогда удостоверился, капитан Степанов правильно понимал задачу полка и был готов к тому, чтобы хорошо ее выполнить. Он даже успел сдать участок полка подразделению учебного батальона.

Во второй половине дня 28 сентября 71-й полк, теперь под командованием Т. И. Степанова, начал движение в восточном направлении. Он шел, чтобы расчистить и обеспечить дорогу главным силам дивизии.

Авангард полка приблизился уже к Черной речке, а Степанов не узнавал местность, где он проходил месяц назад, — так изменилась она под огнем противника. Как он мне рассказал сам, рощи, которые на кодированных картах служили нам ориентирами, были сметены бомбардировками и пожарами. Многие участки сплошного леса теперь светились горелыми лысынами или чернели обугленными обезглавленными стволами. Речка, перелопаченная снарядами и бомбами, превратилась в пучину грязи, тускло мерцавшую под лунным светом. На реке полк занял оборону, и Степанов доложил мне.

По коридору, образованному подразделениями 71-го полка, не мешкая, двинулись на восток главные силы дивизии и других частей. До рассвета они вышли в назначенный район: к востоку и юго-востоку от Гайтолово. Противник, видимо, стал догадываться о том, что в глубине нашей обороны происходит что-то необычное, и не раз производил мощные артиллерийские налеты. Но результаты его ночной стрельбы были малоэффективны. 71-й полк между тем продолжал держать оборону и содействовал отходу задержавшихся к западу от Черной речки подразделений. У меня состоялся разговор по радио с командиром 4-го стрелкового корпуса. Я сообщил ему о коридоре, и части этого соединения двинулись тоже через расположение полка.

Пока не отошли подразделения с переднего края, я оставался на своем наблюдательном пункте. Здесь продолжала действовать связь с отходящими частями и арьергардами, с подразделениями учебного батальона, обозначающими огнем ранее занимаемый рубеж обороны. Сюда стекались данные разведки, организованной по обоим берегам реки, особенно на стыке с левым соседом — 265-й дивизией. Разведчики работали отлично и обнаружили значительные участки местности к востоку от речки, не занятые противником. Эти участки находились в основном на заболоченных, поросших мелколесьем низинах и заброшенных торфоразработках. Их можно было использовать как путь отхода для мелких групп в 50–100 человек. С. И. Фефелов, человек наблюдательный, обратил внимание и на то, что ручьи и низины не были пристреляны артиллерией противника, тогда как по всем открытым участкам местности, по дорогам и высотам то и дело ложились пристрелочные снаряды. Очевидно, враг ожидал, что в случае отхода мы ринемся всеми силами по наиболее удобному для движения путям, и готовился поразить нас огнем.

К сожалению, на исходе ночи на 29 сентября наши возможности поддержать 71-й полк огнем артиллерии были исчерпаны. Проникшие на восточный берег Черной речки войска противника вынудили 50-й артиллерийский полк и части усиления оставить ранее занимаемые огневые позиции и переместиться в другие районы.

Глубокой ночью доложил П. П. Ткаченко: начали выход главные силы 70-го полка. Они отходили последними. С этим полком пошли и мы — командиры и весь личный состав, оставшийся на НП. Противник, судя по осветительным ракетам, находился справа и слева от оси движения наших войск. Вероятно, он был убежден, что мы не рискнем вернуться снова в район Гайтолово. Километра через полтора-два я заметил, что исчез мой ординарец — красноармеец Коллонтай, который вышел с НП вместе со всеми.

— Где Коллонтай? — спросил я одного из связистов.

— А он вернулся на НП.

— Зачем? — обеспокоился я.

На этот вопрос никто ответить не сумел. Исчезновение ординарца меня взволновало. Однако минут через двадцать Коллонтай появился с увесистой поклажей в руках.

— Где был? — строго спросил я.

— За музыкой ходил, товарищ полковник, — невозмутимо ответил он. — Не отдавать же ее противнику.

Речь шла о патефоне, который мы оставили на НП.

— Жизнь дороже патефона, — пытался внушить я бойцу бесспорную истину.

— Да товарищ полковник, — отвечал тот, — немец-то придет туда не скоро. Он ночью не ходит и наступать начнет после завтрака. Так что опасности никакой и не было. Пластинки-то у нас новые и иголок целая пачка. Где их найдешь по нынешним временам?

Довод, что немцы начнут наступать с утра, был убедительным. Все действительно так и было. С наступлением дня бывший наблюдательный пункт подвергся жесточайшему артиллерийскому обстрелу. Как позже доложил мне командир учебного батальона, отходившего через этот район, от землянки и траншеи ничего не осталось. Миновав Черную речку и боевые порядки 71-го полка, мы благополучно прибыли в деревню Новая, назначенную для сосредоточения дивизии. (...)

71-й полк закончил тем временем выполнение своей задачи. К рассвету из леса на западном берегу Черной выходили только мелкие группы, которые принадлежали в основном другим частям и соединениям. Все они вливались в 71-й полк.

Утро выдалось хмурым. Небо затянуло тучами, пошел обложной дождь. Фашистские самолеты не отважились вылететь. Но теперь выяснилось, что враг обнаружил и окружил полк. Артиллерия и минометы противника не давали никакой возможности двинуться на восток, открывая огонь даже по группам не больше отделения. Напряжение обстановки нарастало с каждой минутой. Оказалось, что оборона полка простреливалась почти насквозь пулеметным огнем противника. К тому же начались атаки гитлеровской пехоты. Бой не прекращался ни на минуту и требовал от гвардейцев большой затраты сил. Сражаясь без отдыха, часто по пояс в болотной воде, люди безмерно устали, к тому же не хватало боеприпасов.

Как вспоминали капитан Т. И. Степанов и политрук А. С. Дрыгин, исполнявший обязанности комиссара, часам к десяти на оборону 71-го полка пошло в атаку до батальона пехоты противника. Врага встретили автоматчики, которыми командовал совсем

молодой, но опытный и отважный командир младший лейтенант С. Ф. Громов. Они так умело и эффективно повели огонь, что гитлеровские солдаты не смогли подойти на близкое расстояние, чтобы в полную меру использовать силу ручного оружия и свое превосходство в численности. Энергичные и храбрые командиры штаба, помощники начальника штаба старший лейтенант Ф. П. Непочатых и старший лейтенант Ф. Н. Морозов, объединили под своим командованием группы красноармейцев из других частей и отразили противника на своих участках обороны.

В полдень гвардейцы заметили большую группу красноармейцев и командиров. Они шли к нашим позициям вдоль берега реки. Полк прекратил огонь, давая им возможность подойти.

— Товарищ капитан, это немцы! — неожиданно крикнул боец Дмитрий Иванов, находившийся поблизости от командира полка. — Вижу, как из-под шинелей торчат немецкие штаны!

То были переодетые в нашу форму гитлеровцы. Подали команду: «Огонь!» Враг, хотя и нес заметные потери, все же упорно лез вперед. Когда противник накапливался для очередной атаки в ложине метрах в сорока от нашей траншеи, ловкий Д. Иванов незаметно подобрался к ней и забросал гитлеровцев гранатами. Раздались крики и стоны раненых фашистов. Гвардейцы поднялись в контратаку. Враг не выдержал и побежал.

Во второй половине дня дождь перестал. Небо прояснилось. К ночи враг прекратил атаки. Он, видимо, понял, что перед ним обороняется всего несколько сотен советских бойцов без артиллерии и считал их обреченными. А гвардейцы готовились к прорыву в район южнее Гайтолово на соединение с главными силами.

Решили выходить по кратчайшему направлению — прямо на восток, на Гайтолово. Наметили маршрут движения. Замысел действий состоял в том, чтобы силами взвода разведки, сохранившего хорошо обученный личный состав, действуя ночью, найти слабое место в боевом порядке противника, уничтожить его слабый заслон и выйти к своим. Если же противник окажет более сильное сопротивление, то развить успех разведчиков с помощью 1-го батальона и подразделений из других частей. В крайнем случае, если враг не будет сломлен 1-м батальоном, предполагалось ввести главные силы 71-го полка. Они составляли ядро и надежду всех идущих на прорыв. Проценко доложил, что только во 2-м батальоне насчитывается 117 боеспособных воинов. Образовался своеобразный боевой порядок: впереди — разведзвод, за ним — 1-й батальон, затем — остальные гвардейские подразделения.

Как только наступила ночь, начали движение. Враг не стрелял... Шли, соблюдая установленный боевой порядок, ускоренным

шагом, молча. Приблизились к темневшим впереди двум курганам. Неожиданно слева за ними показалась группа противника с повозками, которая держала путь навстречу полку. Гитлеровцы шли без охранения, чувствуя себя в полной безопасности. Перестрелка с ними привлекла бы к себе внимание крупных сил врага. Решил задачу взвод разведки. Он подошел к группе противника вплотную. Фашисты, приняв, видимо, разведчиков за своих, невозмутимо продолжали путь. Тогда разведчики атаковали и обезвредили врага. Ни одного выстрела не раздалось на месте короткой схватки. Движение полка продолжалось... Впереди, за обширной луговиной, уже виднелись печные трубы сожженного Гайтолово. Оттуда доносились шум и голоса немецких солдат.

Наступал решающий момент прорыва. Степанов решил обходить злосчастную луговину и населенный пункт. Но тут случилось нечто непредвиденное. Неожиданно вся территория впереди разом ярко осветилась. Это вспыхнула немецкая повозка с осветительными ракетами, и Степанов заметил, что противник не только впереди, в районе Гайтолово, но и справа и слева от полка. Единственный шанс на спасение состоял в прямом ударе в самую гущу ничего не подозревающего противника, чтобы вызвать у него панику и неразбериху. Думалось к тому же, что гитлеровское командование не будет в состоянии использовать всю мощь артиллерийского огня, опасаясь поразить свои же войска. Всем этим требовалось воспользоваться, чтобы, не медля, прорываться к своим. Центром удара Степанов избрал Гайтолово.

Нельзя было терять ни секунды.

— Вперед! — скомандовал командир полка и сам возглавил атаку главных сил.

При свете луны командиры хорошо ориентировались на местности, поскольку многие из них бывали здесь до начала операции. Атакующие вложили в удар всю силу своей ярости. У противника, не ожидавшего нападения, началась паника.

Когда гитлеровские командиры пришли в себя и разгадали смысл событий, гвардейцы уже прорвались через населенный пункт и приблизились к переднему краю находившихся восточнее наших войск. Артиллерия противника открыла запоздалый огонь, но основные силы 71-го полка к тому моменту уже вышли из окружения.

* * *

Залпы артиллерии и пулеметный огонь противника отсекали, однако, от главных сил 71-го полка более двухсот советских воинов, выходивших последними, во главе с А. С. Дрыгиным. Солдаты

залегли на бывшей торфоразработке, поросшей кустарником, изрезанной глубокими канавами, пересекавшими торфяник. На сухих местах обнаружили несколько землянок, когда-то сооруженных нашими войсками и теперь пустовавших. До переднего края обороны оставалось не более 400–500 м, но пройти их было непросто: артиллерия противника то и дело совершала по торфянику мощные огневые налеты, а впереди, на пути к своим, стояли неприятельские войска.

А. С. Дрыгин навел дисциплину и порядок среди подчиненных. Люди приободрились и снова были готовы идти в бой. Между тем комиссар с другими командирами определил по осветительным ракетам линию расположения противника и не занятые фашистами промежутки. Пробрался в стороны, проверил, где идут канавы, по которым можно скрытно пройти это короткое расстояние до наших войск. Группа политрука А. С. Дрыгина вышла из окружения на рассвете 30 сентября. Враг не заметил, как две сотни советских солдат ползком преодолели путь по заброшенному торфянику до наших позиций.

Почти целые сутки мы ничего не знали о судьбе 71-го полка. В новом районе расположения к юго-востоку от Гайтолово приводили себя в порядок 70-й и 72-й полки.

Настроение было хуже некуда. Потери в боях мы понесли большие. Отход же в целом проходил весьма организованно. А тут нет целого полка...

Велика была радость, когда из дивизии, расположенной на переднем крае Волховского фронта, в районе Гайтолово, мне сообщили о выходе Т. И. Степанова и подразделений 71-го полка. Утром пришло известие о группе А. С. Дрыгина. Теперь мы снова собрались вместе.

После отдыха командование произвело по полкам смотр дивизии. Я шел вдоль фронта полков и всматривался в лица воинов. На них лежала печать усталости. Многих недосчитались. Но полки стояли гордо, с развернутыми боевыми знаменами. Они выполнили солдатский долг с честью, по-гвардейски. И люди были готовы, если прикажет Родина, снова вступить в смертельную схватку с врагом. Мы не одержали победы, но и не были разбиты.

Политдонесения по 24-й гв. сд за сентябрь 1942 г.*

3.09.1942 г. Подразделения дивизии, в т. ч. 71 гв. сп, продолжают вести упорные бои, отражая контратаки противника в районе озера Синявинское. В течение дня подразделения полка отразили три контратаки противника и несколько продвинулись вперед.

4.09.1942 г. Части дивизии ведут подготовку к выполнению боевого приказа на наступление, приводят себя в порядок и отражают контратаки, предпринимаемые противником. 71 гв. сп наступает в направлении отм. 40,6 и высоты 42,2 в готовности к наступлению.

5.09.1942 г. Части дивизии проводят перегруппировку сил, приводят себя в порядок и производят подготовку подразделений к выполнению боевого приказа на наступление. Подразделения частей дивизии отражали контратаки, предпринимаемые противником.

6.09.1942 г. Части дивизии: 70, 71 и 72 гвардейские стрелковые полки, после смены и сдачи своих участков, в течении ночи приводили себя в порядок и производили подготовку к выполнению боевого приказа. Части дивизии к указанному времени для наступления были готовы. С получением нового приказа части продолжают его выполнять, приводят себя в порядок и производят инженерные работы по укреплению на достигнутых рубежах. Кроме этого, отражены две контратаки противника.

7.09.1942 г. Части дивизии — 71 и 72 гв. сп — обеспечивают фланги наступающих частей армии и проводят усовершенствование в инженерном отношении занимаемых рубежей. Некоторые подразделения 71 гв. сп ведут подготовку к выполнению боевой задачи по очистке от противника поляны «Лист». Противник подтягивает новые резервы и предпринимает контратаки против частей. Артиллерия и авиация противника проявляет особую активность, обстреливая и производя бомбардировку боевых порядков частей дивизии.

8.09.1942 г. Части дивизии обеспечивают фланг от проникновения противника, продолжают занимать и удерживать прежние рубежи и укрепляют в инженерном отношении свои позиции, в течение дня вели огонь по огневым точкам и живой силе противника. Кроме этого, подразделения 71 гв. сп выполняли частный боевой приказ по овладению поляной «Лист». Поставленной задачи

* ЦАМО, фонд 24 гв. сд, оп. 1, д. 113.

подразделения не выполнили ввиду сильного артминометного, ружейного и пулеметного огня и упорства противника при поддержке авиации.

Противник вел сильный артминометный огонь по боевым порядкам и тылам частей дивизии. Авиация противника группами от 5 до 15 самолетов в течении дня подвергала бомбардировке боевые порядки, дороги и тылы частей дивизии.

9.09.1942 г. Части дивизии продолжали усовершенствовать в инженерном отношении занимаемые рубежи обороны с задачей не допустить проникновения противника во фланги действующих частей и соединений армии. Вели ружейно-пулеметный и артминометный огонь по огневым точкам и живой силе противника.

Со стороны противника в течение дня усиленно велся артминометный огонь по боевым порядкам частей дивизии и дорогам, идущим к ним. Кроме того, противник усиленно проводит инженерные работы по постройке ДЗОТов, ДОТов и заграждений.

10.09.1942 г. Поставленная задача командованием для частей дивизии — прорвать линию обороны и уничтожить живую силу и технику противника — частями дивизии выполнена. После чего, согласно приказа, части дивизии заняли оборону с задачей обеспечить фланг наступающих частей армии и приводят себя в порядок, отражая контратаки противника.

Сломив упорное сопротивление противника, части дивизии продолжали в упорных боях продвигаться вперед. Некоторые из частей дивизии продвинулись до 7 км вперед.

11.09.1942 г. Части дивизии находятся в обороне, выполняя поставленную задачу по обеспечению фланга наступающих соединений армии. Вели усовершенствование линии обороны в инженерном отношении и огонь по живой силе и технике противника. Подразделения 71 гв. сп и 50 гв. ап отразили контратаку, предпринятую противником. Огнем стрелковых и артподразделений уничтожено до 30 немецких солдат и офицеров, 3 огневые точки, один миномет противника, разрушено 2 ДЗОТа и рассеяно до роты пехоты.

12.09.1942 г. Части дивизии занимают прежние рубежи обороны, продолжают производить усовершенствование линии обороны, ведут ответный ружейно-пулеметный и артминометный огонь по живой силе и огневым точкам противника.

С 13 по 20 сентября 1942 г. части дивизии, в т. ч. 71 гв. сп, занимают прежние рубежи обороны, обеспечивая фланг для наступления частей и соединений армии. Продолжают совершенствовать линию обороны в инженерном отношении. Ведут ответный ружейно-пулеметный, артминометный огонь по противнику.

Противник ведет артминометный огонь, делает частые налеты и бомбардировку по боевым порядкам частей дивизии и ее тылам.

С 21 сентября противник мелкими группами пытался просочиться с целью разведки переднего края обороны.

24.09.1942 г. группа автоматчиков противника перехватила дорогу Гайтолово—Тортолово. Из района Гайтолово противник ведет автоматный огонь и уже сегодня помимо автоматного, ведет огонь из ручных пулеметов, ротных минометов и поддерживает эти группы артиллерией из роши «Круглая». Телефонной связи в частях дивизии нет и возможности ее установить нет. Боеприпасы и продукты питания доставить частям не удалось. Посланная группа наших автоматчиков в составе 68 человек из тыла с задачей сопроводить обоз с боеприпасами и продуктами, понесла потери в 18 человек и пробиться не смогла. Лошади и обозы перебиты.

Противник окружил части дивизии от тылов.

Командиром дивизии высланы две роты общей численностью 68 человек для пробивки дороги и получения в тылах полков боеприпасов и продуктов. Обе группы прошли в обстреливаемое место и залегли в обороне.

Навстречу им организована группа в составе 70 человек, которая вместе с высланными ротами с наступлением темноты с продуктами и боеприпасами будет направлена к частям.

25.09.1942 г. Положение частей дивизии прежнее.

Просочившиеся группы противника в районе Гайтолово—Тортолово до сего времени не ликвидированы, этим самым пути к частям дивизии перехвачены. Доставка боеприпасов и продуктов для частей в дневное время невозможна, а в ночное время очень затруднена, и, если пробираются отдельные группы, то с большими потерями. Единого руководства по ликвидации просочившихся групп противника до настоящего времени нет, а противник заметно скапливает живую силу и технику и ведет активный автоматно-пулеметный и минометный огонь. Кроме этого, заметно увеличился огонь артиллерии противника.

Принятыми мерами потребность по доставке продуктов и боеприпасов для частей дивизии в полной мере не удовлетворена. Направленные группы (из 71 гв. сп — 52 человека) доставили сухого пайка на один день и примерно на сутки боеприпасов. Направленные группы обратно еще полностью не возвратились, поэтому отправка второй партии затрудняется из-за сложной обстановки и больших потерь личного состава.

26.09.1942 г. 71 и 72 гв. стрелковые полки занимают прежние рубежи обороны. Телефонной связи с частями дивизии по-прежнему нет. Направленная партия с продуктами и боеприпасами

в ночь с 25 на 26 сентября пробиться не смогла ввиду сильного ружейно-пулеметного и артиллерийского огня противника. Противник подтягивает все новые силы. Сегодня замечено движение танков из Тортолово и Гайтолово до 20 штук и до четырех рот пехоты. Противник в районе Гайтолово поспешно производит инженерные работы по укреплению линии обороны и ведет усиленный автоматно-пулеметный и артиллерийский огонь. Коммуникации в районе Гайтолово—Тортолово основательно перехвачены противником. Если в начале речь шла об отдельных группах автоматчиков, то сейчас наши люди встречаются с пулеметным, минометным огнем, с противотанковыми пушками и все это прикрывается и поддерживается концентрированным огнем артиллерии и авиацией. Посланные нами в прошлую ночь группы людей с продовольствием и боеприпасами пройти не смогли и вернулись обратно. В частях дивизии, отрезанных противником, боеприпасы на исходе, продовольствия нет, острый недостаток в медикаментах.

Сегодня формируется из всех групп единый отряд, человек 200, с задачей: с боем пробиться и подвезти продовольствие и боеприпасы.

27.09.1942 г. Противник группой автоматчиков до 50 солдат и офицеров в районе 3-го батальона 71 гв. сп пытался прорваться и вклиниться в линию обороны частей, предпринял контратаку. Попытки просочиться и контратаки были отбиты. В ночь с 26 на 27 сентября был организован отряд бойцов и командиров для доставки продуктов и боеприпасов частям дивизии общей численностью 267 человек. Из них прошло 188 человек, а остальные, попав под обстрел, пройти не смогли и вернулись. Положение с доставкой продуктов и боеприпасов не улучшается. Противник продолжает контролировать и удерживать наши коммуникации.

28.09.1942 г. В ночь на 28 сентября нами было организовано и послано 6 групп людей численностью 211 человек. Из указанного количества прошли только две мелкие группы в количестве 33 человек. Остальные группы прорваться не смогли. Сегодня созданы вновь шесть отрядов общей численностью 259 человек. Во главе каждого отряда поставлены командир и комиссар. Каждый отряд в свою очередь делится на несколько мелких групп, во главе которых поставлены средние командиры и политруки. В каждом отряде созданы группы автоматчиков по 20–25 человек, на которых возложена задача по мере соприкосновения с противником вести бой и, прикрывая свой отряд, пропускать его вперед. В хвосте каждого отряда созданы небольшие группы по 5–8 чел. с задачей заграждения.

А. РЕЙПОЛЬСКИЙ,
капитан в отставке,
бывший офицер штаба артиллерии 8-й армии

Наши штыки подо Мгой *

Вот что у меня записано о Синявинской операции.

25 августа 1942 г. Немцы ведут воздушную разведку над сосредоточением 8-й армии.

26 августа состоялось совещание командиров и комиссаров соединений. Проводил совещание генерал армии Мерецков.

27 августа 8-я армия начала наступление, чтобы прорвать блокаду Ленинграда. Артподготовка продолжалась 2 часа 10 мин. На главном направлении прорыва на 1 км фронта — 120 стволов, чего раньше не было. Фронт прорван! Глубина прорыва 2,5 км. 265-я стрелковая дивизия полковника Ушинского взяла Тортолово. В центре прорыва наступает 24 гв. сд п-ка Кошевого. Среди бойцов много курсантов стрелковых училищ. Дивизия должна прорвать кольцо блокады между Мгой—Синявино на всю глубину, а дней через пять выйти на Невскую Дубровку и соединиться с войсками Ленфронта.

Утром шел мелкий, теплый, грибной дождь. С НП было видно, как рушились под артогнем укрепления немцев. Огонь был действенный, без задержки атакующие с малыми потерями захватили первые траншеи.

28 августа наступление продолжается. 265-я стрелковая дивизия на штыках выбила немцев из 1-го Эстонского поселка. 19-я гвардейская дивизия полковника Баринава быстро продвигается под Синявино. Правее наступает 3-я гвардейская стр. дивизия генерала Мартынчука.

29 августа 24-я дивизия полковника Кошевого оседлала железную дорогу Мга—Шлиссельбург. Немцы перебрасывают подкрепления. Отмечена новая пехотная дивизия, появляются все новые части.

31 августа введен в прорыв 4-й гвардейский стрелковый корпус генерала Гагена. Полностью блокированы Поречье, Мишкино, поселок № 8. Ожесточенные бои идут в центре прорыва за Синявино, которое является основным пунктом немцев на нашем пути к Неве.

3 сентября. Немецкая авиация опять стала господствовать в воздухе. Немцы перебросили по данным разведки 500 самолетов.

* Газета «Ладога», 27.08.87 г.

5 сентября войска армии в 5 км от Невы. Но дальнейшее продвижение приостановилось, немцы вводят все новые и новые части. Пленные говорят, что они воевали под Севастополем. При планировании операции мы не знали о крупных резервах немцев. Теперь у немцев превосходство.

6 сентября. Наступление продолжается. Глубина прорыва 9 км. 6-й корпус 2-й ударной армии наступает на Синявино.

10 сентября немцы перешли в наступление крупными силами. По документам убитых немцев против 8-й армии действует свежая 11-я армия. Начальник штаба артиллерии Степанов сказал: «Мы своим наступлением, видимо, сорвали план штурма Ленинграда, для чего прибыла 11 армия».

12 сентября ходил на рекогносцировку. Местность вся в воронках, лес разбит снарядами и бомбами. От едкого дыма першит в горле. У нас очень мало снарядов. Армейский склад пуст. Разрешение на выдачу снарядов согласовывается с Мерецковым.

13 сентября. Все перемешалось! Идут встречные бои. Наши отбивают атаки и переходят в контрнаступление. Горит лес, земля, болото. Солнце встало в дыму и село в дым. Манштейн напоролся на упорство и волю командования фронта и 8-й армии. Наши мысли сосредоточены на одном: все-таки будет по-нашему.

18 сентября. В плен берут не одиночек, а десятки. В разведотделе столы завалены документами убитых и пленных солдат и офицеров 11-й армии. В плен — не отступающих, а наступающих фашистов! Однако Манштейн наступает, а наши части 23 дня ведут невиданные бои. Все больше проясняется, что Волховский фронт не может выполнить задачу, поставленную Ставкой.

27 сентября по приказу Сталина принято решение о выводе всех частей, находившихся западнее Черной речки. Морские пехотинцы 73-й бригады полковника Бураковского отбросили 132-ю пехотную дивизию и обеспечили вывод наших войск.

30 сентября ночью части 4-го стрелкового корпуса Гагена вышли из окружения. На рассвете вышел последний батальон, скорее не вышел, а прополз по-пластунски несколько сот метров по торфяному полю в районе Гайтолово. Части вышли с оружием и боевыми знаменами.

Так закончилась Синявинская операция. План немцев по штурму Ленинграда сорван, 11-я армия потеряла 51 700 человек. Уничтожено 260 самолетов, 144 орудия, 300 минометов, 400 пулеметов, 197 танков. Захвачены трофеи: 72 орудия всех калибров, 105 минометов, 330 пулеметов, 7 танков, 2 самолета.

Н. А. ЧЕКОВ,
*гв. л-т в отставке, бывший командир
взвода 72-го гв. сд 24 гв. сд*

Синявино — трагедия сорок второго года *

В составе 111-й сд полковника С. В. Рогинского я участвовал в Любанской операции. В марте 1942 г. дивизия получила звание гвардейской и стала именоваться 24-й гв. сд. В апреле меня ранило автоматной очередью. Вывезли на Большую землю. К августу вылечился, вернулся в свой полк уже гвардии лейтенантом, командиром взвода.

27 августа после двадцатиминутной артподготовки наша дивизия начала наступление вдоль высоковольтной линии Волхов—Ленинград. Нас сопровождали три легких танка БТ-70. Это танки с тонкой броней (2–3 мм). На них устанавливались 20-миллиметровые пушки и станковые пулеметы. Два танка вскоре увязли в болоте, третий подбили. Но как хорошо мы тогда пошли! За сутки прошли километров 5–7. Это очень много, если учесть, какая местность была вокруг: густой лес и болото. Взяли несколько вражеских батарей и обстреляли немцев из их же орудий. На третий день наступление замедлилось, продвигались всего на 200–300 метров, и то на отдельных участках. Немцы сильно и умело оборонялись.

Днем их авиация свирепствовала. наших «сталинских соколов» мы не видели. По ночам донимали обстрелы. Пехота несла большие потери. Мой взвод несколько раз пополнялся. Землянки не выраешь: кругом вода. Несколько раз брали в плен немцев с автоматами. «Синявино» они не выговаривали, называли «Синявина».

Пищу на передовую приносили в заплечных мешках. Иногда случались и забавные происшествия. Как-то у бойца-носильщика 1925 года рождения пробило осколком бачок с супом. Он упал навзничь. Поднимается — целехонек, только вся голова в лапше и капусте.

Бывали дни, когда пицца не доставлялась вовсе. Тогда старшина выдавал по три перчины: — Запейте водой, посытнее будет...

Ползали по болоту с котелком в зубах, собирали клюкву — свежую и прошлогоднюю.

* Записано составителем.

Потом уже узнали, что нас окружили. Немцы совсем обнаглели — бомбили непрерывно. Мы окопались. Снайперы-«кукушки» били с деревьев по выбору. Это все днем, а ночью была немецкая артиллерия.

В конце сентября болота уже покрылись корочкой льда. Нам дали приказ на отход. Отходили ночью, прикрываясь заградотрядами. Потом они нас догоняли, и мы менялись местами. На речке Черной мой взвод оставили прикрывать отход. В конце концов в живых нас осталось трое.

По собственной инициативе мы перешли р. Черную. Речушка небольшая, но берега топкие, а дно — сплошной ил. Проваливались почти по пояс. Вытаскивая друг друга, кое-как перебрались на тот берег. А обстрел жуткий. Хорошо, что многие снаряды не взрывались — уходили в трясины.

Днем какой-то командир с двумя шпалами собрал разрозненные группы в леске и сказал: — Если хотите жить, нужно прорываться, пока немцы не успели как следует укрепиться. Подготовились, и по его команде с криками «Ура!» (и еще с кое-чем) бросились вперед. Многие упали, единицы вернулись обратно в лес. Ночью ползком стали пробираться через немецкую оборону. Впереди раздались автоматные очереди — наши! Мы стрельбу различали по звуку: немецкие автоматы бьют чаще.

Проползая мимо окопа, я вдруг услышал: — О, майн Готт! Это немец, как на грех, выглянул из своего окопа и положил на брествер гранату. Мне бы схватить ее и бросить в окоп, а я растерялся, и она взорвалась, разворотив мне правое бедро и ранив правую руку. Когда пришел в себя, никого вокруг не было. Пополз вперед, волоча ногу и руку. Сколько прополз — не знаю. Стало светать. Я спрятался между двумя кочками. Пролежал все светлое время, часто впадая то ли в сон, то ли в забытие. Все тело болело. Снова пополз в сумерках. Ко мне присоединились два солдата. Один полз впереди, я за ним, третий сзади. Так ползли до рассвета. Утром впереди ползущий ткнулся головой в землю и замер. Вскоре и задний издал стон и остался лежать. Это немецкий снайпер-«кукушка» снял их. Первый раз за свои 20 лет я попросил Бога сохранить мне жизнь. Опять весь день лежал, почти не двигаясь. И только на третьи сутки выполз к своим, держа в левой руке пистолет.

Меня втащили в траншею. Кто сует самокрутку, кто воду, кто хлеб. Это ведь может только русский человек так выразить свое отношение. Прибежала медсестра, разрешила телогрейку и брюки, принялась за перевязку. Вдруг, всех растолкав, появился офицер из «Смерша» и давай допрашивать: кто такой, как выполз, из какой части, почему один. Бойцы возмутились: — Оставьте его, разве

не видите — раненый, нужна срочная перевязка! А он не слушает, кричит: — Где взял пистолет?

Младший командир не выдержал, взорвался:

— Да что ж это делается? Раненый выполз к своим, а его арестовывают? — и выпустил в osobиста автоматную очередь.

Никто не выдал, сказали: сняла «кукушка», когда выпрямился в траншее.

Меня отправили в медсанбат, потом увезли в тыловой госпиталь, в г. Киров. В 43-м комиссовали подчистую. Дали 2-ю группу инвалидности и пенсию 240 рублей. Не выжить бы, но помогла старшая сестра. Благодаря ей я закончил институт, стал конструктором и вот дожил до двадцать первого века. Но пережитое в войну не забылось. Так и стоит перед глазами Ораниенбаум, переправа через залив, когда я едва не утонул, Невский «пяточок», Мясной Бор и синявинское болото, где остались все мои товарищи.



Ветераны 6 гв. ск З. И. Добровольская и Н. А. Чеков
на местах боев

Б. Ф. РЕДЬКО,
бывший минометчик 72 гв. сп 24 гв. сд

Под Ленинградом *

В начале августа нашу 24-ю гвардейскую стрелковую дивизию, которой теперь командовал полковник Петр Кириллович Кошевой, перебросили под Синявино. В составе 8-й армии Волховского фронта ей предстояло принять участие в прорыве блокады Ленинграда.

В минометном расчете сначала я был наводчиком, а потом — командиром. 3 августа 1942 года получил звание гвардии сержанта. Добрым словом вспоминаю своих наставников: сержанта Медведева, лейтенанта Стрельцова, политрука Лаптева, старшего политрука Авдеенко...

День 27 августа 1942 года мне запомнился на всю жизнь. В 6 часов утра, когда только-только появилось солнце, мощный артиллерийский удар по немецкой обороне потряс, казалось, всю планету. Выстрелы и разрывы слились в сплошной общий грохот и гул. 2 часа 10 минут артиллеристы и минометчики обрабатывали передний край врага. До самого неба над вражеской обороной поднимались тучи дыма, пыли и огня.

Под грохот канонады в подразделениях второго эшелона, в том числе нашего полка, проходили митинги. Гвардейцы клялись, что не пожалеют жизни ради освобождения Ленинграда от фашистской блокады, отомстят врагу за все его злодеяния на советской земле.

В первый день наступления части дивизии продвинулись на два-три километра и ворвались в первую полосу обороны гитлеровцев. За два последующих дня пробились еще на пять-шесть километров и перерезали железнодорожную линию Мга—Шлиссельбург. Отдельные подразделения вплотную подошли к синявинским рабочим поселкам. До Невы оставались считанные километры. В ночное время и особенно в утренние часы мы отчетливо слышали оружейный гул и даже треск пулеметов с Ленинградского фронта, войска которого наступали с Невской Дубровки.

Однако ни ленинградцы, ни волховчане не смогли продвигаться дальше, чтобы соединиться и прорвать вражескую блокаду. Нам не хватило сил, да и опыта недоставало. И тем не менее

* Отрывок из книги «Огнем и словом» (М., Воениздат, 1983).

наступательные действия войск двух фронтов — Волховского и Ленинградского — сорвали планы Гитлера, замышлявшего осенью 1942 года покончить с Ленинградом. Противник стянул под Ленинград огромные силы, в том числе из Крыма. Во главе этих сил был поставлен генерал-фельдмаршал Манштейн.

Сначала гитлеровцы яростно сопротивлялись, а потом перешли в общее наступление. (...) Но советские воины героически защищали завоеванные рубежи. Стойко держались гвардейцы нашего полка.

Так, во время одной из контратак на батальон гвардии старшего лейтенанта Сергея Петровича Буткевича двигались восемь вражеских танков и до батальона пехоты. Бойцы встретили фашистов автоматным и пулеметным огнем. Отличились бронебойщики младшего лейтенанта Чуракова. Из противотанковых ружей они вывели из строя два танка. Но остальные продолжали атаку. Тогда в единоборство с танками вступила батарея старшего лейтенанта К. М. Байгарина. Артиллеристы подбили один танк, но и сами понесли потери. Командир огневого взвода младший лейтенант Николай Васильевич Шишкин был тяжело ранен и уже не мог командовать расчетами. Его заменил командир батареи старший лейтенант Керим Максимович Байгарин. Он встал к пушке и подбил еще два танка. Вражеская контратака сорвалась.

Для подразделений 72-го гвардейского полка особенно тяжелым был день 16 сентября. Вражеская авиация и артиллерия, воспользовавшись солнечной, безоблачной погодой, более часа обрабатывали нашу оборону. Силы оказались неравными, и стрелковые роты начали медленно отходить. Фашистские автоматчики приблизились к минометным позициям. Мы вели огонь до последней мины, нанесли большой урон врагу, но остановить его не смогли.

В этот критический момент слышим спокойный голос командира взвода Стрельцова:

— Минометы разобрать! За мной!

Забираю одновременно ствол и треногу лафета, Борис Долинин подхватывает опорную плиту, Павел Репин — лотки. Мы бежим за Стрельцовым, а вокруг рвутся мины и снаряды, пролетают со свистом пули. Не прошло и десяти минут, как взвод уже был на запасных позициях. Здесь был большой запас мин, и мы из четырех минометов открыли беглый огонь по фашистским автоматчикам. Сначала они залегли, а потом, бросая убитых и раненых, побежали на исходные позиции.

Артиллеристы заставили вражеские танки также повернуть назад, и стрелковые подразделения полка возвратились на прежний рубеж.

Трагичным для моего расчета оказался день 20 сентября. Он тоже был безоблачным, и этим воспользовалась господствующая в то время в воздухе вражеская авиация. Она совершала налет за налетом. Полк отбил три атаки пехоты противника. Мы уже считали, что противник выдохся. Но перед заходом солнца фашисты предприняли еще одну, четвертую, атаку.

В роту доставили боезапас, и мы вели огонь, не задумываясь, хватит ли мин. На огневой находился весь расчет, в том числе и подносчики. И вдруг позицию накрыла вражеская мина.

Невозможно в подробностях объяснить, как все это произошло. Но последствия были страшными. Букреев, Матвеев и Репин погибли сразу же. Долинин оказался метрах в десяти от огневой — его выбросило взрывной волной. Мое обмундирование было в крови, осколки посекали шинель и сапоги, но на теле — ни одной царапины.

В первые минуты я ничего не слышал: в ушах шумело и гудело. Но я сознавал, что фашистская атака отбита. С трудом приблизился к Долинину. Борис был тяжело ранен. Куском провода он перетянул верхнюю часть ноги, чтобы приостановить кровотечение. Бой продолжался. Еще одна фашистская мина разорвалась метрах в десяти от меня, ее осколок впился в висок Долинина, и он свалился на землю. Когда я подскочил к нему, он уже был мертв.

Ко мне прибежали Стрельцов, командиры расчетов Иванов и Анохин. Лица изможденные, бледные, вытянувшиеся. В глазах слезы. Но выдержка Стрельцова и на этот раз поразила меня. Он подскочил ко мне, обнял, поцеловал и, отойдя в сторону, начал рыть могилу. Мы тоже взяли за лопаты.

Яма была готова. Я подошел к телу Долинина. Его серые застывшие глаза, казалось, недоуменно глядели в небо. Голова упиралась в корни березки. Сержант Анохин растерянно смотрел то на убитого, то на березу. И вдруг, обернувшись ко мне, крикнул:

— Смотри, плачет!..

— Кто? — спросил я.

— Береза...

И действительно, ствол дерева, возле которого лежал погибший боец, был поврежден осколками. Из него чуть заметно сочилась влага. Прозрачная, как слеза, капля упала рядом с убитым солдатом...

Мы похоронили погибших. И тут же изо всех минометов ударили по немецкой обороне. Это был салют в память о братьях по оружию.

Я перешел в расчет сержанта Иванова, стал наводчиком. Одновременно выполнял в роте обязанности заместителя политрука.

Между тем обстановка становилась все труднее и труднее. Противник снова предпринял ожесточенные атаки. Ему удалось врезаться глубоким клином в стык нашей и 265-й дивизий. Гвардейцы неоднократно отбрасывали врага. И все же он, подтянув резервы, прорвался в тыл и перехватил нашу единственную дорогу. Доставка боеприпасов и продовольствия резко сократилась. Пришлось экономить каждую мину, каждый патрон и сухарь.

Фашисты то в одном, то в другом месте предпринимали новые атаки, почти непрерывно бомбили и обстреливали каждый квадратный метр синявинского выступа. Часы обстрела тянулись мучительно медленно и казались вечностью. Над головой слышится свист снаряда, переходящий в визг. Навязчивая мысль сверлит мозг: «Пронесет или не пронесет?» Мы невольно прижимаемся друг к другу, вдавливая свои тела в дно траншеи. Грохот раздается где-то рядом, чуть в стороне. Проходит секунда, другая... Начинаешь шевелить руками, головой, ногами... Жив! А свист, визг и разрывы повторяются снова и снова. Опасность воспринимается менее остро, когда ты занят делом, когда сам стреляешь по врагу. В азарте боя многим можно пренебречь. И мы, разумеется, не сидели сложа руки — поддерживали стрелковые роты минометным огнем.

29 сентября... Солнце медленно опускается к горизонту, в воздухе стоит непривычная тишина. Слышатся знакомые с детства позывные: «курлы-курлы». В безоблачном небе с севера на юг тянется журавлиный клин. На фоне оранжевого заката птицы кажутся розовыми. Что-то тревожное колыхнулось в груди, заняло сердце. Ведь завтра журавли увидят Украину, где в фашистской неволе бедствуют мои мать, сестра и братья. Потом, быть может, они увидят и Кубань, где живет жена с детьми... Спряталось солнце за горизонтом, наступил вечер, но розовые птицы еще долго стояли перед моими глазами.

А ночью пришел приказ подготовиться к прорыву из мешка. Мы переходим на запасные позиции, открываем по врагу беглый огонь. Потом берем минометы на вьюки и двигаемся вслед за разведчиками и штабом полка к Черной речке. Спотыкаясь, цепляясь за ветки и корни поваленных деревьев, проваливаясь в воронки, заполненные водой, спешим к месту сосредоточения для броска. А тем временем немецкая артиллерия обстреливает позиции, которые мы только что оставили. По команде небольшими группами спускаемся в болотистую Черную речку. Вода черная, как деготь. Илистое дно завалено полусгнившими корягами, опутано корнями кустарников.

Я попал в группу Стрельцова, в которой были сержанты Иван Анохин и Степан Иванов, красноармейцы Григорий Ратников

и Виктор Покочуев. Тактика наших действий была очень простой. Как только в небо взлетала вражеская ракета, мы, зная, что сразу же начнется обстрел, прятались в камышах и кустах, а то и погружались в воду. Гасла ракета, и мы снова бежали изо всех сил. И так каждый раз. Гитлеровцы все чаще пускали ракеты, все яростнее обстреливали нас. Они, по-видимому, догадывались, что на этот раз вдоль речки двигаются подразделения и части, а не отдельные разведчики, как это бывало раньше.

Бросок по болотистой жиже продолжался более двух часов. Это измотало людей. Кое-кто перестал маскироваться, что вело к излишним потерям. По команде Стрельцова мы помогали отстающим, подбадривали их. Наконец-то простреливаемый участок позади. Прошли еще немного и выбрались на восточный берег. Вон уже и траншеи соседней дивизии. Итак, мы вырвались из мешка! Снимаем с себя вьюки, карабины, шинели, каски, обувь и бросаемся на землю. Из-за леса выглядывает солнце, освещает нас, до предела изможденных, грязных, мокрых, но бесконечно счастливых...

В тяжелом положении оказалась группа бойцов 71-го гвардейского полка, прикрывавшая его основные силы при переходе на восточный берег речки. Эта группа все еще оставалась за линией фронта, и мы целые сутки не знали, что с ней. Но вот на рассвете 30 сентября комиссар 2-го батальона политрук А. С. Дрыгин вывел группу — более двухсот человек — из окружения. Гвардейцы, как выяснилось, отбили многочисленные атаки противника, пытавшегося расчленить группу и уничтожить ее по частям. Но все попытки врага потерпели провал. Под покровом темноты комиссар собрал разрозненные группы бойцов, снова объединил их. Иссякли патроны, приходилось отбиваться от наседавших гитлеровцев трофейными гранатами. Но люди верили комиссару, их сплачивала твердая, сознательная дисциплина. Помогло и то, что гвардейцы тщательно разведали расположение противника, нащупали его слабые места. В конце концов кольцо окружения удалось прорвать. Анатолий Семенович Дрыгин вскоре был назначен командиром 2-го батальона, а потом он возглавил 70-й гвардейский стрелковый полк и отличился во многих боях. Но в тот, последний сентябрьский день 1942 года, его имя стало широко известно в нашей дивизии.

После отдыха нам объявили, что состоится смотр частей. Мы привели себя в порядок, почистили оружие. И вот 72-й гвардейский с развернутым знаменем выстроился на поляне. Командир дивизии полковник П. К. Кошевой, обойдя строй, сказал:

— Ваш полк, как и другие полки дивизии, выполнил солдатский долг с честью, по-гвардейски.



К. А. ЗЛОБИН,
*зв. капитан в отставке,
бывший комсорг 72 зв. сн 24 зв. сд*

В боях за Черной речкой *

После боев за Спасскую Полисть наша дивизия в июне 1942 г. была отправлена на переформирование, после чего в составе 6-го гв. ск приняла участие в прорыве вражеской обороны на Черной речке. Наступление, предпринятое 27.08.42 г. с целью прорыва блокады Ленинграда, развивалось успешно, и в первые же дни мы продвинулись на 15–20 км в направлении пос. Синявино.

К тому времени я крепко подружился с полковыми разведчиками: Горячевым, Литасовым, Чихаревым, Пушкиным и др. Я был комсоргом полка, но часто ходил на задания вместе с разведкой.

Захватив немецкие тылы, мы овладели штабными домиками в лесу, укрытыми 3–4 бревенчатыми накатами. За домиками была огромная пустая поляна, за ней, у опушки леса — рубленый колодец. Немцы ушли дальше в лес, а нам пришлось строить линию обороны перед поляной: таков был приказ командования полка. Я в это время находился в своей родной пульроте, занявшей огневую позицию. Я провел с комсомольцами небольшую беседу, пожелал хорошо окопаться и ждать дальнейших команд, и уже собрался уходить в штаб полка, размещенный в лесных домиках, как вдруг над поляной появился немецкий самолет. Сделав круг, самолет пошел на снижение. Я вернулся к пулеметчикам. Мы находились на замаскированной позиции и видели, как самолет сел в центре поляны. Из него быстро выбрался летчик, поправил свой планшет и направился в сторону пульроты. Потом свернул

* Рукопись из Музея боевой славы 37-й ж/д школы пос. Мга.

влево, на просеку, за которой находились немецкие домики. Самолет он заглушил, пропеллер продолжал вертеться. Летчик скрылся в лесу, а минут через 5–7 немцы открыли огонь по своему самолету. Стрельба прекратилась, когда самолет загорелся. А летчик доставил приказ немецкого командования контратаковать прорвавшихся русских. Приказ попал прямо в руки полковнику Кухареву. После этого командование полка вновь перебралось в свои блиндажи за р. Черную. Летчика увели с собой.

Я возвратился в политотдельский блиндаж и доложил своему начальнику, зам. командира полка по политчасти п/п-ку Розенцвейгу об обстановке на переднем крае и немецком самолете. Тут зазвонил телефон. Кто звонил, и о чем шел разговор, я не понимал. Слышал только ответы Розенцвейга: — Да, не место! Хорошо, сейчас направляю.

Закончив разговор, Розенцвейг сказал: — Звонил Петр Кириллович (п-к П. К. Кошевой — ком. 24 гв. сд). Срочно вызывает тебя к себе.

— По какому поводу?

— Не сказал. Только предупредил: сейчас же, срочно.

Я взял полевую сумку и отправился в штаб дивизии. Мне повезло: на дороге повстречался мотоциклист с донесением для штаба, с ним я добрался быстро. Войдя в блиндаж комдива, я хотел доложить по форме, но Кошевой махнул рукой и сказал:

— Присаживайся.

А сам подсел к столику и кому-то позвонил: — Явился. Введешь в курс дела на месте. Закончив разговор, обратился ко мне.

— Слушай, орденосец. Немцы теснят левый фланг соседней дивизии, нависла угроза над нашей. Мы с командирами полков решили сформировать ударные группы — так сказать, опорный боевой кулак. От 70 и 71 полков — у большой поляны, от 72 гв. сп — за речкой Черной, за горелым лесом. Это задачу я поручаю тебе, Злобин. Надеюсь, что ты оправдаешь доверие и сумеешь удержать немцев, если они сунутся. Ты будешь не один: слева и справа такие же кулаки создают наши соседи. Ядром группы будет пульрота вашего полка, группа ПТР, автоматчики. Остальные указания получишь от командира полка.

П-к Кошевой встал, пожал мне руку и сказал на прощание:

— Ну, ни пуха, ни пера!

Я покинул блиндаж, пересек поляну и вышел на просеку. Комполка выслал мне навстречу мотоциклиста, который довез меня до штабного блиндажа.

Полковник Кухарев подробно рассказал об обстановке, до мелочей объясняя задачу и обеспечение группы. После этого я

отправился в пулэроту, где меня встретили хорошо знакомые пулеметчики Николай Чулдин и Тореев (мы вместе воевали под Мостками и Любанью). Чулдин теперь командовал ротой, т. к. прежний ротный выбыл по ранению. Вскоре к нам прибыла группа солдат с п/т ружьями, автоматчики и минометчики. Всех прибывших принимал Чулдин, а я обошел всех бойцов, рассказал о сложившейся обстановке, о том, что командир дивизии надеется на нас, что на своем участке мы немцев не пропустим. Спросил, все ли имеют «НЗ», санпакеты, как обеспечены боеприпасами.

Недалеко от огневой позиции оборудовали медпункт, где расположились санитарка и радистка, и склад боеприпасов, доставленных прибывшими группами. Каждый боец при себе имел полный комплект патронов, гранат и бутылок с зажигательной смесью. Установили очередность дежурных постов.

Пока стояло затишье, но комполка говорил, что по данным разведки немцы получили подкрепление и готовятся к наступлению, чтобы вернуть оставленный участок.

Дважды наши позиции посетил с целью рекогносцировки ст. л-т Байгарин из артдивизиона. Он сказал, что немцы, получив подкрепление из Мги, атаковали соседей слева и жмут нашу дивизию, что батальоны 71-го полка отрезаны и пробиваются из окружения на восточный берег речки Черной. Теперь немцы собираются прорвать левый фланг 72-го гвардейского полка и отрезать наши передовые подразделения от основных сил. Поэтому 72-й сп тоже готовится к отходу. Вот тебе и кулак!

Уходя, он сказал мне: «Тебе придется нелегко, но ты не падай духом. В случае чего, брякни по рации, я подброшу «гостинцев». Мы обнялись, поцеловались по-братски, и Байгарин со своими бойцами ушел в артдивизион.

Я подумал: вот тебе и «ни пуха, ни пера...»

Стемнело. Разместившись у своих пулеметов, первая группа отдыхала. Одни похрапывали, другие разговаривали во сне, но мне не спалось. Время отдыха вышло, и бодрствующие стали будить спящих. Проснулся и мой дружок Николай Чулдин, потянулся и подошел ко мне.

— А я сегодня во сне дома побывал, всех повидал.

— То-то ты бубнил спросонья, звал кого-то...

— Это я свою невесту танцевать звал, а она все отнекивалась. Ну, а потом мы с ней таки выдали «страдание», да еще с припевками... А проснулся — никого...

— Хороший сон. Теперь я посплю, а ты подежурь за меня... Оставив за себя Чулдина, я пристроился у толстой сосны и уснул.

Проснулся раньше времени и пошел к Чулдину. Он сидел, уткнувшись в еловый комель.

— Коля! Что ж ты молчишь? — спросил я Чулдина, но он не отвечал...

— Товарищ комсорг, — окликнул меня боец, — послушайте: немцы за поляной шумят. Действительно, из-за поляны доносились голоса и слабое брнчание ведер у колодца. Шум вскоре прекратился. Близился рассвет. Разбудили спящих. Я дал указание каждому приготовить по связке гранат на случай появления танков. Уже всходило солнце, когда с флангов прибежали наблюдатели и доложили, что заметили ползущих к ним немцев.

Я быстро собрал командиров всех групп нашего «опорного кулака» и предупредил их быть готовыми к отражению врага.

Солнце все выше поднималось над горизонтом, посылая теплые лучи на землю. Сквозь редкие сосны, скрывавшие нашу позицию, поляна впереди хорошо просматривалась. Через нее в наш тыл пролетело несколько снарядов, после чего откликнулись наши артиллеристы: — Пук! Пук! Пук! Вражеские снаряды рвались уже за 2–3 км позади нас, лес наполнился гулом и дымом. Затем несколько снарядов разорвались недалеко от нас, и все стихло. Я передал по цепочке: «Не успокаиваться, быть начеку!» Поднялся ветер, зашелестели верхушки деревьев, и немцы под шумок выпустили по нашей огневой несколько мин. Они разорвались в 200 м сзади и на поляне перед позицией. Мои гвардейцы насторожились.

В 12 часов наблюдатели доложили, что немцы скапливаются группами на опушке леса за поляной и залегают. В бинокль это было видно и мне. Справа и слева прострочили очередями пулеметы и автоматы и снова — тишина. Стих ветер, облака закрыли солнце. И вдруг все вздрогнуло. Началось! Немцы открыли ураганный огонь по нашему и соседним рубежам. В основном мины и снаряды рвались в районе прежних позиций у р. Черной, лишь изредка — перед нами и позади, беря нас «в вилку». Пристрелявшись, немцы ударили прямо по нашей позиции. Все вокруг гудело подобно буре, летели вверх ветки деревьев, валились сосны, свистели осколки. Мы прижимались к земле, инстинктивно наклоняя головы. Было ясно, что немцы вот-вот двинутся на нас.

Еще не кончился обстрел, когда из леса в полный рост выбежала цепь немецких автоматчиков, ведя беспорядочный огонь. С флангов застрочили по нам пулеметы. Немцы достигли середины поляны, когда я скомандовал: — Гвардия! К бою! Минометчики — огонь!

Заухали наши минометы. На поляне стали рваться ротные «гостинцы» и так удачно, что цепь автоматчиков дрогнула. Немцы как бы попятились, но вскоре вновь полезли вперед, оказавшись на

расстоянии прицельного огня. Подпустив их еще ближе, пулеметчики по команде открыли огонь: два «максима» били с флангов, третий — прямо в лоб. Сразу поредели ряды фрицев, устилая поляну трупами, оставшиеся побежали, но их вернула вторая цепь автоматчиков, бивших короткими очередями. Наши минометчики открыли огонь, но 4 немецких станковых пулемета продолжали строчить.

Среди бойцов стали появляться раненые, не успевшие выпустить из своего оружия ни одной пули по немцам. Получив первую помощь в ПМП, раненые ползком возвращались на позиции.

— Петеевцы! Огонь по пулеметам!

После выстрелов из ПТР замолчали пулеметы на левом фланге. Справа стрелял один немецкий пулемет, по нему били правофланговые пулеметчики. И снова, подпустив фрицев ближе, били по цепи.

По нашей позиции ударили немецкие минометы, но мины в основном рвались на опушке леса.

Часть фашистов достигла края поляны, но с прорвавшимися к нам врагами покончили автоматчики. Замолчал и немецкий пулемет на правом фланге. У нас бой стих, а соседи слева еще сражались. Отдельные немцы на поляне зашевелились и пытались уползти назад, но их прибрали прицельным огнем из карабинов наши стрелки.

Справа царило затишье, правые соседи боя не вели. Используя передышку, наши пулеметчики и автоматчики пополнили свои ленты и магазины патронами.

Бой длился более двух часов. До вечера немцы новой вылазки не предпринимали. Мы наводили порядок на своей огневой, медсестра и радистка перевязывали раненых. Ранены оказались два автоматчика и боец из группы ПТР. Медсестра направляла их в тыл, но никто уходить не хотел. Один из бойцов, раненный в правую руку, сказал: — Если какой немец подойдет ко мне, я левой рукой душить его буду, а зубами грызть, и никуда отсюда не уйду!

Все солдаты прочистили свое оружие и были готовы к очередной схватке.

К вечеру подобный бой разыгрался у соседей. Видимо, немцы, потерпев поражение на нашем участке, решили прощупать соседа справа. Через какое-то время бой затих, а позади всю ночь продолжали рваться немецкие мины и снаряды, не нанося особого ущерба. И следующая ночь была счастливой — полное затишье. Бойцы вспоминали, как валились от нашего огня немцы, пытались подняться и наступать, но уходили на тот свет. До 22-х часов ждали ужина, но не дождались. Перекурили, съели по кусочку сахара и улеглись по очереди отдыхать.

И утро было спокойным. Мы ожидали вчерашний ужин и завтрак, но их не было. На ПМП оставалось полтермоса каши, начавшей прокисать. Мы ее съели, запили водой с сахаром и разошлись по местам. В полдень наши разговоры прервала певучая немецкая мина, крякнула — разорвалась, за ней другая. Начался полный артналет по переднему краю, продолжавшийся полчаса. Мины падали на краю поляны и позади огневой. Одна мина разорвалась в 20 метрах от медпункта. Смерд, пыль лезли в горло, слезились глаза. Еще не закончился обстрел, как из просеки со стороны немецкой обороны медленно выползли два танка, в 30–40 м один от другого. Из танков застрочили пулеметы, вылетело по два снаряда, и танки стали развивать скорость. Из-за танков выскочили автоматчики и побежали к нашей огневой. Их было не так-то много.

У нас снова прозвучали команды:

— ПТР и гранаты к бою!

— Пулеметчики, огонь!

Часть автоматчиков достигла края поляны. Затрещали наши автоматы, застреляли «максимы», полетели гранаты. Один из танков дошел до первых сосен на краю поляны и вел огонь из пушки и пулемета, второй палил с середины поляны. По первому танку из ПТР ударить было нельзя. Поднялся с гранатой Калмыков, его опередили два автоматчика со связками гранат, но не попали. Однако взрывы заставили танки повернуть в лес. По нашей огневой немцы снова открыли огонь из артиллерии и минометов. Противно проскрипел немецкий «ванюша» и выплюнул свои мины в наш тыл.

От своих артиллеристов и минометчиков поддержки мы не имели. Связываться с ними по радиации я боялся: немцы бы сразу нас засекли, и мы сделались бы настоящей живой мишенью. Нас было мало, но я надеялся на силу нашего «кулака» и удачно выбранную огневую позицию.

Вечером на нас двинулись три танка, ведя на быстром ходу огонь из пушек. Они шли на близком расстоянии по фронту, промежутки занимала пехота. Наша группа вела огонь их всех видов оружия: минометов, станковых пулеметов. С ближнего расстояния стреляли автоматчики и стрелки, и мы не допустили на свою позицию ни одного фашиста. Многие из нападавших нашли свои могилы в лесу и на поляне. В лес ворвался танк. Один из автоматчиков не растерялся, подполз и бросил связку гранат под танк, а когда тот завертелся, скосил короткой очередью выбравшихся через нижний люк танкистов. На обратном пути отважного автоматчика убило, и никто не знал его фамилии. Было лишь известно, что он новичок по имени Василий.

Полегло много немецких пехотинцев, и танки, видя, что вперед двигаться не с кем, построчили из пулеметов и ушли обратно. Раненые фрицы, оставшиеся на поляне, просили: — Ру-у-ус, помоги! Ру-ус..., — добавляя какие-то слова по-немецки.

У нас убило семерых. Из костяка пульроты погибли Тореев и Калмыков — сибиряки, дюжие, храбрые ребята. Царство им небесное! Они не посрамили звания гвардейцев и в долгу перед Родиной не остались.

15 человек ранило. Один был ранен тяжело и застрелил сам себя из карабина. Звали его Колей, фамилия неизвестна. Мы похоронили его ночью на просеке вместе с убитыми. Ходячих раненых отправили в тыл. Они ушли тем же путем, которым Байгарин привел их на огневую позицию.

Используя ночное затишье, мы снова почистили оружие, раздали живым диски выбывших автоматчиков и ПТР. Боеприпасов у нас еще оставалось достаточно, и хотя «кулак» наш заметно подел, мы надеялись выиграть следующий бой.

Пищу нам так и не доставили. Я разрешил использовать «НЗ» и направил бойца в штаб полка выяснить, почему нам на передний край не доставляют горячую пищу. Посыльный вернулся через час, уже в сумерках, и доложил, что в штабе полка никого нет, только в одной палатке лежали два наших тяжелораненых солдата, прошивших их пристрелить. Об этом боец рассказал мне и Чулдину, остальным условились не говорить.

Утром мы приняли очередной бой. Немцы пошли с танками. На опушку леса выкатили пушки, установили минометы. Бой проходил в лесу, прилегающему к нашей позиции. В этом бою каждый был и бойцом, и командиром. Сам себе командовал, стрелял из автомата, бросал гранаты. Из танков немцы вели огонь по нашим пулеметам.

Чулдин заложил в свой пулемет ленту с бронебойными патронами и только успел нажать на спуск, как вражеский снаряд угодил в лафет, и Чулдину оторвало голову. А пулемет продолжал стрелять по танку...

Бойцы ПТР подбили еще 2 немецких танка и уничтожили их экипажи. Мы потеряли еще несколько человек убитыми, но не пропустили немцев в свой тыл. Бой был таким близким, что, казалось, еще чуть-чуть, и мы вцепимся фрицам в горло и будем грызть их зубами. Но немцы отступили.

Мы похоронили Чулдина у дороги рядом с боевой позицией и поставили ему простенький памятник.

Боеприпасы у нас еще оставались, но я знал: еще один такой бой — и нам крышка. Я достал карту и данный мне азимут движе-

ния после боя и принял решение сняться с обороны. Из сообщения посыльного было ясно, что полк, как говорится, драпанул, и мы обеспечили его отход. Я отдал команду готовиться к маршу.

После полудня мы оставили свою огневую и пошли по азимуту, оставленному комполка. Ночью мы подошли к Черной речке, где скопилось уже много бойцов. Я встретил командиров и выяснил, что немцы за речкой перерезали дорогу и засели в наших траншеях. Нам предстояло перейти реку и через немецкую оборону прорваться к своим.

При подходе к реке я уклонился от азимута и, перейдя реку, повел свою группу через болото, где немецких окопов не было. К нам присоединились несколько бойцов из 71-го полка, в т. ч. и мой земляк, ефрейтор Иван Михайлович Антропов. Мы прошли бывший КП полка и санроту, удовлетворив просьбу лежавших там безнадежных раненых прекратить их мучения. Все, способные передвигаться, пробирались через болото, вышли на просеку за линией немецкой обороны и достигли конечной точки азимута.

В том месте, откуда меня посылали на задание комдив П. К. Кошевой, сейчас располагался новый КП п-ка Кухарева.

Я зашел в блиндаж без стука, и п-к Кухарев, вскочив из-за стола, какое-то время молча смотрел на меня, вытаращив глаза, а потом обрадованно воскликнул:

— Жив, Костик? А я уж думал...

— Жив, как видите, товарищ полковник, — отвечал я, — только немного подморился... Спасибо Вам за азимут, но на линии немецкой обороны его пришлось сменить. Со мной возвратилась часть бойцов из нашего и 71-го сп, принесли двух тяжелораненых, надо всех разместить.

Полковник вышел со мной к бойцам, поблагодарил всех за сдерживание противника и повел меня в штаб полка. Там на меня тоже посмотрели как на выходца с того света.

Из моей группы (вместе с ранеными) вышло 23 человека и 17 — из 71-го полка. После боев на Черной речке личный состав 24 гв. сд был передан другой дивизии, а комсостав, пульрота и рота разведчиков в октябре 1942 года поступили в резерв Верховного главнокомандования в г. Рассказово Тамбовской области, где мы получали и обучали пополнение, а в последних числах декабря были направлены под Сталинград.

Откровенно говоря, я не думал вернуться живым с войны. Попадал на фронте в разные переплеты, был четырежды ранен, но голову не пришлось сложить ни в одном кусте. Вернулся после Победы домой в звании гвардии капитана с орденом Боевого Красного Знамени за бои на Волхове.

Константин ВАНШЕНКИН

*Солдаты **

В земле солдат намного больше,
Чем на земле.

Перед Москвой, над Волгой, в Польше,
В кромешной мгле,

Лежат дивизии лихие
И корпуса.

А сверху дали голубые
И небеса.

Лежат бригады, батальоны
И тыщи рот.

А сверху по траве зеленой
Проходит взвод.

Какая ждет его дорога?
Встает рассвет.

В земле солдат и так уж много
За много лет.

* Интернет-сайт «Военная литература». Поэзия. Публикация Е. Загородней.

П. И. СОТНИК,
бывший комиссар
56 гв. сп 19 гв. сд

19-я гвардейская стояла насмерть*

После тяжелых боев в районе Мясного Бора 25 кд влилась в состав 19 гв. сд. 100 кп вошел в 56 гв. сп, 104-й — в 61-й, 54 гв. сп остался в прежнем составе. На 2 июля 1942 г. 19 гв. сд командовал п-к Д. М. Баринов, комиссаром был Филиппов, нач. штаба — п/п-к А. Н. Трофимов (бывший командир 104 кп).

Командиром 56-го полка был назначен капитан Ярошевич, я стал комиссаром.

61 гв. сп командовал м-р Петкевич, 54-м — п/п-к Кудряшов.

Личный состав был укомплектован на 60%, но близился срок нового наступления, и во всех подразделениях проводилась интенсивная учеба. 10 августа штабом Волховского фронта была проведена проверка готовности дивизии к боевым действиям. Оценку мы получили хорошую, и через двое суток вся дивизия уже была выгружена из эшелона на ст. Войбокало.

В момент разгрузки к эшелону на машине подъехал генерал в бурке и потребовал к себе начальника эшелона. Я представился. Генерал повышенным тоном произнес:

— Вы что, прибыли к теще на блины?

Я выдержал минуту и спокойно ответил:

— Не к теще на блины, а защищать город Ленина.

Все стало на свои места. Генерал показал документ, свидетельствующий, что он командующий 8-й армией г.-м. Ф. Н. Стариков, и что наша дивизия прибыла в его распоряжение.

Через несколько минут весь личный состав поротно двинулся в район сосредоточения. Ночью со 2-м эшелоном прибыл комполк Ярошевич. Утром комдив Баринов вызвал всех командиров и комиссаров полков на рекогносцировку. Командарм поставил 19-й гв. сд следующую задачу: сменить части, обороняющиеся на Черной речке, и готовиться к наступлению в направлении Синявина. Нашим соседом справа была определена 3-я гв. сд генерала И. М. Мартынчука, слева — 24-я гвардейская полковника П. К. Кошевого.

* Рукопись из Музея боевой славы 37-й ж/д школы пос. Мга.

19-я гвардейская была нацелена наступать на Синявино и высоту Синявинскую, 3 гв. сд — на Рабочий поселок № 5, 24-я — на озеро Синявинское. Глубина наступления до Невы — 16 км.

Во II эшелон назначался 4 гв. ск г.-м. Н. А. Гагена, в III эшелон — 2 УА г.-л. Н. К. Клыкова.

На исходных позициях сосредоточивались большие силы пехоты, артиллерии, танков и реактивных установок. Нашей дивизии придавался танковый батальон во главе с майором Г. И. Таракановым (10 танков). Вся эта армада, хорошо замаскированная, была выведена на восточный берег р. Черной. Мы верили, что пройдет каких-нибудь 4–5 дней, и войска Волховского фронта соединятся с Ленинградским.

Комдив провел тщательную рекогносцировку. Каждому полку были поставлены задачи: ближайшая и последующая. От переднего края немцев нас отделяло расстояние в 150–200 м. Все бойцы были предупреждены о необходимости соблюдения полной тишины и маскировки: любой неосторожный поворот головы мог быть замечен снайпером.

21 августа командование дивизии прибыло на НП 54-го гв. сп, откуда наблюдало за противником. Было тихо. На противоположном берегу Черной речки виднелись брустверы первых неприятельских траншей, за ними — черный лес и просека с опорами электропередач. Артиллеристы были озабочены тем, что не могут обнаружить огневые точки противника.

23 августа командарм вызвал к себе командиров 3, 19 и 24-й гвардейских дивизий для докладов о готовности к наступлению. Все понимали, что от согласованных действий трех наших дивизий зависит успех операции.

В полосе наступления 19-й гв. сд оборонялся 223-й пехотный полк 96-й немецкой дивизии 18А. Слева от нас должна была наступать 24-я дивизия п-ка Кошевого, справа — 3-я генерала Мартынука.

Свой НП комдив Баринов расположил у речки Черной, недалеко от НП 54-го полка. НШ дивизии п/п-к Трофимов успешно поддерживал связь с начальниками штабов полков и командованием 8-й армии.

27 августа в 6 утра началась массированная артподготовка. Она длилась 2 часа, причем последние 10 минут — реактивными снарядами. Пехота дружно поднялась и пошла в наступление. Несколько минут немцы молчали, потом открыли огонь по атакующим. Сильный пулеметный огонь по левому флангу нашего полка вынудил 1-й батальон под командованием ст. л-та Пушкина залечь на берегу Черной. Комдив приказал ввести в бой танковую роту.

Мне было поручено сесть на один из танков и оказать помощь 1-му батальону. Но при движении танка на его гусеницу намотался провод с высоковольтной линии, и он остановился. Пока экипаж освобождал машину из «плена», противник открыл по застрявшему танку артиллерийско-минометный огонь, продолжавшийся до самой ночи. В темноте мы освободились от проволоки, но батальон Пушкина уже овладел передней линией траншей и вел бой за вторую.

К исходу первого дня наступления все подразделения нашей дивизии глубоко вклинились в оборону противника. Немцы не выдержали натиска гвардейцев и отступили. В течение ночи командиры полков перенесли свои НП за реку, дали указания комбатам пополниться боеприпасами, накормить личный состав и быть готовыми на рассвете к дальнейшему наступлению.

Наши соседи — 3-я и 24-я гвардейские дивизии к исходу дня также овладели на своих участках передним краем немцев.

Утро следующего дня выдалось ясным. Наша авиация появилась над расположением противника и хорошо «проутюжила» район Синявина. Это здорово подняло дух бойцов и командиров.

После доклада п-ка Баринова о ходе наступления 19 гв. сд командарм поблагодарил личный состав дивизии за успешные действия и потребовал вовремя подбрасывать боеприпасы, кормить бойцов и отметить отличившихся в бою. Командующий армией сообщил, что 24 гв. сд должна к исходу 28 августа продвинуться вперед на 4–5 км, занять оборону в районе озера Синявинское, обеспечив тем самым прикрытие нашего левого фланга.

Действительно, 24-я дивизия 28-го наступала успешно, и наш 56-й полк, несмотря на болотистую местность и отсутствие дорог, продвинулся к восточной окраине Синявина. 61-й полк несколько отстал.

29 августа 24-я гв. сд после жестокого боя подошла вплотную к оз. Синявинскому, а 56-й полк был встречен сильным артиллерийско-минометным огнем из Синявина. В течение всего дня наша дивизия вела упорные бои. Противник каждые 30–60 минут наносил бомбовые удары по тылам и резерву 19 гв. сд.

К исходу дня п-к Кошевой сообщил, что против его дивизии противник предпринимает контратаки силами 227-й пехотной дивизии и танков. Им удалось уничтожить 3 вражеских танка, но сохраняется опасность повторных танковых атак.

На рассвете 30 августа наша дивизия предприняла наступление на пос. Синявино, но успеха не имела. 31 августа в 5 утра, после 30-минутной артподготовки, атака была повторена: 1-й и 2-й батальоны 56-го полка подошли вплотную к пос. Синявино,

но встретили сильный пулеметный огонь с бронетранспортеров, установленных между домами, и из пулеметов, находившихся в траншеях.

Противник сумел с началом нашего наступления возвести оборонительные сооружения на восточной окраине Синявина. 61-й и 54 гв. сп, встретив сильное сопротивление немцев, успеха не имели. 3 гв. сд на пути к РП № 5 была остановлена артиллерийско-минометным огнем и контратакой частей 28-й пд.

Во время наступления 56 гв. сп была обнаружена замаскированная батарея врага из 4 орудий и комплекты боеприпасов. Комполка Ярошевич атаковал батарею своим резервом и захватил ее. Проверив состояние орудий, наши артиллеристы организовали стрельбу из немецкой батареи по Синявину. К исходу дня все боеприпасы были израсходованы. Расчеты вынули замки орудий и зарыли их в землю. Противник ввел в бой роту автоматчиков и вытеснил наших бойцов из расположения батареи, о чем было доложено комдиву. В 18.00 п-к Баринов по телеграфу приказал Ярошевичу контратаковать врага. Все, кто находился на НП, поднялись во весь рост и с криками «Ура!» пошли в атаку. Немцы встретили нас ожесточенным пулеметно-автоматным огнем. Был убит уполномоченный особого отдела ст. л-т Буряк, а я ранен. Контратака захлебнулась.

31-го августа было установлено скопление немецких войск восточнее Синявинской высоты, а захваченные пленные сообщили, что они прибыли из Крыма в составе 24-й пд.

Командующий 8-й армией сообщил командиру 19 гв. сд, что в бой вводится 4-й гв. ск, и на нашем левом фланге будет наступать 259-я сд. 4-го сентября была организована совместная атака 19-й гвардейской и 259-й дивизий на Синявино, но успеха она не имела. Командование фронтом решило ввести в бой свой резерв — 2 УА, но противник весь день бомбил и обстреливал наши части, из-за чего мы несли большие потери.

5-го сентября наша дивизия вновь наступала, но была встречена организованным огнем и бомбежкой. Атака захлебнулась, потери в полках увеличивались с каждым часом. В юго-восточной части Синявинской высоты оборона противника была чрезвычайно сильна, насыщена огневыми точками, пушками, минометами и танками. В воздухе господствовала вражеская авиация, наносившая непрерывные бомбовые удары как по боевым порядкам, так и по тылам наших частей. 6-го сентября 19-я гв. сд вновь атаковала немецкие позиции, противник отвечал контратакой. В 14-00 командарм Стариков позвонил п-ку Баринову и потребовал любой ценой продолжать наступление на Синявино.

Вступление в бой 259-й сд (наш сосед слева) не внесло в обстановку существенных изменений, т. к. еще до начала боя дивизия понесла большие потери от бомбежек. Сосед справа — 3-я гв. сд — не смогла достичь РП № 5 из-за непрерывных контратак противника, сопровождавшихся массированным артиллерийско-минометным огнем.

Командир 61-го гв. сп Петкевич доложил о больших потерях в полку. Погиб командир 3-го батальона, ранены 2 командира рот. В нашем 56-м гв. сп погиб отважный командир 1-го батальона ст. л-т Пушкин, один комроты и два командира взводов.

К исходу 6 сентября комдив Баринов получил приказ командарма перейти к обороне. П-к Баринов решил построить оборону в 1 эшелон, каждому командиру полка иметь на НП по роте в качестве резерва.

С утра 7 сентября противник перешел в контрнаступление по всему фронту, поддержанное артиллерией и авиацией, в результате чего был потеснен правый фланг нашей дивизии — 54-й и 61-й гв. сп. 9 сентября — новые атаки врага с танками. 56 и 61-й гв. сп, использовав истребителей танков, отсекали пехоту от танков, взяли пленных из 32-й и 24-й пд. 19 гв. сд имела огромные потери, но сумела отбить наступление немцев.

В 17-00 комдив Баринов получил сообщение командующего фронтом К. А. Мерецкова о том, что противник перебросил под Синявино 11-ю А Манштейна и авиацию из Крыма. Предстояли новые, еще более тяжелые бои. Но бойцы и командиры 19-й гвардейской стояли насмерть, об их стойкости и подвигах писали газеты. Рядовые 56 гв. сп Г. Филиппов и М. Авраменко уничтожили в рукопашном бою 10 и 6 фрицев. Ценой величайшего мужества гвардейцы 56-го полка не дали немцам вклиниться в свои боевые порядки. Ночью на позициях нашей дивизии был захвачен в плен немецкий ефрейтор Гофман из 28-й пд, готовящейся к наступлению.

19-я гвардейская перегруппировала свои части, построив оборону в 2 эшелона с учетом возможности вклинения врага в наши б/порядки, подтянула артиллерию, расположив ее сразу за пехотой. Сосед слева — 259-я сд — понесла большие потери и вынуждена была отойти. 3-я гв. сд справа поддерживала тесную связь с нашим 54-м полком.

Командование армией предупреждало обратить особое внимание на левый фланг дивизии: не исключалась возможность, что Манштейн обойдет наши узлы сопротивления и обрушится на передний край.

24 сентября немецкая авиация и артиллерия бомбила и обстреливала 19-ю и 3-ю гвардейские дивизии, утром 25-го противник

перешел в атаку и вклинился в наши боевые порядки. На участке 3-й гв. сд фашисты достигли Черной речки. Командование дивизии ввело в бой 2-й эшелон и отбросило врага. Но к исходу дня противник подбросил свежие части и вклинился на левом фланге. В бою был убит командир 56 гв. сп капитан Ярошевич, в командование вступил НШ полка капитан Н. И. Гаврилов. На обоих флангах немцы вышли к реке. Только в центре обороны 19-й гвардейской и 259-й дивизий противник прорваться не сумел.

27-го сентября немцы вели усиленный огонь по этому участку и бомбили группами по 10–15 самолетов наш передний край и тылы каждые 30–50 минут. Ночью комдив Баринов получил приказ отвести дивизию за р. Черную. 54-й и 56-й гв. сп начали отвод своих подразделений на восточный берег реки, с 61-м гв. сп связь была утеряна. Позже выяснилось, что комполка майор Петкевич был контужен, вынести его не смогли.

19 гв. сд организованно заняла первоначальную оборону на восточном берегу р. Черной и привела в порядок свои подразделения. 29 сентября противник пытался атаковать, но был отброшен. В 12-00 немцы бомбили наши боевые порядки, но личный состав находился в окопах и траншеях и особых потерь не понес. Бои велись в течение 10 дней, но, не достигнув дальнейшего продвижения, противник перешел к обороне.

Штаб фронта установил, что вновь прибывшие на ВФ 170, 24, 28, 132-я пд и 12-я тд предназначались для штурма Ленинграда, так же, как и 70 пд, и 185 танковая. С других участков под Синявино немцы перебросили 223, 227, 207 пд и 3-ю горно-стрелковую. Из района Рабочего поселка № 5 были введены в бой 128-я и 121-я пд. Все они понесли большие потери и уже не могли быть использованы для запланированного наступления на Ленинград.

В октябре 1942 года наша дивизия под командованием п-ка Д. М. Баринова была снята с обороны, погружена в эшелон и направлена в Калининскую область для пополнения.

В. Г. ИВАНОВ,
*бывш. политрук 2-й роты 1-го батальона
56-го гвардейского стрелкового полка 19-й гв. сд*

Под Синявино в августе-сентябре 1942 года *

В 19-ю гвардейскую стрелковую дивизию я прибыл по возвращении из госпиталя в то время, когда она вышла из боев в районе Мясного Бора и процентов на 80 нуждалась в пополнении.

Я был назначен политруком 2-й стрелковой роты 1-го батальона 56-го гвардейского стрелкового полка. Из тех, кто участвовал в Любанской наступательной операции, в роте осталось всего 17 бойцов. Пополнение до полного штата получили хорошее, обстрелянное, большинство — возвратившиеся из госпиталей.

Так называемый «отдых» дивизии был временем сколачивания и учебы личного состава. Готовились к новым боям с высокой активностью и желанием. Моя рота хорошо проявила себя на тактической проверке и при стрельбах. Это очень радовало меня и командира роты Анатолия Полякова — лейтенанта, выпускника Камышловского пехотного училища.

По всему чувствовалось, что «отсиджиться» в лесах под Малой Вишерой долго не придется. Да и нам казалось, что лучше в бою, там хоть дело. И эта пора настала.

Синявинская наступательная операция на Южной Ладоге, предпринятая советским командованием в августе-сентябре 1942 года, ставила целью прорвать блокаду города. Она была вторым боевым экзаменом на мужество и стойкость для воинов нашей дивизии, которая за активные действия в Любанской операции 17 марта 1942 года была преобразована из 366-й в 19-ю гвардейскую.

Пополнение, пришедшее в дивизию перед синявинскими боями, считало большой гордостью драться под гвардейским знаменем. Да и дело, на которое выдвигалась 19-я дивизия, предстояло почетное — вызволить из кольца блокады Ленинград.

В планах фашистского командования Ленинград занимал особое место. С осени 1941 года треть своих военных сил немцы бросили на захват Ленинграда.

На шлиссельбургско-синявинском выступе плотность вражеских войск была вдвое большая, чем на других участках советско-

* Доклад на военной исторической конференции в пос. Мга 1.10.1982 г.

го фронта. Гитлеровцы сидели на этой полоске земли ровно год. А то, что немцы умели строить оборону, мы убедились на собственном опыте. Словом, замок на блокадный Ленинград был навешен крепкий.

Когда мы, политнаставники, вели речь о предстоящих боях, то солдаты рассуждали, что нелегкими были условия за Мясным Бором, а здесь, под Синявино, в этом мелколесье и болотах, будет еще хуже. Ни в землю врыться, ни на поверхности прикрыться нечем. Все предполье было, по существу, танконепроходимым, так что на броневую защиту рассчитывать не приходилось. Кому-кому, а нам, пехотинцам, было ясно, что вся тяжесть в этом наступлении ложится на многожилную матушку-пехоту.

Хотя от ротного командования в таких крупномасштабных операциях, как Синявинская, мало что зависело, все же мы старались так вести дело, чтобы солдатской крови было пролито меньше. Каждую свободную минуту мы с командиром роты и командирами взводов старались присмотреться к своим бойцам, понять их настроение, установить контакт.

Ночью, когда на правобережье Черной речки дивизия скрытно заняла исходные позиции, сменив изрядно поредевшие полки другой дивизии, стало ясно, что час нашего перехода в наступление близок.

С рассветом установили за противником зоркое наблюдение и скоро убедились, что насыщенность огневых средств врага очень высока. Все это снижало наши шансы на успех в предстоящей атаке.

Позднее мы узнали, что наша 19-я гвардейская дивизия в составе 8-й общевойсковой армии под командованием генерала Ф. Н. Старикова заняла позиции на самом острие наступательной операции и будет наносить удар непосредственно в центр фашистской обороны — на село Синявино. Само Синявино и расположенный от него на запад хвойный лес, раскиданный по возвышенности, были превращены противником в мощный узел обороны, занимающий господствующее положение над предпольем, откуда нам предстояло наступать.

Разведка боем с целью изучения и выявления огневых средств противника, не проводилась. Возможно, у командования дивизии и была информация о противнике и его огневых средствах, но на переднем крае представление о противнике имели слабое. Даже артиллерийские наблюдатели плохо знали огневые средства противника.

Но все эти сомнения не влияли на настроение людей. Оно было истинно боевое. Мы с командиром роты Анатолием Поляковым

разъясняли своим бойцам и командирам, что разгрома врага под Ленинградом ждет вся страна.

Часа в три ночи 27 августа по телефону комбат первого батальона старший лейтенант Пушкин приказал готовить роту к бою. Надо было тихо поднять всех, кто отдыхал в окопах и укрытиях, посылнее накормить, проверить боеготовность, обеспеченность боезапасом. Мы с комроты прошли по взводам и отделениям, стараясь вселить уверенность в успех. Но люди и без командирских указаний зыскательно готовили себя к бою. Многие нашли возможность побриться, подшили чистые подворотнички к гимнастеркам, проверили удобство экипировки.

И тут, как будто узнав, что пехота готова к бою, заговорила наша артиллерия. Круша передний край противника, пушки и минометы били в глубину его обороны. Такие боевые «сценарии» перед атакой мне были уже знакомы. Однако на этот раз наша канонада была ошеломляющей. Мы не могли даже понять, были ли ответные огневые удары врага, но радовались, что гитлеровцам «жарко». Затем по синявинской лесной гряде ударили «катюши». Залпы РС были для пехоты радостной неожиданностью. Мы почувствовали, что позади нас стоит сила, которую фашисты называли «русская смерть».

Не успел грохот разрывов снарядов РС стихнуть в глубине обороны противника, а два наших полка — 56-й и 61-й — сорвались со своих позиций и перебежками пошли вперед на взятие первой полосы фашистской обороны.

Наша 2-я рота двинулась к позициям противника стремительно и сплоченно. Помнится, утро было холодное, хмурое. Низкая облачность спасала от ударов вражеской авиации, которая нам надоела до «чертиков». Самолеты врага рыскали над южной Ладогой, отыскивали цели, изучали обстановку.

Когда наш 1-й батальон пошел на немецкие позиции, враг молчал. Казалось, что с первой линии гитлеровцы отошли. Но едва мы приблизились на 60–80 м, откуда что взялось. Вражеская сторона «проснулась» и полоснула по нам всеми видами огня. В таких случаях промедление смерти подобно. Бойцы моей роты, да и всего батальона, как по команде, с мощным «Ура!» ворвались в расположение фашистских траншей и огневых точек. Еще не совсем рассвело, но схватки «кто кого» уже шли в окопах. Гитлеровцы сопротивлялись отчаянно и зло. Но и наши ребята ни в чем не уступали, блокировали огневые точки, забрасывали их гранатами, уничтожали фашистов в траншеях в рукопашных схватках.

В горячке боя было не понять, кто в выигрыше, мы или фашисты. Взрывы, стоны раненых, дым и смрад слезили глаза. И вдруг противник куда-то исчез, бой вроде бы стих. Но тут посыпался

град мин. Раздалась команда «в землю!» Да где уж тут зарываться в землю, когда головы не поднять. В траншеях и окопах видны трупы гитлеровцев, целые пулеметные расчеты. Похоже, что мы врага одолели. Затих и минометный обстрел. Проверяем свои потери. Раненых унесли, мертвые остались лежать на занятых позициях. Особенно тяжелые потери выпали на долю сержантского состава. Погиб комвзвода-3 Соколов, ранен комроты Поляков, но уйти в медсанбат отказался. Убавилось и рядовых бойцов. Сделали перестановку. Боеспособность роты сохранилась. Принимаем меры, чтобы закрепиться на захваченном рубеже, удержаться хотя бы до вечера. Со стороны противника активность чуть ослабла, но он еще бросает мины, бьет пушками, гаубичными снарядами.

Наступила ночь. Враг «шьет» по нам трассирующими, вешает над позициями «светляки». Все же темнота не день: скрывает. Стараемся покормить личный состав, запастись боезапасом, дать людям отдохнуть. Живем тревожно, ждем фашистской контратаки.

Прошли с комроты по взводам. Чувствовалось, люди устали, но сохранили юмор. «Нам бы только Синявино взять, а там с колокольни и Ленинград видно», — говорили бойцы.

— Что день грядущий нам готовит? — задавали мы себе вопрос. Тут от комбата Пушкина приказ: «Готовиться брать вторую линию немецкой обороны. С приближением рассвета начнем».

Едва забрезжил рассвет, бой разгорелся с новой силой. Начала боевой день наша сторона. Он получился более продуктивным и удачным. За 28 августа наш первый батальон продвинулся вперед не на сотни метров, как в первый день, а на километры. Были заняты многие огневые точки, взяты трофеи, пленные. Гитлеровцы просто бежали, бросая исправные пулеметы, минометы, запасы боеприпасов, продукты и личное снаряжение.

Пересекли высоковольтную линию Волхов—Ленинград. Все было разрушено, многие опоры превращены в лом. Синявино было рядом, в нескольких километрах. Но какой крови, каких сил требовал от нас этот опорный пункт, хозяевами которого были фашисты!

Таил опасную неизвестность синявинский черный лес, протянувшийся широкой полосой северо-западнее селения. Нещадно дожимала немецкая авиация — висела над нами, как дамоклов меч. Бойцы ворчали: «Где же наши краснозвездные орлы?»

На переднем крае мы почувствовали, что враг подкрепился солидными резервами, стали попадаться одиночные пленные неизвестных номеров дивизий. Уже на третий день нашего наступления враг на отдельных участках 56-го полка стал предпринимать контратаки. Выходили на нас и немецкие танки. Но их «заставляли» уходить в укрытия.

Фашисты пытались идеологической отравой сбить нашу активность и стойкость, с самолетов осыпая нас разноцветными листовками. Поднимаешь, видишь: на листовке пятиконечная звезда, солдат в нашей форме втыкает штык в землю. Писали фашистские пропагандисты складно, врали так заманчиво, что, не будь наш советский воин патриотом своей Родины, кто-то мог бы и клюнуть.

В наших рядах неразборчивых глупцов не находилось, хотя положение у нас было не из легких. Отдельные бойцы из любопытства читали такие листовки и с комментариями подносили мне: «Посмотрите, товарищ политрук, что они брешут. Свою партию называют национал-социалистической, пишут, будто вся германская армия борется за интересы народа, против капиталистов, плутократов-евреев и большевистских комиссаров. Так им и поверили!».

— А как вы лично оцениваете эту агитацию? — спрашивал я. — У нас один ответ: смерть фашистским оккупантам! Будем еще сильнее и крепче бить фашистов! — скандировали бойцы.

Однажды на позициях батальона появился комиссар 56-го полка Петр Иванович Сотник. Молодой, высокий, спортивного телосложения, да еще с усами, как у Василия Ивановича Чапаева.

Побеседовал он по-душевному с бойцами моей роты и спрашивает: «А что бы вы хотели?» — «Поспать, товарищ комиссар», — дружно рявкнули солдаты. Меня эта просьба в жар бросила. Ну, думаю, выплет мне комиссар за такие настроения в роте, когда перед дивизией стоит задача войти в Синявино, а тут о сне мечтают люди.

Однако комиссар рассказал солдатам байку о том, как один капрал спал и увидел такой сон, после которой всю жизнь маялся бессонницей. Бойцы от души посмеялись, и желание спать у них прошло.

Командир полка Ярошевич ставил перед батальоном задачу войти в Синявино 30 августа. Но ни 30, ни 31 августа и даже в сентябре, несмотря на все усилия, ворваться в Синявино 19-й дивизии не удалось. Бои были ожесточенными и тяжелыми для обеих сторон. Батальон отбивал атаку за атакой. Редели наши ряды, выбывали из строя товарищи. Фашистов тоже крушили хорошо. Рукопашные схватки стали чуть ли не системой.

Вскоре я узнал, что 5 сентября погиб наш комбат, ст. лейтенант Пушкин, человек волевой, смелый и решительный. В самой сложной и трудной ситуации он нам служил примером. И вот его не стало. Тяжело восприняли эту весть бойцы моей роты. Погиб и наш командир роты Анатолий Поляков, пермяк.

6 сентября противник перешел в контрнаступление. Командование Волховского фронта было вынуждено вводить свежие силы из своего резерва. А 7 сентября захлебнулась атака нашего батальона. Я был ранен еще утром, а пришел в чувство, когда наступила ночь. Увидел, что врачи и сестры «колдуют» над моим безжизненным телом. Над головой торчат простыни и ветки деревьев. Видимо, это был полковой или дивизионный перевязочный пункт.

Не помню, как и когда оказался я в г. Сясьстрое, на носилках в каменной церкви, в самых «райских дверях». Затем самолетиком ПО-2 был вывезен в г. Череповец. Здесь левая нога мне до самого бедра была ампутирована. Процесс лечения длился 10 месяцев уже на Урале, в г. Лысьве.

Имею награды и за войну, и за труды. После войны заработал 37 лет трудового стажа. И сейчас остаюсь в строю.



Е. И. ТКАЧЕНКО,
*майор в отставке, бывш. начальник
штаба 2-го дивизиона 45-го гвардейского артполка
19-й гвардейской стрелковой дивизии*

Бой под Синявино *

27 августа 1942 года грохот артиллерийской канонады возвестил о начале наступления. Противник затих, смолк. Последовала дружная и быстрая атака пехоты, и передний край вражеской обороны был прорван.

— Взяли Гонтвовую Липку? Отлично! Двигай, двигай вперед, не отставай от ротного. Держи связь по радио. Я скоро тоже иду вперед, — кричал в телефон командир дивизиона Никифоров командиру батареи старшему лейтенанту Ленину.

А высоту западнее Гайтолово все еще удерживал противник. И ни орудия, ни минометы, ни транспорт не могут идти вперед за пехотой: с высоты фашисты поливают артиллерийским и пулеметным огнем. Только сегодня на эту большую и пологую высоту пехота идет в атаку третий раз. Пехотинцы нам хорошо видны, они бегут вперед. Падает один, другой, третий. Враг ведет огонь из всех орудий. И наша пехота снова залегла.

Ночью все командиры и бойцы были заняты подготовкой к новой атаке. Никто не спал. Мы, артиллеристы, готовили исходные данные для стрельбы, чтобы утром своевременно открыть точный огонь. Третий батальон стрелкового полка майора И. Н. Киреева обошел высоту, чтобы атаковать гитлеровцев с тыла.

Утром загремели залпы десятков орудий и минометов. Через некоторое время взвились зеленая, а затем красная ракеты. И понеслось над лесом грозное и многоголосое «Ура!» Поднялись пехотинцы и быстро побежали вперед, как будто боялись отстать от линии огня, перенесенного в глубину вражеской обороны. С высоты робко застрочил пулемет, второй, третий. Но орудия, следовавшие вместе с пехотой, ударили по ним прямой наводкой, и пулеметы врага смолкли.

А пехотинцы видны уже на склоне высоты, потом на ее гребне. Все громче, сильнее, все неистовее несется «Ура!» И тогда с остервенением, надрывно ударили по высоте вражеские батареи из Синявина и Тортолова. Фашисты намереваются сделать высоту

* Доклад на военно-исторической конференции во Мге 1.10.1982 г.

мертвой. Но тщетно! Наши бойцы закрепляются на высоте, приспособив для обороны отвоєанные у врага траншеи. Поплелись пленные, охраняемые ранеными бойцами.

Как и ожидали, следующее утро оказалось бурным. Мы успешно наступали на Синявино, противник начал настойчивые атаки у основания прорыва наших войск у речки Черной. После огневого налета гитлеровцы перешли в наступление на Гайтолово. На высоту ползли танки, а за ними бежала фашистская пехота. Четыре раза шли танки и четыре раза откатывались назад.

Днем противник, подбросив свежие силы, начал наступление и у Синявино, и у Рабочего поселка № 7, и у Гонтовой Липки. Наша пехота восточнее Синявино не успела закрепиться и отошла к нам.

С трех сторон насаждают враги. Они идут сначала медленно, потом быстрее и, наконец, бегут на наши окопы. Заговорили пулеметы, автоматы, заторопились карабины и винтовки. Многие фашисты падают от наших пуль, но другие бегут и бегут. Прижав приклады к животам, свинцом поливают нас из «шмайсеров».

До гранат и рукопашной дело не дошло: не выдержали фашисты. Один за другим они падают в болото. Изредка перебегают офицеры с пистолетами в руках, грозят и подгоняют солдат в атаку. Но безуспешно.

Из Синявина двигается пехота — подкрепление к залегшему врагу. Фашисты идут строем, слаженно, четко и уверенно. Так не ходят потрепанные в боях подразделения.

— Калишер, подави колонну у Синявино, — приказывает Никифоров командиру батареи, находившемуся вместе с нами на командном пункте. По проводам пролетела протяжная команда, закончившаяся резким, повелительным: «Огонь!» Ждем выстрела орудия. Но вместо этого получаем тревожный ответ с огневых позиций:

— Огневики не могут дать огня, они отбивают атаку танков и пехоты прямой наводкой.

Теперь в бою мы можем быть только пехотинцами. Если орудия не могут бить по врагу по нашим командам, то вся надежда только на винтовки, автоматы и пулеметы. Такое случалось не раз. Мы уже привыкли к этому.

Еще две атаки предприняли фашисты в этот день, но не добились никакого результата.

В боях на высоте у Гайтолово пехота уничтожила около двух десятков фашистских танков. Подступы к высоте и ее склоны были усеяны трупами вражеских солдат и офицеров.

*Е. П. ШИХАРДИНА,
бывш. мл. врач 56 гв. сп 19 гв. сд*

Без сна и отдыха

В 19-ю гвардейскую дивизию я пришла 14 сентября 1942 года после окончания Томского медицинского института. В это время дивизия вела тяжелые бои под Синявином.

Сражение было трудным и кровопролитным. Для меня, только что назначенной младшим врачом полка, это были первые дни на фронте. Наша санитарная рота размещалась в блиндажах на опушке леса, по которой немцы вели бешеный артиллерийский обстрел. Работать приходилось под разрывами снарядов. Раненых было очень много. Одни шли в санроту пешком, других круглые сутки подвозили на подводах. Мы трудились без сна и отдыха под бомбежками и обстрелами, отдавали все силы и делали все возможное, чтобы помочь раненым, облегчить их страдания. А какими молодыми они погибали!

Как раз перед боями дивизия получила пополнение из курсантов Алма-Атинского пехотного училища. Восемнадцати-двадцатилетние, они пошли в бой рядовыми, и многие остались навечно в синявинской земле. Они храбро сражались, горячо любили Отчизну и отдали за ее свободу самое дорогое — жизнь.

К концу третьих суток моего пребывания на передовой в роту с КП пришел старший врач и сказал, что дивизия окружена и с наступлением темноты мы будем выходить. Создалось трудное положение: эвакуировать раненых было невозможно и оставить их мы не имели морального права, нужно было выносить.

Помню, выводит нас командир 3-го батальона ст. л-т Косолапов, из командования полка никого не было. Ночью мы двигались по кюветам вдоль большака (насыпной дороги, которую немцы освещали ракетами). Все было видно, как днем, и немцы били по нам перекрестным пулеметным огнем, обстреливали из пушек и минометов.

Не знаю, сколько времени мы шли и какое преодолели расстояние, только когда казалось, что никаких сил больше не осталось, я вдруг услышала: — Все, вышли! — и тут же провалилась в болото.

Из полка нас вышло совсем мало. Кого убило, кого ранило, кто попал в плен. Тяжело и теперь вспоминать об этом. Мне повезло — я осталась жива. С полком, который несколько раз пополнялся, прошла путь от Ленинграда до Кенигсберга, затем по степям Монголии, через Большой Хинган до Порт-Артура, где прослужила до июня 1948 года.



И. Ф. АНДРЕЕВ,
1924 г. р.,
ст. сержант в отставке,
бывший командир орудия
1164-го ПАП РГК

*Я служил в артиллерии **

Родом я из Тверской области. В 1939 году закончил семилетку в Калининe, поступил в школу ФЗО **. В мае 41-го года всю нашу группу выпускников-штукатуров направили на «Уралмаш», в Березники. Тут и застала нас война. 6 августа мне исполнилось 17 лет. Связь с родными прервалась, и я стал проситься на фронт.

В ноябре военкомат принял мое заявление, и меня, как добровольца, зачислили в армию. В числе 40 новобранцев я был направлен в авиацию. В Молотове прошел медкомиссию, признавшую меня годным к летной службе, и 1-го января 42-го года я стал курсантом Троицкого авиационного училища в Челябинской области по специальности «механик по вооружению». Но стать летчиком мне так и не довелось.

Мы уже прошли половину программы, как вдруг поступило распоряжение направить две роты в артиллерию. Троицкие курсанты попали в 1164-й полк РГК, а ребята из Миасса, готовившиеся стать специалистами по эксплуатации самолетов, оказались в 1163-м полку. Я был направлен телефонистом в штабную батарею 1164-го ПАП ***.

В день формирования я получил письмо от отца (Калинин был уже освобожден). Отошел в сторонку, читаю. Неожиданно подошел политрук, заглянул в текст и забрал письмо. Я даже не успел его дочитать.

* Записано составителем.

** Фабрично-заводское обучение.

*** Пушечно-артиллерийский полк.

Мы прибыли в Медведёвку (станция около Златоуста, где на платформе уже стояли двенадцать 152-миллиметровых пушек — по одной на каждой платформе: ведь вес такого орудия — 8 тонн. 15 августа * эшелон № 31229 был сформирован и со станции Тунгуш Южно-Уральской ж/д отбыл в направлении Вологды. Между вагонами установили телефонную связь. Мы, связисты, ехали в первом, среднем и последнем вагонах.

Ранним утром 21 августа прибыли в Войбокало. На станции пусто — ни единого дома, кругом одни кусты. Вдруг кусты «заговорили» — это заревели из кустов трактора. Выгрузили пушки и своим ходом направились к р. Назии. Полк, по приказу начарта 8-й армии г.-м. Безрука должен был поддерживать наступление 286-й сд. НП был оборудован в лесу северо-восточнее д. Михалево, огневые позиции — в районе Каменка—Килози—Крутой Ручей.

В полку было два дивизиона по 6 стволов плюс штабная батарея. Одним из дивизионов, помнится, командовал капитан Зенкин. Штабная батарея состояла из нескольких взводов: связи, топографического, хозяйственного, артмастеров.

Комбат поучал: — Здесь фронт, о разгильдяйстве надо забыть. Не шуметь, по одному не ходить, свои обязанности выполнять неукоснительно. Задание выполнил — доложи в любой обстановке. Хоть лежа, но доложи!

Неожиданно выходит политрук и говорит: — Тут одному из Ваших бойцов пришло из дома письмо, я хочу его вам прочитать. «Сынок, — пишет отец, — ты ушел из дома учеником, а оказался на фронте. Прошу тебя: служи честно, будь достойным солдатом своей Родины».

Меня ребята потом спрашивали: — Кто у тебя отец? Я, чтобы не ударить лицом в грязь, отвечал: — Зав. МТФ. На них, видно, произвели впечатление эти три загадочные буквы. А я имел в виду лишь молочно-товарную ферму, куда мой отец, инвалид без одной ноги, отвозил на лошади собранное в деревнях молоко.

Нас разместили в лесу перед деревней Вороново, занятой немцами. Слева — озеро **, впереди — насыпь железной дороги без шпал и рельсов. Далее — перелесок и поле со старыми немецкими траншеями: немцев еще в 41-м оттеснили к Воронову.

Мы, трое связистов, тянули телефонный кабель от штаба полка, расположенного в 700 м с.-в. д. Михалево, на НП к передовой. Связь наладили, проверили слышимость — все в порядке. Тут идут

* Даты и наименования пунктов приведены согласно журналу боевых действий 1164 ПАП (ЦАМО, оп. 158399с. Д. 6). Примечание составителя.

** По-видимому, имеется в виду о. Михалевское. (Сост.)

от фронта два солдата, посланные, видно, с каким-то заданием. Увидели меня, удивились: — Ты сын полка?

— Да нет, — отвечаю, — я нормальный, мне уже восемнадцать.

Они покачали головами: — Что творится, что творится, — ребяташек уже берут...

Мы возвращались полем с НП, но не успели дойти до леса, как начался минометный обстрел. Мы бросились на землю. Я поставил две катушки с кабелем под углом, пристроил каску в виде козырька, кое-как спрятался. Метрах в восьми разорвалась осколочная мина, меня не задело.

Затем появились бомбардировщики Ю-88 — три звена по три самолета. Они сделали три захода — бомбили свои старые траншеи, где теперь был наш передний край и стоял подбитый танк, в котором укрывались танкисты. Мы с Хмельницким благополучно вернулись в штаб.

Под вечер снова раздался гул самолетов. — У-уу-у..., — пронеслось над нами: немцы летели бомбить Волховстрой.

27 августа, на рассвете, началась двухчасовая артподготовка, после чего пехота пошла в атаку. Безуспешные бои за Вороново продолжались трое суток. Артиллерия по возможности поддерживала пехоту, но снарядов не хватало. Наблюдатели, выделенные в пехоту, радиосвязи не имели, а телефонный кабель был весь израсходован.

1 сентября был убит начальник разведки 1-го дивизиона лейтенант А. А. Редченко. Это была первая жертва в полку. Я хорошо его помню по формированию в Медведёвке. Если он дежурил по полку, то к своим обязанностям относился исключительно ретиво. — Становись! — Стройся! — гремел его зычный голос. И вот его уже нет...

Ежедневно наши орудия вели огонь по немецким батареям. Как-то самолет-корректировщик засек 2-ю батарею 2-го дивизиона, которой командовал Ваня Бочаров. При обстреле погиб расчет: Чертов, Сидоренко, Мухамедкаримов, Федорин, Леонтьев, Заикин. Был повреждена 152-миллиметровая гаубица, разбита стереотруба. Комбата сняли — не замаскировал пушку. Закон на фронте был такой: пушку потеряешь — отправляешься в пехоту.

На место Бочарова поставили нашего комвзвода связи Сашу Крымко. Он взял меня с собой — наводчиком на огневую батарею. К этому времени наши обстрелы сократились: полк расходовал в сутки по 30–50 снарядов. Действовали снайперы. Помню Легостаева, снимавшего часовых у немецких землянок.

К октябрю боевые действия на синявинском направлении закончились. Немцы окапывались, строили дерево-земляные заборы.

11 октября комполка подполковник Узлянер и замполит майор Афанасьев были вызваны в штаб 8-й армии и вернулись с приказом о передислокации нас в д. Кисельня Волховского района. Начали снимать запасные телефонные линии, готовить трактора к походу. Не хватало горючего, особенно лигроина (вид солярки) и автола.

Перед походом одну из землянок переоборудовали под баню, устроили помывку и отправились по маршруту: Назия—Жихарево—Троицкое—Шум—Кисельня.

По прибытии на место получили 6 орудий и пополнение — 115 человек. Вологодские ребята 1924 г. р., сплошь рядовые. Сформировали III дивизион под командованием майора Петрова. Его так и называли: вологодский дивизион. Меня, как «обстреляного», назначили командиром 2-го орудия 2-й батареи. Расчет — 7 человек: заряжающий Горобченко, замковый Симаков, наводчик Воронков, снарядно-ящичный Трешков (вепс по национальности), комплектовщик Володя Гришин (коми), подносчики Валентин Терехин и Ширяев. Ребята все деревенские, к жизни приспособленные. Ведь до войны в деревнях ни машин, ни велосипедов не водилось. Симаков, к примеру, и паровоз-то впервые увидел, как на фронт ехал. Зато каждый мог и коня запрячь, и дерево свалить.

В декабре полк вошел в состав 7-й бригады при 2-й артдивизии РКК. Сосредоточились в д. Городище, отсюда — к огневым позициям в р-не Крутого Ручья. Велась разведка, маскировка боевых порядков. Мы нашли готовые землянки — правда, впереди орудий, и дожили до Нового, 1943-го года.

Началась подготовка к наступлению. Ежедневно доставлялись снаряды. Удивила картина: глухой лес, а между елками — паровоз в конце проложенной узкоколейки.

Накануне наступления нам зачитали приказ Военного совета Волховского фронта, на каждое орудие выдали 4 боекомплекта, каждый — по 60 снарядов.

12 января в 9.30 лес — настоящее берендеево царство — буквально взорвался от грохота десятков орудий. Наша первая цель — «Волк», по ней израсходовали 60 снарядов. После корректировки выпустили по роще Круглой за день 193 снаряда. Ствол так разогрелся, что краска кипела. Разыгралась настоящая артиллерийская дуэль. Один снаряд угодил и в наше расположение — разорвался у хозземлянки. Жертв, к счастью, не было.

После прорыва мы стояли на Старо-Ладожском канале в 6 км от Шлиссельбурга, прикрывая вновь проложенную ветку железной дороги.

В феврале меня ударило колом мерзлой земли в позвоночник. Был большой синяк, но я думал — рассосется, и к врачам не обращался.

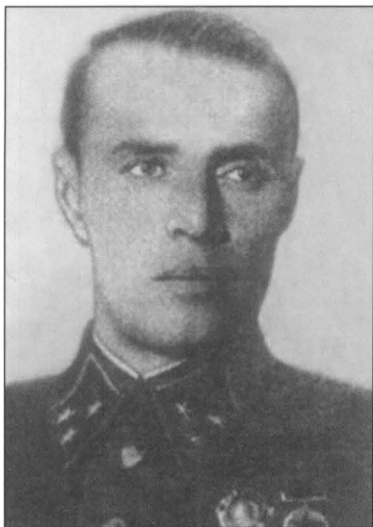
В апреле нас сняли со льда и поставили на жесткий грунт. Мы вели контрбатарейную войну, но стреляли и немцы. В июле один снаряд угодил в орудие. Сорвал колесо, двух ребят придавило под пушкой, Юдина ранило.

А у меня после того ушиба стала сохнуть нога. Отправили в медсанбат, потом в госпиталь. Полгода мотался по госпиталям: лечился в Сясьстрое, в Боровичах, — все безрезультатно. В апреле 1944 г. дали инвалидность и отправили домой. Мне еще не было 20 лет. На этом и закончилась моя фронтовая жизнь — можно сказать, повезло...



Орудийный расчет в бою

Командующие Ленинградским фронтом в 1941 г.



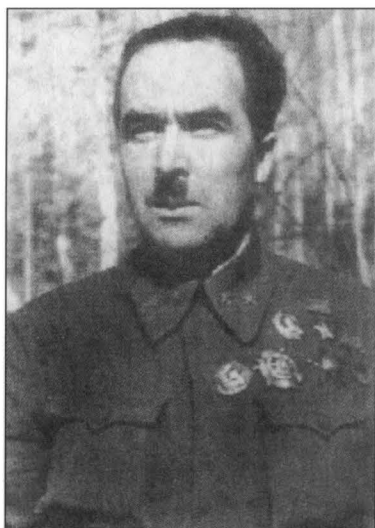
Генерал-лейтенант М. М. Попов



**Маршал Советского Союза
К. Е. Ворошилов**



**Генерал армии Г. К. Жуков
(13.09–6.10.41 г.)**



**Генерал-майор И. И. Федюнин-
ский (7.10–11.41 г.)**



Противотанковые надолбы под Ленинградом



Немецкая тяжелая артиллерия под Ленинградом



Саперы группы Ивана Урюпина готовят к взрыву вражеские «рогатки».
Фото Нордштейна. Ленфронт, 1941 г. ЦГАКФФД СПб



Бойцы стрелковой части подносят боеприпасы на передовую. Ленфронт,
1941 г. Фото из ЦГАФФД СПб



Стрелковое подразделение в бою.
Ленфронт, 1941 г.
Фото из ЦГАКФФД СПб



Отделение противотанковых ружей
ведет огонь по самолетам. Ленфронт,
1941 г. Фото из ЦГАКФФД СПб



Контратака



Командующий Ленинградским
фронтом Л. А. Говоров, 1942 г.



Командир 268 сд п-к С. И. Донсков



Бойцы-десантники идут к месту посадки на суда. Август 1942 г.
Фото из ЦГАКФФД СПб



Катер с бойцами ст. л-та А. Е. Кострубо направляется вверх по Неве к восточному берегу р. Тосны. 19.08.42 г. Фото из ЦГАКФФД СПб



**Высадка десанта в с. Ивановском 19 августа 1942 г.
Фото из ЦГАКФФД СПб**



Командир 952 сп 268 сд м-р
А. И. Ключанов



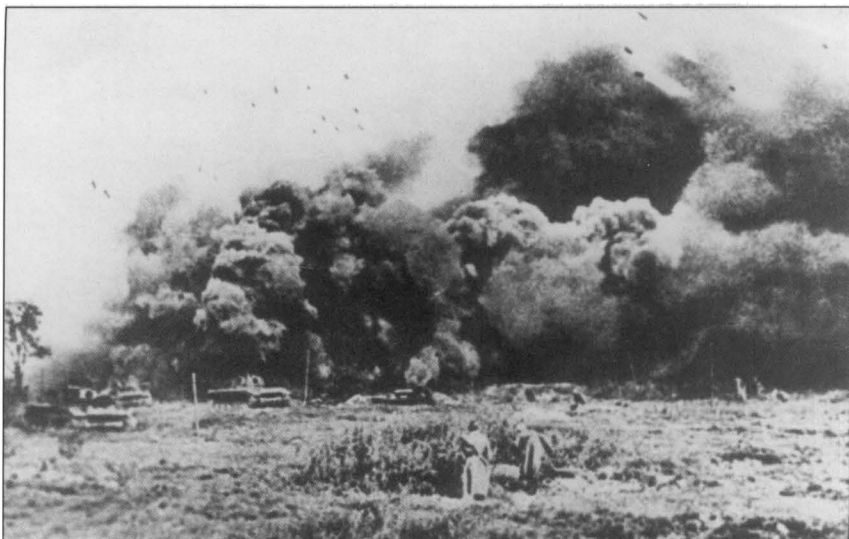
Герой-радист 268 сд Рувим Спринцон



Стрелковое подразделение в бою.
На переднем плане — санинструктор Зоя Измestьева. Август 1942 г.



В штабе Волховского фронта. Справа налево: командующий фронтом генерал армии К. А. Мерецков, корпусной комиссар А. И. Запорожец, начштаба г.-м. Г. Д. Стельмах



Огонь ведут гвардейские минометы



Командир 4 гв. ск г.-м.
Н. А. Гаген



Линия высоковольтных передач.
Здесь осуществлялся прорыв Красной
армии к Ленинграду. 1942 г.
Фото из немецкого источника



Путиловский тракт южнее Синявино. 1942 г. Фото из немецкого источника



Штаб и политотдел 3 гв. сд перед наступлением. Август 1942 г.



Гвардейцы-саперы М. Амриев и Н. Копылов проделывают проходы в проволочных заграждениях врага. 1942 г., Волховский фронт



Подрыв немецких проволочных заграждений. 1942 г. Фото из ЦГАКФФД



Подразделение мл. л-та Малышева выполняет боевое задание.
6 сентября 1942 г. Фото из ЦГАКФФД



Полевое орудие ведет огонь по врагу
прямой наводкой.
Волховский фронт 1942 г.



Связисты прокладывают
телефонную линию



Автоматчики л-та Музрова окружают противника. 1942 г.



Митинг перед наступлением. 374 сд, Волховский фронт. Сентябрь 1942 г.



Разведчики в дозоре. 1942 г., Волховский фронт. Фото из ЦГАКФФД



Снайпер Фараонов с группой. 1942 г., Волховский фронт.
Фото из ЦГАКФФД



Зенитно-пулеметный расчет под Сиявино. 1942 г. Фото из ЦГАКФФД



**265 сд. Слева направо: начштаба п/п-к А. А. Ковалев;
комдив п-к Б. Н. Ушинский; военком, полковой комиссар Е. М. Марченко**



**Учебный батальон 265 сд. 1 ряд слева направо: помкомбат Граховский,
комбат П. Т. Ершов, врач В. И. Бурдаева, комиссар Петров.
2 ряд: в центре — В. П. Деменко (из дивизиона), справа — повар Усманов**



Командир 2 сб 450 сп ст. л-т
М. В. Костюков
(пленен 27 сентября 1942 г.)



Военком 941 сп 265 сд
В. В. Ариничев
(погиб в сентябре 1942 г.).



Автоматчики на позиции. 1942 г., Волховский фронт.
Фото из ЦГАКФФД СПб



Выдвижение на рубеж атаки



Атака. 1942 г.



324 мсб: м/с Орлова-Василевская читает газету раненым



М/с 265 сд Терехина оказывает помощь раненому (август 1942 г., с. Назия)



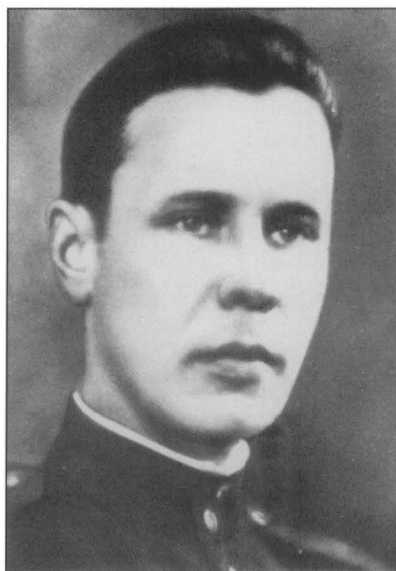
Медсестры 324 мсб готовят подарки раненым.
Слева направо: В. Рундарева, Е. Шумская, Л. Жупырина



Редакция газеты 265 сд. Справа — гл. редактор А. А. Розанович.
Сентябрь 1942 г.



**Командир 11 сд п-к И. В. Грибов
(погиб в 1942 г.)**



**Командир саперного батальона
11 сд А. С. Лобовиков**



80 сд. Перед разведкой боем



Вручение наград в 374 сп 128 сд



**Немецкие пехотинцы под Синявино. Осень 1942 г.
Фото из немецкого источника**



Здесь стояла д. Тортолово



Братская могила в д. Тортолово. В 1991–2003 гг. поисковым отрядом «Русь» похоронены: С. М. Яковенко, ком-р взвода 1257 сп 379 сд;
Л. В. Луковников, рядовой и 18 неизвестных солдат



Поисковики отряда «Мемориальная зона» на Путиловском тракте.
Май 1991 г. Слева направо: М. Сердюк, М. К. Кусайнов, Филенков,
С. Шостов, Ж. С. Хамзина, С. С. Нестеренко, А. Ш. Чиканов.
Фото В. Кригера



Открытие памятного знака в роще Круглой 27 мая 2000 г. Слева направо:
И. Г. Прокофьев, Б. В. Неринский, П. П. Дмитриев, В. А. Булгаков и др.



Наша заросшая траншея под д. Вороново. Фото Н. Н. Никулина.
1991 г.



Г. Л. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ,
боец 23 Осбр

23-я стрелковая бригада в Сиявинском сражении 42-го года

О своем пребывании в 23-й отдельной стрелковой курсантской бригаде, в составе которой я воевал на Сиявинском направлении в июле-сентябре 1942 года, рассказывать сложно. Судьба уготовила этой бригаде тяжкий боевой путь. Из боев под Мясным Бором она вышла с остатками Второй ударной армии из окружения сильно потрепанной, нуждавшейся в пополнении личного состава и отдыхе.

Я прибыл на фронт в конце июля 1942 года в качестве пополнения 23 отдельной курсантской бригады и при распределении попал во второй отдельный батальон. Люди друг друга почти не знали, познакомились на марше, в ходе боев. Переходы были тяжелейшие. Помню, шли в сторону Сиявино ночами, болотистыми лесами.

В первом же бою погиб командир моего отделения сержант Кравченко (звали его, кажется, Николай). В том бою от всего отделения осталось всего 5 человек, и я стал командиром отделения. Мне запомнился командир нашего взвода лейтенант Соловьев. Он был старше нас, молодых бойцов, не более чем на два года. Этот смелый, очень решительный в боевой обстановке сибиряк, а на привалах, такой простой и даже застенчивый человек, покорила нас своим добрым отношением к солдатам. Он всегда был у всех на виду, в бой шел первым, хорошо разбирался в боевой обстановке, зря не рисковал, давал грамотные советы солдатам как лучше выбрать позицию, замаскироваться, как вернее атаковать противника. Бои на Сиявинском направлении были очень упорными и тяжелыми. Свою отметину в этих боях получил и Соловьев. В одной из ночных атак разрывной пулей ему оторвало указательный палец

левой руки, а сам он остался жив благодаря тому, что пуля угодила в приклад его автомата.

В боях под Тортоловом наш батальон попал в крепкие тиски немцев. Враг пытался окружить нас и уничтожить. Часть батальона во главе с командиром батальона была окружена, а другая часть во главе с начальником штаба — майором (фамилию этого яркого человека я не запомнил) пыталась пробиться и освободить своих товарищей. В течение нескольких дней шли упорнейшие бои.

29 сентября 1942 года я был ранен дважды (в голову и ногу). На излечении находился в армейском госпитале в дер. Мыслино.

Из госпиталя меня направили на бронепоезд «Александр Суворов», так как наша 23 отдельная стрелковая бригада перестала существовать. Бронепоезд «Суворов» 5-го отдельного дивизиона бронепоездов базировался на станциях Новый быт и Пупышево, а действовал на участке Волховстрой—Мга. В составе экипажа этого бронепоезда я служил до конца войны и закончил ее в Восточной Пруссии под г. Алленштайном.



Б. И. МАЛЫШЕВ,
*ст. сержант отдельного
противотанкового дивизиона 33 сбр*

33-я бригада в боях за Ленинград *

Когда началась война, я проходил действительную службу в г. Спасске, в 116-м Новороссийском Краснознаменном стрелковом полку, где закончил школу младших командиров и получил звание ст. сержанта.

26 сентября 1941 года 116-й сп ввели в состав Ленинградского фронта, где мы вели бои за г. Свирь с финнами. 1 октября меня ранило, и я попал в госпиталь в Вологду. По излечении меня направили в 33-ю стрелковую бригаду.

33 отдельная стрелковая бригада формировалась недалеко от города Архангельска на реке Маймакса в районе 23-го лесозавода. Там же формировался отдельный истребительный противотанковый дивизион 45-мм противотанковых пушек.

Командиром 33 осбр был полковник Зарецкий. Очень умный, уравновешенный командир. Частенько ползал по передовой. Начальником штаба был майор Поляновский. ОИПТД командовал спокойный, рассудительный командир — майор Губенко. Каждое утро он обходил вверенный ему дивизион. Ординарцем у него был Беляев из нашей батареи, который впоследствии погиб в Калининской области на станции Киселевка.

Заместителем командира дивизиона был старший лейтенант Хаперский — стройный, с красивым лицом, большими выразительными карими глазами, вспыльчивый, твердый в своих убеждениях в важных вопросах.

Начальником штаба дивизиона был капитан Борисенко — человек медлительный, нерешительный, по прозвищу «долгодум». Бывало, нужно написать какой-нибудь приказ из четырех строчек. Он долго думает, палец к виску приложит, откинется спиной на стуле. Майор Губенко спросит:

— Приказ написал?

— Еще нет, думаю, — в ответ.

— Ну, ну, думай.

Заместителем начальника штаба был лейтенант Захаров.

Из командиров батарей помню только лейтенанта Большакова.

* Воспоминания Б. И. Малышева предоставил В. Сидоров.

Привезли нас на пароходе или пароме на 23 лесозавод, выгрузили. Поселили в деревянных бараках. Командования никакого нет. Так было около семи суток. Никакого питания, трескучий мороз. Солдаты и сержанты бродили по поселку, выпрашивая у населения пропитание. Был в поселке магазин, где продавали хлеб для местных жителей. Причем продавали без карточек, да ячменный кофе, вот мы его и лопали с утра до вечера. На третий день и мы пошли просить подавание. Я и еще со мною два сержанта ходили, ходили, никто ничего не дает, говорят, что могли другим отдали.

В Архангельске очень быстро надвигается темнота, и вот мы идем, светится огонек в домике и слышится песня «Синий платочек», кто-то играет на гитаре. Я говорю: «Может быть, здесь нам улыбнется удача — живут весело». Стучусь, вхожу. На кровати сидит старший лейтенант с гитарой в руке.

— Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться.

— Обращайтесь.

— Может быть, вы нас покормите? — я ему говорю.

— Выходи, сейчас я выйду, — ответил он.

Я вышел, а мороз чертовски крепкий, стучим своими ботинками по снегу. Вдруг опять слышим звон гитары и песню про платочек. Так продолжалось минут 30. Затем он вышел и повел нас в столовую, поговорил с раздатчиками и нам дали по полной миске перловой каши. Мы поели, выходим и запели с веселым настроением: «Синенький, скромный платочек...»

Так этот лейтенант кормил нас еще три дня. Это был начальник финотдела бригады Петров. Бывают же хорошие и чуткие люди!

Прибыл командир бригады полковник Зарецкий, и мы ходили походными колоннами в столовую за 5 километров от места жительства. Утром на завтрак, потом возвращаемся, перекурим и опять в поход на обед и также на ужин.

Материальной части не имели, только подбирали кадры при помощи опроса в строю об участии в боях, о гражданской и военной профессии. Так формировались взвода батареи. Затем начали прибывать младшие лейтенанты — командиры взводов.

Потом нашу 33 бригаду направили походной колонной в город Молотовск, где мы продолжили учебу. Изучали материальную часть и ее обслуживание в бою. Дивизион должен быть укомплектован механической тягой, автомобилей же дали только отделению боепитания и хозяйственному отделению. Поэтому для передвижения орудий поставили лошадей. Подготовка к боевым действиям кончилась в последних числах февраля. Бригада походным маршем была направлена на фронт через город Вологду на Ленинградский фронт, в корпус генерала Гагена.

Бои начались примерно 3—6 марта 1942 года. Бригада прорвала оборону немцев по железнодорожной насыпи *. Оборона была сильно укреплена опорными пунктами, траншеями, дзотами. Бригада преследовала отступающего противника примерно километров 10, после чего немецкие части остановили наше наступление. Немцы окопались на поляне в березовом лесу, с нашей стороны были только болотные кустики. Поляна выглядела подковообразно площадью километра в полтора. На этой поляне было подбито немцами больше 10 наших танков. Атаки проводились несколько раз и все безрезультатно.

Только большие потери с нашей стороны, трупы лежали на снегу друг на друге. Прокурор бригады назвал ее Поляной смерти, а позже, кто ее так называл, выходили от него беленькие и все в поту.

Кормили бойцов и командиров так: два сухаря и полкотелка болтушки из черной муки на сутки. Началось таянье снега. Болотистая местность. Подвезти снаряды и питание невозможно, сухари и боеприпасы тащили на себе в мешках.

В дивизион прислали человек 10 недоучившихся курсантов из Подмосковья, как они говорили, по приказу Сталина.

Один из этих курсантов находился ночью у 45-мм пушки. К нему подошел какой-то старшина с санитарной сумкой и спрашивает: «Как живешь?» — «Хреново...» Этот «санинструктор» начал беседу с курсантом о тяжелом положении наших солдат: «Голодные, холодные, терпящие поражение. Наверное, видишь, сколько убито наших бойцов?» — и предложил курсанту перейти к немцам. Курсант в это время разбирал автомат: «Вот соберу и пойдем». Он его уговаривал из плена пойти к какому-нибудь помещику: «Будешь работать, и жив останешься». «Санинструктор» дал сигнальный выстрел из ракетницы, потом два выстрела из парабеллума. Пошли.

Курсант опомнился только в нейтральной зоне: «Руки вверх, оружие на землю!» — задержал его и привел в расположение нашего дивизиона. Начальник СМЕРШа при дивизионе направил этого «санинструктора» с бойцами сопровождения в бригаду. Там у него нашли золотые часы с гравировкой — награда немецкого командования.

Узнав сигнал этого шпиона, майор Поляновский комплектует команду из ста автоматчиков и в одну из ночей производят установленный сигнал. Проскочив через передний край в лесной местности, они углубились на 7 километров в тыл и начали громить зенитные батареи и тылы противника. Противник отсту-

* Имеется ввиду ст. Погостье на ж/д Мга-Кириши (сост.).

пил. Бригада продвинулась еще на 7 километров и встала в оборону.

Распутица все наступала, кругом вода. Конский состав вели на веревках, кормить нечем. Автомшины не протацишь. В начале апреля бригаду направляют на Ленинградское шоссе, где она находилась в обороне.

Ранило майора Губенко. Заступил командовать старший лейтенант Хаперский.

Общее наступление бригады было направлено на город Любань. Бригаду в начале мая вывели на переформирование в район деревни Оломна.

24 сентября 1942 года наша бригада входит в состав Волховского фронта. Наступление идет в районе торфяников. Затем ее перебрасывают, как говорил Хаперский, «из огня в полымя»: в направлении Синявино—Мга. Вели бои в районе Черной речки. Болотистое место. Дорогу делали саперы из приготовленных щитов, чтобы доставить боеприпасы и питание. А утром этой дороги уже не существовало, так как авиация сметала все на свете. Здесь бригада продвинулась незначительно, а потери были огромны. Участки дорог простреливались артиллерией, минометами, а, главным образом, авиацией. Она летала большими эскадрильями. Был лес, а после бомбежки оставались пни. На другой день и пней не было.

Погибли командир капитан Хаперский и начальник штаба Борисенко. Все наши пушки были уничтожены. Привезли только две, которые находились в ремонте. Из бригады вернулось не более 300—400 человек. Выходили из окружения группами, которыми руководил полковник Зарецкий. Выйдя из окружения, бригада сосредоточилась в районе станции Валдай, где была погружена в железнодорожные вагоны и отправлена в город Торжок.

С. С. СЕЙТЕНОВ,
лейтенант в отставке, бывш. пулеметчик 33-й обсбр

Боевое крещение в составе 33-й отдельной стрелковой бригады *

14 июля 1942 года нас, курсантов Краснознаменного Тамбовского пулеметно-артиллерийского военного училища им. Ашенбреннера из г. Семипалатинска КазССР в количестве более 1700 человек подняли по тревоге. 27 августа привезли в Волховстрой, который лежал в развалинах от вражеских бомбежек. Там была сформирована 33-я отдельная стрелковая бригада в составе 2-й УА Волховского фронта — 3666 чел.**

К вечеру 31 августа бригада прошла через деревню Путилово на передний край. В пути колонна часто подвергалась сильному обстрелу. Снаряды рвались после ракетных сигналов, которые давались почти рядом с колонной. В ночь на 1 сентября мы проходили по жердевым настилам через болото в густом лесу, где колонна снова попала под сильный перекрестный огонь противника. Моя пулеметная рота шла последней в батальонном строю, и тут, в мгновение, я потерял рядом шедших товарищей. С правой стороны настила, в воронке, я остался один. На рассвете недалеко от меня по левую сторону настила были две машины, на них какие-то рельсообразные рамы. Над этими машинами в небе кружились самолеты с фашистскими знаками. Но они не бомбили и не стреляли. А также по самолетам никто не стрелял. Это удивило и сильно испугало меня. Вдруг, после каких-то встрясок, машины сгорели за несколько минут. Немецкие самолеты улетели. Страшная безжизненная тишина беспокоила мою душу.

К полудню собрались несколько незнакомых друг другу красноармейцев, также потерявших своих, мы не знали куда и в какую сторону идти. Находились мы в середине полусгоревшего, обстрелянного леса.

Впереди нашей колонны было открытое поле длиной 550–650 и шириной 250–300 метров. С трех сторон густые несгоревшие леса. Красноармейцы спрашивали друг друга: «Есть ли здесь наши?»

В этот трудный для нас, новичков, момент к нам по траншею подползли 5–6 командиров Красной армии со шпалами и кубиками в петлицах.

* Доклад на военно-исторической конференции в пос. Мга 1.10.1982 г.

** ЦАМО, ф. 344, оп. 5554, д. 339. (Сост.)

Один из них сказал, что наши там, за поляной в лесу, а по обе стороны поляны — немцы. Нам надо перебежать это поле. Была дана команда: «Подготовиться! Короткими перебежками по одному — за мной!»

Когда мы добежали до середины поляны, вдруг появились вражеские самолеты. Их было очень много. Прозвучало: «Ложись!» Бросились на землю ничком. Трава была высокая, зеленая, а земля мягкая, качалась, как пружинная. Сверху сыпались бомбы, они падали рядом с нами. К счастью, ни одна бомба не взорвалась на поверхности — все утонули в болоте.

Самолеты летали очень низко, ни на минуту не прекращая бомбить. Кто-то из командиров крикнул: «Обратно, бегом в траншею!» Когда собрались в траншее, все были неузнаваемо черными от болотной жижи.

До вечера сидели в траншее, к закату солнца в середине полусгоревшего леса разыскивали батальонную кухню. Последним подошел к повару я. Повар с удивлением спросил: «Какой нации?» — «Казах, из Казахстана», — ответил я. — «С утра, с тобой вместе, всего четырнадцать солдат получили у меня завтрак», — грустно сказал он. Тогда я понял, что нахожусь на настоящей войне, а не на тактических учениях в семипалатинских песках.

До наступления темноты сушили и чистили обмундирование. Вечером, плотно поужинав, взяли продукты и двинулись в путь. Ночью ту же поляну мы прошли совершенно спокойно: не было ни стрельбы, ни бомбежек.

Быстро нашли своих, но из училища осталось очень мало знакомых. Днем над лесом постоянно кружили немецкие самолеты. Они летали так низко, что умелому стрелку можно было их сбить. Велико было искушение, но: «...Не курить, громко не говорить, днем по траншее не ходить и ни в коем случае, при любых обстоятельствах не стрелять, особенно по самолетам!» — такая команда строго выполнялась всеми без исключения.

Один раз в сутки, по утрам, на роту приволакивали на веревочке неполный мешок пресованной пшенной каши. Кирпичик хлеба на 12, иногда на 24–30 солдат. Разговоры противника нам хорошо были слышны: «Рус, дели сухари!» Это была правда. Не хватало питания, боеприпасов, на 2–3-х солдат одна винтовка, в том числе СВТ. На роту пулеметчиков один станковый пулемет «максим», да и у того ленты старые, рваные, потому он без задержек не стрелял. В таких условиях, находясь от противника в 40–60 метрах, в обороне, в окопе, я был принят кандидатом в члены ВКП(б) и назначен замполитом роты. В окопах нам рассказали, что нас, курсантов, специальным поездом в сроч-

ном порядке привезли для пополнения 2-й ударной армии. Мы также узнали причину самосгорания машин (как позже стало известно, это оказались «катюши», которые, чтобы не дать возможности фашистам сфотографировать их с воздуха, были сожжены).

В полуокружении, в «мешке», с 1 по 26 сентября 1942 года по приказу командира роты днем я в обязательном порядке спал, а с вечера до утра ходил по траншеям, блиндажам, дзотам и контролировал состояние и действия солдат. Приказания командира выполнялись безупречно. В течение почти двух месяцев в обороне бойцы не пили кипятка, не говоря о горячем супе!

Противник находился в 40–60 метрах от наших позиций в густом лесу. Даже его разговоры были слышны: на многих языках Советского Союза немцы по радио агитировали солдат перейти на свою сторону. Не жалели фашисты всевозможные лживые листовки и пропуска. Не было дня, чтобы противник не атаковал нашу оборону. 24–25 сентября 1942 года атаки и стрельба усилились. Но неоднократные атаки были отбиты.

Днем я чувствовал себя здоровым, а по вечерам и ночам, особенно в последние 2–3 дня меня сильно трясло — малярия с высокой температурой и невыносимой головной болью. Только из-за малярии, как сказал комроты, меня в числе 22-х красноармейцев отправили на шестимесячные курсы мл. лейтенантов 2-й УА Волховского фронта.

Не могу забыть до сих пор того, что собственными глазами увидел в пути следования на курсы 26 сентября. Нас сопровождал пожилой старший сержант, он был двадцать вторым. Вышли с переднего края к вечеру. Над шоссе, идущем к деревне Путилово, появились многочисленные самолеты. Было еще светло. Самолеты начали беспорядочно бросать на дорогу бомбы. Перекрестным огнем путь был отрезан. Укрываться пришлось поодиночке. Спрятавшись возле шоссе на краю большой воронки, я наблюдал за однокопной, покрытой брезентом упряжкой, в которую была впряжена гнедая кобыла. Рядом с ней шел 6–8-месячный жеребенок, на тележке сидел красноармеец. В мгновение туловище кобылы с тележкой унесло в сторону, а голова и шея с дугой остались на середине шоссе. Пронзительно засвистели снаряды и пули. Раненый, весь в крови, жеребенок заметался и заржал. Как только кончился свист снарядов и пуль, жеребенок подбегает к мертвой голове кобылы, нюхает, на глазах его блестят слезы. Это продолжалось до тех пор, пока он сам не упал рядом с головой матери.

Такое мучительное, жестокое зрелище потрясло меня. Я был мужественным, крепким, но тут не выдержал — прослезился. Эта

картина, как отражение страшного лика войны, навсегда врезалась в мою память.

К вечеру 27 сентября из двадцати двух красноармейцев на курсы явилось шестеро. Судьбы остальных мне до сих пор не известны.

Жизнь на курсах также была нелегкая. Не было ночи без боевой тревоги, так как курсы располагались в прифронтовой полосе, в 17 км от переднего края, в деревне Кроватино.

В числе добровольцев, желающих досрочно сдать экзамены по уплотненной программе, я закончил курсы за 107 дней, против установленных 180.

Булат ОКУДЖАВА

*Первый день на передовой **

Волнения не выдавая,
оглядываюсь, не расспрашивая.
Так вот она — передовая!
В ней ничего нет страшного.

Трава не выжжена, лесок не хмур,
и до поры
объявляется перекур.
Звенят комары.

Звенят, звенят:
возле меня.
Летят, летят —
крови моей хотят.

Отбиваюсь в изнеможении
и вдруг попадаю в сон:
дым сражения, окружение,
гибнет, гибнет мой батальон.

* Б. Окуджава. Избранное. Стихотворения. «Московский Рабочий», 1989.

А пули звенят
возле меня.
Летят, летят —
крови моей хотят.

Кричу, обессилив,
через хрипоту:
«Пропадаю!»
И к ногам осины,
весь в поту,
припадаю.

Жить хочется!
Жить хочется!
Когда же это кончится?..

Мне немного лет...
гибнуть толку нет...
я ночных дозоров не выстоял...
я еще ни разу не выстрелил...

И в сопревшую листву зарываюсь
и просыпаюсь...

Я, к стволу осины прислонившись, сижу,
я в глаза товарищам гляжу-гляжу:
а что, если кто-нибудь в том сне побывал?
А что, если видели, как я воевал?

32-я бригада перестала существовать *

Я родился 3 сентября 1923 г. в селе Лобаново Ефремовского района Тульской области. в рабочей семье, мой отец всю жизнь проработал железнодорожником. Был путевым обходчиком, потом дежурным по станции, затем дослужился до начальника станции. В 1940-м году мы переехали в г. Алексин, где отец стал работать начальником транспортного отдела комбината: в городе располагалось военное предприятие под наименованием комбинат «100».

В Алексинской средней школе я окончил 8 классов.

В школе преподавали военное дело. Помню, ходили мы и в противогазах, и зимой на лыжах, в 7-м классе постоянно проводились различные полувойенные игры. У меня был значок ПВХО, ГТО. Мы много бегали, прыгали, стреляли из винтовок.

Тогда к военным отношение было уважительное. К примеру, мой брат Павел 1915 г. рождения, участвовал в финской кампании зимой 1939—1940 гг. После демобилизации он ходил в буденовке, гимнастерке с петлицами. Когда мы заходили в магазин, а у брата была медаль на груди, продавец сразу спрашивал, несмотря на очередь:

— Товарищ, что Вам надо?

Смотрели фильмы о войне: «Чапаева», про Гражданскую войну, особенно запомнился фильм о Щорсе. Также показывали «Мы из Кронштадта», «Ленин в октябре». Пионеры пели песню «Если завтра война». Настроение у всех было боевое.

Еще до поселения в Алексине, у нас была общая кухня, тогда квартиры всегда давались с подселением. Наша семья имела две комнаты, а товарищ отца со своей семьей жил в одной комнате. В августе 1939 г. был заключен пакт с Германией о ненападении. В один из вечеров отец сидел с соседом на кухне. Помню, как сейчас, в газете «Правда» был напечатан фотоснимок: перрон Берлинского вокзала, пассажирский поезд, а перед ним стоят Молотов и Риббентроп. У последнего рука была спрятана за френч, отец и говорит соседу:

* Из интервью Ю. Трифонова, опубликованного в интернете. Лит. обработка составителя.

— Смотри, Риббентроп спрятал руку в потайной карман, а в руке камень, он ждет, как только Молотов отвернется, тот его камнем по затылку!

В 1940-м, я поступил в ФЗО № 3 при комбинате «100». Мы часто отправлялись в походы, один раз даже на пароходе ходили, высаживались на берег и проводили занятия. В полях были специально вырыты круглые окопы, а в них стояли счетверенные зенитные пулеметы, из которых нас учили стрелять, все это было замаскировано землей. После занятий мы приходили в колхоз, нас кормили, поили молоком, и мы топали назад в училище. В начале 1941 г. я окончил ФЗО на «отлично», стал электриком 4-го разряда и отправился работать на комбинат. Там нам выдали противогазы, чувствовалось что-то тревожное в воздухе, ощущалось, что время беспокойное.

Кстати, попасть на комбинат могли немногие, отбор был жесткий, и если меня после ФЗО оставили на предприятии, то остальных отправили по разным городам, на самые различные заводы.

Как электрики, мы занимались монтажом аварийного освещения в цехах комбината: рядом с основным устанавливали аварийные лампочки синего света. В машинном отделении стоял основной генератор на 20 000 кВт, а мы поставили дополнительный на 10 000 кВт. Причем все размещалось рядом и так делалось повсеместно, не только для основных помещений, но и для освещения термометров, определяющих уровень турбинного масла. К основному плафону прикрепляли плафончик с синей лампочкой. В случае тревоги по всему комбинату белый свет отключался и включался синий.

Я одним из первых узнал о начале войны: я был радиолобителем, сам сделал детекторный приемник, поставил лампу-210 и слушал. Надо сказать, что у нас в городе к началу войны отбирали радиоприемники, но мой, как самоделку, не забрали. Тогда была мощная станция «Коминтерн», вот я ее и слушал. Последние известия передавали в 6 часов утра и в 12 дня. 22 июня 1941 г. я как раз слушал радио, вдруг объявляют о том, что немцы напали на Советский Союз. Все сразу же побежали в комбинат, где и подтвердилось, что действительно началась война. Вскоре над предприятием стали летать наши истребители, так как это был важный военный объект.

Комбинат был разделен на несколько территорий. Я работал на ТЭЦ, а это узел, от которого кабельные системы-туннели расходились по всему заводу. Туннели имелись во всех цехах. На комбинате была очень жесткая система пропусков еще с довоенного времени. Заходишь в заводскую проходную, называешь номер, мой был

355, а потом фамилию. Причем стояла не гражданская охрана, а вооруженные люди в форме войск НКВД. Получив пропуск, я развертываю плащ, расстегиваю пиджак, руки показываю, меня обыскивают. На комбинат запрещалось проносить металлические вещи ножи, расчески и еще табак строго запрещали, а в случае чего сразу же судили. Войдя на завод, иду к своему объекту, там тоже проходная, снова называю свой номер и фамилию. В пропуске были спец. символы, обозначающие, куда мне есть доступ, а куда нет. У меня в пропуске была звездочка, которая давала мне доступ во все цеха комбината. Допустим, в котельном отделении при входе в центральный зал стоял часовой, рядом с ним зашторенные образцы пропусков, рабочие их не видели, а военный знал, с каким символом сюда проходят, а с каким нет. Теперь, к примеру, нужно в машинный зал, то же самое, на химическую очистку, на углеподачу — везде одинаково. Если рабочий работает на углеподаче, а ему нужно в машинный зал к товарищу, рабочего туда не пустят, караульный нажимает кнопку, вызывает начальника поста, и говорит:

— Вот товарищ шел в машинный зал, а сам работает на углеподаче.

Начинается допрос:

— Зачем? Куда шел?

Вольное движение и болтание по комбинату было исключено.

С началом войны мне исполнилось 18 лет. Нас сразу перевели на 12-ти часовой рабочий день.

Через некоторое время по ночам стали появляться немецкие самолеты, которые бомбили завод. Однажды в обеденный перерыв мы пошли в столовую на ТЭЦ, и тут налетели самолеты, и начали бомбить, рабочие разбежались кто куда. Упали две бомбы, одна возле столовой, вторая попала в кабельный тоннель, но обе не взорвались. Саперы потом эти бомбы вытаскивали краном. Бомба, которая попала в кабельный тоннель, идущий на углеподачу, повредила кабель. В составе аварийной группой мы бросились на ремонт, здесь я увидел, что кабель разорвало, мы целые куски выкидывали, остальные части разделявали, ставили специальные муфты, причем все делали очень быстро, в конце заливали соединения нагретой мастикой.

Немцы летали на низких высотах, вокруг завода были поставлены зенитки, открывавшие огонь при первой же угрозе. У нас имелись цехи в комбинате, где делали снаряды, так что считай, противоздушные орудия стреляли своими снарядами.

Во время боя нас на улицу не выдворить было, летали осколки, жужжали, как пчелы, могли легко попасть в нас, было страшно.

Бывали такие случаи, когда немецкая бомба как плашмя летела, так и входила в землю, видимо, из-за низкой высоты сброса с самолета, стабилизатор отлетал, бомба юзом пролетала по земле и не взрывалась. У нас на комбинате была очень грамотная техника безопасности, при этом не допускалось никаких нарушений. Так что я с малых лет привык к дисциплине, мне было легко работать, свое дело знал хорошо.

Осенью 1941 года немцы подошли к Москве, сражения закипели под Тулой, мы оказались поблизости от фронта. Немцы форсировали Оку и подступили к Алексину, который взяли в конце ноября. Так получилось, что с войной мне довелось столкнуться еще на гражданке, и немцы, и наши стреляли друг в друга через наш дом, но оккупация продолжалась недолго. В декабре немцев ударили под Москвой и отогнали. Когда враги подошли к городу, был отдан приказ эвакуировать «100», мы сразу начали демонтировать станки и оборудование, чтобы немцы не могли воспользоваться комбинатом. Меньший аварийный генератор погрузили на платформу и вывезли в тыл, а главный разобрали с таким расчетом, чтобы он не смог работать. Все возможное оборудование отправили в Кемерово, мы должны были следом эвакуироваться, но не успели.

После освобождения города мы снова начали заниматься станками и генераторами, правда, теперь уже монтировать. К счастью, эшелон с малым генератором не успел доехать до места назначения, как его вернули назад, так что комбинат стали восстанавливать практически сразу. Работали быстро, мы, электрики, ставили аккумуляторные батареи, все паяли, и «100» заработал.

В конце апреля 1942 г. я уже работал в обычном режиме, и тут пришла повестка в военкомат. Подхожу к начальнику цеха, показываю ему бумагу, он говорит:

— Иди, работай.

Потом пришла новая повестка, и меня все-таки забрали. В доме уже никто не жил: отца и брата на фронт отправили, а мать рыла окопы под Тулой. Когда я пошел в армию, меня провожала соседка.

Сначала отправили в Тулу, а потом перевели в город Череповец, где в то время размещалось Липецкое пехотное училище, зачислили курсантом. В училище готовили общевоинских командиров широкого профиля. Проучившись 4 месяца с мая по сентябрь, мы были готовы к аттестации и присвоению звания.

Сперва нам выдали форму: ботинки с обмотками, галифе, гимнастерку, пилотку. Правда, с обмотками было трудно вначале: долго привыкали, а потом уже действовали как по шаблону, к примеру, старшина командует:

— Подъем, выходи строиться!

Ты обмотки под руку хватаешь и бежишь на улицу в строй, а там уже на месте наматываешь.

Командиром взвода у нас был старший лейтенант, он в финской войне и в польской кампании участвовал, фамилию, к сожалению, я не запомнил. Взводный нам тактику преподавал профессионально, может, благодаря ему я и остался жив. У нас и марш-броски были, и речки мы форсировали, и с условным противником бились... Взводный наблюдает за нами, а потом кричит:

— Иванов, ты убит.

А после разбирали, почему убит, и где допущена ошибка. Потом командир выстраивал нас, после чего назначал одного из курсантов старшим, мне тоже довелось побывать в этой должности:

— Спиридонов, выйти из строя. — Выхожу.

— Командуйте взводом, вот вам задача и карта.

— Взвод, слушай мою команду! — и выполняю его установку.

У меня была самозарядная винтовка Токарева СВТ-40 с 10 патронами в магазине. Она была хороша тем, что в строю ее не надо держать на весу, как мосинскую. Магазин большой, на плече лежит, штык кинжальный, удобный. Но при этом надо сказать, что многие самозарядки не брали: ведь СВТ надо чистить, старательно ухаживать, с обычной винтовкой проще. А в самозарядке крупинцы пороха оседают, и если не будешь делать уборку, то поршневая не заработает, не будет отдачи на затвор и винтовка стрелять не станет. Но мне она очень нравилась. Стреляли из станковых пулеметов-«максимов». Кроме того нас учили борьбе с танками. Для этого рыли круглые окопы, каждому давали гранаты, естественно, деревянные. Танки идут, мы садимся на дно окопа, с танка нас не видно. Землю подальше от позиций относили, траву не повреждали.

И вот танк идет на тебя, а ты в окопе лежишь, страшно было, но нас учили не бояться. Говорили: танк не задавит, он только проедет над тобой, горячим газом обдаст, и все. А в это время ты встаешь и гранату вслед кидаешь. Командир взвода смотрит, поражен танк или нет. После урока объявляет кому нарекание, а кому и выговор. Еще взводный, прошедший финскую войну, интересно учил, как правильно бежать во время атаки на позиции противника.

— Сближение производить перебежками, но не более 3–4 метров за один раз. Пробежал, упал, и в сторону должен отползти, с этого места вставать нельзя. Если встаешь с этого же места, то противник нажмет на курок и ты готов.

Учили нас и ближнему бою. Стояли специальные макеты, которые ты колот штыком по команде: «Длинным коли!» Но и тут взводный вносил дополнения, он мог отдать команду:

— Противник бежит.

Тогда ты разворачиваешься и «противника» бьешь прикладом.

Командир взвода знал и видел каждого, поэтому много спрашивал по матчасти: из чего состоит винтовка, пулемет, противотанковое ружье Симонова. И самый главный экзамен был таков: идет наша часть, неожиданно взводный дает команду:

— Идти колонной.

И я, как командир, обязан свой взвод перестроить и вести колонной, выставить боевое охранение вперед, вправо и влево, следить, чтобы тебя противник не увидел, для этого надо точно помнить, как и какие сигналы подавать.

Под конец учебы прибыла комиссия из военного округа, чтобы аттестовать нас, присвоить звание и направить в действующую армию. Должны были на следующий день выпускать, но получилось совсем не так, как планировали.

Той ночью я как раз стоял часовым, на втором этаже прибывшая комиссия расположилась. Они мне дали часы, чтоб их разбудить в определенное время. И вот ночью часов в 12, стук в дверь, я сразу назад подался и спрашиваю:

— Кто?

— Разводящий.

А своих-то по голосам всех знаешь.

— Разводящий ко мне, остальные на месте.

Открыл дверь, сам отошел немного назад, чтобы расстояние было не менее трех метров, ведь надо убедиться, что это именно разводящий. Все нормально, смена караула произошла, я отдал часы ему, т. е. пост сдал.

И в это время училище подняли по тревоге. Нас погрузили в эшелоны и направили на Ленинградский фронт, под Синявино. Никому никаких званий присвоить не успели, так мы и уехали курсантами. Тогда, в 1942 году, было взято много курсантов из училищ и брошено под Ленинград и Сталинград. Ехали мы через Волхов. Прибыли, высадились на станции, которая оказалась простой землянкой. Построились повзводно и пошли по направлению к фронту. Шли всю ночь. Вскоре стали слышны разрывы снарядов. Первое время мы шутили, смеялись, потом смех прекратился, стали попадаться брошенные подводы, мертвые лошади. В общем, пока шли, увидели результаты трех бомбежек. Страшно. Вступили в лес уже утром, часов в шесть. Еще холодно, погода сырая. Нас построили, подошли какие-то военные, это были «покупатели», которые начали разбирать нас по подразделениям. Ко мне подошел один и поинтересовался:

— Связист?

А мы в училище кратко изучали эту специальность.

— Да.

И вот меня и еще одного товарища он забрал. Оружие нам так и не выдали. Идем, а уже слышна стрельба, мины рвутся, снаряды, меня толкают в окоп, где сидит какой-то командир и говорит мне:

— Вот линия, ваш позывной такой-то, мы находимся на огневой позиции. Видите березы — это наш наблюдательный пункт, связь между нами должна быть постоянная.

Так началась моя служба в качестве связиста 1-й батареи 2-го артдивизиона 32-й отдельной стрелковой бригады. Постигали специальность под вражеским огнем. Днем нас перевели в лес, который вскоре начали бомбить немецкие самолеты. Сразу вспомнилось, как в училище командир взвода нам говорил:

— При налетах вражеской авиации внимательно смотрите за самолетами, если самолет летит на вас, то надо убегать в сторону.

Помогало. Как-то в первые дни на фронте мы копали окопы для штаба дивизиона, который должен был переехать на новую позицию. Вдруг я увидел, как самолет через деревья летит. Начался налет, все бросились в недокопанную яму для землянки. Я же выскочил, и вправо побежал, потому что самолет прямо на яму летел. Только я добежал до своего окопа, рядом сосна упала, визг, скрежет, упал перед сосной. Тут передо мной другая бомба сосну сбила, меня оглушило, это и было мое первое крещение, контузия. Я же тогда не понимал, что самолет не один будет, немцы в лесах активно использовали ковровое бомбометание, по три самолета летели в ряд и одновременно бросали бомбы.

Ну, а потом пошли фронтовые будни, я постоянно занимался тем, что связь восстанавливал, все время бегал на линии. В это время мы прорвали позиции противника, и вошли на 17–18 км в глубину немецкой обороны, точно не скажу. Но наша часть продвинулась примерно на такое расстояние и не дошла до Ленинградского фронта всего 4 км. Так нам, по крайней мере, говорили. Кстати, без бахвальства скажу, что связь у нас работала неплохо. Немецкие подразделения настолько перемешались с нашими частями, что комбат мне как связисту приказал давать прицел не выше 80, я даже себе на линейке веревочку привязал. Иначе мы могли попасть по своим.

Вскоре по каким-то причинам наступление приостановилось.

Обороняться было необычайно трудно, рыли окопы в болотных местах. В любой, даже небольшой ямке, стояла вода в полметра, а иногда просто сидели в болоте, вокруг страшная сырость. С одной стороны вроде и хорошо: снаряды падают в болото, плюх, и только грязи целая куча, осколки не задевали, а если бы была земля,

то потерь было бы намного больше. Но условия были ужасные, пусть и не от снарядов, но войска таяли. Затем нас вывели из боя на переформирование, 32-я отдельная стрелковая бригада перестала существовать.

Выходили сами как могли, правда, я успел раньше уйти. Во время исправления линии меня ранило в голову, рядом разорвалась мина и я упал, все лицо залило кровью, но я все равно исправил линию, впопыхах не чувствовал боли, болеть стало намного позже. Пилоткой вытер кровь с лица, удостоверился, что все починил, еще раз связь проверил и побежал. А товарищ потом по телефону позвонил, сказал о том, что меня ранило. Комбат срочно скоординировал в батарее, а там был фельдшер и санинструктор, они перевязали мне голову.

Дальше мы, раненные, стали выходить через Черную речку. Немцы нас начали с флангов простреливать трассирующими пулями, мы упали в воронку и батальонный комиссар, который шел с нами, сказал:

— Как только огонь перенесут, сразу все из воронки выбегайте.

Мы так и сделали, проползли метров 100, встали, и все вроде было нормально, но у меня ноги подкосились, и я упал, почувствовал головокружение и сильную боль в голове, ранение давало о себе знать.

В госпиталь я так и не попал, остался у себя в части. К раненым пришел наш комиссар с одной шпалой в петлице, и спрашивает врача обо мне:

— Ну, как он?

— Мы его в ближний тыл отправим, пусть картошку почистит в хоззведе, недели через две-три все заживет.

Командиры не были заинтересованы отпускать нас. Мы же уже обстрелянные, специалисты, можно сказать, а если отправить в санбат, оттуда неизвестно куда направят, и мы тоже дорожили своими частями.

Пока я находился на излечении, прибыл приказ всем курсантам, которые остались в живых, вернуться в Череповец для аттестации. Со мной товарищ был, курсант Мякшенев. Когда я был ранен в голову, его ранили в ногу. Мы вместе с ним везде ходили. Он мне говорит:

— Давай останемся в этой части, не поедем в Череповец на аттестацию.

Наш командир батареи переговорил с комиссаром, тот возразил:

— Так приказ же поступил.

— Ну хорошо, отправим, а дальше как? Будем кого-то брать со стороны?

Так мы и остались при батарее. Когда формировалась 319-я стрелковая дивизия, куда влились остатки нашей бригады, мне присвоили звание сержанта и определили на должность командира отделения. Людей дали, чтобы я их обучал. Учил, как беречь связь, как обращаться и ухаживать за ней, как продлить живучесть линии. Ведь если связи нет, то и ничего нет, пехота будет гибнуть, а мы, артиллеристы, без связи и стрелять не сможем, поддерживать атаку будем не в состоянии. Командиром батареи был капитан Самсонов, командиром огневого взвода старший лейтенант Максимов, но я больше всего работал совместно со старшим на батарее старшим лейтенантом Манукяном. Из связистов помню Иванова, прибывшего из Казахстана, другие фамилии позабывал. В части дружил я с Подругиным, служившим в дивизионной разведке. Отчаянный парень, был награжден 2 орденами Славы, даже ночью как-то умудрялся засекать огневые точки противника.



Ф. И. СИРЕНКОВ,
писатель, бывш. минометчик 33-й осбр

В сентябрьских боях 1942 года*

Весной 1942 года меня призвали в Красную армию и направили в Семипалатинск, где в то время дислоцировалось Тамбовское пехотное училище имени Ашенбреннера. Меня зачислили курсантом минометного батальона. Учеба шла успешно в лагере на реке Иртыш в 18 километрах ниже Семипалатинска.

Неожиданно 18 августа 1942 года наша учеба оборвалась, и мы походным порядком вернулись в Семипалатинск. Нас помыли в бане и выдали новое обмундирование. После обеда курсантов построили побатальонно и парадным маршем под музыку привели на железнодорожную станцию, где разместили в вагонах двух эшелонов. Эшелонам была дана «зеленая улица» на запад.

Ранним утром 28 августа мы прибыли на станцию Волховстрой. После завтрака сухим пайком, осточертевшим за дорогу, нас помыли в бане, прожарили наше обмундирование в «вошебойке». Затем мы вернулись в теплушки и поехали дальше. На полустанке Новый Быт наш эшелон выгрузился. Погода способствовала нашей маскировке, и мы построились на большой поляне в лесу вблизи железнодорожного полустанка.

К нашему строю стали подходить сержанты и вызывать курсантов пофамильно. Названные выходили из строя, и их уводили в глубину леса.

К нашему взводу подошел молодой круглолицый сержант и вызвал меня и Воронцова, с которым мы вместе призывались в Лениногорске и учились в одном взводе.

Мы шагали за сержантом к мокрому черничнику. Я спросил сержанта:

— Куда ты нас ведешь?

— В свой расчет. Но пока пойдем к ротному писарю — получите красноармейские книжки.

С этими словами он подвел нас к писарю, который, сидя на пне, быстро заполнял документы. Пока мы ждали своей очереди, я продолжал интересоваться:

— Как твоя фамилия?

— Нечаев. Сержант Нечаев, командир минометного расчета.

* Доклад на военно-исторической конференции в пос. Мга 1.10.1982 г.

Мы с Воронцовым повеселели: слава богу, не в пехоту. Наше училище пополнило 33-ю отдельную стрелковую бригаду, воевавшую на Волховском фронте. Командир бригады — полковник Залесский. Бригада формировалась в Архангельске, и ее первый личный состав был из Архангельской и Вологодской областей. Курсанты пополняли батальоны бригады по специальностям: минометчики — минбатальон, стрелки — стрелковые батальоны, связисты — роту связи.

Как оказалось, наше училище было не единственным. Несколько других военных училищ, прервав учебу, пополнили дивизии, готовящиеся к прорыву блокады Ленинграда. Еще с гражданской войны курсантов бросали на самые трудные участки фронта.

Нечаев привел нас к огромной ели, под которой стоял 82-миллиметровый миномет, называемый батальонным. Нас встретили три пожилых красноармейца. Им было лет за сорок. Обязанность «стариков» — подносить мины и снаряжать их дополнительными зарядами. Наводчиком Нечаев назначил Воронцова, а меня заряжающим.

Вскоре Нечаев повел нас к кухне на обед. Шли мы с Воронцовым с величайшей резвостью. И не только потому, что всегда хотелось есть, а что за десять дней пути ни разу не пробовали горячей пищи. Сухари, рыбные консервы, иногда чай, если задерживались на какой-либо станции и успевали набрать в котелок кипятку.

Едва стемнело, батальоны построились и, соблюдая установленный комбригом порядок движения, вышли из леса.

Наш минометный батальон сначала шел по железной дороге, потом свернул влево, на заболоченный луг, заросший редким кустарником. Ботинки с обмотками сразу же промокли. Мы долго шли по этому лугу, шли молча, соблюдая маскировку, но сотни ног так чавкали в болоте, что этот неприятный звук, наверно, был слышен в Ленинграде. В крошечной темноте ночи маяком служили мачты высоковольтной передачи Волховстрой—Ленинград.

Впереди налегке шагал Нечаев, за ним, блудя строевую выправку, Воронцов со стволом миномета на плече, затем я с двуногой на спине. Она гнула меня к земле, и я шагал враскорячку. Эта часть миномета, хотя и не самая тяжелая, но очень неудобная для переноски, хуже самой тяжелой детали — плиты. Воронцов в роте был примерным курсантом. Его выправка, прекрасный строевой шаг, работа в штыковом бою, все это восхищало командира роты, который называл меня «никудышным курсантом» и советовал учиться у курсанта Воронцова. Видимо, поэтому Воронцова и назначили наводчиком, а меня только заряжающим: такое место в строю и должен занимать недотепа вроде меня.

Уже за полночь вышли на шоссе. Объявили привал. Я растянулся на мокрой обочине дороги. Прежде я никогда не испытывал такого наслаждения в самой мягкой постели, как теперь на грязной дороге, ощущая приятную прохладу земли истерзанным двуногой телом.

Воронцов с Нечаевым быстро «снюхались» и куда-то ушли в темноту. Я удивился такой способности Воронцова — девятнадцати лет, а уже дипломат. У меня так никогда не получалось, я сходил с людьми трудно, зато навсегда. Послышался запах табачного дыма, а с земли, на фоне неба хорошо просматривалось зеленое облако. И ни одного красного глазка горящей папиросы. Слышался сдержанный говор солдат.

После короткого привала пошли дальше. Прошли деревню Путилово, около которой еще в петровские времена добывали известняк — бут для фундаментов зданий Петербурга.

Прошло еще какое-то время, ужасно хотелось спать, но далеко на западе слышался приглушенный рокот, похожий на гром. Причина его была не ясна, а потому волновала душу, будя тревогу. Но вот над дальним лесом появилась пульсирующая заря. Это среди ночи? Так было в первое мгновение, потом я догадался, что на самом деле означают рокот и необычная заря.

С восходом солнца пришли в Апраксин Двор. Здесь был сосновый бор, сухой и теплый. Я хотел было расположиться в брошенном блиндаже и выспаться, но Нечаев не разрешил:

— Сначала завтрак, а потом уж будем припухать.

Меня мучил кашель, в вагоне я простудился. Нечаев заботливо спросил: «Может, сходишь в санроту? Во-он под той сосной сидит фельдшер».

Я тут же отправился к медику. Тот, выслушав меня, неодобрительно поморщился:

— Тут война, а не госпиталь. Если возить каждому лекарства, то и вагонов не хватит. Нечем будет подвозить снаряды и патроны.

Он встал, коренастый блондин лет тридцати пяти, и, давая понять, что разговор окончен, зашагал к кухне. Это было 29 августа 1942 года. Второй день наши войска штурмовали позиции немцев и не безуспешно.

В Апраксином Дворе мы переночевали, пообедали и, прикрываясь кустами и лесом, отправились на юго-запад. Едва отошли на несколько метров, как Нечаев приказал взять ствол у Воронцова, тот очень боялся ответственности. Я было стал отказываться, но Воронцов так жалостно просил, что я пожалел этого мальчишку и принял ствол. Теперь за Нечаевым шагал я. Нечаев время от времени сменял меня и сам нес ствол.

Дорога шла бором, а потом мы оказались на лугу и пошли берегом неширокой речки с мутнокоричневой водой. Нечаев пояснил:

— Это Черная речка, но не та, на которой стрелялся Пушкин на дуэли.

Берега речки бурно заросли ольхой, их корни полоскались в воде. Это была такая речка, которую можно было перейти вброд в любом месте. Мы шагали вдоль нее недолго, потом свернули на запад и вышли на небольшую высотку на болоте. Она была похожа на буханку хлеба на столе, вокруг — болото. Высотка изрыта траншеями, выкопанными немцами. В одном из ответвлений окопов мы и расположились. К вечеру оборудовали огневые позиции, снарядили мины дополнительными зарядами, протерли мины, а я навел миномет на цель, имея впереди точку наводки — короткую жердь, стоявшую вертикально. Нечаев сказал по секрету, что завтра в бой; за три дня боев наши войска продвинулись на десять километров и до Ленинградского фронта рукой подать. Нечаев не мог сидеть или стоять на месте, он то и дело пропадал в блиндаже командира роты.

Когда стемнело, бойцы стали устраиваться ночевать в траншее, кто как мог. Последним закончил возню у миномета я. Надо было искать удобное место для сна, начинал моросить дождь. Я вошел в самое глубокое место траншеи с песчаным откосом. В этом откосе я решил выкопать нишу, про себя посмеиваясь над солдатами, спящими в траншее под дождем. Я выкопаю нишу и заберусь в нее, — ни дождя, ни холода. Используя свои знания сопромата, я соорудил ее с большим куполом вроде арочного перекрытия. Забрался в нишу, положил под голову противогаз, каску поставил на ребро у головы, чтобы случайная песчинка не упала на лицо и не разбудила. Одним словом, я создал «комфорт» в боевых условиях. Однако едва я уснул, как купол песка обрушился и «похоронил» меня. Я орал, звал на помощь, но либо солдаты спали и не слышали меня, либо мой голос не мог пробить толщу песка. Я потерял сознание. Перед рассветом меня откопал Нечаев. Он дежурил по роте — пришла моя очередь становиться на пост, а найти меня не удалось. Кто-то подсказал ему, где я устраивался на ночь, — вот он и откопал. До сих пор загадка: я пролежал без сознания не менее шести часов. Как выжил?

Утром 1 сентября послышались команды командиров взводов:
— К бою!

Я занял свое место наводчика, Воронцов стал справа от миномета, остальные бойцы расположились где им положено по уставу.

Я с нетерпением ждал команды «Огонь!», с любопытством осматривая пространство впереди траншеи: там не было ни души. Где же наша армия? Я представлял себе бой иначе, как это было описано Д. Фурмановым в «Чапаеве».

Томительно тянулось время. Вдруг где-то сзади, откуда всходило солнце, что-то хлопнуло, как бывает, когда откупоривают бутылку шампанского. Через мгновение хлопок повторился, но более громко. Затем эти хлопки слились в невыносимый грохот, иногда слышался оглушающий треск, словно рвали ситец. Нечаев прибежал от командира взвода, крикнул:

— Десять мин, беглый огонь!

Воронцов резво бросал мины в глотку миномета, а я следил за угломером и уровнями. Расчет напряженно работал. Воронцов сбросил шинель, да и мне стало жарко. Мы продолжали стрелять, время от времени меняя установки прицела.

Впереди нас раздался треск, будто одним махом сломали огромную кость. Сразу же послышался короткий, но отчаянный вопль раненого. Подобные звуки повторялись один за другим, поднимая фонтаны песка. Кто-то из передней траншеи крикнул:

— Жидовецкого убило!

Как всякий мальчишка, я школьником много читал о войне. Из прочитанного у меня укоренилось романтическое представление о ней. Хотелось и самому «помахать саблей». С гибелью Жидовецкого погибла и моя романтика войны. И все же, несмотря на смерть товарищей, страх смерти, мне не верилось, что я, — молодой, только начавший жить, вдруг погибну. Как это ни странно, но такое было и в какой-то степени помогало выжить: трусливые солдаты метались под обстрелом и попадали под осколки, я же спокойно ложился за ближайший пенек.

Мы все еще продолжали артподготовку, немцы отвечали тем же. Потери были таковы, что несколько наших минометов замолчали: прислуга перебита. Раза два или три взрывались снаряды вблизи нашего миномета, но никто из расчета не пострадал.

Неожиданно грохот стих, в ушах звенело. Ствол миномета дышал жаром, к нему невозможно было притронуться. С Воронцова лил пот. Нечаев дал команду прекратить огонь и побежал к командиру взвода. Скоро он вернулся радостный, крикнул:

— Командир роты объявляет наводчику благодарность за точную стрельбу. Разбит склад боеприпасов фрицев. Вот так! Я говорил: наша бригада гремела и греметь будет!

Он тут же убежал, долго отсутствовал, наконец опять показалось его радостное лунообразное лицо:

— Наша бригада прорвала оборону фрицев и продвинулась на два с половиной километра! Атака продолжается!

Нечаев опять исчез. Конечно, нам были приятны эти известия. Ведь мы находились в укрытии и боя не видели. Стреляли, а куда — не видели.

После артподготовки похоронили убитых рядом с траншеями, раненых отправили в санроту и приготовились к движению на новую огневую позицию. Однако вышли только в темноте. Я думал, что мы двинемся на запад, но маршрут лежал на юго-запад. Едва прошли свой остров среди болота, как оказались на мокром лугу — ботинки по щиколотку были в воде. Шли молча повзводно. Откуда ни возьмись, над головой, искрясь и попискивая, что-то пролетело. Потом целый ливень пуль, да еще трассирующих. В училище нам, конечно, об этих пулях говорили, но слушать — одно, а видеть — другое.

Все минометчики, как по команде, присели. Я тоже. Смотрю, вдали лес, а на опушке что-то рычит и искрится. Я возмутился:

— Какой осел там трактор заводит? Из глушителя искры летят — демаскирует. Надо ж, какая наглость, — не унимался я.

Нечаев тихо разъяснил:

— Это не трактор, а немецкие автоматчики по нам стреляют. Засекли.

Через несколько дней мне было уже горько вспоминать свою наивность.

Едва автоматчики притихли, мы поднялись во весь рост и круто повернули на юг, в сторону видневшегося леса на краю болота. Шли быстро, торопясь уйти от автоматчиков и укрыться в лесу.

Лес оказался березовым. Стояли огромные, метров по тридцать, березы. Мы расположились отдохнуть, но ненадолго: над нами пронесся шквал пуль; они, задевая деревья, рвались, рассыпаясь красной пылью. Автоматчики противника и тут нас настигли. Было обидно, что они ходят по нашей земле как дома, а мы вынуждены прятаться. К нам подошел лейтенант, грузин, командир какой-то роты, предложил:

— Кто примет участие в «охоте» на фрицев? Видите, обнаглели.

Поднялись несколько человек, я тоже хотел присоединиться, но Нечаев приказал таким тоном, что непослушание исключалось:

— Лежи, без тебя там обойдутся, и, вообще, на войне не навязываются, приказывают — не отказываются. Закон Суворова. Понял?

Он копал себе укрытие — окоп для стрельбы лежа. Соорудив небольшой бруствер, отдал мне лопату, хотя я считал, что опасности нет. Вдруг Нечаев схватился за голову:

— Ой-ой... я ранен...

Он снял каску, в темноте ощупал ее и повеселел: пуля плашмя ударила в каску, но не пробилась. — А мне показалось...

Чтобы и мне не «показалось», я принялся копать окоп, удивляясь своей резвости. Закончив работу, передал лопату товарищу слева. Но в этот момент обстрел прекратился; зато зарокотали наши автоматы на опушке леса. Затем все стихло. Через полчаса вернулась группа добровольцев под командой лейтенанта Гоглидзе. Ребята весело вспоминали, как они подкрались к фрицам и проучили их. «Будут знать, как нападать на минометчиков», — не без хвастовства заключил один курсант.

В этом лесу мы переночевали. А утром двинулись на восток, дошли до линии электропередачи Волховстрой—Ленинград. Просека была серой от пепла. Серыми выглядели деревья, трава, мачты и два наших подбитых танка, около которых лежали трупы танкистов. В небе кружили юнкерсы. Мы форсировали просеку, прошли по опушке леса в сторону Ленинграда, затем опять пересекли просеку и вышли на лежневую дорогу, пролегающую на запад как стрела. Параллельно с лежневкой шла танковая дорога через густой ельник, как в ущелье. Странная это была дорога: огромные хлысты деревьев уложены не поперек дороги, а параллельно. Бревна лежали вплотную друг к другу, кое-где в два ряда.

К полудню двигались уже не по лежневке, а по опушке леса, имея справа огромное болото с чахлыми, редкими сосенками. К вечеру пришли к старому ельнику и остановились. Начали копать ямы под блиндажи, огневые позиции. Минометы нацелили на юго-запад. Нечаев успел сбегать к командирам, вернулся с новостью:

— Хлопцы, мы под Синявино... До Синявинских высот не более трех километров.

— Бригада перешла к обороне? — спросил я у Нечаева.

— Пока нет. Ждем 2-ю ударную армию, которой передали наш 4-й гвардейский корпус. Завтра-послезавтра 2-я ударная двинется на штурм Синявино. Идем в решительную атаку! До Ленинградского фронта осталось раз плюнуть. Пробьемся!

Нечаев ушел, а мы продолжали работать. Грунт тут был тяжелейший — голубая глина такой плотности, что поддавалась только топору.

Утром следующего дня у нас забрали «стариков», отправили в пехоту, такая же участь постигла подносчиков мин и в других расчетах. У минометов осталось по два-три человека.

Наконец настал день наступления. Мы поддерживали пехоту минометным огнем. Командир нашей роты погиб еще в первом бою, теперь нами командовал младший лейтенант, он корректировал

огонь. Из лейтенантов остался только один — бывший артиллерист, весь в ремнях. Его и назначили командиром нашей роты вместо погибшего капитана.

В этом бою участвовали все мы — Нечаев, я и Воронцов. Нечаев успевал протирать мины, снаряжать их дополнительными зарядами и командовать.

Мы стреляли, пока не израсходовали полный боезапас мин. Как и в первом бою, ствол накалился, пахло жженым железом и целлулоидом.

Вечером стало известно, что 2-я ударная армия продвинулась примерно на два с половиной километра и выдохлась. Бригада, понеся большие потери, перешла к обороне. Соединиться с Ленинградским фронтом так и не смогли, хотя до него остался узкий перешеек в пять-шесть километров. Теперь нужно обескровленным соединениям удерживать отвоеванное пространство, похожее на огромную грушу, лежащую черенком на восток.

Немцы, получив подкрепление, перешли в наступление у основания этой «груши», чтобы окружить наши войска.

Наши огневые позиции то и дело обстреливались минометным огнем днем и пулеметным — ночью. Стоять на посту было опасно, пули хлестали над головой, по сторонам, всюду. От минометного огня противника выбывали солдаты. В роте оставалось все меньше и меньше минометчиков. Из 16 минометов действовали только 5.

Пехота бригады занимала оборону впереди наших огневых позиций в 300 метрах, не более.

Обычно за водой ходил Воронцов, он же подносил и мины, но однажды, когда он отсутствовал, я пошел за водой. Ребята подсказали, что воду берут в двух местах: в ручье, в двух километрах от позиции, и в воронке от авиабомбы на нейтралке, это рядом. К ручью идти было лень, и я пошел к воронке. На опушке леса увидел нашу пехоту. Одни выкопали себе ровики, другие лежали открыто, как на курорте. При первом же артналете — гибель. Один из таких ленивых пехотинцев спросил меня:

— Куда направился, молодой человек?

— Тут где-то есть воронка с водой. Где, не знаешь?

— Иди по этой тропке, только там снайпер бьет. Береги башку.

Я пошел по грибной тропинке и на поляне нашел огромную, метров в шесть глубиной, воронку, наполовину заполненную водой. Из воронки торчала жердь с суком на конце для котелка. Я приспособил котелок, зачерпнул воды и благополучно вернулся в лес. Ленивый солдат удивился:

— Никак жив? Повезло. Дай маленько воды.

— Сам сходишь. Лодырь ты. Разве можно в пехоте вот так лежать? Не можешь ровик себе выкопать! — отчитывал я солдата. Но по его лицу я видел безразличие ко всему, кроме желудка. Он уже свыкся с мыслью о своей гибели и не верил в счастье. Какая разница, когда и где умирать? Мне стало жаль беднягу, и я плеснул в его котелок немного воды.

Однажды ночью, когда дежурным по роте был Нечаев, я стоял на посту у минометов. Противник яростно обстреливал из пулемета нашу позицию. Стоять было опасно, и я спрятался за миномет в окопе. Нечаев часто подходил ко мне закурить: я курил мало и табак у меня водился. В очередной раз он появился прихрамывая и как-то спокойно, даже радостно сказал, указывая на ногу:

— Я ранен. Иду в санроту. Вот тебе моя плащ-палатка, носи на здоровье.

Я с удовольствием принял эту удобную для солдата вещь, спасавшую не только от дождя, но и от холода. Сколько солдат, завернувшись в плащ-палатку спало на снегу в трескучий мороз!

Утром к нам пришел сержант Халиулин. Его миномет разбило, наводчик погиб, а он уцелел, представился:

— Я вместо Нечаева.

Как и Нечаев, Халиулин воевал в бригаде давно, участвовал в боях. До прихода к нам я видел его только издали. Боевая обстановка не располагала к общительности. Люди суровы, из всех человеческих чувств доминирует одно — самосохранение.

Опять пришлось идти мне за водой. Как и в первый раз, направился к воронке по знакомой тропинке. На опушке леса я ожидал увидеть ленивого солдата. И встретил. Он лежал на том же месте мертвым. Да и на всей пехотной позиции остались только мертвые, ни одного живого солдата не было. Пехота ушла на другой участок.

Жердь стояла на прежнем месте в воронке. Я нагнулся, чтобы взять ее и заглянул в яму. Из воды торчали две пары ног в ботинках и обмотках. Пока я справлялся со своей растерянностью, над головой пронесся шквал пуль. Я юркнул в кусты и был таков. Пришлось шагать за водой к ручью. Хотя это и далековато, зато вода там чище, не в пример мутной воде из воронки.

18 сентября в 13 часов построили батальон в ельнике, около землянки штаба батальона. Я посмотрел на строй в две шеренги: не батальон и даже не рота. Это все, что осталось от четырех рот минбатальона.

Командиры чего-то ждали, поглядывая в глубину леса. Наконец, по тропинке проконвоировали бывшего курсанта Русова.

Русов шагал под конвоем двух автоматчиков и старшего лейтенанта. Выглядел конвоируемый странно: в ботинках, но без обмоток и шнурков, без гимнастерки, бледный, с белесой стриженной головой. Его поставили перед строем; старший лейтенант зачитал приговор военного трибунала. Оказалось, Русов — самострел. Чтобы выйти из боя, он прострелил себе ладонь левой руки. Закончив читать, старший лейтенант приказал Русову идти к выкопанной могиле, тот хотел что-то сказать, но старший лейтенант не разрешил, приказал:

— Иди, иди.

Русов послушно пошел, но не сделал и двух шагов, как старший лейтенант выстрелил ему в затылок. Русова похоронили тут же, в яме. Мне было жаль этого двадцатилетнего парня, хотя и трусившего, но не предателя. Если бы он хотел спасти жизнь предательством, ему ничего не стоило уйти к противнику: немцы сбрасывали с самолетов листовки, призывая нас сдаваться в плен. Но Русов этого не сделал, значит, он, поборов страх, стал бы неплохим солдатом. Так думал я, и сам не зная почему, влекомый каким-то непонятым чувством к убийце, я подошел к старшему лейтенанту, безуспешно пытавшемуся засунуть пистолет в кобуру трясушимися руками, и попросил:

— Дайте мне на память один патрон из Вашего пистолета.

Старший лейтенант, не сказав ни слова, вынул обойму из рукоятки и молча подал мне патрон. Я спрятал «сувенир» в карман шинели. Старший лейтенант, наконец, водворил пистолет на свое место и, сопровождаемый двумя автоматчиками, отправился к себе. Скоро он скрылся в лесу.

Начальник штаба батальона, одетый в серую шинель, пристально следил за моими действиями и, едва старший лейтенант ушел, подозвал меня:

— В батальоне нет патронов ППШ, что ты кланчил у особиста?

Глаза его смотрели строго, даже презрительно. Я молчал.

— Курсант? — продолжил он допрос.

Я ответил.

— Кем в гражданке работал?

Я тоже ответил.

— Почему не забронировали?

Когда я ответил и на этот вопрос, капитан несколько смягчился и уже спокойно приказал:

— Иди.

Однако строй не распустили. Добрую половину минометчиков послали стрелками. В минбатальоне совсем мало осталось бойцов.

19 сентября утром мы ждали, как всегда, старшину с завтраком. Напряженно смотрели на тропу, по которой он приходил с подносчиками термосов, но старшины не было. К полудню стало ясно, что он не придет. Батальон снова построили. Капитан, начальник штаба, сказал:

— Мы окружены, противник перерезал наши коммуникации. Пищи не будет. Пехоты впереди нас нет. Будем сами себя охранять — выставим секреты. Командирам рот: выставить секреты впереди и с запада, по уставу.

Командиры рот построили роты, в которых осталось меньше взвода бойцов и приступили формировать секреты по два бойца. Моим напарником оказался Воронцов.

Первым делом стали копать укрытие — окоп. По очереди рубили топором землю и выбрасывали ее лопаткой на бруствер. К вечеру мы с трудом выкопали яму метровой глубины. Мелковата, но все же защита. Вокруг лежали груды валежника: видимо, лесники перед войной делали санитарную рубку. Одну такую груду мы целиком перетащили на свой окоп, чтобы замаскировать его. Маскировка получилась что надо. Когда стемнело, залезли в укрытие и улеглись на лапник, чтобы не так сильно тянуло сыростью от земли.

Посоветовались, кому дежурить первому. Воронцов хотел стать первым: с вечера ему не так сильно хотелось спать, как под утро. У меня же было наоборот. Поэтому мы быстро договорились. Я улегся и сразу уснул. Не знаю, сколько времени спал, проснулся от удушливого кашля, так и не унявшегося в боях. От земли тянуло сыростью, этот промозглый холод и вызвал кашель. Откашлявшись, я опять было улегся, но Воронцов тревожно прошептал: — Напротив за елкой фриц прячется...

Хотя военный опыт у нас с Воронцовым был одинаков, мне почему-то казалось, что я опытнее, да и ему так виделось. Наверное из-за разницы в возрасте — я был на несколько лет старше Воронцова. Поэтому, решительно отстранив в сторону напарника, присмотрелся. Темно, силуэты вековых елей выделялись на фоне ночного неба, но никакого фрица за елкой я не увидел. Я уже подумал, что другу померещилось, у страха глаза велики, но из-за ближайшей елки вышел человек и, размахнувшись, что-то бросил в нашу сторону. Послышался удар о ель, стоявшую у окопа, и взрыв гранаты в стороне нашего убежища. Потом немец выстрелил из ракетницы, и все вокруг осветилось, как днем. Я даже видел прошлогоднюю хвою под елью. Свет погас и снова стало темно. Я взял у Воронцова автомат и приготовился стрелять, если фашист выйдет из-за елки. Однако вышел второй немец из-за соседнего куста и,

будто призрак, направился к первому. Я дал длинную очередь. Немец нелепо взмахнул руками и рухнул головой в куст. Из-за елки к нему бросился товарищ, но не добежал: его я тоже срезал автоматной очередью. Наступила тишина.

Ожидая новых «гостей», мы с Воронцовым так и не уснули до утра. Воронцов, заядлый трофейщик, едва рассвело, побежал к трупам немцев. Принес два ранца. В каждом из них было одно и то же: хлеб, колбаса, галеты и табак. Один ранец мы оставили у себя, а второй Воронцов отнес на огневую позицию солдатам, они тоже голодали.

Дня через три, когда я сидел у задней стенки окопа, прикрываясь грудой хвороста, увидел Соколова. Старший сержант Соколов заменил командира взвода и пробирался к нам, держа наган наготове, настороженно оглядываясь. Увидев меня, приказал:

— Собирайте шмутки и на огневую. Меняем позицию.

Он был похож на девушку. Большие серые глаза, румянец во всю щеку, красивое лицо. Мы тут же с удовольствием покинули секрет и отправились на огневую позицию. Там было все по-старому. Удивил Халиулин: он встретил нас как родных братьев. Сильно волновался за нашу судьбу, и не без основания: два секрета были уничтожены патрулями фашистов. И, если бы в схватке с немцами мы не проявили находчивости, с нами могло случиться то же самое.

Когда мы собрались на огневой позиции, командир роты приказал смазать густой смазкой минометы и закопать в землю. Из шестнадцати минометов оставили три. Только три расчета мог укомплектовать командир роты. Мы построились и зашагали в глубину леса. Шли долго, наконец поднялись на высотку, заросшую смешанным лесом, здесь и переночевали. Утром под командой Халиулина отправились за минами, которые находились где-то на нейтралке. Подходы к складу знал только Халиулин, ходивший в разведку.

Пошли все, кроме командиров. Халиулин вел нас по лесу, потом по лежневке. Свернули направо, и перед нами открылось болото с тропинкой, по которой и прежде подносили мины. Оно было пристреляно противником; немцы стреляли даже по одиноким пешеходам. Надо было проскочить этот участок бегом, сколько есть сил. Первым побежал я, невольно видя по сторонам трупы наших бойцов. Я благополучно пересек болото и вошел в березовую рощу. Однако немцы открыли огонь, хотя ребята бежали уже по второй половине болота. Пока немецкий корректировщик давал батарею новые установки прицела, минометчики благополучно вошли в березняк.

К минам подползали по-пластунски, загрузили их в вещмешки кто сколько мог. Ведь одна мина весит восемь килограмм. Но, как мы не были ослаблены голодом, меньше четырех мин в мешки не клали. А некоторые бойцы брали и по шесть. Почему носили мины в вещмешках? Да потому, что в лоток помещалось только три. Да и лотков у нас уже не было. Лотками пользовались только на марше к фронту.

Я смог взять лишь четыре мины, а ведь совсем недавно носил груз тяжелее в полтора-два раза. Нагруженные, мы подошли к злополучному болоту и задумались: как его перейти? За плечами тяжелая ноша. Да и не взорвется ли она от детонации при близком разрыве снаряда? Думали недолго. Единственный выход из этого положения — бежать бегом. Мы побежали. Я споткнулся о кочку и упал. Вещмешок, описав над моей головой дугу, упал впереди. Я вскочил, водрузил на место груз и снова побежал. И на этот раз нам повезло: опоздал фриц стрелять.

Получив боеприпасы, мы принялись беспокоить противника кочующим взводом. Наш расчет — Халиулин, я и Воронцов — начинал пристрелку. Мы уже сменили три огневые позиции. Младший лейтенант, корректировавший огонь взвода, хвалил за точную стрельбу. Но когда мы в очередной раз сменили огневую позицию, то попали под артналет. Один расчет был выведен из строя. Один солдат убит, двое ранены — перебиты ноги. Убитого похоронили, а раненых отнесли в санроту. Когда ребята вернулись, я поинтересовался, много ли раненых в санроте. Один из минометчиков ответил:

— Никакой санроты давно нет...

Оказывается, снаряд попал в сарай, в котором находилась санрота, и весь медперсонал и раненые погибли.

Передохнув, мы с двумя минометчиками опять кочевали. Надо было расстрелять все мины, которые мы принесли с таким трудом.

Соколов приказал мне идти в третью роту за дополнительными зарядами. Старший сержант Соколов теперь был старшим, других командиров не было. Он дал мне кабель связи между ротами и я, держась за провод, отправился в третью роту. Это был большой немецкий блиндаж, вырытый в склоне высотки. В одной половине — рота, в другой — штаб батальона. Десятка два дополнительных зарядов я положил в вещмешок, взял в руку тот же кабель и отправился в обратный путь. В одном месте я споткнулся, выронил провод и в кромешной тьме найти его не смог. Пришлось идти наугад, удивляясь, почему не видно примет знакомой местности. По времени мне давно уже надо было быть в роте. Наконец,

я перешел какой-то овраг и едва не угодил к немцам. Хорошо, что услышал разговор часовых. Я пустился в обратный путь, тоже долгий. Мне показалось, будто вернулся к своим. Я залез в крохотный блиндаж, переночевал, лежа рядом с мертвым солдатом. Утром осторожно выглянул из приямка — наш блиндаж виднелся в 200 метрах. Еще издали увидел ожидавших меня товарищей. Я не явился вовремя, и они, естественно, полагали, что я либо погиб, либо попал в плен. Обрадовались, когда я подошел. Только Соколов подозрительно разглядывал меня, допытываясь, где я провел ночь. Едва перекурил с ребятами, как Соколов приказал мне идти к начальнику штаба батальона, находившемуся во второй половине блиндажа третьей роты. Я взял знакомый провод и отправился в путь. То, что осталось от третьей роты, располагалось почти рядом.

Капитан, тот самый, который ругал меня за взятый патрон у старшего лейтенанта, расстрелявшего Русова, встретил приветливо. Едва я доложил, что такой-то по вашему приказанию прибыл, как он указал на катушку кабеля и приказал отнести ее в артдивизион. А чтобы я попал по адресу, дал мне в руки красный телефонный провод.

Через несколько минут я уже был в рубленом сарае немецкой работы и докладывал капитану — командиру артдивизиона. В сарае вкусно пахло вареным мясом, которое разделявали два солдата в другом конце помещения. Капитан сидел за столом у окна и рассматривал карту. Не отрываясь от нее, приказал:

— Дайте мяса начальнику штаба минометчиков и этому курсанту.

Пожилой старшина засуетился, принес два кусочка мяса, один, завернутый в газету, капитану, а другой — мне, приговаривая:

— Последнюю лошадку доедаем. Вчера снарядом убило. Кушай, кушай на здоровье.

Старшина был добродушен и похож на рачительного крестьянина.

Когда я вернулся в свой штаб, начальник вежливо принял мясо и, не выдавая своего голода, предложил мне:

— Угощайся.

— Мне там давали.

— Можешь идти.

Еще издали я увидел, что товарищи собрались в поход и ждали меня. Едва я подошел, Соколов приказал становиться в строй и повел нас в третий стрелковый батальон.

В штабе батальона нас, человек шесть-семь, принял старший лейтенант. Соколов прощально кивнул и зашагал обратно. К нам присоединилась такая же группа курсантов из другого подразде-

ления под командой сержанта в зеленой шинели. Старшина выдал нам немного сухарей и табаку, пояснив:

— Наши сбрасывают ночью с самолетов...

Едва мы погрызли сухари, как старший лейтенант приказал сержанту в зеленой шинели:

— Строй бойцов и веди в батальон. Там на левом фланге никого нет. Идите, ползите или летите, но должны быть на позиции!

Сержант построил нас. Я оказался впереди с Халиулиным, и мы пошли. Долго шли молча и вышли на опушку старого леса. Впереди была большая мокрая лощина перед Черной речкой, вдаль, под бугром — позиция пехоты. Опушка леса представляла собой пни разной высоты, заваленные древесным хламом — ни пройти, ни проехать. Так поработали артиллерия и авиация, но чья? Этого никто не знал. В одном месте, около тропы, завалы были расчищены и виднелся новый мост через речку. На бугре — немцы. Как пройти открытое пространство не менее километра? Покурили, выгадывая время и понимая, что дойдут не все, а возможно, и никто. Почему пошли на такой риск, если в сумерки можно пройти без потерь? Но приказы не обсуждают. Надо идти. Сержант в зеленой шинели приказал становиться в колонну по одному. Он встал впереди, я за ним.

Это был самый короткий за войну и самый трудный марш. Голодные, слабые, мы испытывали невыносимое напряжение, ожидая свиста мин или пуль. Спрятаться негде — лощина ровная, как стол. У меня в вещмешке было 250 патронов, они кололи изхудавшую спину как гвозди. Карабин тянул вправо, а ноги еле переступали. Мы перешли мостик, уже видели окопчики наших солдат. Немцы молчали. Слева на небольшой возвышенности, тянувшейся от леса к бугру, лежало множество трупов. Но лощина была пуста: значит, здесь наши не наступали.

Сержант свернул налево, и мы пошли вдоль фронта пехоты. Едва преодолели полсотни метров, как справа треснул выстрел снайпера. Сержант странно дернулся: пуля пробила его каску, как скорлупу яйца. Он что-то промычал и свалился на землю. Теперь очередь моя. Опять выстрел. Я съежился, ожидая пули, но упал кто-то в середине колонны. Мы вошли в лощину, залегли. Приполз связной командира батальона и передал приказ занять левый фланг. Мы поползли. Действительно, на левом фланге лежали только мертвые. Оборудовать укрытие или ячейку для стрельбы лежа было невозможно — из земли сочилась вода. Некоторые курсанты пытались укрыться в огромной воронке впереди позиции, но она просматривалась снайпером, в ней было много мертвых, среди которых я узнал нескольких минометчиков.

Начиналось утро 29 сентября. Остаток ночи прошел без потерь. Спокойно закончился день, нам даже дали по горсти сухарных крошек. Я лег под небольшой елкой, стоявшей около воронки. Не помню, сколько времени проспал. Разбудил дежурный по взводу:

— Вставай, выходим из окружения, — и пошел будить других.

В это верилось с трудом, хотя гул слышался третью ночь. Земля гудела от топота солдат, выходивших из котла под Синявином.

Батальон собрался на берегу Черной речки, у нового мостика. Когда собрались все, комбат приказал:

— Выходить самостоятельно. Собираться в тылах своих подразделений. Стрелки в своем тылу, минометчики — в своем и так далее. У нас пополнение из многих часией. Ну, тронулись...

Он пошел первым, мы за ним, толпой. Ходить скопом уже отвыкли. Перешли мост и потерялись в человеческом потоке, хотя и старались держаться вместе. Я шагал с Сергеем Смирновым, курсантом нашего взвода по училищу, воевавшем в другой роте.

Зрелище было потрясающее: текла широкая человеческая река, сравнимая с колоннами демонстрантов, выходящих на Красную площадь. Шли огромные массы войск. До этого у меня было представление, что и выходить-то некому, что все погибли в синявинских болотах. И то, что я ошибся, очень обрадовало — есть еще порох в нашей пороховнице. Но тревога не покидала: то там, то сям рвались снаряды немцев, обстреливавших болото методическим огнем. Иногда с бугра летели трассирующие пули.

Только утром, когда поднималось солнце, мы вышли из болота. Теперь я поверил, что выжил, и меня охватила такая радость, какую зовут счастьем. Это чувство я испытал впервые на краю синявинских болот утром 30 сентября.

Войска ждали многочисленные кухни, повара зазывали свои роты, это было смешно и горько: на болотах остались целые дивизии, а он ждет свою роту. Так именно и сказали поварам вышедшие из болот солдаты. Повара сникли и заработали черпаками; наливая полные котелки горохового супа, предупреждали:

— Ребята, ешьте помаленьку, понос проберет!

Какой-то солдат, работая ложкой, буркнул:

— Черт с ним, с поносом, нажраться бы!

Я думал также и съел целый котелок супа, а к вечеру заболел. В тылах минбатальона собралось всего 12 человек. Это все, что осталось от четырех рот. Правда, были в медсанбате Нечаев и Халиулин. Кладовщик вынес нам по 100 граммов сахара, банке рыбных консервов и хлеба. Этот глухой жмот мог бы дать и больше:

ведь сэкономил продукты десять дней на личном составе минометного батальона.

Вечером нас вернули на край болота, где стояли кухни, в ту же роту третьего стрелкового батальона.

5 октября нас сменила новая часть, и мы направились в лес около деревни Сирокасска. А еще черед две недели — на станцию Новый Быт, где погрузились в три теплушки и поехали в Торжок формироваться. Солдаты и офицеры занимали одну теплушку, всего нас было человек сорок пять, оставшихся от бригады в 6,5 тысяч штыков, вошедшей в бой под Синявином.

Обращение Военного совета Волховского фронта от 31 августа 1942 года

Товарищи бойцы, командиры и политработники!

Храбрые пехотинцы, славные артиллеристы, отважные танкисты, сталинские соколы — воины всех родов оружия частей Волховского фронта!

Вашими героическими подвигами в борьбе за Ленинград гордится Родина. За истекшие 5 дней боев с фашистскими бандитами вы нанесли врагу сокрушительный удар. Более 8000 немцев уже нашли себе могилу. За эти 5 дней разрушено 400 вражеских ДЗОТов и блиндажей, уничтожено много вражеской техники: самолетов — 53, танков — 19, артиллерийских и минометных батарей — 10, отдельных орудий и минометов — 40, орудий ПТО — 33, пулеметов — 137.

По неполным данным нашими доблестными войсками взяты большие трофеи: орудий и минометов — 99, пулеметов — 113, автоматов — 93, большое количество боеприпасов и много пленных. Освобожден ряд населенных пунктов, пал крупный вражеский опорный пункт Вороново.

По всему фронту наши войска успешно продвигаются вперед. Идут бои за Синявино. Передовые части уже находятся на подступах ко Мге. Взять Синявино, выйти на Неву, взять Мгу, это значит сорвать вражескую блокаду, освободить город Ленина.

Враг сопротивляется из последних сил. Нанести ему сокрушительный удар, разгромить и уничтожить фашистскую сволочь, прорваться к Ленинграду — такова наша задача, боевые товарищи.

Родина не забудет Ваших подвигов. Всеобщая народная любовь ждет каждого, кто, не жалея сил, бьет немцев и рвется к победе.

Пять раз был ранен в бою красноармеец Поколовский. Истекая кровью, он продолжал биться и уничтожил 12 фашистов. Честь и слава храбrecу! Учитесь у него, товарищи. Капли его алой крови будут вечно сверкать на нашем красном знамени победы. Дети и внуки будут с гордостью произносить его имя.

Коммунист гвардии старший лейтенант Козловский, будучи тяжело ранен, не покинул своего поста. Когда его хотели вынести в тыл, он крикнул: — «Нет! Мой город Ленинград — впереди, и я пойду только вперед».

Красноармеец Синяшкин в одном бою приколол штыком троих и расстрелял из винтовки семерых немцев.

По-суворовски дерутся эти чудо-богатыри! Слава им! Таким должен стать каждый боец, командир и политработник.

Равняйтесь на героев, товарищи! Будьте смелыми и бесстрашными в бою! Смерть в бою за правое дело не страшна. Страшна и позорна смерть в неволе, в пытках, под вонючим сапогом вшивых немцев.

Товарищи бойцы! Нас ждет великий город Ленина. Прорвемся к нему. Уничтожим фашистскую банду, засевшую у его стен. Отомстим немцам за слезы и мучения наших отцов, матерей, жен и детей. Месть наша должна быть беспощадна.

Только вперед! — таков наш лозунг. Сосед обогнал тебя и продвинулся вперед — не отставай! Немец залез в землю — пулей, штыком и гранатой уничтожим его, немец побежал — не давай ему передышки, гони и поражай его! Нет и не может быть силы, которая могла бы остановить красноармейскую часть, если она дерется смело, мужественно, презирая смерть.

Бойцы Волховского фронта! Родина ждет от нас радостной вести о прорыве вражеской блокады и освобождении города Ленинграда.

Усилим удар! Победа близка!

Вперед, боевые товарищи!

Оправдаем доверие народа, партии, великого Сталина!

Освободим город-герой, город Ленина!

Смерть немецким оккупантам!

*Военный совет Волховского фронта
Политуправление Волховского фронта*

Н. И. КРУГЛОВ,
полковник в отставке, бывш. командир
1234-го инженерно-саперного батальона 2-й УА

Армейские саперы в Снявинской операции 1942 года *

Восстановив силы в госпитале после выхода из любанского окружения, я был направлен в распоряжение начальника инженерных войск 2-й ударной армии подполковника Мельникова. По прибытии в Папоротное я доложил по команде и был принят подполковником. Он меня внимательно выслушал и спросил, справлюсь ли я с батальоном. Я ответил, что справлюсь. «Тогда сдавайте документы начальнику штаба майору Семашко, ознакомьтесь со штатом батальона, поезжайте в запасной полк, набирайте солдат и сержантов, а офицеров на укомплектование мы вам пришлем».

Я с большим рвением приступил к исполнению новой должности командира армейского инженерно-саперного батальона под номером 1234.

На укомплектование и сколачивание батальона времени дали две недели. Из старого состава батальона вышедших из окружения было 37 человек. Из офицерского состава — комиссар батальона Павлов, командир роты, командир взвода, помначштаба, парторг, заместитель по тылу, начпрод, ветфельдшер, медицинский фельдшер, остальные солдаты и сержанты.

Закипела работа по формированию батальона, укомплектованию его всем необходимым согласно штатному расписанию. Через две недели подали вагоны под погрузку и мы отбыли на фронт в район Волхова. Разгрузились на станции Войбокало.

Для руководства строительством командного пункта армии со мной прибыл заместитель начальника инженерных войск армии подполковник Лавров и два офицера оперативного отдела. В тот же день у меня произошла встреча с младшим братом Владимиром. С ним мы не виделись три с лишним года. Он ранее служил в погранвойсках в Биробиджане. В 1940 году уехал на учебу в Ленинградское политическое училище, где его и застала война, а затем блокада Ленинграда. Все училище было брошено на защиту города. Многие из курсантов героически погибли. Брат Владимир был ранен. После излечения ему присвоили звание политрука и направили в зенитную часть, прикрывавшую Волховскую ГЭС

* Доклад на военно-исторической конференции во Мге 1.10.1982 г.

от налетов немецкой авиации. Радостная встреча была недолгой. Потом мы увиделись только в апреле 1944 года.

Место строительства командного пункта выбрано. Намечено, где и что размещать. В основном было решено, как и из чего строить укрытия. На строительство КП было определено 15 суток.

С утра закипела работа. Укрытия строили из бревен, заготовленных на месте. Нужно было построить 48 домиков различных размеров со всем оборудованием для работы штаба.

К прибытию штаба армии помещения были готовы. Прибывшая из Москвы рота произвела маскировочные работы расположения командного пункта и подъездов к нему. Маскировочный режим соблюдался строго. В двух километрах западнее станции Войбокало был оборудован запасной командный пункт и построен КНП армии на высоте у южной окраины деревни Путилово. Были выстроены укрытия, защищающие от снарядов и мин всех калибров.

Соединения армии вступили в бой по прорыву блокады Ленинграда в районе Синявино. Немецкое командование бросило сюда большое количество авиации. Бомбежке подвергались все пункты, вызывающие хоть малейшее подозрение на присутствие войск или техники. Бомбежки охватывали все южное побережье Ладожского озера до Черной речки.

В дневное время передвижение было невозможно. Налеты длились до тех пор, пока цель не была уничтожена либо терялась из виду. Перерывы между налетами длились обычно 2–3 часа. Авиация противника сковала все действия войск. Было суждение, что немцы перебросили сюда 1200 самолетов с других фронтов. И вся эта масса самолетов на узкой полосе подавляла все живое, все замеченное. Наших самолетов не было. Защитных средств использовалось мало. С целью морального изнурения и наведения страха бомбардировщики с включенными сиренами пикировали, пока не кончится горючее. Чего только не сбрасывали с самолетов! Куски железа, рельсы, бочки с просверленными отверстиями, которые при падении издавали душераздирающие звуки.

Находясь на КП армии в районе деревни Путилово, мы однажды наблюдали интересный случай, который привел в восторг всех офицеров штаба армии. Даже генерал Клыков вышел смотреть. По дороге через деревню Путилово ехал на тракторе солдат и вез два прицепа, груженные артснарядами. За ним увязались немецкие пикирующие бомбардировщики. Они сопровождали его на протяжении 12 километров пути. На него налетало по 15–18 пикировщиков сразу. Сбросят бомбы — взрывы заслоняют все пылью и дымом. Все гадают, разбомбили или нет? Но пыль и дым рассеиваются, смотрим — тракторист едет, он и не останавливался.

И так все 12 километров пути его сопровождали немецкие самолеты, подвергая бомбежке. К вечеру генерал Клыков дал задание начальнику штаба послать офицера, найти этого тракториста и доставить к нему. Боец был найден и приведен к командующему. Он выглядел устало, измазан, но спокоен. В беседе с командующим солдат сказал: «При первом налете я гадал: что делать? Остановиться, найти укрытие, переждать до вечера? Но у меня был приказ к вечеру доставить снаряды на боевые позиции, я и поехал. Смотрю, бомбы на меня не падают, я решил не обращать на них внимания и ехать до пункта назначения. Я доставил снаряды на огневые позиции к установленному времени».

Наблюдающие подсчитали, что на тракториста было совершено больше двухсот самолето-вылетов и сброшено более тысячи бомб. После беседы командующий приказал немедленно оформить материал на присвоение бойцу звания Героя Советского Союза. Надо полагать, это высокое звание он получил. Я же получил приказ выдвинуться с батальоном в район деревни Гайтолово с задачей установки мин на танкоопасных направлениях. Работа была ответственная, объемная. Днем выполнить эту работу было невозможно из-за вражеской авиации и обстрела артиллерией, корректируемой постоянно висевшими в воздухе самолетами-разведчиками. Ночь коротка, много не сделаешь, а к рассвету надо было возвращаться в укрытие. Наступательные действия по прорыву блокады начали затухать. Прорыв осуществить не удалось. Войска переходили к обороне. Почти в течение месяца батальон занимался строительством деревоземляных огневых точек для пулеметов, противотанковых ружей и 45-миллиметровых пушек. Срубы изготовляли из бревен в трех километрах от переднего края. Ночью на лошадях их подвозили к переднему краю и по ходу сообщения переносили на руках к месту установки. За ночь удавалось установить одну огневую точку. Всего батальоном было построено 16 огневых точек.

С названием героической деревни Гайтолово связаны многие кровопролитные сражения. К августу 42-го года здесь не осталось ни одного дома, кроме подвалов да колодезных журавлей. Деревня располагалась на значительных высотах, с которых открывался хороший обзор местности. Были дни, когда немцы атаковали ее по несколько раз, не взирая на потери. 23-го сентября им удалось взять Гайтолово.

Прорвать блокаду Ленинграда осенью 1942 г. не получилось. Войска перешли к обороне. Наш батальон в течение 10 дней ремонтировал КП 2-й УА, построенный перед началом наступления, потом отбыл под Калинин и вошел в состав 54-й инженерно-саперной бригады резерва главного командования.

*И. КОСОВ, в 1942 г. —
капитан, командир 509 отдельного
гвардейского минометного дивизиона*

*Гвардейские минометы под Синявином **

В начале августа меня поставили на командование 509-м отдельным гвардейским минометным дивизионом Ставки Верховного главнокомандования.

Отдельный — значит, над ним нет ни полка, ни бригады. Этот дивизион был только что сформирован, побывал лишь раз в бою, в котором погиб один человек — командир дивизиона капитан Козырь. Дивизион уже занимал позиции, когда командир пошел назад подогнать подвозку снарядов. Налетели самолеты, и он погиб при бомбежке.

Шестнадцатого августа я приехал в Ефремов, где стоял штаб фронта, за направлением. Меня уже ждал начальник связи дивизиона Самарин.

Все в реактивной артиллерии — командиры взводов, дивизионов, полков — были из 3-го Ленинградского артучилища. Все друг друга знали. Заночевал у начштаба 6-го гв. МП Саши Кочеланова. Выпили, конечно. Я сижу верхом на стуле... Вдруг открывается дверь и входит Черняховский. Шестой полк был как раз в полосе 38-й армии, которой Черняховский командовал.

Я пытался изменить положение на стуле, а он мне говорит: «Сидите, сидите». Минут десять разговаривал по делу с Кочелановым. Тот, мужик толковый, очень четко все объяснял. Черняховский схватывал с полуслова. У него были удивительно живые глаза, и сам, легкий и подвижный, казался молодым в свои 36 лет.

Утром 17 августа Самарин привез меня в дивизион на моей машине «бентам» типа «виллиса».

Первое, что я увидел в дивизионе: стоит «шевроле», в кузове торчит солдат, насквозь в масле — и гимнастерка, и галифе.

— Да как ты, — замполит допытывался у солдата, — сам-то не утонул?!

Я выскочил из машины, представился, поинтересовался, в чем дело.

Оказывается, ездили за продуктами, получили водку, бочку подсолнечного масла. Видно, поддали. Солдат заснул в железном кузове, а бочка текла. Солдат и поплыл. Пришел в штаб дивизиона.

* По материалам книги Новожилова.

Ко мне подходит старший политрук, начальник особого отдела Петриченко:

— Солдата надо судить.

— А почему судить? Если судить — так бочку. Я в дивизионе первый день и не собираюсь начинать с того, что отдам человека под суд.

Петриченко на меня надулся.

У меня в кармане приказ о переходе в резерв фронта под Елец. А боеприпасов столько, что за раз не поднять. Пришлось два раза гонять за сто пятьдесят километров. Восемнадцатого вечером, когда мы были на месте, в дивизионе оставалась бочка бензина — капля в море.

А мне тут же вручили приказ — двадцатого августа дивизиону прибыть в Москву, в резерв Главного командования. Пока получали бензин, грузили боеприпасы в поезд, вышли только в восемь вечера девятнадцатого. Погнали без остановок.

Пришли ночью в Ефремов с опозданием на двадцать часов. В три часа ночи около Тулы я остановил колонну, положил всех на обочину справа, шоферов — в кабины, и дивизион заснул на три часа. Как рассвело, пошли на Москву. В пять часов вечера двадцатого я был в Нижних Котлах и из первого автомата звонил дежурному в штаб формирования гвардейских минометных частей.

Дивизион встал на ночлег в Измайловском парке, а я поехал в штаб формирования. Он располагался в 440-й школе, по шоссе Энтузиастов. Оказалось, там служит Борис Карандеев, с которым мы были знакомы по Северо-Западному фронту.

Я принес водки — немецкую фляжку на 750 граммов, и мы распили ее с Борисом в школьном актовом зале, где у них стояли раскладушки.

На другой день меня должны были утверждать в должности в военном отделе ЦК. На ночь дали номер в «Москве», с ванной. Все мои офицеры перемылись в этой ванной. Назавтра меня утвердили в ЦК за полчаса и тут же направили на Волховский фронт. Погрузились одним эшелоном два дивизиона — 512-й и мой 509-й. Я был начальником эшелона. Того «промасленного» солдата, Александра Ивановича Котова, комиссар рекомендовал мне в ординарцы.

28 августа прибыли на Волховский фронт. Остановились ночью на станции Войбокало.

Я должен был явиться к коменданту станции. Не пошел. Он прибегает, разъяренный:

— Я вас разгружу!

— Я тебе разгружу!...

Покричали, покричали — поехали дальше. Уже засветло втянулись на станцию Жихарево, разгружаемся. Над нами висит немецкий разведчик «Me-110».

Не успели разгрузиться, появляется какой-то майор:
— Немедленно в штаб артиллерии фронта.

Там я понял, что предстоящая операция будет кровавой.

11-я немецкая армия Манштейна после взятия Крыма готовилась штурмовать Ленинград. Наступление планировалось на первое сентября. Девять дивизий первого эшелона, одиннадцать — во втором. Второй — для боев в самом городе. Дивизии полнокровные, к уличным боям их готовили в Кенигсберге. Много было авиации. Глядишь, Ленинграду и Балтийскому флоту был бы конец.

Нам была поставлена задача — повернуть их на себя. Мы начали Синявинскую операцию 28 августа *. Имели успех, прошли километров пять, надеялись прорвать блокаду. Толщина немецкого блокадного кольца вокруг Ленинграда была здесь двенадцать с половиной километров. Немцы это место звали «Flaschenglass» — «бутылочное горло».

Три дня немцы крепились, чтобы не поворачивать силы от Ленинграда. На третий день повернули и так ударили по нам!

Нас там тоже подтянули — будь здоров! Много артиллерии. Только «катюш» — двадцать восемь дивизионов. Две армии — восьмая и Вторая ударная. Вторая была сформирована заново, после того как ее остатки вышли под Мясным Бором из окружения. Прибыла хорошая пехота, из тихоокеанских моряков. Я такой великолепной пехоты не видал за всю войну. Она почти вся там и погибла. Когда началось наступление, 265-я дивизия вошла в бой. Утром в ней было двенадцать тысяч, вечером — полтысячи. За всю войну я не видел столько раненых. Лес, болота — тут всегда много жертв.

Синявинская операция шла до 20 октября **. К ее концу все вернулось на исходные позиции, но на Ленинград немцы уже не пошли.

* * *

Сперва я с дивизионом намучился: не обстрелян совсем. Был только раз в бою, потерял командира. Конечно, это их деморализовало. Я наверху — они наверху, я в блиндаж — и они прячутся.

В начале сентября мы стояли под станцией Назия. Третьего сентября я поехал к своему начальству, П. Н. Кулешову. Не доехал полкилометра — появилось, как наваждение, неприятное чувство:

* Наступление I эшелона (6 гв. ск) началось 27.09.42. (Сост.)

** Боевые действия закончились 10 октября. (Сост.)

надо повернуть обратно. Повернул. По дороге — переезд через насыпь железной дороги на станции Жихарево. На станции горит эшелон с боеприпасами. Снаряды рвутся наверху, на насыпи. Над головой летят ошметки вагонов. Я за рулем. Шофер забился мне под колени. Подкатываю к переезду — на нем разрыв, и я сквозь разрыв проскакиваю на ту сторону. Еще метров за двести от дивизиона вижу, что там черт знает что творится. Паника. Машины дивизиона выползают из аппарелей и собираются удирать. Только что был мощнейший артолет. Все растерялись, ничего не видят, не слышат. Командиры батарей — зеленые, комиссар дивизиона, который был комиссаром артбатареи еще в гражданскую войну, совершенно потерялся.

Выскакиваю:

— Машины назад! Людей в ровики!

Меня не слышат. Комиссар сидит на краю ровика, схватившись за голову. Я ему:

— Говнюк! Чтоб тебя духу не было!

И жажнул из маузера поверх голов:

— Командиры батарей, ко мне!

Услышали. Машины загнали в аппарели, людей распределили по ровикам. Тут немцы накрыли нас новым мощным артолетом. К счастью, никто не пострадал. Сразу после налета я вывел машины лесом на другое место. Понял, что где-то здесь находится немецкий разведчик и дорогой уходить нельзя. Немцы сразу же ударили по соседнему дивизиону.

Как раз в этот день, 3 сентября, был мой день рождения. Исполнился двадцать один год. Я собрал приятелей. Были командир соседнего дивизиона Гриша Грузин, командир зенитного полка майор Джорджадзе и другие. Джорджадзе сейчас генерал-лейтенант, академик Грузинской академии. С утра Котяра * меня спрашивает:

— Что бы Вам подарить на день рождения?

— Саня, — говорю, — свари нам борща.

Мы там ели одних бычков в томате. Пока Саня варил, был такой артолет, что мы потом в борще нашли осколок. В домике, где я жил, не было ничего, кроме шкафа. Шкаф положили на бок вместо стола, расселись кто на чем: на канистрах, чурбаках. Саня притащил ведерный чугунок с борщом. Выпили, — и тут Котяра кричит:

— Пятнадцать штук летит!

Те сыпанули на нас. Гриша Грузин, большой любитель выпить, схватил бутылки, поставил на пол:

— Побьют ведь!

* Ординарец Котов.

Схватил чугуи:

— Горячий, сволочь!

А вокруг все летит и рвется. Когда немцы улетели, мы с таким удовольствием поели борща. В тот налет трахнули мой «бенгам» — только колеса полетели. Гриша спрашивает:

— А водка там была?

— Была, — отвечаю, — литр.

— Жалко.

Немцы повернули на нас всю авиацию, нацеленную сначала на Ленинград. Как же нас лупасили! Целый день бомбежка, самолеты висели над нами непрерывно.

Сижу раз на блиндаже. Жарко. Надо мной разворачивается «Ла-5». Еле летит, мотор с перебоями, висят какие-то ошметки. За ним два «мессера». Как в тире, по очереди заходят и расстреливают. Рядом под церквушкой стояла наша зенитная батарея. Они как раз обедали. Вдруг оттуда одиночный выстрел. Пук!! И 85-миллиметровый снаряд попал прямо в центроплан одного «мессера». У того — раз, крылья сложились и отлетели. Не видел бы — не поверил. Второй «мессер» повернул, дал с перепугу такой форсаж и удрал. Наш истребитель сел на поле, на нем живого места нет. Удивительно, что не загорелся. Вытащили оттуда летчика. Живой, белобрысый, молодой.

Еще я видел, как нашего «лага» лупит «мессер». Наш сел на поле перед лесом. Там были пеньки. Попал бы на них — остались бы только клочья. А «мессер» не выскочил из пике и попал в верхушки елей. Разлетелся буквально на мелкие кусочки. Наш летчик выскочил из кабины и погрозил кулаком.

— Раньше надо было пугать, — говорю ему.

Под Назией, рядом стояла 37-миллиметровая зенитная батарея. Командовал ею лейтенантик лет двадцати. Рядовые — лет по восемнадцати, сущие пацаны. Бегали друг за другом, играли в чехарду. Но стреляли бесподобно.

Каждый день сбивали по самолету, хотя у них всего-то на тысячу метров дальность эффективного огня. Насолили немцам здорово. Те однажды и навалились на них. Пикировало штук пятнадцать. А наши ребята ни на секунду не прекращали огня. Боеприпасов не жалели. Сбили пять штук! И хоть бы одна бомба упала рядом. Немцы с мандража кидали бомбы метров за триста-четырееста от них. Сначала под Назию пришел мой дивизион, а потом эти зенитчики. Очень долго колупались на позиции, лейтенант заставлял их зарываться, а солдаты — мальчишки гоняются друг за другом. Заставлять пришлось до первой бомбежки. После нее зарылись с головой — только стволы торчали.

На Волховском фронте у меня накопился громадный опыт работы с пехотой. Дивизион был отдельный, и я работал исключительно по заявкам пехоты. То для 265-й дивизии, то 115-й, то для бригады морской пехоты.

Дают, положим, задание: подавить узел сопротивления размером с полкилометра. Например, цель «Роцца Круглая» была метров триста. Немцы ее оборудовали черт знает как. В этой роцце были сосны в обхват, после нас остались одни пеньки. Выдвинется дивизион, дашь залп — над тобой столб пыли поднимается метров на сто. Тут же надо удирать. Каждый залп — с заранее подготовленной позиции. Иной раз мы стреляли дважды с одного места. Обычно обходилось: немцы не ждали повторных залпов. Но иногда они нас и прихватывали, если сразу засекали второй залп.

Дивизион стреляет только по площади. Залповый огонь никогда не бывает точным. Как повезет, как попадешь. В наступлении самое главное — отрабатывать переносы огня. Особенно у нас. Сначала делаешь налет по переднему краю, затем — залповая стрельба по целям, потом, перед тем как вставать нашей пехоте, — опять налет, чтобы загнать немецкую пехоту в убежище. Хорошая пехота, хотя и трепаная, идет за разрывами метрах в двухстах.

Один наш разрыв — с двухэтажный дом, воронка — метра два глубиной и пять-шесть в диаметре. И когда во время артподготовки кладешь пятнадцать-двадцать снарядов на гектар, пехота пошла — навстречу выстрела нет.

А у меня раз пехота не поднялась.

Особисты доложили, что я накрыл де своих, а артиллерийское начальство это прикрыло. Я как раз тогда опасался попасть по своим и потребовал от начальника артиллерии 265-й дивизии Деркача подписать карту. Тот дал мне передний край и координаты цели. Я увидел, что при нашем сильном рассеянии почти накрываю своих. Перенес установки на двести метров вперед. Шарах! А пехота не поднялась...

Приехала комиссия. Со мной все ясно: где стояли мои установки — дырки от огня, вынесенные на двести метров вперед по сравнению с картой. Составили акт: по своим не стрелял. Я приехал к следователю. Капитан, военюрист 3-го ранга. Сажу у него в палатке на ящике, нога за ногу. Акт у меня в кармане. Он на меня:

— Как Вы сидите перед следователем?!

А я ему:

— Пошел ты... Будешь командовать, как мне сидеть.

Повернулся и ушел.

А тут как раз наложилось: мой солдат Файзуллин украл мешок капусты. Не для себя, конечно. Я пошел к прокурору, военюристу 1-го ранга. Вопрошаю:

— Почему я должен стоять перед ним навытяжку? И санкцию на Файзуллина не дам!

Прокурор говорит:

— Пиши характеристику на солдата.

Вызывает моего следователя:

— В следующий раз, когда Косов тебе понадобится, поедешь к нему на передовую.

Я написал Файзуллину самую лучшую характеристику. На его «деле» прокурор написал: «Дело прекратить».

Спустя некоторое время я собрался в штаб армии. Прибегает старший лейтенант Петриченко, мой оперуполномоченный, — тот, кто накапал на меня:

— Товарищ капитан (мне присвоили звание капитана 27 сентября), захватите меня.

Прибыв в штаб, я отправился к своему начальству, а Петриченко — к своему. Окончив дела, прихожу к машине. Вижу — бежит Петриченко:

— Товарищ капитан, вас просит полковник, начальник особого отдела фронта.

«Ничего себе», — думаю.

Иду. Полковник спрашивает:

— Скажите, капитан, какие у вас претензии к оперуполномоченному?

Я при Петриченке отвечаю:

— Пусть на меня не пишет доносы.

— Откуда вы знаете?

— Я видел.

— Где Вы видели?

— Когда был у следователя, видел на ящике.

Прочитировал полковнику кусочки. Похоже, он с трудом удерживался от смеха.

— И все-таки Вы это зря, — мягко сказал он мне, — идите к машине. А Вы, — обратился он к Петриченко, — задержитесь.

Я ушел. Спустя малое время бежит Петриченко, лицо малинового цвета.

— Вы извините, — говорит мне, — у нас все будет в порядке.

В сентябре под Синявином у меня не хватило возраста и мудрости.

Стояла хорошая погода. Я нацелился на рощицу от меня километрах в двух. Видел, как туда сначала зашли танки, а потом

прошли бензовозы. Тут вызывает по телефону начштаба артиллерии армии полковник Солодовников:

— Товарищ Косов, вам другая цель. Огонь открыть через десять минут.

А я со своего места по новой цели не достаю. Надо переезжать. За десять минут не успею. Я стал было возражать, но он так на меня напал... Я только сказал:

— Слушаюсь, — и положил трубку.

Комиссар спрашивает:

— Что будешь делать?

— Стрелять по старой цели.

— Ты что, с ума сошел?

— Он сидит за пять километров и видит, как свинья небо.

Это был тот самый комиссар, что потерялся тогда под Жихаревом. Вообще-то, он был неплохой мужик, не склочный.

Я подождал десять минут. Скомандовал... Залп... У немцев в роще начался такой тарарам: горит, взрывается. Солодовникову, видать, доложили с передовой. Звонит:

— Ну, вот видишь, как все здорово вышло!

Я ему возьми, да и ляпни:

— Так я стрелял по старой цели, товарищ полковник.

Такой тут пошел фонтан!

Дня через два вызывает меня начальник артиллерии армии генерал Безрук *. Для начала сильно выругал. Потом спрашивает:

— Объясни, в чем дело?

Я объяснил с картой.

Безрук ворчит:

— Вот ведь он какой дурак... А почему скандал?

— Я ему сказал, что стрелял по старой цели.

— А теперь ты дурак. Надо было промолчать. Сейчас бы дырочку вертел.

Хитрый такой был хохол.

Попадал в переплеты и похлеще. Раз немцы очень удачно ударили и отсекали меня от дивизиона. Я сидел на наблюдательном пункте со взводом управления, человек пятьдесят-шестьдесят. Танки прошли над нами. У меня уже был опыт окружений по 41-му году. Мы выбирались по болоту. Жижа — по горло. Болото заросло кустами и тростником. Немцы перекликались через наши головы с островков, а мы пробирались между ними. Перебили б, как котят, если бы обнаружили. Часа через два-три вышли. Надо было нас видеть! Сухими были только документы и курево в фуражках.

* Г.-м. Безрук — ком. артиллерией 8-й армии. (Сост.)

Было там узкое дефиле. С одной стороны — насыпь железной дороги, за ней болото, по другую сторону — опять болото. По этому дефиле шла немецкая танковая дивизия, танков примерно сто пятьдесят. По ним стреляли двадцать четыре дивизиона. Дали по одному залпу. В каждом дивизионе восемнадцать установок. Залпы накрывали друг друга. Прорвалось сквозь дефиле четырнадцать танков. С перепугу они влетели в болото, завязли и сдались. (...)

Я не любил сидеть в блиндаже во время обстрела. Приятней было чувствовать себя в траншее, особенно после того, как меня завалило.

Под Синявином был у меня блиндажик. Паршивенький, стены из плетня, потолок — накат в одно тонкое бревно. Меня позвал в блиндаж телефонист. Только я зашел — в угол ударила мина. Потолок рухнул. Нас быстро откопали. Телефониста я подмял под себя. Он остался жив. Мне ободрало лоб и спину. От гимнастерки остался один воротничок. Целый день, пока не привезли новую гимнастерку, я ходил в плаще. В нем было жарко и душно.

На Волховском фронте, километрах в двенадцати от Невы, был на болоте сухой остров. Мы его звали «остров Рудольфа»: у всех на слуху были предвоенные арктические экспедиции. В октябре 42-го я с разведчиками шел по болоту к этому острову. Идем, как по матрацу. И тут из-за гребня острова выходит рота немцев и спускается к болоту. Естественно, и мы, и они залегли. Мы — прямо в воду за кочки. Они, идиоты, — на песчаном склоне, обращенном к нам. Как на ладони, метрах в ста пятидесяти. Мы их били на выбор. Я очень точно стрелял по ним из маузера, который подарил мне Ротмистров под Калинином. Прицелишься — раз! И он только дернется. (...)

Мы обнаглели. Котяра, мой ординарец, раскурил папиросу, дал мне:

— Покурите, капитуся.

Так он меня звал. Я то курну, то выстрелю. Немцы уползли за бугор, а мы по болоту вернулись обратно. В первый раз за войну я простудился.

Той же осенью я приезжал к генералу Калашникову, командующему артиллерией 2-й армии. Ну, лев был! Там же были Зубков, член Военного совета у Кулешова и капитан Бакай. Когда стали выходить от Калашникова из блиндажа, шли так: Бакай, я, Зубков. И тут — шарах! Неподалеку рвется двухсотсорок миллиметровый снаряд.

— Товарищ полковник, может быть, переждем?

Повернули к блиндажу. Опять свист. Зубков успел вскочить в блиндаж, дверь за ним захлопнулась. И снаряд в двести десять

миллиметров вошел в дальний от нас скат блиндажа. Дверь вырвало, она ударила меня. Сшибла. Я — на Бакая, сшиб его. Мы с ним остались живы, а Зубкову снесло полчерепа.

Вместе с Калашниковым они похоронены в Старой Ладогe.

От этого удара через несколько месяцев у меня получились спайки радужной оболочки. Зрачок стал зубчатым. Света не выносил, боль ужасная, будто клещами выворачивают глазницу. Кулешов, когда увидел такое, послал меня в госпиталь к знаменитому ленинградскому профессору Нечволодову. Он осмотрел меня:

— Молодой человек, вы что, хотите остаться слепым?

Хотел положить меня в госпиталь, но поскольку мои тылы были от госпиталя в пяти километрах, разрешил жить у себя в дивизионе при условии, что меня будут привозить к нему два раза в день со скоростью десять километров в час. Закапывали атропин для разрыва спаек. От этого я дней двадцать ничего не видел. Потом прошло.

После Синявинской операции до конца года шли тяжелые местные бои. Жуткие потери. Оправдание этих потерь: вести себя активно, удерживать немецкие части от переброса на Ленинград и под Сталинград.



П. В. РУХЛЕНКО,
капитан в отставке,
бывш. парторг 894-го ап 327-й сд

Во имя освобождения Ленинграда

После Любанской наступательной операции людей осталось очень мало — в нашем полку всего 80 человек. Но скоро нам дали пополнение из расформированного кавалерийского корпуса генерала Н. И. Гусева.

В скором времени начал свою работу политотдел 327-й стрелковой дивизии, начальником которого был назначен полковой комиссар Е. Ф. Дурнов. Он умело и достойно возглавлял политическую работу. Постепенно начали прибывать политработники и занимать должности комиссаров батарей и дивизионов.

В 894-й артполк был назначен комиссаром П. И. Широков — батальонный комиссар. Быть парторгом предложили мне. Командиром полка стал майор Н. П. Грицак, начальником штаба — майор М. А. Скубаков.

Личный состав поступал различный: кроме кавалеристов, участвовавших в Любанской операции и уже «обстрелянных», были и не участвовавшие в боях.

В новой для меня работе парторга полка были свои трудности. Но мне удалось в скором времени подобрать хороший актив из парторгов и комиссаров подразделений — это была моя опора. Со временем я стал чувствовать себя увереннее.

Комсоргу полка Н. Ф. Котову было всего 20 лет. Он еще был в звании замполитрука, но хорошо и быстро усваивал свои обязанности. Среди актива были лейтенант А. Лебедев, рядовой М. Вырицкий и многие другие.

Кроме коммунистов и парторгов, мы начали отбирать актив из комсомольцев и комсоргов в подразделениях. В их числе были комсорги дивизионов сержанты Бердик, В. Зикунков и другие коммунисты и комсомольцы, которые шли в бой, не щадя ни сил, ни самой жизни.

В лесах Малой Вишеры мы имели возможность поддерживать живую связь с политуправлением Волховского фронта.

В это время вышел приказ Верховного Главнокомандующего № 227, в котором была изложена обстановка в стране, наше экономическое и военно-стратегическое положение. Помню, как недалеко от Малой Вишеры, в лесу, политработников собрал

начальник политуправления Волховского фронта генерал К. Ф. Калашников, который зачитал нам приказ № 227 и разъяснил боевые задачи. В дальнейшем вся партийно-политическая работа с личным составом — командным и рядовым — проводилась в соответствии с приказом № 227.

В этот же период Волховский фронт начал перегруппировку войск в сторону Ладоги. В их число вошла и наша 327-я стрелковая дивизия (командир — полковник Н. А. Поляков).

Наш полк получил приказ на получение материальной части в запасном полку на ст. Котово. Получив материальную часть, все сразу почувствовали, что полк стал настоящей боевой единицей и может своими средствами нанести мощный удар по немецко-фашистским захватчикам.

Нам предстоял путь по железной дороге через Окуловку, Будогощь, Волховстрой на ж/д станцию Войбокало. Перед Волховстроем мы впервые встретили эвакуируемых ленинградцев, которые запомнились на всю жизнь. При проведении в полку партийно-политической работы с личным составом мы всегда заключали: за мучения и страдания ленинградцев не пожалеем своих сил и самой жизни — освободим город Ленина во что бы то ни стало!

Основное внимание мы уделили пополнению и укреплению вновь созданных низовых парторганизаций, которые при комплектовании полка имели всего по 6–8 человек. Благодаря активной работе по отбору и приему кандидатов в члены КПСС, у нас по отдельным организациям стало по 10 и более коммунистов. Принимали мы людей в партию на стоянках, при передвижении своим ходом и по железной дороге. Так, при движении в Котово на ст. Мстинский Мост у нас была остановка, которую мы использовали для короткого заседания партбюро полка по приему в партию, а затем в Войбокало утвердили на парткомиссии тех, кто был принят ранее.

Многие при вступлении в партию в своих заявлениях писали: «Если убьют, прошу считать меня коммунистом». Иногда и так было: отдельные бойцы и командиры попадали под обстрел или бомбежку и погибали. Например, рядовой Мельников, москвич, оформлял свое личное дело на прием в партию, а рядом разорвалась мина, которая для него оказалась роковой... Он был принят в партию посмертно.

Плотность войск на нашем участке фронта становилась все большей. Мы понимали, что скоро начнутся бои. Поэтому в своей агитационно-пропагандистской работе стали уделять большое внимание сплочению людей и их настроению. Не обходилось и без казусов, на которых я остановлюсь ниже. Вопросы героизма или

трусости мы не упускали из виду, увлечение отдельных людей листовками противника было нетерпимым. В последнем вопросе мы обязывали решительнее действовать ст. оперуполномоченного полка И. И. Косточку. Большое внимание в партийно-политической работе уделялось вопросам хозяйственного обеспечения, особенно снабжению продовольствием и боеприпасами.

На станции Войбокало мы выгрузились, не попав под бомбежку. Пришло время выйти на боевые рубежи перед д. Вороново. 327-я стрелковая дивизия закончила свою подготовку к 27 августа. 894-й артполк заканчивал укрепление огневых позиций и вел разведку целей противника. Тогда еще не было механической тяги, и нас обеспечили хорошими лошадьми кавалеристы генерала Н. И. Гусева. Весь август 1942 года был очень напряженным. Большая и сложная подготовительная работа осталась позади, на очереди стала непосредственная задача — БОЙ!

27 августа рано утром началось арто наступление, которое длилось два часа. Грохотало и дрожало все, казалось, и земля тоже. На головы врага обрушились тонны металла из орудий и минометов различных калибров.

Вперед пошла пехота. Опорный пункт — деревня Вороново — был взят. Успешное начало нас ободрило, но возникали все новые обстоятельства и задачи.

В это время мне пришлось находиться во 2-м дивизионе, где комиссаром был старший политрук М. Симаков. Наше наступление шло успешно, и мы, как только уточнили обстановку, начали готовить работу партбюро по приему в партию.

На этот раз мы проводили партбюро на огневой позиции батареи 2-го дивизиона, где старшим был лейтенант Лебедев. Стоял только один вопрос: прием в партию. Но прошло немного времени, и противник накрыл позицию батареи артолетом.

В начале сентября обстановка стала меняться не в нашу пользу. Противник получил сильное подкрепление и начал все чаще контратаковать, в воздухе стали появляться немецкие самолеты, которые действовали безнаказанно, так как у нас самолетов почти не было. Необходимо было усилить партийно-политическую работу в условиях боя, который становился все труднее. У нас уже появились первые награжденные приказом командира дивизии. Необходимо было организовать вручение наград более оперативно, так как награжденные были в основном рядовые, сержанты и командиры батарей.

В конце месяца надо было закончить прием и сдать партийные взносы. Рядовой коммунист платил взнос — 10 коп., но требования политотдела заключались в том, чтобы встретиться с бойцом,

поговорить с ним по душам, суметь поднять его настроение. Но мне, вновь назначенному парторгу полка, не имеющему должного опыта, это сделать пока не удавалось, а подчас было и просто невозможно.

В это время случилась задержка с боеприпасами. Меня вызвали на КП, где командир полка майор Н. П. Грицак и комиссар Широков отдали приказ выехать на железную дорогу к станции Жихарево (25–30 км) и выяснить причину задержки. Прибыв благополучно на станцию Жихарево, я нашел базу снабжения и наших людей во главе с начальником артснабжения. Им оказался ст. лейтенант, фамилии не помню. Он был новым человеком в полку, но уже начал безобразничать: напился пьяным и забыл о деле. Мне пришлось ускорить отправку боеприпасов, а заодно и этого начальника к командиру полка.

Возвратившись на место, я встретил у себя инструктора политдела Ярошенко. Это был человек в возрасте, ранее работавший зав. орготделом Кременчугского горкома партии. Именно он настроил меня на работу парторгом. К сожалению, вскоре Ярошенко был убит прямым попаданием снаряда.

По ходу боевых действий наш полк был разделен на две части: 2-й дивизион оставался у дер. Вороново, а 1-й и 3-й были передвинуты за железнодорожную линию под Гайтолово и Тортолово — там были наиболее напряженные боевые действия, особенно у рощи Круглая. Вступил в бой и 4-й корпус генерала Н. А. Гагена, на который возлагались большие надежды. Надо было взять Синявино.

Бои на новом участке становились все более ожесточенными: немцы имели много самолетов, бомбили и обстреливали даже отдельных бойцов, которые носили на передовую пищу в термосах. Во второй половине дня мне пришлось выполнять много заданий как посыльному, а не как парторгу. Но война есть война... На КП я получил приказ от комиссара полка П. И. Широкова найти и установить связь с 6-й батареей: видимо, после бомбежки был порван провод. Со связистами мы отправились искать обрыв и нашли его в 150–200 м от расположения 6-й батареи, пройти пришлось 1,5 километра. Конечно же, этот обрыв должны были найти и устранить связисты 6-й батареи. Но на месте мы увидели большой беспорядок: после прошедшей бомбежки люди прятались кто где мог. А старший на батарее молодой лейтенант тоже растерялся. Пришлось мне вместе с ним отыскивать людей и возвращать на свои места. Кроме того, они не увели вовремя в укрытие лошадей, большая часть которых была поражена при бомбежке. Я строго предупредил старшего на батарее, а сам со связистом направился проселочной дорогой в сторону КП полка.

В это время со стороны железной дороги часто бил бронепоезд неприятеля. На дороге мы встретили командира полка Н. П. Грицака со своим ординарцем сержантом Деревянко. Я доложил комполка о своих действиях в 6-й батарее. Он поблагодарил меня и пошел с ординарцем на свой НП. Не успели мы разойтись, как немецкие самолеты снова начали бомбежку. Мне казалось, что это конец. Я снял каску и сделал себе углубление, чтобы спрятать голову и корпус, связист сделал то же самое. Осколки падали дождем, но мы остались невредимы. Основное направление бомбежки прошло левее расположения 6-й батареи, но именно там, куда пошел майор Н. П. Грицак с ординарцем Деревянко.

Возвратившись на КП полка, я доложил обо всем комиссару полка. А через несколько минут майор М. А. Скубаков сообщил, что не может выяснить, где комполка майор Н. П. Грицак. Было предположение, что они попали под прямое попадание авиабомбы.

После бомбежки к нам привели немецкого летчика, который был сбит и сел на нашей территории. Это был рослый блондин лет тридцати. Мы попытались с ним разговоривать, но он вел себя так надменно, что мы отправили его в штаб 327-й дивизии.

Вечером я пошел к зам. полка майору Васину, который был назначен и. о. комполка. В это время в полк прибыл председатель ДПК* батальонный комиссар Дегтярев. При встрече Дегтярев мне сказал: «Нам до рассвета надо пробраться на КП 1100-го пехотного полка и провести заседание по вопросам плохого снабжения». Через несколько минут мы уже шагали с ним по торфянику, держась за провод связи, который вел нас на КП командира этого полка. По пути мы обнаружили нашего коммуниста, который был на промежуточной линии связи с этим полком. Он рассказал, где и как найти КП пехотного полка. Заодно я сумел у него принять партвзыскания. Путь наш был опасным. Командир полка принял нас доброжелательно, рассказал о сущности дела, а сам лег спать, так как ему рано утром надо было вставать.

Разобравшись с делом, мы строго спросили с зам. комполка по хозяйству и начальников по продовольственному снабжению, не обошлось и без партвзысканий.

Вдруг немцы начали усиленный артобстрел, который продолжался так долго, что образовалась сплошная завеса пыли и дыма. Мы сидели, разговоривали с людьми, а сами думали, как бы не угодил снаряд.

Сложными были и все последующие дни. Но приказ: «Ни шагу назад!» делал свое дело. Наши войска ожесточенно держали каж-

* Дивизионная парткомиссия. (Сост.)

дый клочок земли. Вспоминаю, как на одном из участков прошли упорные бои, а после ст. лейтенант Коротков рулеткой замерял отбитый у немцев участок земли, рискуя собой. А потом сказал: «Еще мы у немцев отбили 180 метров нашей священной землицы». И Коротков для многих стал мифическим героем.

Стали подходить раненые из 4-го корпуса генерала Н. А. Гагена. На долю этих людей выпали тяжелые испытания. Мы понимали, что наступление идет на убыль.

В неудачах наших войск сказывалось многое: и неоперативное руководство при вводе второго и третьего эшелонов, и бездорожье в лесах и болотах, и господство синявинских высот, находившихся у врага. Кроме этого, у немцев было много самолетов, которые все время пронеслись у нас над головой. Нашей авиации мы почти не видели.

По приказу фронта наши войска к 1 октября отошли на восточный берег р. Черной. 327-я стрелковая дивизия продолжала и в октябре удерживать свои позиции. В обстановке обороны мы еще сумели подготовить и провести вручение партбилетов и правительственных наград бойцам и командирам, отличившимся в Синявинской операции. Только в конце октября 1942 года мы вышли из боев и двинулись на ту же станцию Войбокало. Прибыли ночью, дороги были разбитыми и грязными. Слякоть и грязь не очень бодрили. Но мы быстро разместились в лесу вокруг д. Падрила и начали работу по подготовке к новым боям за город Ленинград.

Выписка из исторического формуляра 327 сд *

Дивизия имела боевую задачу прорвать оборону противника на фронте Вороново, восточнее отметки 70.9, овладеть узлом сопротивления на западном берегу озера Заднее, озера Долгое, Вороново, Карбусель и выйти на железную дорогу Мга—Келколово в районе платформы Турышкино.

27.08. 42 г. части 327 сд прорвали оборону противника и овладели д. Вороново, Южным домом отдыха, Северным домом отдыха и опорным пунктом на западном берегу оз. Заднее.

В боях за Вороново полностью разгромлены 385 пп, 422 пп 23-й пехотной дивизии и два батальона 96 пп. Взяты трофеи: орудий — 15, винтовок — 817, автоматов — 391, танков — 9.

В период с 10.09.42 г. дивизия совместно с другими частями 2 УА прорвала кольцо окружения в районе Тортолово-Гайтолово и обеспечила выход окруженной группировки наших войск.

* ЦАМО. Ф. 327 сд.

*Р. М. МОХОВ, 1919 г. р.,
сержант в отставке,
бывший электромеханик
роты технического обслуживания 98 тбр*

Танки 98-й бригады в Синявинской операции *

Когда началась война, я был студентом 4-го курса Ленинградского политехнического института. Нас, старшекурсников, собирались отправить в Москву, в Академию бронетанковых войск им. Сталина, но не успели: 19 августа дорога на Москву была перекрыта противником.

С учетом того, что в институте я закончил школу автолюбителей, меня посадили на газогенераторную машину в химико-дегазационной роте. Применения боевых отравляющих веществ не случилось, и наши установки использовались для помывки бойцов. В декабре я подвозил мины с лесного склада на правом берегу Невы к переправе. Дважды сам пешком по ночам ходил на тот берег — переносил мины.

После встречи Нового, 1942-го года, нас отправили на Большую землю через Ладогу. В пути кончился бензин. Начался буран, машину занесло снегом.

Спустя сутки ветер переменялся, и я пошел в Кобону. Здесь мне дали машину, бензин и направили в Волховстрой, в 54-ю армию. В Волхове я получил хлеб — по 900 г на трое суток, но съел его в тот же день. Своеобразный личный рекорд: 2,7 кг хлеба за одни сутки.

Немцы отступали по левому берегу Волхова, в сторону Новгорода, мы их преследовали. Прусуня, Гостинополье были сожжены немцами. На правом берегу — Прусунская Горка, где сохранилось много целых домов. Там отходили румыны, тоже поджигали, но крестьяне успевали их тушить.

Началась Любанская операция: 2-я ударная армия успешно прорвала немецкую оборону на Волхове и наступала в сторону Любани. Навстречу ей выступила 54-я армия — разыгрались тяжелые бои за ст. Погостье на дороге Мга-Кириши. Перейдя железную дорогу, мы оказались в «мешке». Не было подвоза продовольствия, горючего и боеприпасов, и наступление захлебнулось. Машины пришлось уничтожить. Получив приказ на отход, мы снова перешли железную дорогу и вышли к своим.

* Записано составителем.

Через какое-то время вызвали шоферов и отправили в Новую Ладугу, где находился 11-й запасной танковый полк. На танках Т-60 — автомобильный двигатель, и нас назначили водителями легких танков, прибывших после ремонта. Из-за тонкой брони и визга маломощного двигателя солдатские острословы прозвали их «жу-жу, на страх врагу и смерть экипажу». На этих «жу-жу» мы прибыли в 98-ю танковую бригаду.

Она была сформирована после взятия Тихвина и направлена на развитие наступления, но не оправдала надежд и летом подверглась перетасовке. 17.06.42 г. комбригом был назначен майор Пайкин — бывший комбат 124-й бригады. Воюя в болотистой местности, бригада теряла машины одну за другой. Не знаю, сколько было тяжелых танков при формировании, но к лету 1942 г. в бригаде осталось 3 «КВ», две неполных роты (по 10 машин) «тридцать четверок» и около 20 — Т-60. Вот и все. А мне-то казалось, что бригада — это очень мощное соединение.

Вскоре из Волхова нас отправили своим ходом в Мемино. Вся поездка — непрерывные остановки. Один танк заглох, у другого свалилась гусеница, третий сполз в канаву и сел на «брюхо». Тросом вытаскиваем танк на дорогу, но обычно одной машины мало — цепляем две цугом.

В пути начали разрушаться траки — возможно, из-за низкого качества литья. Я заменил один трак, надо было заменять еще. У одного катка разрушился подшипник. Вяло работал стартер, но, отрегулировав реле, я у себя наладил зарядку.

На стоянке мой сосед, огромный детина-хохол, попросил: — А ну, зроби мэни! Но они занимались машиной вдвоем, а я был один и отказался. Тогда он предложил мне заменить траки, а я сделал зарядку. Подошли другие механики, и я наладил зарядку и зажигание в пяти или шести машинах: ведь в институте курс электротехники уже прошел.

Помпотеха роты, старшего техника-лейтенанта Окрушко вызвали в штаб, спросили:

— Как с электрооборудованием?

— В порядке, механик все сделал.

Зам. командира бригады по техчасти Н. А. Коливода удивился: — Какой-такой механик?

Послали за мной. Высокий, с прекрасной выправкой подполковник с густыми черными бровями (цыган по национальности) оглядел меня неприязненно. На голове у него была фуражка с лакированным козырьком и эмалевой звездочкой, что отличало кадровый комсостав.

Я же выглядел невзрачно. Тощий, одетый в короткий сти-

ранный ватник, выбивавшийся из-под ремня, в ушанке с одним ухом — второе сжег у костра. После блокады я все еще не восстановился, хотя и считал, что питаюсь теперь хорошо: 900 г хлеба плюс каша с жиром.

Состоялся следующий диалог:

— Это ты занимаешься электрикой?

— Я...

— А кто разрешил? На что я, не задумываясь, ответил:

— Если нельзя, то пойду и сделаю как было!

Подполковник понял, что перегнул палку, и спросил, кто я по специальности. Я ответил, что взят в армию с 4-го курса института. Он воскликнул:

— Что же ты молчал! В бригаде столько машин и аккумуляторов, а электрика нет!

И, обращаясь к кому-то из подчиненных, велел перевести меня сегодня же в РТО* командиром отделения электриков, а мне идти в роту и наладить стартер на «КВ».

В дальнейшем с Николаем Антоновичем Коливодой у нас сложились хорошие дружеские и деловые отношения, продолжавшиеся до тех пор, пока его не перевели в танковую бригаду Войска Польского.

Итак, я — «шофер рядовой необученный» — стал электромехаником бригады. В моем ведении было два трехосных «газика» с двумя полевыми зарядными станциями для зарядки аккумуляторов, полуторка для устройства в ней передвижной мастерской и четыре человека штата во главе со мной. Мы соорудили в кузове кибитку из жердей и брезента, но у меня — электрика — не было ни вольтметра, ни инструментов. Вольтметр я снял со сбитого «мессера», а трофейный инструмент у кого-то выменял.

Командиром РТО был капитан Дмитрий Ильич Орлов — внешне суровый, но в действительности очень душевный и заботливый человек, много делавший, чтобы сберечь нас во время боевых операций и глубоко переживавший гибель людей.

Сколько дней мы ехали в Мемино — не помню, но особенно не торопились: все знали, что впереди — новые бои. Да еще лето, тепло. В каждой машине — большой брезент. Складываем брезент в несколько слоев, устраиваемся ночевать. Все хорошо, но комары не дают покоя. Разжигаем костры, бросаем в огонь траву для дыма.

Дорога шла по берегу Волхова. Однажды над рекой появилось облако белых бабочек. К вечеру они стали падать в воду. Вдоль берега образовался тридцатисантиметровый слой мертвых бабочек — действительно бабочки-однодневки. Казалось бы, не то время, чтобы такое замечать, ан-нет, отчего-то показалось интересным...

* Рота технического обеспечения. (Сост.)

Деревня Мемино располагалась в стороне от шоссе. Из глухомани вдруг показались три десятка изб-пятистенков с дворами под общей крышей. Они стояли на небольшом сухом островке среди болот.

Нам отвели участок в лесу, где надо было из брезентов оборудовать жилье и соорудить бревенчатые настилы под танки. Экипажи преобразились: тесали жерди, устанавливали стойки. Никого не приходилось подгонять — привычный мирный труд был не в тягость.

Как водится, появился политрук. Проводил беседы на темы: «Положение на фронтах», «Боевой путь бригады». Из информации следовало, что дела идут плохо. Везде отбивали атаки «превосходящих сил противника», нанося ему большие потери. О наших потерях умалчивалось.

Лето 42-го года мы простояли в д. Мемино на реке Влоя, в 10 км от Волхова. Приводили в порядок технику, изучали оборудование танка Т-34.

30 августа бригаду подняли по тревоге. Кратчайшим путем, проселочными дорогами из Мемино направили в д. Апраксино *. Каждый грамм горючего был на счету: доставался он трудно. Последней станцией, куда доходили поезда с воинскими грузами, было Войбокало. Вся станция представляла собой один товарный вагончик без колес, где укрывался комендант — старший лейтенант. Днем станцию нещадно бомбили, там все было перепахано. Ночью подходил поезд, разгружался и тотчас уходил. Машинами грузы переправлялись к Жихареву, где в лесу находились склады. Отсюда и шло все снабжение войск.

Бригаду ввели в состав 2-й ударной армии, печально известной по окружению за Мясным Бором. Эта армия, неожиданно воскресшая, была переброшена из Малой Вишеры через Бологое—Тихвин—Волхов в Жихарево для наступления в направлении Синявина.

К 1 сентября мы сконцентрировались напротив д. Апраксино — небольшого поселка в 30 дворов. Это была исходная позиция для наступления через Синявино к Неве для соединения с войсками Ленинградского фронта.

Немецкая армия подходила к Сталинграду и была уже близко от Волги — магистрали снабжения фронтов горючим.

Как сейчас вижу: солнечное сентябрьское утро «бабьего лета», взорвавшееся грохотом десятков орудий. После артподготовки вдоль высоковольтки пошли тяжелые танки: «КВ» со своей броней

* По-видимому, имеется в виду Апраксин Городок. (Сост.)

в 90–100 мм и предназначались для взлома переднего края вражеской обороны. В первый же день наши танки прошли километра четыре, за танками — пехота. На второй день прошли столько же, но на третье утро появилась немецкая авиация *. Налеты следовали один за другим. Бомбили и «Ю-88», и пикировщики «Ю-87». На дорогах нельзя было появиться: истребители гонялись даже за отдельными машинами. Деревня Апраксино была разбита вдребезги.

Одна из танковых рот уже приблизилась к Неве, но из-за бомбежек пехота не могла закрепиться, и продвижение прекратилось. И так каждое утро: с рассвета появлялось по 3–5 юнкеров, бомбя по всему участку нашего наступления. Летали они безнаказанно: зениток почти не было, и наших истребителей мы не видели ни разу. Если несовершенство наземных войск, их массовые потери, можно было как-то компенсировать пополнением, то господство в воздухе немецкой авиации компенсировать было невозможно. «Мессершмидты» были действительно верхом совершенства. Пикирующие бомбардировщики Ю-87 с неубирающимися шасси уже устарели. Они были тихоходны, не имели прикрытия сзади и подавлялись нашими истребителями, если не препятствовали «мессершмидты».

Рота технического обеспечения расположилась в лесу и ночью подвозила к танкам топливо и боеприпасы. А ремонтные группы по вызову, тоже ночью, выходили на ремонт танков, устраняя последствия подрывов гусениц и катков **.

К счастью, на бугор, где мы находились, не была сброшена ни одна бомба. На перекресток двух дорог перед нами много раз налетали бомбардировщики и истребители. Мы к этому уже начали привыкать и смотрели на все, как на кинохронику событий, происходящих где-то в другом месте.

Но не все так воспринимали окружающее. Был у нас механик из Орловской области по фамилии Пукаев. Попал он к нам из лагеря, где отбывал срок как «указник» — за прогул или опоздание. В отличие от других, он при звуке самолетов не мог оставаться в бойницах-траншеях, соединенных ходами сообщения, доставшихся нам от прежних постояльцев. Услышав гул самолетов, он высовывался из траншеи и начинал комментировать, словно

* В эти дни 11-я немецкая армия получила из Крыма 550 самолетов. (Сост.)

** Из приказа зам. наркома обороны г.-л. Федоренко от 18.09.42 п. 2: «Пополнение боеприпасами и горючим, восстановление танков производить непосредственно на поле боя, доставляя соответственные средства с тыла на фронт». (ЦАМО, ф. 98 тбр, оп. 1, д. 2). (Сост.)

с футбольного матча: «Летят шесть юнкеров правее нас, два отклоняются, идут в нашу сторону, сбросили бомбы... Перелет, бомбы разорвались за дорогой».

Мы слышим разрывы и сотрясение, а Пукаев продолжает комментировать, будто сожалея об ошибках немцев в наведении на цель. Это нервирует механиков, дремлющих после ночной работы у танков. Начинается перебранка. Один советует: «Лучше возьми да установи на подпорку танковый пулемет и стреляй себе!»

И Пукаев действительно оборудовал себе пулеметное гнездо в крайней огневой точке, откуда периодически доносились очереди. Но ему было необходимо с кем-то поделиться. Он приходил и рассказывал, как «засадил очередь в пикировщика». Это вызывало смех: как, мол, он мог такое видеть? Пукаеву снова советовали: «Ты заложи в диск трассирующие патроны, тогда и говори!» Он так и сделал, открыв огонь по пролетающим «мессерам». Один из них развернулся, зашел повторно и прострочил нас из пулеметов. Пули в землянку не попали, но взрыхлили землю вокруг и повредили две автомашины, замаскированные ветками.

Старшим у нас был инженер по ремонту, подполковник с академическим образованием Полтораки. Он был напуган происшествием и запретил демаскировать пункт техобеспечения. Я не раз замечал, что чем старше были люди, тем осторожнее и, наверное, просто умнее.

Наступление остановилось. Танки поставили в засаду. Немцы все время атаковали, пытаясь окружить или выбить продвинувшихся вперед. Наши танки с ротой автоматчиков и противотанковыми батареями держали оборону перед рощей Круглой.

В один из дней помпотех роты Белый приказал мне идти с ним и двумя механиками по вооружению к танку КВ, чтобы обеспечить работу стартера и запустить двигатель. Что там неисправно, он не знал. По рации не спросить — боялись, что немцы запеленгуют. Сходить туда дважды (сначала узнать, в чем дело, потом нести нужное оборудование) — за ночь не успеть.

Стартеры у нас были надежные, но из-за дефектов выключателей порой выходил из строя ротор, разрушая щетки. Целиком стартер весил 20 кг, да еще инструмент и автомат. Я отвернул тяжелую чугунную часть стартера, в которой портиться нечему, положил в вещмешок. Автомат взял самый легкий — ППС.

Как только стемнело, пошли. В лесу было уже совсем темно. Впереди — Белый, за ним мы. У меня груз больше всех, я начинаю отставать, потом догонять. В лесу — корни, наваленные деревья, воронки. Я несколько раз спотыкался, падал и отставал все боль-

ше. Периодически взлетали немецкие осветительные ракеты, что помогало держать направление. Вдруг впереди раздались крики: по-немецки и по-русски, стрельба, топанье ног. Я залег, стартер в мешке скатился мне на шею, но автомат был передо мной. Слева, метрах в пятидесяти, прострочили автоматные очереди. Я изготовил свой автомат и дал длинную очередь туда, откуда появлялось пламя. Все стихло.

При вспышке очередной ракеты я выбрал направление и пошел вперед. Под ногами почувствовал какую-то дорожку. Ощупал — оказался след, продавленный гусеницей танка, вдоль которого были примяты прутья и мелкие деревца. Вспышки ракет остались позади.

Время шло к рассвету. Начали различаться верхушки деревьев. Впереди показалась поляна и проходящие по ней отдельные фигуры. Я подобрался ближе, придерживаясь следов гусеницы, и увидел очертания башни с пушкой КВ. Услышал русскую речь и понял, что вышел к своим.

Под танком лежало человек восемь: экипаж и автоматчики. Механик обрадовался и — первый вопрос: — Стартер принес? Я вынул электрическую часть — разочарование и недовольство: — Мы же просили стартер...

— Мне ничего не передавали, — отвечаю. — Принес то, что обычно портится. А где Белый и оружейники?

— Белый был и куда-то ушел. А оружейников никто не видел.

Я вынул стартер из танка. Мое предположение оказалось верным — разрушился коллектор. Скомплектовал стартер, поставил на место. Крикнул механику: — Пуск! Раздался характерный звук шестеренок, двигатель фыркнул и заработал, обдав меня таким желанным и знакомым запахом. Все это время — от команды «Пуск!» до начала работы я не дышал. Все присутствующие помогали и поддерживали, не меньше меня ожидая благоприятного исхода. Оказывается, уже была получена команда на отход, а танк завести не могли. Бросить же танк, считавшийся на ходу, — значило попасть под трибунал.

Дело осложнялось еще тем, что при одном из налетов в верх башни попала бомба, но не разорвалась. Экипаж прятался под машиной и не пострадал. Но башню от удара заклинило, и она перестала вращаться, да еще в положении с пушкой в сторону. Вдобавок отказал электропуск, а резервная система воздухопуска не работала давно (не было компрессоров для заправки баллонов воздухом). Вот и ждали меня как избавителя. К счастью, я не подвел.

Экипаж стал расчищать место для разворота без выезда на поляну: только что поляну пробомбили и попали в одну из пушек.

Мы залегли под машиной. Рыхлый грунт под гусеницами сильно просел, и мы еле протиснулись.

В промежуток между катками было видно, как из одного танка вылез человек, вытащил из башни пулемет, упер его в люк и изготовился к стрельбе. Долго ждать не пришлось: немецкие летчики обычно сразу после первого налета совершали повторный. Цепочка самолетов-пикировщиков, стремительно падающих с неба, была встречена длинной, во весь диск, очередью. Один из юнкерсов-87 не вышел из пике и полетел к земле, задевая за верхушки деревьев. Раздался взрыв, вспыхнуло пламя, повалил черный дым. Потом мы узнали: стрелял молоденький лейтенант, командир танка. За свой подвиг он получил боевой орден Отечественной войны II степени. Действительные подвиги вознаграждались не слишком щедро. Высший командный состав, не совершая никаких подвигов, вознаграждался «за руководство» куда щедрее.

За Синявинскую операцию, в которую экипажи шли, не рассчитывая вернуться, мало кто из выживших получил награды. Зато грудь многих командиров стали обильно украшать ордена. Даже начпрод капитан Сироткин получил орден Отечественной войны «за привлечение пленных немцев для заготовки топлива для кухонь и бань». Никто никаких пленных тогда не видел. Просто Сироткин очень экономно расходовал спирт, полагавшийся исключительно во время боевых операций, зато командование получало «ворошиловский паек» постоянно. Ветераны-москвичи рассказывали, что после войны Сироткин работал в Москве заведующим продовольственным магазином и ходил в шерстяной гимнастерке, увешанной орденами, в том числе — Отечественной войны I и II ст. Оказывается, вовсе не обязательно было сбивать пикирующий бомбардировщик вместо того, чтобы спокойно залечь под танком. Так шло обесценивание орденов, и даже звание Героя Советского Союза многие получили не за героические, а «руководящие» поступки.

В конце дня с полуокруженного участка, захват которого противником сдерживали танки, мы пробивались через горловину. Помимо экипажа, в бронированное пространство танка разместили кого возможно. Двоих даже посадили на ленту бортового фрикциона *. Одним из них был оружейный мастер Семен Кузьмин из среднеазиатского города Мары.

Выход наш зависел всецело от мастерства механика-водителя: насколько он сможет держать направление движения и не застрянет ли в какой-нибудь воронке. Людей в машину набилось,

* Устройство для поворота танка. (Прим. автора.)

как селедок в бочку. Меня, как обеспечившего работоспособность танка, поместили на боеукладку, сверху на мне кто-то полу-сидел.

Каким-то образом механик в темноте верно взял направление и повел машину по колее, проложенной танками при наступлении. Я, понятно, ничего не видел и не слышал из-за грохота двигателя и лязга гусениц. Горловину мы проскочили довольно быстро, отстреливаясь из пулеметов. Неожиданно остановились и заглушили двигатель: мы оказались на той самой дороге под высоковольтной линией, с которой начиналось наступление.

Все стали выбираться из машины, как вдруг услышали крик о помощи из задней части танка, где на тормозных фрикционах сидели двое: они не знали, как изнутри открыть люк. Лента фрикциона нагрелась, а из выхлопной трубы пробивались газы. Мы вытащили людей из люка угоревшими, и они отлеживались на траве в полубморочном состоянии. Семен вылез черный от копоти как негр.

Наступление прекратилось, но оставить позиции приказа не было. Мы тогда не знали, что попытки высадить десант с Невы долго не удавались и соединяться нам было не с кем*.

По ночам к танкам пробивалась какая-либо из машин. Одна доставила бочки с топливом. Обычно экипажи ставили их за башней над моторным отсеком. Во время прохода горловины немцы прострелили бочку. Топливо разлилось, машина вспыхнула и полностью сгорела. В случившемся обвинили помпотеха роты, снарядившего экспедицию. Он был военинженером 3-го ранга, выпускником академии и сыном одного из ее профессоров. К фронтовым условиям он был неприспособлен.

Что греха таить, бань у нас не было, белье давным-давно не менялось и развилась вшивость — особенно у тех, кто ночевал в освобожденных землянках. Мы спасались тем, что снимали с себя рубашки и выжигали вшей, прикладывая швы к горячей печке. Однажды к нам зашел помпотех. Сел на корточки и сразу заснул, а во сне стал чесаться. Когда ему сказали об этом, он смутился и сказал, что у него все чисто. Но только уснул — все повторилось. Тогда его разбудили и предложили прожарить швы. Он проделал эту нехитрую процедуру и на завтра нас благодарил.

И вот этот инженер-капитан оказался виновным в уничтожении «тридцать четверки», когда каждая машина была на счету: вся техника шла на сталинградское направление. Помпотеха срочно

* Удачная высадка десанта на Невский «пяточок» свершилась 26 сентября 1942 г. (Сост.)

отправили в госпиталь. Зафиксировали, что в части его нет — значит, и спрашивать не с кого.

Мы продолжали стоять на высоковольтной линии около Апраксина. Исчезновение двоих оружейников при переходе горловины не обсуждалось. О подробностях меня расспрашивал только комроты Д. И. Орлов.

Помпотех Белый, добравшись к своим и узнав, что нас нет, пошел обратно, но никого не нашел и высказал предположение, что мы попали в плен. Когда я вернулся, все удивились и спрашивали, где двое механиков по вооружению, ушедших с нами. Следующей ночью Белый снова пошел к машинам и погиб. С его гибелью розыск механиков прекратили. Не знаю, как оформили их исчезновение, но констатировать пленение не стали: это было бы пятном для части и родных.

В октябре бригаду отвели к Воронову, где впервые броню КВ пробил новые немецкие, так называемые подкалиберные снаряды. Легкая алюминиевая головка, внутри — стальной боек. Пороховые газы дают ускорение снаряду, чем меньше масса — тем больше ускорение. Эти снаряды имели диаметр 60, а высоту — 120 мм. Пройдя сквозь броню, снаряд оставался целым. Осматривать пробоины приезжало из Москвы несколько полковников: до сих пор считалось, что «КВ» непробиваемы.

Во время финской войны 1939–40 гг. танк «КВ» показал превосходство своей брони: ни одна полковая артиллерийская установка не могла пробить стомиллиметровую броню. Это привело к решению увеличить производство тяжелых танков, масса которых возросла с 32 до 50 тонн, усложнились механизмы движения и мощности энергоустановки.

Действительно, в 41-м году танки «КВ» были непробиваемы и являлись препятствием для немецких наступающих частей. Так, на Ленинградском фронте батальон Егора Барылова (впоследствии командира 98-го танкового полка) в течение двух августовских дней уничтожил 30 немецких танков, наступавших на Кингисепп. В то время орудие «КВ» пробивало броню всех немецких танков, а немецкие поразить «КВ» не могли.

Теперь же танки КВ утратили свое главное качество — надежную бронезащиту. Понятно, что это вызвало переполох среди командования. Предлагались способы повышения стойкости брони у нового, запущенного в производство, тяжелого танка «ИС» («Иосиф Сталин»). На Ленинградский фронт они не поступили: высокие удельные давления гусениц не выдерживала наша почва, и танки терялись проходимость. С этого периода началось

соревнование между стойкостью брони и средствами поражения с неизменным перевесом в сторону последних.

После Синявинской операции у нас осталось всего 8 танков, и те были небоеспособны. В отечественной истории эта операция почти не фигурирует. Населенный пункт Гайтолово исчезнет с земли и карт, но роща Круглая еще всплывет в сводках 1943 года. Немцы превратили наши подбитые танки в ДОТы, оказавшие серьезное сопротивление при прорыве блокады и расширении коридора в январе-августе 43-го года. Мы еще встретимся с ними, но пока, в 42-м, нас отправили из-под Воронова в д. Подолье на р. Лаве для переформирования и пополнения. В эту деревню на высоком берегу реки недалеко от Ладожского озера мы попадем еще не раз — после каждой боевой операции.

Сергей ОРЛОВ

Здесь всё озера да болота,
Дорог бревенчатый настил.
Там, где с трудом идет пехота,
Нам снова танки в бой вести.

В краю суровом, невеселом,
Где каждый метр сухой земли
Напичкан до отказа толом,
Чтоб танки шагу не прошли.

За метром метр, в снегу, в болоте,
Здесь снова в лоб нам наступать,
Победу трудную пехоте
Своею грудью добывать.

Ф. П. ПАВЛОВ,
*майор в отставке, бывш. начальник связи
741-го стрелкового полка 128-й сд*

128-я стрелковая в Синявинской операции*

От имени совета ветеранов 128-й стрелковой Псковской Краснознаменной дивизии я горячо и сердечно приветствую Вас и поздравляю по случаю знаменательного события — сорокалетия Синявинской операции.

Здесь много говорилось о том, как и где разворачивались основные события этой операции. Но значение Синявинской операции столь велико, что не лишне напомнить об этом еще раз.

Давайте на минуту представим, что нашему ВГК не удалось бы летом 1942 года разгадать замысел врага и упреждающий удар в районе Синявино не был бы нанесен. Очень возможно, что сосредоточенные под Ленинградом войска гитлеровцев, перейдя, как планировалось, в решительное наступление, в сентябре 1942 года могли штурмом овладеть Ленинградом.

В директиве на операцию «Нордлихт» («Северное сияние») Гитлер решил: «Задача: 1-й этап — окружить Ленинград и установить связь с финнами. 2-й этап — овладеть Ленинградом и сровнять его с землей!»

Вот что ожидало город великого Ленина! Но не вышло. Синявинская операция сорвала бредовые замыслы гитлеровского командования.

Как известно, в ходе Синявинской наступательной операции войсками Волховского и Ленинградского фронтов было уничтожено 60 000 солдат и офицеров врага. Практически, под Синявино в августе — сентябре 1942 года были перемолоты основные силы гитлеровских войск, предназначенных для штурма Ленинграда. Синявинская операция навсегда похоронила план врага овладеть Ленинградом и создала благоприятные условия для прорыва блокады в январе 1943 г.

Синявинская битва была исключительно жестокой и кровопролитной. Наши потери, как наступающей стороны, были огромны. Но кровь, обильно пролитая на синявинской, мгинской земле, не была напрасной. Она спасла от гибели Ленинград.

* Доклад на военно-исторической конференции в пос. Мга 1.10.1982 г.

К сожалению, в докладе генерала Хренова 128-я стрелковая дивизия упоминается как не принимавшая активного участия в Синявинской операции 1942 года. Это неверно.

Наша 128-я дивизия, входившая в состав 48-й, 54-й, 2-й УА, 67-й армий, единственная дивизия на фронте, бесценно воевавшая на синявинской земле с сентября 1941 года по январь 1944 года, участвовала во всех операциях Волховского фронта в этом районе. Занимая правый фланг Волховского фронта от берегов Ладоги в районе мыса Бугровского до Гонтовой Липки, дивизия вошла в состав 2-й ударной армии и 27 августа 1942 года после мощной артиллерийской подготовки перешла в наступление на участке роща Круглая—Рабочий поселок № 4 с целью прорыва обороны противника. Первый успех нашей дивизии обозначился в районе южнее Рабочего поселка № 8. Оборона противника, проходившая по торфяному полю, была прорвана. 28 августа 741-й стрелковый полк, развивая успех прорыва, овладел Рабочим поселком № 4 и вышел к узкоколейной железной дороге РП-4—Синявино, а 1-й стрелковый батальон 741-го стрелкового полка под командованием капитана Г. М. Рогачева устремился к РП-5, углубившись в оборону противника на 4–5 км. При отступлении враг оставил в РП-8 более 100 трупов солдат и офицеров и большое количество вооружения, боеприпасов и другого военного имущества (ЦАМО, фонд 1345, д. 1, л. 3).

Через несколько дней под напором превосходящих сил 1-й сб 741-го стрелкового полка вынужден был отступить к РП-8. Командиром 741-го стрелкового полка в это время был подполковник Юлдашев Гариф Зиятдинович. Понеся значительные потери, 128-я стрелковая дивизия вынуждена была перейти к обороне. Занятый рубеж дивизия мужественно обороняла и отбивала контратаки до середины октября 1942 года.

С 11 по 18 октября дивизия вела жестокие непрерывные бои с противником, перешедшим в контрнаступление на РП-8. При отражении контратак врага дивизия понесла тяжелые потери. Утром 15 октября противнику удалось окружить РП-8 и его гарнизон, состоящий из остатков 533-го стрелкового полка. Воины 533-го полка самоотверженно сражались до последнего патрона и все погибли в окружении. Рабочий поселок № 8 снова оказался в руках врага.

Под натиском превосходящих сил противника остатки 128-й стрелковой дивизии вынуждены были отступить на исходные позиции и занять оборону на прежнем рубеже (торфяное поле севернее рощи Круглая — опушка леса восточнее РП-8 и далее по лесу до берега Ладожского озера).

18 октября со стороны РП-8 немцы силами до батальона пехоты предприняли психическую атаку на нашу жидкую оборону. На опушке леса восточнее РП-8 они были встречены яростным пулеметным огнем, практически разгромлены и обращены в бегство. Это была последняя атака немцев. Обе стороны перешли к обороне.

По сведениям ЦАМО, в ходе Синявинской операции (август—октябрь 1942 г.) воины 128-й дивизии уничтожили до 1600 гитлеровцев.

В октябре 1942 года части дивизии поочередно выводились в деревню Верхняя Назия и на мыс Бугровский для пополнения и кратковременного отдыха, а затем снова обороняли рубеж от берега Ладоги до рощи Круглой и активно готовились к операции по прорыву блокады Ленинграда.

Вот как завершилась для нас Синявинская наступательная операция.

Синявино и Липки, Тортолово и Гайтолово, роща Круглая и Рабочий поселок № 8 вошли в военную историю как мощнейшие узлы сопротивления гитлеровской армии на Волховском фронте. В боях за эти пункты в 1941–1943 гг. погибли сотни тысяч советских воинов. Они отдали самое дорогое — жизнь — за Родину, за Ленинград. И очень прискорбно, что память о погибших практически предана забвению.



Синявинские бои *

Во второй половине августа в воздухе запахло грозой. По отдельным моментам можно было судить, что где-то на нашем Волховском фронте идет подготовка к новым сражениям. Первой ласточкой был приказ штаба 4-го гвардейского стрелкового корпуса об отправке в распоряжение начарта корпуса артдивизиона бригады в район пункта Сирокаска. 24 августа бригада срочно начала получать недостающее оружие: около 1000 автоматов, более полусотни противотанковых ружей (ПТР), около 40 единиц 82-мм и 120-мм минометов и более десятка станковых пулеметов. Едва успели мы очистить поступившее к нам оружие от заводской смазки, как сразу же получили задачу: «Бригаде сосредоточиться в тыловой район 8-й армии — Красный Октябрь, Овдакало, Падрыла».

Бригада выступила с наступлением темноты и в 5 часов утра 29 августа уже была в указанном районе.

История Синявинской операции такова: Верховное Главнокомандование предложило войскам Волховского и Ленинградского фронтов провести наступательную операцию с целью снятия блокады Ленинграда. Местом проведения этой операции был избран Шлиссельбургско-Синявинский выступ. Войска двух фронтов разделяли здесь всего лишь 12—15 км пространства, занятых противником. Центром вражеской обороны являлись Синявинские высоты.

27 августа 1942 года 8-я армия Волховского фронта, прорвав оборону противника, нанесла удар в направлении этих высот и подошла к населенному пункту Синявино. Здесь наступление армии застопорилось. Причина заключалась в том, что штаб и командование 8-й армии (командарм — генерал Ф. Н. Стариков) спланировали лишь артподготовку атаки, в то время как артобеспечение боя в глубине обороны противника спланировано не было совершенно.

В результате такой, я бы сказал, непредусмотрительности и неграмотности наша атакующая пехота несла очень большие потери и быстро утрачивала боеспособность. Было решено ввести в сражение второй эшелон армии (4-й гвардейский стрелковый

* Глава из книги Б. Владимиров «Комдив». М. Яуза, 2010 г. (с. 91–108).

корпус под командованием генерала Н. А. Гагена) только тогда, когда наступление войск 8-й армии было остановлено, а не в ходе сражения. Эта вторая непростительная ошибка с несвоевременным вводом в сражение 2-го эшелона армии, предназначенного для развития успеха 1-го эшелона после прорыва обороны противника, отрицательно сказалась на всей операции.

На пятые сутки после начала наступления первого эшелона командир корпуса поставил нам, командирам соединений, боевые задачи. Наша 140-я отдельная стрелковая бригада по задаче командира корпуса должна была наступать во 2-м эшелоне корпуса. Получив задачу, бригада выступила для занятия исходного положения. На марше на части бригады налетели 11 пикирующих самолетов противника. В результате налета мы потеряли до 20 человек и столько же лошадей. Сравнительно небольшие потери объяснялись тем, что с целью маскировки от авиации противника части бригады двигались рассредоточенно, по нескольким маршрутам. Нам удалось ружьями (ПТР) и станковыми пулеметами сбить один самолет.

На следующий день наши части подошли к реке Черной и здесь получили боевой приказ: наступать на левом фланге корпуса в направлении отм. 38.3.

Берега реки Черной очень заболочены. Сплошная трясина буквально засасывала человека с головой. Наконец, ночью, с огромными трудностями, мы преодолели болото, а с утра попали под бомбежку, которая длилась с небольшими перерывами весь день, с рассвета до сумерек. На этот раз от ударов авиации потери в частях были значительными.

С утра 2 сентября мы продолжали продвигаться, тесня пехоту противника, и достигли проселочной дороги совхоза «Торфяник» — Келколово. Немецкие самолеты не давали ни минуты покоя и бомбили нас все светлое время суток.

На следующий день я ввел в бой второй эшелон бригады — 3-й отдельный стрелковый батальон — для более решительного нажима на противника. Вражеские самолеты продолжали непрерывно бомбить и обстреливать наши части. Вскоре, видимо, подошли свежие силы противника, и огонь его артиллерии, особенно минометов, значительно усилился. С Синявинских высот прекрасно наблюдались наши боевые порядки, и противник имел возможность вести прицельный артиллерийско-минометный огонь, который выводил из строя бойцов и сковывал наши действия. Невозможно было не только продвигаться, но и головы поднять. Над нами с ревом носились осколки снарядов и бомб. Кругом стоял кромешный ад.

Кровопролитные бои в Любанской операции теперь казались не столь тяжелыми: тогда у нас был численный перевес и мы диктовали противнику свою волю. Теперь же он превосходил нас по численности в живой силе и артиллерии, а его авиация полностью господствовала в воздухе. Наша артиллерия, как корпусная, так и армейская, почему-то молчала. Частей корпуса не было ни справа, ни слева бригады. Где они дрались, нельзя было понять. Время от времени в воздухе появлялись наши самолеты, но тут же истребители «мессершмитты» завязывали воздушный бой, который часто заканчивался не в нашу пользу.

С большими трудностями, под грохот разрывов, удалось наконец связаться по радию с командиром корпуса генералом Н. А. Гагеном. Нам нужно было ориентироваться в обстановке в полосе корпуса, требовалось знать, где дерутся соединения корпуса, что делает артиллерия корпуса и армии и почему она не ведет огонь на подавление минометов и артиллерии противника, каким образом можно связаться с нашей артиллерией, чтобы поставить ей задачу на уничтожение хотя бы вражеской пехоты.

Из разговора с командиром корпуса я узнал, что и на соседних участках фронта противник активизируется и обстановка осложняется. Из-за грохота боя и разрывов авиабомб и снарядов я больше ничего толком не мог разобрать. По отрывочным ответам генерала Гагена мне стало ясно, что и ему нелегко и что надо решать вопросы боя самостоятельно, надеясь только на свои силы. Это единственное, что я понял из нашего разговора с командиром корпуса. Ничего утешительного и никакой нужной информации я не получил.

К 4 сентября, несмотря на ожесточенное сопротивление противника, части бригады немного продвинулись вперед. Высланные на фланги разведчики возвратились, не встретив никого из частей корпуса. По задаче, поставленной нам, мы должны были продвигаться к Неве для соединения с частями Ленинградского фронта.

Наше положение было исключительно тяжелым. Имея приказ наступать, о переходе к обороне на достигнутом рубеже нельзя было и думать. Гитлеровцы кружили вокруг нас, как волки, вводя в бой новые, свежие силы.

Мы не знали, в каком положении находятся войска Ленинградского фронта. Нам нужно было выполнять полученную задачу — наступать, несмотря на яростное сопротивление противника. Наши батальоны героически дрались, но с каждым шагом таяли, как весенний снег. Особенно досаждала нам авиация противника, которая с ревом сирен пикировала, бомбила и обстреливала из крупнокалиберных пулеметов. Стараясь остановить нас во что бы то ни стало,

самолеты постоянно кружили над нами. Зенитных средств у нас не было, мы были беспомощны перед ними.

По одному из достигнутых нами рубежей противник дал сильный заградительный огонь и вынудил части бригады залечь. Вскоре с фронта и на флангах наших батальонов показалась густая масса пехоты. Немцы начали атаковать. В результате длительного неравного боя с превосходящими в несколько раз силами противника наши поредевшие батальоны были окружены. Около суток продолжался бой. Отдельным группам бойцов удалось выйти из окружения. Мы несколько раз всеми имеющимися у нас силами шли на выручку окруженным, но ничего сделать не могли.

В этих боях мы потеряли многих командиров и солдат. Был тяжело ранен начальник политотдела бригады товарищ Трефилов, начальник разведки бригады ст. лейтенант Чернов. Прямым попаданием 250-кг бомбы в цель были разорваны в клочья четыре бойца из отдела «Смерш» вместе с начальником отдела майором Кот.

Всю ночь и утро 7 сентября противник особенно усиленно вел обстрел снарядами и бомбил мой командно-наблюдательный пункт. Были ранены мой ординарец Н. Чепцов, сержант комендантского взвода Гумарев и фельдшер управления бригады Шанина. Противник, видимо, точно засек наш командно-наблюдательный пункт.

Было бы лишним говорить, что настроение у всех нас в те дни было подавленное. По силе нажима огня и агрессивности было ясно, что инициатива в боевых действиях полностью перешла к противнику. Не встречая сопротивления со стороны нашей авиации и зенитных средств, гитлеровцы в небе хозяйничали как у себя дома. Части,двигающиеся на усиление корпуса, подверглись такой сильной бомбежке, что подразделения трудно было собрать. Многие бойцы после удара авиации разбредались и небольшими группами бродили по нашим тылам в поисках своих частей.

С батальонным комиссаром Б. Луполовером мы собирали беспризорных бойцов и пополняли ими наши подразделения и части. Довольны были все: бойцы тем, что обрели новую «семью», а мы — что пополнились.

Бойцы одного из наших батальонов, вышедшие из окружения, с восхищением и гордостью рассказывали о 20-летней девушке из Сибири Полине Ясинской, которая погибла в боях 5 сентября недалеко от дороги совхоза «Торфяник» — Келколово. Эту замечательную девушку-фельдшера знали многие бойцы и командиры по предшествующим боям под Любанью. Рассказывали, что, когда в батальонах почти не осталось офицеров (одни убиты, другие ранены), некоторые слабые духом солдаты, не выдержав напряжения боя и боясь повторной контратаки свежих сил противника,

начали отходить с рубежа, который удерживали батальоны. За отдельными паникерами потянулись другие. Оказывая медпомощь раненым бойцам, Полина увидела, что один за другим бойцы потянулись в тыл. Понимая, чем это может грозить батальону, который и так с невероятным трудом и потерями удерживал малыми силами натиск противника, она поднялась с земли и, размахивая над головой автоматом, звонко крикнула во весь голос: «Ребята! За мной!» Увидев смело бегущую вперед девушку и, услышав ее команду, солдаты, самовольно вышедшие из боя, один за другим побежали за ней к боевой цепи поредевшего батальона. «Бей гадов-фашистов!» — кричала Полина, лежа в цепи и стреляя из автомата в накопившегося для атаки противника. Теперь уже как командир, под градом осколков от разрывов снарядов и мин, она из окопа наблюдала за противником, который готовился к повторной атаке. Перед атакой немцы обрушили на цепь батальона огонь артиллерии. Одним из осколков разорвавшегося поблизости снаряда Полина была убита. Противник перешел в атаку и, обойдя батальон с флангов, замкнул цепь окружения. Так погибла Полина Ясинская, девушка-героиня, гордость 140-й бригады.

7 сентября командир корпуса генерал Н. А. Гаген вызвал меня на свой наблюдательный пункт (мой НП уже находился в другом месте — на правом фланге корпуса) для доклада о положении дел на участке бригады. В небольшой землянке командира корпуса находилось человек семь генералов и офицеров корпуса, штабов армии и фронта. Они очень приветливо встретили меня и с большим вниманием прослушали мой доклад о положении дел в бригаде. Обстановка в соединениях корпуса была чрезвычайно сложной, это чувствовалось по всему. После доклада мне предложили поест и выпить. От еды и от выпивки я отказался. Тогда комиссар корпуса генерал Лопатенко взял пол-литра водки и засунул мне во внутренний карман ватной телогрейки. С водкой в те дни было тяжело, вероятно, подвоз ее на автотранспорте был очень затруднен, поэтому и бригада не всегда получала положенный ей пай.

Вскоре мы услышали грохот артналета и вой сирен пикирующих самолетов. Выйдя из землянки, я по направлению артналета и разрывам авиационных бомб понял, что налет ведется по расположению НП бригады и нашей слабенькой обороны. Очевидно, противник готовился к очередной контратаке.

Доложив о своих опасениях генералу Гагену, мы с ординарцем бросились бежать в направлении нашего КП.

— Подожди, куда же ты под огонь? Надо выяснить... — Генерал Лопатенко схватил меня за рукав куртки. Сверкнув глазами, я с силой одернул руку и устремился прочь.

— Эх! Багратион! — крикнул он мне вдогонку. Бежали мы с ординарцем напрямик, не выбирая дороги, через густой лес. Углубившись в него, я увидел, что рядом, чуть левее, в направлении НП нашей бригады двигаются плотные цепи гитлеровцев. Офицеры быстро шли впереди своих солдат и, подгоняя их, что-то кричали истошными голосами. Солдаты сбивались в кучи, горланили, возбужденные предстоящей атакой и изрядными дозами принятого для храбрости шнапса. Чтобы успеть к своим раньше противника, нам надо было, не сворачивая в сторону, бежать, обгоняя немцев. И мы бежали «быстрее лани», как писал поэт... впереди немцев, рискуя каждую минуту получить пулю в спину. Нас спасало то, что возбужденные немцы ничего не замечали вокруг, в том числе нас, бежавших перед ними. Задыхаясь от быстрого бега по мягкой, упругой, покрытой мхом земле, мы жаждали увидеть своих. Вдруг в 40 м от нас — наш окоп. На счастье, окоп оказался пулеметным. Два бойца лежали за пулеметами «максим». Один из них, небольшого роста, жилистый, — наводчик пулемета. Второй номер пулемета, высокий, атлетического сложения брюнет с ярким румянцем, был гораздо моложе своего напарника. Оба возились с пулеметом, стараясь наладить его на автоматическую стрельбу, но тщетно. Было видно, что они еще не очень хорошо изучили это замечательное оружие. По всей вероятности, командир роты при назначении пулеметчиков в пулеметный взвод номерами при пулемете обращал внимание не на их знания и умение обращаться с оружием, а на физическую силу солдата, позволяющего таскать пулемет на себе. Он не ошибся: молодому атлету по силам было таскать и груженные возы.

Сам я был пулеметчиком в молодые годы, командовал пулеметным взводом, ротой и батальоном, очень любил и был патриотом этого оружия. В данной ситуации мне нетрудно было найти причину отказа пулемета в автоматической стрельбе. Патронная лента была набита патронами небрежно: одни глубоко сидели в ленте, другие не доходили до нужного места. Сама брезентовая лента была сырой. Отодвинув наводчика, я лег за пулемет, вытащил ленту и приказал подать другую. Другая лента была не лучше. Тогда, быстро выровняв с пулеметчиками патроны в ленте, я зарядил пулемет и дал в сторону противника, чтобы он нас не обнаружил, короткую контрольную очередь. Пулемет сработал отлично.

Наблюдая за обстановкой, я увидел, что наши заняли оборону в открытой неглубокой траншее, готовые встретить наступающих немцев огнем из ручных пулеметов и автоматов. Всего нас было человек пятьдесят, все на своих местах. Появилась уверенность, что контратаку отобьем. Противник продолжал вести артподготовку

по нашему расположению. Основная масса снарядов рвалась позади нас, у нашего КП, где не было никого. Через несколько минут распоряжением начальника инженерной службы бригады Спирина (он был самым старшим по возрасту в бригаде) бойцы подкатили 45-мм пушку и установили ее рядом с пулеметом.

Занятый наблюдением за противником, я обратил внимание на пушку только тогда, когда на открытом снарядном лотке, который лежал на боковом бруствере нашего окопа, завертелся с головокружительной скоростью, шумом и свистом, как бы вокруг своей оси, один из снарядов. Видимо, небольшой горячий осколок разорвавшегося где-то поблизости снаряда противника пробил гильзу этого снаряда, воспламенился порох, и снаряд под действием газа завертелся волчком. В нескольких шагах позади меня спокойно стоял майор Спири́н. Не успел я подумать, что вот сейчас этот снаряд сорвется с места и взорвется у наших голов, как вдруг гитлеровцы перенесли огонь в глубину нашего расположения и бросились в атаку с диким гортанным криком, стреляя из автоматов. Мгновенно забыв о вращающемся снаряде, я нажал на спусковой рычаг пулемета и, рассеивая по фронту, повел огонь по вражеской цепи. Одновременно справа и слева застучали пулеметы и автоматы. Не выдержав нашего огня, цепь противника начала таять и залегла.

Быстро сменив пулеметную ленту и нацелив пулемет, мы ждали повторной атаки. Вскоре гитлеровцы оправались от первых потерь и поднялись в атаку. И снова по всему фронту бригады трещали автоматы, прямо в уши хлопала 45-мм пушка и четкой дробью «говорил» наш славный «максим».

В 30–40 м от нашего расположения атака противника захлебнулась. Немцы были видны как на ладони. Мы продолжали вести огонь, не давая им возможности подняться или отползти.

Убедившись, что противник изрядно потрепан, мы перешли в атаку, очищая ранее занятую территорию. Более трех десятков гитлеровцев были взяты в плен. Против нас в этом бою действовало не менее 400 немцев, от которых практически ничего не осталось. Наши потери были небольшими: среди убитых — комиссар штаба бригады майор В. Рахмачев, тяжело ранен разрывной пулей в руку помощник начальника штаба бригады, отличный молодой офицер В. Я. Авдеев. Я был легко ранен, пуля прошла под кожей на груди, я даже не почувствовал боли, хотя телогрейка была прострелена в нескольких местах, из которых белыми хлопьями торчала вата.

А куда девался снаряд, что юлой вращался на уровне наших голов, я так и не узнал.

Немцы могли атаковать повторно, поэтому я расположил бойцов на прежнем рубеже, организовав наблюдение как в сторону противника, так и на наших флангах. Командиром над ними был оставлен адъютант батальона связи П. И. Тарасенко.

С комиссаром бригады Б. М. Луполовером мы отправились в свои шалаши, которые находились в 100 м от рубежа нашей обороны, чтобы доложить по телефону о происшедшем бое командиру корпуса генералу Н. А. Гагену.

Бурный, тяжелый день был на исходе, нестерпимо клонило ко сну, и я решил немного поспать.

Последующие несколько суток противник непрерывно бомбил и обстреливал наши позиции и НП полевой и тяжелой артиллерией. Нашу единственную землянку — шалаш — несколько раз заваливало взрывной волной разрывавшихся рядом бомб и снарядов. Противник мстил нам только огнем, не решаясь больше ни разу переходить в наступление на нашем участке.

В районе командно-наблюдательного пункта располагались подразделения бригады и часто небольшой резерв. Недалеко от землянки-шалаша разместилось в отдельной щели отделение стрелков. Бойцы по национальности были нерусскими. Не могу сказать наверняка, скорее всего, это были узбеки. Как только начинались бомбардировки или артобстрел нашего КП, бойцы этого отделения немедленно покидали свою довольно глубокую щель (в этой местности только в отдельных местах можно было отрывать щели) и во весь дух бежали к нашей землянке-шалашу, где находилось командование бригады — командир, комиссар и начальник штаба бригады. Они усаживались на открытой площадке рядом с шалашом и спокойно переживали бомбежки и артобстрел. Нас очень удивляло такое поведение. Мы не могли понять, по какой причине в самые опасные моменты, когда надо сидеть в щелях, они оставляют их и спокойно садятся возле нас на открытой площадке. На наши вопросы они отвечали улыбками, так как не владели русским языком. Уже потом через переводчика мы узнали причину такого странного поведения: безопаснее находиться рядом с начальством, так как оно знает, куда может упасть бомба, а куда нет. И действительно, нам везло: бомбы и снаряды падали в стороне от нас. Такой была психология многих неграмотных солдат. Хотя, может, совсем и неплохо так слепо верить в командира?

Не помню уже в какой день, возможно, одновременно с атакой нашей бригады, были атакованы и другие сильно поредевшие от непрерывных бомбежек противника соединения корпуса. Они не могли уже сдерживать натиск немецких свежих частей и в результате были окружены. Вместе с соединениями корпуса в окру-

жении оказался командир корпуса генерал Н. А. Гаген. Об этом мы узнали 10 сентября, когда вместо Гагена командиром корпуса был назначен генерал-майор С. В. Рогинский. В тот день бригада прикрывала смежные фланги двух дивизий — 294-й и 259-й.

11 сентября мы получили приказание начальника штаба корпуса полковника Кудрявцева вывести бригаду в село Килози для пополнения людьми. Выходили мы днем по узкому проходу, оставленному противником. Наш путь проходил по болотистой, усеянной кочками и буграми местности, которую противник держал под сильным обстрелом и бомбежками. В селе Килози находилась наша медсанрота, которая попала под удар вражеской авиации. Погибла фельдшер Быстрова, ранены были фельдшер Дорнова и начальник санслужбы бригады майор И. Д. Евсюков, которого я очень ценил за добросовестность и смелость. Со своим 19-летним адъютантом-фельдшером А. Д. Лузаном Евсюков часто по собственной инициативе посещал нас в боевых порядках. Его главной заботой был вынос раненых из боевых порядков частей бригады, что являлось делом тяжелейшим по условиям данной местности и боевой обстановки.

Получив 430 человек и пополнив два батальона, в которых теперь уже было по 300 бойцов в каждом, 16 сентября мы поступили в подчинение 6-го гвардейского стрелкового корпуса, которым командовал генерал Алферов.

В тот же день я был представлен командующему 2-й ударной армией генералу Н. К. Клыкову. С густой проседью в волосах и откровенно уставшим видом, этот человек произвел на меня довольно странное впечатление и тем, как он со мной разговаривал, и своим абсолютно нереальным приказом: мне была поставлена задача овладеть роцей «Круглой» — самым крепким орешком во всей синявинской обороне!

Этот важнейший узел сопротивления немцев прикрывал подступы к Синявинским высотам, с которых прекрасно обозревалась вся впереди лежащая местность. Противник имел здесь в своей обороне несколько десятков орудий на прямой наводке, более ста пулеметных точек и несколько тысяч пехоты. В случае надобности оборонявшихся поддерживала основная масса артиллерии всей синявинской группы противника. Роцу «Круглая» оборонял 366-й полк 227-й пехотной дивизии, о котором много шумела фашистская пропаганда: за оборону роци командиру полка Венглеру было присвоено звание полковника и пожалован Рыцарский крест.

Несколько наших дивизий вместе и порознь неоднократно и безуспешно штурмовали роцу, неся огромные потери. И вот теперь генерал Клыков поставил эту сверхзадачу перед слабенькой

бригадой, в составе которой насчитывалось всего-то 600 бойцов. Он даже не обещал поддержать наши действия артиллерией, не говоря уже о танках, которые в полосе, данной нам для атаки противника, не могли бы действовать.

— Овладеете рощей «Круглая» — получите орден Красного Знамени, — сказал, прощаясь со мной, Клыков.

Я не ответил, мне не хотелось ему отвечать: мы дрались не за ордена, мы дрались за Ленинград, за освобождение ленинградцев от блокады. О наградах мы не думали.

Местность, на которой нам было приказано занять исходное положение для атаки, представляла собой голую, плоскую низину. Это было, по сути, торфяное болото, где до войны добывали торф. Низина изрезана широкими каналами, заполненными бурой водой. Каналы были вырыты параллельно роще «Круглая», т. е. поперек нашего наступления. Их было много, они располагались через каждые 50–60 м. Так как через них нельзя было ни перешагнуть, ни перепрыгнуть, каналы представляли собой серьезное препятствие для наступающих войск.

Ровная как стол местность хорошо просматривалась и простреливалась из рощи «Круглая» всеми видами огня. Каждый поднявшийся на ноги боец становился удобной мишенью для противника.

Хорошо зная местность, командир 6-го гвардейского корпуса генерал Алферов не ставил перед нами задачи наступать, поэтому ночью мы заняли исходное положение в этой торфяной жиже, а с утра вели наблюдение за противником, подыскивая цели для снайперов и нашей артиллерии. Пехота оказалась в тяжелейших условиях: бойцам приходилось лежать на сыром водянистом торфе в мокрой одежде и обуви, а стоило подняться на ноги, как противник скашивал пулеметной очередью. Выносить раненых можно было только ночью. У бойцов начали опухать ноги, и почти каждую ночь из боевых порядков выносили по 5–6 человек с гангреной.

Эта местность не была приспособлена для каких-либо боевых действий. Немцы, которые много месяцев оборонялись в роще «Круглая», ни разу, насколько мне было известно, не пытались занять эти торфяные болота. Наши войска там тоже не занимали оборону.

Мысль овладеть рощей «Круглая» с севера, да еще одной только пехотой без поддержки артиллерии и авиации, могла прийти в голову командиру, который реально не представлял себе положения войск на открытой болотистой местности.

Мы понимали, что вести боевые действия на этом участке не только невозможно, но просто бессмысленно. Я доложил об этом

командиру 6-го гвардейского стрелкового корпуса генералу Алферову и получил следующий ответ: «Ведите активную оборону».

Надо было что-то делать, чтобы не давать покоя противнику. Мы нашли наблюдательный пункт, с которого просматривался отрезок дороги, где постоянно курсировали немецкие грузовики и повозки. С этого наблюдательного пункта наша артиллерия вела огонь по автотранспорту неприятеля. Кроме того, мы организовали разведывательные поиски противника с целью захвата «языка». Хотя разведка на этом участке сталкивалась с колоссальными трудностями, разведчикам все же удалось захватить «языка» — солдата 366-го пехотного полка 227-й пехотной дивизии.

Как-то навестил нас военный комиссар 6-го гвардейского корпуса (фамилию забыл). Вместе с комиссаром бригады Б. Луполовером мы пытались объяснить ему, что держать бригаду на этом болотистом участке нет никакого смысла, что потери наши по большей части вызваны тем, что солдаты находятся постоянно в холодной воде без движения. Мы просили его разобраться, за какую такую провинность нас загнали в это гиблое место. Комиссар корпуса постарался побыстрее уйти к себе на КП, так и не ответив на наши вопросы и ничего нам не пообещав. Однако вскоре нас сняли с места: видимо, мольбы наши дошли до начальства.

В конце сентября обстановка на Синявинском фронте для наших войск еще более осложнилась. Войска 8-й армии отходили с западного на восточный берег реки Черной. Тогда же нашу бригаду сняли с торфяного болота и перебросили для обороны участка в 1 км западнее населенного пункта Двор охраны. Через двое суток бригада перешла в район Апраксин городок, где в 1,5 км от него заняла оборону.

3 октября пришел приказ выйти в резерв фронта в район села Никольское. В этом селе мы совершенно случайно встретили нашего, теперь уже бывшего, командира корпуса Н. А. Гагена. Измученный, худой, с посохом и автоматом, он только что вышел из окружения и направлялся в штаб фронта. Мы были искренне рады видеть его живого, избежавшего плена. Несмотря на свои немолодые лета, он нашел в себе силы и мужество вырваться из кипящего котла окружения.

Несколькими днями позже мы с комиссаром бригады навестили генерала Гагена. Он находился в распоряжении штаба фронта, где его привлекли к ответственности за потерю руководства соединениями корпуса в ходе боев. Нас возмутили предъявленные ему обвинения, так как мы знали, как корпус вводился в сражение. Нужно было, видимо, найти козла отпущения, чтобы настоящим виновникам всех бед в Синявинской операции остаться в тени.

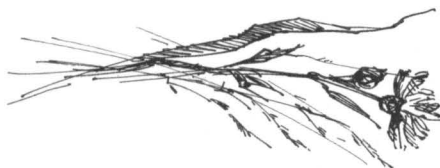
Удобной фигурой оказался боевой труженик генерал Гаген. Впоследствии, однако, он сумел себя полностью реабилитировать как командир корпуса, и начатое дело было прекращено. Много позже я узнал, что Н. А. Гаген на других фронтах командовал 57-й армией.

Основными же причинами, которые привели к тому, что советские войска не выполнили поставленных перед ними задач в Синявинской операции, были, мягко говоря, недостатки в управлении войсками, неправильное использование вторых эшелонов и оперативности резервов, вводившихся в бой по частям и с большим опозданием, и другие недочеты в организации и ведении операции. Подводя итог, можно сказать, что тяжелой и кровавой Синявинская операция стала из-за своей неорганизованности.

Но мы все-таки заставили противника израсходовать все его резервы, которые предназначались для штурма Ленинграда.

После окончания войны, в День Победы, мы случайно встретились с Н. А. Гагеном в гостинице ЦДСА. Были бесконечно рады друг другу. Помню, долго сидели у него в номере и вспоминали уже прошедшие годы тяжелейшей войны.

Когда я мысленно прохожу по своему большому и нелегкому боевому пути от Волхова до Эльбы, всегда, как кошмарный сон, вспоминается мне Синявинская операция 1942 года, которую ленинградцы называли «Кровавым сражением».



Г. Г. БОРИСОВ,
*гвардии рядовой в отставке,
бывший пулеметчик отдельного
моторазведывательного батальона 4 гв. ск*

В окружении *

Я служил в 241-м ОЛБ, когда в апреле 1942 г. меня ранило недалеко от д. Зенино. Увезли в госпиталь, находившийся на поляне «Заяц» — в трех километрах от Шапок, где проходила настильная бревенчатая дорога. Почти ежедневно приходилось наблюдать, как немецкие «юнкеры» (по шесть-девять самолетов) бомбили дорогу. Обычно каждый из них сбрасывал по три бомбы: одну пятисоткилограммовую и две по двести пятьдесят килограммов. На бомбежку заходили, делая разворот почти над самым госпиталем.

Весна... Талые воды затопили просеки и зимние дороги. Всюду лежали неубранные трупы наших и немецких солдат. Наши — в белых полушубках и валенках, множество погибших раненых вдоль дорог — с руками на перевязи, с забинтованными головами. Кто сидя, кто лежа на обочине, уснули вечным сном, не добравшись до госпиталя. Появилась специальная команда, занявшаяся их захоронением.

В начале мая госпиталь переехал под с. Путилово и расположился на мысу в излучине речки. А в конце мая, в трех километрах от госпиталя встал на переформирование наш 241-й лыжбат.

20 июня меня выписали из госпиталя, и я вернулся в свой батальон, который переименовали в отдельный моторизованный разведывательный батальон 4-го гвардейского стрелкового корпуса. В это время батальон строил дорогу с бревенчатым настилом. Дневная норма на солдата — пять погонных метров дороги.

Затем строили вторую линию обороны с бревенчатыми дзотами и расчетными секторами обстрела, а также несли охрану штаба корпуса. Неподалеку было село с кирпичной церковью, которую взорвали, а кирпич использовали для дорожной насыпи. Питание было скудным и пресным. Поэтому из больных солдат организовали специальное отделение для сбора крапивы и щавеля для щей, которые всем полюбились.

Вскоре штаб корпуса стал переезжать на новое место, а наш взвод — сопровождать его в качестве боевого охранения. Помню

* Рукопись из Музея боевой славы 37 ж/д школы пос. Мга.

только генерал-майора Н. А. Гагена и полковника Бабушкина, остальных работников штаба не знаю.

Прибыли мы в дремучий лес. Там нас встретили командиры саперов и показали три готовых просторных блиндажа. Но г.-м. Гаген возмутился и заявил: «Я должен воевать и находиться на переднем крае, а не отсиживаться в тылу. Мне нужен КП на поле боя». И дал указание изыскать место для штаба вблизи передовой, что и было сделано. Штаб корпуса разместился недалеко от Апраксина Городка.

Одновременно перебазировался и штаб нашего батальона. Хорошо помню мощеную дорогу, мост через Назию, сразу за мостом — излучину реки с крутым берегом. На самом мысу мы вдвоем с парнем из Днепропетровска строили блиндаж для командира роты. Здесь остались все наши тылы: кухня, санчасть, авторота. А мы по дороге через Апраксин Городок вышли на высоковольтную линию, где получили приказ построить для себя блиндажи в вековых соснах у самой высоковольтки. По другую сторону линии, на голом песчаном склоне выстроили блиндажи штаба батальона с ходами сообщений, за штабом — блиндажи артиллеристов, чьи батареи расположились полукольцом на песчаном склоне, прикрытые четырехствольными зенитными пулеметами «максим».

Перебазирование происходило в первой половине августа. Тыловики, прибывшие последними, рассказывали, что спустя несколько дней после ухода штаба немецкая авиация в течение суток бомбила старое расположение, где от дремучего леса остались одни пни.

С выходом к высоковольтке мы ежедневно, несколькими группами на разных участках, ходили на разведку к переднему краю. До 5–6 сентября наша группа находилась на правом фланге прорыва. По деревянному мосту через р. Черную, по просеке через рощу Круглую мы выходили на болото площадью один на два километра, на противоположной стороне которого проходила высоковольтная линия на деревянных опорах. Вдоль нее шла немецкая оборона с дотами и дзотами, прикрывавшимися минометным и артиллерийским огнем, который велся с левого фланга от Рабочего поселка № 5. Наша группа на этом участке бывала на задании много раз. Особенно мне запомнились два похода.

Один раз мы только пересекли болото, обстреливавшееся из пулемета на шестьдесят-восемьдесят сантиметров от земли, и достигли опушки леса перед немецкими позициями, как начался шквальный обстрел нашего переднего края, и налетели одномоторные «юнкерсы» — «музыканты», как мы их называли за сирены, включаемые при пикировании.

Весь наш передний край встал дыбом, в тылу началась автоматная трескотня. При этом немецкая оборона в десяти-пятнадцати метрах перед нами молчала, весь обстрел велся из Рабочих поселков № 5 и № 8. Огонь ушел в глубь нашей обороны, и мы решили, что немецкие автоматчики заняли передний край.

Перейдя болото обратно, обнаружили три наших 76-мм пушки, около них — ни одной живой души, ни одного снаряда. Метрах в двухстах слышалась автоматная трескотня. Подобрались вплотную и обнаружили, что горит наш склад боеприпасов, рвутся патроны. Решили перекурить лежа. Новиков только сел, чтобы свернуть папироску — пуля угодила ему в правый висок. Это был непрерывно стрелявший немецкий пулемет. Вражеские самолеты волна за волной ходили прямо над макушками деревьев, ища новые цели для бомбежки, обрабатывая нашу оборону на всю глубину. Но что такое? После ураганного огня, под треск рвущихся патронов, в трехстах метрах от нас заиграла «катюша». Откуда она взялась? Не успел погаснуть огонь залпа, как шесть немецких «музыкантов» точно пробомбили это место. Но не прошло и пятнадцати минут, как вновь в том же месте раздался новый залп «катюши», и вновь немецкие «музыканты» пробомбили точно. Так повторилось пять-шесть раз.

Когда все утихло, мы решили проверить, что уцелело от «катюши». Подобрались к месту поединка, и к великой нашей радости и удивлению нашли там только обломки ящиков «андрюши» — родного брата «катюши», штабеля которых мы ранее видели в лесу. Но нас беспокоило то, что на всем пути к нашему расположению мы не встретили никакого подразделения и ни единого солдата. Видимо, все зарылись в свои щели...

Артобстрел прекратился, только «музыканты» рыщут над макушками деревьев, выискивая новые цели. Нас было шесть-восемь человек, и «музыканты» в конце концов нас обнаружили, всей шестеркой обработали нас. Не успели мы пробежать и двухсот метров, как следующая шестерка вновь напала на нас. И так повторялось пять-шесть раз. Один раз поднимая голову из-под куста после очередной обработки и вижу: над самой головой на ветке висит свежий кусок мяса. Однако все наши живы, кого разорвало — никто не видел.

Мы выскочили на перекресток просек. Смотрим — два ствола «дегтярей» и около них четверо пулеметчиков. Это были первые солдаты, которых мы встретили после двух-трех часов пути. И опять — «музыканты» над головой. Мы ткнулись кто в окопчик, кто в блиндаж. Пулеметы начали строчить и вдруг замолчали. Все пулеметчики погибли? Улетели самолеты, мы вылезли

из укрытий — пулеметы на месте, а пулеметчиков нет. Смотрим, из одного блиндажа торчат ноги, вытаскиваем — пулеметчик цел и невредим. Здесь ведь болото, блиндажи мелкие; когда стало «жарко», пулеметчик сунулся в блиндаж, а его уже занял наш солдат. Пулеметчик голову, туловище втиснул, а дальше некуда, вот и торчали вверх ноги. И смех, и грех, мы вместе с пулеметчиками от души нахохотались.

Как мы дошли, сколько раз попадали под артобстрел и бомбежки — не помню, но это было в первых числах сентября 1942 года, потому что вскоре 2-я ударная армия была введена в прорыв, и вот как это произошло.

Через несколько дней нашему взводу, а в нем уже осталось двадцать два человека, поставили новую задачу. Через то же болото когда-то проходила лесная дорога. Перед обороной немцев был лесной мыс шириной метров сто пятьдесят-двести, который углублялся в болото метров на пятьдесят-семьдесят. Надо было занять этот лесок под носом у немцев и держать его до подхода смены.

Мы его заняли в тумане ночи, тихо окопались под стволами деревьев, метрах в пяти-десяти друг от друга. На восходе солнца немцы нас обнаружили, да и мы их хорошо видели. У немцев взвилась красная ракета. Что это значит? Начался артобстрел одновременно из трех орудий из Рабочего поселка № 5 по площади. Простреляли весь лесок с левого до правого края и обратно, выпустив тридцать-пятьдесят снарядов. Некоторые деревья свалило. Били опять снарядами с двойным взрывом — удар, взрыв, чуть позже — второй взрыв. Самые отвратительные снаряды, осколки идут в лучшем случае по горизонтали или, что еще хуже, идут «зонтиком» после удара о дерево.

Только прекратится огонь, проверяем соседей справа и слева — они живы. Немцы увидели — зашевелились, снова — ракета и снова летает «коврик» туда и обратно. От бессилия, что ничем не можем ответить немцам, зубами землю грызем.

Опять взлетает ракета — голубая. Что-то новое... Проходит пять-десять минут, и вот они, «родненькие музыканты» — девять-двенадцать штук. Но они боятся задеть своих и заходят на бомбежку со стороны собственных блиндажей, благодаря чему на нас падает только половина бомб, а вторая половина уходит в пустое болото. Мы уже к ним привыкли. Обстрел и бомбежки переносим спокойно, хотя немецкие самолеты делают по три захода каждый. А вот сирены — будь они прокляты! Своим звуком они как будто переворачивают все потроха, тошнота усиливается с каждым заходом, к горлу подступает комок, вот-вот стошнит, и ничего ты с этим поделать не можешь.

И так двое суток с семи-восьми утра и дотемна. Леса не осталось, все покрыто пороховым дымом с туманом, который не может пробить даже яркое солнце. Ощущения отсутствуют, и пока себя не ощупаешь руками, не можешь понять, цел ты или нет. Только не обнаружив мокроты, понимаешь, что цел: руки, ноги, голова на месте и сухие.

На третью ночь нас находит лейтенант-разведчик, сменяет и дает указание идти в свое расположение. Ведь мы у себя почти не находились, питались сухим пайком: хлеб, сахар, и «второй фронт» — американский шпик и колбасные консервы.

Только вышли к бывшей опушке леса, где остались одни пни, щепы да редкий кустарник, увидели, что навстречу цепочкой идут солдаты, несут дощатые щиты и укладывают их в две колеи для прохода машин, а следом за ними по щитам уже катят бочки с горючим, и так через все болото. Тьма непроглядная, полнейшая тишина. Выходим на противоположную сторону болота. Вся просека и обочины забиты солдатами. Мы идем цепочкой, я — где-то посередине цепочки с пулеметом Дегтярева. И вдруг — свист и взрыв снаряда, прилетевшего из-за болота. Мы — броском вперед. Крики, стоны, еще два-три взрыва сзади. По команде передают: троих задних нет. Оставляем двоих на поиск в этой тьме среди стонов, криков, суматохи. Но вот снаряд разорвался впереди нас, чуть не убило ведущих, а взрывы все дальше и дальше. Дошли до мостика на Черной речке, и артобстрел прекратился. А по всей дороге сзади в гуще солдат — стоны, крики, команды: «Убрать раненых!» Только подошли к мостику — новый взрыв, но уже с противоположной стороны — от Гайтолова и Михайловки.

От моста до высоковольтной линии дорога была из бревенчатого настила. При строительстве моста перед ним сделали насыпь, а рядом остался небольшой карьер. Мы укрылись в нем, а когда прекратился обстрел, все вышли на настил. У меня за что-то зацепился ремень пулемета, и я немного замешкался. Только вышел на настил — под самым носом разорвался снаряд. Я свалился с настила в болото и прижался к бревну. На настиле продолжают рваться снаряды. До того все осточертело! Голова пуста, ничего не слышу, тела не чувствую, думаю — рвануло бы скорее, чтобы покончить с этим кошмаром бессилия! Вдруг снаряд рикошетом от бревна ушел прямо под меня. И вот ведь какова человеческая психология, жажда жизни: неужели взорвется? А снаряд, уйдя в трясину, потерял ударную силу и не взорвался. Пока я лежал, под мое бревно ушли еще три снаряда и ни один, благодаря трясине, не взорвался.

В эту ночь вступила в бой 2-я ударная армия. Это ее солдаты двигались сплошной стеной по всей дороге. Я на том участке не был ни разу. Наш взвод потерял здесь тринадцать человек, из тридцати двух осталось девятнадцать.

В день нашего возвращения в сторону Синявина прошла колонна танков. Погода стояла сухая, солнечная, танки под обстрелом шли на предельной скорости, разворотили дорогу, слой пыли был выше щиколотки. Проходить по дороге было опасно: строчили автоматчики и снайперы. По ночам немецкие самолеты с бреющего полета бросали парашюты с грузом в рощу Круглая. На наши донесения командование батальона заявило: «Ваша задача — разведка, ее и выполняйте. Для борьбы с автоматчиками и снайперами есть пехота, да и с парашютами пехота разберется».

Все же, невзирая на запрет, наша группа не выдержала: один гад стреляет, а мы все около него ползаем! Засекли дерево с «кукушкой», углубились в лес, нашли это дерево, обнаружили стреляные гильзы — сомнения рассеялись. Начали искать, и недалеко обнаружили замаскированный окоп. Земля из окопа была куда-то убрана и на палках сделана западня из мха и травы. При опасности немец нырнул в окоп и закрывался западней. Фашиста вытащили, расстреляли и зарыли в его же окопе.

С усилением сброса парашютов действия немецких автоматчиков и снайперов прекратились, видимо, чтобы не привлекать внимания к парашютам.

Однажды утром, когда мы только что вернулись в свои блиндажи, прозвучала команда выделить пятнадцать-двадцать автоматчиков. Мы вскочили, смотрим: на дороге вдоль высоковольтной линии стоят две бронемашины «ГАЗ» с 45-мм пушками, две или три легковые машины, за ними — броневик и пустая полупортка. Занимаем полупортку, и вся колонна на предельной скорости под артобстрелом мчится вдоль высоковольтной линии к Черной речке. Переехали мост, свернули на насыпь узкоколейки и остановились.

Из легковой машины вышли генерал-майор Н. А. Гаген, полковник Бабушкин, генерал-майор танковых войск и еще пять-шесть офицеров. Мы окружили их боевым охранением на расстоянии пяти-десяти метров и пошли по болоту. Не успели углубиться метров на двести, как налетела армада немецких самолетов и начала бомбить. Бронемашины сгорели вместе с экипажами. Штабеля пустых ящиков из-под снарядов, скатившихся по насыпи, также были уничтожены (отсюда через болото снаряды носили на руках).

Прошли два болота и два перелеска. В одном из них лежали убитые, вздувшиеся лошади. Гаген приказал какому-то командиру в звании капитана или майора их зарыть. Пошли дальше,

лейтенант-связист, который шел впереди, никак не мог найти блиндажи КП, за что Гаген грубо ему выговорил. Наконец, обнаружили три блиндажа буквально в двухстах-трехстах метрах от передовой.

Генерал-майор Н. А. Гаген перед входом остановился, осмотрелся и сказал: «Вот здесь повеселее, пули посвистывают». А пули действительно посвистывали, но лес был цел.

Нам дали команду до подхода комендантской роты окопаться вокруг блиндажей в радиусе десяти-пятнадцати метров и занять круговую оборону. Не успели мы окопаться, как около пяти часов вечера начался артобстрел точно по блиндажам. Была батарея со стороны Мги или Рабочего поселка № 6 одновременно из трех орудий отвратительными снарядами с двойным взрывом. Выпускают тридцать-пятьдесят снарядов, и появляются два самолета-разведчика, пройдут по макушкам деревьев над самыми блиндажами, и вновь продолжается обстрел. Так длилось до одиннадцати часов вечера. Пока мы окапывались, шестерых наших убило. Моему соседу слева снесло затылок.

Связисты не успевали восстанавливать связь, провода рвало осколками беспрерывно. И только в одиннадцать часов вечера наступило относительное затишье. Около часа ночи началась невероятная автоматная трескотня. Пули свистели и трещали во всех направлениях. Полковник Бабушкин не выдержал, выскочил из блиндажа и заорал: «Какой паникер стреляет?» Но мы не сделали ни одного выстрела. Стреляли кругом, и совершенно нельзя было понять: кто, в кого и почему стреляет. На рассвете приводят двоих или троих немцев со скатками за спиной, в кителях, на касках — маскировочные сетки. Один — рыжий, с длинными волосами, без головного убора — офицер с планшетом, с простреленной левой рукой. Мы его перевязали. Гаген вышел из блиндажа и начал его допрашивать. Офицер раскрыл планшет с картой, на которой уже были нанесены три блиндажа штаба нашего корпуса.

Мы попросили «Батю» уйти в блиндаж, туда же водворили и немецкого офицера. До утра привели еще восемь-десять немцев. Из допроса офицера выяснилось, что немцы, получив точную информацию о месте расположения блиндажей КП, решили захватить их. Группе из 29 автоматчиков была поставлена задача — проникнуть в наш тыл и открыть огонь из автоматов и пулеметов. Когда немцы проникли в тыл, они нарвались на роту, шедшую на «пополнение», и открывшую огонь. Завязалась перестрелка, которая длилась три-четыре часа.

В результате из группы немцев, проникшей в тыл, одиннадцать человек были взяты в плен, многие убиты и только двоим солда-

там удалось уйти к своим. Когда все это выяснилось, Гаген разозлился, выскочил из блиндажа и потребовал выделить стрелков для обороны левого фланга. Оказалось, что там пехоты не было, оборону занимали шестнадцать танков (кажется, 16-й танковой бригады). Немецкая группа просочилась в наш тыл между этими танками.

Через день-два я опять был в штабе батальона. Смотрю: рыжего офицера, мертвецки пьяного, ведут через дорогу двое наших солдат. Вот она, русская натура: угостили за хорошие показания.

И вновь мы на переднем крае. Там уже оказались все наши активные штыки и три «мухобойки», как мы называли 45-мм пушки. Пять человек заняли кустики в нейтральной полосе, метрах в шестидесяти от немцев. Нас обнаружили и открыли шквальный минометный огонь. Кого-то ранило, убило замполита роты, да так, что мы и останков его не нашли. Татаренкову раздробило ступню, но он в горячке пробежал метров сто. Когда мы добрались до него, он был бледен, как полотно, и умер по пути в госпиталь.

Днем господствовала немецкая авиация, поэтому танковую атаку решили провести ночью. Для ориентировки водителя перед каждым танком поставили разведчика. Заревели моторы, и немцы немедленно открыли огонь. Из шестнадцати разведчиков в живых осталось четверо, несколько танков было подбито, атака захлебнулась. Потом немцы перевели огонь на наш передний край и КП батальона. Многих убило и ранило, в том числе и старшего лейтенанта Дементьева. Мне с солдатом приказали вынести его в тыл. Вырубили жердь, подвязали плащ-палатку и понесли. Не раз в пути попадали под обстрел и бомбежку, но донесли.

Вернулись на передовую и узнали, что к нам приходила разведка из Невской Дубровки. Было намечено осуществить прорыв одновременной атакой от нас и с Невы 24 сентября.

10–12 сентября другая новость: мы отрезаны, доставка продуктов и боеприпасов прекратилась, связной из штаба батальона не вернулся. Моей группе из пяти человек поручили пройти в штаб, доставить донесение, выяснить судьбу связного и прихватить с собой, сколько сможем, продуктов.

На рассвете, по молочному туману, при относительно слабом обстреле мы благополучно добрались до штаба батальона, сдали донесение, подкрепились и отдохнули. Затем нашли связного и, нагрузившись до предела продуктами и еще раз поев, часов в пять вечера вышли в обратный путь с тем, чтобы по занятому немцами участку пройти в сумерках.

Направление взяли на мост через речку Черная. Ежеминутно ложились крупнокалиберные снаряды. Не успели пройти

и полпути до Черной речки, навстречу нам летят девять самолетов «Юнкерс-88». На дороге, кроме нас, никого нет. Справа — лес, слева на болоте — редкий кустарник. Кто-то из ребят говорит: «Сейчас начнут бомбить». Я отвечаю: «Неужели эта армада будет бомбить шестерых солдат?»

Смотрим, часть юнкерсов отделилась, пошла на Синявинские высоты, развернулась над ними и идет на нас, чтобы бомбить поперек дороги. Только мы успели ткнуться в канаву, как пошла по площади ковром дробь мелких противотанковых бомб. Прижимаемся плотнее в мокрое дно канавы, взрывы все ближе и ближе. Ага, пронесло! «Юнкерсы» разворачиваются на второй заход (знаем: будет и третий), и мы вдавливаемся в лужи на дне канавы. Всех засыпало землей. Поднимаюсь, смотрю: все ребята шевелятся, значит, живы! У меня правая сторона каски вмята. Бомба упала рядом, и вывернутым суглинком меня ударило в каску.

Подшли к мосту, дал команду: «Как только взорвется снаряд — броском вперед!» Снаряд взорвался — мы броском вперед, не успели сделать десять-пятнадцать шагов, как сзади — новый взрыв. Оглянулся: внизу за мной трое бегут, значит, живы. Четвертый кричит: «Двоих задних нет!» Уже стемнело, когда возвращались и нашли одного на дороге, ощупали — сухо, значит, цел. Потерли ему уши — очнулся. Второго нашли в канаве. Это оказался связной, на ощупь тоже цел, но в чувство не приходит. Укрыли его в окопчике на обочине дороги, если очнется — вернется сам. Но оружие его и рюкзак с продуктами забрали с собой.

Невзирая на разрывы снарядов, под обстрелом автоматов и артиллерии мы благополучно миновали Чертов мост и около пяти часов утра добрались до своего переднего края. Правда, от леса, который еще был, когда мы уходили, кроме пней ничего не осталось. Здесь мы узнали, что по радиосвязи генерал-майор Гаген требовал не сдавать занятую дорогой ценой территорию, деблокировать нас с внешней стороны, очистив горловину прорыва от немцев. Ему сообщили, что туда был брошен полк, но успеха не имел, и отныне боеприпасы и продукты нам будут сбрасывать ночами самолеты «У-2», для чего им нужно указать место приема. Место выбрали на первом болоте за нашим блиндажом.

Еще проходя через расположение немцев, мы видели, что они заняли горловину прорыва, насытили ее огневыми средствами, но их было не так уж много, и один полк вполне мог бы с ними справиться. И еще раз мне пришлось преодолевать эту горловину. Подробности второго прохода в памяти не остались, но хорошо помню, что обстрел начинался с красной ракеты и прекращался по сигналу голубой.

На вторичное требование Гагена деблокировать нас с внешней стороны ему вновь сообщили, что снова был брошен полк, но безуспешно. Между тем, мы в горловине никаких боев не видели.

В следующие дни до 21 сентября 1942 года положение не изменилось: мы, полуголодные, были ограничены в патронах, а о минах и гранатах и речи быть не могло. Немцы располагали о нас всеми данными. Малейшая наша перегруппировка становилась известной через несколько часов. Самолеты на болоте принимали на три костра, поскольку вся территория простреливалась перекрестным огнем немецких батарей разных калибров вплоть до 12-дюймовых. Чтобы избежать обстрелов при приеме самолетов, мы отрезали резиновые ленты от масок противогаса и, услышав шум моторов, поджигали их. Резина горит ярко и сгорает быстро. Обычно самолеты снижались, выстраиваясь в круг и выключая моторы, и летчики спрашивали: «Свои?» Мы отвечали: «Свои». Тогда они начинали сбрасывать каждый по два мешка. Мы следили, где мешки падают, чтобы найти в темноте.

Впрочем, не всегда все шло нормально. Однажды, когда груз осталось сбросить последнему самолету, одна за другой взорвались три небольшие бомбы. Когда мы присмотрелись к этому самолету, то им оказался немецкий корректировщик «костыль» или «кривая нога», вроде нашего «У-2», но с более длинным шасси. Он пристроился к нашим «У-2», вместе с ними вошел в круг, наблюдал всю процедуру, зафиксировал место приема самолетов и сбросил нам свой «подарок».

Утром 21 сентября в небе появились группы по тридцать-пятьдесят самолетов «Юнкерс-88». Идут над нами в сторону Невской Дубровки и сбрасывают ящики, которые при падении разваливаются. Тысячи листовок — белых, розовых, голубых — засыпают нас: «2-я и 8-я армии! Вы окружены. Сдавайтесь... Не верьте жидам и комиссарам, что мы уничтожаем пленных: всем, кто сдастся добровольно, мы сохраняем жизнь, офицерам сохраняются оружие, денщик, военный паек вплоть до свежих фруктов».

Генерал-майор Гаген, не добившись помощи с внешней стороны, решил создать «кулак» для прорыва изнутри, но и это ему не удалось. Какой-то полковник передал приказ: «Частям выходить кто как может».

Около 27 сентября 1942 года мы получили приказ сняться с переднего края у озера Синявинское и прибыть в такой-то квадрат. Прибыли на место ночью, построили блиндажи. Тихо, обстрелов нет. Утром узнали, что рядом три блиндажа — КП Н. А. Гагена. Под Синявино немцы почти непрерывно подвергали нас артобстрелу со стороны Рабочих поселков № 5 и № 6, били

даже из дальнбойных орудий. Один из восьмидесятидюймовых снарядов не разорвался и лежал на поверхности земли после удара о дерево.

Нас, активных штыков при полевом штабе Гагена, оказалось шестнадцать человек. Это были связисты, санинструктор Суханов, политрук Поляков с адъютантом Дерябиным.

Вечером 28 сентября Гаген приказал создать две группы. Трое должны были разоружить три сгоревших броневика на насыпи узкоколейки и снять замки с орудий и пулеметов. Второй группе в тринадцать человек поручалось принять последние самолеты с патронами и сухарями. Что не сможем унести — утопить в трясине. Все годное уничтожить, с орудий снять замки, живых лошадей пристрелить. Предупредил, что он намерен продержаться еще сутки. Если при возвращении его группу мы не застанем, значит, они ушли на выход, и в этом случае придется рассчитывать только на свои силы. Вся оборона снята, оставлены только отдельные пулеметы прикрытия.

По дороге к болоту, где принимали самолеты, и на обратном пути мы неоднократно попадали под артобстрел. Одеты мы были только в гимнастерки и маскхалаты, через плечо — скатки из плащ-палаток. Вернувшись на место в пять утра, увидели, что дымится небольшой костер, над ним — чугунный котел с супом из макарон и — ни одной живой души. Значит, штаб ушел. Посоветовавшись, выставили трех человек в боевое охранение, решив, что до вечерних туманных сумерек выход невозможен. Расположились в блиндажах бывшего КП. На земляной «кровати» я нашел чистую плащ-палатку и решил свою грязную бросить, а чистую взять, но это оказалась не плащ-палатка, а плащ Гагена с двумя звездами генерал-майора в петлицах. Вначале я отвернул звезды, втоптал их в земляной пол, чтобы немцы не узнали, что это генеральский плащ, затем, не обнаружив крючков для крепления, сунул полы за ремень. Получилось нечто вроде современной штормовки.

Вскоре из нашего боевого охранения прибежал боец, раненный в ногу, и закричал:

— Немцы!

— Где?

— Да вот они, шли на нас с криком «Ура!» Мы думали, что прорвались свои, выскочили из укрытия, тут они открыли огонь. Двоих наших убило автоматной очередью, а меня ранило в ногу.

Мы приготовились к бою, но через несколько минут нас начали обстреливать из шестиствольного миномета. Мы называли его «коровушкой» за звук, который напоминал коровий рев. Мины ложились в ряд по нашим блиндажам. К этому времени к нашей

группе присоединились десять-пятнадцать человек из других частей. Было всего около десяти утра, а день долог, и нам нужно было продержаться до пяти-шести часов вечера. Стали решать, как быть. Сориентировались по карте и решили идти вглубь, где немцы нас не ждут. Там были пустые артиллерийские блиндажи, мы благополучно достигли их и замаскировались. Около часа самолеты, которые все время кружили над нашим «котлом», нас обнаружили, и вновь начался артобстрел. К этому времени наш отряд насчитывал уже около шестидесяти человек. Мы принимали всех, кто просился (в основном это были солдаты-одиночки), при условии, что они безоговорочно будут выполнять наши команды. Было ясно, что в случае прорыва с боем из одиннадцати человек вряд ли кто останется в живых, а из большого отряда какая-то часть все равно выйдет к своим. Среди присоединившихся был старший лейтенант — высокий, в шинели, с новыми планшетом и кобурой.

Двигаясь в обход на нижний деревянный мост через Черную речку, мы вышли к заболоченному лесу, где торчали одни пни, и валялись под ногами сотни ржавых русских винтовок от боев 41-го года.

Перед деревянным мостом была поляна метров в двести. Над головами пролетает шрапнель, а по мосту с противоположного берега из леса строчит немецкий пулемет. Справа от моста вдоль речки — мертвое поле: обстрел, видимо, корректировал самолет.

Первым шел командир группы Александр Давыдов. Он побежал под огнем пулемета через мост — проскочил, вторым бегу я — благополучно, за мной бежит высокий старший лейтенант: поднялся во весь рост, в руке — «ТТ», сбросил с себя шинель вместе с портупеей, планшетом, кобурой, и побежал в одной гимнастерке без ремня — тоже удачно. И так, по одному, броском под пулеметным огнем преодолели мост без потерь. Пробираемся по Черной речке вверх до Чертова моста под высоковольтной линией, и метрах в трехстах обнаруживаем круговую оборону с бруствером диаметром тридцать метров. На бруствере торчит стволом в сторону высоковольтки пулемет «максим» без ленты. Внутри обороны — четыре-пять блиндажей с ранеными.

Когда вся группа сосредоточилась, Давыдов скомандовал: «На обстрел не отвечать, чтобы не вызвать усиления огня». Но и здесь нас начали обстреливать шрапнелью; только били по кромке заболоченного берега, дальше огонь не переносили, боясь попасть в своих. Мы переместились вверх, ближе к немцам, и нас шрапнель не доставала.

Было уже около пяти вечера, но дальше идти было невозможно. Присоединившиеся к нам солдаты, в том числе и старший лейтенант, уточнив направление выхода, вышли из нашего подчинения

и хлынули во весь рост толпой. Немцы немедленно открыли по ним пулеметный и минометный огонь. Трудно сказать, сколько их осталось в живых. А тут еще немецкий пулеметчик обнаглел, выскочил из леса, установил пулемет на бруствер и начал строчить им во фланг. Кто-то из наших ребят бросил пару гранат, немец оставил пулемет и побежал в лес. Вдогонку ему дали очередь и снова затихли. А там, куда хлынула толпа, еще продолжалась пулеметная стрельба и рвались мины.

До нашего переднего края оставался километр-полтора по трясине вдоль берега Черной речки, и нам ничего не оставалось, как дать немцам успокоиться. Раненые в блиндаже были подготовлены к эвакуации, но она была совершенно невозможна. С ними находились три сестры. Зная, что завтра здесь будут немцы, мы объяснили сестрам, что как ни жаль раненых, они обречены на плен, а сестры могут выйти с нами. Посоветовавшись между собой, медсестры решили остаться с ранеными. Через час, обнявшись и расцеловавшись с сестрами, мы пошли на выход.

Немцы начали освещать речушку ракетами. Мы переползли высоковольтную линию. В трясине увидели массу трупов. Чтобы не нарушать тишину, ползли таким образом, чтобы передний, заметив опасность, мог ногой предупредить следующего, а тот мог дернуть первого за ногу. При вспышке ракеты мы замирали среди тел убитых, а как только ракета гасла, продолжали ползти. На полпути меня дернул за ногу Омельченко и сказал: «С нами «Батя»! (Так мы называли генерал-майора Гагена — командира 4-го гвардейского стрелкового корпуса). Я передал это Давыдову.

Вот обгоревший березовый пенек, где нужно свернуть влево, дальше, в десяти-пятнадцати метрах, опять немцы. Давыдов остановился, уточняет, я подтвердил поворот. Свои совсем близко, но мы не знаем ни отзыва, ни пропуска. Вновь за ногу дергает Омельченко и передает: «Батя сообщил: отзыв — «Курок», и пропуск — «Курок». Выползаем к своим, говорим пароль, сваливаемся в траншею и, прежде всего — курить. Гаген с Давыдовым ушли к командиру обороны. Минут через пятнадцать-двадцать возвращаются. Гаген берет с собой двоих автоматчиков и уходит вперед. Мы добрались до артиллерийского блиндажа и завалились спать. Проснулись и не могли понять: в блиндаже через два наката светило солнце, время — девять часов утра, мы засыпаны землей. Оказывается, ночью попал тяжелый снаряд, раздвинул наката бревен, не взорвался, а рикошетом ушел дальше.

Штаб наш переместился на р. Назия. Вышли на дорогу, смотрим: идет полуторка. Ребята смеются: «Зря ты снял звездочки

генерала, сейчас остановил бы любую машину и приказал отвезти нас на место».

В расположении автороты нас встретили как воскресших из мертвых. Накормили, напоили, поднесли по сто граммов и дали три дня отдыха. Не успели мы проспять и часа, как разбудили и спрашивают: «Где видели Гагена»? Мы рассказали, что с выходом на наши позиции он ушел с двумя автоматчиками. Сутки не могли установить, где наш «Батя». Оказалось, при выходе 29 сентября 1942 года полевой штаб 4-го корпуса всей группой нарвался на оборону немцев, как раз выше обгоревшего березового пня, и почти полностью погиб. Погибли начальник политотдела Пухов, начальник штаба Фендман, наш политрук Поляков с адъютантом Дерябиным, ротный санинструктор Суханов, лейтенант Звездин и другие. Гаген просидел сутки в воронке с водой; зная, что мы должны выходить следом, дождался и вышел с нами.

Вскоре нас вывели на берег Ладожского озера. Спустя несколько дней мы погрузились в эшелон в Кобоне и через три дня высадились в Балашове. Гаген пришел в батальон, запросто побеседовал с нами и проверил, как мы готовимся к новым боям.

Но бои под Синявином осенью 42-го года навсегда остались в памяти как самые тяжелые. У немцев тогда уже была прекрасная разведка, безотказная связь, плотная насыщенность артиллерией и минометами, необходимое количество боеприпасов и особая оперативность командования. Авиационное прикрытие с воздуха было абсолютным, самолеты-корректировщики обеспечивали точность ведения огня. Даже при обнаружении нашей маленькой, в пять-десять человек, разведгруппы немедленно открывался пулеметный огонь, через несколько минут включались минометы и артиллерийские батареи, а спустя четверть часа на нас пикировали бомбардировщики. Мы же в основном были вооружены винтовками, при прорыве немецкой обороны имели лимит в пятнадцать снарядов на каждое орудие, связь была отвратительная, самолетов прикрытия и поддержки я лично не видел, а о дорогах и говорить не приходится.

Солдат в бой у нас вводили большими плотными массами, тогда как немцы действовали мелкими группами, почти совершенно не подвергаясь воздействию нашей артиллерии и авиации.

Сопоставьте немецкий пулемет с нашим. У них — расчет два человека, нагрузка по 15 кг, боекомплект 1000 кг, ленту можно заменить в любое время дня и ночи, ствол сменить — за тридцать секунд. Наш «дегтярев» имел расчет три человека, нагрузку по 18 кг, боекомплект 600 кг, перезарядить диск или сменить ствол даже днем — намучаешься. Связь такая: ввели на пере-

довую два полка и сразу связь потеряли. Послали наши группы разыскивать полки и устанавливать с ними связь. Мы ни разу не могли установить связь нашими коротковолновыми «сегерками» и рациями бронемашин «ГАЗ».

Чрезмерная секретность боевой обстановки лишала солдат осмысленной инициативы.

Вооружение было хуже немецкого, снайперского оружия в подразделениях вообще не было. У нас была масса солдат, но не хватало ни мин, ни снарядов.

Ходила частушка про Гитлера:

Мне бы русских летчиков, да минометчиков, да русскую пехоту,

Давно владел бы древней Русью я.

Да русских бы танкистов, да артиллеристов, и шарик наш земной

Давно бы был бы мой.





И. И. ПАЛКИН,
*врач, кандидат медицинских наук,
бывш. военфельдшер 22-й осбр 2-й УА*

С верой в победу *

После боев под Тихвином я попал в 22-ю отдельную стрелковую бригаду и вместе с ней участвовал в Любанской операции, пережил окружение, из которого удалось выйти 24 июня 1942 г. в районе Мясного Бора.

Бойцам и командирам Второй ударной армии, вышедшей из окружения, был предоставлен месячный отдых. В течение всего этого срока мы получали продовольственный паек в полуторном размере для восстановления сил и здоровья, так как были страшно истощены и измотаны в непрерывных изнурительных боях.

В делах и заботах незаметно пролетело время переформирования. Заканчивался последний месяц лета, который, судя по оживлению в прифронтовой зоне, должен был ознаменоваться серьезными событиями. И они не заставили себя ждать.

Утром 27 августа гром артиллерийской канонады возвестил о начале наступления Волховского фронта. В первые дни 2-я ударная армия находилась во втором эшелоне, готовясь к развитию наступления, осуществляемого первоначально войсками 8-й армии с приданными ей частями усиления.

Прорвав первую линию обороны немцев, наши войска продвинулись вперед на пять-шесть километров в сторону Синявина. Доставалось это продвижение очень дорогой ценой. Ровно через неделю после начала наступления нашей 22-й отдельной бригаде

* Сб. «Ветеран», выпуск четвертый. Лениздат, 1988 г.

было приказано развивать обозначившийся успех в районе деревни Гайтолово.

Еще не закончив, а, вернее, только начав рытье окопов и сооружение укрытий, мы увидели, что они очень быстро заполняются водой, обильно поступавшей из высоколежащих водоносных слоев заболоченной низины. У нас не было иного выбора, кроме как сидеть в окопах по колено в грязной жиже.

Ранним утром бойцы и командиры нашего батальона изготовились к атаке. Однако ее начало пришлось отложить из-за массированного налета вражеских самолетов. Несмотря на неблагоприятную обстановку, с которой нам пришлось столкнуться, батальоны и роты нашей бригады дважды в этот день пытались прорвать оборону закрепившегося на новых рубежах противника. Однако наши атаки захлебывались одна за другой; люди гибли или выходили из строя по ранению, а продвинуться вперед не могли. Под губительным кинжальным пулеметным и минометно-артиллерийским огнем противника наши цепи залегали, а затем, каждый раз с большими потерями, возвращались на исходные рубежи. В воздухе по-прежнему господствовала вражеская авиация. Бомбы рвались в непосредственной близости от наших окопов. Земля ходила ходуном. С руками по локоть в крови я с помощью санинструктора Николая Карпенко без перерыва оказывал первую помощь раненым: накладывал бесчисленные повязки, жгуты и шины.

В течение первых десяти дней боев мы потеряли большую часть личного состава убитыми и ранеными. В нашем батальоне автоматчиков, насчитывавшем первоначально 318 человек, в строю осталось только двенадцать бойцов! Не лучше обстояли дела и в соседних батальонах.

Как старший военфельдшер батальона особо хочу отметить тяжелые потери среди санитаров и санинструкторов, которые, ежеминутно рискуя своей жизнью, без устали выносили с поля боя раненых. Первоначально их было в батальоне двенадцать человек. Дольше других продержался каким-то чудом санинструктор сержант Карпенко. Но и он в конце концов был ранен, и я, перебинтовав его раны, успел отправить его в тыл еще до того момента, когда наша бригада оказалась в критической ситуации.

Получив пополнение, наш батальон продолжал боевые действия против гитлеровцев. В этих боях под деревней Гайтолово, западнее Черной речки, я был ранен осколком снаряда в левую голень. Перебинтовав рану, я начал подготовку к эвакуации в бригадный медсанбат раненых, однако санитарные машины из-за сложной обстановки в районе боевых действия не могли уже к нам добраться. Вывезти раненых в ближайший тыл помогли танкисты.

Из стволов молодых деревьев, срубленных осколками мин и снарядов, сделали волокушу, на которой уместилось около полусотни раненых. Под вечер, когда уже совсем стемнело, танк зацепил эту волокушу и отбуксировал на два-три километра в тыл, во второй эшелон, откуда раненых уже мог забрать санитарный транспорт. Танк сделал за ночь два или три таких рейса, все тяжелораненые были отправлены в госпиталь. Сам я остался в строю, как и другие мои товарищи, которые еще могли держать в руках оружие.

Ночью же мы получили очередное пополнение, в котором растворился прежний личный состав нашего батальона. Фактически это было уже новое подразделение, не имевшее полного численного состава, весьма неоднородное и, естественно, не имевшее первоначальной боеспособности. Примерно такое же положение было и в соседних с нами батальонах бригады.

Не лучшим образом складывались дела и на Ленинградском фронте. Мой друг Николай Шевцов, выписавшийся в начале сентября 1942 года из госпиталя и вновь вернувшийся в свою часть в район Невской Дубровки на должность командира минометной роты, в одном из своих писем, в весьма осторожных выражениях писал в тот период, что идут тяжелейшие бои с немцами, но успех пока не обозначился.

Время шло, но и на нашем фронте небольшие продвижения вперед на сотню-другую метров ничего принципиально не изменяли в создавшейся обстановке. Нарастающее сопротивление фашистов свидетельствовало о том, что они подтянули в этот район крупные резервы. Бои носили настолько ожесточенный характер, что невозможно было принести воды из ближайшей воронки. Воду удавалось доставать только ночью, и то с большими трудностями. Но наши войска продолжали активные действия. 11 сентября был взорван крупный немецкий склад боеприпасов в районе рощи Круглой — северо-западнее деревни Гайтолово. В последующие несколько дней наши войска пытались овладеть этой рощей, но успеха не добились.

19 сентября неожиданно немцы предприняли мощное контрнаступление и отсекли наши передовые части от основных сил и тылов. Снабжение боеприпасами и продовольствием, и без того весьма скромное, прекратилось совсем. Минометно-артиллерийский обстрел наших позиций продолжался от рассвета до заката, над ними все чаще появлялись немецкие самолеты.

Попытки прорваться к своим оказались безуспешными. Мне приходилось пользоваться автоматом и гранатой чаще, чем бинтами и йодом. Я был вторично ранен в левую ногу. Сделав себе перевязку, я поспешил на помощь товарищам.

Стараясь склонить нас к сдаче в плен, немцы широко использовали листовки, которые в большом количестве разбрасывали с самолетов. Хорошо запомнилась одна из них. На одной стороне листка бумаги, величиной примерно в половину страницы школьной тетради, были в несколько рядов изображены снаряды, мины и авиабомбы. Рисунок сопровождался лаконичной надписью на русском языке: «У вас», из которой надо было понимать, что изображенные на рисунке смертоносные «подарки» мы получим, если будем продолжать сопротивляться. На обратной стороне листовки были изображены колбасы, сосиски, окорока и другая снедь, которая нам обещалась в том случае, если мы сдадимся в плен. Под этим рисунком была столь же лаконичная надпись, как и на первом: «У нас». Ниже по-немецки был отпечатан пропуск для прохода через немецкие передовые укрепления.

Я не помню, чтобы кто-нибудь из нашей группы воспользовался посулами врага, но шуток по этому поводу было немало. Бойцы говорили, что если бы интенданты дали им в достатке боеприпасов и продовольствия, то гнали бы они фашистов без передышки до самого Берлина.

...Уже целых десять дней мы были отрезаны от внешнего мира. Наше положение с каждым часом становилось все тяжелее и тяжелее: боеприпасы были на исходе, продовольствие кончилось совсем, как и махорка. Курильщики пытались заменить табак высохшими листьями березы, осины и даже травой.

В редкие минуты затишья кое-кто из бойцов, пристроившись кто как, писал письма. Неотправленные письма... О чем и кому писалось в них — никому и никогда не узнать.

В ночь на 29 сентября 1942 года мы получили по радиции приказ командования — любой ценой выйти из окружения. Штурм немецких укреплений с целью прорыва был намечен на утро 30 сентября.

В конце сентября рассвет под Ленинградом наступает в начале седьмого. Уже за час-полтора до наступления этого срока была дана команда готовиться к прорыву. Надежда выйти из окружения была невелика: собственными силами, как показал опыт предыдущих боев, мы ничего добиться не могли, а надеяться на помощь, зная положение на фронте, вряд ли следовало. Она, эта помощь, и не могла прийти, так как войска фронта с трудом сдерживали натиск врага, который ввел в сражение резервы, предназначенные для штурма Ленинграда. Но об этом мы тогда не знали.

Попытки пробиться к своим с небольшими перерывами продолжались почти целый день. Наши людские ресурсы быстро таяли.

Еще быстрее таяли боеприпасы. На пополнение того и другого рассчитывать не приходилось. В последнюю в этот день атаку — шестую или седьмую по счету, когда в ротах и взводах оставались лишь единицы боеспособных солдат и командиров, — мы пошли с решимостью до конца выполнить свой долг перед Родиной, полагаясь в основном на штыки, ибо у каждого из нас оставалось не более четырех-пяти патронов. Артиллерийских снарядов не было совсем, и бойцы вывели орудия из строя, чтобы они не достались врагу.

В этой атаке я вновь был ранен. Разрывная пуля попала в приклад моего автомата, разбив его вдребезги, а ее осколки застряли в левой руке. Более двадцати осколков сидят в моей руке и по сей день...

Наступила ночь, и в темноте мы получили передышку, которую использовали для помощи раненым. Их было куда больше, чем оставшихся в строю. Тех, кому помощь была уже не нужна, мы похоронили в одном из окопов. Поистине это была могила неизвестных солдат, ибо со многими товарищами из последнего пополнения мы просто не успели познакомиться. Впрочем, правильнее было бы сказать: не могила неизвестных солдат, а могила неизвестных героев, ибо они сражались и погибли как герои.

Самые трудные испытания выпали на долю тяжелораненых, которые не могли передвигаться самостоятельно. Единственное, что было в наших силах, — сделать им перевязку и оставить в каком-нибудь укрытии под наблюдением санитаров.

В ночь с 30 сентября на 1 октября 1942 года мы предприняли очередную попытку выйти из окружения под покровом темноты, тайно. Это был наш последний шанс!

Всех раненых мы распределили так: по два легкораненых или по одному тяжелораненому на каждого бойца. В кромешной темноте нам удалось доползти незамеченными почти до конца нейтральной зоны. Здесь наше передвижение было обнаружено, и на нас обрушился шквал минометно-артиллерийского и пулеметного огня; хотя была ночь, вдруг стало светло, как в погожий солнечный день, — немцы непрерывно навешивали все новые и новые осветительные ракеты.

Я, вероятно, опять был ранен и одновременно контужен, так как потерял сознание. Очнулся уже на рассвете. Кругом была тишина, и только вдали слышалась артиллерийская канонада. Когда совсем рассвело, ко мне подошли какие-то незнакомые санитары, перевязали мои раны, положили на носилки и понесли. К моему ужасу, понесли в лагерь для военнопленных, как они сообщили по дороге.

Уже там, в лагере, я встретился с некоторыми оставшимися в живых бойцами и командирами 2-й ударной армии, 8-й армии, которые тоже попали в окружение. С горечью мы пытались понять: почему все так получилось? В недостатке мужества никто нас упрекнуть не смог бы: ни тогда, ни теперь.

Удивительная штука — военная судьба! Вроде бы все солдаты и командиры находятся, как правило, в примерно одинаковых условиях, однако совершенно невозможно заранее предсказать, кого судьба, как по канату, перекинутому через бездну, проведет в тяжелую годину войны целым и невредимым и, кроме того, еще щедро наградит лаврами; кому те же лавры достанутся ценою жизни, а кто сложит свою голову в неравном бою с врагом на безымянной высоте и будет вместе с ему подобными лежать в могиле Неизвестного солдата.

Но есть и такие, кому судьба уготовила самые тяжелые испытания. Их не только не коснулись листья благородного лавра, но и сами имена остались лишь в памяти родных и близких, продолжающих до сих пор разыскивать их, публикуя время от времени объявления в газетах в рубрике «Кто откликнется?». Но даже и у без вести пропавших по-разному складывались судьбы. Для тех, кто по разным причинам оказался в руках врага и не смог вырваться на свободу, был удел — медленная мучительная смерть в фашистских застенках. У этих «неизвестных солдат» нет могил. Хуже этой судьбы нет в мире ничего! Сегодня в этом могут убедиться все, кто хоть раз побывает в любом мемориальном лагере смерти, которых немало сохранилось после второй мировой войны в Европе.

* * *

Во временном лагере в Синявине пробыли мы всего несколько часов, и памятным он остался только потому, что здесь на рукава раненым были прикреплены повязки: желтые — тяжелораненым, красные — легкораненым. Мне санитары нацепили желтую повязку. В этот же день, то есть 1 октября 1942 года, раненых военнопленных немцы погрузили в машины и через Мгу перевезли в Гатчину. Здесь на северной окраине располагался лагерь для военнопленных.

Прежде чем разместить пленных в бараки, немцы организовали их отбор по национальной принадлежности: отдельно — русские, отдельно — украинцы, отдельно — прибалтийские нации и так далее. Только после окончания этой процедуры пленных стали разводить и разносить по баракам пленные же санитары.

Когда очередь дошла до меня, произошла какая-то заминка. Меня подняли с носилок, а поскольку я стоять не мог — прислонили к стенке одного из барачков. В таком положении я оставался некоторое время совершенно беспомощным, не имея возможности пошевелить ни рукой, ни ногой, ни тем более сдвинуться с места.

Неожиданно я увидел метрах в десяти от себя здорового немца, который вскинул руку с пистолетом и стал наводить его на меня. Прицелившись, он отвел пистолет в сторону и с усмешкой крикнул: «Ви геет'с, майн либер? Вас? Гут? Нун варте маль! Етцт вирт нох бессер!»*.

Подошедший в этот момент к моему мучителю второй такой же изверг, услышав эти слова и увидев все происходящее, громко расхохотался и, дружески похлопав моего мучителя по плечу, стал что-то негромко ему говорить. Ясно было одно: ничего хорошего этот разговор мне не сулит.

Так оно и было! Первый немец вновь вскинул свой пистолет и опять начал целиться в меня. Я стоял неподвижно, не имея ни сил, ни возможности даже упасть.

Раздался выстрел, моя голова дернулась, стукнулась о стенку барака, и тут, потеряв сознание и равновесие, я рухнул на землю. Придя через некоторое время в себя, я увидел удалявшихся палачей, которые заливались громким смехом.

Вскоре пришли санитары, вновь положили меня на носилки, внесли в полутемный вонючий барак и втиснули на нижние нары. Я впал в забытие.

Придя в себя, я обратил внимание на то, что пленные в бараке уничтожали все имевшиеся у них служебные документы и даже письма родных и близких, не желая, чтобы они попали в руки врагов. Остановив проходившего мимо меня санитаря, я попросил его уничтожить и мои документы. Он согласился и начал рвать на мелкие кусочки содержимое моих карманов. Однако деньги санитар уничтожать не стал, сказав, что наши деньги имеют хождение не только в самом лагере, но и за его пределами, где они котировались как 10:1, то есть 10 рублей приравнялись в стоимости одной оккупационной марки.

Санитар, который откликнулся на мою просьбу, попал в плен на Ленинградском фронте, на две-три недели раньше меня. Он рассказал также, что в Гатчине, недалеко от нашего лагеря, на Хохловом Поле, находится другой лагерь: для гражданских лиц — беженцев из западных районов Ленинградской области и рабочих

* Как поживаешь, мой дорогой? Что? Хорошо? Ну погоди! Сейчас будет еще лучше! (нем.)

строительных отрядов. Лагерь для пленных находился также и в селе Рождествене.

На второй или третий день нашего пребывания в лагере во время раздачи баланды немцы объявили через переводчика, что на три часа назначается всеобщее построение.

В назначенное время все, кто мог, выстроились в две шеренги. Вскоре на плацу появилось лагерное начальство, человека три-четыре. Один из немцев, сильно коверкая русские слова, громким голосом подал команду: «Коммунистен! Сделайт тва шака фперет!»

Как мне потом рассказывали очевидцы, коммунистов вышло из строя в общей сложности человек девяносто. Они, конечно, очень хорошо понимали, что их может ожидать впереди, но, твердо веря в грядущую победу советского народа в Великой Отечественной войне и черпая в этой вере силы, чтобы твердо пройти свой последний путь, они даже в этой бесперспективной ситуации подавали пример бесстрашия.

Коммунистов построили в колонну по четыре и увели за пределы лагеря. На расстрел — однозначно решили все.

Прошло часа три-четыре, когда на территории лагеря послышался довольно сильный шум, который всегда возникает в местах сосредоточения большого количества людей. Оказалось, что это вернулись назад наши товарищи. Удивлению нашему и радости не было предела. Вернувшиеся рассказали, что немцы водили их на просмотр фашистской кинохроники, которая до небес превозносила военные успехи фашистской Германии и предрекала неминуемое поражение Советского Союза. И хотя мы свято верили в нашу победу, гитлеровцы рассчитывали перед расправой физической убить нас морально...

В гатчинском лагере мы пробыли менее недели, без всякой медицинской помощи. Затем всех погрузили в теплушки и в страшной тесноте куда-то повезли. В пути мы пробыли примерно сутки, больше простаивая на неведомых нам станциях и полустанках, и только на следующий день оказались в лагере для военнопленных, который располагался под Новой Вильной, недалеко от Вильнюса. Здесь меня поместили в барак, в котором раненые находились вместе с туберкулезными больными. Медицинской помощи опять никакой, и многие тяжелораненые скончались. Остальных, после десятидневного пребывания в Новой Вильне, немцы стали отправлять в другие места. В середине ноября 1942 года дошла очередь и до меня. С группой военнопленных я был переведен в «лазарет» шталага № 344, который размещался на территории одного из монастырей Вильнюса.

Вновь прибывших встретил во дворе монастыря сам комендант, который выборочно произвел опрос некоторых легкораненых. Вопрос он задавал всем один и тот же: «Скажи! Сколько ты убил немцев?» Услышав правдивые ответы пленных, имевших на боевом счету убитых врагов, комендант через переводчика говорил: «Хороший солдат! Молодец!» Когда же пленные с заискивающей улыбкой поспешно лепетали: «Я и немца-то ни одного не видел, господин комендант. Служил в обозе (или в рембазе и т. д.)», комендант, опять же через переводчика, резюмировал: «Плохой солдат! Дрянь!»

В качестве переводчика выступал подросток лет 14–15, русский, свободно владевший немецким языком. Позднее мы узнали, что его зовут Женя и что родом он из Москвы. Как он попал в шталаг, мне до сих пор неизвестно. Когда нас уже распределили по кельям, старожилы поведали нам, что комендант лагеря — то ли словак, то ли чех — не очень-то жалуется немцев...

В «лазарете» шталага мне повстречался врач-поляк, который какими-то подручными инструментами, а вернее приспособлениями, без анестезии и антисептиков, облегчил мои страдания, вынув из гноившихся ран осколки снарядов и пули. Спустя две-три недели я уже начал вставать на ноги, а вскоре и ходить. Молодой организм, несмотря ни на что, брал верх над немочами.

С большим огорчением вспоминаю о том, что вместе с немцами охрану лагеря военнопленных в Вильнюсе несли украинские буржуазные националисты, которые не только не отставали по жестокости обращения с пленными от фашистов, но зачастую и превосходили их. Невозможно понять образ мышления этих изменников, которые, предавая Родину, свою родную Украину, кричали о какой-то «самостийности», в то время как фашисты целыми железнодорожными составами, как скот, вывозили украинскую молодежь в Германию на каторжные работы, уничтожали украинское население, села и города!

Присматриваясь к окружающим, я вскоре познакомился с военным врачом Седых. Это был молодой мужчина, не старше тридцати лет. Диплом врача он получил после окончания Воронежского медицинского института. Там же, в Воронеже, у него оставалась семья, о судьбе которой он очень беспокоился, так как там хозяйничали немцы.

Знакомство с Седых имело для меня важное последствие. Позднее по его рекомендации я вошел в состав подпольного комитета сопротивления, действовавшего в шталаге. Возможности наши были весьма ограничены и сводились в основном к распространению информации о положении дел на фронтах среди военнопленных.

Эту информацию мы получали через медсестру Зарембу, молодую женщину, ежеминутно рисковавшую собой ради общего дела, и других патриотов-литовцев, фамилии которых, к сожалению, забылись.

Работать приходилось только среди надежных людей. Среди нас были и предатели, и перебежчики, и слабые духом, и шкурники, которые старались выслужиться перед немцами.

В своей палате я имел дело с Григорием Тарасовым, ленинградцем, работавшим до войны шофером автобуса. Это был абсолютно надежный и вместе с тем очень осмотрительный человек. Жаль, что действовать с ним мне пришлось недолго, так как вскоре он вместе с Седых и еще двумя-тремя товарищами совершил побег, в котором я не мог принять участие, так как был еще очень слаб.

Когда мои раны затянулись, я, воспользовавшись советами и содействием комитета, предпринял попытку бежать из шталага. Однако, несмотря на все предосторожности, меня поймали, избили до бесчувствия и бросили в карцер, где уже находилось несколько человек военнопленных из числа политического командного состава Красной армии. Они, как могли, приняли участие в моей дальнейшей судьбе: положили под голову охапку полусгнившей соломы и сделали массаж, который привел меня в чувство.

На следующий день нас всех, человек шесть или семь, вывели из карцера. Последний путь был недолгим. Расстреливали немцы тут же, в монастыре, в подвалах.

Мы вышли на улицу. Тело и голова ныли от побоев, глаза полнотью заплыли. При спуске в подвал произошла заминка. Нашу небольшую процессию догнал один из охранников и что-то тихо сказал начальнику конвоя, по команде которого нас возвратили назад в карцер.

Кое-как мы поняли, что расстрел нам заменен пребыванием в карцере. Срок заключения в карцере был определен в три недели. Условия пребывания в нем — обычные для подобного рода заведений: миска баланды и кружка воды один раз в трое суток. Такой оборот событий всех нас очень удивил, однако вскоре все прояснилось. Оказалось, что немецкое командование, как нам сообщил на довольно сносном русском языке какой-то унтер, желая облегчить участь пленных, предлагает наиболее «сознательным» вступить в «русскую освободительную армию».

После этого объявления, сдобренного обещаниями о вольготной, сытой жизни, на плацу воцарилась мертвая тишина. Пленные молча переглядывались, но из строя никто не выходил. Наконец после довольно длительной паузы в конце строя послышался гул голосов и буквально вылетел подталкиваемый кем-то сзади матрос.

Одет он был в полуистлевшие лохмотья, однако на голове у него с неукротимой лихостью красовалась мятая бескозырка.

Все затаили дыхание. Матрос вразвалку приблизился к унтеру и дал ему две пощечины. «От нас, суки, вы измены не дождетесь!» — сказал он. Тут же его схватили охранники и избили прикладами, затем куда-то уволокли.

Напрасно враги возлагали надежды на перемены в нашем образе мыслей. Все остались верны своему воинскому долгу.

К исходу третьего дня, уже ночью, пленных под конвоем вывели из монастыря и погнали на железнодорожную станцию, где уже были поданы товарные вагоны. Погрузка заняла считанные минуты, двери вагона захлопнулись, и вскоре наш состав отправился в неизвестность.

На следующий день, около полудня, поезд, лязгая буферами, стал притормаживать и вскоре остановился. Мы слышали, как отцепили локомотив, заскрежетали откатываемые двери, и вагон наполнился рассеянным светом пасмурного, дождливого дня. Вдоль состава уже стояли охранники с автоматами наперевес и с овчарками на поводках. Нам приказано было выходить из вагонов. Оказалось, что нас привезли в Ригу.

Рижский центральный лагерь для военнопленных, который официально именовался шталагом № 350, находился на территории бывшего военного городка и состоял из двух частей, изолированных друг от друга колючей проволокой. Внешняя зона предназначалась для рядового и сержантского состава, а внутреннее кольцо — для офицерского состава. Такая строгая изоляция не позволяла военнопленным этих двух частей лагеря наладить контакты и практически исключала побег из офицерского сектора.

С первых же дней стало ясно, что долго здесь не протянешь: каждую ночь в офицерский сектор приходили охранники; старший конвоя, уродуя фамилии, вызывал пять-десять человек, и наших товарищей уводили навсегда...

В офицерском секторе было заключено человек четыреста. Простая арифметика показывала, что при таком темпе за полтора-два месяца могли расправиться с нами всеми.

Наши неоднократные попытки организовать побег заканчивались ничем. Сидеть на лагерных нарах и ожидать своей очереди на «тот свет» было далеко не самым лучшим времяпрепровождением. Поэтому во время одного из утренних обходов кто-то из офицеров, по предварительной договоренности, обратился к лагерному начальству с просьбой направить нас на какую-нибудь работу, и наутро нам объявили, что желающие могут пойти на разборку старых барачков тут же, в лагере.

Прибыв на место, мы распределились на группы и огляделись. Инструмента никакого не было, и в качестве подсобных средств для разборки мы стали использовать доски и брусья, выломанные здесь же, в бараках.

Когда были разобраны первые же метры нар у изголовья, мы увидели, что стены барака сплошь покрыты надписями, которые, тесня друг друга, тянулись вверх. Те надписи, которые мы успели прочитать, потрясли нас. Сделанные кровью, они были криком души, призывом к мести. По форме надписи частично повторялись: здесь с такого-то по такое время находился тот-то. И следовала фамилия автора надписи и его домашний адрес. «Завтра расстрел. Присяге был верен до конца! Передайте обо мне весточку на Родину».

Кому мы могли передать сведения о погибших? Ведь мы и сами были в той же ловушке и в том же положении обреченных!

Особо взволновало обращение крупными буквами, подписанное десятками фамилий. Оно бросалось в глаза и не прочитать его было невозможно. Надпись гласила: «Братишки! Нас предали! Свой долг перед Родиной мы выполнили до конца! Умираем с твердой верой в Победу! Мстите фашистам за все их злодеяния!»

Через этот барак прошла не одна тысяча человек, так и не узнав, что на выручку им, безвестным солдатам, уже спешат овечьные славой, известные не только своей стране, но и всему свободолобивому человечеству герои Сталинграда, Одессы, Севастополя...

Каждая из прочитанных нами надписей на стенах барака говорила о трагедии личной; все вместе они свидетельствовали о трагедии нашего народа.

Примерно недели через две после нас в лагерь поступила еще одна небольшая группа пленных офицеров, человек пятнадцать. Преимущественно это были врачи и фельдшеры. С двумя из них — Василием Шаровым и Иваном Воловым я вскоре подружился. Василий, степенный, рассудительный мужчина лет двадцати восьми, до войны работал фельдшером в поликлинике города Ржева. Иван Волон, щуплый и очень подвижный человек, также не был кадровым военным, лечил железнодорожников в Петропавловске Северо-Казахстанской области.

Шли дни. В Рижском центральном лагере мы находились уже около месяца. За этот период примерно из четырехсот узников офицерского сектора лагеря нас осталось человек двести.

Однажды среди пленных пошли слухи о том, что нас опять будут куда-то переводить. Куда именно — никто толком не знал, но, пожалуй, каждый надеялся на перемену к лучшему, а также на побег.

И действительно, слухи подтвердились. В конце сентября 1943 года нас погрузили в крытые грузовики и повезли. Примерно через час, когда вышли из грузовиков, мы оказались на поле, где виднелась одна-единственная полуразвалившаяся деревянная постройка. Участок был в несколько рядов обнесен высокой трехметровой оградой из проволоки. По углам прямоугольника располагались сторожевые вышки.

По этому полю ходили, стояли, собравшись в небольшие кучки, сидели и лежали на земле люди. Одеты они были в грязную, рваную униформу и отличались друг от друга разве что ростом. Впрочем, наверное, то же самое можно было сказать и о нас самих. Все мы были похожи друг на друга. Только у одних глаза были совсем потухшие, у других глядели с болью, у третьих — с затаенной надеждой. Это, пожалуй, зависело от того, как долго находился тот или иной человек в фашистской неволе.

От «старожилов» мы узнали, что прибыли в Саласпилский лагерь, который находился неподалеку от Риги.

Полуразвалившееся деревянное здание служило, как потом оказалось, лишь источником топлива для разведения костров в ночное время. Кроме этого здания в лагере было еще одно помещение — землянка, которая использовалась в качестве карцера. Больше ничего! Кто-то из нашей группы невесело заметил: «Вот и прибыли на конечную станцию».

Кормили нас баландой из горькой морковной ботвы. Изредка к морковной ботве примешивался деликатес — свекольная ботва. Два «повара» из числа узников готовили это месиво, добавляя в него мизерное количество какого-то жира и немного отрубей. Такую баланду мы получали раз в сутки. Вот и весь рацион. Нескольких дней подобного питания было достаточно, чтобы свести человека в могилу, тем более человека, уже до предела истощенного. Доведенные голодом до отчаяния, заключенные грызли кору деревьев. А тут еще и простудные заболевания от ночлега на голой, холодной земле...

Известно, как тяжелы жажда, голод и холод. На нас же это обрушилось все вместе, да, кроме того, и болезни, которые буквально косили людей. А бесконечные моральные переживания? Если к этому добавить всякую насекомую нечисть — не описать страданий, которые пережили пленные...

Вспоминая те кошмарные в жизни узников фашистских застенков дни и ночи — а ими измерялась длина жизненного пути каждого из нас, — невольно думаешь о песочных часах. Если у таких часов закрыть верхнюю часть, то по непрерывно вытекающей тоненькой струйке песка можно еще и еще раз сделать не

новый уже вывод о стремительности бега времени; по количеству накопившегося внизу песка — судить о том, сколько времени прошло, но при этом не иметь ясного представления о том, когда эта тоненькая живая струйка иссякнет...

Шел октябрь 1943 года. Погода была отвратительной: почти непрерывно лили дожди, сопровождавшиеся холодным балтийским ветром. Когда же дожди закончились и небо прояснилось, начались заморозки. За ночь земля покрывалась белым слоем инея, который саваном окутывал все вокруг. Охрана не возражала против того, чтобы пленные разводили на ночь костер. Однако, едва костер разгорался и у него собирались замерзшие, полуживые люди, раздавалась автоматная очередь охранника — и, как минимум, четыре-пять человек навсегда избавлялись от дальнейших мучений. Так охранники развлекались почти каждую ночь.

Зная о нашем крайнем истощении, некоторые охранники брали с собой на дежурство объедки хлеба, гнилой картофель, а то и просто обглоданные кости и со сторожевой вышки бросали их в лагерь. И находились несчастные, которые, обезумев от голода, бросались на эти объедки под громкий хохот и заборную брань охранников.

Каждое утро в лагере начиналось с того, что мы убирали трупы наших товарищей, скончавшихся за ночь, складывая их штабелем в определенном месте. Затем мы ожидали машину, которая увозила их неизвестно куда. Эта гора трупов вызывала в памяти картину, которую я еще до войны видел в Третьяковской галерее в Москве, известного художника-баталиста Василия Васильевича Верещагина «Апофеоз войны». В аллегорической форме изображен итог войны — груда человеческих черепов.

И вот теперь нам пришлось столкнуться с современным вариантом «апофеоза войны». Итоги второй мировой в моем представлении можно было бы изобразить огромным полем, сплошь заваленным человеческими черепами.

Условия, в которых находились узники в Саласпилском лагере, нельзя было выдержать более двух-трех недель. Все мы готовились к худшему, так как побег из Саласпилского лагеря был практически невозможен.

На пятый или шестой день после нашего прибытия в лагерь группа пленных, доведенных до отчаяния, подняла бунт. Произошло это во время раздачи баланды.

Младший лейтенант Николай Новиков, молодой, лет двадцати двух, рослый парень, получив свою порцию баланды и увидев, что вблизи него стоит неизвестно откуда взявшийся какой-то лагерный чин, яростно швырнул на землю свою миску с баландой и прокричал: «Твоим бы детям, гад, жрать подобную поносину!»

Немец, вряд ли до конца поняв смысл сказанного, стал вытаскивать из кобуры «вальтер», но в это время его плотной стеной окружили пленные. Быстро оценив обстановку, немец пообещал нам не только приличную баланду, но и хлеб, от чего мы уже давно отвыкли. Кроме того, он обещал, что за имевшими место событиями не последуют расстрелы, что в сложившейся ситуации было бы просто неизбежно.

В это самое время, видимо почувствовав, что в нашей группе творится что-то неладное, к нам подбежал один из перебежчиков, который выполнял в лагере функции переводчика. Увидев немца, окруженного пленными, и задав ему несколько вопросов, он подтвердил то, о чем немец дал нам понять с помощью жестов и нескольких русских слов. Одновременно с этим немец выдвигал требование, чтобы зачинщик бунта был наказан и чтобы мы этому не противились. Мерой наказания немец назначил ему трое суток ареста с содержанием в карцере без пищи и воды.

Мы стояли молча и размышляли: верить или не верить посулам немца? Времени для размышлений было в обрез. Мы прикинули вслух различные варианты и решили рискнуть — поверить словам немца.

К вечеру все прояснилось. Мы действительно получили приличную по тем временам баланду, в которой кроме обычной ботвы было замешано и порядочно муки, а также по пайке плохо пропеченного, пополам с мякиной хлеба. Николай Новиков отправился на три дня в карцер, предварительно плотно заправившись баландой с хлебом.

В нашем положении это было огромной победой! И мы понимали, что эта победа — частица тех огромных успехов Красной армии на фронтах Великой Отечественной войны, информация о которых систематически проникала сквозь фашистские застенки.

Вскоре Василий Шаров принес совершенно неожиданное известие, которое могло многое изменить в нашем положении. Он неплохо владел немецким языком и старался что-либо узнать из болтовни охранников. В этот день ему удалось подслушать разговор, из которого следовало, что через два-три дня нас будут перевозить в какой-то другой лагерь, а Саласпилский лагерь будет ликвидирован.

Мы поняли, что давали себя знать мощные удары Красной армии, в результате которых немцы стремительно откатывались на запад.

Итак, из подслушанного разговора стало известно, что нас повезут, как выразился Василий, «на мыло», то есть в один из немецких концентрационных лагерей типа Дахау, где производится массовое уничтожение людей. Вновь встал вопрос о побеге во время транспор-

тировки, но как это сделать? Ясно, что побег должен быть массовым и его подготовку надо было осуществить тайно.

Надежда на спасение, появившаяся на нашем горизонте, буквально лишила нас покоя и сна: каждый из нашей тройки (Василий Шаров, Иван Волов и я) обдумывал возможные варианты побега.

К исходу следующего дня мы наметили окончательный вариант. Он был, пожалуй, самым простым и вместе с тем достаточно надежным.

Идея побега состояла в том, чтобы во время движения по железной дороге выпилить в вагоне лаз и бежать через него в ночное время, под покровом темноты.

Для реализации плана требовались кусок полотна от ножовки по металлу и граммов сто какого-нибудь жира. И то и другое в наших условиях достать было почти невозможно. Однако Василий взял выполнение этой трудной задачи на себя. У Василия каким-то чудом сохранились карманные часы. До войны такие часы выпускал московский часовой завод имени С. М. Кирова и в обиходе их называли просто «кировские». Их-то он и решил обменять на кусок пилки и жир.

На следующий день и кусок стального полотна, и жир были уже в наших руках. Но как пронести в вагон кусок ножовки? Перед погрузкой обязательно обыщут всех.

По жребию Ивану Волову предстояло наиболее рискованное дело — пронести пилку в вагон. На мою долю выпало пилить доски в вагоне. Чтобы пронести пилку в вагон, мы использовали обычную солдатскую фляжку, благо десяток или полтора их немцы оставили в распоряжении пленных для хранения воды. Дождавшись наступления темноты, мы залили во фляжку предварительно расплавленный на костре жир, а затем бросили туда кусочек пилки. Когда все остыло, наполнили флягу водой.

При отправке наступила очередь досмотра. Один из охранников, проводя обыск, взял у Ивана Волова наш тайник, вылил всю воду и начал усердно трясти. Мы стояли чуть живые: ведь решалась не только наша судьба, а и успех или провал плана побега. Эти считанные секунды показались нам вечностью, но все обошлось.

Восемьдесят семь пленных сопровождали восемнадцать охранников, которые заняли отдельный вагон. Когда состав двинулся в неведомый нам путь, Иван Волов, воспользовавшись темнотой, извлек лучинкой из фляги пилку и передал мне. Однако ни в эту, ни в следующую ночь поработать пилкой не удалось: большую часть времени мы простаивали на каких-то полустанках и условий для побега не было.

Наконец, из Каунаса нас отправили ночью, что давало нам, возможно, единственный шанс на освобождение. Девять наших товарищей не дождались этого шанса и умерли в пути.

Разрабатывая план побега, мы внимательно присматривались к окружающим нас людям, выбирая среди них будущих помощников. Мы выбрали восемь человек — наиболее крепких физически и, как нам казалось, надежных людей. Дальнейший ход событий показал, что мы не ошиблись в своем выборе. Узнав о близкой и желанной свободе, каждый из пленных был готов разнести вагон в щепы. Когда все утихомирились, я начал выпиливать отверстие в стене вагона. Поскольку дверная щеколда была лишь обмотана проволокой, а замка не было, мы решили не выпиливать лаз, а сделать только небольшое отверстие в стене, чтобы можно было просунуть руку и откинуть щеколду.

Работать я начал под чье-то заунывное пение: «То не ветер ветку клонит...» Затем послышалось лермонтовское «Выхожу один я на дорогу». Пилить доски оказалось делом чертовски трудным, так как пила была довольно короткой, и я все время боялся ее потерять. Примерно через час мне удалось просунуть в выпиленное отверстие руку, размотать проволоку и откинуть щеколду. Сразу же несколько рук протянулись к двери, и она со скрипом откатилась. Холодный осенний ветер ворвался в вагон. Мы, как зачарованные, смотрели в дверной проем.

Когда прошло первое оцепенение, мы, как по команде, не сговариваясь, стали по двое и трое выпрыгивать из вагона, благо поезд едва тащился.

Это было в двадцатых числах октября 1943 года где-то в районе станции Казлу-Руда. Кто хоть как-то мог держаться на ногах, а таких было 60, выпрыгнули из вагона.

Все старались добежать до леса, который тянулся метрах в ста от полотна железной дороги. Василий, Иван и я выпрыгнули из вагона в последнюю очередь, когда наш побег был уже обнаружен гитлеровцами. Охранники открыли довольно беспорядочную стрельбу из винтовок и автоматов, но, к нашему счастью, поезд не остановился.

Я, как и все, побежал в сторону леса, на опушке которого стоял одинокий домик, принадлежавший, по всей вероятности, путевому обходчику. Под свист пуль добравшись до домика, я перепрыгнул через заборчик и почувствовал себя в относительной безопасности. Сквозь кусты мне было видно, что сюда же бежит военврач третьего ранга Григорий Иванович, немолодой уже человек, родом, как мне помнится, из Краснодара. Но немецкая пуля настигла беглеца, и он повис на заборчике. Ползком прибли-

жившись, я увидел, что пуля попала ему в голову и что помочь ему ничем невозможно. Вскочив на ноги и добежав до опушки леса, я остановился, ибо силы совсем оставили меня. Сердце билось так, что казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Неподалеку были еще два беглеца — Николай Новиков, зачинщик бунта в Саласпилском лагере, и ветеринарный врач, фамилию которого я сейчас уже не помню. Хотя стрельба постепенно затихала, оставаться здесь было опасно, и мы решили уходить в глубь леса.

Рассвет застал нас уже далеко от железной дороги. Нас окружал дремучий лес, в котором не было видно никаких следов человека. На нашем пути встретился небольшой ручеек, у которого мы расположились немного отдохнуть. Тут мы впервые за трое суток утолили жажду и, забравшись в заросли можжевельника, сразу же заснули мертвецким сном, тесно прижавшись друг к другу.

Проснулись мы почти одновременно. День выдался на редкость хорошим, солнечным, и мы, определив направление, двинулись на восток. Под ногами расстился золотой ковер из опавших листьев. Яркое осеннее солнце создавало иллюзию покоя и мира. Тишина лишь изредка нарушалась робким щебетаньем каких-то пичуг да шумом вершин деревьев от ветра. Сознание того, что мы на свободе, придавало нам силы, и мы, забыв об усталости и терзавшем нас голоде, довольно быстро продвигались вперед.

На третьи сутки после побега, к вечеру, мы вышли к Неману, как оказалось позднее, в районе небольшого городка Пренай. Конец дня мы провели в лесу, собирая, как и накануне, оставшиеся кое-где ягоды и полузасохшие, сморщенные грибы.

Ближе к полуночи, когда почти совсем прекратилось движение по дороге, вблизи которой мы находились, мы вышли из леса и зашагали по направлению к городку в надежде найти там мост и переправиться на противоположный берег Немана. По пути нам повстречалась повозка, которой управляла женщина, а в повозке лежал и что-то гнусавил себе под нос пьяный мужчина. Затем мимо нас прошли два литовца, с которыми мы молча разминулись. Завидя мотоциклиста, направлявшегося в нашу сторону, мы спрятались в придорожных кустах. Тусклый свет фары освещал лишь ленту дороги, и наше присутствие осталось незамеченным. За рулем мотоцикла сидел то ли военный, то ли полицейский.

В Пренае моста через Неман не оказалось. Мы попытались найти лодку или плот, однако наша попытка не увенчалась успехом.

Стало светать. Впереди, недалеко от Немана, виднелся хуторок. Голодные, понимая, что идем на риск, мы двинулись к нему, надеясь добыть хоть какой-нибудь провизии. Не дойдя каких-то пол-

сотни шагов до домика, мы встретили старика, вероятно хозяина, возвращавшегося из погреба. Он сказал что-то на литовском, но литовского языка никто из нас не знал. Жестами мы объяснили старику: хотим есть. Пробормотав что-то себе под нос, старик направился к домику, откуда вскоре вынес большой каравай хлеба домашней выпечки. От всей души поблагодарив старика, мы продолжили свой путь.

Расположившись на берегу ручья среди деревьев, мы разделили каравай на три равные части и приступили к трапезе. Чтобы продлить удовольствие, каждый отламывал по маленькому кусочку и запивал водой прямо из ручья.

Чтобы хоть в какой-то мере снять усталость и прогнать сон, мы вымылись до пояса холодной водой и двинулись дальше вдоль Немана.

Примерно через час ходьбы впереди показалась деревня. Миновать ее сейчас или дожждаться темноты? Рано или поздно нам надо было вступать в контакт с местным населением, и мы решили рискнуть.

На окраине деревни мы встретили молодого человека лет двадцати трех. Он первым заговорил с нами на чистом русском языке и пригласил в свой дом. Не задавая никаких вопросов, он, покопавшись в шкафу, извлек оттуда ножницы и опасную бритву.

— Приведите пока себя в порядок, а я тем временем поищу для вас какую-нибудь одежду.

Я глянул на себя в зеркало и поразился. Лицо обрамляла львиная грива, под глазами синяки, заострившийся нос, а в глазах — лихорадочный блеск.

Наш хозяин отсутствовал примерно полчаса. За это время мы успели побриться и даже кое-как постричься. Теперь наш вид не внушал такого подозрения, как раньше, но наша чрезмерная худоба и какая-то неестественная бледность, без сомнения, могли вызвать у встречных самые разнообразные вопросы.

Витас Юркявичус — так звали нашего нового знакомого — принес охапку старой одежды. На наших шинелях и куртках черной масляной краской были выведены на спине большие буквы «SU»*, которые хорошо были видны даже издали. С такими особыми приметами далеко мы бы, конечно, уйти не смогли.

Витас забрал наше лагерное тряпье и спрятал его. Затем он принес хлеб, кринку молока и еще что-то в чугушке, пригласив нас, как он выразился слегка перекусить. Мы, несмотря на то, что были зверски голодны, старались поменьше есть, а побольше

* «SU» — начальные буквы слов «Sovjet Union» «Советский Союз» (нем.).

узнать: какова обстановка в деревне, есть ли в округе партизаны, можно ли достигнуть линии фронта.

Деревня, в которой мы нашли приют, называлась Наравай. Витас объяснил, что немцев нет ни здесь, ни в прилегающих селениях и поэтому прожить здесь можно неделю-другую без особого риска. Мы же уговаривали его поскорее переправить нас за Неман. В конце концов Витас, уступая нашим просьбам, обещал найти лодку и организовать переправу. Он отвел нас на чердак, кинул два старых тулупа и ушел на поиски лодки.

Трудно сказать, сколько времени мы проспали. По-прежнему светило солнце, судя по всему, давно уже перевалило за полдень. Витас сообщил, что лодка ждет нас.

...Плоскодонка через десять минут благополучно приткнулась к противоположному берегу. Недалеко от места нашей высадки находилась деревня Бирштонас, куда нас и повел Витас. Он сказал, что мы тут проживем некоторое время, а он постарается узнать о месте нахождения партизанского отряда, куда он хотел попасть вместе с нами, так как наш вариант перехода через линию фронта считал нереальным. К великому сожалению, эта мечта Витаса не сбылась. Вскоре его по чьему-то доносу схватили полицейские, и он погиб.

В деревне Витас прежде всего пристроил ветврача, который чувствовал себя хуже всех, ибо ему было уже лет пятьдесят, а может быть, и более, и такие передряги были ему не по силам. Под видом батрака он остался у зажиточного крестьянина. Николая Новикова приютил рыбак Йонас. Крестьянин, с которым Витас заранее договорился обо мне, вдруг стал колебаться, и Витас прекратил дальнейшие разговоры.

— Вернемся ко мне, — сказал он.

Мне ничего не оставалось делать, как согласиться с его предложением, и тот же лодочник переправил нас опять на западный берег. В Наравай, к Витасу, мы добрались уже в потемках.

Вскоре слухи о появлении нашей троицы в окрестностях Преная стали каким-то образом достоянием литовской полиции, и нас начали искать. Несколько раз, по ночам, полиция приезжала в Наравай, чтобы схватить меня, но все эти попытки оканчивались ничем — Витас переселял меня из одного дома в другой. Однако было ясно, что с гостеприимным Нараваем пора расставаться.

В конце ноября ночью Витас переправил меня через Неман и привел к рыбаку Йонасу. Николая Новикова там не оказалось: за ним тоже началась «охота» и он счел за благо исчезнуть. Таким образом, связь с Николаем оборвалась. Поскольку и к Йонасу могла

нагрязнуть полиция, оставаться у него не было никакого смысла. Пришлось возвращаться в Наравай. Заночевал я у Витаса, а на следующий день с помощью жителей, которые укрывали меня в своих домах, я перебрался в другую деревню — Попруджай. Там я познакомился не только с литовскими патриотами, выступавшими против фашистской оккупации, но и с такими же, как я, бывшими военнопленными: старшим лейтенантом-артиллеристом Симоненко и сержантом Иваном Суминым. Иван прекрасно владел литовским языком, что нам очень помогало при общении с крестьянами.

Втроем мы, естественно, не могли нанести серьезного ущерба оккупантам и их прихвостням, да и оружия у нас не было, если не считать финских ножей и одного пистолета, который мне подарил при прощании мой новый друг из Наравая Альбинас Валаткявичус.

Свою деятельность в деревне Попруджай мы начали с разъяснительной работы среди местного населения. Каждый из нас стал агитатором. Мы убеждали крестьян срывать поставки продовольствия для Германии и немецкой армии, препятствовать угону молодежи в фашистское рабство и т. п.

Памятуя о том, что полиции известно о нашем появлении в этом районе, мы меняли место жительства. К концу зимы 1943—44 года я скрывался в семье Винцаса Монтовиласа в деревне Кунигишки; Иван Сумин — в деревне Меденяй; Николай Симоненко — на хуторе, между деревнями Кунигишки и Бальберешкис. Вскоре к нам также присоединился Альбинас Валаткявичус, который покинул Наравай и пристроился в деревне Попруджай. Несколько позже в нашу группу влился Пятрас Валаткявичус, который скрывался попеременно то в городе Пренай, то в пригороде Каунаса Гарляве.

Живя в Кунигишках, я познакомился с литовскими коммунистами Крылавичусом и Пукштасом. От них, а несколько позднее и от других жителей Кунигишек я узнал о партизанском отряде Сяноса *, действовавшем на территории нашего и смежного уездов. В разговорах крестьяне довольно часто вспоминали также партизана Лакштингала **, который командовал одним из подразделений отряда и слыл отчаянным храбрецом. Однако наши литовские друзья не могли указать нам путь к партизанам.

* Старик (*лит.*).

** Соловей (*лит.*).

Приходилось ждать счастливого случая, который помог бы установить связь с партизанами. В том, что рано или поздно такой случай представится, мы не сомневались. А тем временем мы активно занимались агитационной работой среди крестьян не только своей, но и окрестных деревень. Освоив с помощью Ивана Сумина литовский язык, мы с Николаем Симоненко рассказывали крестьянам правду о поражении фашистских войск под Сталинградом, на Курской дуге, на Украине, к освобождению которой уже приступила Красная армия, о прорыве блокады Ленинграда и других успехах наших войск.

Во время одной из очередных бесед с крестьянами мне был задан такой вопрос:

— Скажи, Йонас, — так на литовский лад звали меня крестьяне, — а бог есть или нет?

Все присутствующие затихли в ожидании моего ответа. Я знал, что значительная часть крестьян в бога верила, и если бы я ответил «да», чтобы потрафить верующим, то навсегда оттолкнул бы от себя неверующих, ибо все они, без сомнения, почувствовали бы фальшь в моем голосе.

С другой стороны, если бы я ответил «нет», то глубоко оскорбил бы чувства верующих и внес бы раскол в тот кружок единомышленников, который мне с таким трудом удалось сколотить. И тот и другой ответ не только сразу же развенчали бы мой авторитет агитатора, но и могли стоить мне жизни.

— Есть бог или нет — я не знаю, ибо никогда его не видел, — сказал я. — Поэтому давайте вместе порассуждаем.

И далее, используя взятые из повседневной жизни крестьян примеры, которых более чем достаточно давали бесчинствовавшие повсеместно оккупанты и литовские националисты, я подвел своих слушателей к самостоятельному выбору.

Приходилось мне заниматься и исполнением прямых обязанностей — лечить крестьян и их детей. Давал советы, как уберечь здоровье, назначал несложные процедуры, выписывал рецепты, по которым можно было заказывать необходимые лекарства в аптеке Преная.

Однажды под вечер я стоял прислонившись к клуне *, отдыхая после колки дров. Будучи сам невидимым для построенного наблюдателя, я обратил внимание на человека, который пробирался деревенской околицей. Держась в отдалении, я, благо наступили сумерки, решил посмотреть, куда это он торопится. Незнакомец зашел в один из домов, возле которого я и спрятался в кустарнике.

* Крестьянская хозяйственная постройка.

Минут через пятнадцать мужчина вышел из дома, торопливо направился в сторону леса и скрылся за деревьями. Несомненно, судьба давала мне тот шанс, о котором мы давно мечтали.

На следующий день я сообщил о своих наблюдениях Николаю Симоненко, и мы вдвоем, поочередно, стали дежурить около этой клуни, полагая, что незнакомец должен появиться вновь. Наше дежурство длилось уже вторую неделю, но все было безрезультатно. Мы уже начали подумывать, не заглянуть ли в дом, куда наведывался незнакомец, но решили подождать еще две недели.

К исходу второй недели, опять к вечеру, я вновь увидел этого человека. Он придерживался того же пути, что и в первый раз, но несколько дальше от клуни, возле которой я дежурил. Я позвал Николая, и мы вдвоем двинулись к незнакомцу. На всякий случай мы прихватили с собой свое оружие. Как только мы вышли на открытое место, мужчина нас сразу же заметил. Помахав ему рукой, мы заспешили к нему.

Он заговорил с нами по-немецки. Но Николай заметил вполголоса:

— Он такой же немец, как мы негры, — и, забыв всякую осторожность, заявил: — Мы знаем, что ты партизан, и хотим, чтобы ты взял нас в партизанский отряд.

Незнакомец опешил, однако, быстро взяв себя в руки, предложил нам пройти в полицейский участок и там разобраться, кто есть кто.

— Хватит валять дурака, — ответил я ему, немудрствуя лукаво. — Мы знаем, что ты партизан, и знаем дом, в который ты ходишь. Мы ведь ищем контакт с партизанским отрядом Сяноса, чтобы в его рядах мстить захватчикам.

По тому, как он, отбросив конспирацию, вступил с нами в переговоры, думаю, что ему было все-таки известно от местных жителей, кто мы.

Объяснив, что сегодня ему идти на задание, он сказал, что не может взять нас с собой. Он расспросил нас о военных специальностях, наличии оружия и боеприпасов. Поскольку оружия у нас практически не было, а в отряд без него не принимали, партизан предложил нам достать оружие любым путем к следующей встрече — ровно через неделю на опушке ближнего леса.

С помощью наших литовских друзей удалось раздобыть отечественную винтовку и патроны к ней. В назначенный час Николай Симоненко, Иван Сумин и я, захватив с собой съестные припасы, пришли к месту встречи. Через некоторое время, видимо убедившись в том, что за нами нет «хвоста», из леса показался наш

партизан. К сожалению, он опять не смог взять нас с собой, но уж в следующий раз, через неделю, он обещал нас обязательно увести в отряд.

В течение следующей недели мы достали еще один отечественный карабин и около сотни винтовочных патронов.

Наступило время встречи — никого не видать. Прошел час, полтора. Что случилось? Неужели нас обманули? Не может быть! Наконец к исходу третьего часа ожидания из леса появился наш незнакомец. Вместе с ним мы, миновав молодой сосняк, вышли к группе вооруженных людей. Их было человек восемь-десять. И тут из разговоров партизан между собой мы услышали, что нашего незнакомца все называют Сяносом. Так вот он каков — командир партизанского отряда, с которым мы долго искали встречи! То, что командир отряда сам ходит на выполнение заданий, нас очень обрадовало: личная храбрость командира всегда определяет психологический настрой подчиненных, влияет на успех проводимых операций.

Растянувшись цепочкой, все направились к партизанской базе. Это были хорошо замаскированные землянки. Таких баз, как мы узнали впоследствии, было несколько.

В нашем партизанском отряде имени Каролиса Петрикаса, командиром которого был Стасис Симонович Науялис, так называемая «русская» группа насчитывала около двадцати человек и по праву могла быть названа группой дружбы народов. В ней были представители пяти национальностей. Возглавлял группу лейтенант Ашот Саробян (Николай) — армянин, бывший узник 9-го форта в Каунасе, откуда ему буквально чудом удалось спастись.

Все мы жили очень дружно, единой семьей. При выполнении боевых заданий никогда не оставляли друзей в беде. В сложной обстановке неравного боя с полицейскими в самом конце 1943 года в Шиловата тяжелораненого Николая Симоненко мы вытащили под огнем из-под носа противника и передали на лечение в надежные руки супругам Драугиненам из деревни Руденю. Через три месяца благодаря заботам Екатерины Драугинене наш боевой товарищ вновь встал в строй народных мстителей.

Мне приходилось не только оказывать медицинскую помощь раненым, но и принимать непосредственное участие в боевых действиях своей группы.

Первым заданием, которое мы выполнили вместе с Иваном Суминым и Николаем Сидоренко, было уничтожение матерого бандита из местной националистической группировки и ликвидация их подпольного склада оружия и боеприпасов. Бандит получил по заслугам, а трофейное оружие поступило в распоряжение партизан.

Второе задание я выполнял в составе всей «русской» группы. На этот раз нам предстояло нанести удар по колонне вражеских автомашин с военным грузом на дороге Бальберешкис — Пренай. Мы подорвали несколько машин и без потерь возвратились на базу.

Наряду с выполнением боевых заданий мне приходилось неоднократно распространять листовки различного содержания в городах Пренай, Мариамполь, других населенных пунктах. В большинстве случаев делал это я вместе с Сергеем Смышляевым.

Жизнь в посещаемых нами городках шла как в кинокартине с замедленной съемкой. Вольготно чувствовали себя в них лишь оккупанты. Именно для них были предназначены кафе и магазины, в окнах и на дверях которых красовались вывески: «Здесь говорят только по-немецки», «Вход только для немецких подданных», «Немецкий пивной бар» и им подобные.

Вскоре после нашего зачисления в отряд, мы узнали, что в наш район должна быть сброшена с самолета группа советских разведчиков-парашютистов. Им надлежало обеспечить наши наступавшие части разведанными и организовать крупную диверсию на железной дороге, по которой немцы непрерывно перебрасывали с запада живую силу и технику для усиления своей прибалтийской группировки.

Разведчикам — а их было человек пять или шесть, включая девушку-радистку — с самого начала не повезло. При приземлении погиб командир отряда; кроме того, от сильного удара о землю вышла из строя рация. Починить ее не удалось, и разведчики лишились связи с командованием.

Партизаны Сяноса помогли разведчикам собрать необходимые данные о противнике, а также организовать диверсию на железной дороге, и на этом участке более чем на неделю приостановилось движение поездов. Воинский эшелон гитлеровцев, который при этом был пущен под откос, в значительной мере удалось уничтожить. Это лишь один эпизод «рельсовой войны», а их в нашей жизни было немало.

Выполнив свое задание, разведчики стали собираться в обратный путь. Партизаны из нашей группы проводили их за пределы Литвы, откуда путь к своим был им уже достаточно хорошо известен, так как в подобных операциях они участвовали не первый раз.

Когда мы вернулись в партизанский отряд, то узнали об успешных действиях Красной армии в Прибалтике. Не за горами было время нашего воссоединения.

Партизанская жизнь в отряде шла между тем своим чередом: мы регулярно ходили в разведку, устраивали засады и диверсии,

защищали мирное население от насильственного угона в Германию, боролись с бандитами всех мастей, которых немало насчитывалось в то время в Литве, вели широкую агитационную работу среди местного населения. Когда же выдавалась свободная минута и мы собирались вместе — пели хором. Запевалой всегда выступал Николай (Ашот) Саробян, обладавший несильным, но красивого тембра голосом. Его проникновенное пение захватывало всех. Потому-то он и был известен как Лакштингал.

О боевом пути нашего партизанского отряда, его победах и утратах, о верности партизан своей присяге и гражданскому долгу подробно описано в книге, которую подготовил и опубликовал наш бывший командир Стасис Науялис. Жаль, что она еще не переведена на русский язык.

С приближением линии фронта деятельность партизанского отряда все более затруднялась. В районе расположения отряда значительно увеличилось количество немецких регулярных войск, возросли численность и агрессивность бандитских националистических групп, которые уходили с территорий, освобожденных Красной армией, и зверствовали в западных районах Литвы. Однако даже в этих сложных условиях мы продолжали наносить ощутимые удары по врагу.

Район нашего дислоцирования освобождала 11-я армия, входившая в состав 3-го Белорусского фронта. Первые воины-освободители, которых мы увидели, были разведчики. Они помогли нам связаться с соответствующим отделом штаба 11-й армии. Там мы рассказали о своих злоключениях и обратились с просьбой быстрее направить нас в действующую часть.

С чувством огромной благодарности вспоминаю я толкового и, главное, дальновидного офицера штаба армии, которому было поручено заниматься нашими личными делами и распределением по частям. После обстоятельной беседы с каждым из нас, бывших военнопленных, он выстроил нас в две шеренги и сказал:

— Товарищи солдаты, сержанты и офицеры! Командованию известно, что на вашу долю выпали исключительно тяжелые испытания. Выражаю уверенность в том, что ваша солдатская честь и гражданская совесть не были запятнаны никакими неблагоприятными поступками. Не сомневаюсь, — продолжал он, — что с фашистами вы будете воевать с удвоенной энергией — не только за себя, но и за погибших в плену товарищей.

Из 212-го запасного полка 11-й армии через 3–4 дня нас распределили по частям. Все мы получили назначение в 31-ю гвардейскую стрелковую дивизию, штаб которой направил меня с Николаем Симоненко в 97-й гвардейский стрелковый полк, а остальные

товарищи, к нашему великому сожалению, попали в другие части. Я был назначен фельдшером в санитарный взвод, а Николай Симоненко — командиром батареи. Вскоре начались боевые действия, и мы жили только радостями и печалью полка, дивизии, армии и, конечно, страны, которая несла на своих победных знаменах мир и свободу поработенным народам Европы.



И. И. Палкин у скульптуры «Непокоренный», Саласпилс, 1985 год

З. С. КОЛЕСНИКОВ,
подполковник медслужбы в отставке,
бывш. главный хирург 32-й осбр

Сыновьям — о мужестве отцов *

В район сосредоточения войск 2-й ударной армии для наступления наша 32-я отдельная стрелковая бригада прибыла в июле 1942 года. До этого бригада участвовала в ожесточенных боях под Любанью.

В наступление наша бригада была введена 1 сентября 1942 года. Наши подразделения несли большие потери. Раненых было так много, что мы едва успевали оказывать им квалифицированную медицинскую помощь.

Инстинкт самосохранения у солдат, получивших ранения, был настолько высок, что во время бомбежек или обстрелов наши пациенты вскакивали с операционных столов в поисках укрытия, и врачам волей-неволей приходилось следовать за ними под операционный стол, чтобы закончить операцию. И в этом заключалась одна из особенностей работы полевых хирургов. Вначале наш медсанбат дислоцировался в районе Путилово, где подвергался частым бомбежкам и артиллерийским обстрелам. Командование бригады, понимая всю опасность выведения из строя медсанбата, часто меняло нашу дислокацию. После Путилово нас перевели в Апраксин Городок, где мы реже подвергались обстрелам, хотя были ближе к передовой линии.

В те суровые дни и бойцы, и медики жили одной мыслью, одним желанием — взять реванш за неудачу под Любанью. Все — от солдат до комбрига, ясно сознавали свою цель — любой ценой прорвать блокаду Ленинграда, который вот уже второй год находился в железном кольце гитлеровских войск. И нередко мы наблюдали, как раненые прямо с операционного стола шли снова в бой, отказываясь от эвакуации в госпиталь. Интересно заметить, даже серьезные раны у таких больных заживали хорошо и редко гноились. Большую роль здесь играл психологический фактор: солдат рвался в сражение, и весь организм его был нацелен на активные действия, на победу. Мобилизация духовных и физических сил помогала раненому быстрее одолеть недуг. Личный хирург Наполеона Лерен отмечал в своих мемуарах, что раны победителей

* Доклад на военно-исторической конференции в пос. Мга 1.10.1982 г.

заживают значительно лучше, чем раны побежденных. А мы все верили в неизбежную победу.

Хорошо помню одного раненого разведчика, даже его фамилия осталась в памяти — Симаков. Так вот он часто жаловался мне, что его мучает совесть за то, что там, под Любанью, будучи раненым, он не вернулся в роту, а поехал лечиться в госпиталь, где, по его словам, напрасно пробыл три недели. Он и сейчас жив, этот бывший фронтовик Симаков. Несколько раз мы виделись с ним во время встреч ветеранов, и он непременно напоминал мне об этом.

Бережно храню в своей памяти образы комиссара разведроты Сергея Куделько и командира Ивана Чернышева. Оба молодые, красивые, ловкие. Они пришли в бригаду сразу после окончания военного училища и сразу влились в коллектив. Своей простотой, общительностью, добрым нравом лейтенанты полюбили бойцам. Ваня и Сережа были частыми гостями медсанбата. И ни для кого не было секретом, почему — девушки! Но вот формирование бригады и подготовка ее к боевым действиям закончились, и все личное отошло на задний план.

Во время одного из жестоких боев, Иван Чернышев получил осколочное ранение в живот. Он мужественно перенес сложную операцию.

— Кто же вместо тебя остался командовать? — по-дружески спросил я его, чтобы хоть как-то отвлечь от сильной боли.

— Серега, он справится... — ответил Иван.

Едва успели мы донести больного до послеоперационной палатки, как в медсанбат принесли нового раненого. Им оказался Сергей Куделько.

— Захар Семенович, пожалуйста, сделайте побыстрее, что надо: ребята без меня сражаются...

Несколько осколочных ранений, которые Сергей получил, не были особо опасными. Я понимал, как сейчас трудно на передовой, как он нужен бойцам. На его рану левого плеча, которая меня тревожила возможностью повторного кровотечения, я наложил тугую повязку.

Через три-четыре часа раненые из разведроты принесли горькую весть: Сергей Куделько пал смертью храбрых. Во время одной из атак он вместе с группой бойцов подпустил поближе вражеский танк с группой гитлеровцев. Вооруженный автоматом, стал забрасывать их гранатами. Фрицы отступили, танк удалось поджечь бутылкой с горючей смесью, но автоматная очередь скосила Сергея. Товарищи быстро занесли его в траншею, пытаясь оказать первую помощь. Комиссар, пока хватало сил, отдавал приказы роте. На эту

группу медленно надвигался горящий немецкий танк... Все, кто мог, успели отползти. Сергей не смог... Зато он сумел остановить на этом участке атаку противника, что позволило его бойцам отступить на новый рубеж и соединиться с другими силами нашей бригады.

Когда Ваня Чернышев узнал о героической смерти своего друга, он, потемнев лицом, выдал:

— Лучше бы я погиб!.. Он комиссар, он нужнее фронту.

Не забудется мне и смерть фельдшера Веры Тарасенко. Она отличалась необыкновенной красотой, обаянием и мягкосердечием. Поклонников у 22-летней девушки было немало, но Вера никому не отдавала предпочтения. Она была из тех цельных натур, кто долг ставит выше личных интересов, всегда была аккуратной, собранной, спокойной.

Когда бригада включилась в бой, эта хрупкая девушка проявила незаурядную силу воли. Она бесстрашно шла под пули, чтобы вытащить из-под обстрела тяжелораненого солдата и побыстрее помочь ему.

В одном из боев погиб фельдшер, обслуживавший штаб бригады. И жребий, кому заменить его, пал на Веру Тарасенко. По приказу комиссара Пожиткова девушка была откомандирована на командный пункт бригады. В очередной атаке комиссар получает ранение. Под шквальным минометным огнем фельдшер Тарасенко отправляется на помощь пострадавшему. Она не только перевязала его, но и помогла комиссару спрятаться в укрытии.

Сама же поползла выручать из беды других раненых. Вражеский осколок не пощадил эту прекрасную молодую жизнь... Бойцы быстро доставили в ближайший медсанбат своего фельдшера, однако ранение оказалось таким тяжелым, что врач ничем не смог помочь умирающей. Трудно выразить словами всю горечь, которую мы тогда пережили. Каждый боец воспринял эту смерть как утрату родного человека.

Не могу без глубокой печали вспомнить о гибели врача отдельного батальона Херсонова. Он ушел из жизни в 24 года. Даже в последние свои минуты молодой доктор продолжал оказывать помощь защитникам Ленинграда. На своем посту от осколка мины погибла фельдшер эвакуотделения Клара Хорошилова.

Светлые образы моих друзей и по сей день живы в памяти, время бессильно стереть их имена. Они своей смертью завещали нам жить и помнить все перенесенные страдания.

В сражении под Синявином осколки снарядов и мин не забыли и меня. Враги вели массированный артобстрел, а у нас шла сложная операция. Неожиданно я почувствовал острую боль в правой

голени: один из осколков вонзился в большеберцовую кость. Я ясно ощутил, как мой правый сапог наполняется кровью. «Спокойствие и выдержка», — говорил я себе. До конца операции оставалось немного. И вот больного снимают с операционного стола. Только тогда я позволил себе сесть на стул и заняться своими ранами.

Операционная сестра Ульяновская, перевязочная сестра Солодовникова и санитарки помогли мне снять одежду и рассмотреть раны. Старший ординатор Спасский извлек злополучный осколок и наложил давящую повязку. Через несколько минут кровотечение остановилось. Две таблетки красного стрептоцида и несколько глотков горячего чая, всегда имевшегося в медсанбате, быстро вернули мне силы. Можно было продолжать работу.

Немало моих коллег погибало на своем посту. В нашем медсанбате скончались от ран терапевт, медсестра, санитар аптеки.

А можно ли забыть врачей противошокового и послеоперационного отделений? Всегда веселого и неутомимого врача Каратаева, заведующего эвакуоотделением Изотова. Особо хочу отметить наших сестер, которые сутками находились в операционных. Медсанбат получал кровь для раненых в достаточном количестве. Но зачастую бывало так, что ее не хватало — слишком много раненых поступало с поля боя синявинского сражения. И наши сестрички становились донорами. А сколько было радостных минут, когда медсестра, перелив свою кровь раненому, счастливо восклицала: «Доктор, доктор, у раненого появился пульс!» Они все стоят перед моими глазами: операционные сестры Шурганова, Ульяновская, Климакова, наркотизатор Тася Солодовникова, Шура Нехорошева, Катя Егорова, Валя Дьячкова и другие. За синявинское сражение Шурганова, Солодовникова и Ульяновская были удостоены медалей «За отвагу». Я тоже получил орден Красной Звезды. Это была моя первая боевая награда.

Как известно, к каждой ампуле с кровью прилагается официальный документ со всеми необходимыми сведениями: дата заготовки, группа крови и т. д. Но нередко к этим ампулам прилагались записки от доноров, в которых они желали бойцам скорого выздоровления. Мне удалось сохранить несколько таких записок. В одной из них говорится: «Дорогой и родной наш воин! Я работаю на заводе, где мы создаем грозное оружие для фронта, которое поможет вам уничтожить фашистскую нечисть. И вот после работы, немного отдохнув, я пришла на донорский пункт, чтобы сдать тебе кровь. Верю, дорогой солдат, что, если ты получишь ранение, моя кровь непременно спасет тебя от смерти. Буду ждать весточки о твоём выздоровлении. Валя Кушнарёва, город Горький».

Не могу не рассказать о своих встречах с главным хирургом Волховского фронта профессором А. А. Вишневым. Она состоялась в начале синявинской операции. Я уже писал, что Любанская операция нам преподнесла хороший урок по военно-полевой хирургии, и эта школа была несравненно эффективнее, чем та, в которой мы учились по институтским учебникам. Многочему научил нас и А. А. Вишневский. Он поделился своим методом обезболивания. Я совершенно не знал о методах анестезии по Вишневу и впоследствии высоко оценил их эффективность. Профессор прибыл в наш медсанбат из другой дивизии, где сделал несколько показательных операций. Несмотря на усталость, он затем всю ночь оперировал вместе со мной. Наиболее сложными были операции при ранениях в грудь с открытым пневотораксом. Особенно трудно было выводить раненых из шока. И профессор поделился с нами своими новыми приемами. Особенно ценной я считаю так называемую вагосимпатическую блокаду по Вишневу. Эта блокада облегчала страдания больных и позволяла быстрее проводить операции. Большую роль сыграла и футлярная блокада конечностей с повреждением нервов. Профессор помог нам лучше овладеть местной анестезией при проникающих ранениях в брюшную полость и подсказал, как вести себя при массовом поступлении раненых.

Для меня встречи с профессором А. А. Вишневым явились самой большой профессиональной школой.

Не могу не сказать немного слов о нашем комбриге Н. З. Сухореве. Во время синявинских боев все мы оценили человеческие и командирские качества полковника Сухорева. Это был очень образованный человек: окончил сельскохозяйственную и военную академии. Необычайно требовательный к себе и к подчиненным, но всегда справедливый и чуткий. Для подчиненных он был непререкаемым авторитетом и образцом командира.

После синявинских боев наша бригада была отведена в г. Данилов для пополнения.

С. И. ГАЙДАР,
*ст. сержант в отставке, бывш. ком. взвода
управления отдельной минометной роты 265-й сд*

Воспоминания о Синявинской операции*

В конце февраля 1942 года всех выписанных из ленинградских госпиталей доставили к Ладожскому озеру. Эшелон прибыл поздно вечером. Дальнейший путь предстоял на машинах по Дороге жизни.

Мы, человек 19, погрузились в открытый газик. Предстоял путь свыше 30 км. Мороз около -30° , ветер. Одеты мы были легко. Это и правильно: ведь едем на Большую землю, а теплое обмундирование нужнее здесь, в блокадном городе. Но можете себе представить, что значит истощенному, легко одетому человеку покрыть путь в открытой машине при таком морозе.

Холод пронизывал до костей. Все сгрудились у кабины, прижавшись друг к другу. Спустя некоторое время я стал меньше чувствовать холод, но зато сильно клонило ко сну. Почему-то казалось, что в эти минуты ничего нет милее сна. Даже голод отступил на второй план. Я стал медленно сползать на пол кузова. Меня обволокла какая-то странная дремота, сквозь которую слышался чей-то голос:

— Не давайте никому ложиться на пол, иначе до берега не доедут!

Меня берут под руки и ставят на ноги.

Хочется оттолкнуться и снова лечь. По телу проходит приятная теплота, но в сознании отчетливо сохранилась брошенная фраза.

Всеми силами стараюсь устоять, стряхнуть с себя дрему, но не могу. Как страшно хочется спать! Абсолютное безразличие ко всему. Через какое-то время снова ложусь на пол кузова. Сколько прошло времени — не помню. Очнулся внезапно от сильного толчка. От этого толчка мгновенно сползла дремота. Я явственно ощутил положение, в котором оказался: темень, сугроб и удаляющийся кузов машины. Времени на раздумывание не было. Чтобы не замерзнуть — надо бежать. И я побежал. Все мышцы тела, кажется, сокращались, чтобы бежать, но бег мой был больше похож на медленное передвижение, и через несколько шагов я уже тихо брел по утоптанному снегу дороги.

Я знал, что по трассе непрерывным потоком движутся машины и незамеченным я не останусь. Действительно, первая же машина

* Рукопись из Музея боевой славы 37-й железнодорожной школы пос. Мга.

остановилась. Дверь кабины распахнулась, и я с трудом ввалился в нее. Шофер ехал один, порожняком. В кабине было тепло, и я погрузился в сон. Проснулся от толчка. Первое, что бросилось в глаза, — наступившее утро. Машина взбиралась на пологий берег к деревне. В некоторых избах дымились трубы. Стояла удивительная тишина. Я до предела напряг слух, пытаюсь услышать петушиный голос. Казалось, только он мог удостоверить меня, что есть место, где нет войны. Через несколько километров мы въехали в Жихарево.

Шофер подвез к эвакупункту. Жарко натопленное большое помещение полно людей. Здесь не требовали ни документов, ни объяснений. Меня усадили и поставили передо мной большую миску горячего макаронного супа с мясом. Да, это было настоящее мясо, и притом много.

В полдень на Жихарево налетела немецкая авиация. Деревянные здания загорелись. Где-то в стороне заухала зенитка. Вокруг горящих домов таял снег. Но главным моим помыслом было: где бы еще поесть?

Через день небольшую группу, в том числе и меня, построили в повели в часть. К вечеру мы подошли к участку, занимаемому 265-й стрелковой дивизией. Шли по широкой лесной просеке. Это была основная дивизионная артерия, по которой подвозили боеприпасы и продовольствие. По обочинам дороги в обоих направлениях сновали люди. Одни шли в ночной дозор, на наблюдательные пункты, другие возвращались с дневного дежурства. Мимо проезжали машины и подводы. Чем ближе к передовой, тем яснее слышались автоматные очереди, пулеметная дробь. От дороги в обе стороны уходили в лес утоптаные пешеходные дорожки. На деревьях висели всевозможные указатели.

Нас, четверых минометчиков, направили в отдельный минометный дивизион 120-миллиметровых минометов. Встретили хорошо. Поселили в землянки по расчетам. В землянках тепло, уютно. Накормили. Проходит несколько дней, а нас никто не беспокоит. Все ведут себя так, как будто нас и не существует. Оказалось, что командир дивизиона приказал ленинградцев не трогать, пока не поправятся. Среди нас начали появляться больные. Заболел и я.

Через две недели двоих из нас направили в тыл, в деревню за 15 километров от переднего края. Спустя полтора месяца мы окрепли настолько, что могли нести службу наравне со всеми. В начале мая в дивизию прибыла большая партия пополнения из Сибири и Тувинской республики. В это время я был уже в минометном батальоне; командир батальона — ст. лейтенант Леговский, командир роты — мл. лейтенант Мазуренко.

Началась боевая учеба.

Лето полностью вступило в права. В кропотливой ежедневной учебе креп и мужал коллектив. Полк получил новое боевое оружие. В полку была рота ПТР и рота автоматчиков. По мере освоения боевой техники, тактики ведения боя стало больше свободного времени. Началась организация самодеятельности.

В одном из номеров «Правды» был опубликован рассказ А. Довженко «Отступление». Этот рассказ произвел сильное впечатление на всех, и я высказал мнение, что не плохо поставить по нему инсценировку. Меня поддержали. На следующий день я написал сценарий. На женские роли были приглашены девушки из медсанбата; по моим эскизам подготовили декорации. Политотдел дивизии прислал к нам инструктора-капитана. В подразделении оказалось столько талантов, что можно было ставить спектакли. Активно помогал политрук роты Пискарев.

Полк сменил место расположения — видимо, в целях маскировки. Ежедневные налеты немецких разведчиков не проходили даром.

Получили новое обмундирование. Непривычно было носить шинели английского покроя из их сукна. Легкие, холодные.

25 августа, во второй половине дня, полк был поднят по тревоге. После захода солнца колонны двинулись к переднему краю.

Около полуночи заняли траншеи переднего края. Привычная обстановка фронта. Одна за другой ввысь с небольшими интервалами поднимались ракеты, ярко освещая местность. Короткие очереди автоматов и пулеметов. Подходы к переднему краю забиты нашими войсками. Настроение приподнятое. По всему видно, что наступать будем мы.

Утро 26-го было пасмурным. Моросил мелкий дождь. Видимость плохая. Тишина нарушалась очередями с той и другой стороны. Когда видимость немного улучшилась, я осмотрелся: в 100–150 м по выгодным рубежам проходят немецкие траншеи. В километре от переднего края, в низине, — развалины деревни. Торчат только сохранившиеся печные трубы, чуть дальше за косогором — опушка леса. Мы на левом фланге. Правое крыло дивизии было к Рабочему поселку № 1. Весь день находились в траншеях, соблюдая все меры предосторожности. Противник молчал: кажется, он не заметил нашего сосредоточения.

Вечером зачитали приказ о наступлении. Ночь прошла спокойно. Чувствовалось всеобщее напряжение. Чем ближе час атаки, тем больше оно росло.

Утро 27-го. Солнца нет. По небу плывут тучи. И вдруг разом заговорила артиллерия. Сотни орудий всех калибров открыли огонь. Впереди все заволкло разрывами снарядов, мин. Все мы,

возбужденные, наполовину повысовывались из траншей. Силимся что-либо увидеть среди сплошных разрывов, но тщетно. Артподготовка длилась лишь 40 минут, но вот мы услышали характерный звук «катюш», затем полет сотен продолговатых снарядов, обгоняющих друг друга. Все высыпали из траншей на бруствер.

Войска двинулись вперед. Вместе с пехотой пошли танки. Первое время продвижение было успешным. Противник редким огнем огрызался. По всему было видно, что удар был для него неожиданным. Соседи справа ушли далеко вперед. Но неожиданность прошла, и немцы начали сильнее и интенсивней вести огонь по наступающим частям.

Мы попали в зону сильного артобстрела. Залегли. Прошли более 2 км. Впереди лес, железнодорожная насыпь. У насыпи пехота залегла и начала окапываться. Заскочив в одну из небольших рощ, я увидел батарею 81-миллиметровых минометов. Видны следы поспешного бегства. Все брошено врагом. Увидев одного из наших бойцов, подзываю к себе. Разворачиваем минометы в сторону противника, ставим дальность «800» и все оставшиеся мины выпускаем по противнику.

В дивизионной многотиражке на следующий день были опубликованы сообщения о первых награжденных, героических подвигах бойцов и командиров. Дивизия понесла потери. Убит командир нашего батальона ст. лейтенант Левогский. Убит командир полка. Тяжело ранен командир соседнего полка майор Черный. Командный состав нашей роты пока цел.

Через 2 дня противник начал массированную бомбежку на нашем участке. Пикирующие бомбардировщики эшелонами заходили над занимаемыми нами рубежами.

Под вечер позвонили из штаба полка. Мне и еще нескольким бойцам приказано быть там. В темноте нашли наспех вырытую просторную землянку с легким перекрытием.

В этот вечер мне была вручена кандидатская карточка. В роте первым меня поздравил политрук Пискарев. Это был обаятельный человек. Учитель по профессии, откуда-то с Южного Урала. Дома у него остались жена и маленькая дочурка, фотографии которых он часто показывал.

В последующие дни у нас продвижения вперед не было, но справа наши войска продвинулись к Синявину. Оттуда доносилась непрерывная артиллерийская канонада. Противник, по-видимому, всю артиллерию сконцентрировал у синявинского выступа, но против нашего участка действует батарея шестиствольных минометов. Периодически их характерный скрипучий звук слышится все чаще и чаще. Рота ежедневно несет потери. Прямое попада-

ние снаряда в расчет. Убит наповал боец Рахматов, тяжело ранен Савинов — сибиряк.

8-го сентября получен приказ сменить огневую позицию. Менять начали в полночь. Утром командир роты Мазуренко приказал мне в районе сожженной деревни выбрать и оборудовать наблюдательный пункт. К полудню все работы были закончены. Провели телефонную связь на батарею. Начал пристрелку предполагаемых подступов к нашему переднему краю. Согласовал систему сигналов на случай выхода из строя связи.

Утром 10 сентября погода выдалась плохая. Моросил мелкий густой дождь. Густые тучи низко плыли в небе. Видимость плохая. После 8 часов дождь прекратился. Небо стало проясняться. Началась артиллерийская подготовка противника. Огонь плотный. Артподготовка длилась около часа. В это время я внимательно просматривал опушку леса, где находился противник, в стереотрубу. Было заметно, что немцы на опушку вывели танки. Позвонил на батарею. После артподготовки немецкие танки начали выползать и готовиться к атаке.

Я насчитал более 20 танков. Они медленно развернулись и пошли в нашу сторону. Между танками сновала пехота. По танкам открыла огонь наша артиллерия. Появились редкие разрывы. Огонь стал плотнее. Некоторые танки начали подрываться на наших минах. По-видимому, ночью саперы заминировали этот участок.

Вот уже весь косогор перед деревней заполнен вражескими танками и пехотой. Даю команду на батарею: по такому-то ориентиру открыть беглый огонь. Пауза. Через полминуты начали рваться первые мины. Ложатся хорошо. И вот уже весь косогор покрыт сплошными разрывами. Охватило радостное чувство. Наблюдавшие это связисты и разведчики не могли удержаться от громкого восхищения точным массированным минометным огнем по немецкой пехоте. Когда рассеялись последние разрывы, оставшиеся в живых немцы бросились в лощину, покрытую мелким кустарником. Танки остановились. Как хорошо, что я вчера пристрелял эту лощину!

Даю команду беглым по ориентиру № 4. Снова пауза. Затем вся лощина покрывается сплошными разрывами. Над кустарником поднимаются клубы дыма и земли. Здорово! Отлично!

Немного погода противотанковая артиллерия еще интенсивней начала вести огонь по танкам. Танки еще не поворачивают обратно, но и не двигаются вперед. Наступила пауза, после которой в небе появились пикирующие бомбардировщики. Началась бомбежка. Я до сих пор не видел такой бомбежки. Один эшелон сменяет другой. Вся земля перерыта взрывами. Все обволокло дымом,

гарью, землей. Сколько прошло времени, трудно определить. Кажется, бомбежке не будет конца. Нервы напряжены до предела. Связь с батареей прервана. Ясно, надо ждать новой атаки. Необходимо наладить связь. Посылаю первого связного. Бомбежка кончается, а связи нет. Посылаю второго связиста, последнего. В стереотрубу вижу, как немцы переходят в атаку. Снова танки, пехота. Все начинается сначала. Необходим огонь по тому самому месту. Даю сигналы ракетами. Сумеют ли на батарее в этой суматохе увидеть и отличить мои сигналы? Томительно идет время. И вот начинают рваться первые мины. Чувствую облегчение. Я уже уверен, что сейчас последует сплошной шквал обрушившихся мин. Точно. Опять все в пыли, дыму. Дым рассеивается и видно, как остатки пехоты убегают в обратном направлении. Один за другим выходят из строя танки, но один из ведущих упорно продвигается к развалинам деревни. Вот он подползает к первым развалинам, и я отчетливо вижу нашего бойца, который, встав в полный рост за остовом трубы, бросает связку гранат. Взрыв. Танк встал. Смелчак бросился в окоп. Снова пауза и снова массивная бомбежка. Вот группа самолетов: один за другим они пикируют на наш наблюдательный пункт. Зажимаю глаза до боли. Грохот, взрывы и... все стихло. Ничего не слышу. Чувствую тяжесть. Когда отбомбился последний самолет, поднимаю голову. В голове шум. Подняться не могу. Сильная боль в правой ноге. Кругом вздыбленная земля, обломки и... никого нет. Оглядываюсь. Окликаю товарищей. Все живы, но лежат в разных местах и засыпаны землей. Понемногу приходим в себя. Подошли и ко мне, помогают выбраться. Через полчаса прибыло несколько человек из батареи. Их послал командир роты. Оставляю за себя человека, а меня на плащ-палатке под бомбежкой тянут на батарею.

Проходит около часа, и меня благополучно доставляют на батарею. Здесь тоже видны следы бомбежки. Убит политрук Писарев, несколько раненых лежат в траншеях. Меня кладут рядом с ними. Началась новая волна бомбежки, за ней — очередная атака. Слышим рев движущихся танков. Кто-то побежал из батареи. Раздается неистовый крик командира роты Мазуренко:

— Стой, ни шагу назад! Бутылки с горючим! Давай бутылки с горючим!

Время клонится к закату. Как тяжело в такие минуты лежать совершенно беспомощным! Ползу на гребень. Хочется посмотреть, что делается там, куда убежали батарейцы с бутылками.

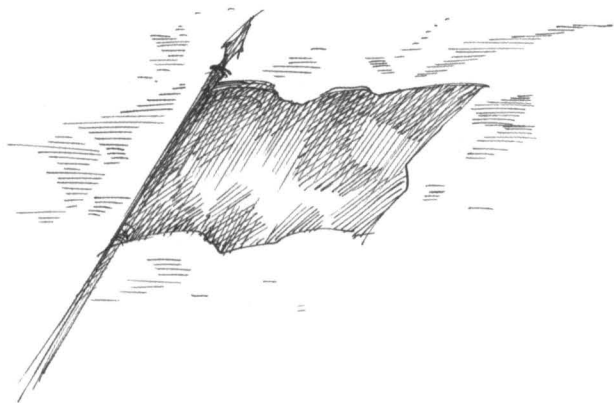
Немцы решили в этот день нанести мощный удар под основание синявинского выступа, и таким образом окружить и отрезать наши части. Пока все безрезультатно. Удержаться бы до захода солнца,

а ночью наши перегруппируют силы и будет значительно легче. Возвращаются батарейцы. Все возбуждены. Видно по всему, что и эта атака противника захлебнулась.

Начало темнеть. Подвезли ужин. Есть не хочется, клонит ко сну. Быстро засыпаю. Будят: оказывается, прибыли санитары. Прощаюсь с товарищами.

Путь следования до медсанбата не помню, но по прибытии туда меня эвакуировали, как тяжело раненного, в тыловой госпиталь г. Череповца. Через сутки сделали операцию. Продержали в этом госпитале месяц, а потом направили в глубокий тыл — в г. Соликамск на Северном Урале. Вскоре я получил письмо из дивизии, где сообщалось, что 265-я сд находится на переформировании.

После выздоровления я снова попал на фронт в январе 1943 года, волей судьбы — в другую часть.



Н. М. СЕМАШКИН,
капитан в отставке,
бывш. начарт 450-го сп 265-й сд

У речки Черной *

Нудные дожди прекратились. Над землей снова висело яркое августовское солнце, щедро даря свет и тепло. В один из таких дней, когда я проводил занятия с командирами взводов и батарей по артиллерийско-стрелковой подготовке, ординарец командира полка сообщил о срочном вызове в штаб.

Прервав беседу, я заторопился в глубь леса, туда, где на зеленой полянке стояли скамейки из обструганных сосновых палок, маленький самодельный стол. Здесь обычно проводились все важные совещания. Вскоре подошли командиры батальонов старшие лейтенанты Костюков и Шкурихин, капитан Табунов. Определив, что все в сборе, ординарец доложил командиру. В дверном проеме показался капитан Степин. Это было неожиданно: обычно у себя он командиров никогда не собирал.

С трудом мы разместились в тесном помещении: кто на скамье, кто на нарах, покрытых тонким байковым одеялом. Сосновая комната сияла чистой: об аккуратности нашего немногословного, пунктуального командира в полку все знали. Подождав, когда люди рассядутся, командир оглянулся на дверь, плотно закрыл ее, повернулся к нам.

— Вызвал я вас по важному вопросу. Предупреждаю: о том, что вы будете делать сегодня и в последующие дни, никто не должен знать. А теперь отправляйтесь за биноклями и на дороге, что впереди артиллерийских батарей, подождите меня.

Мы собрались в указанном месте. Летний день был в разгаре, и солнце палило нещадно. Через несколько минут подошла полуторка. Придерживая рукой бинокли, мы дружно полезли в старенький скрипучий кузов. Уселись на скамейку вплотную к кабине, и машина поехала мимо станции Назия, деревни Новая и дальше по лесной дороге. Мы догадывались, что направляемся к передовой.

Проехали еще несколько километров, остановились. Местность приметная: справа — высота с тригонометрической вышкой, поросшая хвойным лесом, слева — болото. По краю его походными

* Глава из повести Б. Н. Цветаева «Лицом к врагу». Липецк, 2000 г. С. 60–81.

кухнями и повозками проторена дорога. Автомобиль по ней не пройдет. Поэтому дальше пошли пешком.

Подходим к переднему краю. Вот и землянки показались, вкопанные в крутой песчаный обрыв.

— Здесь штаб батальона, занимающего оборону, — впервые за весь путь заговорил Степин. — Присаживайтесь, отдохните. А я сейчас.

И он уверенно направился к одной из землянок. Только тут мы поняли, что комполка, вероятно, уже не раз бывал в этих местах.

Вскоре из землянки появился Степин с командиром батальона, и мы пошли осматривать его «хозяйство». Глубокая траншея повела нас вдоль края болота. Через каждые 200–250 метров от нее в глубину обороны ответвлялись ходы сообщения. На самом гребне безымянной высоты неожиданно столкнулись с дежурным расчетом станкового пулемета.

— Левая точка нашего переднего края, — вполголоса сказал комбат.

Мы подняли бинокли. Отсюда отчетливо просматривался весь передний край обороны противника: укрепления вдоль берега Черной речки, деревня Тортолово. Правда, из 33 построек деревни не уцелело ни одной, и о населенном пункте можно было догадаться только по фундаментам домов, которые гитлеровцы приспособили для обороны.

Сверяя свой путь с картой, мы обошли район обороны батальона, познакомились с его инженерным оборудованием. Долго и внимательно наблюдали за противником с разных хорошо замаскированных точек переднего края. Враг усиленно совершенствовал свою оборону: в низких местах строились насыпные окопы.

— Ну и ну, — ахал Шкурихин, — на глазах у всех фашисты безнаказанно роют окопы. Один аж на бруствер вылез, землю разравнивал. И за целый день ни одного выстрела! У моих хлопцев терпения не хватило бы.

Командир полка выслушал наши мнения об увиденном, указал пути подхода части к переднему краю и рубеж развертывания батальонов, но уточнять задачи почему-то не стал. Какая-то недоговоренность была во всей проведенной рекогносцировке, и об этом, наверное, думал каждый из нас.

Весь следующий день мы провели на передовой, составили схему укреплений и огневых точек врага. Встретившись вечером, устроили перекрестную проверку результатов. До наступления темноты я начисто обработал материал, и, оказалось, вовремя, так как ночью меня неожиданно разбудил часовой — вызывал командир полка.

— Начарт, доложите, что сделали сегодня, — обратился он ко мне. Я извлек из полевой сумки схему, развернул на столе. Степин долго разглядывал ее, потом заметил: — У вас четыре орудия поставлены на нейтральной полосе. Это ошибка?

— Никак нет, товарищ капитан. Так и должно быть. Отсюда орудиям гребень высоты не мешает.

Степин, ни о чем больше не спрашивая, вернул схему:

— Идите отдыхайте.

Три последних дня мы работали с особым рвением. Выявляя скрытые подходы к переднему краю, обошли все болото. На четвертый день вернулись запоздно. Быстро поужинав, мы собрались в домике командира полка. В помещении горела коптилка, освещающая развернутую на столе карту. Капитан Степин начал подводить итоги разведки:

— Я вам не раскрывал до конца всех секретов, но, видимо, вы догадались, что готовится большое наступление. Приказ пока не получен, но через пять, возможно, десять дней наш полк будет наступать в направлении Тортолово—разъезд Апраксин—Михайловское—Мга.

Начинался новый этап работы. Артиллеристам в этот период досталась двойная нагрузка. Днем они участвовали в совместных занятиях со стрелковыми отделениями, которые должны будут оказывать помощь орудийным расчетам в ходе боя, а по ночам на телегах подвозили боеприпасы к позициям. Расчеты стремились доставить на каждое орудие не менее 600 снарядов.

Наш полковой лагерь в эти дни напоминал потревоженный улей. Командиры батарей старшие лейтенанты Буркасов и Кондаков, командиры огневых взводов старшие лейтенанты Мансуров и Веселов, командиры орудий сержанты Полушкин, Ляпустин, Митякин, Сиянко учили пехотинцев, как идти в атаку за огневым валом. Бывалые солдаты проводили индивидуальные занятия с необстрелянными бойцами.

Все мы тогда жили одной мыслью: прорвать блокадное кольцо вокруг Ленинграда. На политзанятиях в подразделениях часто выступали солдаты, сержанты, офицеры, семьи которых находились в блокированном городе. Они с болью говорили о трудностях ленинградцев, о родных и близких, читали письма от них. Полк, более половины бойцов которого не бывало в деле, рвался в бой.

Подготовка к наступлению заканчивалась. С 20 августа за неприятелем было установлено круглосуточное наблюдение. 25 августа командир полка на совещании командного состава объявил:

— Получен приказ: готовность к атаке в четыре часа утра двадцать седьмого августа. Завтра людей не ограничивать в отдыхе.

Командирам проверить до мелочей боевую готовность подразделений.

Наша 265-я стрелковая дивизия должна была наступать двумя эшелонами, главный удар наносить левым флангом. Там находился наш 450-й полк. Нам предстояло овладеть опорным пунктом Тортолово.

Утро 26 августа выдалось теплым, и день обещал быть ясным, солнечным. Занялись своими делами: кто протирал оружие, кто подшивал свежий подворотничок. Артиллеристы и минометчики хлопотали возле орудий. В лагере царило оживление. Днем перед полком выступил командир полка майор Степин, только что получивший очередное воинское звание. Он подвел итоги боевой учебы подразделений, поблагодарил бывалых бойцов за подготовку молодого пополнения. Солдаты услышали долгожданное слово о том, что предстоят бои по прорыву блокады Ленинграда.

С наступлением темноты артиллеристы, в помощь которым были выделены стрелковые подразделения, подтянули орудия к передовой. Следом за ними по обочинам дороги, чтобы не поднимать пыль, двинулись пехотинцы. Политработники во главе с комиссаром полка Шадриным направились в стрелковые роты. Августовская ночь, уже по-осеннему темная, надежно прикрывала перемещение полка.

К командиру полка то и дело подходили подчиненные с докладами о готовности батарей и батальонов к атаке. Степин приказал выдать бойцам завтрак и сухой паек.

На часах — 3.50. Командир артиллерийской группы майор Николаенко подает дивизионам команду: «По местам!» На командном пункте устанавливается полнейшая тишина. Напряженно ждем очередной команды. «Зарядить!» Кажется, все перестали дышать. «Натянуть шнуры!» Николаенко смотрит на секундную стрелку карманных часов. Она, подрагивая, описывает последний круг. Остается десять секунд, пять, одна... «Огонь!»

Темно-красным заревом полыхнула округа. Дрогнул воздух. Серым тротиловым дымом, землей вздыбился передний край обороны гитлеровцев. На десятки метров в стороны разлетаются бревна перекрытий немецких укреплений, камни, осколки снарядов. На наблюдательных пунктах сразу стало хлопотно и оживленно. Заработала связь с огневыми позициями батарей и дивизионов. Через минуту артиллерийская группа перенесла огонь в глубину обороны врага. Пробил час орудий прямой наводки. Расчеты быстро выкатывают их на основные позиции. Тридцать стволов на шестисотметровый участок прорыва. Снаряды крушат деревоземляные укрепления, пулеметные гнезда, поражают живую силу в окопах.

Я вижу, как повеселели пехотинцы, подготовившиеся к атаке. С одобрением смотрят они на огненный смерч, бушующий впереди окопов, что-то кричат друг другу. Орудия прямой наводки еще продолжают стрельбу, когда на передний край противника накатывается второй огневой вал артиллерийской группы. И словно ставя точку в какофонии звуков, воздух со свирепым свистом рвут стрелы гвардейских минометов.

Но вот в дымное небо вонзается несколько десятков красных ракет. С громким «Ура!» поднимаются в атаку стрелковые роты и устремляются вслед за огненным валом. Через несколько минут они врываются в первую траншею опорного пункта Тортолово.

Противник ведет по нашим боевым порядкам редкий артиллерийский и минометный огонь. Шесть наших танков приближаются к речке Черной. Самый левофланговый танк попал в болото и забуксовал. Остальные повернули направо, где саперный батальон под командованием капитана Иванова начал сооружение моста.

Орудия 76-миллиметровой полковой батареи сержанта Ляпустина и старшего сержанта Митякина поднимаются по обрыву в Тортолово.

На НП командира полка прибыли командир дивизии полковник Ушинский, комиссар дивизии подполковник Марченко. В это время стрелковые батальоны первого эшелона в сопровождении огневого вала и орудий прямой наводки, преодолевая сильное сопротивление противника, продолжали движение вперед.

Командир первого батальона старший лейтенант Костюков и командир третьего батальона капитан Табунов условным сигналом просили перенести огонь на насыпь. Но она прикрыта от нас березками, ольхой — нельзя вести прицельную стрельбу. Чтобы выгнать немцев с высоты, нужны танки, а они застряли на топком берегу реки.

По мосту, наведенному через Черную, прошли оставшиеся орудия прямой наводки. За ними — Т-34. Когда тяжелый КВ, лязгая гусеницами, вполз на мост, танк повело влево вместе с деревянным сооружением. Оказавшись в реке, КВ завяз.

Между тем наши роты, понеся значительные потери, залегли у подножья песчаной высоты. Командир полка перенес свой НП ближе к злополучной насыпи, где была немецкая землянка. В ней вместе с майором Степиным расположились радисты, телефонисты, посыльные командиров 450-го и 798-го полков. Немцы оставили в землянке рацию. Командир радиовзвода артполка лейтенант Смирнов проверил ее. Трофей оказался в полной исправности.

Около девяти часов утра противник силою до двух рот с направления железнодорожного переезда контратаковал левый фланг. Огнем всех видов стрелкового оружия и орудиями прямой наводки

контратака была отбита с большими потерями для противника. Однако этот открытый фланг оставался под угрозой. Дело в том, что левее 450-го полка наступала 11-я стрелковая дивизия, которая ни на метр не продвинулась.

Майор Степин был вынужден прикрыть левый фланг батальоном второго эшелона под командованием капитана Шкурихина и двумя ротами капитана Табунова.

На правом фланге нашего полка наступает 941-й стрелковый полк, сформированный в начале 1942 года. Основной его состав — сибиряки Алтайского края. Возглавляют этот полк подполковник Паруликов и старший батальонный комиссар Ариничев.

941-й полк левым флангом занял несколько домов северной окраины 1-го Эстонского поселка и группу безымянных высот на стыке полков. Но правому флангу 941-го полка не удалось продвинуться, потому что дивизия, наступающая справа от нашей, никакого успеха не имела.

Примерно в 14 часов был введен в бой второй эшелон 265-й дивизии — 951-й стрелковый полк, но без танков. Они так и не смогли переправиться через речку Черную. Атака второго эшелона положительных результатов не дала. Недоставало танков. Они бы, пожалуй, решили исход боя в нашу пользу. Потеряны время, инициатива. Фашисты успели получить подкрепление и начали усиливать артиллерийский и минометный огонь.

Тем временем батальоны 951-го полка подготовились к повторной атаке с задачей овладеть насыпью. Артиллерийская группа произвела по ней десятиминутный огневой налет.

В ответ артиллерия противника подвергла обстрелу наши позиции. Мина разорвалась в пяти-семи метрах от орудия командира взвода Меркина. Вышла из строя пушка, из семи бойцов расчета один погиб, остальные получили ожоги термитной смесью, но остались в строю.

Во время обстрела был ранен командир противотанковой батареи старший лейтенант Кондаков. Атака не состоялась. Командование приняло решение: собрать все силы и во что бы то ни стало овладеть укрепленной насыпью, которая являлась второй линией обороны немцев.

Командующий артиллерией дивизии полковник Барышев пообещал майору Степину произвести залп дивизиона реактивных минометов.

Солнце было на закате, когда начался артиллерийский налет. Продолжался он несколько минут. В заключение прогремели «катюши». К сожалению, 1/3 их снарядов разорвалась в наших боевых порядках — потери были немалые.

Полковник Барышев приказал немедленно произвести расследование случившегося. Председателем комиссии был назначен командир дивизиона 798-го артполка Долгановский, члены комиссии: капитаны Зиновьев и Семашкин.

При тщательной проверке данных для стрельбы в записях командиров установок и старшего ошибок не обнаружено. Виновник найден не был. Комиссия предупредила командование дивизиона реактивных минометов, чтобы оно строго следило за работой подчиненных.

Насыпь осталась у врага.

Вечером майор Степин, оставив за себя на НП капитана Шапенко, исполнявшего обязанности помощника начальника штаба полка по разведке, отправился с докладом к командиру дивизии. Он взял с собой ординарца Наумова, смелого, подтянутого бойца.

Быстро стемнело. У входа в землянку поставили дежурного с трофейным пулеметом МГ-34. Автоматная стрельба идет с обеих сторон. Иногда противник ведет огонь из пулемета: во тьме вспыхивают трассирующие пули.

Я направил командиров батарей — старшего лейтенанта Буркасова и лейтенанта Мансурова, назначенного на место раненного лейтенанта Кондакова, — проверить состояние пушек и их obsługi, выяснить наличие боеприпасов.

Вернулись они через полчаса, доложили, что орудия и артиллеристы в полной готовности, снаряды есть. Признались, что на обратном пути еле нашли землянку — в темноте очень трудно ориентироваться.

Из штаба полка позвонили: майор Степин с ординарцем комиссара Шадрина, Натанзоном, отправился на НП. Значит, скоро должен быть здесь.

Шло время, а командир полка не появлялся. Капитан Шапенко, заметно волнуясь, направил ему навстречу трех разведчиков. Они прошли до штаба полка, вернулись обратно, но майора Степина и Натанзона не обнаружили.

Время перевалило за полночь, но никто не спал, и в сон не тянуло: ждали командира полка.

— Товарищ капитан, вас просят к телефону, — обратился связист к Шапенко.

Закончив разговор, Шапенко объявил, что для подкрепления и прикрытия левого фланга полка прибывает учебный батальон дивизии.

— Им в свое время командовал майор Ершов. У деревни Лодва его тяжело ранило в левую ногу. В госпитале ее ампутировали, — вспомнил вслух о боевом товарище старший лейтенант Костюков.

— Да, майор Ершов был одним из организаторов снайперского движения в нашей дивизии, — сказал капитан Шапенко.

Противотанковых средств учебный батальон не имел. В его боевые порядки я направил орудия сержантов Ляпустина и Полушкина.

В землянку торопливо вошел рядовой Наумов. Он рассказал, что сопровождал Михаила Сергеевича до штаба полка. После чего по приказу майора повел его коня Орлика дальше в тыл, чтобы накормить. Когда вернулся в штаб, Степина там уже не было.

— Ищите командира полка, товарищ Наумов! — резко сказал капитан Шапенко.

— Есть искать! — ответил рядовой и быстро вышел из землянки.

Прошла, наконец, тревожная ночь. Рассвело. Со стороны разъезда Апраксин доносился нарастающий гул моторов. Противник подтягивал танки к передовой.

Настало утро. Свежее, пасмурное. Над болотистыми местами висела сплошная дымка. Разведчики, бойцы комендантского взвода по всему фронту полка искали майора Степина. Обнаружили его в стапятидесяти метрах от НП. Он лежал убитый. Левая рука прижата грудью, а правая вытянута вперед. Место, где нашли майора, противник держал под обстрелом. Как попал сюда Михаил Сергеевич? Шел проверить передний край, поговорить с бойцами... Но почему о его смерти долго не говорил старшина Натанзон?

Провожали в последний путь отважного боевого командира немногие, но мысленно весь полк шел за гробом. Похоронили Михаила Сергеевича Степина на восточной окраине Путилово. Посмертно он награжден орденом Ленина.

В восьмом часу участок обороны, занимаемый учебным батальоном, противник подверг сильному артиллерийскому обстрелу. Не было, казалось, того места, где бы ни рвались снаряды. Горел мелкий сосняк.

Всем нам, находившимся на НП, думалось: едва ли кто уцелеет из учебного батальона, и приданные ему орудия прямой наводки выйдут из строя. Потому, оставив НП, мы развернулись в боевой порядок в ожидании контратаки.

Вмиг смолкла артиллерия противника. Сквозь дым и пыль мы увидели три ряда немецких автоматчиков. Поливая свинцом, они приближались к окопам учебного батальона.

И вдруг по автоматчикам яростно хлестнули картечью орудия прямой наводки. Помогая им, дружно заработали пулеметы, автоматы, винтовки.

— Ура! — стоя в окопе, крикнул Шайхалиев.

Наша сводная рота, находясь на запасном рубеже, вздохнула облегченно. Я видел, как десятками падали на землю немецкие автоматчики. Через несколько минут все три ряда наступавших гитлеровцев были уничтожены.

В течение дня пехота противника, получая пополнение, шесть раз поднималась в контратаки, но, неся большие потери, откатывалась назад. Потеснить наши ряды ей не удалось.

Конечно, и у нас тоже были раненые и убитые. У каждой пушки осталось по четыре бойца. Командиры орудий сержанты Ляпустин и Полушкин встали у панорам наводчиками, командиры взводов Меркин и Веселов командовали орудиями. При отражении последней контратаки погиб лейтенант Веселов, волевой и опытный командир, любимый бойцами.

Снайпер учебного батальона Татьяна Петрова вела меткий огонь по фашистам, когда они рвались к нашим окопам. В минуты затишья она перевязывала раненых, помогая им добраться до надежных укрытий.

С последними лучами солнца затихает трескотня пулеметов и автоматов. Наша артиллерия производит редкие, но массированные огневые налеты по глубине обороны противника. Его артиллерия молчит.

Вечером капитана Шапенко и меня срочно вызвали в штаб полка. С нами пошли рядовые Васенкин и Шайхалиев. Как и вчера, темнота невероятная. Идем по дороге на ощупь. С трудом преодолели речку. Вымазались в грязи.

Придя в штаб, привели себя в относительный порядок. Затем представились новому командиру полка — подполковнику Бронникову. Он среднего роста, худощавый, с румянцем на щеках. Глаза маленькие, острые, густые брови нахмурены. Волосы редкие, с заметной сединой, причесаны на пробор. Одет подполковник в новое хлопчатобумажное обмундирование.

Окинув острым взглядом собравшихся, подполковник сказал: — Товарищи командиры! Боевые действия, начатые нашей дивизией и всем Волховским фронтом, имеют не только тактическое, но и стратегическое значение для Ленинграда. Верховное немецкое командование создало мощную группировку в составе более десяти пехотных дивизий, усиленных авиацией и танковыми соединениями, которые полностью подготовлены к наступлению с целью отрезать город Ленина от «Дороги жизни». Командование этой операцией Гитлер возложил на фельдмаршала фон Манштейна. Поэтому противник всеми силами стремится остановить наше наступление. В данный момент главная задача полка — всемерное укрепление достигнутых рубежей, быть готовым к отражению

атак противника. Начальнику артиллерии организовать надежную противотанковую оборону. На подкрепление, товарищи, не надейтесь.

Возвращаясь от подполковника Бронникова, капитан Табунов говорил озабоченно:

— Уверен, немцы в первую очередь попытаются вернуть Тортолово. А батальон мой изрядно поредел.

— Да и мой тоже, — сказал Костюков. — Вся надежда на капитана Семашкина — в трудную минуту поможет «огурцами».

За речкой Черной мы разошлись. Точнее, я остался с капитаном Шапенко и нашими ординарцами. До НП добрались вечером.

В течение ночи мы произвели перегруппировку артиллерии прямой наводки. В Тортолово установили дополнительно два орудия, которые возглавил командир батареи Буркасов.

Командование орудиями противотанковой обороны правого фланга, как наиболее вероятного направления атак противника, я взял на себя вместе с командиром батареи Мансуровым.

Рано утром противник возобновил артиллерийский обстрел. Основной огонь он сосредоточил на северной окраине Первого Эстонского поселка и Тортолово.

Минут через пятнадцать враги пошли в атаку. Наши стрелки и артиллеристы встретили их свинцом, картечью. Падают первые ряды наступающих, на смену им встают вторые ряды, валятся вторые — появляются третьи... Накалились стволы пушек, пулеметов, а немецкие автоматчики все идут и идут.

Сержант Ляпустин посылает очередной заряд картечи в приближающихся гитлеровцев. Как подрезанные, упали автоматчики. Десять ли упало, пятнадцать — считать некогда.

Но тают ряды защитников Тортолово. Заметно слабеет их огонь. Противнику удастся достичь южной окраины деревни и закрепиться. Фашисты вклинились в стык двух полков — 450-го и 941-го — и заняли безымянную высоту у речки Черной, что очень затруднило положение соседнего полка.

Очередная ночь существенных изменений на переднем крае не принесла. Наши подразделения занимались укреплением огневых позиций, пополнением боеприпасов. Облегчения никто не ожидал. Все готовились к новым жестоким схваткам.

Пошло шестое утро с тех пор, как мы прорвали оборону противника. На этот раз немцы атаковали наши фланги мелкими группами — по двадцать-тридцать человек.

Командир полка, оценив обстановку, приказал установить два орудия на дороге Тортолово к безымянной высоте и два — справа

от Тортолово. Он считал, что это самые танкоопасные направления.

Под вечер противник стал более активен. Особенно давил на правый фланг батальона Костюкова и левый фланг 941-го полка.

Когда стемнело, на НП полка пришел старший лейтенант Костюков. Он сказал, что правый фланг его батальона держит оборону на рубеже нашей землянки. Нам следует ее оставить. Костюков займет НП у танка с лопнувшей гусеницей, который находится в трехстах метрах позади землянки.

Я вместе с Костюковым перебрался к танку. Вскоре его обстреляли немецкие автоматчики. Пули летели с фронта. Значит, перед танком нет нашей пехоты? Кем прикрыть образовавшуюся брешь?

— У меня нет больше людей, — сказал командир батальона и полез вместе с радистом в танк.

Я отправил Шайхалиева в учебный батальон с просьбой выделить десять-двенадцать бойцов для прикрытия НП полка.

Мой ординарец вернулся с сержантом и восемью красноармейцами, которые заняли оборону перед танком. Из люка высунулся старший лейтенант и сказал незнакомым стрелкам:

— Надо, товарищи, продержаться до утра.

— Постараемся! — отозвалось несколько голосов.

Было спокойно. Я с ординарцем пошел к артиллеристам. Вброд перешли речку Черную. Затем ползком забрались на безымянную высотку. Здесь стоят два орудия. Они были бы хорошим прикрытием правого фланга и танка, где сидит Костюков, но в темноте ничего не видно. Даже противник в этом направлении не освещает местность ракетами.

Оба орудийных расчета бодрствовали. Часовые ловили каждый шорох, возникающий во тьме.

— Неужели фрицы в такую ночь решаться наступать? — спрашивали меня бойцы.

— Будут или нет, а нам надо быть наготове, — ответил я.

— Это верно.

Спустившись с высоты, мы с Шайхалиевым завернули в Тортолово, не без труда нашли артиллеристов. В двух расчетах 45-миллиметровых орудий — по три-четыре человека, но настроение у всех бодрое.

В обрыве над речкой, обращенном в нашу сторону, — землянка. В ней — командир батареи Буркасов, командир взвода управления Меркин. Они сидели за самодельным столиком, ужинали. Предложили мне перекусить. С удовольствием выпил стакан чаю. Уходя, напомнил Буркасову, чтобы чаще проверял подчиненных — могут уснуть, а враг рядом.

Возвращаясь в штаб полка, мы с Шайхалиевым услышали за спиной дружную автоматно-пулеметную стрельбу. Немцы возобновили атаки. Трассирующие пули летели и с фронта, и с флангов на Тортолово. Прибавили шаг.

— Вот и Семашкин. Легок на помине, — встретил меня Шапенко. — Идем к подполковнику.

Вошли в землянку командира полка. Его радиостанция держит связь с командиром батальона Костюковым.

— Немцы вокруг танка. Дайте огонь на меня!

Бронников спешно звонит по телефону Николаенко, просит дать артналет в район танка.

Снова тревожный голос старшего лейтенанта Костюкова:

— Убавить прицел на двести метров.

Артиллеристы ведут беглый огонь.

— Прощайте, боевые друзья! — были последние слова комбата Костюкова.

Радиостанция переключается для связи с командиром батальона Табуновым. Но радист его не отвечает. Почему? Командир полка направил нас с Шапенко в Тортолово.

Идем с ординарцами, что называется, по памяти — темень непроглядная. То и дело спотыкаемся о кочки, коряги, камни. Чертыкаемся. Немецкие пули летят то с одной, то с другой стороны. Наконец добрались до безымянной высоты, откуда начали атаку 27 августа. В окопах — наши бойцы. Спрашиваем: откуда, чьи?

— Из Тортолово. Мы последними ушли оттуда.

— Где ваш командир?

— Не знаем.

Долго мы ползали вдоль продолговатой высоты, к сожалению, никого из командиров не встретили. С тем и вернулись к подполковнику. Он позвонил капитану Большакову. Просил сообщить, сколько прошло в течение дня через медпункт раненых из района Тортолово.

— 128 человек, — ответил командир санитарной роты.

Подполковник, изменившись в лице, горестно сказал:

— Такие потери! Костюков погиб... Где Табунов? Где его батарея?

Ночь перевалила на вторую половину. Мы с Шапенко вышли из землянки послушать, что делается на переднем крае. В чернильной темноте чуткое ухо уловило чьи-то шаги. Вот они ближе, ближе...

— Стой! Кто идет? — окликает часовой.

— Свои, артиллеристы, — отозвался младший лейтенант Меркин.

С ним было пять бойцов. Вот, что рассказал Меркин:

— Вскоре после моего ухода из Тортолово немцы открыли шквальный автоматнo-пулеметный огонь. Наши артиллеристы зарядили пушки, и через минуту прогремели выстрелы. Картечь охладилa пыл наступавших. Они залегли. Но в темноте многим немецким автоматчикам удалось приблизиться к нашим окопам. Поняв это, старший лейтенант Буркасов, младший лейтенант Меркин и артиллерийские расчеты стали вместе с пехотой отбивать гранатами подползшие к ним группы противника. Вскоре убили командира батареи Буркасова и трех артиллеристов, находившихся рядом с ним.

В Тортолово оставалась горстка защитников. Чтобы не оказаться в «мешке», Меркин дал команду уцелевшим артиллеристам увезти орудия. Командира батальона Табунова Меркин видел незадолго до того, как погиб старший лейтенант Буркасов.

О потере Тортолово подполковник доложил по телефону командиру дивизии. Минут пять держал Бронников трубку. Закончив разговор, он озабоченно помолчал, потом сказал нам:

— До утра надо многое сделать. По данным разведки, противник в районах Михайловского, Апраксина, Славянки сосредоточивает танки. Немедленно мобилизовать всех и быть готовыми к отражению атаки с танками. Закрепиться на безымянной высоте. Уточнить, что осталось из противотанковых средств и правильно расставить их. Орудия обеспечить боеприпасами. Доклoжить мне об этом к шести утра.

Капитан Шапенко собрал командиров в штабе полка. Я взял с собой Меркина и разведчика Смирнова. Все пошли на передний край. Любой ценой необходимо удержать высоту. Дальше отходить некуда: сзади — болото.

Проходя вдоль высоты, мы зашли к расчету Сергея Ляпустина. Он сказал, что левее его стоят два орудия 76-миллиметровой батареи. Нашли их. У одной пушки, что вышла из Тортолово, совсем нет боеприпасов.

Вскоре встретили командира противотанковой батареи Мансурова. Уточнили с ним, что на переднем крае нашего полка сейчас восемь пушек, но в некоторых расчетах осталось по два бойца.

В пять часов утра мы были у командира полка, еще больше поседевшего за ночь. Первым докладывает капитан Шапенко. Он сказал, что передний край проходит по траншее, откуда мы начали наступление. Тортолово у противника, который ведет себя пока спокойно. Капитан Табунов и его штаб не найдены. Оба батальона имеют большие потери. Командиры взводов и рот на местах. Учебный батальон занимает оборону по обе стороны дороги, ведущей в Тортолово.

— Забыл сказать, — спохватился Шапенко. — Батальон Костюкова возглавил его адъютант. Вместо Табунова предлагаю назначить старшего лейтенанта Куренкова.

Выслушав меня, командир полка сообщил, что полковник Ушинский выделил нам артбатарею. Ее следует разместить на главном танкоопасном направлении.

— День, надо полагать, будет очень тяжелым. Идите проверяйте боевую готовность, — распорядился подполковник Бронников.

Вскоре прибыла батарея под командой политрука Нериновского. Вместе с ним мы выбрали огневые позиции. Отсюда я пошел к младшему лейтенанту Меркину. Он доложил, что не осталось ни одного командира взвода.

— Отчаиваться не следует, — сказал я. — У нас командиры орудий опытные и могут самостоятельно решать любые сложные задачи. Я в этом убедился. Им можно вполне доверять. Кстати, у Мансурова тоже нет командиров взводов. Где их взять?

С направлений Славянка, Апраксин и Михайловский донесли рокот моторов.

— Слышите? Танки!

Уже светло, вот-вот покажется солнце. Когда я подошел к штабу полка, солнце поднялось выше леса. Оно обещало погожий день. Подполковник Бронников, раздетый по пояс, умывался холодной водой. Его ординарец Наумов, с полотенцем через плечо, лил на руки Бронникову воду из котелка.

— Освежись, сразу бодрее себя почувствуешь, — весело сказал мне командир полка, беря у ординарца полотенце.

Едва успел я умыться, как загремела немецкая артиллерия. Снаряды, вздымая землю и камни, рвались по всему участку нашей обороны.

Меня позвали к телефону. Взяв трубку, я услышал взволнованный голос Куренкова.

— Два десятка танков спускаются по дороге из Тортолово и разворачиваются в боевой порядок на стыке батальонов. Почему молчит артиллерия прямой наводки?

— Значит, время не пришло, — ответил я спокойно.

Через какую-то долю минуты дружно и хлестко ударили орудия прямой наводки. От штабной землянки хорошо было видно невооруженным глазом: загорелось несколько танков. Командиры батальонов доложили по радиации: немецкая пехота пошла в наступление. Татакают пулеметы, автоматы. И все чаще, заглушая их голоса, раздаются артиллерийские выстрелы.

Жаркий бой длился не более получаса. Не добившись успеха, остатки немецкой пехоты вернулись в свои траншеи. Наступило

относительное затишье. Я поспешил на передний край. Где короткими перебежками, где ползком по траншеям, разрушенным немецкой артподготовкой, пробираюсь к орудиям прямой наводки. Легкий ветерок несет в глубину нашей обороны гарь и копоть.

Младший лейтенант Меркин сидит в окопе рядом с пушкой.

— Как дела? — спросил я Якова Исааковича.

— Пока неплохие. Боеприпасы есть всякие и для всех. Люди все живы, здоровы. Думаю, фрицы не скоро очухаются...

По передней траншее я пробрался к командиру батареи Мансурову. От порохового дыма и пыли лицо Мансурова было темно-серым. Он доложил, что его батарея подбила три танка.

— Такие танки можно уничтожить. Бронебойный снаряд их насквозь прошивает. А для пехоты картечь в самый раз. Посмотрите в панораму, сколько ее полегло.

Я приник к окуляру панорамы: действительно, поле недавнего боя было усеяно убитыми гитлеровцами. А в стороне от них остывали восемь подбитых танков. И на сей раз артиллеристы прямой наводки дрались расчетливо и смело.

Политрук батареи Нериновский сообщил, что его орудия уничтожили три танка. — Они и сейчас еще чадят.

По дороге в штаб полка я попал под бомбовый удар партии «юнкеров». Я укрылся в пулеметном дзотике. Глухие разрывы, сотрясая укрытие, раздавались то слева то справа. Вдруг грохнуло так, что легкое перекрытие дзотика подняло на какую-то долю минуты и снова опустило на то же место. На меня посыпались песок, земля. В ушах зазвенело.

Когда гул моторов смолк, я, протерев глаза и отплеываясь, с трудом выбрался из укрытия. Ноги были как ватные: еле держали. Видимо, контузило взрывной волной.

Только поровнялся со штабной землянкой, как услышал тревожный голос часового: «Воздух!» Новая партия «юнкеров» пикировала на наши боевые порядки. Под грохот бомб, артиллерии и минометов противник возобновил атаки, но все они были отбиты. Враг понес значительные потери.

При отражении атак были ранены младший сержант Сиянко, разведчик Смирнов и другие. В тот же день заболел начальник штаба полка майор Иванов. Его отправили в медсанбат. За майора остался капитан Шапенко.

На следующий день пехота противника после продолжительной артподготовки и нескольких бомбовых ударов начала атаку в стык 450-го и 941-го полков. Немцам силой до батальона удалось вклиниться на участок 941-го полка. Его командир подполковник Паруликов, комиссар Ариничев и штаб окружены.

Командир полка решил вырваться из огненных «клещей». Нащупав слабое звено в цепи обороны врага, он поздней ночью повел своих товарищей на прорыв. Смяв задремавших оккупантов, советские воины сделали узкий проход. В него устремились бойцы и командиры.

При защите прохода погибли комиссар Ариничев и агитатор полка политрук Аксельрод.

Гитлеровцы наступали каждый день. И все чаще — с танками. В начале второй половины сентября командир полка сказал капитану Шапенко и мне, что только что звонил командир дивизии и предупредил — противник продолжает сосредотачиваться перед фронтом всей дивизии. К нам для усиления обороны придут подразделения из других соединений. Полку придадут четыре бронемшины, девять танков: шесть БТ и три КВ. Кроме этого, прибывает рота противотанковых ружей. Должны привезти восемь бронеколпаков.

Начальнику штаба взять из комендантского взвода группу связистов, разведчиков, которые помогут танковым экипажам провести инженерные работы.

Как и в прошлую ночь, не пришлось мне и часа вздремнуть — вместе с подчиненными укреплял противотанковую оборону. Часа через два я увидел на гребне вышки КВ. Метрах в ста от него — броневик. Он хорошо окопан и замаскирован. Рядом с ним сидят несколько бойцов в комбинезонах и шлемофонах.

— Кто из экипажа КВ?

— Мы, товарищ капитан, — встали двое.

— Почему оставили танк на вышке?

Ответили, что сели аккумуляторы. Я приказал отбуксировать его за скат другим танком.

Рано утром прибыл стрелковый батальон и сразу же занял участок на переднем крае.

— Смотрите, товарищ капитан, «горбыль» прилетел, — сказал мне Шайхалиев, указывая пальцем в небо.

В самом деле, над нашими окопами повис немецкий самолет-разведчик, прозванный «горбылем». Сколько ни стреляли по нему — бесполезно. Словно заговоренный. Покружил «горбыль» над траншеей, окопами, землянками и улетел. Теперь жди бомбежки или артиллерийского обстрела.

Возвращаясь в штаб полка, я подобрал по дороге несколько листовок, сброшенных с самолета. Очередная гитлеровская листовка была доставлена точно по адресу: солдатам и командирам 265-й дивизии. В листовке говорилось, что наша дивизия почти разбита. Нам предлагалось сдаваться в плен.

Когда я вошел в землянку, мои товарищи над чем-то громко смеялись.

— Семашкин, не желаешь на курорт? — спросил Шапенко.

— К Манштейну что ли?

В землянку быстро вошел подполковник Бронников с листовкой в руке и, вскинув густые брови, сказал:

— Ишь, подлецы, что пишут. Наша дивизия разбита. Она этому фон Манштейну еще покажет кузькину мать!

Землянка неожиданно сильно вздрогнула: «юнкеры» пикировали на наши огневые позиции, штабные землянки. И бойцы, и командиры укрылись в земляных щелях. Но все же были убитые и раненые.

Прикрываясь кустарником, за речкой Черной появились пять немецких танков. Началась переправа пехоты противника через речку и болото. Мы знали: танки противника не преодолеют эту водную преграду, как не преодолели ее наши танки.

От штаба полка, с выходом на высоту, хорошо наблюдается весь правый фланг и далее вправо — оборона соседнего полка. Только кое-где безымянные высотки закрывают наблюдение. На НП полка — подполковник Бронников, капитан Шапенко и я. Подполковник смотрит в стереотрубу и баском рокошет:

— Как нахально идет фашист... Не ложится. Наш огонь слабват. Капитан Семашкин, почему молчит артиллерия?

— За ней следят танки противника. Откроет себя преждевременно — будет уничтожена. Пусть немецкая пехота подойдет поближе.

— Эх, наша пехота! Пулеметного огня маловато, — нервничает Бронников у стереотрубы.

Между тем из-за кустов показались танки. Один открыл стрельбу.

Орудие первой батареи артполка не выдержало — ударило по немецкому танку. Вслед за этим орудием дали о себе знать «сорокапятка» Мансурова и несколько противотанковых ружей. Подбитый танк зачадил.

«Юнкеры» продолжают бомбить нас и обстреливать из пулеметов. Снова из укрытий выползли танки с крестами, беря на прицел наши огневые точки. После нескольких выстрелов им удалось разбить «сорокапятку». Люди, обслуживавшие ее, не пострадали. Пехота противника, несмотря на потери, упрямо рвется к нашим окопам. Усиливается ее автоматный огонь. В это время над нами появилась новая волна «юнкеров»: вой моторов, оглушительные разрывы бомб. И вдруг — не верится глазам! Из передней траншеи вышли человек семь-восемь красноармейцев и, подняв руки, направились к немцам.

— В плен сдаются. Уничтожить изменников! — произнес, задыхаясь от негодования, подполковник Бронников.

Сержант Полушкин, будто услышав слова командира полка, выстрелил в спины предателей картечью.

— Молодцы артиллеристы! Кто командир орудия?

Я сказал.

— Весь расчет представить к награде.

Подполковник закурил. С его строгого лица постепенно исчезала бледность.

Активно действует против танков, укрощая их пыл, батарея политрука Нериновского. Она уже подбила три бронированных машины. Немецкий танк, замаскированный на опушке леса, засек пушку этой батареи и со второго выстрела уничтожил ее. Орудийный расчет укрыться не успел. Убило политрука Нериновского и трех бойцов ранило.

Дуэль наших батарей и противотанковых ружей с танками, которые то высовываются из-за кустов, то снова пятятся назад, продолжается. Несут потери обе стороны. Пехота противника уменьшила активность. Очевидно, устала. Вечером передний край затих.

С рассветом немцы опять пошли в наступление. Но и на этот раз атака их захлебнулась.

С рубежа штаба 450-го полка под огнем врага начал разворачиваться в боевой порядок стрелковый полк другой дивизии. Вместе со стрелками занимали огневые позиции противотанковые орудия. Происходило это на открытой местности на глазах противника. В этом районе стали чаще рваться снаряды и мины.

Наши орудия прямой наводки тоже ведут прицельную стрельбу. Над полем боя висят порохово-тротильный дым и запах остывающей крови.

Примерно через час огонь противника стал слабее. Видимо, боеприпасов у немцев осталось немного, и они берегли их для отражения контратак. Но мы контратаковать не собирались.

Вечером я встретил на передовой товарища по артучилищу Тарасова. Он тоже в звании капитана, возглавляет противотанковый дивизион, прибывший сегодня утром. Мы коротко поговорили. Вспомнили Пензу, училище, командира отделения лейтенанта Чертова, которого мы ценили за обширные знания и высокую культуру.

Поздним вечером немцы оживились — открыли ружейную стрельбу. Пули достигали землянки штаба полка. Подполковник Бронников приказал капитану Шапенко со всеми штабными подразделениями занять оборону перед землянками и по высоте вдоль болота. Всем вооружиться автоматами, противотанковыми и противопехотными гранатами.

Однако ночь прошла спокойно, таким был и день. Враг, как видно, выдохся, прекратив наступление.

В конце сентября подразделения 450-го полка окончательно закрепились на рубеже, откуда начали наступать 27 августа.

Бывший командир 265-й стрелковой дивизии полковник Б. Н. Ушинский в памятном письме от 28 января 1973 года так сказал о нашей наступательной операции, именуемой Синявинской: «В минувшей войне бывали бои и даже сражения, после которых не гремели орудийные салюты и не сверкали разноцветными огнями фейерверки, но по своей значимости они равноценны взятию больших городов. К числу таких сражений можно отнести Синявинскую наступательную операцию 1942 года. Она сорвала готовящийся штурм Ленинграда».





*Т. А. САМОХВАЛОВА (ПЕТРОВА),
старшина м/с в отставке,
бывш. санинструктор
учебного батальона 265-й сд*

*Это было под Тортоловом **

После ранения в сентябре 1941 года я лечилась в ленинградском госпитале, а 25-го января сорок второго была направлена в 36-й батальон выздоравливающих и дважды сопровождала маршевые роты через Дорогу жизни.

Зима была очень суровой, морозы достигали до -30° . Я была в шинели, сапоги прострелены осколками, приходилось часто останавливаться и вытряхивать из них снег. Проход был с обеих сторон отмечен ветками. Над головами беспрестанно гудели немецкие самолеты, часто бомбили, а порой спускались и обстреливали колонны из пулеметов.

Машины шли с грузами на Ленинград, обратно — с эвакуируемыми. Помню множество случаев, когда груженные машины попадали под бомбежку. Останавливались, выбрасывали мешки и коробки на лед. Люди из наших колонн пытались помогать, но машины медленно погружались под лед. Это было тяжелое зрелище. Солдаты мокрые, шинели тут же схватывало морозом. Люди принимались бежать, чтобы не замерзнуть.

В третий раз меня, к радости, оставили с ротой в учебном батальоне.

Комбатом у нас был ст. лейтенант Петр Тимофеевич Ершов — кадровый офицер из 106-го погранотряда, смелый и решительный человек, внимательный к подчиненным. Его заместителем по

* Записано составителем.

строевой части был Александр Харитонович Rogozin — ленинградец, работник промышленного отдела облисполкома, умница, с ровным и добрым характером. Учебной частью заведовал Зиновий Моисеевич Гершов — спокойный и культурный офицер. Парторгом был Захар Яковлевич Гатушкин, также ленинградец.

Когда не было больших боев, все поступавшее пополнение проходило через учбат. Роты подразделялись на стрелковые, пулеметные, минометные, снайперские. Занятия были очень напряженными, изнуляли бойцов. Некоторые приходили ко мне и просили освобождение на сутки, чтобы выспаться. Я тайком освобождала — говорила, что тот или иной солдат болен. Комбат на это отвечал: — Ты их не балуй! Не будут знать оружия, не иметь сноровки — пропадут в бою. Поняла? Я понимала, но жалела ребят.

После учебы бойцов распределяли по полкам. В период боевых действий батальон, за исключением хозяйственной части, отправлялся на передовую. Обратного возвращения не все. С каждым днем менялись не только солдаты, но и офицеры.

Волховский фронт был очень сложным. Местность болотистая, безлесная. Зимой земля промерзала — не вскопать. С трудом выстроенные землянки весной затоплялись водой. Отоплялись кое-где буржуйками, а больше — восковыми спиртовыми банками, на них и воду кипятили.

В конце августа 42-го года батальон в составе 265-й дивизии вел бои за освобождение Тортолова. Здесь ранило в бедро комбата Ершова — можно сказать, оторвало ногу. Я наложила жгут, шину и сопровождала его в медсанбат, так как он был тяжелым, потерял много крови, хотя сознания и не терял. Дорогой Петр Тимофеевич сетовал на неудачное проведение боя, успокаивал меня: — Не волнуйся, Татьяна, я выживу, только не дай отрезать ногу!

Комбат выжил, но ногу ему сохранить не удалось. На его место назначили Михаила Васильевича Костюкова — волевого, строгого и требовательного кадрового командира из 106-го погранотряда. Наша дивизия освободила Тортолово. Три роты учбата стояли на переднем крае, тылы — в двух километрах от передовой, у д. Пуштошка. Новый комбат вместе с комиссаром Василием Егоровичем Кудрявцевым (оба ленинградцы) каждый день уходили на передний край. Меня старались с собой не брать, но я всегда улавливала момент и шла за ними.

Так случилось и 10 сентября, когда Костюков с Кудрявцевым отправились на передовую напрямик через болото. День стоял солнечный. Идти по болоту было трудно — ноги по колени утопали во мху, но сухо. Я шла за ними метрах в 70, санитарная сумка

сползала с плеча и мешала идти. Внезапно послышался гул самолетов. По инерции я продолжала идти. Костюков смотрел на небо, Кудрявцев побежал вперед, прыгая по кочкам. Бомбы падали в болото, ревели, тонули, выли, земля стонала от взрывов. Костюков оглянулся, увидел меня, схватил за шиворот и толкнул на землю, и сам упал рядом. У меня было какое-то шоковое состояние, но помню, что подумалось: только бы не прямое попадание!

Через некоторое время все стихло. Я поднимаюсь, слышу свое имя: — Татьяна, ты жива?

Я увидела грязного, в налипшем мху, комбата без головного убора и невольно рассмеялась: вид у Михаила Васильевича был не боевой. А он говорит: — Ну, раз смеешься — значит, все в порядке. А где наш комиссар? Я показала рукой на идущего впереди Кудрявцева, тоже грязного и без головного убора.

Не успели мы привести себя в порядок, как послышался вой дальнобойных снарядов. Костюков сказал: — Началось... Засекли КП. Пошли обратно — там мы нужнее!

Подобрав санитарную сумку, я пошла за ними. Все ясно: после бомбежки немцы устроили артналет на КП батальона. Попадание было точным. Командный пункт и хозчасть, которую мы только что оставили, были разрушены. Валялись бревна землянки, пятнадцать наших товарищей лежали мертвые. Раненых уже увезли. Подумалось: я бы тоже не уцелела, если б не ушла...

Вытаскивая трупы из землянки, комбат с комиссаром укладывали их в ряд. Из котла струей лился суп — ужин. До сих пор помню лица погибших. Показалось, что Толя Цветков, связной, еще жив. Я подбежала к нему, хотела приподнять — тело захрустело от множественных переломов.

— Не тронь ребят, Татьяна, — сказал комбат. — Их не вернешь...

Мы стояли, испачканные кровью убитых, подавленные горем. Я едва сдерживала слезы.

— Поплачь, Татьяна, — сухо проговорил Костюков. — Легче будет...

Я собрала документы из карманов ребят, передала комиссару. Записала их имена, но список, к сожалению, не сохранился: сгорел в землянке в Польше вместе с гимнастеркой.

Комбат сидел на пне, закрыв руками лицо. Комиссар написал донесение и велел мне отнести его на КП дивизии. А сам взял две лопаты, одну подал комбату. Вдвоем, молча, они пошли копать могилу.

— Вот так, комиссар, остались мы с тобой без единого солдата, — проговорил Костюков.

И вдруг — о, радость! Видим, что ординарец и связной бегут к нам, целые и невредимые. У Костюкова от неожиданности лопата упала в яму. Он схватил ординарца в объятия, повторяя: — Жив! Жив!

Предав земле погибших, мы вчетвером вновь отправились через болото на передний край. Дорогой Михаил Васильевич спросил: — Татьяна, а ты помнишь, сколько было самолетов?

Я отвечаю: — Двадцать семь...

— Значит, 71 бомба, и не одна не взорвалась, — удивился Костюков. — Вот что значит болото... А ты, комиссар, здорово бегаешь — считай стометровку сдал на «отлично». Орден обеспечен!

— Хватит, комбат, шутить, — откликнулся Кудрявцев. — Сегодня я иду в батальон как на каторгу...

— Ну-ну, не хандри, еще поживем...

Дальше шли молча. Дошли до роты Полякова — храброго, волевого командира. Проверив все подразделения, детально изучив позиции, комбат приказал командиру пулеметного взвода занять левый фланг и — ни шагу без его команды. — Смотри, не обнаружь себя, будь осторожен и предупреди солдат.

Мне Михаил Васильевич дальше идти не разрешил. Поздняков отвел меня к дзоту, откуда можно наблюдать за ходом боя и принимать раненых.

Ночью немцы атаковали наши позиции и вновь захватили Тортолово. Было много убитых и раненых.

В ночь на 16 сентября в штаб батальона пришел ст. лейтенант Середа. Они с Михаилом Васильевичем хорошо знали друг друга по 6-му погранотряду. Середа передал Костюкову приказ комдива В. Н. Ушинского о переводе его командиром 2-го батальона 450-го полка, где убило комбата. Все были в шоке: накануне наступления — смена командира?

С 17 сентября нашим комбатом стал ст. лейтенант Середа — коренастый волевой человек, а Михаил Васильевич ушел во 2-й батальон 450-го сп. Прощаясь с нами, он сказал Середе:

— Береги Татьянку, не отпускай ее от себя. Она, санинструктор и снайпер, будет тебе верным помощником.

Начались бои по возвращению Тортолова. М. В. Костюков находился недалеко, на левом фланге наступавших подразделений, но я его больше не видела. Шли безуспешные бои с большими потерями. В один из обстрелов я выбежала из траншеи на зов раненого. Перевязала его и потащила в укрытие, но не доползла — ранило в бедро. Горячая кровь полилась по ногам. Обстрел продолжался, нельзя было поднять головы.

Неожиданно передо мной оказался комбат Середа. Перевязал меня и говорит:

— Видишь воронку? Броском в нее! Можешь — не можешь, но другого выхода нет. Прижмись к земле и жди меня.

Не знаю как, но я бросилась в воронку. Пола шинели зацепилась за бруствер, в ней потом насчитали 32 пули. В воронке я пролежала дотемна. Пришел Середа, еще раз перевязал и перенес в штаб 450-го полка.

Стрельба не прекращалась ни на минуту. Из разговоров в штабе я поняла, что скоро начнется атака. Середа ушел на передний край. Вскоре от Костюкова пришел ст. лейтенант Суханов узнать о моем состоянии. Он передал привет от Михаила Васильевича и сказал, что события разворачиваются не в нашу пользу. Уходя, он поцеловал меня в щеку и попросил начштаба Белозуба:

— Капитан, сделай для этой девушки все, как для меня!

К утру меня доставили в 324-й медсанбат. О себе распространяться не буду, расскажу о главном. 24 сентября в медсанбат привезли комиссара Кудрявцева. Он был тяжело ранен, но успел сказать мне, что положение на фронте ненадежное:

— Костюков выкручивается как может, но не знаю, долго ли продержится.

Бои шли большие. На участке 450-го полка атаки и контратаки сменяли друг друга. 2-й батальон под командованием Костюкова прикрывал полк. Как мне рассказывали, Михаил Васильевич постоянно обходил роты и взводы, разъяснял бойцам обстановку, просил беречь себя, зря не высовываться.

27-го выдался особенно тяжелый день. После артналета немцы снова пошли в атаку. Наша оборона была прорвана. Горели танки, рвались снаряды, удушливый дым заволакивал поле боя. В какой-то момент немцы остановились — выносили убитых. Костюков послал в штаб связного с донесением, что продержится, но тут немцы снова пошли в атаку и окружили группу смельчаков, упорно удерживавших свои позиции. Костюков дал команду на отход, а сам с двумя радистами — сержантом Евгением Сидоренко и мл. сержантом Павлом Александровым укрылся в подбитом танке. По радиации Михаил Васильевич передавал сведения о расположении немцев. В эфир летели слова:

— Я — Костюков, я — Костюков. Прошу убавить прицел на 200 метров... На 150... на 100 метров...

Я узнала, что Костюкова слушают в палатке начсандива и попросила перенести меня туда. Меня на носилках перенесли. В палатке стояла абсолютная тишина. И вдруг послышался голос Михаила Васильевича:

— Немцы рядом, окружают... Дайте огонь на меня! Немцы в 10 метрах, огонь на меня! Молодцы, ближе... Ближе, черт побери! — секундная пауза и — последние слова:

— Товарищи, прощайте! Рацию уничтожаю, сам погибаю. Прощайте!

Послышался взрыв. Я зарыдала, потрясенная этой страшной трагедией.

Вся дивизия скорбела о гибели героев. Об их подвиге писали в газете. Комдив Б. Н. Ушинский послал в Москву представление о присвоении М. В. Костюкову звания Героя Советского Союза, но оно не было утверждено из-за того, что подвиг совершен на территории, занятой врагом.

Закончилась война. Выжившие ветераны стали собираться на встречи, бывать в школах, рассказывая о подвигах однополчан. В 1975 году на уроке мужества в 184-й ленинградской школе я рассказала о М. В. Костюкове и радистах 450-го полка, назвала имя его жены — Катюша. И ребята-следопыты отыскиали ее! Оказалось, что Екатерина Ивановна Костюкова живет в Ленинграде. Она пришла в школу, принесла фотографию Михаила Васильевича — маленького сгорбленного человека на костылях и рассказала, что тогда, в танке, он не погиб. Немцы, захватив танк, вытащили Костюкова и радистов из танка, положили на обочину дороги и провели строем своих солдат со словами:

— Смотрите, как умеют погибать русские!

Укладывая героев на носилки, немцы обнаружили, что двое из троих живы и отправили их в санчасть. У Михаила Васильевича были множественные переломы, поврежден позвоночник, и он навсегда остался инвалидом. После войны, как все военнопленные, находился в опале. Очень переживал, писал в разные инстанции, безуспешно искал однополчан. В 1953-м был реабилитирован: помогло сохранившееся в архиве представление комдива Ушинского к званию Героя. Но радость была недолгой: в 1954 году Михаил Васильевич Костюков скончался.

*А. А. ШАБАЛИН, 1922 г. р.
в 1942 г. — лейтенант,
командир взвода 941 сп 265 сд*

*Мое участие в Синявинской операции 1942 года **

Война застала меня курсантом Львовского пехотного училища, эвакуированного в г. Киров.

Начались занятия с уставов, затем стрелковое дело, Боевой устав пехоты. Дальше автобронетанковое дело — изучали «танки и обороне», «танки в наступлении». Т-34 были, нам пригоняли их на территорию училища, рассказывали. Но только общее понятие, поскольку мы не танкисты, а стрелки. Боевое построение танков — тоже общее представление.

Лыжной подготовке очень большое внимание было уделено. Тревоги ночные были, вылазки на дальнее расстояние на лыжах. Физическая подготовка. Изучение материальной части оружия: пулемета «Максим», «Дегтярева», винтовки СВТ, гранат противотанковых, пехотных. Срок у нас был двухгодичный, а мы год учились — в мае 41-го начали, в мае 42-го закончили. А после нас уже были шестимесячные курсы подготовки младших лейтенантов. Нас выпустили в звании лейтенантов, но предусмотренная программа была полностью закончена, поскольку мы занимались по 12 часов в сутки.

1 мая мы участвовали в празднике на площади в Кирове. 2 мая зачитали приказ о присвоении званий и распределили кого куда. Экзамены сдавали. У кого был общий балл «4» и выше, звание лейтенанта присваивали, а пониже — младший лейтенант. Я получил звание лейтенанта. В тот же день нам выдали денежное содержание по должности командиров взводов. Мы расписались в получении и тут же на полную сумму подписались на заем в фонд обороны. (...)

Я попал на Волховский фронт 10 мая 42-го года в 8 армию, 265 стрелковую дивизию, 941 стрелковый полк командиром стрелкового взвода. Когда подъезжали к фронту, мы выбегали из вагонов, видели раскиданное немецкое трофейное вооружение. Выходили посмотреть, потрогать руками — это первое впечатление. Потом уже, когда добрались, нас высадили на станции Жихарево. На ней ничего

* Интернет-сайт «Военная литература» (militera.lib.ru). Воспоминания. Пехотинцы. Интервью А. Бровцина (печатается с сокращениями).

не было, станция располагалась в землянках. Пошли к военному коменданту — нас там покормили, утром дали сопровождающего и направили в штаб 8 армии, оттуда с сопровождающим до штаба 265 сд и дальше, до полка и батальона.

В полку меня встретили в крестьянской бане. Там располагался начальник штаба. Он на скорую руку ознакомился с личным делом и с сопровождающим направил сразу же в батальон. Взводу меня представил командир роты, командира взвода не было, за него — старший сержант Морозов, уроженец Новгородской области. Он был кадровым военным, мне в этом отношении очень повезло.

Наступления как такового не было, а только держали оборону. Были вылазки наступательные, а немцы в ответ контратаковали, и все происходило с переменным успехом. Борьба была за улучшение боевых позиций. А позднее, в августе 42-го, стали готовиться к прорыву блокады Ленинграда. Это была Синявинская наступательная операция.

Операция была как-то слабо подготовлена: танки в болотистой местности не могли дать нужного результата. Авиация у нас тогда была малочисленная, вооружения мало, особенно боеприпасов. Например, на ротный миномет давали 6 мин в сутки. Пулеметы «максим» были не у нас, а в специальных пулеметных ротах. В стрелковых подразделениях имелся пулемет Дегтярева. В его диск надо было 71 патрон зарядить. Случались и перекосы при автоматической стрельбе. Не так часто, но были такие случаи. Это автоматическое оружие в основном выручало. 2-й номер заряжает, первый готовый диск вставляет. Были к нему большие диски и малые.

В батальоне была всего одна рота автоматчиков, автоматов мало. Бойцы пользовались винтовками, командиры — карабинами. У меня были карабин и личное оружие — пистолет ТТ. На отделение была одна винтовка СВТ. В моем взводе в каждом отделении была такая, там 10 патронов закладывается в магазин. Были задержки, если в нее попадет песок. Потом их заменили, в 43-м году их уже не было. Она хуже мосинской, ненадежная. В условиях фронта — земля, песок, снег, вода — все это влияло на скорострельность.

Оборону фашисты готовили очень тщательно. Они настроены были здесь надолго остаться, загоняли наше население на строительство укреплений. Хотели уморить Ленинград голодом, поэтому особой активности не проявляли. Наступали для уничтожения Ладожской линии, по которой эвакуировали население и в какой-то мере подвозили продовольствие, боеприпасы. Когда в 42-м году они отмечали годовщину успехов на Восточном фронте,

22 июня разбрасывали с агитсамолетов листовки. Эти листовки приходилось в руках держать, там было обращение Гитлера к своим войскам: «Мы имеем большие успехи на Восточном фронте, наша задача окружить Ленинград вторым кольцом, захватить город, провести парад на Дворцовой площади. Затем стереть его с лица земли, Кронштадт затопить водой и таким образом покончить с колыбелью революции». Летит самолет, выстрел и целый снегопад этих листовок.

Когда мы занимали поселок Эстонский, то мне, как командиру взвода, была поставлена задача. С одной стороны поселка был овраг; я со взводом должен был по нему пройти с западной стороны для того, чтобы при атаке оттуда подняться и с фланга обеспечить наступление. Когда мы туда выдвигались, команду голосом нельзя было подавать, чтобы пройти скрытно. Мне пришлось вести за собой взвод и команды подавать рукой: подтягиваться, не отставать. Вдруг несколько выстрелов, мою каску задело, звон. Карабин был у меня на плече, пуля второго выстрела ударилась в его ствол и оплавилась. Брызгами расплавленного металла шею обожгло.

А у меня был связной, башкир по национальности, занимался охотничьим промыслом дома. Он мне говорит негромко:

— Товарищ командир, снайпер! Я его сейчас на мушку, — и в глубину оврага укатился.

Как он его заметил, я не знаю, но со второго выстрела снял. Снайпер был на дереве, замаскировался. Снайпер с дерева как мешок соскользнул.

Наш полк занял поселок Эстонский Первый (в тексте «№ 2» — ошибка автора. — *сост.*), мы на 5 км вклинились в глубь обороны немцев и попали в кольцо. (...)

Со стороны Ленинградского фронта не могли пробиться нам навстречу. Соседние части не могли продвинуться, перешли к активной обороне. (...) 3 дня наш полк находился в окружении.

Меня ранило в ягодицу, обе ноги не работали. Тяжелое ранение это было, а про первое ранение я пропустил. Еще когда мы вылазки делали, меня ранило в левое бедро. В полевом госпитале рана быстро заросла — и на передовую. Первое ранение легкое, а второе тяжелое. Я с ним 9 месяцев по госпиталям ездил: Войбокало, Волховстрой, Сясьстрой, затем Рыбинск, Ярославль. Довезли нас до Кирова в санитарном поезде, где простояли трое суток. Госпитали переполнены, готовили другие помещения для приема раненых. Я был не в состоянии двигаться, лежал на спине — в моем поле зрения только потолок вагона. Видимо, я заснул, когда наш поезд привезли в Слободской. Разместили в госпитале в бывшей школе. Я 3 месяца там лечился — у меня была операция сложная

по удалению 2 осколков. Ранение было слепое, проникающее в левом паху. Выписался 8 сентября 43 года. Поскольку я был офицер, меня прямо из госпиталя отправили в распоряжение облвоенкомата.

Оттуда направили на оперативно-чекистские курсы при Управлении НКВД. Нас набрали таких 25 человек, после фронта. Пока мы там учились, нас лечили в санчасти — у кого что болело.



А. Г. ГОЛУБИЦКИЙ,
*капитан в отставке, бывш. начальник штаба
26-го отдельного саперного батальона 11-й сд*

Подо Мгою осенью сорок второго года *

В начале августа наша 11-я дивизия передислоцировалась в район Русановка—Тортолово—Марково, что примерно в 12 километрах восточнее Мги. Мы, саперы, начали изучение системы инженерных заграждений и огневых средств противника на рубеже Мишкино—Тортолово. Наблюдением, вылазками отдельных разведгрупп, саперами было установлено, что передний край противника проходит по гряде высоток, на которых отрыты траншеи полного профиля с ходами сообщения, оборудованы доты и дзоты, укрытия для техники. Перед передним краем имеются минные поля, проволочные заграждения. Противник имеет здесь узлы обороны.

Мы оборудовали КП и НП командиру дивизии и его штабу в 1–1,5 километрах западнее реки Назия. Командир нашего батальона капитан Андрей Сергеевич Лобовиков и его заместитель по политчасти старший политрук Михаил Федорович Николаев большое внимание уделяли политической, боевой, моральной подготовке личного состава. Особой заботы требовало новое пополнение, которое было слабо подготовлено. Многие на фронт попали впервые. Новичков тревожила мысль, как они пойдут в первый бой. Что он им преподнесет? Удастся ли уцелеть? При таких обстоятельствах надо было дойти до сердца каждого, знать его думы, воодушевить на честное выполнение предстоящих задач. Обращалось внимание на то, что к лету 1942 года Ленинград был измучен и обескровлен блокадой. Хотя кривая голодной смерти пошла на убыль, но гибель людей от дистрофии была рядовым событием. Для улучшения положения горожан и увеличения промышленного производства, обеспечивающего фронт, нужно прорвать блокаду. Об этом постоянно шла речь в беседах с бойцами и командирами.

Из данных разведки и показаний захваченных пленных следовало, что немецкое командование готовится к новому наступлению на Ленинград.

Советское командование решило упредить наступление немецко-фашистских войск, начать наступательные действия раньше

* Доклад на военно-исторической конференции во Мге 1.10.1982 г.

немцев. С востока на Мгу—Синявино готовились наступать 8-я армия и 2-я ударная, с запада, со стороны Ленинграда — 55-я армия с задачей ликвидировать синявинско-мгинскую группировку противника и прорвать блокаду Ленинграда. Шла подготовка к этим боям.

Наступать нашей 11-й дивизии предстояло вдоль железной дороги в направлении Тортолово—Мишкино. Как всегда перед наступлением, мы, саперы, начали готовить проходы в заграждениях противника. Я с группой опытных минеров прибыл в траншею пехоты. Изучали обстановку. Вот сержанты Иван Фролов и Федор Голубев перевалили через бруствер траншеи, за ними остальные саперы. Стоп! Очередная вражеская ракета. Ох, уж эти ракеты! Описывая разнообразные кривые, они опускаются в небо и падают огневой россыпью. У каждой ракеты свой рисунок. Когда ракета над нами, ее яркий свет делает окружающий ландшафт зловеще-мертвым. Ракета летит вниз, и у деревьев, кустов быстро растут тени, которые в последние секунды жизни ракеты достигают гигантских размеров, принимая причудливые формы. Это было бы забавно, если бы в нескольких десятках метрах от тебя не находился враг, который может тебя обнаружить, уничтожить огнем «шмайсера» или пулемета. Саперу же в такой обстановке надо подползти и разрезать колючую проволоку, установить указатели... Вот ракета погасла, саперы ползут вперед, преодолевая страх, соблюдая исключительную осторожность и выдержку. Струйки пота катятся по лицу, спине. В минном поле проходы сделаны. Ползем дальше. Лязг ножниц, куски колючей проволоки летят в стороны. Далее саперы выработанным профессиональным чутьем определили, что дальше мин нет. Группа возвращается в наши траншеи. Ваня Фролов докладывает мне о выполнении задания. Потерь нет!

Бои начались 27 августа. Каждый перекресток, железнодорожная насыпь, каждая высотка превращены врагом в опорные пункты, связанные между собой. На эту землю обрушился огневой вал артиллерии. Еще дымятся развороченные снарядами фашистские дзоты и блиндажи, а 163-й и 219-й стрелковые полки дивизии начали атаку. Преодолевая сопротивление противника, они вклинились в его оборону. На второй день вступил в бой 320-й полк, занял вражеские траншеи южнее Тортолова. В боях принимают участие авиация, танки. Условия для ведения боя у наших войск были тяжелые, местность неблагоприятной: низкие заболоченные места, поросшие мелким лесом и кустарником. Технику приходилось перетаскивать буквально на руках. Доставлять боеприпасы на огневые позиции очень трудно. Возможность маневрирования

техники исключена. Нашим саперам приходилось работать круглосуточно для обеспечения боевых действий пехоты, артиллерии и танков. Несмотря на трудности, наши войска продвигались вперед.

Немецкое командование было вынуждено вводить в бой свежие силы, стремясь любой ценой удержать занимаемые позиции, остановить продвижение советских войск. Ожесточенная борьба шла за каждую траншею, за каждый блиндаж, за каждый метр земли. Некоторые участки переходили из рук в руки. Дело доходило до рукопашных схваток.

Группа саперов под командованием сержанта Стрельцова сопровождала в бой артиллерию. К вечеру, когда накал боя стих, я встретился с этой группой в отбитых у немцев траншеях. Кругом следы жаркого боя: валяются вражеские каски, развороченные ящики от патронов и мин, минометы, окоченевшие трупы гитлеровцев. Здесь, на мгинской земле, они нашли себе могилу. Бойцы обмениваются впечатлениями, рассматривают захваченные трофеи. Сапер-разведчик Пташкин с гордостью показывает захваченный немецкий автомат. Передает потрепанные, с загнутыми углами книжки зеленовато-серого цвета — «зольдбух», основной документ немецкого солдата. На обложке изображен орел, широко распростерший крылья и держащий в когтях ненавистную свастику. По этим документам мы определили, что в боях участвовали: 170-я пехотная дивизия, прибывшая из-под Севастополя, 12-я танковая, переброшенная сюда с другого участка Ленинградского фронта. Потом были захвачены пленные 31-го полка 24-й пехотной дивизии. Пленные показали, что они прибыли сюда из Крыма для штурма Ленинграда и были брошены в бой в срочном порядке, чтобы остановить русских.

Противник вводил все новые резервы, контратаковал. Советские воины показывали образцы мужества и героизма. Младший политрук Любимов и красноармеец Акименко, преодолев две линии проволочных ограждений, подползли к блиндажу, из которого велся огонь. Отважные воины забросали блиндаж гранатами, потом ворвались в него. Застигнутые врасплох немцы подняли руки. Унтер-офицер, ефрейтор и солдат сдались в плен.

Красноармеец-связист Е. Семенов исправлял поврежденную телефонную линию. Передвигался где ползком, где перебежками. Застрочил немецкий автомат, связиста ранило в ногу. Семенов скатился в яму, огляделся. Недалеко сидел немецкий солдат. Семенов снял каску, положил ее на бугорок, а сам отполз в сторону, наблюдая за фрицем. Последний дал по каске две очереди, но она оставалась на месте. Тогда немец направился к каске, думая, что русский убит. Связист прицелился и первой же пулей покончил

с фашистом. Забрал его автомат, документы. После чего, несмотря на ранение, исправил поврежденный телефонный провод. Связь с командным пунктом батальона была восстановлена.

Я с командирами взводов и рот, расположившись на сколоченных из кругляков скамейках, проводил разбор выполненных за день заданий. Связной комбата подбежал к нам и сообщил, что меня вызывает начальник штаба дивизии. Прервав беседу, я побежал на КП дивизии. Подполковник сидел за картой, по которой указал мне место установки противотанкового минного поля и укрытия засад минеров.

Вскоре на автомашине к указанному месту прибыл ПОЗ (подвижной отряд заграждения) — группа саперов с минами. Возглавлял ПОЗ командир взвода лейтенант Федоров. У него был особый счет к фашистам: его семья находилась в блокадном Ленинграде, перенесла страшные муки блокадной зимы.

Саперы перетащили мины в вещмешках к переднему краю. Федоров согласовал действия своего отряда с командиром пехотного подразделения. Вот минеры, пренебрегая опасностью, под обстрелом врага, выползли на нейтральную зону, быстро установили противотанковые мины, замаскировали их. Группой и на этот раз руководит опытнейший минер, бесстрашный и хладнокровный Иван Фролов. После установки минного поля саперы соорудили укрытие на переднем крае, устроили в нем засаду с задачей: забросать связками взрывчатки вражеские танки при их прорыве. Фролов уточнил задачу каждому, особенно новичкам. Саперы сидят, ждут.

С наступлением рассвета, как и ожидалось, танки с черными крестами на бортах, а за ними пехота, пошли на позиции 320-го стрелкового полка. Танки, зловеще гремя траками, словно черные глыбы, ползут к нашим окопам, извергая на ходу огонь из пушек и пулеметов. Саперы притаились в укрытии, приготовили взрывчатку, спички для поджога бикфордова шнура. Не пережившим такие минуты нелегко себе представить состояние подрывников, когда в нескольких десятках шагов на них ползут танки. Нервное напряжение достигает крайней точки. Ребята то и дело непроизвольно покашливают. Взрыв... Часть гусеницы переднего танка взлетает на воздух. Взрыв под вторым танком. Он разворачивается на месте и замирает. Теперь артиллеристам сподручнее устанавливать прицелы. Они подожгли еще один танк, накрыли пехоту своим огнем. Вражеская атака захлебнулась.

Пять вражеских танков обошли с фланга 2-ю батарею 72-го артиллерийского полка нашей дивизии. Командир батареи старший лейтенант Ипатов не оставил своего НП, он продолжал командо-

вать, корректировать огонь по танкам и живой силе врага. Один танк подбит, два сожжены, остальные повернули обратно. Прошло некоторое время. Немцы атакуют вновь. На этот раз им удалось окружить наблюдательный пункт мужественного артиллериста Ипатова. Он вызывает огонь на себя и гибнет смертью храбрых.

Активно применялась в этих боях авиация обеих сторон. Запомнилось, как наши штурмовики звено за звеном на бреющем полете стремительно атакуют противника: бомбят, обстреливают из пушек и пулеметов. На самолеты обрушиваются «мессершмитты». Появляются наши истребители. Завязывается воздушный бой. В этих боях фашисты применяли бомбы мелкого калибра в прессованной оболочке — не хватало у них металла. От этих бомб не было осколков. Одна бомба разорвалась в нескольких метрах от меня. Я был отброшен в сторону на 2–3 метра, контужен, но остался жив и без ран. А если бы бомба была металлическая, то от ее осколков мне бы не уцелеть.

Противник занимал в этом районе оборону более года, создал прочные узлы обороны. Для уничтожения и взятия их создавались штурмовые группы. Основная роль в них отводилась саперам. Мы применяли взрывчатку для подрыва отдельных сооружений.

Вслед за продвижением полков, саперам приходилось закреплять занятые позиции. Мы устанавливали минные поля, проволочные заграждения, строили огневые точки и блиндажи на переднем крае, оборудовали траншеи.

В сентябре мы с комбатом — капитаном А. С. Лобовиковым получили от дивизионного инженера майора П. А. Кучина задания на постройку дзотов в боевых порядках пехоты. Одно из таких заданий было дано саперному взводу лейтенанта Георгия Алексеевича Калинкина. Калинкин уточнил с комбатом 163-го полка место постройки дзотов, место заготовки материала и маршрут доставки деталей к месту постройки. Место заготовки деталей было выбрано за 600 метров от переднего края, так как работать у передовых позиций было опасно, противник вел обстрел, да и деревьев нужного диаметра поблизости не было.

Я прибыл к месту работы взвода, ведущего заготовку деталей. Сентябрьский день выдался солнечным, жарким. В лесу парит, беспокоят слепни, мухи. Засмотрелся я на работу пожилого сапера Аюпова, казаха по национальности. Как он умело, мастерски владел топором! Я наблюдал, как он шевелил губами, как у него на лбу и шее возникали капли пота. Они набухали, клейко текли за гимнастерку под несвежий воротничок. На плечах и спине темнели пятна от пота. Вот уж где поистине оправдывалось выражение: саперы — труженики войны.

С наступлением темноты, увязая в болотной жиже до колен, мокрые от напряжения, саперы Калинкина, соблюдая исключительную осторожность, переносили детали дзотов к переднему краю. Сержанты Петров, Баранов, ефрейторы Аюпов и Алсуфьев быстро и умело отрыли котлован. Фрицы освещают местность ракетами — ночь темная. На этот раз саперы благодарны фашистам за освещение, это помогает им работать. Бесшумно устанавливается сруб, укладываются другие детали, перекрытия. И вот работы закончены. Пулеметные расчеты занимают изготовленные саперами огневые точки. Командир стрелковой роты доволен работой саперов, благодарит их за отличное выполнение задания. Саперы, уставшие, мокрые, грязные, уходят в расположение своей роты.

Ранним утром фашисты возобновили атаки, но пройти не смогли. Построенные пулеметные точки преградили им путь.

Дальнейшего развития наступательные действия 8-й и 2-й ударной армий не получили и по приказу Верховного командования были прекращены. До конца выполнить задачу по ликвидации синявинско-мгинской группировки противника и прорыву блокады Ленинграда не удалось. А вот планы фашистского командования штурмом захватить Ленинград были сорваны. Ударная группировка врага, прибывшая из Крыма, была обескровлена. Ленинград жил и боролся.

11-я стрелковая дивизия перешла к обороне. Опять наши саперы выполняют большой объем работ по оборудованию линии переднего края. Работать приходилось в основном ночью, в неблагоприятных погодных условиях. Погода, как известно, в Ленинградской области в октябре — ноябре самая плохая: слякоть, изморось, дожди, пронизывающие ветры с Ладоги, длинные ночи. Но саперы трудятся при любой погоде.

В декабре наша дивизия была выведена с переднего края на кратковременный отдых. Началась подготовка к январским боям 1943 года.

А. Г. РОМАНОВ,
*капитан в отставке, бывш. командир
взвода артиллерийской разведки 11-й сд*

В битве за Ленинград*

В 11-ю стрелковую дивизию я прибыл в конце марта 1942 года после окончания 2-го Ростовского артиллерийского училища в звании лейтенанта.

11-я сд тогда входила в состав 54-й армии и дислоцировалась на острие клина наших войск, наступавших на ст. Любань из района дд. Зенино и Малиновка. Противник владел населенными пунктами Липовик и Дубовик.

Прибыло нас из училища 7 человек. Я был оставлен при командующем артиллерией п-ке П. Н. Алферове в должности командира взвода разведки. Остальные мои товарищи были направлены командирами взводов полковой артиллерии в стрелковые полки: 163, 219 и 320. Вскоре никого из них не осталось в живых.

Мои обязанности определялись ежедневной разведкой целей по фронту дивизии и нанесением их на топографическую карту. Я ежедневно обходил передний край стрелковых полков, уточнял координаты обнаруженных целей и наносил их на карту. С удовлетворением должен отметить чуткое и целенаправленное руководство зам. начальника штаба артиллерии майора С. Х. Павлова. Благодаря Семену Харитоновичу в штабе артиллерии всегда имелась оперативная карта, соответствующая сегодняшнему дню, что способствовало успешному подавлению целей артиллеристами и минометчиками.

Дивизия располагалась в труднейшей местности. Сплошные болота, полное бездорожье. Вместо траншей и окопов приходилось строить насыпные брустверы из торфа шириной около полуметра. Взамен дорог прокладывали лежневки, которые тут же утопали в грязи. Бывало, идешь по так называемой «дороге» и вязнешь по колено в грязи.

Дивизионные и армейские склады продовольствия и боеприпасов находились за 28–30 км, что очень затрудняло снабжение. Доставка снарядов осуществлялась лошадьми. За один рейс в день доставлялось по два 76-миллиметровых снаряда, которые привязывались к седлу наездника. Суточный рацион бойцов состоял из двух сухарей и котелка жидкой пшенной каши без соли. Осо-

¹ Рукопись из Музея боевой славы 37-й железнодорожной школы пос. Мга.

бенно тяжелое положение сложилось в апреле, когда наступила весенняя распутица и лес стал сплошным озером.

При обходе переднего края 219-го полка мне рассказали такой случай. На нейтральной полосе протекал ручей Полянский, из которого брали воду для питья и мы, и немцы. Один наш боец встретился на ручье с немцем. Проявив солидарность, они договорились об обмене продуктами. Наш приносил пшено, а немец соль или селедку. Когда это обнаружилось, наш солдат из дивизии исчез.

В середине мая 42-го года я получил приказ сопровождать 72-й артполк в новый пункт назначения. Марш совершался ночью. Полк был на конной тяге. 76-миллиметровое орудие с зарядным ящиком тянули две лошади; 122-миллиметровую гаубицу с ящиком — четыре. Личный состав, за исключением ящичного и наездника, шел пешком.

Когда мы вышли из болота на сухое место у д. Шум, то, несмотря на усталость, почувствовали радость жизни. А путь был еще далек... Люди валились с ног, самых слабых укладывали на лафеты орудий и зарядные ящики и какое-то время везли. Наконец, мы добрались до ст. Жихарево. Что нас ожидало дальше, никто не знал.

А нас ждала смертельная схватка с врагом во имя прорыва блокады Ленинграда. В середине июня стало ясно, что 11-я сд, приданная 8-й армии, готовится к наступлению в направлении Мги. Грохот наших пушек не смолкал круглые сутки. В воздухе я впервые увидел нашу авиацию. Штурмовики Ил-1, звено за звеном, на бреющем полете шли к переднему краю немцев и сбрасывали на него бомбы, обстреливали из пушек и пулеметов. Это приятное зрелище порадовало нас лишь в первый день наступления, в последующие дни нас постигло полное разочарование.

НП командующего артиллерией П. Н. Алферова располагался на открытой местности. Обзор был отличный. Мы видели, как проходит бомбежка переднего края и воздушные бои. В одном из таких боев один немецкий истребитель сбил 4 наших штурмовика. Больно было смотреть на небо, когда красноезвездные «илы», как куропатки, вспыхивали в воздухе и падали на землю. Эти самолеты с хорошими летными качествами и сильным лобовым оружием управлялись одним человеком и не имели никакой хвостовой защиты, чем безнаказанно пользовались немцы. Впоследствии на Ил-1 посадили стрелка-радиста, и он стал неуязвимым летающим танком Ил-2, который успешно атаковал вражеские траншеи, сбрасывал на них бомбы и обстреливал из ракетных установок, смонтированных в крылья.

В конце июля — начале августа 11-я сд занимала оборону вдоль железнодорожного полотна от Волховстроя на Мгу. Сосредоточив

на этом участке массу авиации, немцы господствовали в воздухе. наших самолетов мы больше не видели. С 7 до 20 часов над нами висели немецкие самолеты, бомбя и обстреливая из пулеметов. Летчики охотились буквально за каждым солдатом. Сделать перебежку или выйти из траншеи было геройским поступком. В голове стоял шум от несмолкаемых разрывов. Нас охватило состояние оцепенения и полного безразличия к окружающему. Исчез аппетит, притупились все эмоции. Донимала ужасная завшивленность. Сунешь руку под гимнастерку — вытащишь полную горсть вшей.

И все же, несмотря на нечеловеческие условия, мы держались. На участке, занимаемом 11-й сд, немцы не продвинулись ни на шаг.

С тех пор прошло 40 лет, но в памяти навсегда осталось мужество комдива полковника Грибова и командующего артиллерией полковника П. Н. Алферова. По долгу службы мне часто приходилось бывать с ними в стрелковых полках и на артиллерийских батареях, нередко под обстрелами и бомбежками, но никогда я не замечал в них следов страха или растерянности. Общаясь с этими мужественными людьми (обоим тогда было за сорок, мне — двадцать), и я не испытывал боязни быть убитым, что, вероятно, и помогло мне выжить.

НП командира дивизии находился в боевых порядках 219-го стрелкового полка южнее речки в мелкоколесье, среди которого росло несколько высоких сосен. На одной из них и располагался НП: площадка из досок, куда был проведен телефон и установлена стереотруба. Отсюда прекрасно просматривалась окружающая местность, наши и немецкие порядки в створе д. Тортолово. На НП постоянно дежурил офицер.

В один из августовских дней, наблюдая в стереотрубу, я заметил усиленное движение на высоте у Тортолова. Спустившись вниз, я доложил об этом П. Н. Алферову. В это время налетели немецкие самолеты, и НП был уничтожен разорвавшейся бомбой. Алферов, улыбнувшись, сказал: — Видишь, как тебе повезло!

Я получил срочный приказ: разыскать на ст. Жихарево бронепоезд, приданный нашей дивизии, вывести его на огневой рубеж юго-западнее ст. Назия и артиллерийским налетом разгромить немцев в Тортолове. Было 11.00 по московскому времени. С 13.30 до 16.30 немцы устраивали для себя, а, стало быть, и для нас, перерыв. В воздухе не было самолетов, прекратился обстрел.

Мы с майором С. Х. Павловым (начштаба артиллерии), тщательно проанализировав обстановку, решили вывести бронепоезд на огневой рубеж в 3 км южнее ст. Назия в 16.00. Мне нужно было выходить в Жихарево немедленно. Местность от р. Назии до Жихарева — открытая, полное безлесье. Я отправился в путь около

12 часов. Перейдя насыпь железной дороги у разрушенного моста через Назию, я остановился закурить у пустых окопов глубиной в человеческий рост, вырытых для зенитных пулеметов. Вдруг на горизонте появились 3 звена «юнкеров» (9 самолетов Ю-88), держащих курс на мост. Я спрыгнул в окоп. От каждого самолета отделились по две бомбы. Их пронзительный, все приближающийся свист заставил меня вжаться в землю. Один из самолетов сбросил бомбы одновременно, и в пятнадцати метрах от меня образовалась воронка диаметром пять метров, остальные были сброшены с большим перелетом. Отряхнувшись от пыли, я двинулся дальше, прижимаясь к железнодорожной насыпи.

К 14 часам я добрался до бронепоезда. Он был тщательно замаскирован ветками и сливался с мхом. Часовой провел меня в каюту командира. Им оказался молодой симпатичный капитан-артиллерист. Ознакомившись с моими полномочиями, он собрал командиров башен и поставил перед ними боевую задачу. Хотя времени оставалось в обрез, я попросил капитана показать мне бронепоезд. Мы обошли все 12 боевых рубок, оснащенных 76-миллиметровыми орудиями. По существу, это был артдивизион полка. Состоял бронепоезд из двух платформ и паровоза, обшитых броневыми листами. На паровозе находился командирский НП. Мы с капитаном заняли здесь место.

Подшло время, и раздалась команда к отправке. Запыхтел паровоз, и мы двинулись. Я не отрывал глаз от стереотрубы. Миновали ст. Назия. Дорога пошла под уклон. В небе было спокойно. К 16 часам вышли на огневой рубеж.

Прозвучала команда «Огонь!» с данными для установки угломера, уровня, дальности. Раздался грохот. Мне показалось, что я нахожусь в металлической бочке, по которой бьют палками. В стереотрубу видны разрывы снарядов в Тортолове, паническая суматоха немцев, а снаряды все летят и летят. Командир бронепоезда доложил, что боезапас израсходован, и мы двинулись в обратный путь.

Своим выходом на открытую позицию мы нарушили немцам распорядок дня. Но скоро они опомнились, и на бронепоезд налетели стервятники. Мы попали в пекло: кругом огонь, разрывы. Я поблагодарил капитана за блестящее выполнение задания. Бронепоезд притормозил, я на ходу спрыгнул и направился «домой» — на НП Алферова. Больше я бронепоезда не видел и не знаю его судьбы.

В последних числах сентября на фронте установилось относительное затишье. Особенно это чувствовалось в воздухе — нас перестали бомбить. К нам приехали дезинфекционные установки и передвижные бани, выдали новое белье и обмундирование,

а старье приказали сжечь. Мои разведчики ухитрились вкопаться в берег Назии и устроить там парилку, наделав веников из елок. Вначале было очень приятно, потом по коже потекли ручейки крови. Пришлось обращаться за помощью к медицине.

В конце ноября я был назначен начальником штаба вновь формируемого 11-го отдельного истребительно-противотанкового батальона, а 29 декабря был ранен при артобстреле и надолго попал в тыловую госпиталь.





С. Х. ПАВЛОВ,
*бывш. зам. начальника штаба
артиллерии 11-й сд*

Бои в районе Тортолова *

27 августа в 6 часов утра началась мощная артподготовка, имеющая целью разрушение инженерных сооружений и подавление огневых точек противника.

163-й и 219-й полки перешли в наступление на сильно укрепленные позиции немцев в Тортолове и Мишкине. 320-й сп находился на исходном рубеже во 2-м эшелоне. Наша пехота успешно продвигалась, несмотря на большие потери. 28.08 был введен в бой 320-й полк, который использовал успех соседа справа (265-й сд) и занял вражеские траншеи южнее Тортолова.

Немецко-фашистское командование, опасаясь прорыва наших войск к Неве, перебросило из-под Ленинграда на синявинское направление 12-ю танковую дивизию, а 29-го августа — 170-ю пд, прибывшую из Крыма, и ряд других частей. Яростные контратаки противника отбивались нашими войсками, которые с 3 сентября начали закрепляться на достигнутых рубежах.

О напряженности боев говорят потери, понесенные частями 11-й сд с 27 августа по 5 сентября 1942 г.:

среднего начсостава убито 51 чел.; ранено — 169;

младшего начсостава убито 105, ранено — 406;

рядового состава убито 457, ранено — 2461 чел.

Произведено частичное пополнение стрелковых подразделений за счет тылов.

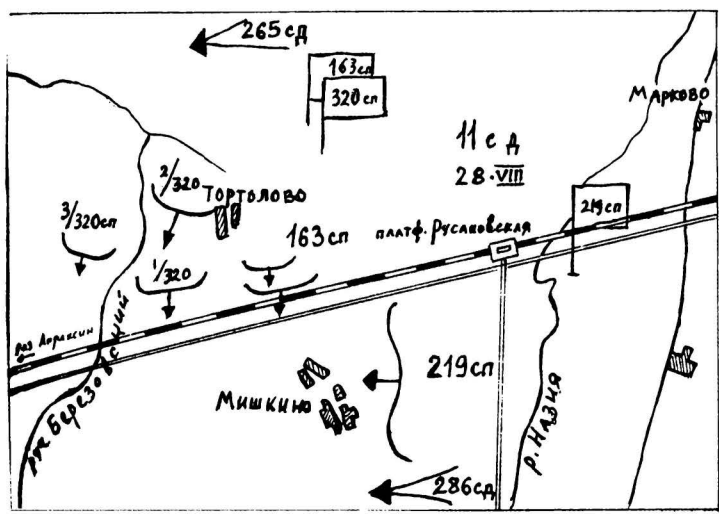
* «Боевой путь 11-й стрелковой дивизии», отрывки из рукописи.

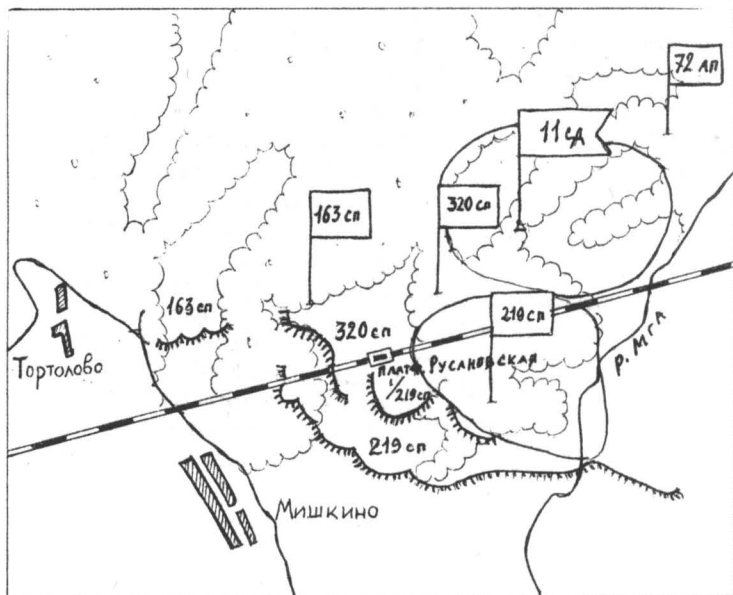
Жесткой обороной опорных пунктов Рабочий поселок № 8, Мишкино и Поречье враг стремился не допустить расширения нашего прорыва и сорвать наступление. Своими действиями противник сковал значительные силы советских войск и вынудил нас вести многодневные кровопролитные бои за эти пункты.

В начале сентября 1942 г. войска 8-й армии подошли к Сиявино. До Невы оставалось 7 км. Обеспокоенный реальной угрозой прорыва блокады, Манштейн ввел в сражение свежие дивизии, предназначавшиеся для штурма Ленинграда. Трое пленных из 231-го полка 24-й пд показали, что их дивизия прибыла из Крыма для наступления, но вынуждена была обороняться. Тяжелые бои с участием танков продолжались весь сентябрь. Активно действовала вражеская авиация. Каждое утро над нашими позициями появлялись 10–15 самолетов-разведчиков ME-109. Вслед за ними, партиями по 50 самолетов шли бомбардировщики, производя массированные налеты по боевым порядкам пехоты, ОП артиллерии и тылам. В течение всего дня группы Ю-88, Хе-111 и ME-110 вели бомбардировку и обстрел, затрудняя продвижение дивизии и держа наши войска в постоянном напряжении.

320-й полк, оперативно подчиненный 265-й сд, овладел д. Тортолово, ст. Апраксин, 1-м Эстонским поселком и дошел до Келколово.

В середине сентября противник дополнительно перебросил к участку прорыва три свежие дивизии, остановил продвижение наших войск в районе Сиявино и начал наносить сильные фланговые контрудары.





Положение частей на 1 октября 1942 года

В полосе нашей дивизии 14 сентября немцы перешли в наступление из района Славянки, Сиголово, Пухолово большими силами пехоты с танками. 320-й полк с боями медленно отходит к Тортолово, где занимает оборону до конца сентября.

В этих боях стойкость и мужество проявили артиллеристы. 18.09 НП 2-й батареи 72-го ап (командир — ст. лейтенант Ипатов) обошли 5 вражеских танков. Комбат, не покинув НП, продолжал корректировать огонь. В результате один танк был подбит, два сожжены, остальные отошли. В следующей атаке немцы окружили НП Ипатова. Герой-артиллерист вызвал огонь на себя, отбил врага, а сам погиб.

Командир взвода управления 1-й батареи 72-го ап мл. лейтенант Оловянников для лучшего наблюдения и корректировки выдвинулся за передний край нашей обороны в подбитый немецкий танк. К танку подползли двое немцев для его ремонта. Оловянников выбрался из башни и одного из них взял в плен, другой бежал.

Во избежание лишних потерь в изнурительных боях 27 сентября войска Волховского фронта по указанию Ставки были отведены из-под Синявина, а в ночь на 6 октября с левого берега Невы эвакуированы основные силы соединений Ленфронта.

29 октября 11-я сд сдала полосу обороны 265-й сд и отошла на вторую линию в район Марково—Хандрово, в резерв командующего 8-й армией.

Синявинская наступательная операция осталась незавершенной. Однако она обескровила ударную группировку немцев, готовившуюся к штурму Ленинграда осенью 1942 г.

*Николай АСЕЕВ **

Надежда

Насилье родит насилье
и ложь умножает ложь,
когда нас берут за горло,
естественно взяться за нож.
Но нож объявлять святыней
и, вглядываясь в лезвиё,
начать находить отныне
лишь в нем отражение свое, —
нет, этого я не сумею,
и этого я не смогу:
от ярости онемею,
но в ярости не солгу!
Убийство зовет убийство,
но нечего утверждать,
что резаться и рубиться —
великая благодать.
У всех, увлеченных боем,
надежда горит в любом:
мы руки от крови отмоем,
и грязь с лица отскребем,
и станем людьми, как прежде,
не в ярости до кости!
И этой одной надежде
на смертный рубеж вести.

1943

* *Николай Асеев*. Стихотворения и поэмы. — Ленинград: Советский писатель, 1967.



А. А. МАХАРИНСКИЙ,
майор в отставке,
бывш. НШ 94 мсб 11 сд

Всю войну — в 94-м медсанбате*

Наша дивизия — кадровая, сформированная еще в 1918 году. В гражданскую воевала против банд Булах-Булаховича и войск Юденича, против белополяков в 1920 г. Командовали ею такие видные военачальники как Блюхер и Якир. В 1936 г. в Кингисеппе состоялось переформирование дивизии, перевод ее частей с конной тяги на автомобильную. В 1939–1940 гг. 11 сд участвовала в советско-финской войне.

Я был кадровым офицером: закончил в Ленинграде четырехгодичное военно-медицинское училище и был оставлен в нем преподавать. В 1939 г. вышел приказ Ворошилова: всех офицеров из училищ призвать в действующую армию. Я был старшим лейтенантом и получил назначение в 11-ю сд — начальником штаба 94-го мсб, с которым прошел финскую войну.

После финской кампании мы стояли в Нарве, 1 мая проводили мирный парад, но вскоре, как сказал поэт Юрий Инге, была «получена первая сводка... товарищ, война началась!»

Отходили с боями из Прибалтики через Кингисепп, Котлы, Копорье. В конце сентября дивизия остановила немцев на рубеже Старый Петергоф—Английский дворец—Гостилицкое шоссе и обороняла Ораниенбаумский плацдарм. После боев на этом направлении, как пишет бывший комдив В. И. Щербаков, в дивизии осталось 1350 чел.

* Записано составителем.

В конце октября — начале ноября дивизию переправили на кораблях в Ленинград, включив в резерв фронта. Мы разместились в районе Обуховского завода, а 539-й гаубично-артиллерийский полк и 26-й саперный батальон — в Колпино и Усть-Ижоре.

Дивизия получила шесть с половиной тысяч пополнения — в основном рабочих с заводов и фабрик. К сожалению, пополнение не было обучено военному делу, и перед дивизией встала задача в короткий срок обучить новобранцев. Началась усиленная учеба, затрудненная нарастающим голодом. Поскольку мы находились в резерве, то снабжались по второй норме: 300 г хлеба в сутки и пустой суп. Хлеб в платок замотаешь — иначе весь рассыплешь, т. к. он наполовину состоял из опилок, — и растягиваешь на весь день.

Еще осенью, в Литве, мне удалось купить копченую свиную ногу, берег ее для крайнего случая. Когда стало совсем голодно, мы с комбатом Никитиным отрезали от нее понемножку, тогда могли пилить дрова и выполнять другую тяжелую работу.

В медсанчасти в это время лежали в основном больные, страдавшие поносами.

При большой физической нагрузке у многих развилась дистрофия, выводящая из строя сначала по 40–50, а потом и по 100 человек ежедневно. Комдив В. И. Щербаков не мог добиться от командования 55-й армией пересмотра норм продовольствия и подал рапорт с просьбой освободить его от командования дивизией и отправить на фронт рядовым бойцом. Комиссар дивизии П. П. Фокин добился приема к А. А. Жданову и доложил о бедственном положении дивизии. Только после этого нас перевели на первую норму, и дистрофия пошла на убыль.

5–7 января дивизию по Ладоге перебросили в район Погостья. Мы вошли в состав 54-й армии Ленфронта, находившейся за кольцом блокады. Здесь с питанием было значительно лучше, но в первые дни люди нередко заболели от переедания.

Медсанбат развернулся в 5 км от переднего края в районе бывших торфоразработок (в 300 км от Северных барачков). Медсанбат — это целый медицинский городок: 165 человек персонала; большие палатки ДПМ, способные вместить до 300 раненых; своя электростанция «Эл-3» на 6 л. с.; свой автозвод. В 1939 г. в Кингисепе нам выдали 5 автомашин «ЗИС» и 25 полуторок. После боев первых месяцев войны такого количества машин мы уже не имели, но все же в каждом полку было по 1–2 полуторки, которыми в медсанбат доставлялись раненые из ПМП. Была крытая машина с печкой, где мылись, и дезкамера, где проводилась санобработка одежды; своя прачечная, из которой получали белье, обработанное мылом «К», что помогало бороться со вшивостью.

Начальником медицинского снабжения был Александр Захарович Зубань, деловой и добросовестный человек. Благодаря ему мсб вовремя обеспечивался всем необходимым.

13 января началось наступление. Случилось так, что по неверным сведениям наших соседей — 3 гв. сд — считалось, что якобы за железной дорогой имеются лишь отдельные группы немецких автоматчиков. Не получив времени на разведку и подготовку, дивизия выступила и попала под организованный огонь противника с насыпи железной дороги. Были большие потери, а в мсб поступило 915 раненых.

Мне пришлось дополнительно развернуть 3-ю палатку ДПМ, к операционной с 3-х сторон пристроить малые палатки ППМ. Операционная работала на 11 столов, а раненых все везли и везли. Они лежали на носилках на снегу. Хорошо еще, что в 1941-м году в Нарве мы загрузили целый «ЗИС» шерстяными одеялами, и теперь они нас выручали: складывали вчетверо и подкладывали под раненых. Благодаря этим одеялам мы всю войну были «на коне»: воспалением легких раненые у нас не болели.

В тот день раненых размещали везде, где только возможно — в блиндажах, даже в аптеке. Зав. аптекой Белла Алексеевна возмущалась: — Что это, уже и к нам раненых несут?

— Начштаба приказал, — отвечали носильщики.

На каждый операционный стол приходилось по 65 раненых. Когда-то до последнего дойдет очередь? Командир сортировочного отделения следил, кому необходима срочная помощь, и больных со жгутами, с признаками внутреннего кровотечения направлял в операционную прежде всего.

Трудные дни с массовым поступлением раненых случались часто. У нас было 15 врачей, из них семеро хирургов: главный хирург Павел Селиванов, врачи Ахундов, М. Соснин, Микиашвили Николай Северьянович, Андреева Елена Константиновна, Толстых Мария Сергеевна, Карпова Евдокия Павловна, Золотухин. Но и остальные врачи все без исключения умели обрабатывать раны. Очень опытными были операционные сестры: Никольская Антонина Николаевна, Зубань Анна Герасимовна, Смирнова, Петрова Анна и др. Помимо своих непосредственных обязанностей они ассистировали хирургам во время операций и стояли у операционных столов, не размываясь, по многу часов. Многие даже заболели недержанием мочи. Пришлось в тамбуре операционной устроить специальный туалет, куда можно было ходить с мытыми руками.

Тяжелораненых мы отправляли в госпиталь, в Жихарево. Нетранспортабельных оставляли у себя в госпитальной палатке

под наблюдением врачей Беллы Ильиничны Глезиной и Евгении Григорьевны Койфман.

Легкораненых направляли в команду выздоравливающих. Еще с финской войны я знал, какую неопределимую разнообразную помощь они могут оказывать: и раненых переносили, и дрова заготавливали, и печки топили, и машины разгружали. Обычно в команде бывало около 50 человек. Поправлялись — уходили в часть. За войну 935 человек из команды выздоравливающих вернулись в строй. 8 человек стали квалифицированными санитарями и обслуживали медсанбат до конца войны. Спасибо мне сказали: все же в мсб — не то, что на передовой.

Там санинструкторов очень много погибало. Вытащить под огнем раненого в полном снаряжении, с оружием — дело нелегкое. Недаром за 81-го раненого орден Ленина давали, за 60-го — орден Красной Звезды. В одном из наших полков санинструктор Белов дослужился до ордена Ленина, после чего мы его в медсанбат забрали, в терапевтический взвод. Сколько же можно судьбу испытывать?

С конца августа и весь сентябрь дивизия участвовала в Синявинской операции, сражалась в районе Тортолово—Мишкино—Поречье. Генерала В. И. Щербакова перевели в 23-ю армию, комдивом стал п-к И. В. Грибов. В составе 8А дивизия наступала в первом эшелоне. МСБ развернули, как обычно, в 3-х км от передовой. Потребовали передвинуться ближе к фронту. Передвинулись на 1,5 км и сразу попали под бомбежку. Одна бомба попала ко мне в штаб, потеряли нескольких человек. Пришлось возвращаться на прежнее место.

Медсанбат ведь сам себя защищает, и маскировка требуется самая тщательная. Все палатки маскировочными сетками накрываются, и окраска соответствующая: летом — черная, зимой — белая. Если в воздухе «костыль» летает — ни один шофер свою машину к медсанбату не повернет, чтобы не выдать наше расположение. Один раз, в начале войны, мы хотели сбить немецкий самолет броневой пулей — он как дал очередь крупнокалиберными из пулемета, больше не рисковали.

Что-что, а дисциплина у нас была, это — заслуга и начальника мсб Коробова, и комиссара. Комиссаров в мсб, правда, за войну сменилось несколько. Самым толковым был Ковалев — инженер-шахтер, во все дела вникал. Я панибратских отношений ни с кем не признавал. Сам не пил и спиртом никого не угощал. Да и некогда было: дел всегда по горло, нередко спать в 5 утра ложился. Зато знал, что в мсб делается. Разбудит ночью начальник политотдела, спросит: сколько раненых офицеров поступило?

Всегда скажу: из 163-го полка столько, из 219-го — столько, а из 230-го столько-то раненых. В дни боев операционная работала круглые сутки, врачам и сестрам поесть некогда. Я для них устраивал «ужин» в 2 часа ночи, чтобы силы были дальше работать.

И так — все четыре года, самыми трудными из которых были сорок первый и сорок второй...

Е. Ф. ФИЛИНА,
медсестра 94 мсб 11 сд

Песня

Наш медсанбат на новом месте.
затишье будет длиться час.
С передовой плохие вести
Не могут не тревожить нас.

С девочками неподалеку
Рассвет встречаем мы в саду,
Плоды деревьев невысоких
Срываем прямо на ходу.

Тут неожиданно и славно
Вдруг кто-то из девочек запел,
И голос в переливах плавных
Над садом празднично взлетел.

На сердце сразу потеплело,
Как будто не было войны.
А медсестра все пела, пела
Средь необычной тишины.

294-я стрелковая под Синявином *

В начале августа 1942 нашу дивизию перебросили к Черной речке, где нас отделяло от Невской Дубровки всего 16 километров. И вскоре мы поняли, что здесь готовится наше наступление, хотя местность для этого была совсем непригодная: сплошные леса с обширными участками болот, труднопроходимые даже для пехоты. Но все-таки 27 августа наступление началось — это была четвертая попытка по прорыву блокады. За два дня наступления в тяжелейших условиях нам удалось продвинуться на 7–8 километров. Но затем мы остановились, т. к. немцы поменяли тактику, а главное, нам не давала житья их авиация. Налет сменялся налетом, от леса, где сражался наш полк, не осталось ничего... К середине сентября до соединения Ленинградского и Волховского фронтов местами оставалось 2 километра. И я по сегодняшний день задаю себе вопрос, почему нам не отдали приказ закончить начатое? Почему мы остановились? Нам казалось, что еще одно усилие, один бросок, и блокада будет прорвана.

В то же время немцы начали свое наступление, и мы, оказавшись в окружении, в конце сентября получили приказ отойти на исходные рубежи. Естественно, полностью прекратилось снабжение боеприпасами, продовольствием и медикаментами... Наш полк оставался прикрывать отход дивизии.

От полка, к этому времени, осталось около сотни солдат и пять командиров, старшим из которых был я, капитан... С большим трудом, истощенные и уставшие, мы вышли вместе с тяжелоранеными к сборному пункту. Там собралось несколько десятков тысяч солдат, превратившихся в неуправляемую толпу, которая никому не подчинялась. Никакого «коридора» не было и в помине. Слышны были только ругань, стоны раненых и крики о помощи попавших в трясину, но на них никто не обращал внимания... Положение усугублялось еще и тем, что вокруг этого пятачка были болота, и разбежаться было нельзя. А немцы постоянно обстреливали и бомбили эту толпу. Каждый, каждый осколок находил себе цель... Трудно передать словами ад, творившийся там. Это была фабрика по производству человеческого мяса... И вдруг на разбитую машину поднялся невысокий, худой человек в форме полковника и крикнул: «Кто желает идти на штурм немцев у Черной

* Из интервью Н. Чобану, опубликованного в интернете.

речки — за мной!» Задохнулся и добавил: «Кому повезет, будет жить». И эта серая масса людей всколыхнулась, поднялась и двинулась по болоту на немцев. Огонь был фактически в упор, напирающие сзади бойцы бежали по трупам погибших... Этот ужас невозможно описать словами. Фактически, задавили немцев своими телами. На небольшом участке мы все-таки прорвались и, несмотря на сильнейший фланговый огонь, достигли наших позиций. Все поле было покрыто телами наших солдат. Хочу подчеркнуть, что этой толпой никто не командовал, каждый действовал на свой страх и риск, и выжили только те, кому сказочно повезло.

На пункте сбора выяснилось, что от нашего полка осталось только 7 !!! человек... Я до сих пор помню их имена: комендант штаба Симяков, Мария Ивановна — хирург полка, Вера и Аня — санинструкторы, солдаты Трусов и Вакуленко, и я полковой инженер... И все!.. Сколько всего прорвалось из пошедших на прорыв наших солдат, я даже приблизительно сказать не могу, т. к. мы были настолько измождены, что сразу легли спать. Ни сил, ни воли не осталось и в помине, у меня даже не было сил доложить о прибытии. Но поспать мне не дали...

Меня разбудили и отвели в палатку к представителю «СМЕРШа», которого я, кстати, знал. И он стал задавать мне вопросы, не доходившие до моего уставшего сознания. Не перешел ли кто к немцам, и прочую ерунду. Меня поразило и взбесило, что его совсем не интересовало, сколько нас уцелело, и как мы вышли из окружения... Видит Бог, что ни до того случая, ни после я матом не ругался, но тут крикнул ему: «Пошел ты на...» и отправился спать... Такое поведение, конечно, могло иметь для меня роковые последствия. Я уже представлял себя в штрафном батальоне. Но мне везло на хороших людей.

На следующий день меня вызвали к начальнику «СМЕРШа» полковнику Руденко. Встреча с ним не предвещала ничего хорошего. Но он задал мне только один вопрос: почему я так вел себя с его подчиненным? Я подробно рассказал ему, как все было, объяснил, в каком я находился состоянии, и что нам довелось пережить. К моему удивлению, и полковник меня внимательно выслушал. В конце разговора он встал и попрощался со мной так душевно и тепло, что я понял: все будет хорошо.

А того уполномоченного, который пытался меня допросить, я так больше никогда и не видел. Кстати, к вопросу о «СМЕРШе». Кроме этого случая, я с ними особо не сталкивался, их представители, конечно, были, но глаза особо не «мозолили» и занимались своей работой.

Хотя нет, был случай, когда я еще был командиром роты. Меня,

как представителя части, направили для участия в показательном процессе военно-полевого суда. В боях местного значения кто-то дрогнул, и судили молодого солдата. Он оправдывался: «Разрешите мне искупить, может, я немца убью...» Но «тройка» уперлась, нашли на ком свою суровость показывать! А я молодой был, глупый. Меня мой политрук-«костыльтрест» потом распекал: «Тебе что, жить надоело? Хочешь, чтобы тебя “врагом народа” сделали?» Но я решил написать в протокол свое особое мнение, чтобы дать этому солдату возможность исправиться, т. к. особой его вины я не видел. И оказалось, что эта моя запись имеет юридическое значение, и нужно рассмотреть дело еще раз. И когда пересматривали дело, командир дивизии сказал: «Я этого офицера не знаю, но он думает правильнее, чем вы. Пусть солдат даже никого не убьет, но от того, что он в атаку пойдет, и то пользы будет больше». В общем, спасли мы его, не дали расстрелять.

Черная речка и Синявино — названия, которые навсегда остались в моем сердце. До сих пор эта трагедия помнится мне во всех подробностях. Участие в попытке прорыва — самая трагическая военная операция, в которой мне довелось участвовать...

Когда я был командиром роты, то у меня было два политрука. Это были прекрасные люди, которые пользовались уважением у солдат. Обоим было за 40, и они мне казались пожилыми. Первый был призван из запаса, на «гражданке» был директором дома инвалидов в Рязани. Он знал всех солдат роты по именам, никогда не повышал на них голоса и пользовался непререкаемым авторитетом. Солдаты, любя, называли его директор «Костыльтреста», но он не обижался. После его гибели политруком роты назначили одного сержанта, т. к. нового политрука не присылали. Это был печник из Смоленской области, и его назначили политруком именно потому, что он пользовался у солдат уважением. Он тоже потом погиб.

У него в вещмешке нашли после гибели парашют, который он хотел переправить семье на одежду. Сиротами остались шесть дочек и один сын...

В мае 1943 нашу 294 сд перебросили из-под Ленинграда на Воронежский фронт в состав 52-й армии. Мы с боями освобождали Воронежскую область, Новый и Старый Оскол, Белгород, Сумскую, Полтавскую и Черкасские области. Под Ленинград я больше не попал.

Там был эпизод, когда дивизия уже была сильно измотана и обескровлена, но нам поставили задачу с ходу форсировать р. Псел. Сложность форсирования заключалась в том, что берег противника, был выше на 10–15 метров и заминирован. Ночью я с группой саперов переправились, не обнаружив себя, и успели подготовить проходы в минных полях. А утром начался штурм. Потери были

небольшими еще и потому, что очень хорошо «работали» артиллеристы, они просто не давали немцам выйти из укрытий.

Мы были совсем близко к ним, и видели, как их обстреляли «катюши». Это что-то страшное, от чего действительно можно сойти с ума... Еще там был интересный случай. Один из саперов, Дерешев — мой сокурсник, наступил на мину и услышал щелчок. Но он уже был опытный, и знал, что у таких мин есть «мертвая» зона около 1,5 м. Он не растерялся и с криком «ложись!» бросился на землю. Никого не ранило, даже его. Повезло, конечно. Вот за организацию форсирования р. Псел меня наградили орденом Красной Звезды, а всех остальных участников этой операции медалью «За отвагу». Возле г. Золотоноша на участке нашего полка были обнаружены рвы с засыпанными в них телами красноармейцев и мирных жителей. Моих саперов привлекли для проведения эксгумации, но насколько я знаю, ничего там установить не удалось, т. к. все тела оказались раздеты...

Когда освободили Тихвин, то успели в самый последний момент отбить у фашистов большой сарай, заполненный людьми. Не дали их сжечь...

Как самые жестокие бои, мне помнятся выход из окружения под Синявино и форсирование Днепра. И там и там не верилось, что можно остаться в живых... Но в чем принципиальная разница в этих боях? Одно дело отступать, и совсем другое — обеспечивать успешное наступление. В наступлении такой душевный подъем, совсем другое настроение, несмотря на потери.

В начале войны почти совсем не награждали. У нас в полку был только один Герой Советского Союза. Пулеметчик, кажется, рязанский парень. Они оказались в окружении, а когда к ним пробивались, то вокруг него было очень много немецких трупов... А самая дорогая награда для меня — медаль «За оборону Ленинграда». Все-таки почти два года воевал там в тяжелейших условиях. Это под конец войны стали награждать щедро, и то многое зависело от активности начальства. В штабах, конечно, себя не забывали, но и явной несправедливости я не помню. Хотя, например, за форсирование Днепра обещали меня наградить, но это так и осталось пустыми разговорами. Было обидно.

Самые близкие друзья у меня были с училища, но к весне 1942 из них почти никого не осталось... Леша Лычев, ленинградец, очень начитанный и эрудированный. За три года училища 90 дней пробыл на гауптвахте, и если бы не высокопоставленные родители, то его, конечно, отчислили бы. Но все равно он хорошо окончил училище и был у меня отличным заместителем роты. Погиб зимой 1941 под Ладогой... А когда у меня на глазах умирал Масюков,

я плакал... Нас, 12 саперов, послали уничтожить ДОТ, а вернулось всего пятеро... Кишки вываливались наружу, говорить он уже не мог, только смотрел на меня... А тот ДОТ мы так и не уничтожили.

Случаев трусости мне наблюдать почти не довелось. Когда под Ленинградом стояли, прислали нам двух лейтенантов с Кировского завода. К ленинградцам, рабочим, тем более с Кировского завода очень уважительно относились. Но эти оказались такими трусами, что мы не знали, как от них быстрее отделаться. Держались они вместе, постоянно о чем-то шушукались. На них не было никакой надежды, приходилось их заместителям дублировать задачу. Вскоре одного из них арестовали за то, что он умышленно нанес себе страшный ожог, и больше мы его не видели. А второго, чтобы избавиться от него, мы ... отправили на курсы повышения квалификации. И что вы думаете, вернулся к нам через шесть месяцев старшим лейтенантом. Но он не изменился и все равно погиб. Считаю, что труса смерть все равно настигнет.

В обороне под Ленинградом снайперов было очень много, и они очень досаждали. Старались «выбивать» командиров и расчеты орудий. Было немало «кукушек», причем многих из них приковывали цепями. Некоторые не стреляли и их брали в плен, а другие отстреливались до последнего... С нашей стороны были «охотники за кукушками», в том числе и девушки-снайперы. Они своим присутствием поднимали настроение солдатам.

Вообще женщинам на фронте было очень тяжело. Что доводилось видеть и испытывать санинструкторам... Хотя про них и ходили всякие анекдоты, но я презирал таких рассказчиков.

Я потом узнал, почему меня демобилизовали из армии в 1944 году. Еще когда отбирали офицеров-молдаван для румынской дивизии, то одновременно велся отбор и офицеров специалистов в с/х, и меня ошибочно занесли в этот список. После боев за Дебрецен мне сообщили, что у меня новое назначение. Мне нравилось служить, я любил инженерное дело, у меня хорошо получалось. И поэтому когда меня, не спрашивая моего мнения, уволили в запас и направили в распоряжение ЦК КП Молдавии, я был огорчен и разочарован. Нашу дивизию, хоть она и отличилась в боях, расформировали, а людей передали различным румынским частям. К тому времени из 150 офицеров молдаван оставалось в строю 50 человек.

О Победе я узнал на партийной работе. Нас вызвали в райком в Тирасполе, сообщили, и мы разъехались по селам проводить митинги. А через пару дней уже начали встречать первых демобилизованных и мне довелось встретить отца. Из нашего села 494 человека не вернулись с фронта.

С. В. ЕГОРОВ,
в 1942 г. — мл. лейтенант,
командир взвода 405 ОМД 294-й сд

*Памятные дни **

В сентябре 1941-го года я проходил ускоренную военную подготовку на артиллерийско-минометных курсах Ленфронта, созданных на базе артиллерийского училища. (...) Обучение было завершено 15 марта 42-го года. Мне присвоили звание младшего лейтенанта. Я получил назначение на должность командира взвода в 405-й отдельный минометный дивизион 294-й сд, сформированной в первые дни войны на Смоленщине и входившей в состав 54-й армии.

Отдельные минометные дивизионы входили в состав артиллерийских подразделений стрелковых дивизий. Они имели на вооружении минометы калибра 120 мм, которые вели навесный огонь минами весом 16 кг с взрывателем осколочного и фугасного действия. Дальность стрельбы минометов до 6 км. Транспортировались минометы конными упряжками или на прицепе грузовых автомашин. В составе дивизиона находились три батареи, каждая из которых имела на вооружении четыре миномета. В составе артиллерийских частей и соединений Волховского фронта действовали минометные полки и бригады. (...)

Северный участок фронта, между линией железной дороги Ленинград-Волхов и Ладожским озером протяженностью около 20 км, имел большое стратегическое значение в связи с тем, что здесь ширина блокадного кольца была минимальной и составляла 7–12 км (по линии железной дороги Ленинград-Москва ширина его была 95–100 км). Поэтому на этом участке неоднократно происходили тяжелые, кровопролитные бои, на ход которых большое влияние оказывали ландшафтные условия. Вдоль Ладожского озера простирается Приладожская низина, залесенная и сильно заболоченная. На юге она ограничивается крутым Ладожским уступом высотой 40–50 м, за которым к югу распростерлось всхолмленное плато. На низине вдоль уступа вытянулось торфяное болото, протяженностью несколько километров.

12 марта 1942 г. 54 армия нанесла удар в направлении Смердыня—Любань, прорвала оборону противника и вклинилась

* Отрывки из воспоминаний. Интернет-сайт «Военная литература».

в его расположение. В конце марта передовые части дивизии, в том числе и наш дивизион, находились в 12 км восточнее ст. Любань. В январе 1942 г. 2-я ударная армия прорвала оборону противника у д. Мясной Бор, наступала в направлении ст. Любань с юго-запада и находилась от нее в 12–15 км. В конце марта наступившая весенняя распутица приостановила продвижение наших войск и вынудила перейти в оборону.

Летом дивизия была переведена на северный участок фронта и заняла оборону в районе ст. Назия ж. д. Волхов-Ленинград. Оборона была активной и сопровождалась боевыми действиями, включая разведки боем для выявления системы обороны противника.

27 августа 1942 г. началась Синявинская наступательная операция. Основной удар наносился в северной части фронта от Ладожского озера на 20-25 км к югу. Наша дивизия находилась на левом фланге наступающих войск, где противник создал наиболее сильную систему обороны. Поэтому наступление здесь успеха не принесло. Правее, в пределах Приладожской низины, был произведен прорыв переднего края обороны противника, и наши войска углубились на 5-7 км. В ночь на 4 сентября части нашей дивизии, в их числе и наш дивизион, были введены в прорыв.

К этому времени противник подтянул крупные резервы пехоты, артиллерии и авиации. Утром, едва мы успели развернуть батарею, на наши части в глубине прорыва обрушился страшный шквал снарядов, мин и авиационных бомб. Артиллерийские налеты следовали один за другим по различным участкам расположения наших войск. В ответ на открытый огонь нашей батареей для поддержки пехотной части, был произведен мощный артиллерийский налет, в результате которого три человека были убиты и шесть ранено. Среди последних оказался и я, получивший осколочное ранение в руку и плечо. В дневное время из-за обстрелов и бомбежки дороги эвакуировать раненых было невозможно. Поэтому до наступления темноты пришлось лежать в траншее и наблюдать, что происходит, прежде всего, в воздухе. Весь день с небольшими перерывами в воздухе находились вражеские бомбардировщики и сбрасывали свой смертоносный груз. Наши самолеты — истребители И-16 — появлялись эпизодически и не могли противостоять вражеским армадам. Следует отметить, что для психологического воздействия на наши войска противник, кроме бомб, сбрасывал старые железные бочки с большим количеством больших и малых дыр. Такая бочка падает медленнее, чем бомба, видна в воздухе и при этом издает страшный вой разной тональности. Артиллерийско-минометный огонь велся непрерывно, обстреливались как площади, так и отдельные цели (батареи, огневые точки пехоты, скопления живой

силы). На нашей батарее к концу дня было ранено еще пять человек.

С наступлением темноты нас посадили в грузовую машину и повезли в медсанбат, который располагался в 15–20 км от переднего края. Артиллерийский огонь в это время ослаб, но не прекратился: обстреливались отдельные участки дорог, их перекрестки и район моста через небольшую речку Черную. Под аккомпанемент разрывов мы выехали из зоны прорыва и благополучно добрались до медсанбата. Его большие санитарные палатки с красными крестами на крышах располагались на широкой просеке линии электропередачи. Вдоль просеки шла грунтовая дорога, по которой непрерывным потоком подходили машины с ранеными.

В медсанбат я приехал вместе с лейтенантом нашей батареи Ваней Воликовым, который был ранен в руку. Нас зарегистрировали и сказали, что в связи с большим количеством раненых первоочередная помощь оказывается наиболее тяжелым, а нам предложили отдохнуть и ждать вызова. Отвели в большую палатку, в которой земля была застелена брезентом — больше ничего не было. Отдых был относительным, повязки пропитались кровью и пристали к ранам, причиняя страшную боль. Мы понимали, что тем, кого обрабатывали медики, значительно тяжелее. Поэтому никто никаких претензий не высказывал. Уснуть из-за боли было нельзя. Медленно тянулась ночь, слышно было, как подходят машины с ранеными.

Рано утром в палатку вошел начальник медсанбата — подполковник медицинской службы, пожилой и очень уставший человек. Он просил извинить медиков за то, что они не смогли оказать нам помощь. Врачи и сестры, сказал он, уже более 12 часов не отходят от операционных столов, обрабатывая только тяжелораненых, количество которых не уменьшается. Он обратился с просьбой к тем, кто способен самостоятельно передвигаться, выходить из палатки и с помощью санитаров садиться в грузовые машины, которые отвезут в ближайший эвакогоспиталь.

Иван предложил часа 2–3 полежать, но я убедил его ехать. Он согласился. Мы вышли из палатки и увидели грузовую машину, в которую садились раненые. Иван направился к машине, но я его остановил и предложить сесть в другую подходившую машину, чтобы предохранить правое плечо от толчков. В этой машине мы удачно разместились. Не успела машина загрузиться, как все увидели, как вдоль просеки к нам приближаются три вражеских бомбардировщика. Никто не испытывал беспокойства, потому что была хорошая видимость и отчетливо видны красные кресты на крышах палаток. Однако самолеты выстроились в одну линию

и стали сбрасывать бомбы на медсанбат. Раненые вскочили и, толкая друг друга, стали покидать машину. В этой суматохе я получил толчок в раненую руку и плечо, ощутив сильную боль. Хотелось сунуться в угол кузова и не двигаться. В следующее мгновение я услышал грохот разрыва и увидел столб огня и дыма на месте, где стояла палатка, в которой мы провели ночь. Меня куда-то швырнуло, и я потерял сознание. Когда очнулся, то увидел себя лежащим в яме в 4–5 метрах от машины. Я почувствовал звон в голове и отсутствие слуха. Пошевелив руками и ногами, я с радостью убедился, что они на месте и двигаются. Поднял голову и увидел, что вдоль просеки к медсанбату вновь приближаются три бомбардировщика и начинают сбрасывать бомбы. Закончив уничтожение медицинского учреждения, эти «рыцари неба» полетели рапортовать о доблести чистопородных фашистов.

Кузов и кабина нашей машины во многих местах были пробиты осколками, а мотор и ходовая часть, на наше счастье, оказались исправны. Появившийся шофер завел мотор, поставил сходни и сказал: «Ну, ребята, давай садиться». Со всех сторон заковыляли раненые с одним желанием поскорей выбраться из этого ада. Очень быстро машина была загружена до предела и тронулась в путь. В километре от медсанбата дорога выходила на широкий луг. Вдоль дороги тянулись дренажные каналы, обросшие крупным ракитником. Издалека мы увидели какие-то предметы, лежащие на дороге, и что-то более мелкое, висящее на кустах. Когда подъехали ближе, увидели воронку от бомбы на дороге, а вокруг крупные искореженные части автомашины. На ракитовых кустах висели части тех людей, которые находились в кузове машины. Причина случившегося была ясна — прямое попадание бомбы в машину с ранеными. Все были потрясены увиденным. Шофер с большим трудом объехал воронку и дальше повел машину на большой скорости по очень неровной дороге. Раненые ревели от боли, но никто не ругал шофера и не просил ехать медленнее. Только когда дорога свернула в лес, шофер и пассажиры начали приходить в себя. Благополучно добрались до эвакогоспиталя, где, наконец, с нас сняли засохшие повязки и обработали раны. Дали немного отдохнуть и отправили дальше. Я был направлен в армейский полевой госпиталь, который размещался недалеко от г. Волхова.

В госпитале всех раненых тревожило положение наших частей на фронте, где остались друзья. В сводках Совинформбюро, публиковавшихся в газетах, ежедневно была одна фраза: «На Волховском фронте, в районе Синявино, шли бои местного значения». Более подробную информацию мы получали от раненых, поступающих в госпиталь. Противник на левом фланге прорыва

сосредоточил большие силы, перешел в наступление и закрыл выход. Наши войска оказались в окружении под губительным огнем всех видов оружия.

К 1 октября 1942 г. Синявинская операция, унесшая огромное количество человеческих жизней, была закончена. Она не изменила внешнего положения Ленинградского и Волховского фронтов, но имела большое значение, сорвав план немецко-фашистского командования по штурму и захвату Ленинграда.



И. ПАПУЛОВСКИЙ,
майор в отставке,
заслуженный журналист Эстонии,
в 1942 году — стрелок-пулеметчик танка Т-34
29-й танковой бригады

Это была тяжелая работа...*

Встреча во Мге участников Синявинской наступательной операции 1942 года, приуроченная к 40-летию этой тяжелой, кровопролитной битвы, позволила уточнить значение и место гремевшего здесь сражения в истории Великой Отечественной войны, восстановить в нашей памяти многие важные детали, выявить малоизвестные факты. Откровенно скажу, что лично мне эти несколько дней дали больше, чем предыдущие десятилетия. И это несмотря на то, что все сорок минувших лет я помнил о гигантском сражении, развернувшемся тогда в синявинских и мгинских болотах.

Теперь нам хорошо известно, что наступательная операция советских войск в районе Мги и Синявино предотвратила штурм Ленинграда окопавшимися у его стен фашистами вместе с прибывшими из Крыма дивизиями фельдмаршала Манштейна.

Конечно, каждому из нас те далекие дни Синявинской битвы запомнились по-своему, но из всех воспоминаний, как мозаичное панно, складывается общая картина великого подвига живых и павших. Это была страшно тяжелая работа, и не забыть нам, как болотная грязь под нашими сапогами смешивалась с солдатской кровью.

Я был в то время, одним из самых молодых танкистов в 35-м танковом батальоне 29-й танковой бригады. Все события видел с башни своей «тридцатьчетверки», а то и через приоткрытый люк механика-водителя, с которым в машине сидел рядом — за дегтяревским пулеметом. Для моего непосредственного обзора оставалось лишь маленькое круглое отверстие диоптрического прицела. Но в свои 18 лет я любил не только смотреть, слушать, о чем говорят кругом, но и делать свои обобщения. Поэтому в течение десятков лет после войны ждал объективной оценки Синявинского сражения, которое ленинградский профессор Алексей Иванович Болотин образно сравнил с Бородинским 1812 года по значению и результатам.

* Доклад на военно-исторической конференции в пос. Мга 1.10.1982 г.

Накануне первого удара в сторону Синявино Волховский фронт провел отвлекающий маневр южнее города Чудово. В конце августа сорок второго танки нашей бригады были по скрытой лесной дороге выдвинуты перед деревней Большое Опочивалово. Мы провели рекогносцировку, уточнили, где стоят немецкие противотанковые пушки, а потом тихо снялись с места и сделали марш-бросок через Волхов, к станции Большая Вишера. И только на станции Санково эшелон, не доходя до Москвы, повернул на запад, к Волховстрою...

Помню, долго шли наши танки по дороге вдоль высоковольтной линии, от которой остались одни опоры с оборванными, обвисшими проводами. Довольно проворно машины расползались по сторонам во время налетов вражеской авиации, танкисты спешно забрасывали их молодыми срубленными березками. Мы входили уже в прорыв и сразу обратили внимание на то, что пушки, стоявшие справа от дороги, били прямо перед собой — вправо, а стоявшие слева — стреляли влево. Значит, немцы были и справа и слева от нас и, конечно, впереди.

— Это что-то вроде Мясного Бора! — сказал командир нашего танка младший лейтенант Бочкарев.

Из кровавой купели Мясного Бора мы вышли всего два месяца назад и еще хорошо помнили «долину смерти», через которую пробывались к окруженным войскам Второй ударной армии.

Наша «тридцатьчетверка» с башенным номером «407» замыкала колонну 29-й танковой бригады и из-за перегрева мотора отстала от своих. Мачты высоковольтной линии пошли влево, когда мы на полном ходу выскочили на огромную вырубку, за которой стоял смешанный лес. И вдруг из этого леса по танку ударили фашистские пушки. Снаряды взметнули землю впереди машины, потом позади; оказалось, что мы проскочили нужный поворот и по открытой дороге мчались прямо на расположение немецких артиллеристов. Переполох был большой — наверное, фашисты приняли наш рывок за начало танковой атаки...

Выжидательная позиция располагалась вдоль другой выруб-ки — метров двести длиной и около сорока в ширину. Здесь мы готовили машины к бою, сюда подвозились горюче-смазочные материалы и боеприпасы. И отсюда, взвывая моторами, танки уходили в бой.

Через 40 лет после тех событий я встретил однополчанина, бывшего танкиста нашей роты — Николая Афанасьевича Бабушкина из Свердловска. Вспомнили мы наших товарищей — командиров взводов лейтенанта Дзюбу, лейтенанта Меркулова, командира «тридцатьчетверки» старшину Черных.

Тяжело танкистам было в Синявинской операции: танки застревали в болотной трясине, то и дело приходилось нам вместо лихих танковых атак тащить к машинам бревна, приспособлять стальные тросы, вытаскивать друг друга из воронок и ям. Под бомбежками и артиллерийскими обстрелами, под огнем вражеских пулеметов и автоматов.

Где-то числа пятнадцатого или шестнадцатого сентября через вражеские позиции прорвался тремя танками Т-34 взвод лейтенанта Меркулова. Он ушел далеко вперед, круша гитлеровцев огнем и гусеницами. И уже в те дни стал для всех нас легендой. Говорили, что меркуловцы совсем немного не дошли до пробивавшихся навстречу ленинградцев, наверное, видели вдали Неву, но были сожжены фашистами.

Пока бригадные ремонтники в очередной раз приводили в боевую готовность мою четыреста седьмую, младший лейтенант Бочкарев и механик-водитель Антонов были переведены на другую машину, а командиром моего танка стал лейтенант Игорь Сребницкий, за рычаги же сел Володя Федоров. С ними 20 сентября и пошли мы в одну из последних атак.

К бою на острие нашего клина приготовились несколько «тридцатьчетверок» и 5–6 танков-малюток Т-60, экипаж которых состоял всего из двух человек, а вооружение — из малокалиберной пушки ШВАК и одного пулемета.

Было раннее солнечное утро, когда мы через лесную поляну, через низкорослые кустарники двинулись вперед. Я сидел рядом с механиком-водителем за лобовым дегтяревским пулеметом. Над головой раз, и другой, ухнула наша 76-миллиметровая пушка; лейтенант Сребницкий заметил впереди какие-то цели. Мы легко прошли через ряд блиндажей и землянок — из них выскакивали перепуганные гитлеровцы в мышинного цвета шинелях, бежали в стороны от танка. Через ТПУ (танковое переговорное устройство) слышу голос Сребницкого:

— Бей их, бей из пулемета!

Я открыл огонь. Через круглое отверстие над пулеметом вижу падающих фашистских солдат. В этот момент кормовой частью машина провалилась в немецкую землянку, но мотор бешено взревел, и опять перед глазами зеленый, с золотыми блестками пожелтевших листьев кустарник, какое-то неясное движение впереди.

Вдруг танк остановился, над головой опять ухнула наша пушка, и глазам не верю: почти из-под машины, выскакивают несколько гитлеровцев и убегают влево. Оказывается, танк опять наехал на землянку. Я рванул пулемет влево, дал длинную очередь, но не хватило угла поворота. «Тридцатьчетверка» снова двинулась вперед.

Удар немецкого снаряда под основание башни по лобовой броне на мгновение ослепил весь экипаж, крупные искры посыпались на Володю Федорова, на меня, на боеукладку. Второго удара мы не почувствовали. Только ночью, когда оттянули подбитую машину за наши солдатские ячейки, обнаружили в центре люка на заднем броневом листе круглое отверстие, прожженное термитным снарядом. Значит, фашистская пушка выстрелила сзади, вдогонку. А сейчас танк наполнился дымом, огонь побежал по корпусу...

Выскочив из горящей машины, мы залегли позади нее за толстым сваленным деревом. Рядом с нашим танком стояла еще одна «тридцатьчетверка» и пылало несколько малюток Т-60. Впереди, откуда-то сверху, строчили немецкие автоматы. Очередью из них был смертельно ранен наш механик-водитель Володя Федоров — санитары на плащ-палатке оттянули его в лес, оставшийся за нашей спиной. Лейтенант приказал нам с башнером вернуться в машину, а сам пошел искать командира роты или комбата.

Помню, поползли мы к своему танку. Огонь на его броне погас, а дым еще стлался до высоты гусениц. Не знаю, может от горевших рядом «шестидесяток». Когда мы были уже недалеко от своей машины, между нами ударила мина. Меня только оглушило и слегка присыпало комьями грязи, а башенного стрелка ранило одиннадцатью осколками. Я успел проскочить в танк, а стрелок сказал, что мина ударила прямо в меня и от меня ничего не осталось. Так появилось еще одно «похоронное» извещение, посланное писарем батальона моей матери и имевшее для нее драматические последствия.

В танке я обнаружил, что от удара фашистским снарядом по лобовой броне повредило пружины водительского люка, и он теперь не закрывался и до конца не открывался. Заклинило и башню — она тоже не поворачивалась. И когда я увидел, что к танку ползут фашисты, мне пришлось отбиваться через водительский люк из автомата ППШ. К счастью, вскоре я почувствовал, что меня поддерживают огнем из-за танка. Это стреляли залегшие позади подбитых машин наши пехотинцы.

Я ждал, что ко мне проскочит башенный стрелок Алеша Попов, но так и не дождался. Когда стемнело, я вылез из танка и тут же увидел лейтенанта Сребницкого — оказывается, он все время был рядом.

Ночью, когда другой «тридцатьчетверкой» мы потащили нашу машину с «ничейной» земли, немцы открыли бешеный автоматный огонь, пули яростно щелкали по броне, но, по-моему, обошлось без потерь.

Еще несколько дней мы сидели на бывшей выжидательной позиции, которая теперь вся была перепахана бомбами и снарядами,

а в ночь на 27 сентября небольшой группой кое-как подремонтированных «тридцатьчетверок» и «шестидесяток» с боем прорвались через какую-то высотку к Апраксину городку. Перед высоткой, темневшей справа, нас остановили пехотинцы. Они объявили, что дальше хода нет — немцы замкнули кольцо. Прямо по шоссе невдалеке что-то горело, а перед нами, в придорожном кювете, стоял пулемет «максим», нацеленный в сторону огня. Старшего танковой группы позвали в землянку командира полка. Договорились о совместных действиях.

Прорыв через занятую немцами высотку был драматичным, трудным, несколько раз приходилось выбираться из танков и вытаскивать друг друга из ям и воронок, но мы все-таки преодолели полосу немецких траншей, дзотов и блиндажей и на рассвете оказались там, откуда 27 августа началось наступление наших войск. Правда, через день, тоже ночью, вытаскивая из-под носа у немцев наш застрявший танк, 407-я подорвалась на минах и была оттянута в тыл, в расположение 43-й подвижной танкоремонтной базы. Хорошо, что машина шла на приличной скорости и взрыв пришелся под моторным отделением, а не под боеукладкой, где еще оставались нерасстрелянные снаряды. Кстати, в тот раз я через люк механика-водителя выпрыгнул на противотанковую мину, но вес мой оказался недостаточно «весомым», мина не взорвалась...

То, что я рассказал здесь, представляет собой проходной эпизод великой битвы под Синявино, маленький штрих в общей картине. Ничего особо героического, выдающегося, но из таких вот эпизодов, только часто более ярких, и состояла картина. Нелегко было здесь танкистам, но я видел, какую ношу несли ребята из приданных нам десантов автоматчиков, пехотинцы из стрелковых полков, артиллеристы, минометчики, саперы. Порой казалось, все это выше человеческих возможностей — и физических, и духовных, но все перемог советский солдат, вставший на защиту родной земли.

По-моему, для характеристики того, что произошло под Синявино осенью 1942 года, очень подходят стихи поэта-фронтовика Анатолия Чивилихина:

...Тот, кто побыл здесь, едва ли
Забудет и на склоне дней
О битвах, что порой бывали
Иных прославленных грозней.

Думаю, что сказано это о всех нас, дорогие участники Синявинского сражения!

Сергей ОРЛОВ

Не с немцами воюем, а с болотом,
Здесь танки тонут, но мы их ведем...
Ведь кровью обливается пехота
Под пулеметом, на снегу седом.
Под минами мостим из бревен гати,
На скорости замедленной ползем.
Хрипя в укор солдатские проклятья,
Дорваться бы, пробраться, а потом...
С раскрытым люком, без разбора,
По лесу пулеметами хлеща,
Всю силу выжимая из мотора,
Ворваться в деревеньку и с плеча
Бросать в казенник веские снаряды
И стервенеть, и напролом вести
Пятидесятитонную громаду,
Сминая все на яростном пути...

1942 г.



В. И. ИВАНОВ,
бывш. командир взвода 1244 сп 374-й сд

Сентябрь: дни и ночи *

В эти тихие дни осени в моей памяти встают боевые события 40-летней давности. Тогда, в сентябре 1942 года, наш 1244 стрелковый полк 2-й ударной армии прибыл из-под Малой Вишеры в район шлиссельбургско-мгинского выступа. Полк в бой вводился первым из частей и соединений армии в помощь 8-й армии, сражавшейся в районе рощи Круглая.

День 4 сентября начался нашей артиллерийской подготовкой. Дорогу наступающим частям открыли саперы. Они метр за метром ощупывали местность, извлекая из земли смертоносный груз. Около 10 часов полк при поддержке роты танков Т-70 поднялся в атаку. За огненным валом минометов шла и наша рота, руководимая лейтенантом Чибисовым. Прикрывал нас танковый взвод. Огонь гитлеровцев усиливался, особенно мешал нам дот, расположенный у дороги, за лесной полянкой. Чибисов вместе с командиром танкового взвода решили блокировать его.

На броню танков быстро посадили десант, вооруженный противотанковыми гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Машины на высокой скорости бросились к опорному пункту врага. Два танка достигли цели, проскочили огневой вал, и подрывники начали вести бой за уничтожение дота. В его амбразуры полетели противотанковые гранаты, бутылки с зажигательной смесью. Яркое пламя огня охватило дот.

— Ребята, по-пластунски вперед! — скомандовал Чибисов. И вот до переднего края обороны противника остается 50–60 метров.

— Гранаты к бою! — слышатся голоса командиров взводов.

— За Ленинград, за Родину! Вперед! — командует командир роты. И, встав во весь рост, мы с криком «Ура-а!» бросаемся на вражеские окопы, забрасывая их гранатами.

— Штыком и прикладом бей извергов! — слышится голос командира взвода лейтенанта Новикова. Сам он из нагана укладывает немецкого фельдфебеля и тут же хватает его винтовку. На него налетает сбоку фриц. Новиков ловко бьет его по виску прикладом. Проворно действует красноармеец Мерзоев. В этой схватке он заколол штыком трех фашистов.

* Материал из Музея боевой славы 37-й мгинской железнодорожной школы.

Бой окончен — уничтожен дот, три дзота и взята линия обороны противника. Немцы потеряли несколько десятков убитыми и ранеными. Взяты и богатые трофеи: крупнокалиберные пулеметы, противотанковые ружья, большое количество боеприпасов. Тогда-то, в минуты затишья, мы и перебрали в памяти моменты ожесточенного боя.

— Здорово ты, Мерзоев, — говорю товарищу, — разделался с фрицами.

— Сэрдцу стало легче. Я их за родной Грозный, — с кавказским акцентом ответил герой прошедшего боя, сын солнечной Чечено-Ингушетии.

Вскоре я был вызван на КП командира полка, майора Антонова. Только приложил правую ладонь к каске, чтобы доложить о прибытии, как он опустил ее взмахом руки и сказал:

— Товарищ старший сержант, принимайте взвод 1-й роты. Командир взвода вышел из строя. Взводу представит вас лейтенант Чибисов. А обстановку объяснять нечего, сами хорошо ее знаете. Желаю удачи!

Взвод, который был мне доверен, я знал. С многими красноармейцами и младшими командирами мы были вместе в запасном полку. С командиром отделения сержантом Маркеловым, помкомвзвода сержантом Назаровым не раз встречались под Малой Вишерой. В числе красноармейцев был бывший переводчик батальона узбек Джураев, кандидат в члены ВКП(б).

...Наступила ночь. Через порядки нашего взвода ушла за «языком» полковая разведка. Где-то за полночь в стороне немецкой обороны разгорелась стрельба. А вскоре мы различили темные силуэты, прозвучавшие слова пароля. Разведчики возвращались усталые, промокшие. Двое тащили здорового гитлеровца. Как мы тут же узнали, он был из 170-й дивизии 11 немецкой армии, переброшенной из Крыма. Другие несли тело убитого в схватке с гитлеровцами боевого друга. Командир разведгруппы, несмотря на усталость, был бодрым — «язык» оказался очень ценным. В штабе полка он рассказал, что его командование готовит штурм наших позиций. Для этого подтягиваются свежие воинские части, сосредоточиваются артиллерия и танки. Необходимо было готовиться к большой сече. Обо всем этом нам рассказал прибывший во взвод комиссар полка Факторович. Он обошел окопы, побеседовал с красноармейцами.

В это время я был вызван к командиру полка. В его блиндаже былолюдно. Майор Антонов стоял за столом, на котором была развернута карта, он говорил о предстоящем бое. Обращаясь ко мне, он спросил:

— Иванов, сколько во взводе противотанковых ружей?

Я ответил. Тогда он сказал:

— Шесть расчетов с ружьями ПТР передайте лейтенанту Новикову, а вы с группой из взвода в 15 человек будете действовать самостоятельно. Для этого возьмите восемь метких истребителей танков и семь автоматчиков.

Потом, передав мне новую карту, показал:

— Вот дорога, по которой, видимо, и последует танковая атака. Истребителей танков расположите вот в этих точках справа и слева от дороги на расстоянии 20 метров друг от друга. Автоматчиков надо выдвинуть сюда. Двух истребителей танков и двух связных возьмите с собой. Займите позиции в 10 часов вечера.

Из блиндажа я вышел вместе с командиром роты лейтенантом Чибисовым и командиром первого взвода лейтенантом Новиковым. Он, хлопая меня по плечу, сказал:

— Хорошо, что мы, Иванов, вместе. В случае чего, я помогу огнем.

Я знал Новикова еще по Малой Вишере. Ведь я был его помощником во взводе. Поэтому был рад, что первый самостоятельный бой буду принимать вместе с ним. Оставив за себя Назарова, я провел на заданный участок бойцов. Мы скрытно заняли позиции. На рассвете немцы начали артобстрел. Земля дрожала от взрывов снарядов. Огонь был настолько интенсивным, что, как снег, падали скошенные осколками хвоинки сосен и елей.

В 8 часов утра гитлеровцы пошли в наступление. Показались их средние танки Т-4 с автоматчиками на бортах. Они шли в колонне, соблюдая дистанцию 20 метров. Нервное напряжение было такое, что у меня стучало в висках. И вот одна громада, окрашенная в болотный цвет, вышла к нам. На борту — до десятка автоматчиков. Следом идет другая машина, третья... Расчет, залегший впереди, выдержал, как и было приказано, пропустил первые танки. И вот танк сровнялся с ближним ко мне расчетом. Вижу, как летит связка гранат под гусеницы танка, и она распускается по земле. Танк развернуло, и тут же бутылка со смесью летит в моторную часть. Все это длится мгновение. Слышны взрывы гранат других групп, треск автоматов, рев моторов. Три задние танка подбиты. Первый охвачен багровым заревом огня.

Один из двух танков, оставшийся пока невредимым, пытается обойти горящий танк, но тут же рвется на противотанковой гранате, брошенной под гусеницы истребителями первой группы. В колонне подбитых и горящих танков мечется еще один. Но точный бросок зажигательной бутылки Мерзоева останавливает танк. Открылся люк башни, фашистский экипаж попытался

спасти. Но там, за сосной, лежат автоматчики с Мансуровым, и они бьют по врагу. Танки горят, а бой продолжается. Я собрал свою группу. Из пятнадцати человек лишь трое получили легкие ранения. Мы присоединились к своей роте. Она отражала атаку вражеской пехоты.

Командир полка, оценив создавшуюся обстановку, послал своего адъютанта с приказом к командиру минометной роты. Не прошло и пяти минут, как разрывы мин накрыли противника... Фашисты стали отходить. И тут же раздался голос Чибисова:

— Рота! Вперед, в атаку!

В тот раз мы отбросили гитлеровцев. Но силы оказались неравными. Мы не сумели полностью овладеть узлом обороны...

Я рассказал об отдельных эпизодах из боев 1 роты 1244 полка 2-й ударной армии в сентябрьские дни 1942 года. В конце сентября из-за создавшихся тяжелых условий мы перешли к обороне на реке Черной.



Артиллеристы 372-й под Синявином *

Прибыл я в 372 стр. дивизию в феврале 1942 г. После окончания артиллерийского училища. Я был назначен командиром взвода управления 1-й батареи 1-го дивизиона 941 арт. полка.

В конце мая 1942 г. в боях под Мясным Бором я был ранен и отправлен в медсанбат дивизии, где пролежал около месяца. По возвращении в полк наступательные операции под Мясным Бором подходили к концу, бои затухали. Командиром 1-й батареи был старший лейтенант Бельчич, комиссаром — капитан Загузов И. И., командиром 1-го дивизиона капитан Волынский.

Командиром 941 артполка был майор Бобровский, комиссаром — батальонный комиссар Скородумов. В середине июля 1942 года нас сменила другая часть. Нас сняли с переднего края и начали отводить на отдых и пополнение. После ранения я был назначен заместителем командира 1-й батареи по строевой части. Командиром 1-й батареи стал старший лейтенант Шутов П. (после гибели ст. лейтенанта Бельчича).

Нас отвели северо-восточнее Грузино, где был лесок и большая поляна. Здесь проводились занятия с артиллерийскими расчетами.

В это время начал формироваться 3-й артдивизион нашего 941 артполка. Начальником штаба дивизиона был назначен старший лейтенант Шутов. Тов. Шутов забрал меня в 3-й дивизион командиром взвода управления дивизиона.

После незначительного отдыха и пополнения нас переместили на юго-восточную окраину Нижней Назии. Здесь стояли в обороне наши пехотные части. Наш дивизион поддерживал 1236 стрелковый полк, располагавшийся на левом фланге дивизии. Это было в начале августа.

Наш наблюдательный пункт находился на высотке в глубокой землянке, где был оборудован лаз, откуда при помощи стереотрубы мы наблюдали передний край противника.

Перед нами была заболоченная местность, считавшаяся нейтральной полосой. За болотом стояли два подбитых танка. Мы изучали огневые точки противника, фиксировали их на картах и держали под наблюдением.

* Рукопись из музея боевой славы 37 сш пос. Мга.

В конце августа нам сказали, что в этом районе будем наступать. Основное острие наступления намечалось правее, у соседнего с нами полка. Было много попыток форсировать болото и занять немецкие позиции. В начале сентября нам это удалось. Мы переместили наблюдательный пункт туда. Немцы нас непрерывно бомбили и обстреливали.

Поддерживаемый нами стрелковый батальон после занятия первой траншеи сумел продвинуться вперед метров на 200—300 и на этом наступление было исчерпано.

На нашем участке побывал подполковник Бобровский (ему недавно было присвоено это звание). Он проверял боевые действия 3-го дивизиона артполка. Мы узнали, что он исполняет временно обязанности командующего артиллерии дивизии. Но вскоре он был тяжело ранен.

Через несколько дней нас переместили севернее в район деревни Гайтолово. Здесь мы несколько дней наступали, но безуспешно.

В начале октября 1942 г. нас ночью сняли с занимаемого участка и отвели в тыл. Затем перебазировали в район Староладожского канала и разместили в сараях на опушке леса.

Наш наблюдательный пункт был организован на самом берегу Ладожского озера, в районе Бугровского мыса, на тригонометрической вышке. Под вышкой была сооружена землянка, а на вышке была установлена стереотруба. Мы вели круглосуточное наблюдение за побережьем и Ладожским озером. Штаб полка располагался в одной из ближайших деревень на канале. Мы начали готовиться к наступательным боям.



Г. КЕРТ,
*доктор филологических наук,
бывший разведчик
1250 сп 376 сд*

Ленинградский фронт, 1944 год.
Г. Керт (слева) и его фронтовой друг
Г. Зиновьев

*Мой первый бой **

Стоял сентябрь 1942 года. Позади тяжелые дни службы в двойном кольце блокады на Ораниенбаумском пятачке, голод в блокированном Ленинграде, тяжкий труд по строительству дорог и дотов в окрестностях Ленинграда. После госпиталя в городе Тихвине ехали мы с другом в сторону Волховского фронта.

На фронте знакомство у молодых (было мне в ту пору 19 лет) завязывается быстро: расспросили друг друга, как зовут, откуда родом, чем занимался в мирное время, и вот уже друзья. А фронтовая дружба, нигде и никем не учтенная, помогала нам и в боевых действиях, и во время отдыха. Во второй половине сентября мы были на знакомой станции Жихарево и ждали в теплушках назначение в боевую часть. В это время из-под Мясного Бора возвращалась на формирование после тяжелых кровопролитных боев 376-я стрелковая, как мы потом называли «болотно-непромокаемая», дивизия, которой предстояло участвовать в боях по прорыву блокады Ленинграда.

К нам в теплушку стали заглядывать представители различных родов войск с предложениями записаться в тот или иной род войск. Предложения были самыми разными: пехота, разведка, артиллерия и прочие. Первыми к вагону подошли представители разведки. В юношеском порыве мы, конечно, записались туда. Потом подошли представители артиллерии. Здесь мы задним умом смекнули, что в артиллерии воевать менее опасно, и перешли в вагон к артиллеристам. Однако разведчики на то и разведчики, что все помнят. Прошлись вновь вдоль вагонов и стали спрашивать: «Кто записывался в разведку?» Пришлось сознаться, и мы перешли в вагон

* Газета «Карелия» № 54 от 24.05.2005.

к разведчикам. Выдали нам новенькие автоматы ППШ. Помню, как мы гордились этим, ведь такие автоматы выдавали не всем. После тяжелого пешего марша в район северо-западнее Путилова наша дивизия вошла в состав 2-й ударной армии.

Во время перехода произошел один эпизод, не сказать о котором нельзя. На опушке леса вдоль дороги выстроили нашу дивизию. Наш взвод стоял на правом фланге, и мы сначала не могли понять, что происходит. Замполит дивизии зачитал что-то по бумажке двум бойцам; мы из-за ветра и большого расстояния ничего не слышали. Потом к бойцам подошли два автоматчика и встали на изготовку. Бойцы буквально рухнули перед ними на колени и стали хватать автоматчиков за ноги. Причем они не кричали и не стонали; все происходило молча. Автоматчики увернулись от этих объятий. Раздались выстрелы, и бойцов столкнули в вырытые могилы. Зрелище было страшное. Помню, мы были так подавлены, что не могли обсуждать происшедшее, но запомнили крепко.

Перед нами поставили задачу прорвать оборону противника южнее деревни Гонтовая Липка. До этого нам выдали НЗ (неприкосновенный запас). Утром мы вышли на исходные рубежи — это была небольшая открытая возвышенность. Оборона противника, т. е. доты и траншеи, находилась ниже. Местность, которую необходимо было преодолеть, представляла собой сильно заминированное мелколесье. Помимо противопехотных мин, тщательно замаскированных в земле, в достатке были неизвестные нам мины на поверхности земли, взрыватели которых были прикреплены тонкой проволокой к кустам, что давало большой поражающий эффект.

Командир роты с возгласом «За Родину! За Сталина!» поднял нас в атаку. Враг открыл ураганный минометный огонь. Мы побежали, на бегу стреляя из автоматов. Наш взвод автоматчиков от минометного огня пострадал не сильно, так как мы выдвинулись впереди основных подразделений и почти вплотную приблизились к обороне противника. Запомнилась необычная деталь. В роту после Мясного Бора поступило пополнение из среднеазиатских республик. Если кого-то из их соплеменников ранило, ближайшие к нему солдаты сбегались и старались чем-нибудь помочь. Поднимался гвалт, что, естественно, увеличивало потери.

Пройдя минные заграждения, мы залегли почти перед самым носом противника. Помнится, передо мною возвышался огромный дот. Поскольку на нашем участке атака не имела поддержки с воздуха, а танки в связи со сложностью рельефа отсутствовали, враг нещадно поливал нас автоматным и пулеметным огнем. Вот здесь мне пришлось крепко пожалеть о том, что отсутствовала саперная лопата. Но, видно, жажда жизни была настолько велика,

что я буквально руками вырыл себе укрытие. Урок с лопатой был мною хорошо заучен, и впоследствии мы не жалели труда, чтобы поглубже закопаться. Продвижение вперед было невозможно, да и ряды наши сильно поредели. Лежал тихо, так как почувствовал, что кто-то меня «пасет» — то ли снайпер, то ли «кукушка».

Хорошо помню вечер 22 сентября. Прямо передо мной солнце клонилось к закату, и мне подумалось, что это последний закат в моей жизни. Но страха почему-то не было, угнетало чувство обиды от невыполненного долга.

Часто спрашивают, страшно ли было на войне? Отвечаю, да, было страшно. Этот страх был всегда перед неизвестностью, перед боевой операцией. Только усилием воли и чувством собственного достоинства удавалось его преодолевать. И, конечно, приказ командира неукоснительно следовало выполнять. Сильнее страха было стремление не оказаться трусом перед своими товарищами.

Уже стемнело. Теперь главной заботой было не уснуть. Мелькнула предательская мысль закопать комсомольский билет в случае пленения во сне, но тут же устыдился и отбросил ее. Так и лежал в полудреме, пока забавный эпизод окончательно не разбудил меня. Лежа, вдруг почувствовал: что-то шевелится рядом, под боком. Я вздрогнул и инстинктивно схватился за бок. Это оказалась маленькая мышка, с которой я встречал рассвет следующего дня. Наутро был получен приказ вернуться на исходные позиции. Незаметно начал выбираться.

К сожалению, наш 1250-й стрелковый полк не смог выполнить поставленную задачу. Как писала З. П. Верховцева, автор замечательной книги «Стояли насмерть. 1941–1945» (о боевом пути 376-й Псковской Краснознаменной дивизии): «На этом участке (Гонтовая Липка и Гайтолово) долговременная оборона врага имела развитую систему траншей полного профиля, была оснащена большим количеством дзотов и дотов, прикрыта многочисленными минными полями, деревоземляными заборами, несколькими рядами проволочных заграждений. Здесь находилась сильная артиллерийско-минометная группировка, усиленная танками, господствовавшей в воздухе авиацией».

Впереди предстояли кровопролитные бои под рощей Круглой по прорыву блокады Ленинграда, пеший поход по дорогам Ленинградской области, выжженному фашистами партизанскому краю Псковской области, освобождение Пскова, Риги...

А. И. БОЛОТИН,
профессор, ст. л-т в отставке,
бывш. командир взвода топографической разведки
943-го артполка 376 сд

376-я стрелковая дивизия в синявинских боях*

376-я стрелковая дивизия 7 сентября получила приказ о передаче обороны у Спасской Полисти соседним частям и прибытии для погрузки в эшелоны на станцию Большая Вишера. Небольшой путь по железной дороге — и в конце второй декады сентября полки дивизии выгрузились на станциях Войбокало, Жихарево, где без промедления уходили в леса, окружавшие Апраксин городок, Крутой Ручей и другие населенные пункты бывшего Мгинского района.

В ночь с 20 на 21 сентября полки дивизии вышли на исходные рубежи для атаки поселка Гайтолово и прилегающей к нему территории. Ближайшая задача дивизии заключалась в захвате Гайтолова и выходе к западному берегу речки Черная. Гайтолово до подхода наших частей много раз пытались захватить воины 11-й стрелковой дивизии, но немцы на этом участке имели очень крепкую оборону, насыщенную противотанковыми орудиями и дотами.

21 сентября 1942 года в 6 часов 30 минут 1250-й стрелковый полк 376-й стрелковой дивизии начал наступление на высоту 40,5, прикрывавшую восточные подступы к Гайтолово. Атака оказалась неудачной. Наша артиллерийская подготовка в течение 15 минут практически была пародией на артиллерийское наступление. Такая артподготовка не могла разрушить оборону противника и подавить действия его пехоты. Танковая поддержка наступления была маломощной и, кроме того, неэффективной даже в начальный период. Танки увязли в болотной трясине и сами стали мишенями для артиллерии врага. Немецкая авиация не только бомбила, но и с бреющего полета обстреливала позиции наших войск.

Командир дивизии полковник Исаков Г. П. приказал в ночь с 21 на 22 сентября ввести в бой 1248-й стрелковый полк с усиленным отрядом орудий прямой наводки. Ядром артиллерийского отряда стала 1-я батарея 943-го артиллерийского полка. Командиром отряда был назначен старший лейтенант Ерошкин, который в мирное время был преподавателем математики.

* Доклад на военно-исторической конференции в пос. Мга 1.10.1982 г.

Солдаты 1248-го стрелкового полка прорвали вражескую оборону, захватили Гайтолово, и один батальон вышел к берегу речки Черной. Соседнее правофланговое соединение у Гонтовой Липки не оттеснило врага с восточного берега речки Черной и правый фланг 1248-го стрелкового полка оказался под ударом противника. Противник из роши Круглой атаковал и разрезал на две части наш 1248-й стрелковый полк.

На помощь отрезанному батальону 1248-го стрелкового полка в ночь на 23 сентября пробился пулеметный батальон дивизии. Эти два батальона несколько дней сдерживали натиск врага на Гайтолово, но их силы таяли, боеприпасы истощались, питание непрерывно ухудшалось, а враг не жалел бомб и снарядов. Командир 1-й батареи 943-го артполка старший лейтенант Ерошкин в критический момент вызвал огонь на себя. Этот огонь временно ослабил натиск врага и позволил небольшим остаткам раненых солдат двух батальонов выйти из окружения в Гайтолово. Старший лейтенант Ерошкин избежал гибели в этом бою, но вскоре погиб вблизи Гонтовой Липки, где его батарея вновь сдерживала натиск врага из роши в сторону Апраксина городка.

Сильный удар по нашим войскам враг нанес 24 сентября. В этот день наши части в течение семи часов находились под ударами немецкой авиации и артиллерии. Вражеские самолеты шли волнами с интервалами не более часа. Самолеты интенсивно бомбили боевые порядки артиллерии. Одна из бомб тяжело ранила комиссара 1-го дивизиона 943-го артполка Киселева и писаря Сукачева. Позиции 1-й и 2-й батарей, находившихся в районе Апраксина городка и деревни Новая, были изрыты воронками от бомб и снарядов. На участке 376-й стрелковой дивизии горели лес и торф. Разрывы создали шум, который мешал подаче команд и не давал возможности сосредоточить мысли на анализе хода событий. Связь часто нарушалась, и каждое подразделение практически решало задачи самостоятельно. Пехотные полки превратились в роты без командного состава. В этой обстановке самым правильным решением был отход на исходные рубежи, где имелись траншеи, дзоты и блиндажи.

Отход остатков дивизии на исходный рубеж не ослабил натиск врага. Фашисты стремились захватить перекресток дорог у дома лесника, где они могли ударить по флангам наших войск у Тортолово и Гонтовой Липки. Мечта врага не сбылась. Воины 376-й стрелковой дивизии удержали свои траншеи. Большая заслуга в отражении яростных атак врага принадлежала в этот период подразделениям связи. Связисты Маковеев, Рябин и другие беспрерывно находились на линии и своевременно соединяли оборванные

провода. Четкая работа связи обеспечивала концентрацию нашего артиллерийско-минометного огня в нужный момент на наиболее опасных направлениях атак врага.

Стрелковые полки дивизии, превратившиеся в роты, ежедневно пополнялись солдатами из маршевых рот и обслуживающих подразделений. Воины дивизии держались стойкой ружейно-минометным огнем уверенно отражали атаки врага. Много атакующих фашистов погибло на минах, установленных перед нашими траншеями и огневыми точками.

Отход войск 2-й ударной армии на исходные рубежи завершился 30 сентября. Большое число тяжелораненых попало в плен и пополнило списки без вести пропавших. Противник продолжал бомбить и обстреливать наши боевые порядки. В районе интенсивной бомбежки 2 октября оказался штаб 1-го дивизиона 943-го арtpолка. Дорога от поселка Крутой Ручей до Апраксина городка была изрыта воронками. Верховное Главнокомандование опасалось, что враг прорвет нашу оборону и развернет наступление на Волховстрой, однако врагу было не до этого. Его потери были велики.

Накал боев в период синявинского сражения четко охарактеризовал маршал Советского Союза П. К. Кошевой, который в этих боях командовал 24-й гвардейской стрелковой дивизией. Он в своих воспоминаниях отмечает: «Нам, после боев на Волховстрое и блокадной дуге, наступление на котельниковском направлении показалось более легким».



А. МИТЬКИН,
*полковник в отставке, бывш. командир взвода
управления 943-го артполка 376-й стрелковой дивизии*

Рассказ артиллериста *

Я, ветеран 376-й стрелковой дивизии, проходил службу с мая 1942 года по август 1944 года в 943-м артиллерийском и 1250-м стрелковом полках в должности командира взвода управления, начальника разведки дивизиона, командира батареи.

Вчера мы побывали на местах боев, невольно вспоминая то, что было 40 лет тому назад на этой земле. Она содрогалась от разрывов бомб и снарядов, она стонала от пролитой крови, она пылала в огне пожариц. Еще время не затянуло ее раны, еще живет в наших сердцах скорбь о погибших товарищах.

Мне, как артиллеристу, в этих боях выпала скромная миссия вести артиллерийскую разведку, без разведки артиллерия слепа, так же как без связи глуха.

Для планирования огня артиллерии необходимы достаточно точные разведывательные данные о противнике, их надо добыть во что бы то ни стало и в любых условиях.

Местность в районе боевых действий была лесистая и болотистая, изрезанная небольшими, но трудно проходимыми реками и ручьями.

Обзор местности с одного пункта был крайне ограничен и приходилось выдвигаться очень близко к переднему краю противника, вплоть до выдвижения в нейтральную зону. Осложнялось это еще и тем, что у нас не было приборов, с помощью которых можно было бы с достаточной точностью определить координаты целей противника. Были стереотруба, bussоль и не всегда секундомер. Сопряженное наблюдение из-за условий лесистой местности применить было очень тяжело, а, как известно, неточность определения координат целей ведет к излишнему расходу снарядов, и стрельба без пристрелки малоэффективна, но пристрелку не всегда можно провести, ибо это связано с преждевременным вскрытием своей артиллерии.

Помню, мы поддерживали ввод в бой полка второго эшелона дивизии. Обеспечение ввода в бой осуществлялось артиллерийским огнем налетом небольшой продолжительности, причем плотность огня была невысокая, при малом расходе снарядов и недоста-

* Доклад на военно-исторической конференции в пос. Мга 1.10.1982 г.

точной точности огня необходимая степень поражения противника не достигалась, и наша пехота при атаке несла большие потери.

В ходе боевых действий я замечал, что с началом проведения операции проводилась мощная артиллерийская подготовка с большим расходом боеприпасов, но в последующие дни наступления расход боеприпасов резко сокращался. Хорошо получалось, когда прорыв успешно осуществлялся, но когда прорыв обороны противника в первый день не достигался, в последующие дни обеспечение наступления проводилось небольшой огневой подготовкой, чаще одним огневым налетом, после которого атака, как правило, успеха не имела.

Во время прорыва блокады Ленинграда в январе 1943 года я был командиром взвода управления 943-го артиллерийского полка 376-й дивизии, которая прорывала оборону в районе Гайтолово—Гонтовая Липка. Артиллерийская подготовка наступления на нашем участке была мощная, но дивизия успеха не имела. Одной из причин, на мой взгляд, было то, что некоторые долговременные огневые точки не были разрушены или надежно подавлены. Для их разрушения требовалось прямое попадание снаряда крупного калибра, но во время огневой подготовки корректирование огня по отдельной цели почти невозможно, а без корректировки иметь прямое попадание в дот маловероятно, поэтому некоторые огневые точки оказались живыми и сыграли свою роль. Танки на нашем участке прорыва применить было трудно, так как местность в районе боевых действий, особенно на подступах к обороне противника, была болотистая, труднопроходимая для танков.

Артиллерийская подготовка на нашем участке на второй день была гораздо слабее, и противник продолжал упорное сопротивление.

В дальнейшем нашему 943-му артполку пришлось обеспечивать боевые действия наступающих войск в районе роши Круглой. В этом районе приходилось вести разведку в сложных условиях: лес, зима, большой снежный покров маскирует цели. Видимость небольшая, глубина обороны противника с наземных пунктов почти не просматривалась, причем противник в системе своей обороны строил завалы из леса, что еще больше затрудняло наблюдение и разведку его обороны. Для того, чтобы добыть сведения о противнике, его огневых средствах и инженерных сооружениях, приходилось постоянно сближаться с противником. Это, в свою очередь, вызывало трудности в работе с приборами, а без приборов не та точность.

В районе роши Круглой на отдельных участках наш передний край отстоял от переднего края противника на 60–70 метров, что

затрудняло стрельбу артиллерии с закрытых ОП по переднему краю противника.

Корректировка огня артиллерии проводилась с передовых наблюдательных пунктов (ПНП), садились корректировщики и в танки при их наступлении.

Разведку в основном вели с ПНП, но надо сказать, что привязка этих пунктов осуществлялась неточно. Надо сказать, что на протяжении всех дней нашего наступления противник наносил по нашим войскам сильные и частые огневые налеты с большим расходом боеприпасов.

После прорыва блокады, помнится, в феврале 1943 года, наш 943-й артполк поддерживал наступление 73-й отдельной морской бригады на Синявинских высотах. Шли ожесточенные бои. Противник в районе Синявино создал сильный оборонительный рубеж, хорошо оборудованный в инженерном отношении.

Для укрытия огневых средств противник в системе своей обороны построил бетонированные колодцы. После огневого налета бригада дружно рванулась в атаку и успешно продвигалась вперед, но при подходе к проволочному заграждению была встречена сильным огнем. Оказалось, что во время нашей артиллерийской подготовки противник свои огневые средства укрывал в этих колодцах, где уничтожить их очень трудно, а к моменту атаки, когда наша пехота уже близко подходила к его переднему краю, он выдвигал их на площадки и открывал огонь по нашим наступающим подразделениям. В этот момент, когда войска находятся близко от противника, огонь артиллерии с закрытых ОП по переднему краю вести опасно для своих войск.

Местность для подхода к НП была открытая, передвижение, особенно в дневное время, было опасно, но задачу свою мы выполнили.

Пользуясь случаем, хочу сказать о своих командирах, боевых товарищах, с которыми мне пришлось пройти свой боевой путь и учиться у них воевать. Никогда не затмится в памяти командир батареи П. Я. Семерин — сильная, бесстрашная, волевая натура, чуткий, внимательный, отзывчивый товарищ. Помнятся боевые друзья-разведчики: ст. лейтенант Матюшин, лейтенант Л. С. Ручайский, мл. лейтенант Ерохин и другие. Помнится техник-лейтенант Савельев. Это он, наш парторг, помог мне связать свою жизнь с партией.

Сибиряки под Синявино*

После Мясного Бора и переформирования наша дивизия участвовала в Синявинской операции. Когда мы шли на передовую, я посмотрел на карту. Должен на пути быть Апраксин городок, но его не было. Вообще в этой местности на карте много значилось поселков, но не было ни развалин, ни одного бревнышка, просто чистое место. Немцы использовали все дома на дзоты, укрепления, надеялись жить здесь долго. Нашу дивизию бросили под Тортолово и Гайтолово. Эти поселки также значились только на карте.

Под Тортоловом и Гайтоловом наша дивизия держала оборону. Немцы почти ежедневно атаковали нас. Самолеты начинали бомбить с 8 часов утра и непрерывно до самого темна. В каждом вылете было до 18 бомбардировщиков в сопровождении истребителей. За световой день делали от 6 до 8 вылетов. Самолеты пробомбят, начинается обстрел, после артобстрела снова вылетают самолеты. И так ежедневно целую неделю. Занимаемую нами оборону — клочок земли — ископали весь. Не было ни одного метра, где бы не упала бомба или снаряд. Ходы из КП батальонов были завалены, приходилось ползать по воронкам и рывинам. КП приходилось строить почти ежедневно на новом месте. Солдаты и офицеры прировнились: как самолеты отбомбят, в эти воронки переползали, потому что на следующий день в это место бомбы сброшены не будут. Потери личного состава сократились. А потом начались ежедневные атаки немцев. Бросали по 10 и более танков в сопровождении одного-двух батальонов. Мы поняли, что они прощупывали слабые места нашей обороны. Но дивизия стояла стойко, не отступая ни на шаг. Солдаты бросались с гранатами под танки, погибали смертью храбрых. Однажды я был на КП второго батальона и попал под артналет. Невдалеке рвались снаряды немецкого шестиствольного миномета (мы его называли «скрипачом»), имевшие сильную взрывную волну, от которой человека в землянке подбрасывало кверху. Я ударился дважды о бревна потолка.

* Рукопись из Музея боевой славы 37-й Мгинской школы.

Немцы с самолетов сбрасывали листовки, обращались к нашим солдатам: «Сибиряки, мы знаем, что вы храбро деретесь, не понимаете законов войны, ведете наступление ночами, погибаете по лесам. Переходите на нашу сторону и мы вам дадим полную свободу жизни». Но никакие листовки на сибиряков не действовали, и в плен ни один солдат не сдался. Немцы сколько не пытались захватить нашего «языка» — ни разу не могли. Помню, одна немецкая разведгруппа пыталась взять нашего языка в районе Гайтолова, но наткнулась на боевое охранение 3-го батальона. Немецкий офицер попал в плен и был доставлен на КП полка. Он сказал, что ему сам генерал давал задание взять хотя бы одного сибиряка в плен. «Генерал очень хочет посмотреть, что за человек сибиряк. Я тоже хотел смотреть, какой сибиряк есть человек. У нас говорят: сибиряк высокий, здоровый, медведю давит горло». Мы стояли в землянке и с хохоту чуть не падали. Командир полка показал на меня: вот он — чистокровный сибиряк. Немец покачал головой: «Нет, вы, русские, прячете сибиряков, это русский секрет, а ночью направляете к нам, чтобы задушить».

Через несколько дней случилось необычное событие. У нас в полку был командир музыкального взвода лейтенант Тогушанов, призванный из Томска. Музыка в полку никакой не было, и командир в основном занимался похоронными делами. Взвод собирал на поле боя убитых и организовывал похороны. Лейтенант уточнял фамилии и подавал списки в штаб полка. У Тогушанова был баян. Он договорился с командиром 2-го батальона и полковыми артиллеристами, чтобы наблюдали и дали хороший огонек. Вышел из траншеи на бруствер, встал во весь рост и на баяне заиграл немецкий марш. Немцы вылезли из своих траншей, встали по фронту и застыли по стойке «смирно». Тогда наши артиллеристы, пулеметчики, автоматчики, короче говоря, все, кто имел оружие, открыли массированный огонь по ним. Мало кто из немцев остался в живых. Ночью наша разведка уточнила, что линия фронта перед нашим полком свободна, но к утру прибыла новая немецкая часть. Мы не сумели перейти в наступление сразу, а через сутки передний край немцев был сильно укреплен, и наше наступление сорвалось.

В этом бою погиб смертью храбрых полковой комиссар Виноградов. Он прибыл в наш полк в июне 1942 г. и за короткое время завоевал большой авторитет среди личного состава. Комиссар в своих беседах с солдатами узнавал их настроение, интересовался семьями, советовал, что писать домой, хорошо знал душу солдата. Во время боя он находился на переднем крае, попал под пулеметную очередь и был перерезан пополам. Похоронили его на возвышенности недалеко от поселка Гайтолово.

Вскоре был ранен и командир полка майор Анищенко. Наша дивизия понесла большие потери и была отведена на формирование в село Назия.

Вскоре после этих боев в дивизии появилась песня, которую сочинил писарь Беляев.

Застольная 372-й

Сядем, друзья, по обычаю Родины,
Сядем за общим столом.
Выпьем за дружбу, за путь нами пройденный,
И вспомним, друзья, о нем.

Вспомним, как в битвах на Ладогe вспененной,
Бури нам били в лицо.
Вспомним, как штурмом у города Ленина,
Рвали блокады кольцо.

Вспомним, как подлых захватчиков выкинув
С Волховской древней земли,
Наши полки под командой Радыгина
В Новгород с боем вошли.

Вспомним, как ночью в кровавой испарине
Шли мы сквозь огненный вал.
Вспомним, как полк Александра Татарина
Немцам пути отрезал.

Вспомним, как с бандою вражеской нечисти
Бился бесстрашный Черных.
Вспомним о павших во славу Отечества
Наших друзей боевых.

Выпьем за всех, кто за счастье народное
Дрался, забыв о себе.
Выпьем за подвиги их благородные,
Выпьем за стойкость в борьбе.

Выпьем за все, что к победе приблизило
Русский великий народ.
Выпьем за честь Новгородской дивизии,
Выпьем, а завтра — в поход!



Н. М. СТРЕЛКОВ,
*Герой Советского Союза,
полковник в отставке,
бывш. зам. командира
440-й отдельной разведроты 372-й сд*

Разведчики 372-й в Синявинской операции *

После выхода из окружения под Мясным Бором нас отправили на отдых и переформирование.

Быстро пролетели дни переформировки, и дивизия получила приказ сосредоточиться в районе Вороново—Гайтолово. Войскам была поставлена задача: перейти в наступление в направлении станции Мга с выходом к Неве и соединением с войсками Ленинградского фронта. (...)

Первые дни наступления принесли нашим войскам заметный успех. Ведя ожесточенные, кровопролитные бои, наступавшие сумели продвинуться в направлении ст. Мга и Синявинских высот на глубину 5–6 км. Реальная перспектива прорыва блокады Ленинграда сильно встревожила командование вермахта, и оно срочно передислоцировало в этот район свежие части с других участков фронта. В частности, именно наша разведрота первой обнаружила прибытие из-под Севастополя 11-й армии вермахта, с помощью которой немцам удалось остановить продвижение наших войск и частично окружить их. (...)

С прибытием частей 11-й армии на наш участок фронта соотношение сил резко изменилось в пользу противника. Перехватив инициативу, немцы ударами с флангов отсекали часть наших продвинувшихся вперед войск и начали сжимать кольцо окружения. Ситуация сложилась критическая. Нашей разведроте было поруче-

* Сб. «Ветеран», вып. IV, Лениздат, 1990, с. 326–327.

но искать пути вывода окруженных частей из немецкой ловушки. Этим делом мы и занимались с конца сентября и до пятого октября.

Из числа личного состава 440-й разведроты было создано в те дни шесть или семь групп разведчиков, которые вывели из окружения в общей сложности около тысячи бойцов и командиров различных частей и соединений. Одну из поисково-спасательных групп возглавил в те дни я.

Помню, посреди какого-то болота, на кочке, под кустом, нам встретился пулеметчик с «максимом». Первый номер был убит, а второй, заняв его место, сжав ручки пулемета, готовился дорого отдать свою жизнь. Не наткнись на этого пулеметчика наша разведгруппа, он был бы обречен...

Несколько десятков человек спасли мы тогда и из торфяных буртов, оставшихся на старых торфоразработках. Немцы не могли к этим буртам подойти, так как кругом была открытая болотистая местность, а наши не могли своими силами вырваться из окружения. Выходили, как правило, ночью или рано утром, чтобы уменьшить потери от авиации противника, господствовавшего в воздухе.

Среди выведенных нашей группой из окружения преобладали бойцы и командиры 4-го стрелкового корпуса. Последний рейд в зону окружения наши разведчики сделали 5 октября 1942 года, воспользовавшись известным только нам проходом между деревнями Гайтолово и Гонтовая Липка. Было выведено из окружения 280–300 человек. К сожалению, спасти всех, попавших в беду, не удалось...





*Л. З. КУШЕР,
полковник в отставке,
в 1942 г. — ст. лейтенант,
командир минометной батареи 372-й сд*

В бою подо Мгою рвутся снаряды,
Сметая живое с земли,
Когда наших танков тяжелых громады
На запад вперед поползли.

У самого леса, у малой высоты,
Где шквальный огонь бушевал,
Парнишка в военном бежал без пилотки
И с криком руками махал.

От раны лицо его жутко алело
В лучах восходящей зари.
А поле вокруг от разрывов кипело,
И комья летели земли.

Я парня не видел смелее,
Он к нам через смерть добежал.
«Там мины. Возьмите правее», —
И тут же на землю упал.

Мы в грохоте боя на миг позабыли
Парнишку с кровавым лицом.
И лишь после боя его схоронили
Под тихим раkitным кустом.

Кто он? Его имени мы не узнали,
Лишь память о нем сберегли.
И часто потом вспоминали
Парнишку со мгинской земли.

Н. И. ДИЮК,
бывш. разведчик штаба артиллерии 32-й осбр

Выход из окружения штаба бригады *

Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. я служил в 32-й отдельной стрелковой бригаде. Сообщаю некоторые сведения из боевого пути штаба бригады во время нахождения ее в окружении в 1942 году.

Это было в начале октября 1942 года. До этого бригада в составе войск 2-й ударной армии участвовала в прорыве фронта в районе станции Мга, Синявино и других пунктах. Я был в то время рядовым разведчиком-артиллеристом при штабе артиллерии бригады. В последние дни окружения наш штаб состоял из начальника артиллерии майора Мязина и меня, все другие работники штаба погибли в окружении и при прорыве фронта. Помню, во второй половине дня (дату забыл) мы со штабом бригады во главе с командиром бригады подполковником Сухоробровым начали отход к линии фронта с целью выхода из окружения. Продвигаясь под непрерывным огнем неприятеля, мы вечером подошли к КП нашего артиллерийского дивизиона, которым командовал старший лейтенант Красниенко. Вскоре на командный пункт посыпались мины и снаряды, а затем более взвода немецких автоматчиков атаковали наш штаб.

Нас было мало, немцев больше, но мы приняли бой. Все, начиная от командира бригады до солдат комендантского взвода, отражали атаки немцев, часто дело доходило до рукопашных схваток. Этот бой мы выстояли, он продолжался до темноты, после чего немцы, понеся большие потери, отступили. Мы тоже потеряли много своих товарищей. Были убиты начальник связи бригады, командир комендантского взвода и многие другие. Не вышел из окружения и начальник артиллерии бригады майор Мязин. По окончании боя мы, оставшиеся в живых и раненые, продолжали движение к фронту и к утру прорвались к своим. Затем остатки штаба и вышедших из окружения подразделений были направлены в г. Данилов на отдых. В дальнейшем наша бригада вела бои на Северо-Западном фронте.

* Сообщение на военно-исторической конференции в пос. Мга 1.10.1982 г.

М. К. КУДРЯВЦЕВ,
доктор исторических наук,
в 1942 г. в/т I ранга, зам. командира 1 батареи
849 ап 294 сд

Сентябрь 1942 года *

Я был мобилизован 1 июля 1941 года. Будучи топографом со званием старшего воентехника, т. е. с тремя кубиками в петлицах, я попал в 8-й топографический отряд. Расположенный в Ленинграде, он занимался картографированием. 31 июля я был отправлен на фронт в соединение, именовавшееся «Кингисеппский участок обороны», на должность старшего топографа корпуса. Но оказалось, что должность эту уже занимал мой однокурсник по техникуму. Начальник штаба прикомандировал меня к штабу артиллерии на несуществовавшую в его штате должность старшего топографа. Так я стал артиллеристом.

Мне довелось быть участником двух попыток прорвать оборону немцев под Ленинградом со стороны Волховского фронта. В марте—апреле 1942 года наши части вновь начали штурм немецких укреплений в районе Погостья, где была повторена январская попытка. Бои были трудные, немцев оттеснили за линию железнодорожной магистрали Ленинград—Москва, но развить успех не удалось.

В сентябре 1942 года было предпринято большое наступление в направлении Невской Дубровки, на соединение с защитниками этого плацдарма, обильно политого кровью наших солдат. О знаменитой Невской Дубровке надо писать книгу, где каждая страница — это тысячи погибших во имя нашей Победы. Такую же трагическую, но полную героизма повесть можно писать о тех, кто шел на прорыв к защитникам плацдарма.

Немецкая оборона была прорвана, в прорыв вошло два корпуса, однако она была слишком глубока, а наступление наших частей не было поддержано на флангах и на других участках. Нас окружили. Кончались боеприпасы, продовольствие. В котелках варили мясо коней, убитых две недели назад. Из окружения прорывались с боем. Прорвались немногие. Из артиллерийского полка, в котором, я служил, вышло около 30 человек. В моей батарее — я был тогда заместителем комбата — вышли 9 человек из 57, из них 5 — тяжелораненых.

* Рукопись предоставлена П. Г. Апелем.

После сентябрьских боев 1942 года пришлось быть в обороне на Волховском фронте у так называемого «Сокольега моха». Гиблые места. Много наших полегло там, но немец дальше не прошел. А в 44-м отсюда его погнали на Запад и гнали от Синявинских и Мгинских болот до Берлина. В этих наступательных боях под Ленинградом мне не довелось участвовать: мою часть перебросили на Степной фронт, где началось наше крупное наступление.

...Немцы нажимали. Они взяли Кингисепп, затем Ивановское и все больше теснили нас к Ленинграду. 8 сентября 1941 года в печальный для ленинградцев день бомбардировки немецкой авиацией Бадаевских продовольственных складов рано утром, избежав пленения, мы прибыли в Ленинград. Вскоре наш штаб артиллерии в полном составе влился в Невскую оперативную группу, штаб которой стоял в Колтушах, а фронт проходил по правому берегу Невы вниз от Шлиссельбурга. Он включал и плацдарм на левом берегу Невы, ставший известным как Невский «пяточок».

В начале ноября основной состав нашего штаба был отозван в штаб артиллерии внутренней обороны Ленинграда.

Не имея специального образования в крупных артиллерийских штабах, я получил некоторые навыки оперативной работы, часто выполняя функции оперативного дежурного, а 16 февраля меня отправили на Волховский фронт через Ладожское озеро. Здесь, в 294-й стрелковой дивизии, началась для меня не оперативная, а уже строевая артиллерийская служба. Начинать с командира взвода.

В марте наша дивизия получила пополнение. К нам пришли сибиряки в полушубках и валенках, тогда как мы буквально околели в шинелях и сапогах (морозы-то были жестокие). В составе 54-й армии в марте мы начали наступление с целью овладения Любанью с северо-востока. Немцы оказали упорное сопротивление, тем не менее мы взяли разъезды Погостье и Шала на железнодорожной линии Мга—Кириши и продвинулись вперед.

Не могу не рассказать об одном эпизоде. В ходе наступления на месте бывшего торфяного поселка Шала должен был расположиться штаб дивизии. Меня с несколькими солдатами послали выбрать лес для рубки на накат землянок. Выйдя на опушку, мы увидели просеку, в начале которой были две пирамиды стреляных гильз. Поняли, что здесь стояли два спаренных пулемета немцев. Тут же на просеке, начиная от пулеметов и в глубь леса, лежало множество наших солдат, окоченевших в самых разнообразных позах. Впереди был командир с тремя кубиками в петлицах. Все были с лыжами.

Вернулись в штаб, доложили. Оказалось, накануне ночью в обход Шалы был выслан наш лыжный батальон. Как стало

очевидным, немецкие пулеметчики подпустили его по просеке вплотную к пулеметам и открыли бешеный огонь. В таких условиях едва ли кто из батальона уцелел. Начальство вызвало трофейно-похоронную команду убирать убитых, а штаб дивизии вслед за войсками двинулся вперед. Наши потери были такими, что за несколько дней наступления мало кто остался от сибирского пополнения и от дивизии вообще. В каждом полку остались несколько десятков активных штыков. Когда потребовалось провести разведку, возглавил ее сам командир дивизии, собрав уже не разведчиков, которых не было, а солдат, обслуживающих штаб дивизии и тылы. Вся разведка во главе с командиром дивизии погибла. Наше наступление остановилось далеко от Любани, и мы стали в оборону на реке Смердынке. Не меньшие потери в это время понесла, и еще меньших успехов добилась 2-я ударная армия под командованием печально известного генерала Власова, наступавшая на Любань с юга.

Летом 1942 года я был назначен заместителем командира первой батареи 849-го артиллерийского полка 294-й стрелковой дивизии. Командиром батареи был парень лет 23–24 Иван Пашков. В должности его заместителя со званием старшего воентехника я был и в сентябре.

Дивизия наша уже летом 1942 года была снята с обороны под Смердынкой, выведена на некоторое время на оборонительные позиции севернее по реке Назия, здесь пополнена, а затем переведена севернее железнодорожной линии Ленинград—Волховстрой и передана стоявшей в резерве 2-й ударной армии.

В августе Волховским фронтом совместно с Ленинградским была задумана операция по прорыву блокады Ленинграда. Войска Волховского фронта должны были прорвать оборону противника южнее Ладожского озера, взять Синявино и устремиться через торфяные поселки к Неве, откуда навстречу им должны были двинуться с Невского плацдарма войска Ленинградского фронта. Встреча войск должна была произойти где-то севернее Синявина. Операция получила название Синявинской.

27 августа 1942 года наступление начала стоявшая на правом фланге Волховского фронта 8-я армия. Противник стоял упорно на хорошо оборудованных позициях. Однако севернее деревни Гайтолово, вдоль высоковольтной линии, идущей от Волховстроя в Ленинград, войскам удалось прорвать эту оборону на узком участке и закрепиться в глубине вражеской обороны. Но немцы наседали, и потери прорвавшихся частей были велики. Командование фронта решило бросить в прорыв бывшую в резерве фронта 2-ю ударную армию (в том числе и нашу 294-ю дивизию). Перед ней ставилась

задача взять Синявино и выйти на соединение с войсками Ленинградского фронта.

Не знаю, когда выступили с места сосредоточения наши стрелковые полки, а артполк выступил в ночь на 4 сентября. Командование рассчитывало, что мощный удар свежих сил через прорыв на Синявино будет неотвратим и четвертого же числа мы соединимся с Ленинградским фронтом. Во всяком случае, такая задача ставилась перед дивизией и доводилась до сведения людей, до рот и батарей...

Наши пушечные батареи (76-миллиметровые пушки 1931 года на гаубичном лафете) были на конной тяге. Каждую везла шестерка крупных артиллерийских лошадей (3 пары), да еще повозки со снарядами и снаряжением. Орудийные расчеты шли пешком. Так что для артиллерии и авиации противника батарея на марше представляла заметную цель. Однако до нашего подхода к месту прорыва нас никто не беспокоил. И только в месте бывшего прорыва, севернее деревни Гайтолово, на дороге, идущей вдоль высоковольтной линии, неожиданно с флангов нас обстреляли пулеметы. Стрельба была беспорядочной, но столь интенсивной, что мне пришлось командовать батарее «рысью марш!». И мы помчались по совершенно разбитой воронками военной дороге.

А почему командовал именно я, следует объяснить. Командир батареи Пашков был в это время, как и положено, в боевых порядках передовых стрелковых частей, т. е. в одном из полков. Заместитель его должен в этом случае командовать батареей, занимать огневые позиции и вести огонь по командам командира батареи, находящегося на передовом наблюдательном пункте. В этом случае заместитель официально считался «старшим на батарее».

Я вел батарею в составе трех орудий, так как одно из них в это время было в ремонте.

Три орудия — это восемнадцать только артиллерийских коней да еще обоз. Я и солдаты шли, а где-то и бежали, пешком. На спуске к речке Черной мы оказались вне поля зрения немцев, и фланговый огонь по нам прекратился. Но сама речка, уже без моста, составляла изрядное препятствие для орудий. В этом случае командуются «расчет на колеса» и общими силами пушки преодолевают препятствие.

Только мы выбрались из речки, как услышали шум сильной бомбардировки. Сначала подумали, что наконец-то начальство удостоило нас артподготовки. Но, увы, артиллерийским огнем, авиацией, не говоря уж о танках, наше наступление так и не было поддержано. Это была интенсивная бомбардировка немецкой авиацией наших передовых частей. В ней погиб почти полностью один из наших батальонов, и сильно пострадал полк.

Не доходя до Синявина полутора-двух километров, войска наши были остановлены противником. Синявино было расположено высоко, на неожиданно для этих мест крутой горе, а наши части заняли позиции на болоте под горой, и хорошо еще, что в лесу, а не на открытом месте.

Пройдя от Черной речки километра два вдоль высоковольтки, мы свернули по дороге направо, и я получил приказ от командира дивизиона стать на огневые позиции на опушке леса. Она оказалась единственно удобной позицией в этих местах, так как перед орудиями была чистая поляна и не пришлось вырубать сектор обстрела. Рядом с моей стали на огневые позиции еще две пушечные батареи нашего полка. Командиры этих батарей, как и мой, были на передовых наблюдательных пунктах, километрах в полутора от нас.

Мы поставили орудия (у меня их было три, а у соседей — тоже неполный состав) и одновременно выкопали ямы для укрытия лошадей. На это ушло утро. Себе землянки вырыть не успели, ограничились «щелями». Еще не сделав ни одного выстрела, подверглись бомбардировке с воздуха. Уже не помню, сколько погибло людей, но лошадей погибло 14 из 18. Их хомуты мы сложили пирамидкой на высоком пеньке.

Тем временем взводы управления установили телефонную связь с наблюдательным пунктом командира батареи. Заработала и радиосвязь. Начали вести огонь. Вместе с тем надо было похоронить убитых, эвакуировать раненых, зарыть трупы лошадей, накормить людей. Всем этим мне пришлось заниматься с первого дня сентябрьских боев, и я почувствовал, что такое — командовать батареями. Ни мне, ни солдатам было не до сна, особенно если расчеты вели огонь и грохотали наши орудия, а еще хуже, когда нас громили вражеская артиллерия и авиация. А так было ежедневно и по многу раз в день. Все те же обязанности вести ответный огонь, хоронить убитых, эвакуировать раненых, а вскоре и добывать боеприпасы... Тем не менее как-то спали по часу-два, уже не ночью, а когда придется.

Через несколько дней из личного состава батареи почти не осталось боеспособных солдат. Пополнение нам приходило из полка, из состава тех батарей, которые не стояли на огневых позициях. Итак, мы — три неполные батареи — перевели на своих огневых к концу сентября весь солдатский состав полка, за исключением некоторых обозных и других тыловиков, так или иначе пробивавшихся к нам, снабжавших нас продовольствием и боеприпасами и увозивших раненых.

С боеприпасами становилось все хуже. Многие повозочные не только нашего полка и нашей дивизии не доезжали до нас,

подвергались артиллерийским налетам и сваливали снаряды на обочине дороги.

Через неделю расчеты вырыли себе блиндажи и накрыли их в 2—3 наката. У радистов была крытая щель. Тем не менее большую часть дня люди были на поверхности. Крутился между ними и я, выполняя свои обязанности. И первое время людей удивляло, что вот они непрерывно убывают в числе и меняются в составе, а я все жив и даже не ранен. Случалось, что во время артналета, минометного обстрела или бомбежки застигнутые ими солдаты бежали на то место, где лежал я, и ложились рядом. Подобные перебежки были опасны. Но они думали, что я, командир, знаю, где лечь, и потому жив. А у меня было правило: где застал обстрел, там же и лечь, не поднимая головы и, как тогда говорили, «нюхал землю».

Но раз обстрел тяжелыми снарядами застал меня у щели радистов. Их было двое. Щель их была крытая. Не раздумывая, туда влетел один солдат и лег на живот на дне. На него свалился и я и лег таким же манером. На мне лежали еще два радиста. Вдруг над нами — страшный разрыв, и землянка стала осыпаться. Мы уже задыхались от пыли и земли. Обстрел прекратился, и я слышу под собой стон. Радисты встали и вытащили нас. Солдатик мой стонет, и гимнастерка на спине порвана. На спине, на которой я лежал грудью... Задрали гимнастерку, а там поперек спины неглубокая, но рваная рана. Я посмотрел себе на грудь. Гимнастерка грязная, но цела, и у меня — ни царапины. Оказывается, над нами на сосне разорвался тяжелый снаряд и так потряс землянку, что какая-то щепка от обшивки прошла по солдатской спине. Однако его пришлось эвакуировать в медсанбат.

После многочисленных бомбежек и артобстрелов в течение первых дней немцы, по-видимому, считали нас уничтоженными. Но сильно пострадавшие наши батареи вели огонь и, вероятно, доставляли немцам немало неприятностей. Наше положение досадной цели для немцев усугубилось, когда практически перестала действовать проводная связь, и стреляли мы только по радию. Дело в том, что тянуть постоянно рвавшийся телефонный провод на наблюдательный пункт командира батареи стало слишком опасно. Пространство между ним и батареей интенсивно простреливалось ружейно-пулеметным огнем и минометами. Надо было беречь людей, и мы перешли на радию. Помню, как посылал на линию с катушкой молодого украинского парня, а он расплакался. Смотрит мне в глаза и ревет, как ребенок, у которого отняли куклу. Я ему объясняю, что за невыполнение приказа командира его могут расстрелять по законам войны, а он ревет, захлебываясь. Пришлось

послать другого солдата на линию. А этот так и не дожил до лучших времен — стал жертвой одного из артналетов.

Так вот, вынуждены мы были стрелять по радио, т. е. в открытую для немцев. А они, как услышат: «Лето, Лето, я Овод, как слышите, прием», так и обрушиваются всеми средствами на давно «похороненную» ими батарею.

На вызов расчетов к орудиям и стрельбу у нас оставались минуты. Кроме того над нами часто висела «рама» — разведывательный самолет немцев, всегда готовый вызвать на нас огонь немецкой артиллерии. А у нас был приказ: во время бомбардировок, артналетов и когда немецкие самолеты над нами, не вызывать расчеты к орудиям и не стрелять. Мне случилось пойти в землянку комиссара батареи (ставшего к этому времени комиссаром дивизиона), расположенную метрах в 60–80 в тылу огневых позиций. Над нами висела «рама», и я приказал командирам взводов не стрелять, т. е. без меня не поднимать расчеты к орудиям ни по каким приказам. Пяти минут я не провел с комиссаром, как услышал, что мои орудия заговорили, и тут же начался немецкий обстрел. Очень густо ложились их снаряды. Я бросился к батарее, но даже не шел, а полз. Тем более, что снаряд попал в штабель с нашими снарядами, они загорелись, образовался дым. Лежащее поперек дерево я преодолевал не сверху, а снизу, хотя, как мне казалось, там была всего десятисантиметровая щель. Обстрел прекратился, и на накате нашей землянки, в которую почти упиралось хоботом одно орудие, лежал солдат, застигнутый часовым у землянки в момент обстрела. Он был в шинели, изрешеченной разорвавшейся перед ним миной. Даже нести его было трудно, так он был изрублен осколками в упор. Расчеты же вовремя успели укрыться в щелях и блиндажах.

На огневых позициях наших батарей за все время не побывали даже их командиры, не говоря уж о полковом начальстве. С ними мы связывались по телефону, а позднее — только по рации. Иногда команду на огонь мы получали из штаба полка, который слабо представлял себе обстановку на батареях. И телефон, и рация были из трех батарей только у меня. Поэтому фактически я был старшим на трех батареях, и забот у меня стало втрое больше. К двадцатым числам сентября подвоз снарядов нам совсем прекратился. Приходилось брать 2—3 солдат и выходить на дорогу вдоль высоковольтки в поисках снарядов за километр-полтора. Больше двух снарядов одному трудно принести, а иногда их и вовсе не было. Приходилось с солдатами посылать либо командира взвода, либо идти самому. И вот случай солдатского счастья. Когда мы с бойцом искали снаряды, по той же дороге в тыл шел какой-то солдат. По

нашей группе был произведен короткий артналет. Все мы легли в кюветы. Кончился налет, мы поднялись, а тот остался лежать. Подошли. Оказывается, раненный в плечо, он шел в тыл, в медсанбат, а тут его опять задело осколком в то же плечо. Мы перевязали его, вытерли кровь, и он снова зашагал в тыл. Случай интересен тем, что именно раненый был ранен, да еще в раненную уже руку.

Наши снаряды — это гранаты, шрапнель и бронебойные. Больше всего нужна была граната. Раз получаю приказ из штаба полка об открытии батарей беглого огня по такой-то цели или площади. А у меня остались бронебойные, да и то мало. Объясняю положение. А начальником штаба полка тогда стал новый для полка человек. Я ему говорю, что нечем стрелять, а он командует: «Пять снарядов беглый огонь» и грозит расстрелять в случае невыполнения приказа. Я согласился быть расстрелянным, только просил его прибыть для этого к нам на батарею. Я знал, что командование полка приковано к своим землянкам в небольшой роще, что полоса между ними и нами так простреливается, что мы даже отказались от проводной связи. И я представляю, как бы мои солдаты (вечная им слава!) отреагировали на расстреливателя.

В батарее было два огневых взвода по две пушки (во втором взводе была одна пушка, вторая — в ремонте) и, соответственно, по два расчета из семи человек в каждом и два командира огневых взводов. Кроме того был взвод управления со своим командиром и хозяйственная часть под надзором старшины батареи. Командиром одного огневого взвода был высокий и тощий лейтенант, бывший ленинградский инженер лет сорока. Обмундирование ему было коротко, и выглядел он подростком, выросшим из формы. Другой командир взвода был младший лейтенант из хитрых смоленских мужичков. Я строго требовал от командиров взводов, чтобы, когда они поднимают расчеты к орудиям, сами находились у орудий. Так вот, командир первого взвода во время ведения огня стоял у первого орудия, и, странное дело, длинные ноги его всегда тряслись. На мой вопрос: «Почему?», он отвечал, что ничего с собой не может поделаться, но всегда сам командовал огнем. Другой комвзвода, если меня не было рядом, командовал расчетом из блиндажа, а точнее — из щели у блиндажа. С ним у меня были стычки, вплоть до угроз револьвером.

Всем на батарее в равной степени было и страшно и опасно. Так, одно время на огневых (в помощь убывающим расчетам) оказались батарейный писарь и парикмахер. Однажды после сильного артналета тяжелыми снарядами из земли вылез почти задохнувшийся писарь, а под землей оставался еще парикмахер. Хоть и быстро его откопали, но он был уже мертв. В начале артобстрела они стояли

рядом с какой-то щелью и, естественно, укрылись туда. Но разрыв у самой щели засыпал их землей.

Страдали и люди, и материальная часть. Одну пушку пришлось заменить, притащив на руках другую из стоявшей в резерве батареи в километре от нас. К счастью, эта операция прошла без потерь.

Кстати, надо рассказать о необычном случае на месте, где мы брали резервную пушку. Там были еще пушки батарей, не нашедших себе огневых позиций, и в глубокой двухъярусной землянке жили офицеры этих батарей, также составлявшие резерв полка. Однажды авиационная бомба угодила в эту землянку. Живыми оказались двое, лежавшие на верхних нарах и выброшенные взрывной волной далеко от образовавшейся воронки. Один из них, вероятно, был тяжело ранен (без сознания он был эвакуирован в медсанбат). О дальнейшей судьбе его я ничего не знаю. Второй, выброшенный взрывной волной, оказался только контужен и тоже отправлен в медсанбат. Это был молодой лейтенант, командир взвода Михаил Сергин. Он через 2—3 недели поправился и вернулся в полк. Сергин долго прослужил в полку и с ним многократно происходили случаи, когда из многих он один оказывался невредимым. Даже немцы откуда-то прослышали о нем и одно время через рупоры своей пропаганды на передовой приглашали его к себе. Последний раз я видел Сергина во время нашего наступления в Молдавии, когда он возвращался в часть после очередного ранения. Удачливый был Мишка Сергин.

Теперь надо сказать о нашем командире батареи (не помню, был ли он в то время старшим лейтенантом или капитаном), об Иване Федоровиче Пашкове. Вскоре после моего назначения его заместителем нам вместе с комиссаром пришлось принимать новое пополнение. Я обратил внимание, как Иван дотошно расспрашивал прибывающих к нам солдат и внимательно выслушивал их рассказы о семье и прошлой жизни. (В составе этого пополнения были и выпущенные из тюрем.) И солдаты, даже великовозрастные, всегда относились к нему как к родному отцу. В сентябрьских боях, как уже было сказано, он находился не на батарее, а на наблюдательном пункте в боевых порядках одного из стрелковых полков. По телефону и по радиции я получал от него установки и команду на стрельбу, и батарея послушно вела огонь. А часто случалось, что стреляли мы тремя стоящими рядом батареями. Некоторые солдаты пришли и ушли, так и не увидев своего командира, но авторитет его и уважение к нему были высоки у наших батарейцев, как подтвердили и события выхода из окружения.

Он был на наблюдательном пункте, и я должен был хоть раз в день доставлять ему питание. Каждый раз с котелком или двумя

я отправлял на НП солдата. А пространство между батареей и НП, как уже говорилось, интенсивно простреливалось. Уверенности в том, что солдат доставит котелки и вернется, у нас не было. И вот как-то звоню Пашкову, что высылаю такого-то солдата. Он говорит: «Не высылай». Я ему говорю, что ведь и вчера не высылал ему еды, а он: «Береги людей». И это молодой парень говорит мне, уже умудренному жизнью. Этим он и привязывал к себе людей.

Убывали люди. Резерва для пополнения не было. Не было и боеприпасов. Экскурсии за ними на дорогу участились, а результаты были все хуже. Боеприпасов не хватало даже не на батарею, а на одну пушку. Около 20 сентября получил я приказ из полка перевезти хоть одну пушку на новые огневые позиции, рядом, чтобы стрелять на правый фланг и даже в тыл дивизии. Перетащив одно орудие на ближайшую полянку, вытянутую по предстоящему сектору обстрела, я не мог произвести ни одного выстрела. Пока я находился в небольшом укрытии у хобота орудия, все было спокойно, а как только подходил к пушке, по мне откуда-то начинал строчить немецкий пулемет, и пули щелкали по орудью. Так я и не вызывал к нему расчет и не вел огонь.

А на следующий день выяснилось, что мы окружены, и немцы завязали мешок в том месте, где мы входили в прорыв, т. е. севернее деревни Гайтолово. Мы начали голодать. Ночью над нами кружил наш самолет У-2 и наудачу бросал продукты. Так, одним утром мы обнаружили у своих землянок мешок с сухарями, а на полянке перед стволами орудий — разбитый ящик с консервами. Однако это было всего раз. Больше пищи не было. Солдаты стали раскапывать трупы убитых 4-го сентября лошадей и пытались варить их. Но варить — значит жечь костры и дымить, т. е. показывать себя немцам. Серьезного из этой затеи ничего не получилось. Но еще через пару дней появилась у нас группа солдат из тыла с вещмешками с продовольствием. Привел их через немецкое окружение начпрод полка капитан Шараров. Среди этих солдат, добровольно согласившихся пробраться к нам сквозь немцев, был и мой солдат, тот самый, который был ранен в спину щепкой, когда мы лежали под обстрелом в щели радистов. Кстати, он был из числа освобожденных из тюрем, прибывших к нам с последним пополнением. Этот человек делом доказал, что хочет смыть с себя пятно вора-рецидивиста.

Числа 25–26-го сентября вышел приказ перенести (иначе говоря перекатить на руках) орудия на новые огневые, приблизительно на километр глубже в тыл и направить их для стрельбы по месту, где мы входили в прорыв, которое теперь было захвачено немцами.

28 сентября стало известно, что в ночь на 29-е будет выходить из окружения штаб дивизии, а наши пушки должны поддержать выход, прокладывая огнем дорогу выходящим сквозь толщу немцев. Проходя мимо наших пушек, командир штабной батареи, в которой я некоторое время был командиром взвода, сказал мне: «Ну, может быть мы и выйдем, а вам завтра будет труднее». Так оно и было, но и в ночь на 29-е не все вышли, хотя мы и пытались поддерживать их огнем наших орудий. В частности, мое орудие из-за плохой расчистки сектора обстрела (на батарее остался один топор и одна лопата), стреляло так, что некоторые снаряды рвались на ветках стоящей впереди березы. Кстати, среди не вышедших в эту ночь был Афанасьев, предрекавший мне трудности на следующий день. А день начался с приказа выходить в ночь на 30-е и тащить с собой орудия (у меня их оставалось 2) на руках. Правда, начальство одумалось, и за два часа до выхода был получен приказ орудия зарыть и выходить с личным оружием. Приказ был выполнен с энтузиазмом, хотя у нас была всего одна лопата и один топор. Посменно все солдаты приняли участие в захоронении орудий.

Это было вечером 29 сентября. Полк должен был выходить с остатками своих людей, да еще с разрозненными группами из состава многих других частей, оттесняемых немцами. Место сосредоточения выхода было выбрано примерно в 500 метрах от последних наших огневых на той же дороге вдоль высоковольтной линии, в километре западнее Черной речки.

Мне с несколькими солдатами было приказано явиться в пункт сосредоточения. Тогда я этого не знал, но, оказывается, решено было выходить по возможности без боя, цепочкой или гуськом, по тем местам, где прошли к нам невредимыми солдаты во главе с капитаном Шараповым. Шарапов и должен был вести за собой людей, включая командование полка, уцелевших офицеров и солдат, а также группы из других частей даже не нашей дивизии, оттесненные немцами со своих позиций.

Начинало смеркаться, а часть моих солдат во главе со старшиной оставались на последних огневых позициях. И, что еще хуже, там оставались шестеро раненых солдат и раненный же наш новый комиссар батареи. Это был молодой белорус, только что окончивший курсы политруков, еще не имевший офицерского звания, но замечательный человек — Иван Михеев. В последнее время он был главным моим помощником на батарее. Мне обещали, что за солдатами и ранеными специально кого-то пошлют. Но вечерело, а о них никто не думал. Я заявил комиссару дивизиона, что иду лично за своими людьми. Комиссар сказал, что одного меня не пустит. Тогда раздался голос: «Я с вами, товарищ комбат». (А меня так

звали для краткости, так как «товарищ старший воентехник» — звание, которое я формально носил, казалось неудобным для произношения и неприличным строевому командиру.) Со мной вызвался идти опять тот же солдат, который ранен был лежа подо мной и входил в группу, прошедшую через немецкое окружение с продовольствием для нас. По документам из мест заключения его фамилия была Юнаков, а настоящая, как он уверял, — Слива. По национальности он был айсором. Темнело, когда мы отправились за своими людьми. При этом тот же комиссар дивизиона приказал боеспособных людей вывести, а раненых оставить под надзором санинструктора с автоматом. У остальных раненых оружие изъять. За ними будто бы кого-то уже посылают.

Мы забрали здоровых людей, оставили с ранеными, находившимися в землянке, санинструктора и (читатель может себе представить наше настроение) отправились в пункт сосредоточения. Иван Михеев, несколько дней назад получивший касательное ранение в висок, совсем ослаб и не смог с нами идти. Расставаясь, он попросил меня не разоружать его, оставить ему пистолет. Стемнело, и мы, распрощавшись с ранеными и санинструктором, обреченными, как мы понимали, на смерть или плен двинулись в пункт сосредоточения.

Здесь собрались группы солдат из разных частей и подразделений нашей и другой дивизий. Во главе оказалось командование нашего артполка с оставшимися в живых офицерами. В потемках на нас вышли несколько немецких автоматчиков, и, построив из автоматов, отступили, почувствовав, что нас много. Вероятно, нас было более трехсот человек.

Итак, выстроившись цепочкой один за другим, во главе с командованием полка и ведомые капитаном Шараповым, мы впотьмах двинулись к тому месту на Черной речке, где была повалена через нее береза. А Черная речка была шириной всего 8—12 метров, но глубокая, с обрывистыми берегами. В шинелях не было резона форсировать ее вплавь. Но переход через нее знал только Шарапов.

Цепочка наша двигалась молча, часто ложась под освещением немецких ракет на парашютиках. Как они погаснут, мы снова движемся, иногда держась за плечи идущего впереди. Я шел часто даже не в середине, а в конце цепочки. И вот, залегши и встав два раза, я обнаружил, что впереди меня два солдата, которые залегли и отстали от ушедших вперед. Цепочка сзади меня начала волноваться — почему не идем. При свете ракет было обнаружено, что я — командир с тремя кубиками. Собравшись вокруг меня, солдаты решили, что это я их возглавляю, и потребовали, чтобы я их вел дальше. Пройдя по цепочке назад, я обнаружил, что под

моим командованием более ста человек. Я потребовал от них безусловного подчинения. При опросе в цепочке не назвался ни один офицер (тогда просто командир). Задержка наша отняла полчаса, и теперь догнать ушедших вперед шансов не было.

Я встал впереди и повел людей за собой, зная только по карте конфигурацию Черной речки, которую предстояло преодолеть. В одном месте у реки нас обстреляли пулеметом, в другом один из нас, оказавшийся младшим лейтенантом, подорвался на противопехотной mine, и мы опять были обстреляны из пулеметов. В этом месте нас реже освещали ракеты-фонарики. Наконец я набрел на поваленную через реку березу. Приказал переходить и сосредоточиться на том берегу. Опять убедился, что нас более сотни. В этом месте оказались траншеи неполного профиля, и я решил немного отдохнуть перед броском на бывшую деревню Гайтолово. Направление я выбрал по звездам. Но нас здесь накрыли интенсивным минометным огнем, а после его прекращения стали обтекать немецкие автоматчики. Надо было немедленно подниматься и бросаться в атаку, но я оказался на дне пулеметного гнезда вместе со своим солдатом Юнаковым, а на нас сверху навалились застигнутые минометными разрывами еще два человека. С трудом удалось поднять их и поднять других людей из траншей для рывка в ночной атаке на прорыв из окружения. Тут оказался еще один офицер — младший политрук — молодой парень в одной гимнастерке без пилотки, с которым мы и подняли людей в атаку.

В нас палили из всех видов оружия, а нашим главным оружием оказалось «Ура!», да бывшие кое у кого гранаты, так как во время минометного обстрела, когда мы находились в траншеях, землей забросало не только замки автоматов, но и затворы винтовок. Так, затвор бывшего в моих руках карабина так и не закрылся. Мы так истово рвались вперед и так надсаждались в «Ура!», что через пять минут политрук совершенно потерял голос. Главной нашей заботой было, чтобы люди под огнем не залегли. Впереди справа мы слышали жаркий бой. Это товарищи, от которых мы отстали, взяли правее, чем надо было, и нарвались на организованную оборону немцев, преодолеть которую им стоило, как выяснилось, больших потерь, чем нам. Там погибли командир полка, начальник штаба и несколько офицеров, не говоря уж о солдатах. Беда их состояла в том, что им не удалось залечь перед кинжальным и перекрестным пулеметным огнем. Вечная память товарищам!

Немцы непрерывно освещали нас ракетами и бешено обстреливали. Рядом со мной падали люди, тем не менее с воплями «Ура!» мы рвались по направлению к Гайтолово. Скоро я потерял из виду младшего политрука, но зато отличился солдат Юнаков.

Когда я командовал впереди, он подгонял отстающих, когда я это делал, он командовал за меня, а ночью в суматохе боя не разбирались, кто командует. Важно было не растянуться и не рассеяться в мелколесье поймы Черной речки, а действовать концентрированно.

Перед рассветом мы уже прорвались, перепрыгивая через окопы нашего боевого охранения. И спускались на обратный склон Гайтоловских высот. Вышло несколько десятков человек. Там нас уже встречали и направляли по своим частям. Здесь я должен сказать о своем командире батареи Иване Пашкове. Он выходил с первой группой, от которой мы отстали. Однако он с несколькими солдатами оторвался как-то от основной группы и пробивался в несколько ином направлении. Так вот, в ночном бою Пашков был тяжело ранен, но два солдата тащили его на себе сквозь бой и вытащили. Вот какие были у нас командиры! Рискуя собственной жизнью, солдаты несли командира из боя. Но ведь в этом едва ли не большая честь солдатам. Вот какие были солдаты!

После выхода, где-то в нескольких километрах в тылу, выстроили полк. В нем осталось несколько офицеров и несколько десятков солдат, главным образом из тыловиков, не бывших в окружении. Не было возможности укомплектовать командным составом даже один дивизион. Тем не менее дивизион был создан, и я был назначен начальником его штаба. Полк и всю дивизию перевели в тыл на формирование.

Не могу не упомянуть здесь один эпизод. На пути в тыл мы стали на ночевку. Шел дождь. Мне надо было разместить людей, накормить их, позаботиться о светомаскировке, расставить караулы. Поздно ночью я смог прилечь под елкой и поспать. Дождь продолжался. Еще не уснув, я почувствовал, как часовой, сняв с себя плащ-палатку, укрывает меня ею. Я не подал вида, что не сплю. Но этот жест солдата по отношению к командиру на всю жизнь остался для меня дороже всяких орденов.

Остановившись на формирование, километрах в 20–30 от передовой мы получили приказ дать характеристики уцелевшим солдатам на снятие судимости с пришедших к нам на пополнение из мест заключения. Мне предстояло писать характеристику на не раз уже упомянутого Юнакова. Я написал коротко: «Если я получу боевое задание, связанное с опасностью для жизни, и спросят меня, кого бы я взял себе в товарищи, я отвечу — прежде всего Юнакова». В политотделе моя характеристика вызвала одобрение, и материалы на снятие судимости с Юнакова были отправлены в соответствующие инстанции. Но Юнаков у нас не дождался результатов. У него вдруг катастрофически стало падать зрение.

Направили его в медсанбат, оттуда в госпиталь. И я больше не знаю ничего о судьбе одного из лучших моих солдат.

* * *

Кончилась война. Шли годы. Саперы долго продолжали разминировать районы боевых действий на Волховском фронте. Разминирование шло не без жертв. Долго подрывались на минах и жители окрестных селений, и сами саперы. На кладбищах таких поселков, как Назия, Апраксин, Славянка добавилось изрядное число солдатских могил.

Мне хотелось посетить места боев сентября 1942 года и мысленно поклониться лежащим там солдатам. Но мой приятель, служивший в штабе Ленинградского военного округа, предостерегал меня от такой экскурсии, так как там могли остаться неразминированные поля, и тем более отдельные мины. Наконец, весной 1961 года, спустя почти 19 лет, я с товарищем из Зоологического института — моим постоянным охотничьим напарником — приехали на станцию Апраксин и через бывшую деревню Тортолово отправились к деревне Гайтолово посмотреть на места наших прошлых боев и выхода из окружения.

На месте бывшего Эстонского поселка вырос большой дачный поселок Апраксино. Вокруг него, и в частности севернее, где мы воевали, люди давно косили сено, собирали ягоды и грибы, а места еще кишели оружием, неразорвавшимися снарядами и минами, другим военным снаряжением, а главное — человеческими костями, особенно черепами, хорошо видными на чуть пробивавшейся травке. Особое впечатление на меня произвели многочисленные скелеты близ дороги, ведущей от Тортолово на Гайтолово, где сложили головы мои товарищи, с которыми мы начали выход из окружения и от которых отстали. По моим представлениям, они выходили именно здесь.

Скелеты лежали группами и в одиночку, почти целые и разрозненные временем и непогодой. Особенно бросались в глаза, как более крупные объекты, черепа. У меня был фотоаппарат, и некоторые останки я снял.

До бывшего Гайтолова дойти нам не удалось из-за заросших мелким лесом, опутанных колючей проволокой и содержащих много ржавого железа траншей. Мы повернули к дому лесника (он и теперь там стоит) на высоковольтке, и по дороге, по которой я вводил батарею в прорыв, пошли искать мои огневые позиции. Нашли мы там массу трофеев войны. Попадались и снарядные гильзы, и коробки из-под патронов, и термосы для пищи, и котелки, а главное — я нашел мою батарейную кухню, изрядно

поломанную, но на том самом месте, где мы ее оставили. Нашли мы и пирамидку хомутов, которую сложили вокруг пенька, когда в первый же день у нас убило 14 лошадей. И нашел я высокий пенек сосны, на которой разорвался снаряд над щелью радистов, где мы лежали, и где подо мной был ранен Юнаков. Но скелетов на бывших огневых позициях не было. Нашли мы и знакомые воронки от тяжелых бомб. В частности, нашли и ту, которая образовалась на месте офицерской землянки, из которой выбросило живым только упоминавшегося мной лейтенанта Сергина.

В лесу по обеим сторонам дороги вдоль высоковольтки опять попадались кости и черепа. Об одном не могу не сказать. Лежала каска, а в ней еще застегнутый ремешком череп. Я сразу вспомнил, что накануне нашего выхода 28 сентября, когда выходил штаб дивизии, мимо меня проходил мой командир батареи Афанасьев, и он был единственным человеком в каске, кого я видел тогда. Все мы, и солдаты, и офицеры, были в пилотках. Вот у этой каски, втянувшей в себя отгнившую голову, мне стало особенно грустно. А вообще касок в тех местах было много, но их оставили воевавшие здесь в 1943 году.

Спасибо и вечная слава нашим солдатам!

9 ноября 1987 г.





Ф. А. МЕНЬШИКОВ,
*ст. л-т в отставке,
бывш. командир взвода 546
сп 191 КСД*

*Я не вышел из-под Синявина **

В мае 1942 г. я закончил Ачинское пехотное училище, получил звание младшего лейтенанта и в июне вместе со своими товарищами был отправлен на Волховский фронт, к Мясному Бору. Здесь выходили из окружения бойцы 2-й ударной армии — истощенные, грязные, раненные. Впервые мы, вновь прибывшие, столкнулись с ужасами войны.

Здесь мне дали взвод и направили к Волхову. Мы расположились между берегом и ст. Гряды. Вырыли окопы, построили блиндажи. Это была вторая линия обороны.

Как-то ночью немцы обстреляли наши позиции. Один снаряд разорвался у самого блиндажа. Нас с покомвзвода Глушенковым засыпало землей, еле выбрались. Я потом плохо слышал.

Днем мы пополнились боеприпасами и вечером двинулись на передовую к д. Порожки. До воды было метров 150–200. Вдоль берега шла дорога, под ней — труба большого диаметра. Мы окопались под дорогой, позади нас стояли артиллеристы.

На другом берегу, в Званке, были немцы. Их снайперы охотились за нами. Однажды я возвращался берегом от командира роты. Остановился около канавы и вдруг услышал, как над самой головой пролетела пуля. Прошел вперед — вторая. Лег в канаву, пополз. Вспомнился эпизод в кино, где солдат выставлял из траншеи свою каску. Я тоже снял каску, надел на автомат и приподнял над канавой. Пуля угодила в самую каску. Я прополз еще метров

* Записано составителем.

пятьдесят, где в лесочке находилась наша кухня. Рассказал бойцам о снайпере, чтобы они не ходили в рост по берегу.

Июль мы простояли в обороне. Запомнилось обилие малины, которую мы с радостью собирали на опушке леса.

В середине августа в штабе батальона собрали всех командиров взводов и объявили, что в четыре утра нам предстоит форсировать Волхов и занять немецкие траншеи на том берегу.

В Званке стояла большая церковь, где засели немцы. Наша артиллерия обстреливала ее, но разбить не могла.

Комбат сообщил, что плавсредства подготовлены. От ст. Гряды подойдет бронепоезд и проведет артподготовку.

И вот в назначенное время, после артподготовки, мы беспрепятственно переплыли Волхов и заняли первые окопы на берегу. Только тогда немцы открыли стрельбу. Положение осложнилось тем, что другие подразделения не взяли траншеи, идущие от церкви, и началась бойня. У наших пулеметов так нагревались стволы, что пули летели не вперед, а падали рядом. Соседний взвод не выдержал и в сумерках отошел. Нам пришлось очень туго, и ночью, уже по приказу, мы отступили, понеся большие потери.

Утром всех выстроили, зачитали приказ № 227 («Ни шагу назад») и тут же расстреляли командира отступившего взвода.

Вскоре нам пришла замена — пополнение. Нас отправили в Малую Вишеру. Говорили, что повезут на переформирование, но вместо этого посадили в вагоны и повезли к Синявину.

Не помню, на какой станции мы высадились, но по всему чувствовалось, что фронт близко. Вечером перед нами выступил командир полка и рассказал о задачах, поставленных командованием фронта. Они состояли в том, чтобы прорвать оборону противника глубиной 4–6 км и соединиться с войсками Ленинградского фронта.

3 сентября мы заняли исходные позиции, где уже были вырыты окопы. Впереди нас открывалось чистое поле. Вечером выдали ужин и по 100 г водки. В 3 часа утра пошли к передовой. Шли тропинкой. В одном месте путь преградила разбитая машина. Я стал ее обходить и попал ногой в труп убитого. Кишки зацепились за сапог, мне стало нехорошо, но все стерпел. Прошли еще метров 500. Поступило разрешение на привал. Я лег на спину отдохнуть, но тут начался обстрел. Раздались крики и стоны раненых. Я быстро отполз и спрыгнул в воронку. После обстрела сосчитали потери. В моем взводе оказалось трое убитых и двое раненых. Раненых отправили обратно в тыл, сами же пошли вперед. В это время немцы пошли в наступление и открыли непрерывный ав-

томатный огонь. Убило хорошего пулеметчика, моего друга, еще многих бойцов. Мы оказались в кольце, немцы пошли дальше. Началась бомбежка. Вражеские самолеты вылетали один за одним и бомбили целый день.

Мимо меня прошли два танка Т-34. Впереди было шоссе, где засели немцы. Они подбили наши танки. Вокруг лежало много убитых. Убирать их было некому. Смотришь — голова разбита, а в ней белые черви шевелятся...

У нас была одна 45-миллиметровая пушка. Мы стреляли из нее по немцам, но те не отступали. Командование по радиации запросило, как наши дела, и просило представить отличившихся к награждению.

Утром 9 сентября мы пошли на прорыв. Вскоре увидели немцев, которые были совсем рядом. Трое из них сидели у миномета, мы их тут же застрелили.

Выходя со взводом из долины, я поднялся на пригорок и был прошит автоматной очередью. Меня ранило в левую ногу и руку. Вгорячах я пробежал несколько метров и упал. Страшно захотелось пить, но воды не было. Местность оказалась болотистая, я брал в рот мох и сосал его. Индивидуальным пакетом я кое-как перевязал себе руку, а ногу было уже нечем. Вскоре ко мне подошли два бойца и понесли. А навстречу немцы уже вели наших пленных. Вывели всех на шоссе, погрузили в машину и повезли в Синявино. Здесь меня перевязали, загипсовали раненую руку, дали поесть. Но есть я не мог — тошнило. Подошел мой боец, спросил, как я себя чувствую, сказал: — Терпи!

Потом меня в числе других раненых повезли в Гатчину и поместили в лазарет.

Лазарет располагался в одноэтажном бараке с двухъярусными нарами. Люди лежали, плотно прижавшись друг к другу и только стонали. Врачи и сестры были русские, из пленных. Кормили очень плохо. И, что страшнее всего, расплодились вши. Люди прямо сгребали их с себя горстями. У меня завелись вши под гипсом, зуд был нестерпимый. Каждый день кто-нибудь умирал.

В ноябре нас погрузили в товарные вагоны и повезли в Каунас. В дороге все думали не об еде, а о том, чтобы хоть раз покурить, и предлагали за курево все, что у них было, своим же солдатам. Нас не кормили и, когда стали выгружать, больше половины оказались мертвы.

В Каунасе нас доставили в литовский лазарет, где мы прошли санобработку, сдали одежду — ее, по-видимому, сжигали. Под горячим душем многие не выдерживали и умирали. Здесь мне сняли гипс, и я почувствовал большое облегчение. Но кость срасталась

неправильно, ее снова поломали и наложили новый гипс. Нас положили в чистые палаты. Сестры были литовки, а врачи — русские военнопленные. Среди них был замечательный хирург — «золотые руки» — Михаил Михайлович Эсманд. После произведенных им операций совсем не было смертности. Запомнился и окулист, здоровенный дядя, грек по национальности, умело удалявший из глаз осколки. Питание было лучше, чем в Гатчине, но очень хотелось курить, и я прокуривал четвертушку своей пайки.

Из 2-й ударной со мной вместе были: Паисов из Тюмени, Иван Горин из Арзамаса, еще несколько человек.

Вскоре из лазарета нас перевели в бывшие казармы военного городка. Они были огорожены двумя рядами колючей проволоки. Меня послали убирать санузлы и стерилизовать в бочке перевязочный материал. Я был настолько слаб, что замерзал от каждого дуновения ветра, тело было — одна кожа и кости.

Кормили паршиво, и главной нашей заботой было раздобыть еду. Охраняли нас солдаты РОА. Мы наладили с ними своеобразный товарообмен. Бросали им из туалета выстиранное белье, а они на следующий день приносили нам еду — хлеб, сало. Еще мы мастерили деревянные игрушки, которые с охотой раскупали литовки, расплачиваясь натурой.

Ходили мы в форме убитых немецких солдат. На спинах масляной краской были выведены буквы «Ost SU» (восточный, из Советского Союза), а у евреев — желтые шестиконечные звезды. Последние содержались отдельно.

Каждое утро пленных водили на работу — разгружать стекло и шлаковату. По пути кое-кто пытался бежать, но успешные побеги случались редко.

Я топил в бане, куда приводили мыться военнопленных, работавших на мясокомбинате. Они приносили нам табак, и все попались. Нас отправили в международный лагерь Хохенштейн — недалеко от Кенигсберга. Здесь содержались пленные всех национальностей. Много было итальянцев — маленького роста, с рюкзаками.

Положение русских было наихудшим. Все, кроме нас, получали посылки от Красного Креста. Мы имели только баланду, 200 г хлеба с опилками и кусочком маргарина в 20 г, да выпрашивали окурки у добродушных охранников-чехов. Жители относились к нам плохо: плевались и называли «бандитен русшиш».

Отсюда нас перевели в Нанбург под Ганновером (49 км от Бремена), где мы копали траншеи и прокладывали глиняные трубы для осушения полей. Американские самолеты сильно бомбили. Бремен и Данциг были фактически сметены с лица земли.

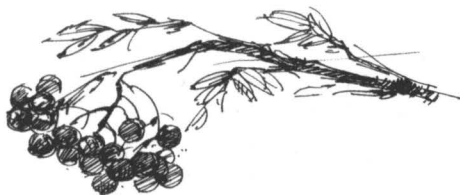
В марте 1945 г. нас освободили англичане. Приехал наш представитель, зачитал обращение г.-л. Голикова, в котором говорилось, чтобы мы без страха возвращались домой: якобы никакого наказания за плен не будет.

Из Нанбурга нас отправили в фильтрационный лагерь № 212 г. Бютцена. Начались допросы. Спрашивали одно и то же: как и почему оказался в плену. Потом предложили служить в контрразведке «Смерш». Пришлось согласиться — иначе не отстанут. Был ординарцем у начальника взвода, носил документы в прокуратуру штаба. После Победы написал родным, что жив-здоров. Они очень обрадовались: оказывается, в 42-м получили на меня «похоронку».

Но в 1947-м со мной случилась неприятность. Я дружил с поваром Марией, на которую заглядывался один следователь-капитан. Он написал донос о моей неблагонадежности. Меня отправили в Магадан на поселение. А в 48-м вызвали и объявили, что мое дело разбирала «тройка» и осудила на 25 лет и 3 г. поражения в правах за плен.

Работал в шахтах. Зимой тачки таскал, летом промывал золото. В 53-м году после смерти Сталина, я написал отцу, как попал в плен, в каких лагерях находился, указал фамилии и адреса своих товарищей. С этими данными отец поехал в Москву, добился приема в Верховном Совете. Его внимательно выслушали и сказали: — Поезжайте домой. Если Ваш сын невиновен, освободим его месяца через два.

Действительно, спустя два месяца меня освободили и реабилитировали, сняв судимость.





В. И. ГОЛОВАНЬ (Малова),
лейтенант м/с в отставке,
бывш. командир эвакуотделения
15-го мсб 191-й ксд

На фото: слева направо м/с
В. И. Малова и Л. Перепелкина

15-й медсанбат в Синявинской операции *

Родилась я в 1921 году на Новгородчине. После семилетки поступила в Старо-Русскую фельдшерско-акушерскую школу, по окончании которой работала в детском учреждении г. Сестрорецка.

Как только объявили войну, меня сразу мобилизовали. «Взять с собой подворотнички, зубную щетку и явиться на призывной пункт», — говорилось в повестке. Так началась моя служба в 15-м медсанбате 191-й дивизии, с которым я прошла все четыре года войны.

Самыми тяжелыми из них были 1941-й и 1942-й. Кингисепп, Лужский рубеж, Тихвин, Мясной Бор, Синявино... За освобождение Тихвина 9 декабря 1941 года дивизия получила боевой орден Красного Знамени.

В Любанской операции дивизия воевала в составе 2-й ударной армии и вместе с другими ее частями попала в окружение. Это были очень трудные дни. Мы не получали ни продуктов, ни медикаментов, не имели возможности эвакуировать раненых и далеко не все смогли выйти на Большую землю.

После пополнения и реформирования 191-ю сд направили в район южнее Ладожского озера, где готовилось новое наступление с целью прорыва блокады Ленинграда. Эшелонами нас привезли в Жихарево. Здесь мы попали под бомбежку. Появились первые

* Записано составителем.

жертвы. Тяжело контузило медсестру Ольгу Жаврину, она умерла в тот же день.

В ночь на 31 августа нас передвинули к станции Поляны, от которой остались одни руины. Медсанбат размещался юго-восточнее станции. Рыли щели, строили землянки, разворачивали палатки. Лес вокруг был чахлый и редкий, мы едва могли замаскировать ветками госпитальные палатки.

Под Синявином уже вовсю шли бои. Раненые из первого эшелона, увидев указатель с красным крестом, шли к нам, надеясь на помощь. Мы принимали всех независимо от принадлежности к той или иной части. Шли дожди. Раненые поступали мокрые, в расползшихся ботинках и обмотках, грязные и голодные. Их надо было обсушить, обогреть, оказать медицинскую помощь и подготовить к эвакуации.

2 сентября дивизию посетил командующий Второй ударной г.-л. Н. К. Клыков. Было оглашено обращение Военного совета и политуправления Волховского фронта с разъяснением целей и задач, стоящих перед дивизией. Во всех подразделениях проводились митинги и собрания, концерты самодеятельности дивизионного клуба, демонстрировались кинофильмы «Щорс» и «Пархоменко», призывавшие бойцов сражаться так же самоотверженно, как герои гражданской войны.

К тому времени я была избрана комсоргом медсанбата, а операционная сестра Евдокия Михайловна Синенко — парторгом. Мы также провели у себя в батальоне партийные и комсомольские собрания. Всего дивизия насчитывала 1160 агитаторов*. Патриотизм личного состава был очень высок. Бойцы и командиры были полны решимости одолеть ненавистного врага, хотели идти в бой коммунистами и комсомольцами, и один за другим подавали заявления о приеме в партию и комсомол.

На 5 сентября было намечено введение в бой войск 2-го эшелона. Комдив Н. И. Артеменко выехал на рекогносцировку и был, к несчастью, убит осколком снаряда. Во главе 191-й сд встал полковник Д. М. Баринов, командовавший до того 19-й гвардейской дивизией.

С 6 по 29 сентября наши полки находились на переднем крае. Раненые поступали непрерывным потоком. Медики дни и ночи обрабатывали и оперировали раненых. Лежачие скапливались в палатках эвакуоотделения. Сестрам некогда было и присесть: одному надо сделать укол, другому подать судно, третьего подбинтовать, всех накормить.

* Из рукописи С. М. Голубятникова «191-я дивизия в Синявинской операции».

С питанием и здесь было неважно. Сушеная картошка, сухой лук, пшенка или горох. Пшенная каша («блондинка») — это еще хорошо, а как завезут один горох — сплошные расстройтва. Повар Александр Карлович Перман из д. Ложголово Сланцевского района всю войну варил нам кашу, снабжал медсанбат кипятком, вместе со всеми пилил дрова.

К обстрелам мы притерпелись и как-то перестали их бояться. Если разрывы раздаются совсем близко — спрячешься за дерево и веришь, что в тебя не попадут.

Главной задачей медсанбата было как можно скорее прооперировать раненых, вывести их из тяжелого состояния и отправить в тыл. Придут машины из штаба — все, независимо от должностей и званий, медики и тыловики, музвзвод и химзащита, — занимаются погрузкой. Пока не налетели фашистские самолеты-стервятники, надо успеть переправить раненых к железной дороге, откуда их повезут эшелонами в глубокий тыл.

Однажды я сопровождала 13 машин. Головную вел опытный водитель Паша Соловьев. Налетели бомбардировщики. Всех, кто мог держаться на ногах, стали спешно выводить из машин. Занятая разгрузкой, я не заметила, как бомбардировщики, освободившись от груза, снизились и, пикируя на колонну, открыли стрельбу из пулеметов.

— Вера, ложись! — крикнул мне Паша, но было уже поздно: пуля попала мне под правую лопатку. Все же я сдала раненых и лечилась потом на ходу, в медсанбате.

На счастье, в Синявинской операции наш батальон не был окружен, как под Мясным Бором. Я даже успела получить посылку из Сестрорецка: моя бывшая квартирная хозяйка прислала мне берет, юбку и табак-самосеянец.

А стрелковые полки дивизии попали в окружение и выходили из кольца с боями и потерями. Был тяжело ранен командир 546-го полка П. В. Богатырев, многие остались навсегда под Синявином и Гайтоловом, в топких болотах Черной речки... Операция закончилась неудачно: встречи частей Волховского фронта и Ленинградского не произошло.

Дивизия вновь была отправлена на переформирование, после чего в январе 43-го года приняла участие в операции «Искра», завершившейся прорывом блокады Ленинграда.

В. Ф. ЛОБЫШЕВ,
ст. сержант в отставке, бывш. боец 137 осбр

Как мы наступали...*

В 1940 г. я закончил десятилетку и поступил в Новосибирский институт военных инженеров. Начало войны застало в лагерях на ст. Юрга, откуда нас направили на ремонт магистральных железнодорожных путей, но вскоре распределили по военным училищам. Я попал в г. Сталинск (ныне Новокузнецк), в пехотное училище, эвакуированное из Вильно. Не закончив и сокращенного курса, в августе 1942 г. мы сержантами отправились на фронт.

В Москве нас дообмундировали: выдали ботинки с обмотками и тонкие шинели английского сукна. Погрузились в эшелоны и под обстрелами и бомбежками доехали до Тихвина. Личного оружия нет. Выдали несколько ручных пулеметов. Голодно. Добирались до передовой в потоке войск по гатевому настилу, прозванному «кровавой жилой». Бомбили нас постоянно и безнаказанно. Прикрытия никакого. «Разбегайся!» — и только.

Ночью, по огонькам курящих, нас обстреливали немецкие снайперы-«кукушки». Утром — в бой, сопровождать наступающие танки. Подъехала бричка с собранным на поле боя оружием. Мне досталась винтовка с парой обойм и одна граната РГД без запала: запалы обещали выдать в бою. Никого, кроме своей роты, мы не знали. Напутствовал нас какой-то командир с одной шпалой в петлицах. Он сказал:

— Прорыв блокады затянется. Ленинград в беде. Нам предстоит продолжить прорыв.

Дали нам по небольшой кружечке отварной лапши и немного водки. И мы пошли за танками. Помню, я шел рядом с замполитом роты, кузбасским шахтером Звягинцевым.

Немцы встретили нас массированным огнем, но страха не было — помогала водка. Мне в ногу впилась целая пачка мелких, как иглы, осколков. Я сбросил обмотку и, задрав штанину, повытаскивал осколки. Обмотку снова замотать не смог и побежал догонять своих.

Первую линию немецких траншей мы смяли, но много наших полегло, и раненых хватало. Стонут, просят помощи, в том числе

* Рукопись из Музея боевой славы 37-й железнодорожной школы пос. Мга.

и товарищи по институту и училищу. Сердце замирает от их стонов, а помочь нечем.

Наш удар был слаб и увяз в немецкой обороне. Враги обходили нас, уже слышалось их «гавканье». Мы стали стягиваться к небольшой высотке — говорили, что там медпункт и место сбора для организации обороны. Я был цел и сумел переправить к пункту сбора троих раненых товарищей. Одного громадного замполитрука, всего израненного, тащили за руки по болоту на животе.

На сборном пункте оказалась пара уцелевших танков, на которые мы погрузили раненых. Был дан приказ прорываться обратно.

Оружие я успел сменить: выданную мне винтовку после двух выстрелов пришлось бросить (заклинило затвор так, что и ногой не смог открыть). Граната все еще была без запала, никто нам запалов так и не выдал, позже я раздобыл их сам. Попрошались с ранеными, стараясь их подбодрить. Хотя все понимали, что мало кто из них останется в живых при прорыве: они же как мишени на танковой броне, да и как удержаться, когда танки понесутся по кочкам и завалам?

Нас, невредимых, осталось очень немного. Пошли. Передних немцев смяли, потом танки оторвались от нас, а пехоту немцы отсекали пулеметным огнем. Мы метнулись назад. И... оказались в кольце. Тут меня ранило под правую лопатку. На мне был толстый ватник, так его пропорол с одного плеча до другого. Когда мы вышли из-под огня, я встретил своего сокурсника по институту. Он перевязал меня, как смог, обрывками моего белья.

Давал знать себя голод, не было табаку, а досаднее всего было то, что не действовала правая рука.

У нас была пара легких танков и одно орудие. Пока имелись боеприпасы, мы отстреливались, потом стрелять стало нечем. Потянулись томительные дни в кольце. Гибли раненые. Мучил голод. Ели все, что попадалось: траву, кору деревьев, сыромятные шнурки от ботинок, рябину.

Те, что покрепче, решили прорываться. Раненые, в основном, были тяжелые. Только я, да мой товарищ по институту были на ногах. Я мог управляться с автоматом, лишь подсунув приклад под правую руку. Нашелся компас. Мы чувствовали, что находимся достаточно глубоко в немецком тылу, и решили двигаться только ночами. Много было тщетных попыток, когда нарывались на немцев, но все же уходили. Мешала слабость, опухали ноги. Нас не раз замечали и обстреливали. Меня контузило, удар пришелся по каске, по глазу. Очнулся — болит голова, ничего не вижу. Осколок ударил по каске, что-то твердое — по глазу. Левый глаз отошел, а правый затек и сильно болел в глубине.

И вот, днем 16 сентября, когда мы прятались под сгоревшим танком на болоте, нас окружили немцы. Я увидел их ноги в сапогах и услышал «гавканье». Как и других, меня за ноги вытянули из-под танка. Крики, пинки, удары... Сейчас не передать всего, что мы тогда чувствовали. У меня была и своя тревога: в кармане гимнастерки лежал комсомольский билет, да еще в корочках с отцовского партбилета с золотыми тисненными буквами «ВКП(б)».

Немцы повели нас к себе и стали по одному заводить в блиндаж на первый допрос. И вот, пока я ждал своей очереди, устроившись в канаве, мне удалось незаметно извлечь свой билет из кармана и, разорвав, затолкать обрывки глубоко в болотную жижу. На душе стало спокойней.

Наконец, спустили и меня в блиндаж. Там сидели артиллеристы. Среди них были наши, перебежавшие к немцам. Эти «наши» хвастались: «Вот, теперь своим поддаем!» Ничего они от меня не узнали, да, по правде сказать, я ничего и не знал. Сказал только, что прибыл недавно с пополнением.

Потом нас перепоручили унтер-офицеру. Он оказался русским, бывшим белогвардейцем, бежавшим перед войной из архангельской тюрьмы. Злой, угрожал нам наганом, пенял, что мы достались им такими дохлыми, а не перешли к ним раньше. Показал нам на группу перебежчиков, молоденьких красноармейцев с мл. лейтенантом во главе. Они сидели возле кухни и ели из немецких котелков. Помню, как этот лейтенант вскакивал при приближении немцев и вытягивался, щелкая каблуками.

Нас отвели на капустное поле и разрешили поживиться небранной капустой. Вечером затолкали в неглубокие блиндажики и лазы в них завалили. Прошла мучительная ночь. Из-за раны болела спина, а сесть было нельзя: блиндажик оказался очень мелким.

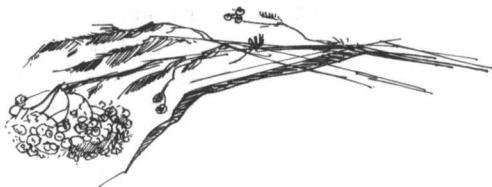
Попутру собрали всех раненых и повели мимо сожженного села, от которого осталась одна вывеска по-русски: «Вороново». Кто не смог идти — пристрелили. Привели во Мгу, в лазарет для пленных. Фельдшер (тоже из военнопленных) посадил меня на стул и, прижав за плечи, вытащил осколок. Из раны хлынул гной. Меня перевязали бумажными бинтами и отправили на нары. Я рухнул в забытие, прерывавшееся какими-то кошмарами. Постепенно мне становилось лучше, и через какое-то время меня с другими пленными переправили в гатчинский лагерь, располагавшийся в старинных казармах.

Начались наши черные дни. Злобствующие полицейские, побои, издевательства, чего там только не было... Тяжело вспоминать. Мотание по разным лагерям, в конце концов я оказался

в Западной Германии, в районе Дортмунда—Кельна. 9 апреля 45-го года нас освободили американцы. Подкормили, кое-как подлечили и передали в советскую оккупационную зону. Проверка через «Смерш», кое-кого отсортировали.

После проверки я был направлен в 228-й гвардейский гаубичный артполк 10-й бригады топографом-вычислителем, стояли в Нойбранденбурге, Нойруппине. В 1946-м вышел указ Президиума Верховного Совета о демобилизации бывших студентов, не закончивших до войны вузы. В июле меня демобилизовали, и я вернулся в свой Новосибирский институт, который закончил в 1952 г. Моя военная судьба сложилась неудачно, многое из-за плена пришлось вытерпеть и на гражданке, но все же жил, работал, вырастил двух сыновей и дожил до 40-летия Победы, которая тогда, в 42-м, казалась невероятно далекой.

22 июля 1985 г.,
г. Алма-Ата



П. А. ЧИПЫШЕВ,
бывш. зам. командира полка
по строевой части 939 сп 259 сд

**«И пала грозная в боях,
не обнажив меча, дружина...» ***

После катастрофы в Мясном Бору от 176-го полка 46-й дивизии остался взвод. Его влили в 939-й полк 259-й сд. 19 августа нас погрузили в Бугодоци в эшелон и отправили в Жихарево, где два дня ожидали пополнения. Прибыли курсанты Уфимского пехотного училища, которым оставалось до выпуска 10 дней. Они пошли в бой рядовыми и почти все погибли.

Ядром полка стали бойцы и командиры, прошедшие Мясной Бор. Они отличались стойкостью и самообладанием. В самые тяжелые минуты боя никто не видел на их лицах страха и растерянности. Командиром полка был майор Яков Кореньков, комиссаром — Титов. Командовал дивизией г.-м. Гаврилов.

Мы наступали во II эшелоне 3–4 сентября от Черной речки вдоль высоковольтной линии на Келколово. Артиллерийской поддержки не было. Снаряды, присланные к дивизионным пушкам, к нашим 76-миллиметровым не подходили. Гранат также не было. Наступали с одними автоматами. Автоматов, конечно, стало больше. Если в 41-м году в полку было 38 автоматчиков, то в сентябре 42-го уже 748. Но доставка боеприпасов запаздывала: тылы находились в 13 км от передовой. Пулеметы немецких дотов и дзотов оставались неподавленными, подразделения несли большие потери. Под Келколовом погибло 600 человек, многих ранило. Оставшиеся в живых были окружены и попали в плен.

Мы ворвались на окраину Синявина, но подкрепления не было, немцы пустили танки, пришлось отступить. Ни днем, ни ночью не стихала стрельба пулеметов, пушек и минометов врага. 18 сентября командир 1-го батальона лейтенант Демидюк пытался закрыть собой амбразуру немецкого пулемета, но был сражен в метре от дзота. Комдив Гаврилов был тяжело ранен, комиссар полка Титов убит 20 сентября, а комполка Кореньков — 29-го. Начальник штаба ст. лейтенант Образцов пропал без вести, а сменивший его ст. лейтенант Коланёв убит. Комиссар дивизии Вакула возглавил выход из окружения, железной рукой руководил боем 30 сентября и вывел остатки дивизии из «мешка».

* Записано составителем.

Я вышел из-под Синявина живым, но седым в свои 26 лет. На всю жизнь эти бои запомнились неумолчным грохотом обстрелов и немислимыми потерями: за 25 дней дивизия потеряла 7529 чел. из 8623.

*Маргарита АЛИГЕР **

Братские могилы

Уснул, мое сокровище,
не встанет ото сна.
Не выветрилась кровь еще,
земля еще красна.

И новая трава еще
над ним не проросла.
И рядом спят товарищи,
не встанут ото сна.

И птицы поднебесные,
когда на юг летят,
могилы эти тесные
в полете разглядят.

И земляки солдатские,
когда в поля пойдут,
могилы эти братские
не вспашут, обойдут.

Ветрами чисто метены,
без памятных камней,
хранит земля отметины
погибших сыновей.

И если чудо сбудется
в далекие года,
война людьми забудется,
землею — никогда!

1945

* Алигер М. И. Стихи и проза в 2 т. — М.: Художественная литература, 1975.

Н. П. ШЕРСТНЕВ,
капитан 1-го ранга в отставке,
бывш. командир батареи 120-миллиметровых минометов
73-й отдельной морской стрелковой бригады

Сентябрьские бои на речке Черной в 1942 году *

В сводке Совинформбюро за 28 сентября 1942 года говорилось: «В районе Синявино наши войска вели бой с противником, вклинившимся в нашу оборону. Атакой бойцов части, где командиром тов. Бураковский, немцы выбиты с одной, имеющей важное значение, высоты».

Несколько строчек... А что за ними? Вряд ли кто, кроме немногих, оставшихся в живых участников этого события, знает о двух неделях изнурительных боев за высоту, игравшую в общем плане сражения за прорыв блокады Ленинграда далеко не перво-степенную роль. А между тем готовность драться до конца, и если уж умереть, то за самую высокую цену, — вот то главное, что было характерным для бойцов, упомянутых в сообщении Совинформбюро. И это был их весомый вклад в победу над ненавистным врагом.

Речь идет о моряках 73-й отдельной морской стрелковой бригады, которая в сентябре 1942 года непосредственно включилась в борьбу за деблокаду Ленинграда.

Незадолго до этого войска Волховского фронта начали операцию в районе Синявино и прорвали оборону противника на участке шириной около пяти километров. Гитлеровское командование сосредоточило на флангах прорыва по две свежие дивизии. Наступление наших войск было остановлено. Кроме того, противник начал наносить сильные фланговые удары, стремясь отрезать наступавших от основных сил.

Оценив создавшуюся обстановку, советское командование приняло решение отвести войска из района прорыва в исходное положение и прочно закрепиться на прежних рубежах. Для обеспечения отхода и завершения операции была срочно переброшена на синявинский участок фронта 73-я бригада, державшая до этого оборону на берегу многоводной Свири, в районе разрушенного Лодейного Поля.

Через Волховстрой и далее на запад мы шли форсированным маршем, делая днем непродолжительные остановки. По мере

* Доклад на военно-исторической конференции в пос. Мга 1.10.1982 г.

приближения к цели все чаще стали появляться вражеские самолеты-разведчики, за ними пролетали истребители и бомбардировщики. Они обстреливали наши колонны, сбрасывали бомбы (...)

Всю ночь с 25 на 26 сентября мы шли по хорошо укатанной дороге. Справа и слева от нас гремел бой. А дорога все дальше вела нас к острию клина, где бой шел с особенной силой. Это немецкие войска пытались взять в клещи нашу группировку.

Перед бригадой была поставлена задача «втиснуться» между огненными челюстями клещей и не дать им сомкнуться. Для этого требовалось во взаимодействии с остатками уже сражавшейся здесь дивизии и при поддержке одной танковой роты захватить три небольшие безымянные высоты между поселками Гайтолово и Тортолово.

В ночь на 27 сентября батальоны моряков по гатям и еле заметным тропкам преодолели болото шириной около двух километров и сосредоточились перед высотами. Утром они атаковали противника, выбили его из первой траншеи, после чего бойцы второго батальона овладели средней высотой и прочно закрепились на ней. А через несколько часов бойцы роты под командованием старшего лейтенанта А. И. Куца и старшего политрука А. Н. Сеннова скрытно подобралась ко второй высоте и внезапной атакой около полуночи овладели ею. Было захвачено 6 пулеметов, 2 миномета, радиостанция, автоматы, пленные. В схватке было уничтожено свыше 50 гитлеровских захватчиков.

Удерживая впоследствии в течение двух недель эти две небольшие высотки, господствующие над заболоченной местностью, бригада дала возможность выйти из «мешка» войскам фронта, продвинувшимся в ходе операции к Синявино на 10–12 километров. Две недели бой не прекращался ни днем, ни ночью. Были бесчисленные атаки пехоты, танков, наши порядки непрерывно бомбила авиация, отдельные позиции по несколько раз переходили из рук в руки, но моряки намертво вцепились в склоны высоток среди болота и не отступили ни на шаг.

Бывший тогда командиром бригады Иван Николаевич Бураковский отмечает, что достойна восхищения невиданная стойкость морских пехотинцев. Небольшая в общем-то по численности бригада смогла продержаться целых две недели.

К высокому боевому духу, присущему морякам, прибавилось настоящее воинское мастерство. Уверенно и грамотно действовали командиры батальонов: капитан-лейтенант Н. Складаров, майоры В. Бирюков и Г. Аниськов. Рота старшего лейтенанта А. Лопатина своими инициативными действиями способствовала проходу через линию фронта большой группы наших войск. Разведчики

старших лейтенантов Д. Юринова и Ф. Маслова умело выискивали проходы через болото и выводили подразделения в назначенных направлениях. В отражении танковых атак отличились бойцы противотанковых батарей — подчиненные офицеров И. Макурова, Н. Понятовского, В. Соколова. Командир роты противотанковых ружей С. Саркисян с группой бойцов-бронбойщиков прикрывал дорогу. Воины героически погибли, но не пропустили вражеские танки, рвавшие в тыл наших подразделений. Из всей второй роты третьего батальона остались в живых только командир роты Б. Романов и снайпер П. Храмцов. Они стойко удерживали свой рубеж до прихода подкрепления, отбив вдвоем несколько атак противника. Выполнив достойно свой долг, погибли командиры рот Ковалев, Моисеенко, Смолин, Шевченко, Шевцов, командиры батарей Воронцов, Павлов и многие другие.

9 октября обороняемый бригадой участок был сдан 327-й стрелковой дивизии. На нем остались только артиллерийские дивизионы майоров Д. А. Морозова и Салтыкова, а также минометный дивизион майора А. Г. Панфилова, которые еще пять суток помогали подразделениям дивизии отражать атаки врага.



Д. А. МОРОЗОВ,
*полковник в отставке, бывш. командир
истребительно-противотанкового дивизиона 73 омсбр*

*Они сделали все, что смогли **

В конце августа войска Волховского фронта прорвали оборону противника, продвинулись вперед на десять-двенадцать километров и завязали бои под Синявином и Мгой. Но вскоре наступление пошло на убыль. Противник подтягивал резервы, сильными контратаками стремился восстановить прежнее положение. Советские войска с трудом отражали эти попытки.

И вот очередь вступить в бой дошла и до нашей 73-й бригады. 17 сентября она была выведена из состава 7-й отдельной армии. Совершив 80-километровый марш, мы погрузились в эшелоны на станции Оять. На станции Мурманские Ворота выгрузились, и походным порядком двинулись на запад. 26 сентября части бригады сосредоточились восточнее Тортолово (в двенадцати километрах от Мги).

Командир бригады полковник Бураковский вызвал к себе всех командиров частей и объявил задачу. Мы узнали, что войска 2-й ударной и 8-й армий Волховского фронта попали в тяжелое положение. Накануне нашего прибытия противник нанес сильные фланговые удары у основания прорыва, захватил Тортолово и безымянные высоты севернее этого населенного пункта. Тем самым немцы отрезали часть наших войск от основных сил.

Бригада во взаимодействии с остатками 265-й дивизии при поддержке одной танковой роты 16-й танковой бригады должна была овладеть безымянными высотами и разомкнуть кольцо окружения. Фронт наступления — один километр. Справа — части 80-й дивизии, слева оборонялись части 11-й дивизии.

Провести как следует рекогносцировку нам не удалось. Где расположены огневые средства противника, где точно проходит передний край обороны — понять было трудно. Мы знали только, что перед нами действуют части 132-й немецкой пехотной дивизии. Это было установлено по показаниям пленного, которого успел добыть Н. В. Чекавинский. 3-й батальон только прибыл в район сосредоточения, а этот смельчак уже «бродил» по тылам противника.

* Доклад на военно-исторической конференции 1.10.1982 г. в пос. Мга.

Впоследствии, когда возникала необходимость срочно захватить «языка», полковник Бураковский вызывал к себе Чекавинского и сам ставил ему задачу. И каждый раз задание выполнялось в срок. Этот тридцатишестилетний моряк был гордостью нашей бригады.

Обстановка осложнялась с каждым часом. Подразделения обескровленной 265-й дивизии, оборонявшиеся на высотах, отошли на восточный скат и удерживали только узкую кромку суши возле труднопроходимого болота. Нужно было действовать решительно и быстро.

В ночь на 27 сентября бригада преодолела широкое, около двух километров, болото и сосредоточилась на узкой полоске земли перед безымянными высотами. Двигаться по болоту днем было невозможно: каждый появившийся на нем попадал под огонь противника из Тортолова и с гребня высоты.

С вечера и до утра бойцы нашего дивизиона, оставив средства тяги на восточном берегу болота, перекачивали на руках орудия по дырявой, зыбучей гати, подносили ящики с боеприпасами. Шел дождь, видимость была плохой, но противник все же заметил подход бригады. Снаряды и мины рвались в трясине, выбрасывая фонтаны торфяной жижи.

Перебравшись на западный берег, мы вышли из зоны обстрела. Осветительные ракеты с шипением проносились над нами и гасли в воде. В наши окопы изредка залетали вражеские ручные гранаты с длинными рукоятками: немцы находились совсем рядом.

Утром, после короткой артиллерийской подготовки, 1-й и 3-й батальоны бригады атаковали противника на безымянных высотах. Моряки стремительным броском, несмотря на ливень пуль, ворвались в первую траншею. Там завязалась ожесточенная рукопашная схватка. Эту траншею наша артиллерия не подавляла огнем с закрытых позиций, боясь поразить свою пехоту. По ней стреляли только наши минометы и противотанковые пушки. Траншея оказалась переполненной немецкими солдатами. Поэтому схватка тут была особенно упорной и кровопролитной. Моряки отвоевывали один участок за другим, пуская



И. Н. Бураковский —
в 1942 г. полковник, командир
73 отдельной морской
стрелковой бригады

в ход не только автоматы и ручные гранаты, но также штыки и финки.

Первое время трудно было понять, в каких окопах свои, в каких — немцы. Из-за этой неразберихи артиллерия не смогла оказать существенной поддержки пехоте, сражавшейся в лабиринте неглубоких траншей, и только окаймляла ее огнем.

Танковая рота, выделенная для поддержки бригады, обойдя болото, поднялась на голые высоты и почти в упор расстреливала врага, засевшего в укрытиях. Танки ползали по перекопанной земле, не имея возможности сделать решительного броска вперед. За высотами простиралась заболоченная долина речки Черной. Такое топтание на месте им обошлось дорого. Через полчаса все танки были подбиты огнем немецких орудий, стрелявших прямой наводкой с флангов, со стороны Тортолова и Гайтолова.

Многие наши бойцы шли в атаку в флотской форме. Для немцев появление этих смельчаков в черном было полной неожиданностью. Фашисты боялись моряков, и это тоже сыграло свою роль.

Кстати, было просто удивительно, как наши бойцы сумели сохранить свое прежнее обмундирование. Его приказано было сдать. На марше сам полковник Бураковский проверял с помощником повозки, машины, вещевые мешки и отбирал матросское обмундирование. Считалось, что темный цвет сильно демаскирует. Но моряки умудрялись как-то спрятать старую одежду. Прятали под гимнастерками, в снарядных ящиках, а минометчики даже додумывались засовывать ее в стволы минометов. В самые трудные минуты бойцы надевали по флотской традиции тельняшки и фланелевые рубахи.

Большую поддержку нашей пехоте оказали батареи истребительно-противотанкового дивизиона. Они неотступно следовали за наступающими, ведя огонь по засевшим в окопах гитлеровцам, выкуривали их из блиндажей и дзотов. Артиллеристы перекатывали свои 45-миллиметровые пушечки на руках, легко поднимали их по скатам высот, перетаскивали через траншеи.

В результате четырехчасового боя безымянные высоты были очищены от противника. Остатки вражеских подразделений отошли к Тортолову, где и закрепились.

Вражеское кольцо было разорвано. Однако окруженные войска находились на речке Черной, их попытки соединиться с бригадой днем успеха не имели. Противник простреливал образовавшийся «коридор» из всех видов оружия. Мы ждали наступления темноты.

Каким образом части 2-й ударной и 8-й армий оказались в окружении, как развивались здесь боевые действия до прихода

бригады — обо всем этом мы тогда имели смутное представление. Впоследствии, работая в штабе артиллерии Волховского фронта, я детально изучил Мгинско-Синявинскую операцию по документам и рассказам очевидцев. Много интересного сообщили мне капитаны П. Я. Егоров и И. П. Снежков, офицеры оперативного отдела штаба фронта. Меня поразило очень большое по тем временам количество артиллерии, привлеченной к прорыву вражеской обороны. Тысяча триста орудия и минометов участвовало в артиллерийской подготовке, кроме того, действовало три полка и двадцать отдельных дивизионов реактивных минометов, которые мы тогда называли «катюшами».

К исходу третьего дня операции, 29 августа, войска 8-й армии, прорвав вражескую оборону, вели бои в районе Синявина, подо Мгой. Но противник подтянул мощные резервы, и дальнейшее наступление наших войск было приостановлено. Как потом выяснилось, фашисты имели на этом направлении значительные силы для удара по правому крылу Волховского фронта: немцы намеревались расширить внешнее кольцо вокруг Ленинграда, хотели повторить прошлогоднее наступление на Тихвин. Наша 8-я армия упредила этот вражеский удар.

Наступательная операция наших войск не достигла конечной цели, но в ходе ее была разгромлена ударная группировка противника, перемолоты его резервы. С нашей стороны потери тоже были велики, но они оправдывались результатами операции, вырвавшей инициативу у врага и разрушившей его коварные планы.

Вечером начался выход окруженных. А наши батальоны зорко следили за тем, чтобы противник не ударил с флангов.

Перед бригадой, захватившей безымянные высоты, стояла новая задача — удержать их любой ценой, дать возможность частям вырваться из вражеского кольца.

В сообщении Совинформбюро за 28 сентября 1942 года говорилось: «В районе Синявино наши войска вели бои с противником, вклинившимся в нашу оборону. Атакой бойцов части, где командиром был Бураковский, немцы выбиты с одной, имеющей важное значение, высоты».

Их было три. Три безвестные высотки, затерявшиеся на необъятной русской земле. Они приняли на себя взрывы тысяч снарядов, мин и бомб, впитали много пролитой крови. На них, как и на севастопольских редутах, на полях Подмосковья и у берегов Волги решалось в то тяжкое время будущее нашей страны.

Одна высота, вытянувшаяся длинным плоским овалом вдоль фронта с севера на юг, начиналась от окраины Тортолова, а, вернее, с того места, где находился раньше этот населенный пункт, стертый

с поверхности земли. Овальную высоту удерживал 3-й батальон с 3-й батареей нашего дивизиона. Вторая, меньшая из трех, высота, обороняемая 2-м батальоном со 2-й батареей, маленьким бугорком прижалась к правому флангу бригады. Третья выдавалась на полкилометра западнее и находилась в центре нашей оборонительной полосы. На ней располагался 1-й батальон.

Впереди — широкая долина речки Черной, за ней — лес. В тылу было труднопроходимое болото. Длина его достигала трех километров, ширина — двух километров.

В треугольнике, образованном высотами, на одном квадратном километре земли мы и приняли всю тяжесть вражеских ударов.

28 сентября противник после огневого налета контратаковал правофланговый 2-й батальон. Но контратака была отбита с большими для врага потерями. После этого он в течение дня не предпринимал активных действий.

На другой день фашистская авиация бомбила наши позиции. Вслед за этим врагу удалось захватить часть высоты, которую оборонял 1-й батальон. Ночью 3-я рота этого батальона выбила гитлеровцев и восстановила положение. Отважно и мужественно действовали моряки. Командир роты старший лейтенант А. И. Куц и старший политрук А. Н. Сеннов шли впереди, увлекая за собой бойцов.

Командно-наблюдательный пункт нашего дивизиона сначала находился на небольшом островке среди болотных трясин, в двухстах пятидесяти-трехстах метрах от подножия высот. В него хорошо просматривались фланги. Однако противник вскоре обнаружил НП и обрушил на него огонь нескольких батарей. Минут десять островок вздрагивал от разрывов, как поплавок на воде. После огневого налета я и комиссар с трудом вылезли из обвалившейся землянки. Все кругом было изрыто воронками, которые сразу же наполнялись коричневой жижей; рошица выглядела так, будто прошла буря. Пахло горелым тротилом, с болот тянуло затхлой гнилью взбудораженной трясины.

Ночью мы перебрались через болото на безымянные высоты. Новый наблюдательный пункт разместился на северном скате левофланговой высоты, за 1-й батареей. Командир отделения разведки Юрченко и его бойцы сразу взялись за лопаты, чтобы до утра закончить все работы.

По словам тех, кто вышел из окружения, немцы подтянули к нашему участку танки. До слуха доносился приглушенный гул моторов. Мы готовились к отражению танковой атаки противника.

До самого рассвета, путаясь в ходах сообщений и траншеях, спотыкаясь о телефонные провода, о разбросанные повсюду немецкие каски и противогазы, мы ходили от орудия к орудию. Воздух был насыщен трупным запахом. За брустверами окопов валялись убитые гитлеровцы. Их еще не успели убрать.

Всю ночь шли с запада к высотам мелкие группы бойцов, вырвавшихся из окружения. Вспыхивавшие ракеты противника тускло освещали их измазанные лица. В тишине то и дело раздавались булькающий свист летевших мин и разрывы. Немецкие минометчики вели наугад беспокоящий огонь.

Проверку боевых порядков я начал с орудия старшины 2-й статьи коммуниста Александра Пашкова из 3-й батареи. Расчет находился около орудия. Бойцы расправлялись сразу с обедом и ужином, которые только что были принесены в термосах.

Пища доставлялась на высоты два раза в сутки: перед рассветом и с наступлением темноты.

— Товарищ майор! С нами за компанию, — предложил мне Пашков, подавая котелок еще не остывших щей.

— Спасибо, я только что перекусил. Как питание, жалоб нет?

— Камбуз работает полным ходом. Коля Корнеев — хороший кок. Не щи, а одно объедение! — ответил Пашков.

Я осмотрел огневую позицию. Артиллеристы быстро и умело приспособились к местности. Сказывались навыки, полученные на занятиях по инженерной подготовке, которые систематически проводились в дивизионе. Замечаний у меня не было.

— Ну, сухопутно-морские волки, — сказал я, когда расчет поужинал, — наступают горячие деньки. Как с танками справимся?

— Не подведем! Наш Ваня Волков в пяточок попадает, а по такой машине, как танк, и слепому промазать грешно, — ответил краснофлотец Иван Диколенко.

— Учтите, товарищи, уходить с этих высот нам никак нельзя. Будем стоять до последнего. Не забыли, как стрелять по движущимся целям? Про упреждение не забывайте. Старайтесь бить по бортам. Большой экзамен предстоит нам!

От орудия Пашкова я добрался по ходам сообщения до огневого взвода лейтенанта Миляха. Здесь уже побывали Житник, комиссар батареи Бизюков, командир батареи Понятовский и заместитель политрука старшина Бычков, он же парторг батареи. Они покинули взвод за несколько минут до моего прихода.

Одна пушка стояла в окопе, вырытом под сгоревшим танком. Это вначале удивило меня: артиллеристы выбрали слишком заметное место.

— Мы уже стреляли с этой позиции, получается неплохо, — ответил на мое замечание старший сержант Анисим Алахин. Он считался лучшим командиром орудия во 2-й батарее. И бойцы его расчета не отставали от командира: они были награждены знаками «Отличный артиллерист».

— За нас, товарищ майор, не волнуйтесь. Мы выполним любой приказ, — заверил меня Алахин, когда я уходил от него.

Во всех орудийных расчетах настроение было боевое. От стойкости и умения этих маленьких (из пяти-шести человек) коллективов зависел исход предстоящей схватки. Я верил, что наши люди сделают все, что в человеческих силах.

Только перед рассветом возвратился я на свой командно-наблюдательный пункт.

— Вас по телефону все время спрашивал полковник Данин, — доложил начальник штаба дивизиона Лубянов.

Я позвонил начальнику артиллерии бригады. Полковник Данин справился, как идут дела, достаточно ли снарядов, и еще раз предупредил, что возможна танковая атака.

— Головой отвечаешь за противотанковую оборону высот, учти это, — сказал он. — Держись!..

Утро 1 октября выдалось погожее, ясное. Из-за леса выглянуло солнце, озарило вершины деревьев. Заблестел иней на побуревшей, опаленной траве.

«Солнце будет ослеплять противника, это хорошо», — подумал я.

С болот поднимался густой туман. Мимо пролетела стая уток и скрылась где-то за рощей. Очень тихо было вокруг. Не слышно ни выстрелов, ни громких голосов. Полторы тысячи человек затаились в траншеях, ожидая врага. Одни любовались красотой яркого осеннего утра, другие курили, третьи стояли молча, вспоминая, вероятно, свой дом, родных. Кое-кто перечитывал потертые и пропахшие махоркой письма...

Впереди в траншеях задрезжала снарядная гильза — сигнал воздушной опасности. На горизонте появились черные точки.

— Ну вот, летит воронье, — сказал Жук.

Самолеты приближались. У нас за спиной часто заухали зенитные пушки — в синем небе возникли белые хлопья разрывов. Затрещали зенитные пулеметы.

Начался новый фронтный день. Набирая скорость, завертелись жернова войны.

Немецкие бомбы взметнули столбы земли между высотками в том месте, где стояла наша 3-я батарея.

— «Сокол», «Сокол!» — кричал я в телефон. В ответ — ни звука.

— Разрешите, я сбегаяю туда! — обратился ко мне Лубянов.

— Сбегайте! Узнайте, как они там?

Когда он ушел, Жук сказал одобрительно:

— Саша так и рвется на батарею. Боевой командир.

Лубянов действительно недолюбливал штабную работу. Но обязанности свои он выполнял добросовестно, и я не имел претензий к нему.

Бомбежка продолжалась. Самолеты, маневрируя среди разрывов, взмывали ввысь, уступали место новым эскадрильям.

Один бомбардировщик загорелся. Оставив за собой длинный хвост черного дыма, он врезался в болото. Грянул взрыв. Взметнулся фонтан торфа и грязной воды. Почти следом за ним упал и второй самолет.

Едва скрылись бомбардировщики, как гитлеровцы начали артиллерийский обстрел. Двадцать минут сыпались на наши позиции вражеские снаряды. Было не меньше сотни орудий разных калибров. Стреляли они и с юга, из-за Тортолова, и с севера, и с запада. Их траектории пучком сходились на высотах. Здесь стоял сплошной грохочущий гул, все тонуло в тучах дыма и пыли.

Тяжелые снаряды выбрасывали в воздух тонны земли. Но эти снаряды страшны лишь при прямом попадании или при очень близком разрыве. Опаснее были мины, залетавшие в окопы или попадавшие на бруствер. Он веера их осколков можно укрыться только в нишах, «лисыих норах» и блиндажах.

Артиллерийский огонь, ослабевая, переместился в глубину: завеса разрывов передвинулась на восточные скаты и болото.

Слева впереди затрещали автоматы. Пелену дыма прорезали красные ракеты.

Метрах в четырехстах от первой траншеи показались за серой дымкой цепи гитлеровских солдат.

— Почему не стреляет наша пехота? — удивленно спросил Жук.

— Подпускает поближе, чтобы наверняка!

Наконец застрочили станковые пулеметы. Раздался треск винтовочных выстрелов. Над нашими головами, с визгом сверля воздух, полетели снаряды: это артиллерия, стоявшая за болотом, открыла заградительный огонь по атакующей пехоте. Гитлеровцы залегли. Мелкие группы двигались вперед перебежками.

— Житник в какой батарее сейчас? — спросил Жук.

— Во второй, на правом фланге.

— Тогда я подамся в первую. Не возражаешь?

— Нет. Только подходи к ней с тыла, по бывшей немецкой траншее. Мячин, веди комиссара! Ты ведь дорогу хорошо знаешь!

На наблюдательном пункте остались со мной командир отделения разведки Юрченко и разведчик Неловкин.

— Танки подходят! — взволнованно крикнул Неловкин.

Нагоняя пехоту, из редкого кустарника выползли черные бронированные машины. Шесть танков в первой линии и столько же сзади.

«Четыре, которые слева, — третьей батарее. Остальные на долю первой и второй батарей», — прикинул я.

Позвонил Соколову — связи нет. Позвонил во 2-ю батарею. Отозвался политрук Бизюков.

— Где Понятовский и Житник?

— В первом взводе у Чука.

— Подпускайте танки ближе и бейте с правого фланга. Держитесь крепче! Первая батарея ударит посередине.

— Хорошо, това...

В трубке что-то щелкнуло, и связь прекратилась.

Дивизион наш не имел ни связистов, ни средств связи. Телефонные линии на батарее проложили разведчики, раздобыв где-то куски провода, а телефонные аппараты достал начальник артснабжения Горбацкий. Сейчас линии вышли из строя. Чинить некогда и некому.

— Неловкин! За мной! — скомандовал я.

До наблюдательного пункта командира 3-й батареи старшего лейтенанта Соколова было всего метров двести. Мы, согнувшись, бежали по мелкому ходу сообщения. Вот и Соколов. Я услышал его команду:

— Приготовиться!

Рядом с ним краснофлотец сигнализировал флажками, поднимая их над окопом.

— Открываю огонь! — доложил мне старший лейтенант.

— Подпускай ближе, не торопись!

Танки обогнали залегшую пехоту и разделились на две группы: одна, скрывшись за скатом высоты, ринулась на позиции 3-го батальона; другая, сделав разворот влево, начала заходить в тыл 1-му батальону, подставив артиллеристам борта машин.

Батарея открыла огонь. Резко, как удары огромного хлыста, щелкали выстрелы четырех орудий. Навстречу вражеским машинам понеслись броневойно-трассирующие снаряды. Те, которые не попали в цель, отскакивали от земли и, урча, взмывали вверх, оставляя за собой красный след трассы. Снаряды, задевшие броню под острым углом, рикошетили молниями, отлетая в стороны и вверх. Но вот один танк, как бы наткнувшись на невидимую преграду, резко остановился. Пехота, бежавшая за ним, залегла.

Еще одна удача: загорелся головной танк. Он замер на месте, окутался черным дымом. Две вражеские машины на левом фланге развернулись в нашу сторону и открыли огонь по орудиям.

Метрах в ста от нас, там, где находился взвод лейтенанта Швалюка, грохнули разрывы. С визгом пронеслись мимо осколки. Я невольно пригнулся в окопе. Рядом громко выругался Соколов.

— Что такое, Василий Михайлович?

— Аж в ушах зазвенело, — ответил он и показал большую вмятину в каске. — Рикошетом осколок пошел...

Напряжение боя возрастало. Открыли огонь 1-я и 2-я батареи. Два танка стояли с порванными гусеницами. Пять машин пятились назад и яростно отстреливались. Немецкая пехота лежала на земле. Там то и дело вспыхивали разрывы мин. Наши минометчики стреляли в этот раз очень метко.

Но вот из-за танков показалась новая цепь автоматчиков. Танки опять рванулись вперед — прямо на батарею.

С нашей стороны стреляло только одно орудие. Остальные почему-то молчали.

Мы с Соколовым бросились по ходу сообщения на огневые позиции. Старший лейтенант впереди, я за ним. Он раза два останавливался и просил меня остаться... На повороте траншеи мы едва не сбили фельдшера Аню Прохорову. Она тащила на себе тяжело раненного наводчика, старшину 2-й статьи Мелентия Печерских.

— Андрей, помоги! — крикнул я следовавшему за мной Невловкину.

Соколов побежал прямо, а я свернул влево.

— Почему не стреляете? — с такими словами спрыгнул я в орудийный окоп.

— К бою готовы! Ждем! — доложил Пашков, стоявший на коленях у левого колеса. — Один танк мы уже подбили.

Орудия застыл наводчик Волков. Зайцев, Диколенко и Каушин полулежали, облокотившись на станины. Кругом стреляные гильзы и раскрытые ящики со снарядами. Лица артиллеристов покрыты пылью и копотью, сверкали только зубы и белки глаз.

— Идите сюда, здесь удобнее, — Пашков показал мне ячейку в стенке окопа. — Это мы для командира взвода отрыли.

— А где он сейчас?

— К другому орудию уполз.

Воздух гудел от взрывов, от автоматной и пулеметной трескотни. Я выглянул из окопа и обомлел. Танки находились не дальше, чем в трехстах метрах от нас. Они перевалили первую траншею — в нее уже ворвались вражеские солдаты.

— Пашков, огонь!

— По танку, броневой, прицел постоянный... — скороговоркой скомандовал командир орудия. — Наводить в середину! Огоны!

— Броневой! — крикнул Диколенко, заряжая орудие.

Раздался выстрел. Взметнувшаяся пыль и дым на мгновение закрыли танк.

Еще выстрел — и танк с оборванной гусеницей завертелся на месте. Потом остановился бортом к орудию. Приподнялся люк.

— Огонь!

Волков послал еще снаряд в бок стального чудовища. Из люка и всех щелей струйками пополз дым.

— Молодцы, ребята! — воскликнул я, захваченный азартом боя.

Загорелся еще один танк. Его подожгли или артиллеристы, или броневые бойцы из роты противотанковых ружей. Три другие машины ползли по ложине, обходя орудие с фланга.

— Ничего не сделаешь: только башни видны, — огорченно сказал Пашков.

— Разворачивай орудие влево. Как вылезут на бугор, так и стреляй, — предложил я.

— Танки слева! — подал команду Пашков.

Бойцы повернули орудие и перетащили ящики со снарядами.

— Ничего не вижу. Бугор мешает, — доложил Волков, протирая воспаленные глаза.

— Будем ждать!

Высота была окутана дымом. Впереди и на обоих флангах гремел бой. В траншее перед фронтом батареи рвались ручные гранаты, щелкали выстрелы. Минометный дивизион капитана Панфилова вел беглый огонь по цепям немецкой пехоты, спешившей на помощь тем, кто уже ворвался в траншею.

— Ты, Ваня, адрес мой знаешь? — тихо спросил Каушин у Диколенко. Тот кивнул головой. — В случае чего... матери напиши...

— Прекратить разговоры! — приказал Пашков.

По ходам сообщения мимо нас ползли в тыл раненые. Посвистывали пули. За бугром нарастали лязг и рокот приближавшихся танков. Вот показались башня, ствол пушки. Черная громадина ползла на нас.

Сверкнула вспышка выстрела — на бруствере оглушительно разорвался снаряд. «Жив», — подумал я, стряхивая с себя землю. В ушах звенело, во рту пересохло.

Пашков, распростершись, лежал на дне окопа лицом вниз. К нему бросился Зайцев, попытался поднять его.

— Волков, огонь! — скомандовал я. Танк был уже недалеко от нас.

— Куст мешает! — чуть не плача ответил наводчик, вода стволом пушки над бруствером.

— Эх, братишки, была не была! Полундра! — крикнул Диколенко и выпрыгнул из окопа.

— Назад!

Но он не обратил внимания на мой окрик. Несколькими прыжками достиг куста и начал яростно обламывать ветки.

Пробарабанила очередь танкового пулемета — Диколенко схватился за грудь, зашатался и рухнул около куста.

Танк вылез на бугор, открыв черное днище. Его пушка плеснула огнем, но снаряд пролетел над окопом, не причинив нам вреда.

Поспешно выстрелил Волков. Снаряд чиркнул по броне и ricochetом отлетел в сторону. Зато после второго выстрела из черной машины сразу повалил дым. Танк дернулся и застыл метрах в десяти от тела Диколенко, матроса из Таганрога.

Два других танка свернули в сторону и попали под перекрестный огонь орудий 1-й батареи и противотанковых ружей.

Зайцев с Каушиным осторожно опустили тело Диколенко в окоп. Тельняшка отважного моряка почернела от крови. Он уже не нуждался ни в чьей помощи.

Тяжело раненного Пашкова мы перевязали, а затем отнесли к Ане Прохоровой.

— Лишь бы до вечера протянул, — скорбно сказал Волков. — Попадет в госпиталь, а уж там выживет...

— Будем надеяться, — согласился я. — Командуйте орудием, товарищ Волков...

Отважно дрался и расчет соседнего орудия, возглавляемый Иваном Митюшниковым. Наводчиком там оставался Алексей Азоркин, замечательный мастер своего дела. Оба сержанты, коммунисты. Азоркин во время боя получил ранение, но не отошел от орудия, а продолжал вести огонь по вражеским танкам и пехоте. В батарее он был комсоргом и много раз своим личным примером показывал, как должны драться коммунисты и комсомольцы.

Митюшников до войны работал бригадиром тракторной бригады. В дивизионе он сначала числился орудийным мастером. На должность командира орудия мы перевели его после настойчивых просьб. «Хочу быть поближе к настоящему делу», — говорил он.

Атака противника была отбита с большими потерями для него. Дивизион за этот день уничтожил шесть гитлеровских танков. Два подорвали гранатами пехотинцы, и один подбили бронейщики.

Наступило временное затишье.

Вернувшиеся из батарей Жук, Житник и Лубянов рассказали, как сражались артиллеристы подразделений, в которых они на-

ходились во время боя. Житник восхищался меткой стрельбой 2-го огневого взвода 2-й батареи под командованием лейтенанта Миляха. Особенно успешно действовали орудийные расчеты А. И. Алехина и Н. Е. Серого. Алехин вместе с краснофлотцами М. И. Метелкиным и П. Л. Голубевым подбили вражеский танк, а потом выпустили около двухсот снарядов по немецкой пехоте.

Дмитрий Ильич Жук хвалил огневые взводы 1-й батареи, которыми командовали старшие лейтенанты Н. М. Макаров и И. С. Макуров. Восторженно рассказывал он о слаженности орудийного расчета старшины 1-й статьи А. П. Мирсанова, подбившего немецкий танк, а также об отваге артиллеристов старшего сержанта Л. С. Азенова, расстрелявших прямой наводкой до двух взводов вражеской пехоты.

— Первый опыт, раньше танков не видели. Мазали сначала здорово, руки дрожали и в глазах рябило. Потом лучше пошло. Самое главное — люди вели себя уверенно, назад не оглядывались. И пехота тоже дралась как надо, — заключил Дмитрий Ильич.

Лубянов рассказал, как старший политрук А. Н. Сеннов, командир 3-й роты старший лейтенант А. И. Куц и старшина Павленко с группой бойцов бесстрашно бросились в контратаку, выбили гитлеровских автоматчиков из траншеи и восстановили положение. Изумительную стойкость проявила рота лейтенанта Сергея Васильевича Плаксина. Будучи раненным, лейтенант продолжал руководить боем. В критический момент Плаксин повел бойцов врукопашную.

Враг решил, видимо, во что бы то ни стало овладеть безымянными высотами. В следующие два дня он продолжал атаки. Мы отбивали их, нанося гитлеровцам большие потери. Но и силы бригады таяли с каждым часом. Батальоны потеряли до половины своего состава.

Наибольшего ожесточения вражеские атаки достигли 4 октября. С самого утра в течение двух часов немецкая авиация и батареи засыпали наши позиции бомбами и снарядами, потом пошла на штурм пехота. А оборона наша молчала, будто все кругом вымерло, подавленное и уничтоженное огнем.

Но вот захлопали одиночные выстрелы, затрещали автоматные очереди. Вылезая из полуобвалившихся убежищ, отряхивая землю, моряки брались за оружие, становились к пулеметам, орудиям. И враг снова был отброшен.

В 12 часов 30 минут после огневого налета гитлеровцы повторно атаквали наши позиции. И опять безуспешно. Стрелять артиллеристам пришлось много, в основном по пехоте. Стволы пушек накалились чуть ли не докрасна. Осколочные снаряды не имели

большой взрывной силы, но, точно ложась в самую гущу врага, наносили ему чувствительный удар.

Потеряв надежду одновременно захватить все три высоты, враг направил свои усилия на ту из них, где оборонялся 1-й батальон под командованием капитан-лейтенанта Н. А. Склярова. После полудня гитлеровцы предприняли четыре атаки. Им удалось подняться на гребень высоты только тогда, когда в обескровленном батальоне осталось всего лишь сорок человек. Из них половина раненых. Захват высоты дорого обошелся фашистам. Скаты ее были сплошь усеяны вражескими трупами.

Брошенные на помощь горстке наших смельчаков танки из резерва командующего армией потерпели неудачу. Три танка были подбиты на подходе к высоте. Немцы, заимствуя наш опыт, начали вести огонь из орудий прямой наводкой. Четыре уцелевших танка повернули обратно.

Командующий армией усилил бригаду двумя малочисленными батальонами из 77-го и 153-го полков 80-й дивизии. Но предпринятая ими попытка сбить немцев с высоты успеха не имела.

В этот день было подбито пять немецких танков, из них два записали на свой счет наши артиллеристы.

Потери наши были значительны. В расчете, которым раньше командовал Пашков, уцелел лишь старший сержант Волков; в других расчетах осталось по два-три человека.

Наступила темнота, и перестрелка постепенно затихла. Однако личный состав дивизиона и ночью не получил отдыха. Надо было похоронить павших товарищей, доставить через болото на позиции больше сотни тяжелых ящиков со снарядами, эвакуировать всех раненых на восточный берег.

Начальник артиллерийского снабжения и орудийные мастера ремонтировали пушки, доливали масло в противооткатные приспособления, выверяли прицелы. Хозяйственное отделение доставляло в батареи горячую пищу. В общем, дел хватало всем.

5 и 6 октября немцы продолжали атаковать. Им удалось частично улучшить свои позиции, но большего достигнуть они не смогли.

1-й батальон, отражая атаки противника, пытался отвоевать свою высоту. Одна рота этого батальона зацепилась за восточные скаты и удерживала их несколько часов, но была выбита минометным огнем. В этом бою командир огневого взвода 1-й батареи старший лейтенант Н. М. Макаров вытащил из-под обстрела тяжело раненного краснофлотца Тураева.

— Удивительный человек Николай Максимович! — восхищенно сказал мне командир 1-й батареи И. С. Макуров. — Ходит во весь

рост, пулям не кланяется. Рядом с ним людей убивают, а у него ни одной царапины. Как заговоренный!

— Человек он храбрый, это я знаю. Ты тоже хорош... Будьте оба поосторожней! Нечего без нужды голову подставлять.

На моем наблюдательном пункте то и дело раздавались телефонные звонки. Звонили начальник артиллерии бригады полковник Данин, командир бригады полковник Бураковский, начальник штаба бригады подполковник В. М. Яиров. Звонило и армейское начальство. Мы выслушивали похвалы за отбитые атаки и грозные предупреждения на тот случай, если не отобьем следующей атаки противника...

Особенно беспокойной была ночь на 7 октября. Наутро ожидалась новая атака пехоты и танков. Об этом известил меня начальник артиллерии 8-й армии генерал-майор Семен Федорович Безрук.

— Враг сосредоточиле свижи силы, мабуть, буде атакуваты, — басил он в трубку хриплым голосом. — Держались добре, молодцы! Ще трошки потерпиты треба. Бытысь до останнього.

— Мне пополнение нужно. Который день прошу, а ничего не дают, — ответил я, вслушиваясь в певучую украинскую речь.

— Людей в брыгаду послав. Хиба ж не получив?

— Нет.

— Организуй зустрич на гати, а то пехота перехватить.

— Дали бы хоть одну батарею из своего противотанкового...

— А я з чым зостанусь? Ось, якый умнык найшевся! «Огиркы-то»?

— Есть.

— Ну, лады. Трымайсь...

Батальонный комиссар Жук с улыбкой слушал наш разговор.

— Все-таки получим пополнение?

— Сейчас пошлю Яроша встречать.

— Все равно будет трудно. Половины людей нет. Каждому за двоих придется... Я сейчас с коммунистами и комсомольцами поговорю. Десять человек заявления в партию подали. Партсобрания проведем побатарейно. А как пополнение придет, с ним потолкуем.

— Ну, а я пока займусь пушками и боеприпасами, потом с командирами батарей новичков распределим. За ночь их надо научить стрелять.

— Ты только поменьше ходи, а то совсем в крючок превратился. Вот посмотрю-посмотрю, да в медсанроту тебя отправлю.

Действительно, я был похож на крючок. Это комиссар метко подметил. Ходы сообщения и окопы были мелкими, а рост у меня около двух метров. Пробирается по ним можно было гусиным

шагом или согнувшись в три погибели, иначе сразу попадешь под пулю или угодишь под осколки снарядов и мин. Моя поясница так к этому привыкла, что не хотела разгибаться. Стоило начать распрямляться, как появлялись сильные боли.

К 21 часу Ярош привел пятьдесят человек пополнения. Старший лейтенант С. Н. Ярош был назначен старшим адъютантом дивизиона вместо выбывшего по ранению Лубянова.

— Какая у вас специальность? Кем служили в армии? — начал я задавать вопросы прибывшим поочередно, освещая узким лучом фонаря незнакомые лица.

— Счетоводом в колхозе работал. В армии не служил, — бойко ответил паренек лет восемнадцати.

— Стрелять из винтовки умеешь?

— Не, только из малокалиберки стрелял, — смущенно ответил он.

— Комсомолец?

— Да.

— Хорошо. Ну, а вы в армии служили? — обратился я к его соседу, хмурому небритому человеку лет тридцати пяти.

— Служил когда-то в эскадроне.

— А специальность какая? Образование?

— Шорник. А последние семь лет нигде не работал.

— Что же вы делали?

— На государственных харчах был, на всем готовом, — вяло произнес бывший шорник. Фамилия его была Кусков.

— За какие дела туда попали?

— Брал то, что плохо лежало, — в его голосе я не услышал раскаяния, одно равнодушие...

— И зачем таких ворюг выпускают? Неужели без них не управимся? — возмутился кто-то в темноте.

— Ну, а вы пушку видели? — спросил я коренастого, атлетически сложенного красноармейца.

— Так точно. Был разведчиком в артиллерии, когда на действительной служил, — ответил тот.

— Давно?

— В тридцать четвертом, в 40-м полку на Дальнем Востоке.

— Кто полком командовал?

— Дегтярев.

— Э, да мы однополчане, оказывается, — Я присмотрелся к нему и узнал Бориса Бондаренко. — Я же твой бывший взводный. Помнишь, как корейскую девочку в наводнение спасал? А я тебе помогал.

— Не может быть! Товарищ командир!.. Вот это здорово! — воскликнул Бондаренко.

— А как с семьей, наладилось?

— Все в порядке. Две дочурки растут. Одна должна уже в первый класс идти...

— Ну, мы еще с тобой поговорим обо всем...

— Хорошо, товарищ командир.

— В армии служили? — обратился я к следующему.

— Нет, не довелось. На шахте после школы работал, — ответил загорелый плечистый парень лет двадцати пяти.

— Комсомолец?

— Кандидат в члены партии.

— Отлично.

Знакомиться с людьми более подробно не было времени. Только бы успеть как можно лучше распределить пополнение по батареям, заполнить места погибших и раненых. Командиры батарей сами прибыли на командный пункт, стремясь получить побольше людей в свои подразделения.

— Вот что, товарищи! На разговоры у нас времени нет, — сказал я, когда обошел всю шеренгу. — Прибыли вы прямо к делу. Через несколько часов будем драться с врагом. Пороху многие из вас еще не нюхали — первое время будет трудно и страшно-вато. Но это пройдет. Наш дивизион дрался хорошо, надеюсь, что и вы не уроните его чести. Храбрым и смелым у нас почет. Сейчас — по местам. Командиры расскажут, что надо делать. К утру мы все должны знать свои обязанности у орудий.

Всю ночь шла подготовка к бою. Командиры батарей, взводов, орудий и оставшиеся в живых наводчики обучали новичков, как заряжать пушку, как отличать осколочный снаряд от бронебойного, как наводить орудие и производить выстрел. Улучшали инженерное оборудование, маскировку огневых позиций, подносили снаряды.

Старший орудийный мастер И. А. Кожевников со своими помощниками отремонтировали в эту ночь прямо на позициях две пушки. Перетащили через гать еще два орудия, полученные со склада, и подготовили их к стрельбе.

На рассвете, едва заалел восток, противник начал авиационную и артиллерийскую подготовку. Опять задрожали безымянные высоты, опять взбудоражили болото снаряды и бомбы. Мощная завеса огня нашей зенитной артиллерии и смелые броски небольших групп советских истребителей не позволили фашистским летчикам наносить прицельные удары. Гитлеровцы сбрасывали бомбы куда придется, несколько бомб угодило по Тортолову.

— Лягнули по своим, — довольным тоном сказал Неловкин, следивший за бомбежкой.

В 7 часов 30 минут, как только огонь немецкой артиллерии был перенесен в глубину, цепи вражеской пехоты бросились на штурм обеих высот. За последние три дня фашисты отрыли окопы в трехстах-четырехстах метрах от нашей первой траншеи. Быстро преодолев это расстояние, они вырвались на передний край нашей обороны. Наши артиллеристы и минометчики открыли заградительный огонь, но было уже поздно. В траншеях завязалась ожесточенная схватка. Борьба шла за каждый метр земли.

Танки противника на этот раз задержались и только начали выходить из леса, темневшего в километре от высот.

И тут случилось непредвиденное. Необстрелянные новички, пролежав целый час под огнем артиллерии и бомбежкой, впервые увидевшие атакующую пехоту, а главное, танки противника, не выдержали. Сначала один, а за ним и другие побежали в тыл. В ходах сообщения замелькали головы беглецов. Все одиночки добирались по веру ходов до главного хода сообщения, ведущего к гати.

Мы с комиссаром и разведчиками бросились наперерез.

— Стой!

Тяжело дышавшие люди сбились плотной кучей. Я видел возбужденные лица, блуждающие глаза. Тут были и пехотинцы, и наши артиллеристы из пополнения. Среди них я узнал Кускова, бывшего заключенного.

— Назад! — скомандовал я.

— Родину предать хотите! Ваши товарищи дерутся, а вы... — гневно кричал Дмитрий Ильич.

— Дай дорогу, начальник! — Кусков решительно пошел на меня.

— Стрелять хочешь? Валяй! Мне все равно от чьей пули загибаться.

Пристрелить? Не стоит. Я посторонился.

— Беги, трус! Шкуры своей все равно не спасешь! Ну, кто еще стыд и совесть потерял? Кто предателем хочет быть?

Толпа молчала. Люди отворачивались, пряча глаза.

— А я надеялся на них, помощи от них ждал. Черт с ними! — махнул я рукой. — Пошли, комиссар, нечего тут зря время терять.

Дмитрий Ильич, быстро поняв меня, ответил громко:

— Правильно. Там дерутся, а мы мораль трусам читаем! Идем!

Я сделал шаг, еще и еще. Шел не оборачиваясь и думал: верно ли поступил? Поймут ли они свою вину или побегут за Кусковым? И вдруг сзади раздался громкий голос:

— Товарищ командир, простите нас!

Я оглянулся. Красноармейцы гурьбой шли за нами.

Да, эти, наверное, не побегут больше ни от танков, ни от пехоты.

— По местам! — приказал я.

Подоспевшие к тому времени старшины батарей Павел Пармонов и Павел Бычков быстро развели людей по местам.

— А не зря мы Кускова отпустили? Шлепнуть бы его на месте, и делу конец. Без морали обошлось бы, — засомневался Дмитрий Ильич.

— Вообще-то рискованный шаг, но себя он оправдал. А Кусков от возмездия все равно не уйдет, — ответил я.

— Его на гати уже кто-то прихлопнул, — сказал идущий сзади Неловкин. — Может, наши, а может быть, под немецкую пулю попал...

Когда мы вернулись на пункт, гитлеровские танки уже подползли к первой траншее, в которой еще продолжалась горячая схватка.

Все три наши батареи открыли огонь бронебойными снарядами. Расстояние было невелико. В первые же минуты шесть танков были подбиты; остальные, бросив свою пехоту, огрызаясь огнем, поспешно начали отходить за высоту.

Ворвавшийся в траншею фашистский батальон почти весь был уничтожен в рукопашном бою. Уцелевшие гитлеровцы залегли. Их добили минометным и ружейно-пулеметным огнем.

В течение дня фашисты предприняли еще шесть попыток захватить высоты. Каждый раз немцы вводили в бой несколько рот с танками.

Будь у нашей артиллерии, стоявшей на закрытых позициях, достаточно боеприпасов, она смогла бы преградить дорогу атакующей пехоте. Но снарядов осталось мало, и гитлеровцы довольно легко прорывались через редкий заградительный огонь. Поэтому отражение атак легло в основном на плечи пехоты, а также на 82-миллиметровые минометы и 45-миллиметровые пушки.

Во время четвертой атаки вражеской пехоты, на этот раз наступавшей за танками, удалось вернуться в траншеи 2-го и 3-го стрелковых батальонов. На отдельных участках гитлеровцы по ходам сообщения подошли к огненным позициям противотанкового дивизиона. Положение опять стало угрожающим.

Уцелевшие бойцы 1-й стрелковой роты 3-го батальона во главе с политруком Федором Павловичем Хариным — командир роты был убит — бросились в контратаку, прижали немцев в траншейных тупиках и уничтожили их. Сам Харин погиб в этом бою.

Тяжелая обстановка сложилась во 2-й роте того же батальона, в которой осталось всего шесть человек во главе с раненым лейтенантом Б. И. Романовым. Снайпер, старший сержант П. Г. Храмов, на счету которого было тридцать пять убитых фашистов, успел вынести командира, хотя сам имел два ранения.

В образовавшуюся брешь ворвалась рота гитлеровцев, но была встречена 1-й и 3-й батареями, которые, ведя огонь осколочными снарядами вдоль траншей, расстреливали наступавших немцев. Попытка врага прорваться в глубину обороны и сбросить нас в болото потерпела неудачу.

2-й батарее, тоже оказавшейся во время этой атаки на острие вражеского удара, пришлось действовать с полным напряжением. Подбив три танка, батарея открыла огонь по пехоте, ворвавшейся в траншею двух стрелковых рот. Командир батареи Понятовский и комиссар Бизюков взяли за автоматы. Вместе с группой бойцов они отгоняли гитлеровцев, которые подползали слишком близко.

Комиссар орудия А. С. Коровин, наводчик Н. Д. Артеменко и заряжающий М. И. Метелкин подбили немецкий танк, вырвавшийся вперед. Потом перенесли огонь на пехоту, просочившуюся к третьей траншее. Вскоре Коровин был ранен. Ранило в голову и Артеменко. Несмотря на это, артиллеристы продолжали стрельбу до тех пор, пока не кончились снаряды — двести штук, полный боекомплект. Когда орудие смолкло, Артеменко и Метелкин собрали группу красноармейцев и, ведя огонь из винтовок и автоматов вдоль траншей и ходов сообщений, не подпустили гитлеровцев к огневой позиции.

На наш наблюдательный пункт тоже прорвалось до взвода вражеских автоматчиков. Пришлось мне, комиссару, разведчикам Юрченко и Неловкину отбивать их атаку. Трудно было двумя автоматами, парой пистолетов и четырьмя гранатами сдерживать натиск двадцати гитлеровцев. Вероятно, нам пришлось бы сложить там свои головы, но подоспела подмога. Группа наших людей ударила во фланг фашистам. Возглавлял эту группу мой заместитель С. Житник. Вместе с ним были старший адъютант С. Ярош, старший писарь А. Дубынин, шоферы Ф. Гомза, А. Кондратьев и Н. Туркин, начальник артснабжения Н. Горбацкий и комиссар 1-й батареи С. Пушкарев, раненный в голову и шедший к Прохоровой на перевязку.

Зажатые с двух сторон, фашисты укрылись в воронках, которые и стали для них могилами.

— Чем тебя ранило? — спросил я Пушкарева после того, как опасность миновала.

— Да так, ерунда, видно осколком задело, — ответил комиссар батареи. Он рассказал, что вместе с Н. М. Макаровым находился под подбитым танком, где укрывался орудийный расчет. Само орудие в полусотне метров от танка. Номера поочередно ползали к нему и вели стрельбу. Во время бомбежки одна бомба упала около

танка. Были убиты наводчик, младший сержант В. Д. Губанов и краснофлотец И. Д. Фирстов.

Пушкарев после перевязки не хотел уходить с батареи, так как считал свое ранение пустяковым. Однако к вечеру он почувствовал себя плохо и был отправлен в медсанроту. Потом на самолете его доставили в московский госпиталь, где нейрохирурги сделали Пушкареву сложную операцию.

Положение на участке бригады значительно осложнилось. Противник захватил наши первые траншеи. Все, что уцелело от бригады, сбилось в третьей траншее, прижатой к болоту. Еще одна-две вражеские атаки — и гитлеровцы смогли бы, вероятно, полностью овладеть высотами. Но атак не последовало: обескровленный враг не в силах был продолжать наступление. Только минометчики беспрерывно обстреливали нашу последнюю траншею. Бойцы и командиры укрывались от губительного огня в землянках, подбрустверных нишах и глубоких щелях.

Пользуясь передышкой, наше командование организовало к вечеру контратаку. Моряки совершили еще один подвиг. Усталые, израненные, они двинулись вперед и выбили фашистов из обеих траншей. Положение было восстановлено. В этой контратаке участвовали остатки бригады совместно с пехотой 77-го и 158-го полков 80-й дивизии — по батальону от каждого полка. С наступлением сумерек бой затих.

День 7 октября был самым кровопролитным для обеих сторон. Только в наших траншеях и ходах сообщения, отбитых у врага, оказалось около пятисот убитых и тяжело раненных гитлеровцев. По траншеям и ходам сообщения нельзя было и двух шагов пройти, чтобы не наткнуться на труп.

Сколько было убитых и раненых на подступах к переднему краю обороны — учесть трудно. Во всяком случае противник понес в этот день значительные потери.

Всю ночь немцы бродили перед нашим передним краем, подбирая убитых и раненых. Наша пехота не стреляла, хотя такой команды никто не давал. Просто людям не хотелось, чтобы трупы оставались неубранными и разлагались.

Враг потерял десять танков. Сколько из них пришлось на долю дивизиона — трудно было разобраться. Ведь по танкам били и из пушек, и из противотанковых ружей, и пехота подрывала их связками гранат.

Потери в нашей бригаде тоже были велики. Печальную картину являли собой огневые позиции батарей, когда мы с комиссаром обходили их. Два орудия были так исковерканы, что их уже нельзя было исправить. Три орудия требовали заводского ремон-

та. Остальные пушки тоже нуждались в разном ремонте. Работы начальнику артиллерийского снабжения и оружейным мастерам сразу прибавилось.

Орудийные расчеты поредели наполовину. Все меньше и меньше оставалось в дивизионе моряков.

Наши новички показали себя молодцами. После первого боя они приободрились, осмелели. Командиры батарей и взводов даже похвалили некоторых из них за смелые действия.

— Только уж вы, товарищ майор, не вспоминайте наше утреннее бегство, — смущенно обратился ко мне один из них.

— Не вспомню. Верю теперь, что вы будете воевать как настоящие солдаты...

Ночью бригада готовилась к новому бою. На гати через болото шло оживленное движение. С высот выносили раненых, тащили пушки, требовавшие капитального ремонта, снарядные гильзы. Навстречу несли ящики со снарядами, термосы с горячей пищей. Шли группы бойцов нового пополнения. Живую ленту конвейера напоминала эта двухкилометровая «дорога жизни».

Командование армии придавало большое значение удержанию высот. На оборонительный участок нашей обескровленной бригады были выдвинуты ночью подразделения из 1102-го и 1098-го полков 327-й дивизии и 77-го полка 80-й дивизии.

Утром следующего дня противник нанес мощный бомбовый удар и после огневого налета артиллерии начал штурм. Но все его атаки снова были отбиты. Оставив на поле боя около двухсот трупов и несколько танков, враг откатился.

К вечеру он возобновил атаки со стороны Тортолова, во фланг 3-му батальону. Фашистам удалось захватить южную часть безымянной высоты. Группа бойцов 3-го батальона оказалась отрезанной от основных сил. Командир батальона майор Г. И. Аниськов и комиссар майор К. С. Работягов принимали все меры, чтобы выручить окруженных. Контратаки не давали результатов: слишком мало людей оставалось в батальоне. 3-я батарея на этот раз не смогла оказать существенной поддержки, так как два орудия были повреждены, а у третьего были выведены из строя все бойцы расчета. Стрельбу вело лишь одно орудие, и то с неудобной позиции. Подтянуть сюда пушки других батарей было невозможно. Артиллерия с закрытых позиций ничем не могла помочь из-за опасности поразить своих.

С наступлением ночи бой затих. Командир взвода разведки Чекавинский вызвался пробраться со своими бойцами к блокированной группе. Под прикрытием тумана и темноты разведчикам удалось проникнуть через боевые порядки врага к окруженным,

а затем с боем вывести их в расположение батальона. Чекавинского ранило в руку, но он остался в строю.

Наступивший день показался нам необычайно тихим. Противник не проявлял больше активности. Царило затишье — оборона приняла обычный характер. Охотились снайперы, изредка вспыхивала короткая перестрелка.

В ночь на 10 октября бригада сдала свою полосу обороны 327-й дивизии и, покинув безымянные высоты, ушла в резерв. А в конце месяца уже занимала оборону по южному берегу Ладожского озера на участке Новая Ладога, Дубно, Кивгода, имея приказ не допустить высадки десантов противника.

Сергей ПОДЕЛКОВ

Высота

Есть упоение в бою.

А. Пушкин

Когда солдаты жить хотят —
выбрасывают сухари,
патроны и гранаты им нужны!
Они волною движутся живою,
к горячим рыжим травам припадая,
и на земле огонь и дым — стоймя.
Четырнадцать атак — а высота живет,
она под небом высится, горбатясь,
в венцах из огнедышащих траншей,
подобно змею из старинной сказки,
из русской сказки русских наших бабок.
И мнится нам: мы не четвертый день —
десятое столетие не спим.
И если шаг еще — и мы сойдем с ума.
Четырнадцать атак — а высота живёт,
огромная, она одна в зрачках
двоится, и троится, и гремит.

* Интернет-сайт «Военная литература». Публикация Е. Загородней.

Хочет враг, кричит на всю Европу,
кричит, что в бой бросало нас безумье,
кричит, что мы давным-давно мертвы,
что призраки в шинелях, мол, остались,
и те — в земле, повержены и немы...
Но ненависть к врагу сильнее страха,
она в крови моей, в крови друзей,
как сладкий сок в могучем тростнике,
как лава в недрах, как огонь в кремне.
И мы, Россию заслонив собой,
среди встающих взрывов на дыбы,
остервенев, в запёкшихся бинтах,
опомниться фашистам не даём.
Да, половина нас в земле; да, мы
грызём её лопатами, кирками,
она за ворот сыплется, она
глаза забила, на зубах хрустит,
но ход подземный в глубине горы
под вражеским гнездом распался на три
набитых толлом рукава. И мы
горячий пот устало вытираем
пилотками, глядим злорадно
на горб горы, глядим и ждём, и ждём...
И мы вздохнули... А перед глазами
вулкана изверженье. Грохот. Дым.
Вперёд!

И мы карабкаемся в гору.
И пораженный насмерть командир
на самом гребне высоты на миг,
как памятник, застыл. И пал на гребень.
Враги лежат в разнообразных позах.
А мы сидим на глыбах дотов,
одни сидим и курим. Пленных нет.

Г. БИДЕРМАН,
в 1942 г. — командир противотанкового
расчета 436 пп 132 пд
11-й немецкой армии

Гайтолово *

Близился к концу август, и большая часть 11-й армии уже покинула позиции на Керченском полуострове. Различные части дивизии погрузились в эшелоны для долгого путешествия на север и провели в пути в среднем от восьми до десяти дней, пока не высадились на Ленинградском фронте. Дивизия укомплектовалась и стала готовой к боям к середине сентября.

Ходили слухи, что нам предстоит штурмовать Ленинград. Летом 1941 г. с добавлением вновь прибывших дивизий еще можно было взять город; но тогда посчитали, что население Ленинграда вымрет от голода и сдастся, избавив тем самым вермахт от многих жертв. Русские проявляли исключительное мужество и неизменную стойкость, доказав ошибочность этой идеи, и им удалось снабжать город летом кораблями и зимой с помощью железной дороги, проложенной по толстому льду Ладожского озера. Хотя в осажденном городе многие тысячи людей умерли от голода, русский народ выстоял это испытание и удержал фронт. Для немецкой стороны Ленинград стал дорогостоящей войной на истощение, тупиком, который выкачивал из нас все уменьшающиеся резервы.

Враг быстро понял, что перед ним на Ленинградском фронте появились новые дивизии. Советы немедленно предприняли наступление на наши позиции в попытке прорвать блокаду с суши, и этой атакой русские сорвали планировавшееся для взятия города наступление. Вместо того, чтобы завязать последний бой с целью захвата Ленинграда, крымские дивизии были вынуждены ликвидировать глубокий русский прорыв, заняться операцией, которая переросла в открытую схватку на южном берегу Ладожского озера.

Каплевидный по форме выступ протянулся вдоль фронта примерно на 8 километров в ширину и на 12 километров в глубину немецкой линии обороны там, где ее держала 18-я армия. С целью нанесения удара по выступу с юга было намечено контрнаступление, и наша 132-я пехотная дивизия была послана в бой с задачей атаковать на север и пробиться к Гайтолову. Мы должны были запечатать выступ с запада для предотвращения попыток вырвать-

* Глава из книги «В смертельном бою». М., Центрполиграф, 2005. С. 159–164.

ся из него и создать новую линию обороны к востоку в качестве защиты от дальнейших атак на нашем фланге.

Утром 5 сентября передовые подразделения смогли пробиться к Тосно. Враг предпринимал атаки крупными силами на восточной оконечности узкого коридора к востоку от Мги и сумел прорваться в нескольких местах. Эти прорывы были отражены вновь прибывшими дивизиями из Крыма, причем 132-я пехотная дивизия оставалась в резерве и сосредотачивалась в районе Мга—Саблино—Шапки.

И уже на следующий день ситуация изменилась, и дивизия вновь была подчинена 11-й армии. 8 сентября части 436-го пехотного полка и II батальона 132-го артиллерийского полка были переброшены на передовую. Каждый второй день грузилось в среднем от семи до десяти эшелонов, и к вечеру 16 сентября дивизия была целиком готова к бою с противником.

Тем временем вражеский прорыв был остановлен в районе Мги, а затем прорвавшиеся войска были закупорены ударом с севера и юга, в результате чего советские части были взяты в клещи, которые сомкнулись в районе Гайтолова.

Поначалу атаки 170-й и 24-й пехотных дивизий имели незначительный успех, и в бой в направлении Сологубовка—Мга была введена 132-я дивизия. По почти непроходимым дорогам добирались до своих районов сосредоточения с 17 по 19 сентября. Каждое движение требовало невероятных усилий. Блиндажи и оборонительные позиции располагались в болотах, где почти нигде было укрыться, а войска постоянно подвергались воздействию насквозь промокшей земли и липкого холодного воздуха. Зимнего обмундирования по-прежнему не хватало, и войска страдали от холодов, каждой ночью опускавшихся на дрожавших пехотинцев.

Приказ готовиться к наступлению был получен 21 сентября. Было необходимо идти всю ночь по дороге, сложенной из грубо отесанных бревен, чтобы добраться до исходных районов, и опять продвижение было серьезно затруднено из-за узких, илистых проходов сквозь непроходимые леса. Только после рассвета полки, в конце концов, добрались до места назначения — Апраксина. В 8.00 начальник штаба провел заключительный инструктаж.

Расстояние от бивуака до места атаки составляло все лишь 2 километра, но из-за плохих дорог и условий местности переход потребовал двух с лишним часов. Начало атаки намечалось на 12.00, и 436-му и 437-му полкам сразу стало известно, что в назначенное время атака не состоится и вряд ли будет возможна до 14.00. Штаб изменил график, насколько это было возможно, перенес атаку на 13.00. Несмотря на все усилия, солдаты не смогли соблюсти

график, и атака снова задержалась. То, что атака на Черную состоялась вообще, надо отнести на счет личных усилий солдат. А неизбежная неудача наших войск, не сумевших продвинуться на север и захватить большие территории, может быть связана только с отсутствием времени на подготовку к атаке.

Из-за плохой подготовки потери в этой атаке были необычно велики. 22 сентября в полках было убито в бою 510 человек, включая 7 офицеров, а еще 8 офицеров было ранено, и один пропал без вести. Численность четырех батальонов упала до тысячи человек в общей сложности, что говорит о том, что первая атака на Черную стоила нашим войскам 30 процентов потерь.

23 сентября новая атака была назначена на 10.00. Приданные в поддержку танки и штурмовые орудия быстро застряли в болотистой местности и не смогли переправиться через Черную, чтобы действовать на другом ее берегу. Из-за непроходимой местности и плохой связи между полком и батальонами снова оказалось, что немногих утренних часов не хватило для подготовки к атаке, и после продвижения на какую-то сотню метров войска сообщили, что не в состоянии продвигаться вперед.

Спустя три часа, в 13.00, было приказано повторить атаку. Рывок через густо заросшую болотистую местность к Гайтолову должен быть совершен любой ценой, но опять атака сорвалась. В 15.30 под сильным прикрытием артиллерии вновь была предпринята попытка атаковать. Артиллерийский огонь был интенсивен, поскольку все корпусные и дивизионные батареи вели непрерывный обстрел в течение тридцати минут, полностью накрыв район по длине участка атаки. Несмотря на этот расход наших последних запасов, ослабленные войска понесли слишком тяжелые потери и были слишком истощены для того, чтобы пробиться вперед. Атака снова захлебнулась.

25 сентября под руководством командира батальона была предпринята атака, которая пробила брешь в советской обороне и позволила соединиться с частями к северу возле Гайтолова. В 12.30 батальон вошел в Гайтолово. Гауптман Шмидт, командир батальона, совершил этот подвиг благодаря сочетанию своих исключительных командирских качеств с личной храбростью перед лицом превосходящих сил противника. За этот подвиг его представили к награждению Рыцарским крестом, и 8 октября он получил эту высоко ценимую награду.

Взятие Гайтолова породило в наших рядах ощущение, что нам вновь по силам чуть ли не любой требуемый от нас подвиг. Широко было распространено мнение, что между дивизией и передовыми частями 437-го полка не осталось неразбитых вражеских

подразделений. Однако 25 сентября противник сумел прорвать выступ между правым флангом полка и 436-м пехотным полком, и эту брешь не удалось закрыть из-за слабости 436-го полка. К этому времени дивизии уже нельзя было давать дальнейшие боевые задачи, потому что войска достигли такой степени истощения, при которой никакие операции уже не были мыслимы. Советы явно были в такой же ситуации, и, несмотря на все попытки, отвоевать два километра, удерживаемых нашим полком, им не удалось.

26 сентября дивизия получает новый приказ о наступлении. Было приказано отбросить противника за Черную и удерживать этот сектор, чтобы создать плацдарм, откуда наши войска смогли бы залатать любую брешь, пробитую в нашем фронте. И вновь ослабленные части не смогли выполнить задания против глубоко окопавшегося врага.

27 сентября была совершена еще одна попытка, и 437-му пехотному полку удалось достичь прежнего командного пункта русских в пятистах метрах к востоку от моста через Черную. Там наши солдаты окопались и стали дожидаться неизбежной контратаки. Без поддержки соседей полк был не в состоянии помешать советским войскам проскользнуть мимо себя на запад. Полк продолжал удерживать позиции против мощных советских сил, в то время как русские части обтекали этот остров сопротивления и атаковали немецкие позиции. 30 сентября 3-я горно-стрелковая дивизия перешла в наступление, которое вдохнуло надежду в осажденный 437-й полк, восстановила линию фронта на флангах и предотвратила окружение полка.

Потери, понесенные в эти дни, были исключительно велики, причем до такой степени, что у полка сил было достаточно лишь на то, чтобы держать оборону. На то, чтобы прорвать даже незначительную оборону русских, у нас сил не было. Официально с 5 октября полк находился в обороне, а 11 октября пришел приказ на его замену частями 24-й пехотной дивизии. Измотанные войска передали свои позиции подошедшим частям и отправились в тыл для отдыха в районе Вырицы.

В боях у Гайтолова наш дивизионный католический священник заслужил имя «священника с рюкзаком». Он постоянно был в движении, неся на лямках за спиной свой изношенный рюкзак, в котором то и дело доставлял на самые передовые посты незамысловатые продукты, которые там считались за роскошь. Он всегда был готов помочь раненым, а однажды лично отыскал и спас тяжело раненного солдата, которого поразила пуля снайпера на открытом участке фронта. Его постоянная подверженность фронтовым и физическим опасностям ради солдат довела до безвременного

конца, когда он получил серьезное ранение в руку в результате минометного обстрела русскими из густого леса, находившегося в нескольких сотнях метров. Рана была настолько серьезной, что понадобилась ампутация конечности. Так дивизия потеряла ценного солдата и товарища. Командир дивизии пытался официально отметить его многочисленные смелые поступки и преданность, представив его к награждению; но это представление было отклонено в свете типично национал-социалистической философии, которая отказывала в присвоении столь высокой награды, если священник не согласится отказаться от своей сутаны.

За период между 22 сентября и 7 октября наш батальон в общей сложности потерял 62 человека убитыми, 280 ранеными и 30 пропавшими без вести. Примерно 20–30 легко раненных и больных оставались при батальоне, так как боевая численность батальона составляла примерно 50 бойцов.



И. Г. ДОНСКИХ,
*Герой Советского Союза, гвардии майор
в отставке, бывш. политрук взвода разведки
284-го сп 86-й сд*

Бои в районе деревни Арбузово в сентябре 1942 года*

Я, Донских Иван Григорьевич, участник наступательной операции в составе 284-го стрелкового полка 86-й стрелковой дивизии. Вот что записано обо мне в истории 284-го сп в данной операции: «...Политрук взвода разведки Иван Донских, который один из первых с группой бойцов переправился на левый берег Невы, ворвался в первые траншеи, а затем во вторую и третью, вышел в район дер. Арбузово. Гитлеровцы окружили группу храбрецов и хотели было пленить их, но после первых же попыток отказались от своих замыслов и начали постепенно теснее сжимать кольцо.

Двое суток находились герои в кольце. Политрук Донских 9 раз водил своих бойцов в атаку. Кончились все боеприпасы, в ход были пущены автоматы и гранаты, подобранные у убитых немцев. На третьи сутки, прилагая все усилия, группе удалось разорвать вражеское кольцо и выйти из него, не оставив ни одного раненого, вынося их на себе под ливнем автоматного огня противника».

Расскажу, как это было. Накануне, в 16.00 на участке Невской переправы в бой пошли курсанты 3-го Ленинградского артиллерийского училища под прикрытием сильного артминометного огня. Но им переплыть и захватить плацдарм на левом берегу Невы не удалось. Ночью на понтонах был переправлен 3-й батальон (лучший батальон нашего 284-го стрелкового полка). Они уплыли, и сигнала от них с левого берега не поступило.

С 26 на 27 сентября 1942 года задача на захват плацдарма на левом берегу р. Невы в районе Невской Дубровки была поставлена автоматной роте и взводу разведки.

Автоматной ротой командовал ст. лейтенант Александр Федулов, ленинградец. Мы с ним были большими друзьями. Нашим взводом разведки командовал лейтенант Соболев, казак. Что с ним произошло в этом бою, я не знаю, но когда мы переправились через Неву, то его и его ординарца Охонского с нами не оказалось. Командовать взводом пришлось мне. Автоматная рота и наш взвод

* Доклад на военно-исторической конференции в пос. Мга 1.10.1982 г.

по оврагу цепочкой, под артиллерийско-минометным обстрелом вытянулись на 7-ю и 8-ю переправы, где саперный батальон подготовил для нас лодки. На исходном рубеже мы уточнили задачу: вступить в бой на противоположном берегу реки в районе бывшего населенного пункта Арбузово, выбить немцев из блиндажей, траншей и землянок и подготовить плацдарм для дальнейшего наступления на Синявино во взаимодействии с Волховским фронтом.

Ночь была теплая, над Невой опустился сильный туман.

В 12 часов ночи на двенадцати лодках мы отчалили от своего берега, гребли маленькими фанерными лопатами с короткими ручками. Через наши головы шла артиллерийско-минометная дуэль. Туман был настолько сильным, что даже рядом ничего не было видно. Плывая на правом фланге старшим, помкомвзвода сержант Безруков, бывший моряк из Николаева, татарин из Уфы, потерял ориентировку, не заметил, как лодка их развернулась и атаковал свой берег. Но, разобравшись, он форсировал Неву, только его лодку течение снесло больше и его отделение высадилось правее нас.

На носу каждой лодки стоял станковый пулемет «максим». Под прикрытием этих пулеметов мы вброд под огнем противника выбросились на берег и завязали гранатный бой.

Сняв боевое охранение, мы ворвались в первую траншею, которая проходила по крутому обрывистому берегу высотой 10–15 метров, где было много ячеек, дзотов и дотов с хорошо организованной системой огня. Помогло нам мертвое пространство под крутым берегом.

Ворвавшись в траншею и захватив одну землянку, в которой оставили радистов для связи со своим берегом и штабом полка, мы распростились с Сашей Федуловым. Он повел с боем свою автоматную роту влево, а я свой взвод разведки вправо — в сторону Арбузово.

Впереди с криком «Ура!», хотя в ночном бою это и не положено, бежал мой ординарец Ваня Капустин из города Калинина, который, по шуткам товарищей, кричал «Ура! За роту!»

Эсэсовцы, выскакивая из ячеек, оборонялись гранатами, отходили, но их отход перегородило высадившееся правее отделение, которым командовал сержант Безруков. Они много уничтожили отступающих в панике фашистов и присоединились к нам. Мы уже преследовали убежавших немцев всем взводом, занимая ячейку за ячейкой, и добрались до Арбузова.

Перед Арбузовом оказался глубокий овраг. Когда мы по траншее спустились в него броском, по нам хлестнули несколько пулеметов одновременно, осветив ракетами. Траншея была перекрыта

проволочными ежами, по бокам вправо и влево натянуты МЗП. Потеряв несколько человек на этих препятствиях, мы были вынуждены остановиться и повернуть по ходу сообщения в глубь обороны в обход Арбузова. Дойдя до моста через овраг, повернули вдоль шоссе влево по кювету, из землянок нас обстреляли. Шоссе на Шлиссельбург проходило метрах в 250 вдоль Невы.

Мы штурмом овладели пятью землянками, к утру из-за шоссе нас контратаковали. Мы устояли. Быстро принимали меры к организации системы обороны плацдарма по фронту около километра и глубиной до шоссе.

Перед Арбузовом по ходу сообщения перед оврагом я поставил отделение сержанта Дулина. По шоссе в районе землянок — отделения сержантов Малышкина и Арбузова. Сержанту Безрукову с семью разведчиками приказал собирать гранаты и оружие противника и выкладывать на видные места по траншее. Сержантам Дулину и Арбузову приказал снять «максимы» с лодок, отрыть для них площадки для стрельбы и быть в постоянной готовности для отражения атак противника.

Связной из автоматной роты доложил, что рота продвинулась до километра по фронту и ведет бой за вторую траншею.

По радиции доложили в штаб полка о выполнении задачи и обстановке. Начальник штаба полка капитан Мосалов передал: «Держитесь, высылаем помощь». Ваня Капустин притащил 50-миллиметровый трофейный миномет. Он отличался от наших наличием спускного механизма. В г. Томске я окончил полковую школу в минометном взводе и хорошо знал силу этого вида оружия. Через овраг завязали ружейно-пулеметную перестрелку. Гранаты до пулеметных точек противника на противоположном берегу оврага не доставали. За оврагом у пулеметных точек заблестели каски врага, готовящегося к атаке.

Я собрал сержантов и отдал приказ — приготовиться к отражению атаки. С младшим сержантом Арбузовым и сержантом Малышкиным, оборонявшимся со стороны леса в кювете шоссе, связи не было. Повесив противогаз и набитую гранатами сумку на сучок, чтобы легче было бежать, я по полю, ныряя в воронки, направился к сержантам. Спешил их предупредить и поставить дополнительную задачу. Не успел я сделать и нескольких шагов, как по нашим позициям немцы обрушили шквал минометного огня. Стена пыли и дыма настигала меня. Я упал в воронку, огненный вал прокатился дальше по плацдарму. Снова бросился бежать, но слышу, меня окликают: «Товарищ лейтенант, немцы!» Это кричал разведчик Коля Ожиганов — сын полка. Ему было около 16 лет, рыжий, веснушчатый парень из Ленинграда. Не добежав до отде-

лений сержантов Малышкина и Арбузова, мы с Колей бросились к оврагу. Я спешил успеть схватить сумку с гранатами, но было уже поздно. Фашисты, забросав нас гранатами, под прикрытием минометного огня, ввалились в нашу траншею. Сержант Дулин и несколько разведчиков пали в неравном бою. Нас атаковали две роты с двух направлений. Отбиваясь гранатами, мы вынуждены были отходить.

В каждой стрелковой ячейке у нас были изготовлены гранаты, и мы бились за каждую ячейку. Нас пытались обойти снизу у воды, но мы не допустили. Потом фашисты бросились через шоссе, где их накрыли пулеметным огнем отделения Малышкина и Арбузова. Решающий бой мы дали им у землянки радистов. Здесь разошлись мы со старшим лейтенантом Федуловым. На позиции нам помогала насыпь землянки за траншеей, а над обрывом к реке — большая воронка от бомбы. Радисты изготовили много трофейных гранат и оружия. Гранатный бой кипел минут двадцать, и вдруг все стихло. Автоматы забило песком, очередями они уже не стреляли. Кончились гранаты. Плохо были видны лица разведчиков. Нужно было быстро решать, что делать. Подал команду: «Снять радиостанцию!», глянул в сторону правого берега, который сильно бомбили фашистские стервятники. Мрак стал немного рассеиваться, я увидел множество немецких касок по главной траншее. Старшина взвода Славка Соколовский, бывший чекист из г. Смоленска, перевязывал бинтом левую руку. Отходить дальше без гранат — это гибель. Отходить вплавь через Неву — значит все начинать сначала. В голове мелькнули курсанты 3-го Ленинградского артиллерийского училища. Мы хорошо знали друг друга и для нас это был не первый переплет. Вспомнились бои на Ладоге зимой, когда наш отдельный полк охраны, ныне 284-й, оборонял «Дорогу жизни». Выхватил из кобуры свой револьвер и подал Славе Соколовскому: «Старшина, — вот тебе мой револьвер, в нем 7 патронов, на себя не оставляй, отстреливайся, дай нам возможность оторваться от гадов!»

И скомандовал: «Взвод, за мной, в атаку, вперед!»

Но повел не по траншее, а в поле в направлении леса за шоссе.

Когда бросились вперед, падая то в одну, то в другую воронку, по нам раздались одиночные выстрелы: у немцев тоже автоматы забились песком.

По полю, от места к своим бежали два «фрица». Один из них тащил 50-миллиметровый миномет, а второй два лотка мин.

Рядом со мной в воронку упал сержант Вася Безруков. Я ему говорю: «Вася, видишь, пока они развернут свою «рацию», мы там головы поснимаем». Стрельнуть было нечем, не было патро-

нов. Мы бросились за ними, потрясая автоматами в воздухе. Вася крикнул: «Полундра!» Видя, что мы их настигаем, немцы бросили ношу и драпанули к своим в траншею. Схватили мы миномет, а его установил в воронке от снаряда в боевое положение и направил в сторону немцев, держа ствол покруче. Вася быстро открыл лотки и подавал мне мины, которые я бросал в ствол. Разрывы происходили и в гуще противника, и с перелетами и недолетами. Истратив мины, мы бросились вперед к оврагу. Метрах в трех от хода сообщения из-за оврага просвистела пулеметная очередь. Вася крикнул: «Ой, я ранен!» — и вскинул руки. Успев подхватить его в охапку, спрыгнул с ним в траншею над оврагом. Уложив Васю на дно хода сообщения, бросился к мосту. Немцев там не оказалось. Бегом возвращаюсь. Вася уже вытащил пакет и делал сам себе перевязку. Две пули пробили ему левый бок. Разведчики по одному приближались к нам. Я сказал Васе: «Потерпи!» и бросился к реке. Ко мне устремились Коля Ожиганов, Яковлев и другие. Двое помогли сержанту Безрукову сделать перевязку. Видя, что окружены, фашисты через бруствер бросились с обрывистого берега к Неве и стали отходить к Арбузову. У нас не было ни патронов, ни гранат. Но было много битого кирпича от разрушенного строения. Стали бросать в толпу убегающих кирпичи.

Быстро наступила осенняя ночь. Отправили через Неву раненых на лодке под командой старшины Соколовского: Васю Безрукова, Ваню Капустина, Колю Ожиганова и других. Слава Соколовский возвратил мне револьвер, его не атаковали.

В ходе сообщения над оврагом от реки до моста остались мы вдвоем с Яковлевым, замкнутым человеком 1910 года рождения, родом из-под Смоленска. Разведчики на него не надеялись, и по их просьбе месяц назад по моему рапорту командир полка перевел его в автоматную роту. В данном бою Яковлев пошел не с автоматной ротой, а с разведчиками. Вот с ним и пришлось занимать позицию для обороны отобранного у врага дорогой ценой клочка родной земли.

От реки до шоссе мы прошли вместе по траншее над оврагом, постреливая через овраг в сторону противника то из автомата, то из карабина. Я решил оставить Яковлева при входе в траншею у шоссе, а самому занять ячейку у реки для наблюдения за наиболее опасным перекрестком траншей, откуда днем начинали гитлеровцы свою атаку. Не прошло и пятнадцати минут, как слышу по ходу сообщения шорох. Спрашиваю вполголоса: «Кто?»

Отвечает: «Я, Яковлев».

— Что там у тебя?

— Страшно, я не могу.

Мы с ним сели на дне траншеи, закурили, поговорили о дневном бое, вспомнили своих товарищей. «Все были хорошие и смелые», — говорит он мне.

— А сколько нужно еще положить таких молодцов, чтобы занять этот плацдарм, если мы не устоим и уйдем?

— Много, — ответил он.

Рассказав еще пару анекдотов, немного пошутили, и я его спросил: «А как ты, Сашка, думаешь, немцам страшно или нет?»

Он говорит: «Они же тоже не знают, сколько нас. Они на чужой земле, а не на своей».

— Выходит, им страшнее.

Саша согласился. Снова я отвел его к мосту, попросил, чтобы он был внимателен, вслушивался в темноту.

Через 15–20 минут он снова вернулся ко мне. В третий раз я посылать не стал, а послал к землянке — месту нашей переправы с заданием: кто переплывет или выйдет с поля боя, то их привести сюда. И он пошел.

Неприятное ощущение было и у меня. Я оставался один, лицом к лицу с противником. Нас разделяли какие-то 75 метров через овраг, куда от меня спускалась траншея. Но принесенные большие жертвы по захвату плацдарма подсказывали мне: «Пока жив, не уходи, действуй и удерживай отвоеванный рубеж». Напрягая все нервы, силу воли и терпение, я решил не отходить. Прошло немного времени, слышу шаги. Я окликнул: — Кто идет?

— Я, — ответил Саша Яковлев.

Он доложил, что привел троих солдат — казахов из автоматной роты. Но они «ни бельмеса» не говорят по-русски. У них ни одного патрона и ни одной гранаты.

— Хорошо, — сказал я Яковлеву, — пойдешь с ними к мосту и направишь ко мне. Я их снова отправлю к тебе и так они будут держать связь между нами. И они пошли. К сожалению, задуманного действия не получилось. Когда они возвратились, я их послал к Яковлеву, они отошли метров на 50 и присели.

Яковлев возвратился. Тогда я сказал ему: «Ну и пусть сидят, иди снова к переправе, не встретишь ли там кого-либо еще». Через некоторое время он привел раненного в руку младшего сержанта Химушкина из автоматной роты. Он и рассказал мне о том, что в бою за вторую траншею, которая шла за шоссеиной дорогой, выстрелом из закопанного танка при стрельбе из трофейного орудия по пулеметной точке снарядом был убит ст. лейтенант Федулов, боевой командир автоматной роты. У меня пробились слезы.

Химушкин сообщил, что рота попала в засаду и понесла большие потери. Это был новый и большой для меня удар от сознания того, что тыл у нас не прикрыт.

«Ребята, но мы будем стоять. Саша, ты снова пойдешь к мосту, а ты, Химушкин, возьмешь троих солдат, которые сидят в траншее, и будете водить от меня к мосту и обратно, подавая команды вплоть до батальона, только вполголоса, чтобы походило на правду».

И когда сержант Химушкин вел уже свое «войско» от Яковлева ко мне по траншее, то задел одного из бойцов автоматом по каске, она зазвенела, потом крикнул: «Где там политрук девятой роты!?»

В сторону нашей траншеи одновременно через овраг засвистело несколько пулеметных очередей.

Противник непрерывно начал бросать осветительные ракеты, одновременно по несколько ракет. К утру переплыл через Неву пулеметный расчет в количестве 9 человек во главе со старшим сержантом Чемизовым, моим старым другом по боям на полуострове Ханко. Нашей радости не было конца. На вопрос: «Как нас нашел?» он ответил: «По ракетам хорошо видно, где проходит передний край». Я приказал пулемет окопать и поставить над оврагом; указал сектор обстрела. Расчет приступил к работе. Чемизов рассказал нам обстановку. Подступы к правому берегу Невы авиация противника бомбила целые сутки. Полк понес большие потери. Начальник штаба майор Мосалов убит, ранен секретарь партбюро майор Ломанов.

Перед рассветом к нам прибыла 9-я рота с командиром и политруком. Я передал им участок перед обрывом с расчетом станкового пулемета старшего сержанта Чемизова.

Александра Яковлева, теперь уже испытанного в совместном бою, я взял с собой связным и пошел организовывать оборону по шоссе. Придя на шоссе, мы с Яковлевым встретились с сержантами Малышкиным и Арбузовым. Радости не было конца. Мы обнялись. Они показали свою работу. По шоссе и на поле, справа и слева, валялись трупы захватчиков. Оказалось, они вчера надежно прикрывали нас со стороны леса на рубеже шоссе. К 10 часам в мое распоряжение прибыла группа солдат в количестве 19 человек под командой сержанта Болдырева с правого берега. Выдвинувшись с сержантом Болдыревым за шоссе в лес на высотку, я показал позицию и поставил задачу — срочно окопаться и быть готовыми к отражению атаки противника. Бойцы начали окапываться. Подгонять необходимости не было, все понимали обстановку. По кювету у моста я поставил двух наблюдателей. Около

14 часов прибыл наблюдатель и торопливо доложил: «За мостом у немцев какой-то шум, беготня». Я поднял сержанта Малышкина: — За мной!

У моста прислушались. До нас дошел звон котелков. «Ребята, у немцев обед. Кухня влево от моста за высоткой. Видите дымок?»

Вася сказал Малышкину: «Бегом веди всю группу сержанта Болдырева, но подползайте по кювету скрытно и быстро, чтобы противник не заметил». Минут через пятнадцать группа сержанта Болдырева прибыла. Я подал команду: «Приготовиться к атаке!» Рывок должен быть по зоне, простреливаемой немецким пулеметом, под мост, влево на высотку и в лес. Когда все были готовы, я подал команду: «За мной!» За высоткой у кухни оказалось двадцать немцев с котелками. Пущенными в ход гранатами они были уничтожены. За кухней, справа от траншеи, в котловане штабелем лежали 14 ящиков гранат и 81-миллиметровый миномет. Я подал команду: «Набрать гранат и приготовиться к штурму пулеметных точек и дзота в Арбузове с тыла!» С командиром 9-й роты связаться не удалось, не было хода сообщения. Упускать момент, пока немцы не оправились, было нельзя. Я подал команду: «За мной, на дзоты!» Бойцы во главе с сержантом Малышкиным и Болдыревым бросились к траншее, я прыжком через шоссе — к землянке по кювету. Ударил в дверь ногой и бросил в землянку гранату. За взрывом гранаты в землянку вскочил сам. Передо мной выросли, как из-под земли, несколько здоровенных эсэсовцев. На голове вздыбились волосы и, как мне показалось, поднялась каска. Автомат на груди, шинель распахнута, на раздумье времени не было. Я выхватил из расстегнутой кобуры револьвер, который возвратил мне Слава Соколовский, два раза выстрелил и выскочил из землянки.

Крикнул: «Выходи, гады!» Подняв кверху руки, выходят: один, второй, третий... Смотрю, больше не выходят. Этих окружили в кювете и связывают руки наши бойцы под руководством Яковлева. Один оказал сопротивление, его пристрелили. Я бросил в землянку предпоследнюю Ф-1. Вскочил снова в землянку, там оказались двое убитых эсэсовцев, когда и чем убило их, не знаю.

В Арбузове наши ребята дрались насмерть. Кто в амбразуру стрелял и бросал гранаты, кто перебрасывался гранатами, стрелял из автоматов, другие вели бой в ходах сообщения. Лабиринт траншей был запутан. Со стороны Анненского из леса на помощь своим спешили две роты противника. Сержанту Малышкину я отдал распоряжение: «Добивай в этих землянках и дзотах эсэсовцев, я возьму 5 человек и тебя прикрою». Яковлеву и троим, находившимся поблизости, скомандовал: «За мной, навстречу противнику!»

Троих направил по главной траншее, сам с Яковлевым устремился по кювету. Ходы сообщения были нарыты через каждые 50–60 метров. Чтобы выиграть время, мы обстреляли противника и пошли на сближение. Ходы сообщения от шоссе к Неве были глубокие и узкие. Наконец, мы сблизились, противник в одном, а мы в другом ходе сообщения. Завязали перестрелку. Я Яковлеву говорю: «Как только фриц даст очередь из автомата по кювету, не зевай, на четвереньках за мной, гранаты и автоматы наготове». И вот он выстрелил. Мы броском к нему. Когда оставалось метра 2–3 до немца, я развернулся, бросил гранату и прыжком — в ход сообщения. Гранату я перебросил, и немец оказался у меня между ног. Держа его, я в группу фашистов в кювете бросил вторую гранату. Яковлев подо мной выстрелил в голову немца.

Падая через убитых, гитлеровцы в панике убегали в главную траншею. Там их встречали огнем наши ребята. Вражеская атака захлебнулась.

Из леса двигались две танкетки. У нас не было противотанковых гранат, положение осложнялось. Один из бойцов доложил: «Я видел в ячейке два противотанковых ружья с патронами». «Тащи их бегом сюда». Танкетки уже открыли по нам огонь. Когда принесли ПТР, расстояние до них сократилось до 200–250 м. Я схватил ПТР, а оно оказалось незнакомым, мы не знали, как его перезаряжать. Вдруг мне пришло в голову: насечки на металле верно для нажатия пальцами, и я нажал. Затвор открылся. Показал Яковлеву, как заряжать ПТР, и мы открыли по первой танкетке огонь из двух ПТР.

Заклинили одну гусеницу, танк закрутился на месте. Перенесли огонь по второму, подбили и его. В это время бойцы 9-й роты подоспели к нам на помощь. После очередной схватки натиск противника был остановлен. Прибежал связной от сержанта Болдырева и доложил, что они не могут взять дот в углу Невы и оврага. Оставив участок обороны 9-й роте, мы с Яковлевым поспешили на помощь. Взвесив обстановку, я приказал трем солдатам и Яковлеву с одной стороны и трем солдатам с сержантом Болдыревым — с другой на расстоянии полуметра от дота вести непрерывный автоматный огонь, а сам по «коридору» со связкой гранат пополз к вытяжной трубе, в которую опустил гранаты и отскочил в траншею. Грохнул взрыв огромной силы. В воздух поднялся черный столб дыма и множество осветительных ракет. Все затихло. Плацдарм занимал по фронту более двух километров и в глубину метров 500.

Ночью к нам переплыли новый командир полка с комиссаром — вышедшим из полевого госпиталя после ранения майором Ломановым. С ним переправились несколько подразделений.

Очень хотелось бы разыскать Колю Ожиганова, Славу Соколовского, Васю Безрукова, Сашу Яковлева, Ваню Капустина, Сашу Малышкина, Арбузова, Болдырева и других, а также низко поклониться родственникам Александра Федулова.



**Памятник «Призрачная деревня»
на месте бывшей д. Арбузово. 2007 г.**

Удар на Мгу и оборонительный рубеж Синявино ¹

В боевых донесениях дивизий, противостоящих 6-му гвардейскому стрелковому корпусу генерал-майора Гагена ², постоянно сообщается о действиях снайперов. В войне, где определяющими факторами являются техника и массированное применение войск, такие сообщения, на первый взгляд, кажутся совершенно необычными. В чем причина этого?

Тому, кто пытается укрыться от артиллерийского или минометного огня, кажется, что он находится под огромным молотом, который непрерывно наносит удары сверху. Это как в лотерее: попадет ли молот в цель с первого удара, либо это будет следующий удар, либо вообще не попадет? Похожая картина во время обстрела из пулемета или другого стрелкового оружия. Вопрос в том, достанет ли тебя одна из пуль? Ты постоянно во власти случая или судьбы. По-другому дело обстоит с тем, кто является целью снайпера. Если ты сразу же не становишься жертвой первого выстрела, то тебя пронизывает мысль — он целит в тебя! Конечно, и в рукопашном бою противник сражается конкретно с тобой, но ты по крайней мере знаешь, кто тебе угрожает, откуда и чем. Являясь целью снайпера, ты осознаешь лишь одно: только в укрытие. Голову вниз, распластаться. Ну, а если снайпер прячется в лесу? Если он способен быть везде и одновременно нигде? Если огонь из винтовок, автоматов и пулеметов сливается в один общий выстрел, если ты не знаешь, нацелен ли ствол снайперской винтовки на тебя сверху, снизу, слева, справа? Тот, кого охватывает паника, погибает. Ты должен сохранять спокойствие, даже если у тебя внутри все дрожит.

У тебя есть единственное, кошмарное утешение: прежде, чем ты по-настоящему испугаешься, снайпер тебя уже достанет, и ты сполна получишь то, что тебе причиталось. Но есть также возможность и для защиты: для этого нужно быть таким же изобретательным, хитрым, осмотрительным, как и снайпер. Постоянно думать: что

¹ Орывок из книги Х. Г. Стахова «Трагедия на Неве» (рассказ очевидца). Изд-во Хербич, Мюнхен 2001 г. Перевод с немецкого Ю. М. Лебедева.

² Ошибка автора: г.-м. Н. А. Гаген командовал 4-м гв. ск. 6 гв. ск командовал г.-м. С. Т. Бияков.

бы ты сделал на его месте? Где бы ты выбрал место для обстрела? Тогда его засада бесполезна, тогда у него будет испорчено настроение, и он спрячет свою винтовку.

Опытные солдаты 132-й пд стараются втолковать это прибывшему молодому пополнению, когда по окопам разносится весть, что русские под Гайтолово используют десятки снайперов.

По-видимому, русские рассказывают у себя то же самое. И у обеих сторон достаточно причин для таких нравоучений. У немцев потому, что они наконец увидели, какую большую ошибку допустили, отказавшись в начале тридцатых годов от использования соответствующего опыта Первой мировой войны, расформировав отделения снайперов, приданных каждому батальону рейхсвера. Не было ведь сомнений в том, что солдаты рейхсвера метко стреляют, зачем же еще устраивать особый стрелковый клуб? Так, во всяком случае, думали высокие чины. По-другому было в Красной армии. Насколько большое значение придавалось увеличению численности войск, вооружению, танкам, настолько важен был для красных генералов также и одиночный боец-снайпер. Это они усвоили, когда в двадцатых годах совместно с рейхсвером проводили военные маневры.

Находившаяся в упадке немецкая оптическая промышленность обрадовалась, когда Красная армия выдала ей на многие годы заказ на поставку оптических приборов и полевых биноклей. Она должна была даже разработать сменный механизм для прицелов марки «РЕ», который затем с большим успехом использовался против самих немцев. Таким образом оказалось, что к началу похода на Россию одному немецкому снайперу противостояли 20 русских. У самих немцев было крайне мало пристрелянных снайперских винтовок, и они вынуждены были использовать захваченное трофейное оружие. С первых дней немцы стали терять от огня снайперов огромное число командиров. Русские целенаправленно стреляют по всем немцам с «тонкими ногами»: это офицеры в своих узких сапогах для верховой езды. А также ведут огонь по всем, кто носит петлички, нашивки, эмблемы на фуражках, воротничках и погонах. Последним решающим аргументом в пользу массовой подготовки специалистов стал опыт финско-русской войны. Меткими смертельными попаданиями финны выбивали командный состав русских, сея при этом панику. Теперь и русские этому научились, ведя снайперский огонь против пулеметных и орудийных расчетов, связистов и командиров танков, когда те высывались из люка башни. У немцев к началу войны такую великолепную подготовку имели лишь солдаты 800-го отряда особого назначения, позднее преобразованного в «дивизию Бранденбург», проявившие себя

в минно-взрывных и диверсионных операциях, в том числе в ходе наступления группы армий «Север».

Теперь немцы стараются наверстать упущенное. В то время, как у русских стрелковую элиту составляют большей частью сибиряки, на Западе таких же специалистов называют «канадцами Востока». Поскольку те точно так же с юности умеют обращаться с охотничьим оружием, обладают бесконечным терпением в поисках цели, и, сидя в засаде, также великолепно ориентируются на местности и стойко переносят суровый климат. Поэтому немцы вспомнили о тирольских стрелках, которые подобные качества приобретали, охотясь в горах. Одним из таких стрелков был лейтенант Пленклер. О нем долгие годы после Битвы народов под Лейпцигом в 1813 году рассказывали, что с 950 шагов он сбил выстрелом французского офицера, скакавшего на лошади. Немцы во всех стрелковых частях выискивают для подготовки наиболее одаренных пехотинцев. На службе те освобождены от несения нарядов и получают дополнительный паек. Приказом запрещено пользоваться их оружием, в том числе для обучения других стрелков и проведения стрельб.

Лучшим немецким снайпером является тиролец Матиас Хетценауэр с 345 подтвержденными попаданиями, который лишь в 1943 году в возрасте 19 лет попадает на Восточный фронт. Житель Зальцбурга Зепп Аллерсбергер добивается 257 попаданий. Оба, как и Хельмут Вирнсбергер с 64 попаданиями, служат в 3-й горно-стрелковой дивизии, которая осенью 1942 года находится рядом с 132-й пд на южной отсечной позиции, препятствующей прорыву русских в Гайтолово.

При атаках противника или своими силами и в рукопашном бою попадания снайперов не берутся в расчет, поэтому фактически их в два раза больше подтвержденных поражений. Тот не считается хорошим снайпером, кто минимум с 300 метров не попадает в голову цели, и с 600 метров в стоящего человека. Хетценауэр однажды попал в человека с расстояния 1100 метров, 65 процентов своих успехов он добился с расстояния не менее 400 метров, 30 процентов попаданий — до 600 метров. Хетценауэр использует карабин 98к, являющийся модификацией винтовки 98, производства 1898 года, а также самозарядную винтовку G 43; Аллерсбергер — русскую винтовку Мосина — Наган 91/30, модернизированную конструкцию 1891 года, или карабин 98к. Каску на операцию они не берут, она затрудняет стрельбу, влияет при сильном ветре на слышимость. Аллерсбергер чаще всего в засаде скрывается под специальным навесом защитного цвета. Оба тщательно закрашивают лица и руки, маскируют тело и оружие, используют чучела и ложные позиции для введения противника в заблуждение.

Ни один снайпер в поединке с аналогичным противником не делает больше двух выстрелов. Затем он сразу же незаметно меняет свою позицию. (...)

Оценки русских экспертов по оружейному делу не отличаются от немецких. Мы узнаем, как определяется в теле потерпевшего по углу канала выстрела местонахождение вражеского снайпера. Как по месту и обстоятельствам ранения делается заключение о системе оружия. Как часами и сутками ведется наблюдение и проверяется реакция противника на ложные позиции и провоцирующие выстрелы, как снайперы отвлекают его внимание и снижают его осматриваемость. Как они сами бесконечно долго маскируются, прячутся и постоянно внушают себе, что противника нельзя недооценивать.

Кто был когда-нибудь целью снайпера, тот с большой неохотой вспоминает тихий звук «пиш», с которым в полусантиметре от его носа отлетает от дерева кусок коры. А тот, кто, прикрывая в бою отход частей, лежал бок о бок со снайпером, не верит глазам своим, когда один единственный человек оказывается в состоянии на многие часы сдерживать продвижение противника. (...)

Немцы предотвратили окружение «бутылочного горла» (так они называли Шлиссельбургско-Синявинский выступ — Ю. Л.), но тем самым похоронили планы по завоеванию измученного города. Поэтому они не радуются своему оборонительному успеху. Только лишь в Первом Ладожском сражении (27.8-2.10.1942 г. — Ю. Л.)¹ они израсходовали свыше 40 000 тонн боеприпасов и потеряли 25 000 человек. И когда в конце 1942 года в 18-й армии подвели итоги, то потери за год достигли 120 000 солдат убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Манштейн к тому времени со своими шестью дивизиями уже находился на пути к группе армий «Юг».

Благодаря высадке десанта советским войскам вновь удалось создать плацдарм в районе Дубровки на берегу, занятом немцами. С него русские намеревались наступать навстречу корпусу генерала Гагена, когда тот прорвал немецкую линию обороны у Гайтолово². Теперь плацдарм выпирает в «бутылочном горле» как грозный кулак. Немцам почти удастся его уничтожить. Но в этот момент со стороны Ленинграда их накрывает огонь тяжелой артиллерии такой силы, что они вновь вынуждены отойти на исходные позиции. В конце концов 28-й егерской дивизии удастся локализовать этот участок. Но угроза, которая не оставляла в покое генерала Роберта Лоха, не устранена.

¹ Так немцы называли Синявинскую наступательную операцию наших войск.

² Ошибка автора: в I эшелоне прорыва была 8А ВФ г.-м. Ф. Н. Старикова; г.-м. Н. А. Гаген командовал 4 гв. ск, находившемся во II эшелоне. (Сост.)

Успехи боев под Гайтолово немцами уже забыты. Хотя капитан Фриц Шмидт, захвативший этот населенный пункт, носит теперь железный крест, его 132-я пехотная дивизия в боевых сводках больше не упоминается. В ротах лишь изредка можно встретить старые лица. Дивизия, которая уже под Севастополем в боях за форты «батарея Шишкова», «Бастион» и «Максим Горький» потеряла много людей, теперь обескровлена.

Русские не оставляют осаждавшие немецкие войска в покое: под Ораниенбаумом, у Кронштадтской бухты, где они сразу после появления немцев под Ленинградом, смогли создать вытянутый по форме плацдарм, защищенный огнем крупнокалиберной корабельной артиллерии Кронштадта и Ленинграда. Также под Киришами на реке Волхов им не дают передышки, у Колпино и в устье реки Тосны при впадении в Неву. Точно так же под Новгородом на озере Ильмень и на южном фланге группы армий «Север», на узком плацдарме, ведущем к семи немецким дивизиям, окруженным под Демянском. Несколько из этих дивизий Кюхлер (командующий группой армий «Север» — Ю. Л.) мог бы хорошо использовать под Ленинградом. Конечно, они сковывают силы русских, но теперь они и сами скованы. Для 18-й армии больше не существует вопроса: будет ли противник еще раз пытаться овладеть районом «бутылочного горла» с целью облегчения положения Ленинграда. Вопрос сейчас остается лишь один: когда это произойдет?

Солдаты 18-й армии больше не являются активными действующими лицами. Теперь они могут лишь только отвечать на действия другой стороны. Им не удалось прервать поставки американских военных грузов, которые осуществлялись морем, несмотря на смертельную угрозу немецких подводных лодок, а затем перебрасывались ежесуточно в южном направлении. Им не удалось соединиться с финнами на реке Свирь и полностью накинуть удавку на Ленинград.

Гитлер действительно объявил Ленинград «второстепенным театром военных действий». Сталинград и Кавказ стали для него более важными целями. Захват Ленинграда больше не является предметом разговоров в штаб-квартире фюрера. Немецкие солдаты этого не знают. А ленинградцы по-прежнему живут надеждой.

Погожим августовским днем 2006 года мы с протоиереем о. Вячеславом Хариновым и командиром поискового отряда «Русь» Александром Чупровым отправились в Гайтолово, чтобы по православному обычаю отпеть бойцов, погибших здесь в далеком сорок втором и шесть десятилетий числившихся «без вести пропавшими».

Понятно, что в сумятице отступления было не до похорон, поминальных салютов и памятников павшим. Вышедшие живыми из окружения за проклятую Богом Черную речку радовались свободе, как второму рождению; двенадцать тысяч несчастных отправились напрямик в ад фашистских концлагерей, а сто четырнадцать тысяч (!) душ были вычеркнуты из списков военнослужащих Красной армии и канули в небытие*.

...Свернув на восток от районного города Кировска, миновав пос. Молодцово с заброшенными полями совхоза «Мгинский», наш микроавтобус выехал на ухабистую дорогу под высоковольтной линией электропередач, с довоенных времен подающей ток Волховской ГЭС в Ленинград—Санкт-Петербург.

По обе стороны дороги простирался никчемный мокрый лес — ольха, рябина, тоненькие березки и осинки с мелькающими под ними опятами, сыроежками, ржавыми касками и снарядными гильзами.

Но вот дорога поднимается в гору, и появляются указатели с надписями: «До Гонтовой Липки — 3 км», «До Тортолова — 7 км», «Хозяйство Кусаинова», «Хозяйство Прохоренко», или «Х-во Тимофеева». Так по-военному, фамилиями своих командиров, отмечают поисковики местоположение отрядов, приезжающих сюда ежегодно из Казахстана, Кирова, Челябинска в поисках своих земляков, погибших на синявинской земле. В лесу и болотах они находят сотни непогребенных бойцов. В единичных случаях (по чудом сохранившимся «смертным медальонам», надписям на котелках и ложках) устанавливают их имена.

До 1996 года солдатские останки хоронили тут же, в свежерытых братских могилах, ставя самодельные памятники. Одни —

* Потери в Синявинской операции августа—октября 1942 г. составили 114 тыс. чел., пленные — 12 тыс. чел. (Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. — М.: Воениздат, 1993.)

православные кресты, другие — красные звезды. В последние годы местные власти распорядились всех найденных бойцов хоронить на Синявинском мемориале. Вопрос о создании мемориальной зоны от Гонтовой Липки до Воронова, которая сохранила бы на века память о былых сражениях в синявинских болотах остается открытым.

А. ЧИВИЛИХИН

Битва на Волхове

(отрывок из поэмы)

«...Тот, кто побыл здесь, едва ли
Забудет и на склоне дней
О битвах, что порой бывали
Иных прославленных грозней.
Они забудутся не скоро —
Сраженья у Мясного Бора,
Под Киришами, подо Мгой,
У Спасской Полисти, у Званки,
И на безвестном полустанке,
Как на арене мировой.
И что же? Все тот же стон из далей
И гордый зов: «Ко мне, сюда» —
И трех синявинских баталий
Невыносимая страда.
За боем бой. И все ни с места.
Лишь крик встающего с земли:
«Эй, братцы, у кого невеста
Иль matka в Питере — пошли!»
За ленинградцем туляки,
Воронежцы, сибиряки.
И сразу скулы стали жестче,
Чуть-чуть расширены зрачки.
Прорвались к дзотам у дороги,
Гранаты в ход и в ход ножи.
Семь дней сраженья. Что в итоге?
Почти все те же рубежи.
Так в чем же дело? Войско слабо?
Противник дьявольски силен?
Приказ германского генштаба:
Штурм Ленинграда отменен.



А. В. ЧУПРОВ,
командир
поискового отряда «Русь»

В тиши синявинских болот

Впервые в эти места я попал в 1969 году в девятилетнем возрасте. Подруга моей мамы пригласила нас как-то к себе на дачу в Апраксино и ранним сентябрьским утром повела за грибами.

Мы долго шли вдоль железной дороги и за вторым мостиком свернули в лес. Здесь, среди многочисленных воронок и траншей, валялось множество касок, пулеметных дисков и прочих загадочных вещей. Какие там грибы! Кому из мальчишек придет в голову их собирать, попав в незнакомое царство?

Взрослые неожиданно остановились на краю воронки, разглядывая что-то в траве. Подойдя, я увидел человеческие кости. Они лежали в относительном порядке, напоминая известное пособие в школьном кабинете биологии. Тут же были остатки амуниции, кирзовые сапоги. Мне пояснили:

— Наш солдат, погибший в войну...

После увиденного мама тоже перестала искать грибы, так и проходила по лесу с застывшим лицом и пустым пакетом.

На краю одиночного окопчика для стрельбы лежал ящерица, гревшаяся на солнце. Неудачная попытка ее поймать обернулась открытием: бугорок, на котором она сидела, оказался кучкой стреляных гильз.

В пионерлагере, где я обычно проводил лето, мы с ребятами бегали тайком на стрельбище биатлонистов и собирали гильзы. Блестящие, они завораживали сами по себе и служили своего рода валютой, на которую можно было выменять у менее удачливого товарища конфету или печенину. Здесь таких, правда потемневших, гильз было видимо-невидимо, и я быстро набил ими карманы. Раздувшиеся бока выдали меня, и взрослые заставили вытряхнуть латунное богатство. Но мысль об апраксинских сокровищах не оставляла меня, и всю зиму я уговаривал одноклассников съездить в этот лес.

Согласился один Женя Кубикас. В апреле, как только в городе сошел снег, мы отправились. Я взял с собой противогазную сумку и наконечник от отбойного молотка — рыхлить землю.

После долгих поисков мы вышли на знакомое место. Кругом еще лежал снег, но вершины холмов уже обнажились. Первое, что мы увидели, были сброшенные рога лося. На краю старого окопа лежала пробитая немецкая каска с кожаным подшлемником, рядом — ремень с ржавой бляхой. Из другого окопа, словно изюм из батона, торчали патроны. Мы стали долбить мерзлый песок и складывать патроны в сумку. На станцию возвращались усталые, но довольные. Женщины на платформе ахали, увидев лосиные рога, а мужчины понимающе усмехались, глядя на мою тяжело отвисшую торбу.

Много позже я узнал, что на том месте, куда я привел Женю, прежде находилась деревня Мишкино.

С тех пор поездки в лес стали регулярными, хотя и небезопасными. Нас то и дело останавливали путевые рабочие, милиция, контролеры в электричках, бдительные граждане и местная шпана. Деревенские парни подстерегали нас на проселках, отбирали деньги и приглянувшиеся трофеи, иногда били. Дома было не лучше. Приходилось врать, что идешь в кино, потом к товарищу в гости, а резиновые сапоги надел на случай дождя. И, стараясь не смотреть в незащитные глаза матери и скорбное лицо бабули, бежать к двери. Из «гостей» возвращались в хлюпающих сапогах, насквозь провонявших болотом. Снова объяснения и упреки. И так почти каждое воскресенье...

Постепенно наша группа разрасталась. В нее влились одноклассники, дворовые друзья. Большинство из нас росли без отцов, кое-как учились, а по выходным отправлялись в лес.

Первое время ездили в основном в Мишкино. Здесь к югу от железной дороги тянется цепочка холмов, выходящих к р. Назии. На этой гряде до войны стояли деревни: Мишкино, Поречье, Вороново. В семидесятые годы высотки, перемежающиеся ручьями и болотцами, были изрыты траншеями и землянками, воронками всех размеров. Местность покрывали горы ржавого железа и алюминия, солдатских касок и котелков, груды стреляных гильз от 37-миллиметровых немецких орудий и наших «сорокапятков». В окопах валялась такая масса пулеметных гильз, что земли не было видно.

В районе Синявина—Малуксы часто невозможно было понять, кто где стоял — наши или немцы. Позиции 42-го года пересекались траншеями сорок третьего, накладываясь на следы боев сорок первого. Еще стояли немецкие «ежи» из тонких бревнышек, опу-

таные колючей проволокой, спирали Бруно метрового диаметра и наши проволочные заборы на столбах.

На немецких позициях еще сохранились козлы из стальных уголков, собранные в пятиметровые секции, обмотанные проволокой. Они легко снимались, пропуская своих, и перекрывали проходы при приближении русских. Встречались и метровые столбики из толстого стального прута с проушинами, снабженные на концах подобием бура. При установке достаточно было продеть в верхнее кольцо рычаг, ввернуть прут в землю как штопор и натянуть проволоку. Это не требовало больших усилий, делалось быстро и бесшумно.

Все это проволочное безобразие, взбитое взрывами, проутюженное танками, слежавшееся от времени в подобие пружинного матраса, по которому можно было ходить, не касаясь земли, стоило нам разорванных сапог и ободранных рук. О минной опасности мы как-то забывали. Правда, противопехотные мины уже не могли причинить вреда, но немецкие противотанковые в герметичных металлических корпусах опасны и сегодня.

В те времена район проведения Синявинских операций представлял собой довольно дикое место. На месте Тортолова, Гайтолова, Гонтовой Липки расстилалась заболоченная равнина с полчищами комаров и слепней, поросшая кустарником и камышами. Недаром немцы называли эти места «северными джунглями». И, как в настоящих джунглях, здесь обитали зайцы, лисицы, птица боровая и болотная. Перелетные утки, гуси, журавли останавливались на отдых; лоси бродили стадами, не обращая внимания на людей. Среди кратеров воронок, ржавого железа и солдатских костей царил пир безлюдной жизни.

В 1971 году кто-то показал нам дорогу на Вороново. В двухстах метрах от пл. Апраксина вправо от железной дороги уходит 10-километровая насыпь узкоколейки к ст. Турышкино железной дороги Мга—Кириши. На полпути между р. Назией и озером Барским и стояла когда-то деревня Вороново с храмом св. Николая Чудотворца, получившая в войну печальное наименование «горки смерти».

Нигде я не видел столько искореженного железа, как здесь. Горы ящиков с боеприпасами, противогазных бачков, запасных стволов к пулеметам, касок, котелков, пулеметных дисков и лент, развернутых «розочкой» труб от «катюшных» снарядов. Там мы впервые увидели стальные нагрудники, которые надевали бойцы наших инженерно-штурмовых бригад. Все это валялось на краях неглубоких раскопов вперемешку с солдатскими ботинками, амуницией и человеческими костями. Через пару лет местность

преобразилась: исчезло железо, землю вспахали и посадили основую рощу.

Ближе к железной дороге на Волховстрой находилась д. Поречье. От нее осталось только старинное кладбище с крестами чугунного литья, сильно побитыми осколками. Кладбище пересекала немецкая траншея, в которой мы обнаружили неразорвавшийся снаряд от «катюши».

В 73-м году мы попали в урочище Тортолово. Лес неожиданно кончился и открылась живописная долина, прорезанная извиистой речкой. Вся местность, особенно левый берег реки, была изрыта траншеями, прямоугольными ямами обвалившихся блиндажей и бомбовыми воронками, поросшими купами деревьев. Всю эту печальную красоту пересекал проселок, ведущий к воссозданному Двору охраны; за дорогой следили, топкие места мостили железными ящиками от немецких мин — проселком пользовались охотники и пастухи, гонявшие в урочище апраксинское стадо.

Единственным напоминанием о деревне был деревянный крест, крашенный голубой краской. К нему была прибита металлическая дощечка с надписью: «Дергачева Матрена Ивановна 1901 г. Дети — Лидия, Иван 1930 г.; Зоя — 1933 г.; Татьяна — 1935; Михаил — 1937; Семен — 1939 г. Убиты немцами за помощь партизанам». Жители д. Путилово рассказали, что трагедия произошла в сентябре 1941 г., а после войны с фронта вернулся глава семьи, который и поставил крест на руинах своего дома...

В 1973–75 годах мы обследовали траншею по левую сторону дороги. Почти сразу под дерном обнаружили останки красноармейцев, лежащих на «полу» из минных ящиков и досок. Удивляла малая глубина траншей, но оказалось, что таких «полов» было несколько. Когда траншею заливали водой, солдаты бросали под ноги все, что попадалось под руку. Здесь были и стреляные гильзы, и негодная амуниция, патроны и личные вещи. Все это втаптывалось, образуя своеобразный культурный слой, по которому можно определить, когда и кем была занята траншея. Помню одну траншею под Синявинскими высотами, насчитывавшую пять «полов», оставшихся от боев 1941–1943 годов. Противогазы, двухкарманные патронташи, эмалированные котелки и кружки, алюминиевые фляги, клепаные саперные лопатки указывают на 41-й год. В 42-м исчезает алюминиевая посуда, появляются однокарманные патронташи, стеклянные фляги. В 43-м — жестяные котелки, брезентовые ремни вместо кожаных, патроны с трассирующими пулями.

В начале войны основная масса винтовочных патронов была снабжена облегченными пулями. Они были короче и легче немец-

ких. В масштабах страны это давало экономию свинца, но отражалось на точности стрельбы по удаленным целям. Поэтому появились «утяжеленные» пули — длиннее старых, с желтой маркировкой на конце. Стали применяться бронебойно-зажигательные, или пристрелочные пули, дающие вспышку при попадании — они отмечались красным и черным лаком. Трассирующие маркировались зеленым, разрывные — красным.

У немцев я встречал только три вида винтовочных пуль: обычные свинцовые, с зеленым ободком вокруг капсюля; бронебойные со стальным сердечником и красным ободком; трассирующие — с красным ободком и зеленым кончиком.

Часто в траншеях под слоем глины мы находили охапки почерневшего лапника, хотя в округе не было ни сосен, ни елей. Позже узнали, что хвойные деревья никогда самостоятельно не возвращаются на вырубки и пожарища. Их заменяют березы, ольха, ивняк.

Мартовским днем 1974 г. мы с Женей шли по дороге, покрытой сырм, набрякшим от воды снегом. Влево уходила тропа. Пересекая опоясанный траншеями полуостров, она выходила к краю болота, вдававшегося «языком» между двумя возвышенностями. Перейдя болото, поднялись на высотку. Отсюда были явственно видны позиции противника, разделенные нейтралкой. Наши окопы обращены на запад. В 15-метровой траншее мы нашли 10 погибших красноармейцев. Очевидно, смерть их наступила одновременно в начале боя — никто даже выстрелить не успел. Был один «смертный медальон», текст которого смылся, только в графе «воинское звание» прослеживалось слово «политрук».

Другая траншея, протянувшаяся по нашему берегу болота на несколько сот метров, выглядела более основательно: видимо, фронт здесь стоял долго. Мы нашли советский ротный миномет и гильзу от 76-миллиметрового снаряда, внутри которого на кольце из толстой проволоки болтался стальной стержень. Что за сигналы подавал сей колокол?

В те времена бездумной юности каких только рассказов не звучало после отбоя в интернатской спальне! О друзьях, которые вот так же бродили по лесам и неожиданно выходили на места, куда не ступала нога человека с самой войны, где стояли почти исправные танки и лежали цепи немецких автоматчиков, конечно же, с оружием... Что было в тех рассказах правдой, что вымыслом, — неизвестно, но следов войны в синявинских лесах было действительно предостаточно. Повсюду валялись пробитые каски, расплюснутые фляги и котелки, заскорюзлые ремни и ботинки, искореженные коробки и ящики: наши стальные, с пятиконечными

звездами от пулеметных лент и с закругленным дном для дисков к ручным пулеметам Дегтярева, и немецкие алюминиевые из-под пулеметных лент, а также железные — для мин, гранат и снарядов. Цинковые коробки от патронов всех систем и стран — французских, югославских, польских, болгарских. Телефонные катушки и провода, тянувшиеся по стенкам траншей: наши — заизолированные мягкой каучуковой резиной, оплетенные просмоленными нитками, и немецкие — в желтой, розовой либо голубой пластмассе, выглядящие и сейчас как новые.

В апреле 75-го мы с одноклассниками поехали в Гайтолово. Спустились с крутой высоты на болото, за которым виднелись ажурные мачты линии электропередач, идущей от Волховской ГЭС к Ижорскому заводу. От старших ребят нередко приходилось слышать: это я нашел за первой высоковольткой, такой-то случай произошел за второй...

Низина напоминала место гибели героя известного фильма «Летят журавли». Пустынно и тоскливо. Траншея, явно немецкая, метрах в ста, почти у самых проводов, но полна убитых красноармейцев — видно, была захвачена нашей пехотой. Об этом свидетельствует немудреный солдатский скарб: каски, котелки, пустые цинки. Траншее перекрывают железобетонные шпалы, плотно уложенные одна к другой и защищающие от шрапнельных разрывов, мин и снарядов малых калибров. В стенках траншеи оборудованы «лисий норы», выстланные гофрированными оцинкованными листами арочной формы. Они служили надежным укрытием и могли быть уничтожены только прямым попаданием.

Поперек высоковольтки стояли железные козлы, опутанные колючей проволокой, за ними, в траншее, оказался простреленный минометный ствол и груда 82-миллиметровых мин. Напрашивается предположение о нашем отступлении, когда миномет прострелили, чтобы не достался врагу. Из дерна торчит каблук. Снимаем дерн — боец. На ремне — двухкарманный довоенный патронташ, в нем баночка с какой-то мазью и значок «ГТО». За обмоткой — алюминиевая ложка, украшенная затейливыми завитушками и надписью «Паша».

С тех пор я стал собирать солдатские ложки с надписями. На одной из них, задетой осколком, было выцарапано «елочкой»: «Ваня Божко». Спустя годы, я попытался выяснить его судьбу в отделе безвозвратных потерь ЦАМО. В картотеке нашли шесть Иванов Божко. Наиболее подходящим оказался Иван Ефремович 1919 г. р. из Днепропетровской области, воевавший в 16-м отдельном батальоне и пропавший без вести в сентябре сорок второго. Более точных сведений получить не удалось, и единственное, что

мы смогли сделать для Вани, — это надпись на кресте братской могилы вблизи места его гибели.

Судьба привела нас к бывшей деревне Гонтовая Липка и роще Круглой. Тогда мы ничего не знали об этих пунктах и думали, что вся округа — просто синявинские болота, а разбросанные по ним холмы и есть знаменитые Синявинские высоты.

Здесь мы обнаружили остатки немецких зениток «эрликон». Эти мелкокалиберные пушечки были весьма эффективны как против низко летящих штурмовиков, так и для поражения наземных целей. Снаряды, большей частью осколочные, — двойного действия: головной ударный механизм и самоликвидатор. Вероятно, «эрликон» — тот самый крупнокалиберный пулемет, что столь часто упоминается в книгах о войне.

Тут же мы увидели позиции мощнейших зениток с 88-миллиметровыми снарядами и огромным пороховым зарядом. Говорят, только это орудие, выведенное на прямую наводку, могло противостоять нашим танкам КВ в начале войны.

Часто, копая немецкие ячейки, мы находили в них, кроме обычных боеприпасов, противотанковые мины. Мы не видели этому объяснения, пока, уже в наши дни, не появился немецкий фильм «Железный крест», весьма натуралистично рассказывающий о боях армии Манштейна в 1942 году. Там в нескольких эпизодах солдат выскакивает из ячейки с миной в руках и, подбежав к русскому танку, кладет ее на гусеницу. Мина, как по конвейеру, сползает с гусеницы и падает под танк, который неизбежно взрывается.

Между Гайтоловом и Гонтовой Липкой, а также между дорогой Келколово—Путилово и Путиловским трактом, среди сплошных болот попадаются крошечные островки с остатками немецких блиндажей. На островке — единственное укрытие для 81-миллиметрового миномета. Когда в 70-х годах мы наткнулись на них, то на каждом островке увидели кучу пустых ящиков из-под немецких мин. Легко представить, как солдаты в пылу боя отбрасывали в сторону порожние ящики, а когда наши, прорвавшись сквозь стену разрывов, подходили слишком близко, разбирали свои минометы и уходили.

В конце семидесятых в синявинские болота пришли мелиораторы. Они снесли многие гектары леса, сгладили складки местности, превратили огромный лесной массив между Апраксином и дорогой Келколово—Путилово в ровное поле, которое, несмотря на километры проложенных каналов, так ничем и не засеивалось.

Мелиорация должна была поглотить свидетельства трагедии сорок второго года от Черной речки до Кировска, как это произошло с полем сражения Мгинской операции лета сорок третьего между Молодцовом и Синявинскими высотами. В обоих случаях

никто не заботился о сохранении и обозначении памятных мест, братских могил и захоронении без вести пропавших.

Но благодаря людям, неравнодушным к российской истории, возникло общественное движение в защиту мемориальной зоны «Волховский фронт». Мелиораторы покинули поле деятельности, оставив груды неиспользованных керамических труб и ржавую технику.

Однако вместо памятного знака в бывшей деревне Гайтолово некая воинская часть построила свинарник, а территорию от Мишкина до Воронова отдали под садоводства, обросшие карьерами и помойками. О войне здесь напоминает лишь пара изуродованных обелисков.

Когда началось освоение участков, один из хозяев при нас выбросил за забор гнилой валежник вперемешку с человеческими костями. А ведь кто-то до сих пор ищет могилы своих отцов и дедов...

Мы и сами далеко не сразу осознали, что главная цель поиска — не оружие и боеприпасы, а бойцы, которые бились в этих болотах до последнего вздоха и так несправедливо, так бездумно забыты... Понимание ценности человеческой жизни приходит с годами. В 40 лет уже неинтересно взрывать патроны в кострах и невозможно оставаться равнодушным, читая записку незнакомого лейтенанта: «Дорогие товарищи! Боевые друзья! Если кто из вас найдет эту записку, то искренне прошу вас: напишите моей жене, что я честно погиб за нашу славную Родину, за родную Украину, за всех своих родных и товарищей. Прошу не отказать в моей просьбе. Адрес жены: Иркутская область, г. Нижнеудинск, ул. Береговая, дом 41. Остяковой Лидии Семеновне. 15.10.42 г.».

Благодаря связи с иркутскими поисковиками гражданку Остякову удалось найти и вручить ей запоздалое письмо из далекого сорок второго года.

В 1992 г. мы работали на южной окраине Гайтолова со стороны Тортолова. По всему было видно, что здесь шли ожесточенные бои, хотя позиций как таковых не находили. Неглубокие земляночки, короткие траншейки да стрелковые ячейки. Всюду валялись стабилизаторы от разорвавшихся мин и ржавые саперные лопатки. В ячейках «стучало» дерево: бойцы, как правило, выстилают дно окопов жердями, дощечками от снарядных ящиков. В болотистой почве дерево долго не гниет.

Олег Пинчуков набрел на землянку. Встав на четвереньки, сунул руку между бревнами перекрытия и в торфяной жиже нашарил человеческие останки — как оказалось, немецкого солдата с перебитой голенью. Под его головой лежала санитарная сумка, полная инструментов, бинтов и лекарств. У нас даже современные

сумки беднее. При убитом были какие-то бумаги и книги, но все расплзлось в руках. Помню только, что фрагменты печатных листов делились вертикальной чертой на два столбца, как это принято в библейских текстах.

Рядом, точно в такой же земляночке на двоих, на ворохе почерневших веток лежал красноармеец. Вероятно, он тоже был ранен в ногу, так как имел всего один ботинок. Рядом валялась книга — исторический роман о Павле Первом. Был и смертный медальон, который прочли в Центральной лаборатории судебной экспертизы: «Якунин Василий Степанович, красноармеец 1899 г. р., ур. Мордовской АССР». В РВК о нем записана лишь дата призыва — 29.03.41 г. Зато военкомат сразу нашел сына погибшего — Евдокима Васильевича, который приехал на захоронение с детьми и внуками и рассказал, что отец его служил ездовым, был неграмотным и пропал без вести осенью 1942 г. Сам Евдоким Васильевич заведовал сельмагом в родном селе Ржавцы.

В течение всего лета мы ездили на гайтоловское болото. Почти в каждой ячейке находили погибших бойцов, некоторых — с нагрудным знаком «Гвардия». Изредка попадались и немцы. О жестокости боев говорили винтовки типа «маузер» с примкнутыми штыками.

В той же низине мы вскрыли артиллерийские позиции. В оружейных двориках лежали гильзы величиной с ведро — явно от тяжелых гаубиц. Наличие их в болоте было бы трудно объяснимо, если бы не полузаросшая дорога Келколово—Путилово, тянувшаяся вдоль ЛЭП.

Рядом с дорогой находились позиции 76-миллиметровых пушек. На бруствере лежали шрапнельные снаряды, приготовленные к стрельбе; в землянке — коробка с прицелом, два телефонных аппарата, стянутые ремнем. Подо мхом — мослы двух лошадок и разбитая армейская фура со снарядами и патронами в ящиках. Тут же топор с выжженной надписью: «33 бат.». И всюду, куда ни глянешь — убитые. Такое впечатление, что именно здесь наши осуществляли прорыв.

Многие из погибших лежат почти на поверхности. Дернув за куст, Миша Т. поднял, словно одеяло, пласт мха, под которым лежал солдат с медальоном, в нем записка: «Коми АССР, Ижемский р-н. Затон Щельчур, д. 2. Екатерине Петровне от мужа Кресцова Петра Петровича 1908 г. р. Прошу переслать, т. е. сообщить». В РВК была известна лишь дата призыва — 1.01.42 г. Удалось найти сестру убитого Холопову Анну Петровну.

В небольшой воронке Олег нашел сильно разбитого бойца — судя по всему, связиста. При нем были бухточки проводов, моток

изолянты и смертный медальон: «Хабипов Хатип Хабуилович 1907 г. р., ур. Баш. АССР». В ЦАМО рядовой 24-й гв. сд Хабипов числился пропавшим без вести в Гайтолове 29.09.42 г.

В то время централизованных захоронений еще не было, и поисковики хоронили найденных солдат поблизости от места гибели. Надеялись к тому же, что наличие могил остановит хозяйственную деятельность на данной территории, предотвратит захват земель и передачу их садоводам.

Мы захоронили своих бойцов на краю дороги Келколово—Путилово, прямо напротив военного свинарника. Руководство подсобного хозяйства выразило нам свое недовольство и пригрозило сносом могилы. Мы все же не верили в серьезность данного заявления и даже надеялись, что военные будут ухаживать за солдатской могилой.

В 1994 году образовался Фонд поисковых отрядов Ленинградской области, куда вошла и наша группа. Совместно с курсантами военных училищ была проведена весенняя «Вахта памяти-94». К тому времени в/часть из Гайтолова ушла, передав свинарник фермерам. Жилые домики зияли разбитыми окнами, чернели обугленные сараи, ржавели брошенные в болоте экскаваторы и бульдозеры. Должно быть, все это походило на деревню Гайтолово тотчас после войны.

Наше захоронение было разорено, оградка и крест исчезли. Мы работали с курсантами Сертоловского танкового полка, нашли 51 бойца. Один из них оказался с медальоном: «Казанцев Петр Васильевич 1911 г. р., стрелок 1287 сп 110 сд».

Тогда же группа Саши Стародубцева нашла между Гайтоловом и Тортоловом в землянке нескольких офицеров. В планшете одного из них оказалась пачка документов 23-й осбр и партбилет на имя Сергея Михайловича Липинского, 1911 г. р. Из ЦАМО ответили, что «ст. политрук С. М. Липинский, комиссар батальона 23-й осбр погиб 26.09.42 г.» Б. В. Нериновский разыскал родных комиссара.

Другими отрядами были найдены: Игнатъев Василий Григорьевич, 1911 г. р. из Татарской АССР, красноармеец; Лебедев Никифор Ильич, 1906 г. р., красноармеец, уроженец Новосибирской области; Миронов Никита Григорьевич, 1903 г. р., красноармеец из Свердловской области; Степанов Иван, 1918 г. р., Орловская область.

Всего нашли 150 человек, которых захоронили у памятного камня «д. Гайтолово». Сюда же перенесли и бойцов из разоренной могилы.

В сентябре того же года мы с будущими танкистами из Сертолова стояли в песчаном карьере у Двора охраны на пересечении

дорог Тортолово—Двор охраны и Келколово—Путилово. Здесь стараниями неутомимого Б. В. Нериновского был поставлен памятный знак «Волховский фронт». Рядом с памятником захоронили 50 найденных бойцов. Медальонов наш отряд не обнаружил, а вот Илья Прокофьев, избранный руководителем Фонда поисковых отрядов, показал настоящий класс.

Солдаты срочной службы, как, впрочем, и офицеры, не имели понятия о проведении поисковых работ, и Илья решил показать им на практике, как это делается. А надо сказать, что в тех местах в войну располагались наши тылы и позиции среди поисковиков считались пустыми. Но Прокофьеву повезло: взяв в руки щуп, он сразу в ближайшей траншее нашел бойца и даже с медальоном — «Бычков». Курсанты также обнаружили убитого солдата.

Основные работы велись севернее Гайтолова, где в болоте мы напали на следы нашей атаки. Бойцы с прижатыми к винтовкам штыками лежали почти идеальной цепью.

Мне вспомнилась немудрящая истина, услышанная от дяди, пехотинца Сергея Васильевича Смирнова: «Хорошего солдата хватает на две атаки или одну рукопашную...»

В сотне метров от них, на краю болота, находились пулеметные гнезда, полные немецких стреляных гильз и русских винтовок: видно, вражеские пулеметчики бросили их под ноги, чтобы не стоять в воде.

В этих низменных местах немцы часто оборудовали свои позиции срубами на настилах, как у нас порой строят погреба — бугром. В 43-м году противник перешел от траншей к одиночным окопам, считая их менее уязвимыми. Наше же командование стало предпочитать траншеи, дающие бойцам чувство локтя.

К 40-летию Синявинской операции по инициативе ветеранов на средства Военно-морской базы на правом берегу речки Черной был установлен памятник бойцам 73-й бригады морской пехоты, погибшим в Синявинской операции. В центре его — фигура «Скорбящего матроса», на постаменте два якоря, соединенные цепью. Рядом могила Неизвестного матроса с вмурованной в плиту пятиконечной звездой. На мраморном надгробии — фамилии павших. Статуя матроса на высоком постаменте, черные якоря и цепи, золотые буквы на белом мраморе выглядели эффектно и достойно.

Памятник расположен на правом берегу р. Черной неподалеку от места прорыва.

Вскоре началась перестройка, а с нею очернительство всего и вся. Легковерный народ наш, и раньше не отличавшийся особым благоговением к своей истории, начал крушить все подряд.

В сентябре 1988 г. кто-то из охотничьих ружей изуродовал скульптуру матроса. Заряды дробы разбили хрупкий мрамор плит. В огне погибли удобные скамейки. Взрывом вывернули титановую звезду с могилы Неизвестного матроса, но из-за тяжести далеко утащить не смогли и бросили метрах в ста, где и нашли ее милиционеры.

Ветеранам удалось отстоять Матроса. После каждого расстрела его реставрировали. Только якоря и цепи оказались не по зубам новым вандалам.

Первое массовое захоронение у мемориала состоялось в мае 1992 г. Несколько поисковых отрядов встали лагерем у Моряка. Общими усилиями обнаружили и похоронили более ста солдат. На могилу положили бетонную плиту с именами найденных солдат. Вот некоторые из них:

Горбунов Иван Александрович, 1912 г. р., мл. лейтенант, ком. взвода 28 запасного сп (числился без вести пропавшим в сентябре 1941 г.).

Шершнев Иван Михайлович, 1898 г. р., уроженец Смоленской области, рядовой. Удалось разыскать дочь убитого Валентину Ивановну. Она прислала извещение на отца, считавшегося без вести пропавшим.

Киселев Николай Иванович, 1917 г. р. из Вологодской области. Старшина, пропал без вести в октябре 41-го года. На захоронение приезжала сестра. Она рассказала, что срочную службу Николай проходил в кремлевском оркестре, играл на трубе. Последнее письмо от него пришло в сентябре: «Под Лугой был под смертельным огнем, теперь на отдыхе...» Киселев был найден в окопе еще с одним солдатом, оба — в касках и плащ-палатках, на поясе у Киселева — штык от СВТ.

Кулагин Филимон Прокопьевич, 1917 г. р., уроженец Акмолинской области, рядовой. Откликнулась его дочь Валентина Филимоновна.

Григорьев Иван Иванович, 1913 г. р., рядовой из Ивановской области, пропал без вести в сентябре 41-го. На захоронение приезжала племянница.

Соломатин Алексей Федорович, 1910 г. р., рядовой, уроженец Новосибирской области, стрелок 450 сп 265 сд. Убит 4.10.42 г. Олег Пинчуков нашел его в землянке, в 50 м от памятника Моряку. Грудь убитого была обмотана толстым слоем бинтов, под которыми в нагрудном кармане лежал медальон.

Коржеспаяев Искак, 1906 г. р., из Акмолинской области, по данным ЦАМО пропал без вести в марте 1942 г. Через акмолинскую газету удалось найти племянника, который рассказал, что

брат погибшего Мукат воевал под Сталинградом, был ранен, но остался жив.

При некоторых бойцах, захороненных в этой могиле, были найдены подписанные вещи: ложка с надписью «Т. И. Никитин, 1941 г., Иркутск», флотский ремень с вырезанными буквами «П. Ушаков», нож с фамилией «Володин».

В начале восьмидесятых в Тортолове, недалеко от могилы Дергачевых, был установлен еще один памятник — стальной лист, стилизованный под развевающийся флаг. На нем сквозными буквами обозначены номера частей, сражавшихся за Тортолово. Тогда же неутомимые охотники прострелили «Знамя» в нескольких местах, что неожиданно придало ему трагический колорит.

В 1991 году нашему отряду помогал бизнесмен Скачков: давал некоторые суммы на проведение поисковых работ, закупил гробы, деревянные кресты и металлические оградки для обустройства братских могил. Мы устроили захоронение справа от тропы. Сразу там похоронили несколько десятков наших солдат и подзахораниваем по сей день. Из-за продолжающихся актов вандализма устанавливаем на могиле уже третий крест.

История этого захоронения началась 2 марта 1991 года, когда мы обнаружили на правом берегу Черной, неподалеку от бывшего моста, советскую траншею. В ней Олег Пинчуков нащупал две каски. Дальнейшие раскопки показали, что оба солдата погибли от одного мощнейшего взрыва, который буквально вдавил их в стенку траншеи. На обоих были погоны — старшины и лейтенанта, написавшего упомянутую выше записку своей жене.

В 1994 году Фонд поисковых отрядов наладил работу в Подольском архиве Министерства обороны и связи с единомышленниками по всей России. Тогда-то и удалось разыскать Лидию Семеновну Остякову, которая рассказала, что у лейтенанта была совсем другая фамилия — Яковенко Семен Матвеевич. Из ЦАМО сообщили, что С. М. Яковенко, 1919 г. р., уроженец Винницкой области, призванный Нижнеудинским РВК, командовал взводом 1257 сп 379-й сд и погиб 4.08.43 г.

Но все это будет потом, а весной 91-го, собрав останки двадцати красноармейцев, мы захоронили их на высоком правом берегу р. Черной, где когда-то стояла д. Тортолово. Могилу вырыли добротную, более метра глубиной, чтобы «шакалы» не выкопали.

18 июня 1992 года мы снова поехали в Тортолово. Решили перекусить у костерка. Чтобы обезопасить себя от случайного подрыва, надо предварительно прощупать землю, на которой собираешься развести костер. Виталик Головкин взрывоопасных предметов

не нашел, но под щупом раздался тот ни с чем не сравнимый звук, когда стальной прут ударяется о кость. Начали копать и обнаружили четверых красноармейцев в касках, ремнях и ботинках. Патроны, гранаты, эмалированные кружки и только один медальон с запиской: «Курская область, Корочанский район, Краснобродский сельсовет, х. Меркуловка, **Смотрову Василию Яковлевичу**».

Удалось выяснить, что рядовой Смотров В. Я. 1900 г. р. погиб 13.02.42 г. в Белгородской области. Нашелся сын адресата, который рассказал о своем старшем брате, пропавшем без вести под Ленинградом. Из ЦАМО ответили, что **Смотров Никита Васильевич**, 1919 г. р., сержант, командир отделения 1100 сп 327-й сд убит 11.10.1942 г.

В Тортолове появилось новое захоронение, где к 1993 году упокоились 44 неизвестных солдата. Помимо Смотрова, там был похоронен еще один боец с медальоном: «**Мариненков Николай Семенович**, 1914 г. р., ур. Смоленской обл.». Был найден сын Евгений, но он нам не ответил.

В том же году, в двухстах метрах от мемориала, в одной яме на краю болота были обнаружены пятеро погибших. Обращал на себя внимание один, явно офицер. На ремне — пустая кобура, а пистолет ТТ заткнут за пояс. Можно предположить, что командир вел людей в атаку, имея в руках что-либо посерьезнее — автомат или винтовку, а свой ТТ спрятал за пазуху. Об этом свидетельствовал и сам пистолет. Несмотря на то, что он проржавел до дыр, было видно, что оружие находилось на боевом взводе и патрон загнан в ствол.

Как-то двое наших ребят, Антон и Саша Поплаухин, впервые приехали в Тортолово. Перешли речку и обратили внимание на едва заметный ход сообщения рядом с бомбовой воронкой. Проверили щупом и сразу наткнулись на погибшего бойца. Противогаз, двухкарманные подсумки с винтовочными патронами и котелок указывали на сорок первый год. Нашелся и сохранный медальон: **Никишин И. А.**, 1916 г. р., мл. л-т из Орловской области. Захоронили его в отдельной могиле.

В мае 95-го мы с братом возвращались со встречи ветеранов 73-й бригады. Олег заметил на обочине вырезанный кусок дерна, а рядом — черепную кость. Стали копать, и на глубине штыка нашли бойца. Он лежал в едва заметной придорожной канаве. Ботинки, ремень с патронташами, гранаты, индивидуальный пакет — все как полагается. Сбоку от могилы мы выкопали нишу и положили останки под крест.

С этого и начались подзахоронения в Тортолове. Найдем ли в поле человеческую кость, или на отвале «трофейщик» оставит

бойца — все несем в оградку. Захоронение получилось как бы двухъярусное. На глубине лежат лейтенант Яковенко с товарищами, выше — еще десятки павших.

В 2001 г. местные власти заменили наши деревянные кресты на каменные глыбы, отшлифованные с одной стороны, где выбита надпись, дублирующая прежние таблички. Конечно, эти памятники более устойчивы к актам вандализма людей и времени. Но есть у них и недостаток: высотой не более полуметра, они видны только ранней весной. В остальное время года они закрыты высокой травой или глубокими снегами. Крест же — не только исконно русский знак захоронения, он и виден издали, помогая путнику выйти на тропу.

После Яковенко было еще одно именованное захоронение. Мы с Сашей Поплаухиным приехали в Тортолово 10 февраля 2002 г. Дойдя до могилы Дергачевых, свернули направо и, миновав маленькую ложбинку, решили остановиться на протаявшем взгорке. Саша первый собрал инструмент и стал щупать прямо под рюкзаками. Неожиданно «застучало» что-то крупное. Пришлось перетаскивать имущество и начинать раскопки.

Оказалось — землянка 2×2 м, вероятно, в боевом охранении. В центре стояла импровизированная печка, сделанная из молочного бидона. Вокруг лежали трое погибших красноармейцев. В углу — три винтовки, котелок, кружки. Один из бойцов, судя по ремню, командир, был в кирзовых сапогах. При нем нашли бумажник с красноармейской книжкой, но прочесть удалось только отчество: «...Алексеевич...».

Другой, обутый в бурки, имел, кроме ружейной масленки, и смертный медальон. Но пенальчик был слабо закручен и записка истлела. Третий же, в ботинках и при солдатском ремне, был явно человек городской. Помимо прочего, у него имелся пластмассовый футляр с двумя опасными бритвами: одна для грубого бритья, другая — для шлифовки. У него также был медальон с плотно закрученной пробкой. Бланки специально навощены и отлично сохранились. Внешний не был заполнен, зато внутренний — словно вчера написан:

«Луковников Лев Васильевич, рядовой 1904 г. р., уроженец Варшавы. Адрес семьи: Л-д, ул. М. Вульфо́ва, д. 5 к. 18, призван Октябрьским РВК». По данным ЦАМО, Л. В. Луковников пропал без вести в ноябре 1942 г. Учен по заявлению жены Герасимовой Лидии Владимировны. По домовым книгам удалось установить, что Л. В. Герасимова и ее сын скончались. Так в тортоловском захоронении появился еще один человек, чьими единственными «родственниками» являемся мы.

На троих бойцов имелось всего полтора десятка патронов и одна граната. По всей вероятности, это были окруженцы, вырвавшиеся из «мешка Мерецкого» и сразу же поставленные в боевое охранение. Два стабилизатора от немецких 81-миллиметровых мин свидетельствовали о прямом попадании в землянку: по-видимому, бойцы после тяжелых испытаний утратили бдительность и выдали себя дымком от печки.

Последнее захоронение мы провели здесь в июне 2003 г. Наташа Поплаухина запнулась на обочине тропы о край каски, скрытой опавшей листвой. Рядом лежала еще одна русская каска в пробоинах. На небольшой глубине оказался боец, при нем — противогаз, коробка с пулеметными дисками, граната и «смертный медальон» с сохранившимся бланком: «Гришин Михаил Иванович, 1898 г. р., мл. с-т, ур. Лен. обл.». В РВК М. И. Гришин числился пропавшим без вести в 1942 г. Вскоре нашлись три дочери и внучка Михаила Ивановича, которые рассказали, что до войны он был председателем колхоза и в армию пошел добровольцем. Осенью 41-го года его брат лежал в госпитале. Лечащий врач показал ему газету с заметкой о пулеметчике Гришине, который, будучи окруженный врагами, уничтожил 80 гитлеровцев, а потом подорвал себя гранатой. Впоследствии по просьбе родных М. И. был перезахоронен на мемориал «Синявинские высоты».

На моей памяти в Тортолове был найден всего один немец — в 1990 году, рядом с братской могилой. Его жетон передан в германское консульство. Он значился погибшим в Первом сражении южнее Ладожского озера — так немцы называли Синявинскую операцию 1942 г.

С недавнего времени «наша» братская могила отмечена на картах Ленинградской области.

В 1995 году был воздвигнут памятник деревне Тортолово и воинам, сражавшимся в этих местах, — первый в череде памятников и захоронений по дороге ко Двору охраны. Интересна история его создания. Борис Владимирович Нериновский, вдохновитель и организатор создания мемориальной зоны «Волховский фронт», добился еще при советской власти изготовления однотипных памятников: «деревня Гайтолово», «Войскам Волховского фронта», «деревня Тортолово», «Вороново», «Гонтовая Липка». Если первые два были без особых проблем установлены в Гайтолово и у Двора охраны, то с тортоловским монументом дело обстояло сложнее. Если бы даже тяжелый трейлер пробился по заросшей дороге, то р. Черная стала бы непреодолимой преградой. Два массивных угольных камня высотой по полтора метра пролежали на территории мгинской железнодорожной бригады без малого десять лет.

После обращения Бориса Владимировича к командованию этой воинской части было организовано учение, во время которого солдаты носилками перетаскали несколько тонн щебня от железной дороги к месту установки памятника. Далее Нериновский убедил командиров вертолетного полка, что отрабатывать полет с внешней подвеской можно сочетая его с благородным делом. И вот осенью 1996 г. в Тортолово буквально с неба опустился памятник.

В этом квадрате (дорога — памятники — болото) разыгрались трагедии 41-го и 42-го годов. Эти два наступления, проходившие ровно через год первое от второго, наложились друг на друга. Так что не понять, где солдаты маршала Кулика, а где — генерала Мерцкова.

Бойцы лежат как бы очагами. На участке 50×50 м мы находим в окопах десятки убитых с оружием и боеприпасами, часто в полтора-двух метрах друг от друга. А вокруг — на сотни метров — пусто: то ли наши наступали узким клином, то ли немцы огнем согнали красноармейцев на узкий пятачок. А иначе с чего бы солдатам жаться друг к другу перед смертью?

Дорога проходит по слегка холмистой гривке между болотами, которые то приближаются к обочинам, то отступают на километр. Именно в этом районе мы нашли основную массу солдат 1941 года. Здесь же левое болото отступает дальше всего от дороги. Тут немцы проложили три линии траншей, примерно в 100 м одна от другой: первая — вдоль дороги, вторая и третья — по краю болота. Эти позиции относятся к сорок второму году и носят следы ожесточенных боев, которые затмили события сорок первого. В разное время тут были найдены сотни бойцов. В конце восьмидесятых кто-то обнаружил два десятка «верховых» красноармейцев явно из одного подразделения. У всех были одинаковые кружки: на белой эмали нарисована черная кошка в очках, читающая газету, а вокруг резвятся мыши. Эти игривые кружечки так не вязались с коричневыми костями и почерневшими ботинками...

На место придорожного сражения мы наткнулись осенью 1991 года. А на бойцов у болота вышли еще в 87-м, когда откопали десятки убитых. У одного автоматчика сохранился медальон: «Зяблов Павел Леонтьевич, сержант 1906 г. р., г. Челябинск».

Вскоре нашлась его дочь Октябрина. Она приехала на захоронение и рассказала, что Павел Леонтьевич до войны служил начальником охраны Челябинской ГЭС. В начале войны был кавалеристом. Земляк-сослуживец сообщил жене, что видел под Старой Руссой труп лошади Павла, а самого его не нашли. С тех пор в семье считали, что отец погиб под Старой Руссой. Жене же приснился сон, будто она видит его стоящим в яме по пояс в воде

и зовет домой, а он отвечает, что идти не может, потому что проходит такое испытание. Октябрина поведала нам об этом, стоя на краю последней отцовской ячейки, до краев затопленной водой. Мать до смерти верила, что ее муж остался жив. Просто нашел себе молодую и не захотел возвращаться к многодетной семье. Такие предположения вдов я слышал не раз. Видно, женщинам было легче смириться с уходом мужа, чем с его гибелью. По данным ЦАМО командир отделения учбата 327 сд П. Л. Зяблов пропал без вести в сентябре 1942 г.

Неподалеку, в мелкой траншее, был найден еще один боец с читаемым медальоном: «**Давыдов Герман Васильевич**, рядовой 1919 г., уроженец Иркутской области». Его родственников разыскать не удалось.

Там же мы нашли и два расчета: бронебойщиков со своим ружьем и пулеметчиков с «максимом». Вероятно, при сильном обстреле или бомбежке солдаты сняли пулемет с бруствера на дно окопа, где их и завалило близким разрывом.

Мы вынесли всех бойцов к дороге, откуда их забрала машина Кировского райисполкома для захоронения на мемориале «Синявинские высоты». В отделе культуры меня спросили: «Неужели еще можно найти такое количество погибших?»

В том же 1986 году Олег нащупал немецкую каску. Из-под шлема блеснули круглые очки. Неужели фриц? Но убитый оказался наш: на нем были красноармейские ботинки, ремень с патронташами, возле лежала трехлинейка.

Другой боец стоял на коленях, упав грудью на бруствер, рядом валялся пустой диск от ПППШ. Сам автомат был в руках — вражеская пуля угодила в затворную раму. Затвор заклинило на полпути, когда он досылал патрон в ствол. Солдат этого, наверное, заметить не успел, сраженный той же очередью.

От Погостья до Синявина встречаются тысячи воронок от тяжелых бомб. Идеально круглые ямы по 5–10 м в диаметре и в три метра глубиной. Это удивляет: неужели расчетливые немцы использовали огромные фугасы против атакующей пехоты? Конечно, от них все живое погибало в радиусе 50 м. Но если бы вместо одной тысячекилограммовой бомбы немцы сбрасывали на головы русских пехотинцев сотню десятикилограммовых, покрывающих обширную площадь, то они принесли бы несоизмеримо больше горя. Те же полевые укрепления, что имелись в то время на Волховском фронте, легко разрушались и 50-килограммовыми бомбами.

Напрашивается вывод, что фугасы предназначались для штурма Ленинграда осенью 42-го года. На аэродромы были завезены бомбы большой разрушительной силы, но наше наступление спутало

врагу все карты, и он сбросил весь запас на армии Мерецкова. И дивизии Манштейна, имевшие опыт штурма укрепленных городов, были вынуждены терять своих солдат в «северных джунглях», а не водружать свастику на шпиле Адмиралтейства.

Всего в двух местах нам встречались следы применения немцами реактивных шестиствольных минометов: на Невском «пяточке» и в Тортолове. Это были топливные баки, оставшиеся после разрыва боевой части ракет. В отличие от наших РС у немцев все было сложнее.

Нашу ракету все знают: головная часть является боевой, хвостовая заполняется топливом (например, порохом). Топливо горит, струя газов вырывается из сопла между крыльцами хвостового оперения. При падении боевая часть взрывается, изуродованный хвост остается на земле. Тысячи этих труб, развернутых «розочками» на концах, валяются в лесу. Большие — от наземных установок, меньшего калибра — авиационные.

У немецких все наоборот: топливный отсек в голове ракеты, боевой — в хвосте. На стыке обоих отсеков имеется утолщение вроде юбочки. Под ее «подолом» по всему периметру просверлено под углом более десятка двухсантиметровых отверстий. Струи газа бьют вдоль боевой части, придавая ракете вращательное движение и устойчивость в полете. При падении ракета входит в землю пустым баком, а боевая часть взрывается на поверхности.

Точность немецкой артиллерии того времени впечатляет и сейчас. Наши «катюши» такой точностью не обладали. Часто трубы от них попадают в совершенно пустых местах — одна «розочка» на несколько километров.

Если посмотреть хронику первых лет войны, где показывают работу «катюш», видно, как ракеты «рыскают» уже при старте. Нужный эффект достигался массивированным применением снарядов. 16 снарядов «катюши» оказывают такое же действие, как шесть ракет немецкого «ишака».

После войны советские конструкторы совместили в установке «Град» нашу классическую ракету с немецкой направляющей трубой, установленной на машине.

Другое дело — наши тяжелые реактивные снаряды — «головастики», называемые немцами «Иван-долбай». Простейшая система, не требующая сложных устройств для запуска прямо с земли. Огромная разрушительная сила, но малая точность попаданий. Помню беседу с ветераном ракетных частей, рассказывавшем мне о блокадных реактивных снарядах. На заводах изготавливали корпуса ракет, начиняли порохом, но не хватало тола. Ленинградские химики изобрели какую-то взрывчатую желеобразную смесь

и привозили ее в бочках на батарею. Мой собеседник — комбат и единственный мужчина в батарее, отгонял девушек подальше, и сам через воронку разливал гремучую смесь в установленные снаряды. Затем протирал спиртом резьбу и ввинчивал взрыватель. Расчеты занимали места, и блокадные «гостинцы» летели через Неву на вражеские позиции.

Ветеран предупреждал, что если такой снаряд просто качнуть, то взрыв может произойти от одного взбалтывания. По счастью, те «Иван-долбаи», которые в молодости мы по глупости разбирали, были начинены обычным толом, прилетая, вероятно, с Волховского фронта.

В 1990 году в Тортолове мы нашли и нескольких немцев. Запомнились двое: один лежал на бруствере второй траншеи в мундире с характерными пуговицами и с пустым футляром от бинокля на шее. Другой, из первой траншеи, заваленный близким взрывом, оказался горным стрелком в полной экипировке.

Следы присутствия горных стрелков мне попадались в двух местах — возле д. Мишкино за железной дорогой и здесь, между Тортоловом и Двором охраны. Отчего они не штурмовали кавказские перевалы, не завоевывали плодородные равнины Грузии и нефтяные поля Азербайджана? Наверно, по той же причине, что и армия Манштейна, овладев Севастополем, попала не на Волгу, а в наши дебри, получив вместо арбузов клюкву синявинских болот.

Мы находили выброшенные за ненадобностью ледорубы, крепкие карабинчики от альпинистских строп, горные ботинки с шипами, напоминающие челюсть крокодила, увеличенной емкости котелки и фляги, которыми снабжались «эдельвейсы», укороченные артиллерийские гильзы от горных орудий.

А на гайтоловских высотках мы встречали странные предметы, описанные К. Симоновым в одной из книг о Сталинградской битве: «сигарообразные, металлические, один конец мягкий, из пробки или резины». Благодаря этой характеристике мы догадались, что валяющиеся у нас метровые трубы из толстого алюминия — такие же контейнеры из-под продовольствия и боеприпасов, которые немцы сбрасывали своим окруженным частям. На Волховском фронте это случилось с полком Венглера в роще Круглой в 43-м году.

Много тайн еще хранят наши леса. Порой в них случаются события, которые трудно объяснить с материалистических позиций.

Например, у бывшей д. Мишкино, где железнодорожное полотно резко поднимается в гору, в начале девяностых годов чуть ли не ежемесячно происходили крушения. Сходили с рельсов

хвостовые вагоны, ломая, как спички, железобетонные мачты контактной сети. Движение прерывалось на много часов. Б. В. Нериновский опубликовал тогда статью, в которой высказал свое предположение: крушения происходят из-за того, что под насыпью лежат сотни не отпетых и не погребенных солдат.

Прошло какое-то время, и мы узнали из газеты «Гудок» о проведенной панихиде на колесах. По проблемному перегону была пущена мотодрезна, в которой во время движения священник отслужил заупокойную по всем, за Веру и Отечество живот свой положивших. Крушения на мишкинской горке прекратились.

Снова осень. Переговариваясь между собой, улетают в теплые края гуси. А мне кажется, что они окликают наших солдат, все еще не поднятых из хляби болот...

И мы продолжаем поиск погибших, но не захороненных солдат.

21-го июня 2009 года Александр Зеленский и Олег Пинчуков, после длительного перерыва решили посетить безымянные высоты между Гайтоловом и Тортоловом. Давно уже прошли те времена, когда здесь на каждом шагу попадались человеческие кости. Больше двадцати лет проводятся «Вахты Памяти». Сотни поисковых отрядов работали в этих лесах и болотах. Были собраны и захоронены останки тысяч красноармейцев. Трофейщики тоже не дремали. Опять же время безжалостно всё уничтожает. Но никогда не будет найден последний солдат, не говоря уж о последнем взрывоопасном предмете. Вот и мы нет-нет да и захаживаем на старые, давно «выбитые» места. Чаще всего такие поездки оканчиваются безрезультатно, но бывают случаи, из-за которых мы не оставляем своих попыток. Так было и в этот раз. На самой высоте делать явно уже нечего. Везде, где проходила немецкая оборона, добросовестно отработали трофейщики и поисковики. Все траншеи выбраны в полный профиль. Блиндажные ямы тщательно выкопаны, так что можно завозить лес и снова строить землянки и бункеры.

Александр и Олег решили попытать счастье у подножья высоты в низине и зоне проволочных заграждений. Первым двоих бойцов нашел Олег. Они лежали в небольшой заболоченной воронке. Ботинки, каска, ремни, винтовочные патроны, – вот и всё, что при них было. Саша работал щупом у нижнего ската, где немцы установили проволочные заграждения. Время сделало своё дело и германская стальная проволока рассыпалась. Под щупом хрустели только ржавые фрагменты когда-то грозного препятствия. Но тут щуп наткнулся на что-то твёрдое. На глубине примерно сорока сантиметров лежал советский солдат. На это указывала граната «Ф-1» («лимонка»), карандаш, а, главное, «смертный медальон». К счастью бланк хорошо сохранился и был полностью прочитан:

«Дёма Гаврила Васильевич. Зам. политрука. 1914 г. р. Уроженец – Омская обл. Калачинский район. Калачинский с/с. С. Калачинск. Адрес семьи тот же: Дёма Антонина Фёдоровна. Призван Калачинским РВК».

В ОБД «Мемориал» было найдено донесение, в котором значилось: «Дёма Гаврила Васильевич, красноармеец 1100 сп 327 сд погиб 26.09.1942 г. 2 км. ю-в. д. Тортолово. Всего в донесении значится 667 человек погибших и пропавших без вести с 25 сентября по 15 октября 1942 года.

Осенью останки красноармейцев были захоронены на мемориальном кладбище «Синявинские высоты». Но ещё до этого началась работа по розыску семьи солдата. Хороший почерк и должность зам. политрука указывали на то, что боец принадлежал к образованному слою. Это было единственное, что мы знали о погибшем. Сразу были посланы запросы в Калачинский РВК и паспортный стол. Но эти учреждения ничем помочь нам не смогли. Тогда мы обратились к омским поисковикам, которые, вероятно, были очень заняты и передали наше письмо в школьный поисковый отряд с. Желанное Одесского района Омской области. Я был чрезвычайно удивлён, получив письмо от командира отряда, учителя информатики Александра Ланского. Было весьма сомнительно, что какие-то сельские ребяташки, пусть даже и во главе со своим учителем смогут справиться с задачей, оказавшейся не под силу официальным организациям и мощному поисковому сообществу столицы Сибири. Но как же я ошибался! Вот рассказ самого Александра Ивановича:

«Гавриил Васильевич был убит в бою 26 сентября 1942 года. По донесению командования был похоронен: Ленинградская область, Мгинский район, высота Безымянная, 1 км ю.-в. села Тортолово.

Как видно, что было только записано, «захоронен», на самом деле Гавриил Васильевич погиб в 10 метрах от немецкой траншеи в атаке. Гавриила Васильевича нашли случайно почти на ровном месте под слоем колючей проволоки, на глубине 40 см. Погиб он от близкого взрыва. Кроме медальона, у него были в карманах карандаш и граната «ф-1». Больше никаких предметов не было. В яме лежал он один.

О том, что были найдены останки солдата Дёма Г. В. из г. Калачинска мы узнали от руководителя поискового отряда «Поиск» г. Омска из ПТУ-46 Кудря Галины Григорьевны.

В поисках родственников мы обратились к жителям г. Калачинска через районную газету «Сибиряк», местное телевидение, и в районный архив и убедились, что родственники Гавриила Васильевича не проживают в г. Калачинске, и решили медальон

передать на временное хранение в музей г. Калачинска. Чупров Александр Владимирович согласился с нашим решением и в конце февраля прислал медальон в адрес нашего отряда.

17 апреля 2010 года наш отряд выехал в г. Калачинск для передачи медальона Гавриила Васильевича на временное хранение в районный музей Калачинска. Передача состоялась в зале музея, при церемонии присутствовали ветераны Великой Отечественной войны, труженики тыла, администрация города.

Мы также огласили письмо руководителя поисковой группы «Русь» Чупрова Александра Владимировича калачинцам:

«Уважаемые калачинцы!

Исполняется 65 лет Победы в Великой Отечественной войне.

В нынешнее время вся история нашего Отечества подвергается принижению, насмешке и поруганию. Среди этого моря лжи и злобы непоколебимой скалой стоит Великая Отечественная война. Зложелатели нашего Отечества понимают, что не в силах сокрушить эту твердыню. Поэтому они стараются хотя бы закидать её грязью. Для этого годится всё: от издания книг откровенных предателей до якобы исторических исследований, в которых под видом поиска истины исподволь внушается, что Гастелло не совершал огненного тарана, а произошло обычное дорожно-транспортное происшествие; Александр Матросов был пьян и стал жертвой гололёда и т. п. К сожалению, этим злопыхателям удалось заморочить головы части нашего народа и, увы, молодёжи. Поэтому нам с вами необходимо противостоять этому новому нашествию. Да, снова война, но уже не за жизни, а за души. И снова надежда на сибиряков. Эта надежда подспудно живёт в каждом ленинградце, пережившем блокаду, в их детях и внуках.

Это память о сибирских дивизиях, о сибирском хлебе и оружии. Это память о чуде поворота войны в 1943 году, когда Советский Союз уже не имел превосходства над объединённой Европой в людях, когда почти треть населения оказалась на вражеской территории, когда большинство индустриальных и хлебородных районов оказались потеряны. Нашему народу удалось повернуть вспять вражеское нашествие. И всё это, благодаря в основном, Сибири и Уралу, при помощи азиатских республик.

В истории Великой Отечественной войны чаще всего упоминаются сибирские дивизии, участвовавшие в боях под Москвой. Это и понятно. Победа у стен столицы была первой большой удачей в той войне. Но почти ничего неизвестно о сибиряках, воевавших под Ленинградом. А их было не меньше, а возможно и больше, чем под Москвой. Не их вина, что в боях первых двух лет войны под Ленинградом наши армии терпели неудачи. Десятки тысяч

уроженцев Омской, Иркутской, Новосибирской областей отдали жизни в пяти попытках прорыва блокады Ленинграда и последующих боях до полного освобождения города. Многочисленные сибирские полки шли по льду Ладожского озера в блокированный город на помощь его защитникам. Поэтому и живёт в сердцах настоящих петербуржцев безотчётная надежда, что бы ни случилось, помощь обязательно придёт из-за Урала. Наряду с этим, жива благодарная память о воинах-сибиряках, сложивших свои головы под стенами Ленинграда. К сожалению, ещё многие из них остаются лежать среди болот и лесов Ленинградской и Новгородской областей. Десятки поисковых отрядов занимаются их поиском, выносом и захоронением на воинских мемориалах. Наш маленький поисковый отряд «Русь» работает на территории Кировского (бывшего Мгинского) района Ленинградской области. Здесь с осени 1941 по январь 1944 года шли жесточайшие бои. Каждый год на районном мемориальном кладбище «Синявинские высоты» происходит перезахоронение около трёх тысяч советских воинов, найденных поисковыми отрядами. К сожалению, по «смертным медальонам» и подписанным вещам удаётся установить имена примерно одного процента павших. В это число попал и Ваш земляк Дема Гавриил Васильевич. К сожалению не удалось найти его родственников, но по скудным сведениям можно судить об этом человеке и солдате. Нашли его на склоне высоты в зоне проволочных заграждений в нескольких метрах от вражеской траншеи. Это говорит о том, что он погиб в атаке. Кроме «смертного медальона» при нём была найдена граната «лимонка». Обычно гранаты для боя носят в подсумках на ремне, а у Гаврилы Васильевича она лежала в кармане брюк. Это указывает на то, что он берёт её для себя, чтобы не попасть в плен. Уже это характеризует его как отважного воина. В графе «воинское звание» он написал свою должность: зам. политрука. На эти должности всегда назначались рядовые солдаты с образованием. По этим нескольким штрихам можно судить о незаурядности этого человека. Тем горше сознавать, каких людей мы потеряли в ту войну, и как их не хватает нам сейчас.

Никто из нас никогда не был в Омске и тем более в Калачинске. Прямо скажу, что о существовании Вашего города мы узнали из «смертного медальона» Гаврилы Васильевича. Благодаря ему, мы с Вами стали ближе и роднее, поскольку родных у Гаврилы Васильевича по-видимому не осталось, мы с Вами являемся его единственными родственниками.

Вместе с «медальоном» Гаврилы Васильевича передаём низкий поклон ветеранам и труженикам тыла, а так же благодарность всем

жителям Калачинского района, как потомкам славных воинов-сибиряков.

С глубоким уважением командир поискового отряда «Русь» (г. Санкт-Петербург) Чупров Александр Владимирович.

16 апреля 2010 года.»

Через несколько дней мы получили срочную телеграмму от сына – Гавриила Васильевича – Владимира Гавриловича Демы, из города Новокузнецка Кемеровской области. Свершилось самое настоящее чудо благодаря Веронике Константиновне Демченко, которая продолжила поисковую работу и через интернет нашла внука Гавриила Васильевича – Александра. Владимир Гаврилович был приглашен в Калачинск на церемонию передачи вещей отца. И передача состоялась 9 мая 2010 года на мемориальном комплексе погибшим калачинцам в годы Великой Отечественной войны.

Газета «Сибиряк». 14.05.2010 г.



В. А. СТУПИН,
преподаватель СПбГУВК

Видения *

По этим выбитым и выжженным лесам,
Напичканным железом и взрывчаткой,
Какие-то все время тени мчатся,
Сквозь тишину мне слышен шум и гам.

То явственно, порою же мельком,
Рогатый шлем встает вдруг над рекою,
Преследует и не дает покоя,
И хоть грозят ему тут кулаком.

Раздвоенности этой вопреки,
Себя тогда щиплю за мочку уха —
Но только ели вторят ветру глухо,
Да слышится неясный всплеск реки.

Но стоит лишь на миг уйти от дня,
Задуматься иль отвести вниманье —
Опять разрывы, сполохи огня,
И раненых надсадное стенанье...

Где я все-таки сегодня — тут, или там — вчера?
Вот место заколдованное, право!
В ответ мне шелестят листва и травы,
И смутное доносится «ура».

* Отрывок из поэмы «Огонь и кровь».

Они погибли за Ленинград

Я принадлежу к поколению ленинградцев, которые во время блокады ходили в детский сад. Хорошо запомнилось, как в 1942 и 1943 годах в очередях, в бомбоубежищах и всюду, где собирались люди, можно было слышать с тревогой и надеждой: «...Мга»..., «Мга»..., «Синявино»..., «Мга»...

Впервые на мгинскую землю я попал на Первомайских праздниках в 1965 году. Приехал, чтобы отыскать могилу отца, Неринского Владимира Григорьевича, работавшего до войны инструктором Приморского райкома партии и погибшего под Тортоловом, как указывалось в извещении, 12 сентября 1942 года в звании батальонного комиссара. Он служил в первом дивизионе 798-го ап 265-й сд. Комиссар дивизиона Владимир Иванович Романов считал, что «он был одним из тех комиссаров, которые цементируют ряды нашей славной и доблестной Красной армии», что он погиб в бою и похоронен на братском кладбище в деревне Пустошка, где на могиле поставлен памятник с фотографией. В. И. Романов также писал, что сразу после окончания войны обязательно приедет к нам и расскажет, как воевал мой отец, но этому не суждено было сбыться, так как сам Владимир Иванович погиб весной 1945 года в Германии, спасая знамя полка.

Никаких памятников в районе деревни Пустошка не оказалось. Не существовало ни самой деревни Пустошка, ни деревень Килози и Новая, упоминавшихся в письме В. И. Романова. Кругом тишина и безлюдье. Только звенит речка Назия, причудливой змеей извиваясь среди изрезанных окопами и остатками блиндажей холмов. По крутому склону правого берега Назии у бывшей деревни Пустошка угадывались явственно огневые позиции артиллерии, судя по немецким гильзам крупного калибра и по тому, что ориентированы на восток, — немецкие. На левом берегу, на высоких холмах против Пустошки и Новой — несколько наших бетонных колпаков для пулеметных точек.

С сожалением подумал, что пришел в эти места лишь теперь, уже отслужив действительную службу в армии и окончив физический факультет ЛГУ, когда многое исчезло.

У левого берега реки Назии, метрах в двухстах по течению от железнодорожного моста, сохранилось небольшое воинское кладбище — два ряда едва заметных холмиков одинаковой длины, размытых и заросших. Одни холмики — поуже, другие — пошире. На одном из широких холмиков нашел в траве цинковую табличку, из-

готовленную из патронного ящика. На табличке были нацарапаны две фамилии: Щербаков и Бойцов. Табличку эту я потом сдал в Лен-облвоенкомат. Рабочие на железнодорожном посту 63 км сообщили, что еще недавно на этом кладбище стояли деревянные памятники, но пришли в негодность и их сожгли то ли грибки, то ли рыбаки; что все другие воинские захоронения были недавно перенесены с помощью населения на братские кладбища в Путилово, в Назию и на Синявинские высоты. Мы с матерью неоднократно обращались в Лен-облвоенкомат об установлении общего памятника на оставшемся без внимания воинском кладбище у железнодорожной станции 63 км. В конце концов исполком Кировского района Ленинградской области принял решение перенести это братское захоронение на кладбище во Мгу. Накануне 49-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции в кузове военного грузовика, как на трибуне, стояли представители Мгинского поселкового совета, партийных органов, облвоенкомата, представители общественности. В старенькой шинели с перевязанным из-за простуды горлом сухонький подполковник в отставке Владимир Федорович Лапинский обратился с речью к массе народа, пришедшего на Мгинское кладбище на торжественно-траурную церемонию. Впереди, слева от уже существовавшего большого воинского захоронения была вырыта большая яма, куда успела просочиться вода, рядом стояли несколько больших гробов. С кузова грузовика зачитали фамилии и имена солдат, командиров и политработников, которые удалось установить при вскрытии могил на 63-м километре. Всего было обнаружено 68 останков и среди них — останки маленькой девочки. В основном это оказались воины 18-й стрелковой дивизии, умершие от ран, так как в могилах сохранились лубки, шины и бинты. Протрещал троекратный солдатский салют из карабинов...

Среди опознанных моего отца не оказалось, но В. Ф. Лапинский решил включить его фамилию в списки похороненных на Мгинском кладбище, так как факт захоронения отца в районе деревни Пустошки был документально подтвержден.

После перенесения кладбища от платформы «63 км» во Мгу я продолжал свои поиски. На праздник Победы 9 мая 1968 года я со своими родственниками поехал на кладбище в поселок Назию. Небольшое воинское кладбище было расположено на бугре в живописной северной части поселка Назия возле бывшей деревни Килози, прекратившей свое существование в годы войны. За оградой — недавно поставленный безымянный обелиск без указания фамилий и числа погребенных. Рядом лежал старый памятник со списком фамилий и званий — политруки, младшие и средние командиры, солдаты...

В тот холодный пасмурный день, кроме нас, на кладбище пришла лишь одна бедно одетая пожилая женщина в галошах на босу ногу. Жительница города Пушкина разыскивала могилу своего сына, погибшего под Вороновом. Обежала много километров по лесам, болотам и высоткам и вот теперь пришла сюда, но и здесь не нашла. «Прости меня, мой сыночек дорогой, что я тебя раньше не отыскала...» — повторяла она со слезами на глазах. Я посоветовал ей съездить во Мгу к В. Ф. Лапинскому. До сих пор ее образ стоит перед глазами...

Тем же летом я впервые попал в Тортолово. На месте бывшей деревни, к востоку и к северу от нее, по безымянным высоткам среди заросших мелколесьем болот и остатков проволочных заграждений предстали бесконечные лабиринты хорошо сохранившихся окопов и ходов сообщений — наших и вражеских вперемешку. Окопы были усеяны советскими и немецкими касками, снарядами, патронами, пулеметными и автоматными дисками, исковерканным оружием, разорвавшимися и целыми снарядами и минами, солдатскими котелками, сапогами и ремнями, а также человеческими останками в большом количестве. Кругом безлюдье, тишина, нарушаемая лишь криками болотной птицы да кукушки, и, что самое удивительное, ни одного памятника. Будто время остановилось здесь, в 60-ти километрах от Ленинграда. Такая же обстановка была сплошь до Гайтолова и Гонтовой Липки, а также к югу — от Мишкина до Воронова. Следы ожесточенных боев и большое количество останков советских воинов были обнаружены по левому берегу речки Черная, в районе рожи Круглая и к западу от озера Барское на безымянных высотках, среди болот.

Я много раз беседовал с В. Ф. Лапинским в его однокомнатной квартире номер 30 дома 51 по улице Железнодорожников в поселке Мга и видел сотни писем, присланных ему со всех сторон Советского Союза с просьбой выяснить место захоронения родственника, погибшего подо Мгой. Пожалуй, чаще других местами гибели значились Синявино, Гайтолово, Тортолово, Поречье, Вороново, а даты гибели приходились на сентябрь 1942 года.

Поздним осенним вечером 1969 года ленинградцы — шофер Георгий Павлович Матвеев и слесарь Кирилл Кондратьевич Ланковский — принесли в мешке на квартиру к В. Ф. Лапинскому документы отдельной роты связи 53-й отдельной стрелковой бригады, участвовавшей в Синявинской операции в составе войск Волховского фронта и попавшей в окружение в сентябре 1942 года в районе Гайтолова. Г. П. Матвеев и К. К. Ланковский наткнулись в районе Гайтолова на два присыпанных землей снарядных ящика, в которых были спрятаны эти документы при выходе роты из

окружения. Среди найденных документов обнаружили наградные листы, списки личного состава и вооружения роты, приказы по бригаде и другие материалы. В том числе были обрывки газетного листа с сообщением Совинформбюро от 25 июля 1942 года с заметкой «Разгром вражеских дзотов», под которой стояла подпись старшего политрука В. Нериновского.

В апреле 1970 года, благодаря заметке «По следам героев», опубликованной в газете «Смена» за 2 апреля, мне удалось войти в контакт с ветеранами 265-й стрелковой дивизии. 9 мая на праздничном сборе ветеранов 265-й сд я начал собирать подписи ветеранов Волховского фронта под ходатайством об установке памятников на местах бывших опорных пунктов: рощи Круглая, Гайтолово, Тортолово, Мишкино, Вороново.

16 мая 1971 года Совет ветеранов 265-й сд организовал поход следопытов 184-й средней школы Ленинграда по местам сражений дивизии в район бывших населенных пунктов Тортолово и Гайтолово. Этот поход произвел большое впечатление как на самих участников похода, так и на всю школу. Значительно пополнился школьный музей Боевой славы. Участники похода рассказывали о нем по ленинградскому радио. Впоследствии походы следопытов 184-й средней школы неоднократно проводились по местам боев 265-й сд под Тортоловом, Гайтоловом, Вороновом, под Лодвой и Малуксой. Активное участие в этих походах принимал бывший начарт 450-го сп 265-й сд капитан Николай Максимович Семашкин — участник боев под Лодвой, в Синявинской операции 1942 года, операции «Искра» и Мгинской операции в 1943 году.

Летом 1971 года вдвоем с двоюродным братом Игорем Константиновичем Колмогоровым мы собрали в районе вышки с отметкой 44.10 и захоронили (приблизительно в 135 метрах восточнее дороги и в 1460 метрах к северо-востоку от мостика в Тортолово) большое количество останков советских воинов. На этих рубежах в сентябре 1942 года сражались воины 450-го сп 265-й сд, а летом 1943 года — 58-й стрелковой бригады.

Поистине жизненное значение для Ленинграда имела Синявинская наступательная операция войск Волховского фронта с целью прорвать блокаду, начавшаяся 27 августа 1942 года и закончившаяся к 10 октября. Ленинградский фронт наносил встречные вспомогательные удары со стороны реки Тосны и с Невского пятачка. Блокаду тогда прорвать не удалось, однако были обескровлены отборные немецкие войска, готовившиеся к решающему штурму Ленинграда, и вместо запланированного на начало сентября 1942 года штурма, вынужденные контратаковать наступавшие соединения Волховского фронта. Синявинская операция протекала в кри-

тический для страны период. Летом 1942 года немцам удалось полностью захватить Крымский полуостров, прорваться к Майкопу, добиться крупного успеха под Харьковом, выйти к Волге в районе Сталинграда. Какими высокими моральными качествами должны были обладать те наши солдаты, которые в тяжелейший период 1942 года старались переломить ход войны, сдерживали в заболоченных лесах и на высотах восточнее Мги под Тортоловом и Гайтоловом наступление 11-й армии фельдмаршала Манштейна!

Несмотря на значительный перевес в артиллерии и господство в воздухе, немецкие войска потеряли с 27 августа по 10 октября 1942 года в треугольнике Липка—Вороново—Мга около 60 тысяч солдат и офицеров.

Сколько сотен тысяч советских солдат пролили свою кровь подо Мгой в битве за Ленинград, назвать не беремся... Полковник Дмитрий Алексеевич Морозов, автор книги «О них не упоминалось в сводках», вспоминая, в частности, взятие дивизиями Волховского фронта Пореченского узла сопротивления немцев в августе 1943 года, писал: «Да, в этих местах трудно было отыскать квадратный метр, на котором за два года боев не оборвалась бы чья-то жизнь...»

*Б. В. Нериновский,
сын политрука 798 ап 265 сд*

* * *



М. С. Лозовский

Мой папа, Максим Семенович Лозовский (1899—1942 гг.), представляется мне самым благородным человеком из всех, кого я встречала в жизни.

Родился он в Полоцке, в многодетной семье ломового извозчика — по словам родственников, доброго и трудолюбивого человека. Мой будущий отец поверил в революцию и в 18 лет ушел из дома — сражаться за советскую власть. Участвовал в боях на Перекопе, затем на Дальнем Востоке. Был комиссаром 2-й Приамурской дивизии, освобождавшей под командованием Блюхера г. Спасск от белогвардейцев.

Там же, на Дальнем Востоке, они познакомились с мамой — Ревеккой Самуиловной — участницей партизанского движения в Манчжурии.

По окончании гражданской войны родители поселились в Калуге, где в 1924 году родился мой брат Леня.

В 1925-м семья переехала в Ленинград. Вскоре родилась я. Помню, как мы жили с мамой и братом в Ленинграде, а папа учился в Москве в институте востоковедения и спустя какое-то время перевез нас в Москву. Мы поселились на Кузнецком мосту, брат ходил в школу, я — в детский сад.

По окончании учебы папу направили в Китай — консулом в г. Кульджу. Работал он в отдельном кабинете, закрытом для посторонних. Папа был серьезным, немногословным, и в то же время очень простым человеком без тени высокомерия, преданным семье и своим идеалам.

По выходным мы выезжали на тройке лошадей за город. Папа охотился или рыбачил, а по дороге рассказывал нам о звездах, о Земле. С ним всегда было интересно. Не помню, чтобы он когда-либо ругал нас или что-то запрещал: видно, верил, что мы не сделаем ничего дурного.

В Китае мы прожили с 1932-го по 34-й год, затем вернулись в СССР. Год папа был на партийной работе в г. Горьком, после чего его перевели в г. Киров, где он работал председателем горсовета, потом возглавлял в обкоме партии промышленный отдел.

В 1938-м году папу арестовали как врага народа, а спустя полгода — и маму. Брат ходил на встречу со следователем и нам позволили писать папе письма, за которыми следователь приходил сам. Маме писать не разрешали. Позже от вдовы папиного брата я узнала, как его пытали, пытаясь сломить его волю и заставить подписать нелепые обвинения. Когда ему пригрозили, что так же будут пытать и маму, он шагнул из окна 3-го этажа, переломал ноги и руку, получил сотрясение мозга.

Когда с поста наркома внутренних дел сняли Ежова и на его место назначили Берия, тот решил освободить еще не расстрелянных политзаключенных. Сначала отпустили маму, потом — папу. Мы встречали его на вокзале. Папа вышел из вагона на костылях. Забыв об его увечье, я бросилась к нему на шею. Дома я увидела у него газеты с пометками на полях, когда и к кому он обращался (к М. И. Калинину и другим членам правительства) с просьбой о пересмотре его дела.

Впоследствии в «Кировской правде» я прочла заметку бывшего прокурора области Сергея Сергеевича Постникова, сидевшего с папой в одной камере. Отец говорил ему: «Не страшно умереть, страшно, если дети не узнают, что ты был до конца честным».

Когда папу реабилитировали, то спросили, где он хочет жить и работать. Он назвал Ленинград, куда мы и переехали летом

40-го года. После пройденного ада отец остался несломленным. И мама была достойна его: при всех несчастьях она верила в торжество справедливости. Ее назначили директором школы-новостройки на Большой Зелениной улице, и мы жили при школе в директорской квартире.

Папа работал в Ленгорисполкоме заместителем начальника отдела. Накануне Нового, 1941 года, он получил 4-комнатную квартиру на Международном (ныне Московском) проспекте. Но однажды, придя с работы, папа сказал, что в город приехал инженер-метростроитель и ему негде жить: с женой и сыном он сидит на вокзале. Лучшую отдельную комнату родители отдали им.

По утрам папа упорно делал зарядку, и хоть одна нога у него была короче другой на 7 см, вскоре ходил без костылей, а потом и без палочки. Мы никогда не слышали от него слова «больно».

В июне началась война. Отец был ответственным за эвакуацию, и нас с братом он тоже отправил в г. Горький. А сам вместе с мамой пошел в военкомат проситься на фронт. Маму назначили политруком санитарного поезда, а отца забрала медкомиссия. Тогда он записался в народное ополчение и воевал на Пулковских высотах — был комиссаром полка.

Летом 1942 года его отозвали в Москву и предложили должность армейского лектора. Но отец настоял на отправке в Действующую армию и получил назначение на Волховский фронт. С дороги мы получили от папы письмо, в котором были такие строки: «Ребята у меня в полку замечательные, жизнерадостные, меня за отца считают...» Больше писем не было.

Брат Леня в то время учился в Магнитогорском летно-техническом училище. Осенью 42-го года его вызвал к себе особист и спросил, кем ему приходится Максим Григорьевич Лозовский. Узнав, что отцом, он сказал Лене, что папа погиб геройски.

Позже на встрече ветеранов я узнала, что полк состоял из курсантов училища НКВД и почти полностью погиб при выходе из окружения.

Нам прислали извещение, что М. Г. Лозовский пропал без вести. Однако в 1944-м или 45-м году я — студентка — неожиданно получила пенсию за папу за 41—42 годы.

Мама прошла всю войну и умерла в 1980 году.

*Ю. М. Лозовская,
дочь комиссара 949 сп 4 гв. ск М. С. Лозовского
11.04.2010 г.*

Мой дед, Федор Александрович Пухов, родился в 1899 году в с. Княжино Смоленской губернии в большой крестьянской семье. После смерти отца нужда заставила его переехать в Петербург, где старший брат Захар в 1912 году помог ему устроиться учеником в калийный цех завода «Тильманс» у Нарвской заставы. Став медником-жестянщиком, дед проработал 2 года на фабрике Преловского, которая в 1914 году получила заказ на производство ручных гранат.

В 1917-м дед вступил в партию большевиков и принял активное участие сначала в февральской, затем — в Октябрьской революции. С установлением советской власти работал в Смольном, в комиссии по борьбе с саботажем.

В феврале 1918 года, когда немцы захватили Псков, дед добровольно пошел на фронт и воевал на бронепоезде «Коммунар» пулеметчиком. Прошел всю гражданскую войну, служил в 25-й Чапаевской дивизии комиссаром 75-й бригады и командиром 221-го стрелкового полка. В мае 21-го года был тяжело ранен в бою с белополяками. Болел сыпным тифом. По выздоровлении был направлен на Дальневосточный фронт, где возник конфликт на КВЖД. По окончании боевых действий вернулся в Ленинград, где поступил в Военно-политическую академию им. Ленина.

В 1927 году женился на Евгении Николаевне Стрелковой. Спустя год в семье родилась дочь — моя будущая мама Генриетта, в 32-м году — сын Юрий.

Став кадровым командиром РККА, дед был направлен в Москву, в Военную академию механизации и моторизации им. Сталина.

Участвовал в советско-финской войне. Сменив раненного военкома 8-й сд, организовал наступление частей дивизии по овладению укрепленным узлом обороны Кирка-Муола, руководил уличными боями при взятии Выборга. Боевая характеристика деда, хранящаяся в Центральном архиве Министерства обороны, заканчивается словами: «Достоин представления к правительственной награде». Награды он не получил.



Ф. А. Пухов

Тяжелый отпечаток в жизни семьи оставили годы репрессий. Многолетний террор заставлял жить в постоянном напряжении и страхе за близких людей. Друзей становилось все меньше. Был репрессирован и сослан в Якутию бабушкин старший брат. Когда тучи сгустились над близким другом — комиссаром, болевшим открытой формой туберкулеза, дедушка подал рапорт начальству с просьбой освободить того от занимаемой должности в связи с необходимостью серьезного лечения. На рапорт реакции не было, друга арестовали, дальнейшая судьба его неизвестна. Доносов в личном деле дедушки с каждым годом становилось все больше. Отчаявшись, он написал письма Сталину и Ворошилову с просьбой «положить конец этой беспринципной демагогии». Спасали старые сослуживцы по гражданской войне и более поздние, приславшие положительные характеристики на деда. Всего 23 положительных отзыва.

С 5.06.40 г. дед — начальник политотдела Военной академии механизации и моторизации Красной армии. До февраля 42-го года он находится в Москве, затем направляется на Волховский фронт начальником политотдела 4 гв. ск.

Бабушку с детьми, вместе с другими семьями сотрудников Академии, эвакуировали в Ташкент. Маме тогда было 13 лет. Она рассказывала, что занятия в школе бывали редко — ученики были мобилизованы на уборку хлопка.

Остальные родственники: мать, сестра и племянница деда, брат и сестра мамы с маленькими детьми, — находились в блокадном Ленинграде и не все пережили страшные блокадные годы. Рассказывали, что дед дважды приезжал в Ленинград и, как мог, помогал им.

4 гв. корпус вел тяжелые бои за ст. Погостье на железной дороге Мга—Кириши. Конечной цели — достичь Любани, соединиться со 2-й ударной армией, наступавшей с юга, частям 54-й армии (куда входил и 4 гв. ск) не удалось.

Получив пополнение, корпус участвует в Синявинской наступательной операции — 4-й попытке прорыва блокады Ленинграда. В ЦАМО хранится описание подвига Ф. А. Пухова, представленного к награждению орденом Отечественной войны I ст. В наградном листе сказано, что «22 сентября 42-го года группа противника из рощи “Круглая” перехватила основную дорогу снабжения наших войск. Части 4 гв. ск оказались в окружении. Бригадный комиссар Пухов Ф. А. организовал планомерный отход за р. Черную тремя группами».

29 сентября 1942 года при выходе из окружения, нарвавшись на передовую немцев в районе деревни Гайтолово, дедушка погиб.

Я снова и снова перечитываю надпись рукой деда на фотографии, подписанной в день начала Синявинской операции, — «Прошу сохранить как память войны. 28-8-42 г.» Он чувствовал, что из этого боя живым не выйдет. И осталось всем нам на память улыбающееся лицо бабушки, смотрящее на нас с исторического снимка.

Получив официальное извещение о гибели мужа, бабушка долго не верила в его смерть и, помня репрессии довоенных лет, надеялась, что он жив и находится в каком-либо из сталинских лагерей.

*С. А. Скворцова,
Санкт-Петербург*

* * *

Мой дед, Катейкин Ефим Петрович, родился в обычной крестьянской семье в российской деревне с необычным названием «Хоршеваши». Легенда гласит, что в селе останавливался отряд Емельяна Пугачева, которого очень хорошо приняли. Якобы, удовлетворенный гостеприимством, предводитель обронил следующую фразу: «хороши ваши люди!» Так и повелось называть село «Хоршеваши» («Хороши-Ваши»). Были у моего деда еще 3 брата. Подросли братья, женились. Взял мой дед в жены девушку из соседнего села по имени Фёкла. Один брат построил дом на окраине, второй ушел «примаком» к теще в соседнее село, а Ефим с младшим братом Александром, с разрешения отца Петра и матери, поделили родовой участок поровну. Ефим поставил небольшую избушку, где родились дети: Виктор (умер в младенчестве от дизентерии) и Авенир (мой отец).



Е. П. Катейкин

Судьба моего деда в те годы типична для миллионов людей нашей страны. Голод и нищета никого не обходила стороной, но, по словам старожиллов, жили дружно и по совести. По складу своего характера дед мой был из тех, кого тогда выдвигали в «активисты», в председатели колхозов, они первыми становились комсомольцами и коммунистами. Ефим активно участвовал в коллективизации, выступал с оружием в руках против бандформирований, которые действовали в соседнем лесу. Примечателен следующий случай.

В селе была единственная мельница, принадлежащая одной зажиточной семье. «Приватизацию» поручили моему деду. По словам дочери хозяина мельницы, дед так организовал дело, что даже после перевода мельницы в колхоз ее родители отзывались о Ефиме только добрыми словами, отмечая его порядочность, честность и несвойственную деревенскому парню интеллигентность. До сих пор, разговаривая со старожилками деревни, с радостью и гордостью слышу те же отзывы. О его порядочности говорит и тот факт, что участок моего деда остался самым маленьким в деревне (1/2 от стандарта), хотя, думаю, Ефим имел все возможности «расшириться». С началом финской кампании Ефим на передовой — судьба уберегла — остался жив. Затем — Великая Отечественная...

Когда призвали моего деда, младшего лейтенанта Катейкина Ефима Петровича, я не знаю. Известно, что все четверо братьев ушли на фронт, а вернулся только младший — Александр. В один из дней бабушка Фёкла Яковлевна с маленьким сыном на руках (моим отцом) получила весточку от мужа, что их часть будет останавливаться на несколько минут при переброске по железной дороге на ст. Канаши Горьковской ж/д. От села до станции километров 80. Оставив сына на попечение старших, жена двинулась на свидание с мужем. Как раньше преодолевали такие расстояния по бездорожью и без транспорта даже представить сложно, но встреча произошла — последняя встреча в их жизни! Я спрашивал бабушку, о чем они говорили в эти минуты: «Не помню», — сказала старая женщина. О чем могла думать в эти минуты молодая мать, у которой дома 3-летний сын? Конечно о том, как скорее вернуться домой. О чем думал мой дед? Наверное, о том, насколько хорошо, что его жена в эти тяжелые минуты рядом с ним! Бабушка рассказывала, как он обожал своих детей и ее.

Роковым для младшего лейтенанта Катейкина Ефима Петровича, командира взвода стрелковой роты 294-й сд стал день 7 сентября 1942 года. Волею судьбы в тот день рядом с ним оказался земляк из соседней деревни. Он впоследствии и рассказал о последних минутах жизни моего деда родным. Говорить, что происходило в те дни на синявинском направлении тяжело. Я, внук погибшего воина, читал воспоминания участников этих событий и сказать, что плакал — ничего не сказать. Гордость и горечь вперемешку. Взвод, которым командовал мой дед, попал в окружение. По словам очевидца, боеприпасы закончились. С голыми руками на пулеметы или плен — выбор небольшой. Командир принимает решение спасти оставшихся в живых. Приказ был следующий сорвать с себя знаки отличия (петлицы, нарукавные нашивки), ведь командиров, коммунистов и комсомольцев, как правило,

расстреливали на месте или сразу же отделяли от общего числа военнопленных, чтобы исключить «проблемы в будущем» — нужны рабы, а не бунтари! Плененный взвод был построен и опрошен на предмет наличия комсостава. Никто не выдал своего командира. Только после того, когда фашисты пригрозили расстреливать по одному, пока не получат ответа, нашелся боец, который указал на моего деда. Командир взвода наотмашь ударил предателя и побегал, пытаясь спастись от верной гибели... Автоматная очередь, и все закончилось. Так завершился земной путь одного из героев той войны, до конца выполнившего свой долг командира, отца и мужа, защитившего свое отечество.

Сколько себя помню, с самых юных лет, приезжая на каникулы в деревню к бабушке, со стены старой избы на меня с большой фотографии, обрамленной красивой ажурной рамкой, глядел молодой офицер. Его присутствием были пропитаны все действия в доме — у стола, у печки. Под этим «взглядом» вырос мой отец, вырос и я. Очень жалко, что «этот взгляд» (а сколько их было по всей стране!) не становится «высшим судом» для ребят, что сейчас растут. Наши деды отстаивали нашу землю для нас, но мы проигрываем «войну» за души своих детей и внуков!

Особую благодарность хочу выразить своей бабушке, а в ее лице миллионам таких же женщин. Ибо не было бы у нас без этих Фёкл, Прасковий, Степанид, Марий таких Ефимов, Петров, Иванов! Только наши женщины могли преодолевать километры, чтобы побыть минуточку со своими мужьями, поднимать колхозы и заводы, воспитывать детей и внуков павших героев. А сколько женщин по всей стране оставались верными (как и моя бабушка) своим мужчинам до конца дней, не выходя более замуж, не создавая новых семей. В чувашских деревнях память о погибших воинах сохранялась очень основательно. Я долгое время не знал имени своей бабушки потому, что всех замужних женщин на селе звали, привязывая к имени мужа. Например, мою бабушку вся деревня величала «женой Ефима» до самой ее смерти.

Один немецкий военачальник сказал, что, если бы он знал, что есть такие женщины «в русских селеньях», за которых советский (русский, татарский, украинский, чувашский, грузинский, узбекский и т. д.) мужик «глотки будет рвать» врагу, понимая, что такой воин в принципе непобедим, то никогда не пошел бы войной на нашу страну!

Тот «взгляд» со стены деревенского дома я перенес и в свою городскую квартиру, поставив фотографию деда на самое почетное место; беседую каждый день с младшим лейтенантом, прошу совета, а, главное, стараюсь постоянно помнить, кто мы и откуда. Нет

уже ни моей бабушки, ни отца, сам скоро буду дедом, но я пытаюсь передать детям и племянникам, друзьям и ученикам нить памяти и благодарности к павшим героям.

*Олег Катейкин, сын Авенира,
внук Ефима и Фёклы. г. Чебоксары.*

* * *

Мой отец, Андрей Иванович Кудимов, был учителем. До войны работал завучем средней школы в поселке Большая Мурта Красноярского края, преподавал физику. Жили мы в школьном дворе рядом с районным домом культуры, ставшей в первые дни войны призывным пунктом. Запомнились яркие солнечные дни, когда вся площадь со стороны парка была забита автомашинами и народом; плакали женщины, прощаясь с мужьями, выкрикивали какие-то команды военные. А ребятишкам такое скопище автомашин было в диковинку, так как в те времена автомобиль в Мурте был редкостью. Так продолжалось несколько дней, пока не вычистили в районе большинство мужчин призывного возраста. Из нашего школьного двора было призвано на фронт восемь человек, вернулись живыми только двое. В первые дни войны на фронт ушли: Федоров Василий — выпускник 10-го класса, Эпов Николай Дмитриевич, Малышев Иван и Семенов Яков Евстигнеевич — это были учителя — все холостые парни. Был призван на фронт Воробьев Федор Иванович, работавший до войны печатником в редакции газеты «Большевик», участник боевых действий на Халхин-Голе и в Финляндии, у которого еще не сняты были бинты на ноге от ранения, полученного в боях зимой 1940 года при прорыве линии Маннергейма. Моего отца Кудимова Андрея Ивановича, только что назначенного директором Предвинской средней школы, призвали на фронт 8 августа 1941 года. Запомнился на всю жизнь последний сумеречный вечер. Перед моей кроваткой стояли отец с заплаканной матерью и тихо о чем-то шептались. Много лет спустя мать рассказывала мне, что отец, прощаясь со мной, сказал ей, что младший сын не будет помнить его. Провожали отца от райвоенкомата, моросил мелкий дождик, и почему-то запомнилось крыло полуторки с потертой краской, бампер из полосового железа и отец, стоящий в кузове у кабины. Больше я его не видел никогда...

В четырех постройках нашего школьного двора, включая сторожку при школе, бывшую баню и столярку, проживало в разное время 9–10 семей. В ноябре 1941 года весь наш четырехквартирный

дом расселили по более тесным квартирам, закрыли семилетнюю и среднюю школы и стали переоборудовать их под госпитали. нас переселили в однокомнатную квартиру во дворе ветеринарного пункта рядом с нашим домом, а занятия двух школ организовали по вечерам в учреждениях Мурты. Однако уже в марте 1942 года от идеи устройства госпиталей в Мурте отказались, видимо, из-за трудностей перевозки раненых в зимнее время из Красноярска. Мать тут же, не спрашивая разрешения местной власти на селе, переселилась в старую двухкомнатную квартиру. Выселять ее пришел председатель сельсовета Гайдук Марк Иванович. Однако, как пришел — так и ушел: мать с кочергой в руках отстояла свое жилище! На следующий день она нашла защиту у секретаря райкома Мусальникова П. Я., который дал команду не трогать семьи фронтовиков.

Первая «похоронка» пришла летом 1942 года — погиб Вася Федоров. А в ноябре 1942 года пришло похоронное извещение на отца — помощника начальника штаба 1098 сп 327 сд. Невозможно описать, как восприняли это известие мама и моя четырнадцатилетняя сестра Мария! Брат упал ничком на кровать и пролежал так до позднего вечера, а утром у него обнаружили седую прядь волос. Было Геннадиию всего лишь двенадцать с половиной лет, а через месяц он попал в больницу с нервным заболеванием. В то же время с Волховского фронта после тяжелого ранения пришел домой Яков Евстигнеевич Семенов. Его, раненного двумя разрывными пулями в правое плечо и истекающего кровью, нашел немецкий санитар в воронке, перевязал и показал куда ползти. Бывало и такое. А в начале 1943 года под Воронежем погиб старший сержант Воробьев Федор Иванович.

В 1943 году из нашего двора призвали на фронт полуслепого учителя русского языка и литературы Кошкина Павла Виссарионовича и пятидесятилетнего конюха райкома партии Сафронова Петра Кононовича, страдавшего язвой желудка. Кошкина П. В. из-за плохого зрения дальше штаба дивизии на фронте не пустили, служил он все время писарем, домой вернулся невредимым, а на Сафронова П. К., отца четверых детей, спустя два или три месяца пришла похоронка. И жило нас в школьном дворе 14 мальчишек и девчонок, и ни у кого уже не было отцов. Единственная семья Петкевичей, которых было четверо вместе с матерью, ютилась на восьми квадратных метрах в нашем доме, имела отца, но он был репрессирован в 1937 году и находился в заключении в Кировской области. А до ареста Константин Петкевич работал дорожным мастером в Мурте. Вот такова печальная статистика тех дней...

Зимой 1944 года, когда я учился во втором классе, мать из военкомата получила материальную «помощь»: семьям погибших офицеров выдали по одной шинели, снятой с солдат, убитых на фронте. Принесла она ее домой со слезами, смерзшуюся и окровавленную, бросила в таз с водой, чтобы оттаяла. Потом отмывала в горячем щелоке. Когда мать вывесила шинель на мороз для просушки – мы увидели на груди и в районе живота дырки от пуль. Все швы шинели и подкладка были покрыты вшами и гнидами, это был целый муравейник, мать прожаривала шинель над раскаленной плитой, да разве фронтовую вошь, закаленную в боях и морозах выведешь? Зимой ходить в школу мне было совершенно не в чем, поэтому мама сшила мне из этой шинели крытую шубейку из старой овчины и штаны. И жрали потом нас вплоть до победного года солдатские окопные вши!

Я и мои сверстники принадлежим к тому поколению, которое потеряло своих отцов еще в дошкольном возрасте и никому и никогда так и не подарило святого ласкового слова ПАПА. Мы навсегда были лишены мужской ласки и радости общения с отцами. Они сгорели в пламени жестокой войны, а наши мамы, в свои 30–32 года, уже стали вдовами, имея на руках 2–3-х детей дошкольного и школьного возраста, и за плечами лишь два класса церковно-приходской школы. Работали они в различных учреждениях Мурты, совмещая труд уборщицы с работой истопников, сторожей, конюхов и даже ассенизаторов. Жили наши мамы в постоянных заботах: чем накормить, во что обуть и одеть детей, получая при этом мизерную зарплату и пенсию за погибших мужей. Это они обеспечивали нам приобретение среднего образования в самых тяжелейших материальных и бытовых условиях.

Из опубликованных документов архива Волховского фронта и книги Валерия Абатурова известно, что 327-я дивизия накануне наступления наших войск на синявинском направлении была выведена из состава 2-й ударной армии, переподчинена 8-й армии и находилась в резерве командования фронтом до 21 сентября. За сутки до наступления был арестован командир 1098-го стрелкового полка Слабких Петр Михайлович, 21 сентября 327 стрелковая дивизия была брошена навстречу наступающим войскам Манштейна.

Похоронное извещение мы получили в конце ноября 1942 года, отпечатанное на бланке 236-го кавалерийского полка, хотя в опубликованной ранее военно-исторической литературе нигде не упоминается об участии кавалерийских соединений в Синявинской операции осенью 1942 года. Спустя месяц или два мама получила с фронта наручные часы отца, с которыми он уходил

на фронт, диплом об окончании пединститута и фотографию двух его однополчан. Это окончательно убедило мать, что отец все же погиб. Часы мы проели, а остальное брат забрал себе, и фото фронтовиков затерялось в его архиве. Все письма отца с фронта мать по совету соседки в начале 60-х годов сожжет, так как он стал ей часто снится. Малограмотная она была, что с нее возьмешь? Недавно младшая дочь через интернет нашла первоначальный источник информации о гибели отца – ведомость учета потерь личного состава 327-й сд за подписью начальника штаба дивизии подполковника Гончарова. Фамилия отца в ведомости значится под номером 101. В графе «где похоронен» указано: 4 км с. з. дер. Новая. А в похоронном извещении — 4 км юго-западнее деревни Новая.

Поскольку место захоронения (скорее всего – это предполагаемое место гибели) находится за речкой Черной, и наши войска отошли за речку, то тело не было погребено. Из 24-х погибших в перечне 18 офицеров, в том числе начальник штаба полка Реутов Никита Александрович. Погибло все управление полка.

Я почти два десятилетия потратил на поиски однополчан отца и свидетелей его гибели, но только в июне 2006 года стало известно, что после расформирования 13-го кавкорпуса 87-я кавалерийская дивизия в июле 1942 года была передана на пополнение 327-й стрелковой дивизии. Таким образом, не сменив бланки 236-го кавполка, нам выслали похоронное извещение, что привело к большой путанице при розыске его однополчан.

Поиском сведений о фронтовой судьбе отца я занимаюсь с 1969 года, когда прочитал книгу Мерецкова К. А. «На службе народу». В ней ни слова вы не найдете о кавалерийских частях. Только в январе 2000 года из газеты «Красноярский рабочий» (статья «Прокляты... и убиты») стало известно, что отец участвовал в Любанской операции. По рассекреченным архивам Волховского фронта удалось составить хронику событий, в которых мог участвовать отец, а благодаря книге «Трагедия Мясного Бора» удалось воссоздать всю ужасную обстановку «волховского котла». Об этой книге мне рассказал ветеран 374-й стрелковой дивизии еще в 2005 году, ему сейчас 83 года, он лежал в госпитале в Красноярске и взял ее у соседа по палате. Дал мне телефон владельца книги, но тот в категоричной форме отказал мне. Помогли дочери – разыскали книгу в интернете. Кстати, в Любанской операции принимали участие три дивизии, сформированные в Красноярском крае. В марте 1946 года, когда мне было 10 лет, из немецкого плена вернулся бывший военком Большемурутинского района Красноярского края, бывший друг отца майор Соболев Иван Петрович, служивший в штабе 382-й сд. От него мы узнали о случаях людоедства в «волховском

котле». Во время рассказа Ивана Петровича ужасно трясло, голова запрокидывалась, а изо рта шла пена. Знали об этом и молчали. А о том, что отец там же был — даже не догадывались.

В июле 1971 года мать, мой старший брат, я, братья отца из Риги и Находки встретились в Ленинграде. В тот же день мы выехали в Синявино на братскую могилу. Вокруг сохранились следы ужасного побоища: проломанные осколками и простреленные пулеметными очередями каски наших воинов, кругом разбросано солдатское имущество и даже солдатские косточки! Хорошо с обрыва просматривались знаменитые синявинские болота. Пять лет спустя там побывала моя жена, а в 2006 году — моя старшая дочь и две внучки, привезли много фотографий, в том числе и фотографию мемориальной доски с именем моего отца.

И еще один шокирующий факт для меня и моих родственников. В 2008 году я сделал запрос в ЦАМО, где и в какой должности служил мой отец после расформирования 13-го кавкорпуса. Оказывается, мой отец раненым попал в плен 25 сентября 42-го года и умер в концлагере Бельхен 12 июля 1944 года. Дочери установили место нахождения этого лагеря. Он располагался в провинции Эльзас-Лотарингия на территории Франции в 26 км от г. Мец, где пленные работали на угольных шахтах. По сведениям, предоставленным мне посольством РФ во Франции и Военным министерством Франции, останки трех тысяч советских военнопленных, умерших в концлагере Бельхен, перенесены в провинцию Пикардия на советское воинское кладбище.

Отец умер за 18 дней до освобождения лагеря англичанами. Мне удалось получить из ЦАМО личную учетную карточку военнопленного Кудимова Андрея Ивановича с фотокарточкой. Жуткое фото! Сколько мук еще выпало на долю моего отца — мирного человека, знавшего одно дело — учить детей...

*В. А. Кудимов, г. Железногорск
Красноярского края*

* * *

Мой отец... Как хотелось мне на протяжении многих лет жизни иметь рядом близкого человека, которого с гордостью могла бы называть своим отцом. Смотрю сейчас передачи, посвященные событиям Великой Отечественной войны, всматриваюсь в лица бывших воинов, вернувшихся с фронта, которые смогли воспитывать своих детей, внуков и мысленно вижу образ отца, который

ушел однажды и больше не вернулся. Государство заботится о вернувшихся с фронта солдатах, и это правильно, а вот мы, дети войны, потерявшие отцов, никогда после войны не ощущавшие тепло отцовских рук, были обделены заботой властей и росли как сорняки в поле...

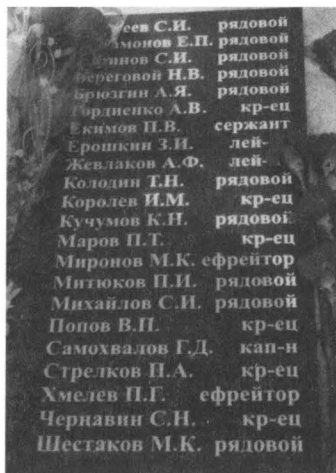


П. А. Стрелков с дочерью

Стрелков Павел Алексеевич, 1917 года рождения, родился в д. Захаровская Архангельской области. Он был младшим в семье, в которой росли четыре мальчика и одна дочь. Семья была достаточно состоятельной; своими силами, не используя наемный труд, выстроила большой дом, имела мельницу и кузницу. Это и послужило причиной того, что в 1937 году отец семейства Стрелков Алексей Дмитриевич был осужден по ст. 58-10 на 10 лет, отсидел срок и впоследствии был реабилитирован. Семья моей матери, Самченко Людмилы Ивановны, в 1931 году была раскулачена и сослана в Архангельск из Кировоградской области. Моя бабушка, Самченко Агафья Алексеевна, в ссылке работала на лесобирже № 23, также была осуждена на 10 лет за то, что «восхваляла капиталистический строй», отсидела этот срок в «Онеглаге», а в 1965 году была реабилитирована. Так и познакомились мои родители – люди с одинаковой судьбой. Я родилась 4 сентября 1939 года, а через год появилась на свет моя сестра Тамара. Отец был призван Исакогорским РВК и ушел на фронт в 1942 году. Несмотря на небольшой возраст, я хорошо помню, как мы его провожали: он держал меня на руках, а рядом стоял поезд, который увез его навсегда. Помню еще медведя, которого он мне подарил, хорошо помню, потому что мои ботиночки надевали на лапки этого мишки.

Оставшись одна с двумя детьми, моя мать в холоде и голоде, без сторонней помощи, как могла, поднимала детей. Сестра Тамара умерла от диспепсии совсем маленькой. Как рассказывала мама, отец, имея на руках двоих детей, мог бы не идти на фронт, но часто говорил о том, как после войны будет смотреть своим детям в глаза. И ушел навсегда, а мы остались жить в нищете, никому не нужные.

Вместо отца пришло извещение, что он пропал без вести в декабре 1942 года. Последнее письмо с фронта было от 17 сентября 1942 года. Датой пропажи без вести назван месяц, полученный путем прибавления 3-х месяцев к дате последнего письма. Сохранилась



фотография, на которой рукой моей матери была написана дата 24.09.1942 г. Я полагаю, что это — дата гибели отца.

Прошло много лет, и я решила восстановить имя отца, который не числился ни среди живых, ни среди погибших. Я прошла много организаций, встречалась со многими равнодушными чиновниками, но целенаправленно шла к своей цели — мне нужно было доказать, что мой отец Стрелков Павел Алексеевич вовсе не пропал без вести, а погиб, защищая Родину. Первое, что мне удалось — увековечить имя отца в электронной книге памяти

г. Архангельска. Не зная, где воевал и погиб мой отец, имея данные о том, что он воевал в 23 стрелковой бригаде (п/п 1502) мне удалось проследить боевой путь этой бригады. В сентябре 1942 года 23 осбр 4-го гв. ск потеряла свыше 2/3 своего личного состава в боях западнее Гайтолово в районе бывшего села Синявино.

Путем долгих поисков из ЦАМО было получено подтверждение того, что летом–осенью 1942 года ппс 1502 обслуживала именно 23 осбр.

Круг замкнулся, и наконец-то Кировский военкомат принял документы и рассмотрел мою просьбу увековечить память Стрелкова Павла Алексеевича. В 2011 году память моего отца была увековечена на воинском мемориале «Синявинские высоты».

*Г. П. Цыбаева (Стрелкова),
Санкт-Петербург*

Мой дед, Иван Трофимович Игнатенко, родился в 1909 году в г. Пахомовка Омской области. В семье говорили, что происходил он из донских казаков.

Отец рассказывал, что дед работал в Сосновском зерносовхозе и был призван Азовским РВК в первые дни Отечественной войны. Дивизия, куда он был направлен, дислоцировалась на Дальнем Востоке, а в августе 42-го года была переброшена под Ленинград для участия в Синявинской наступательной операции. В ноябре того же года семья получила извещение, что И. Т. Игнатенко пропал без вести в период 1–15 сентября в районе Синявина.

Его однополчанин, вернувшийся с фронта, заезжал к родственникам деда. Он рассказывал, что их полк наступал через болота, где на небольшой территории завязались тяжелые бои. «Наши идут в атаку — их немцы положат, немцы контратакуют — наши их кладут, — говорил солдат». Во время одной из атак он бежал рядом с дедом и видел, как тот упал. Атака захлебнулась. Дед вместе с другими погибшими остался навечно у Синявинского озера. Я бывал в этих местах, но ни одной могилы военного времени не нашел.

Максим Игнатенко, г. Москва

* * *

Мой отец, Дема Гавриил Васильевич, родился 26 марта 1914 года. Когда ему было 8 месяцев, его мать Анна умерла после пожара. Мой дедушка, Дема Василий Никитович, женился вторично и моего отца воспитала Агафья Савельевна. Всего у дедушки Василия было 8 детей. Отец родился в селе Калачинское Омской области. Окончил 4 класса, по тем временам считался грамотным. Срочную армейскую службу проходил на Дальнем Востоке.

Начал работать в Калачинском отделении «Заготзерно», когда ему шел 18-й год.

После службы в армии он женился на моей маме Порубай Антонине Федоровне в начале 1939 года. С 20 января 1939 года по 20 апреля 1938 г. с отрывом от производства окончил курсы при областной конторе «Восток Заготзерно» в г. Омске. После чего его назначили заведующим лабораторией Калачинского «Заготзерно».

Я, Дема Владимир Гаврилович, родился 8 декабря 1938 г. в селе Тургеневка Калачинского района Омской области.

Отцу дали квартиру в Калачинске по ул. Калинина № 10, что интересно, — с русской печкой, до этого он каждый день ходил пешком на работу из Тургеневки.

В доме проживало 6 семей, отсюда отца забрали на фронт 7 ноября 1941 года. Воевал он красноармейцем в 241 артиллерийском полку под Ленинградом. В боях за Родину погиб 26 сентября 1942 года. Когда отец уходил на войну, как я помню своей детской памятью, он взял меня на руки, прижал к себе, поцеловал, потом взял братика из качалки, тоже поцеловал, мне дал крышку от ящика для разновесок, мы долго с ней играли. А вот лица отца я почему-то не помню.

Мне шел уже 4-ый год, когда мама давала карандаш и бумагу и говорила: «Пиши письмо папе!» Я начиркаю на бумаге что попало, она запечатает и вместе со своим письмом отправит на фронт. Какие приходили ответы от отца я не помню, только мама говорила, что

папа пишет, чтобы я слушался ее и помогал. Я старался и помогал как мог, качал качалку с братиком, но он долго не засыпал, часто я засыпал вперед него. Помогал подметать пол полынным веником, от которого шел сильный запах. Мама говорила: «Терпи, зато у нас клопов мало, не то что у других». Рано научился чистить картошку. Держали корову и куриц. Когда мама доила, я стоял рядом с алюминиевой кружкой, она нацеживала парного молока и я тут же пил, с тех пор всю жизнь люблю парное молоко.

Когда осенью 1942 года получили извещение о смерти отца, мама сильно плакала и три дня лежала на кровати. Приходили соседки-фронтвички, успокаивали и помогали доить корову. Меня мама попросила закрыть ставни и лежала в темноте несколько дней. Женщины приносили хлеб из пекарни, резали на кусочки, сушили в нашей русской печи. Шили мешочки-посылки и отправляли на фронт. В мешочки с сухарями укладывали вязаные рукавицы или носки, а также небольшие записки. Кому шли эти посылки, на какой фронт, они и сами не знали, потому что отсылали из военкомата, грузили в товарные вагоны. С 5-ти летнего возраста мы уже бродили стайками по всему Калачинску и знали все новости от старших товарищей.

Однажды мы с мамой долго искали моего брата Юру, пока уже в темноте не нашли его в милиции. Милиционеры не могли отвести его домой, потому что на вопрос: «Где ты живешь?» – брат отвечал: – «Дома». В общем, приключений было много. Когда кончилась война, основным местом сбора была станция, и днем и ночью там всегда толпился народ. В Калачинске был свой духовой оркестр, руководил им пожилой высокий мужчина. Его все уважали. Когда со станции доносились звуки оркестра, народ бежал туда, потому что знали: со стороны Омска едут фронтвики.

Моя мама была раза два-три, потом ходить перестала и нам не советовала: видимо не хотела, чтобы наши детские души наполнились скорбью, потому что там всегда было много слез. Но я все равно ходил. Иногда столько было народа, что мы залезали на деревья и крыши сараев.

Потом фронтвики посадили парк. В центре сделали танцевальную площадку, где по субботам до 12 часов ночи играл духовой оркестр. Вход был по билетам. Парк огородили высоким железным забором, но пацаны всегда находили лазейки.

Об отце мало знаю, жаль что годы послевоенные закружили, заvertели и расспрашивать родных и близких как-то не мог, а жаль.

В сентябре 1957 года меня призвали в Советскую армию. Служил в группе советских войск в Германии шофером. Я всегда помнил об отце и, когда нас привезли в Германию, я мысленно

разговаривал с отцом. «Отец, ты погиб, не дожив до Победы, ты бил фашистов, а вот теперь своими глазами я вижу побежденную Германию». Я видел Равенсбрюкский женский концлагерь, который взяли танкисты 2-й гвардейской танковой армии и освободили узников многих стран; и Заксенхаузен, где фашисты сжигали тысячами военнопленных, но, что интересно, я не ощущал ненависти и злобы к немецкому народу, потому что понимал и понимаю, что все войны – большие и малые – не приносят простым людям добра. Любая война – это горе, страдания и смерть.

Я всю жизнь ношу память об отце в душе, который погиб, когда ему было всего 28 лет.

Знаете, как это обидно, жить без отца, и в то же время хочется крикнуть: «Отец, ты защитил Ленинград, спас многих детей, которые по Дороге жизни перебирались в глубь страны. Мы гордимся тобой, отец».

Даже сейчас в нашем городе есть ленинградцы.

Наша семья поминает Гавриила Васильевича в день освобождения Ленинграда от блокады.

Огромная благодарность всем поисковым отрядом. Спасибо командиру отряда «Русь» А. В. Чупрову за то, что нашли останки моего отца и захоронили.

Спасибо вашему отряду «Звезда» за то, что реликвии моего отца (медальон) привезли в г. Калачинск.

В День Победы 9 мая на митинге нам вручили медальон отца.

Было очень трогательно, я не мог сказать по микрофону ни слова: боялся как бы не упасть, смог только поклониться фронтовикам и всем калачинцам.

Поцеловал коробочку с реликвиями, которую нам вручил глава г. Калачинска.

*Сын Гавриила Васильевича Дёма –
Владимир Гаврилович, внук Александр Владимирович,
правнук Антон Валерьевич.
Все мы носим ту же фамилию – Дёма, г. Калачинск*

* * *

Мой отец, Юдинцев Петр Григорьевич, родился в 1913 году в поселке 1-й Бурковский Павинского р-на Вологодской области, инженер-землеустроитель. Призван в декабре 1941 г. Архангельским ГВК. Погиб 27.08.1942 г. в Синявинской наступательной операции.

По рассказам моей матери отец был человеком основательным и неспешным. Вместе с тем он считался одним из лучших топографов

комплексной Большеземельской экспедиции, которая была совсем немалым предприятием на Севере Ненецкого национального округа. Все, что касалось специальности, получалось у него быстро и споро, в чем ему немало помогала врожденная аккуратность и привычка к труду. Родом он был из крестьян, выучившихся на сельских учителей. Учителями были и его старший брат, и жена брата. Сельские интеллигенты в первом поколении – люди очень правильные, уже образованные, но еще не оторванные от земли, потому и основательные.

У отца было много друзей. Об этом можно судить по фотографиям, на некоторых они дурачатся, и им это явно «в радость». Из отцовых писем видно, что друзей он любил и дружить умел, постоянно о ком-нибудь спрашивал и особенно беспокоился в военный период, когда от них долго не было вестей. При этом просил передать родным, что он знает много случаев, когда люди «потом» все-таки давали о себе знать, как мог, ободрял других, скрывая собственные переживания.

Еще мать говорила, что «сухарем» он не был, но выпивал редко, а в письмах признавался, что любит хорошее вино, что вполне допустимо для того времени, хотя и отдает гурманством: ведь до войны пили мало. Мой тесть, отвоевав юнцом еще в Гражданскую, признался, что к водке приучился только в 43-м после сильнейших потрясений.

Сохранились классические южные кадры: отец на фоне пальм или обрыва в Алушке, групповые фото около дворца, а то и среди камней на берегу. В белых брюках, тапочках, загорелый, ладный, наголо стриженный. Есть и пара фотографий симпатичных девушек. Мама о них говорила: это до меня. И правда, она несомненно лучше. Женился отец в 28 лет на ровеснице из Красноярска, которая после Тимирязевки работала в той же экспедиции агрономом. Встреча с мамой произошла после финской войны, куда отец был призван рядовым на должность военного топографа при штабе. Как служил на финской — не знаю, но мать говорила, что рассказывать о зимней компании он не любил и к тому, очевидно, были основания. Вернулся почти целый, но ограниченно действовала левая рука — было повреждено сухожилие. В одном из писем он писал, что полностью в себе уверен, вот только бы рука не подвела в бою.

Между финской и Отечественной отец снова в экспедициях по Печорскому краю, в перерыве между ними он и женился на моей будущей матери. Всего три месяца длилось личное счастье, в декабре 41-го отец отправился в Архангельск к месту призыва. Железной дороги к Нарьян-Мару нет и поныне, добирался он больше месяца на «перекладных» оленях и машинах по зимни-

кам, и только неделю по железной дороге. В Архангельске была «перегрузка» с кадрами и, очевидно, неразбериха. Его определили на курсы комсостава в Череповец. А там — явная нехватка преподавательского состава, и два месяца курсанты занимались фактически самообразованием. Потом, недоучив, вернули всех в Архангельск и через три месяца выпустили лейтенантами. Отцу 28, он был «тертый» человек, да к тому же обнаружил навыки преподавания. Руководство учебной базы рекомендовало оставить его на преподавательской работе. Однако он написал рапорт об отправке на фронт, который и был удовлетворен. Дальнейшая дорога была очень быстрой. Эшелоном через Вологду, Веребье и Малую Вишеру в населенный пункт Войбокало, где проходило доформирование 19-й гвардейской стрелковой дивизии. В соответствии со штатным расписанием его назначили командиром взвода 3-й роты 1-го батальона 54-го гвардейского стрелкового полка. Во время подготовки к Синявинской наступательной операции, благодаря хорошим организаторским способностям и доскональному знанию топографии, отец был назначен начальником штаба 1-го батальона. Для офицера, еще не участвовавшего в боях, это был акт немалого доверия.

Замечу, что весь срок между отъездом из Нарьян-Мара до Приладожских лесов и болот отец писал жене письма. В среднем два раза в неделю. Они почти все сохранились. Писал ровным красивым почерком остро отточенным карандашом, даже находясь в шалаше или землянке. Письма очень личные, ведь он был молодоженом. Все беспокоился о здоровье какой-то Наташки, — они с мамой ждали девочку, узи тогда не было. Так и не ясно, узнал он, что родился мальчик или нет. Мама дала телеграмму через радиокомитет, была тогда рубрика «письма на фронт», но мог ли он слышать это сообщение? Родился я 17.08, а 27.08 началась Синявинская наступательная операция. Для отца она длилась всего несколько часов. Он погиб при штурме 1-й или 2-й позиций немцев за речкой Черной. Об этом сообщил в письме его раненный там же товарищ, с которым они пообещали друг другу написать родным, «если что». Отец был ранен осколком мины в живот и вскоре умер. По словам друга, его похоронили в районе поселка 1-й Эстонский.

Девятнадцатилетним студентом в 1961 году я приехал на разъезд Апраксин посмотреть места боев и, если повезет, узнать что-нибудь о братских захоронениях. Наивный парень. Тогда был всеобщий «молчок» про Синявинские дела. И в райвоенкомате, и в отделении милиции (в те времена еще Мгинского района) на меня смотрели, выпучив глаза, потом отмахивались. А прошло-то меньше 20-ти лет. С угрюмым пониманием меня выслушала толь-

ко группа железнодорожных мужичков, кутивших на штабеле шпал у станции. Они объяснили, что бои тут были везде, хоронили тоже везде, но далеко не всегда. Чтобы я ощутил происходившее здесь адекватнее, махнули рукой на дорогу ко Двору охраны, мол, посмотри сам. Как я теперь понимаю, я прошел Тортолово, цепь межболотных высот и вышел к Гайтолово. Это сейчас железо ищут металлоискателями и щупами, а тогда оно все лежало на виду: и остовы танков, и гнутые стволы, и россыпи гильз. И его было так много, что почти каждый шаг приходился по железу. Второе сильное впечатление — ровной поверхности не существовало, воронка переходила в воронку. У Гайтолово стояла большая штабная палатка, рядом штабелями и кучами лежали мины. В палатке жил саперный взвод. Сержант «по-хорошему» предложил не окопаться тут попусту: мин еще полно. Велел возвращаться по тропе и не искать приключений. Лес был совсем не такой, как сейчас: редкие старые обгорелые стволы и десятиметровый послевоенный подлесок. Поисковиками замечено: в корнях почти каждой березы можно найти кости. На останках павших солдат и вырос сегодняшний густой лес.

В. П. Юдинцев, г. Москва

* * *



И. Е. Кочетков

Мой отец, Кочетков Иван Егорович, 1908 г. р., уроженец Рязанской области, был призван в армию в сентябре 1941 г. Член партии с 1931 года, он был назначен политруком в 450 полк 265-й стрелковой дивизии.

В последней открытке жене Марии Васильевне, отправленной с фронта 21 сентября 1942 года, он писал: «Сегодня идем в бой. Жив буду — пришлю письмо, а если что случится, справляйтесь обо мне по адресу: «Действующая армия, ППС 621, 265-я сд, 450 сп, начальнику политотдела».

Писем больше не было. И обращение по указанному адресу осталось без ответа. После войны удалось узнать от однополчан, что 450-й полк сра-

жался под Тортоловом, попал в окружение, из которого многие не вышли. В Центральном архиве Министерства обороны политрук

Кочетков И. Е. числится без вести пропавшим в сентябре 1942 года. Так и остался отец навечно в ленинградской земле.

*Кочетков Василий Иванович,
сын погибшего под Ленинградом политрука 450 ст
И. Е. Кочеткова*

* * *

Мой отец, Чередниченко Степан Андреевич, 1913 г. р., уроженец с. Подолье Барышевского района Киевской области был призван в Красную армию в начале 30-х годов. В 1937 году закончил военное училище, вступил в партию. Служил в Киевском военном округе в составе 26-й армии. 18 июня 1941 г. приехал домой в очередной отпуск. Но началась война, и уже 22 июня отец вернулся в свою часть, дислоцированную в г. Белая Церковь.

Из части его направили в с. Майоришно Полтавской области, где с июня по сентябрь отец обучал призывной состав для вновь формируемой 23-й стрелковой бригады.

В ночь с 9 на 10 сентября воины были направлены в г. Сумы, где соединились с основными силами бригады.

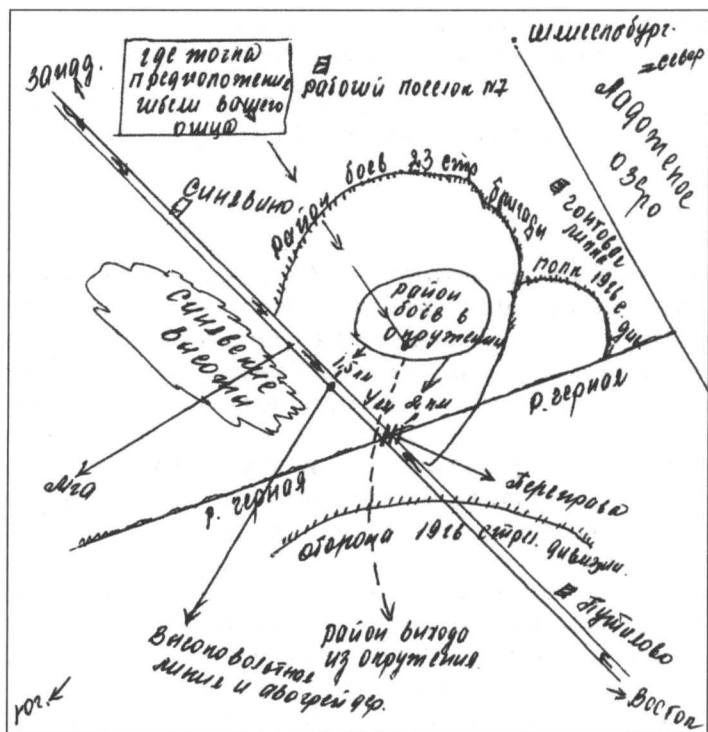
Сформированная 23 осбр была направлена под Москву, где вышла в резерв ставки и в боях за Москву не участвовала.

18 декабря 41 года бригада прибыла на Волховский фронт и была включена в состав Второй ударной армии. Вместе с армией участвовала в Любанской операции, понесла большие потери, а после пополнения была направлена под Ленинград. Здесь, на ленинградской земле, и погиб мой отец...

Долгие годы мы ничего не знали о его судьбе. Только после войны Главное управление кадрами РККА сообщило семье, что «лейтенант Чередниченко А. С., 1913 г. р., командир роты отдельного минометного батальона 23-й стрелковой бригады, погиб без вести в 1942-м году». В пенсионном деле отец числился погибшим в октябре—декабре 1942 года.

В течение 6 лет я разыскивал однополчан отца, познакомился со многими ветеранами 23-й бригады, но все они служили в других подразделениях. Наконец, в декабре 1984 года мне удалось связаться с Яковом Степановичем Цысь, знавшим моего отца.

Я. С. Цысь прибыл в 23-ю бригаду после курсов младших командиров. Бригадой командовал п-к Максимов, командиром 2-го батальона был ст. л-т Ананьев. Этому батальону была придана рота моего отца. «С Вашим отцом я встречался в течение 20 дней сентября 1942 года. Наш батальон наступал в районе р. Черной вдоль дороги Волхов—Ленинград, проходившей рядом с высоко-



вольной линией. Справа были синявинские высоты, слева – лес, кустарники и болота. Помню, – писал Я. С. Цысь, – что мы находились в полутора километрах от моста через р. Черную. Бригада входила в состав 4 гв. стрелкового корпуса. 20 сентября мы попали в окружение. 10 дней сражались в окружении – это был один ужас. Боеприпасы и продовольствие кончились. Минометы и пушки по приказу комбрига Максимова были взорваны и закопаны в землю. Рота, которой командовал Ваш отец, охраняла штаб батальона.

30 сентября комбриг отдал приказ о выходе из окружения. В 22 часа пошли на прорыв. Вспышки ракет, разрывы снарядов и мин, автоматная и пулеметная стрельба – вообще, дикий ужас. В этот день я видел Вашего отца дважды. Он был с комбатом Ананьевым, который давал ему какие-то указания.

Из батальона вышло 40 человек. Среди них были комбриг Максимов, комбат Ананьев, я и другие. Мы вышли 1 октября 42 года, но Вашего отца среди нас не было. Я не видел его ни живым, ни мертвым. От его роты осталось 18 человек.

Территория где мы сражались, цепляясь за каждый клочок земли, еще долго находилась в руках фашистов. Спасти раненых

не было никакой возможности. Рота, которая прикрывала наш отход, в большинстве не вышла, как и Ваш отец, из окружения».

Яков Степанович приложил схему расположения 23-й бригады, выхода из окружения и предположительное место гибели моего отца.

*Г. С. Чередниченко, сын С. А. Чередниченко,
погибшего под Синявином*

* * *

Появившись на свет в 1942-м году, я никогда не видела своего отца, пропавшего без вести в сентябре 1942 года по Синявином.

Константин Николаевич Кучумов родился в 1912 году в деревне Грязищи Постяковского района Ивановской области. По какой-то причине он уехал из деревни и завербовался на строительство Горьковского автозавода, где работал сцепщиком железнодорожных вагонов.

Здесь он познакомился с моей будущей мамой. Она была родом из Вятской губернии и также завербовалась на Горьковский автозавод. Жили мои родители на ст. Сортировочная Горьковской области в бараке № 6 (комната 6). Я еще не родилась, когда 17 апреля 1942 года отца взяли на фронт.

Он служил разведчиком в 33-й отдельной стрелковой бригаде и бесследно пропал в конце Синявинской наступательной операции.

Многолетние поиски по выяснению судьбы отца не увенчались успехом. Последний раз я обращалась в ЦАМО 18.08.2011 г. и получила такой ответ: «Списков безвозвратных потерь 33-й стрелковой бригады и управления 4-го гвардейского корпуса за июнь—ноябрь 1942 года, книг учета рядового и сержантского состава на хранении в ЦАМО РФ нет».

Сколько же таких, как мой отец, без вести пропавших, не вернулось после войны в свои семьи! Миллионы! И до сих пор состарившиеся дети, семейные внуки и выросшие правнуки ищут их могилы... Чаще всего – безрезультатно.

*Г. К. Луцкова (Кучумова),
Санкт-Петербург*

* * *

Мой отец, Леонид Александрович Смирнов, родился в рабочей ленинградской семье в 1922 году. Отец его Александр Александрович работал маляром в Военно-морском училище им. Дзержинско-



Л. А. Смирнов

го. Бабушка Екатерина Арсентьевна была домохозяйкой. Жили они на Садовой улице, д. 71, кв. 3, и оба умерли от голода в блокаду.

Мои родители учились в одной школе – № 35 и жили по соседству: мама Валентина Александровна (1923 г. р.) проживала на той же Садовой улице в доме 73.

Родители любили друг друга и поженились вскоре после окончания школы. Я родилась 29 декабря 1940 года, а в июне 41-го началась Великая Отечественная война...

Нас с мамой эвакуировали в Вологодскую область. Отца призвали в Красную армию еще 18 июня 1941 года, и Октябрьский РВК Ленинграда направил его на учебу в Череповецкое военное училище. Когда в Архангельске началось формирование 32-й отдельной стрелковой бригады, курсанты училища, в том числе и мой папа, были зачислены рядовыми.

Первый бой бригада приняла 16 марта 1942 года. Под Киришами 32 осбр была окружена и вышла из окружения в сентябре 1942 года. После пополнения бригада была направлена в район Синявина. Из Главного управления кадрами РККА мама получила извещение, что санинструктор 32 осбр А. А. Смирнов убит 25 сентября 1942 г. в д. Гайтолово.

В ЦАМО хранятся списки погибших бойцов бригады с 1 сентября по 1 октября 1942 г. Зарегистрировано 518 человек, из них рядовых – 308 чел.

*Г. Поречная (Смирнова),
Санкт-Петербург*

Послесловие

Каждый год, 9 мая, на средней из трех Сиявинских высот, у возведенного здесь мемориала, многолюдно. Один за другим подъезжают автобусы с ветеранами, легковые машины с представителями власти и просто дачниками из близлежащих поселков. В урочный час открывается традиционный митинг, и с высокой трибуны звучат знакомые слова о том, что никто и ничто не забыто.

Но по-настоящему помнят ад, когда-то царивший у подножия этих холмов, только те, кто пытался их одолеть в 1941-м, 42-м, 43-м... Мало их дожило до конца войны, единицы — до наших дней. Поначалу они вежливо вслушиваются в речи ораторов, потом отходят к краям мемориальной площадки, откуда открывается вид на бескрайние торфяные дали, поросшие послевоенным мелколесьем. Остро пахнет пригретая весенним солнцем земля, синее высокое небо, ветер шелестит молодой листвой и колышет блестящие стрелы осоки — ничто, кажется, не напоминает о кровавой бойне далеких сороковых. Но туман, застилающий постаревшие глаза ветеранов, представляется им дымом пожарищ, когда от беспрестанных разрывов здесь горело все вокруг: земля и деревья, блиндажи и болота, танки и сами люди... Старые солдаты уже не слышат звонкоголосых птиц, перекликающихся в верхушках сосен, и торжественных речей, усиленных микрофоном. Им чудится грохот стрельбы, надрывные крики атакующих, жалобные стоны раненых, приторный запах крови, соленый вкус пота и собственное падение наземь, когда сам не понял: убит ты или только ранен?

Кое-кто не выдерживает и осторожно, опираясь на палку, делает шаг-другой с холма. И неотвязная память вдруг вознаграждается скорыми находками: чьей-то дырявой, истонченной временем каской, нетленным противогазом, кучкой ржавых патронов, из которых бесполезно высыпается синий порошок...

Воевавшим здесь уже за восемьдесят. Им не под силу спуститься с холма, пересечь торфяное болото, выйти на заросший, но еще приметный Архангельский тракт, добраться до Черной речки, в которой осталось столько однополчан...

За них это делают молодые, по возрасту — внуки. Всякую весну и осень они приезжают сюда не только из ближнего Петербурга, но также из Москвы и Казани, Вологды и Архангельска, Кирова и Екатеринбурга — из всех уголков необъятной России, пославших своих сыновей на помощь осажденному Ленинграду. Ребята едут за собственный счет, проводят в комариных болотах отпуска

и каникулы. Сослуживцы недоуменно пожимают плечами (зачем вам это нужно?), домашние, смирившись, вздыхают: что-то вроде неизлечимой болезни...

Ничего не спрашивают только те, кто хоть раз побывал в этих гиблых местах и своими глазами увидел полузаросшие окопы, винтовки со сгнившими прикладами и роты солдат, едва прикрытых прелой листвой, незахороненных и забытых. Забытых страной и армией, военкоматами, призвавшими их на войну, и великим городом, за который они отдали свои жизни. Их помнят только в семьях, как бы далеко они не находились. Умерли, не дождав-шись своих кормильцев, матери и жены, состарились дети, повзрослели внуки, но никто из них не смирился с равнодушными архивными отписками: «Ваш муж (отец, брат) пропал без вести тогда-то...»

Бойцы поисковых отрядов — внуки тех, не вернувшихся домой солдат, точно знают, что они не исчезли бесследно, а устилают сплошным ковром землю по всему периметру невиданно-долгой ленинградской блокады. Они оставили после себя немного: алюминевые ложки и мятые котелки с выцарапанными именами, кошельки с довоенными гривенниками и пятаками, рваные ботинки с обмотками, планшеты с недоставленными донесениями, поясные ремни, из-за которых нет-нет да и выпадет невзрачный черный пенальчик с чудом уцелевшей запиской — «смертный медальон»... И где-нибудь в далекой глухомани, на Урале либо в Сибири, получают вдруг люди ошеломляющую весть, что их давно потерянный Иван, Николай или Василий найден — через столько-то лет! — под Ленинградом. Они изумятся и обрадуются, и соберутся в дорогу, и приедут к этому мемориалу, где в свежую, только что вырытую братскую могилу положат, вместе с другими, их отца или деда, и запоздало поплачут.

На могильной плите будет выбито всего с десяток фамилий и четырехзначная цифра, означающая количество наконец-то похороненных неизвестных солдат. Мы никогда уже не сможем назвать их поименно, но знать, как они жили, беззаветно сражались и пали за нашу свободу — обязаны.

Мы только тогда поймем, какой ценой досталась нам Победа, когда в истории Великой Отечественной войны не останется незаполненных страниц, подобных синявинским боям 1941–43 годов.

И. Иванова

Воспоминания о пехоте

Пули, которые посланы мной,
не возвращаются из полета,
Очереди пулемета
режут под корень траву.
Я сплю,
положив голову
на синявинские болота.
А ноги мои упираются
в Ладогу и Неву.
Я подымаю веки,
лежу усталый и заспанный,
Слежу за костром неярким,
ловлю исчезающий зной.
И, когда я
поворачиваюсь
с правого бока на спину,
Синявинские болота
хлюпают подо мной.
А когда я встаю
и делаю шаг в атаку, —
Ветер боя летит
и свистит у меня в ушах,
И пятится фронт,
и катится гром к рейхстагу,
Когда я делаю
свой второй шаг.

И белый флаг
вывешивают
вражеские гарнизоны,
Складывают оружие,
в сторону отходя.
И на мое плечо,
на погон полевой, зеленый
Падают первые капли,
майские капли дождя.
А я все дальше иду,

минуя снарядов разрывы,
Перешагиваю моря
и форсирую реки вброд.
Я пепел с сигарки стряхиваю
у Бранденбургских ворот.
А весна между тем крепчает,
и хрипнут походные рации,
И, по фронтовым дорогам
денно и ночью пыля,
Я требую у противника
безоговорочной
капитуляции,
Чтобы его знамена
бросить к ногам Кремля.
Но, засыпая в полночь,
я вдруг вспоминаю что-то,
Смежив тяжелые веки,
вижу, как наяву,
Я сплю,
положив под голову
синявинские болота,
А ноги мои упираются
в Ладогу и в Неву.

1954

Условные сокращения

А	—	армия
ак	—	армейский корпус
ап	—	артиллерийский полк
ВМФ	—	военно-морской флот
ВС	—	вооруженные силы
ВФ	—	Волховский фронт
гап	—	гаубичный артиллерийский полк
г.-л.	—	генерал-лейтенант
г.-м.	—	генерал-майор
ГШ	—	генеральный штаб
дзот	—	деревоземляная огневая точка
ДОП	—	дивизионный обменный пункт
дот	—	долговременная огневая точка
КБФ	—	Краснознаменный Балтийский флот
кд	—	кавалерийская дивизия
КНП	—	командно-наблюдательный пункт
кк	—	кавалерийский корпус
КП	—	командный пункт
командарм	—	командующий армией
комбриг	—	командир бригады
комбат	—	командир батальона, батареи
комдив	—	командир дивизии, дивизиона
ЛЭП	—	линия электропередач
мсб	—	медико-санитарный батальон, медсанбат
мср	—	медико-санитарная рота
НП	—	наблюдательный пункт
НШ	—	начальник штаба
обмп	—	отдельная бригада морской пехоты
обс	—	отдельный батальон связи
омд	—	отдельный минометный дивизион
осбр	—	отдельная стрелковая бригада
ОТ	—	огневая точка

- ОТБ — отдельный танковый батальон
ПАП — пушечно-артиллерийский полк
 пд — пехотная дивизия
ПМП — полковой медицинский пункт
ПНП — передовой наблюдательный пункт
ППГ — передвижной полевой госпиталь
ППД — пистолет-пулемет Дегтярева
 пп — пехотный полк
 ппс — полевая почтовая станция
ППШ — пистолет-пулемет Шпагина
ПТР — противотанковое ружье
РВК — райвоенкомат
РГК — резерв Главного командования
 сб — стрелковый батальон
СВТ — самозарядная винтовка Токарева
 сд — стрелковая дивизия
 сп — стрелковый полк
 тб — танковая бригада
УА — ударная армия
ЦАМО — Центральный архив Министерства обороны
ЦГАКФФД — Центральный государственный архив
 кинофотофонодокументов
Штарм — штаб армии
ЭГ — эвакогоспиталь

Оглавление

Часть I. Год 1941-й	3
<i>И. А. Иванова.</i> Тревожный сентябрь сорок первого	5
<i>М. К. Кусаинов.</i> 310-я вступает в бой	16
<i>Н. И. Ляшенко.</i> Герои 310-й остановили врага	28
<i>Павел Шубин.</i> Наша земля	72
<i>С. А. Данич.</i> Саперы сорок первого	74
<i>В. М. Жагала.</i> Расчищая путь пехоте	78
<i>А. Д. Гутман.</i> Здесь каждый метр полит солдатской кровью	90
<i>Александр Межиров.</i> Просыпаюсь и курю...	97
<i>П. М. Демидов.</i> Между Мгой и Назией	98
<i>Александр Межиров.</i> Споры	110
<i>И. Ф. Пашков.</i> Труднее всего было под Ленинградом	111
<i>Б. В. Веселовский.</i> На Ленинградском фронте	114
Часть II. Год 1942-й	121
<i>И. А. Иванова.</i> Осенью сорок второго	123
<i>А. Ф. Хренов.</i> Синявинская наступательная операция (август-сентябрь 1942 года)	145
Хроника Синявинской наступательной операции (19.08–10.10.42 г.)	155
<i>И. А. Иванова.</i> Семь дней боев в устье Тосны	158
<i>Борис Слуцкий.</i> Последнею усталостью устав...	166
<i>Х. Польшман.</i> Первое Ладожское сражение. Лето 1942 г.	167
<i>П. К. Кошевой.</i> Стояли насмерть	178
Политдонесения по 24-й гв. сд за сентябрь 1942 г.	213
<i>А. Рейпольский.</i> Наши штыки подо Мгой	218
<i>Н. А. Чеков.</i> Синявино — трагедия сорок второго года	220
<i>Б. Ф. Редько.</i> Под Ленинградом	223
<i>К. А. Злобин.</i> В боях за Черной речкой	228
<i>Константин Ваншенкин.</i> Солдаты	236
<i>П. И. Сотник.</i> 19-я гвардейская стояла насмерть	237

<i>В. Г. Иванов.</i> Под Синявино в августе-сентябре 1942 года	243
<i>Е. И. Ткаченко.</i> Бой под Синявино	249
<i>Е. П. Шихардина.</i> Без сна и отдыха	251
<i>И. Ф. Андреев.</i> Я служил в артиллерии	252
<i>Г. Л. Рождественский.</i> 23-я стрелковая бригада в Синявинском сражении 42-го года	257
<i>Б. И. Малышев.</i> 33-я бригада в боях за Ленинград	259
<i>С. С. Сейтенов.</i> Боевое крещение в составе 33-й отдельной стрелко- вой бригады	263
<i>Булат Окуджава.</i> Первый день на передовой	266
<i>И. П. Спиридонов.</i> 32-я бригада перестала существовать	268
<i>Ф. И. Сиренков.</i> В сентябрьских боях 1942 года	277
Обращение Военного совета Волховского фронта от 31 августа 1942 года	293
<i>Н. И. Круглов.</i> Армейские саперы в Синявинской операции 1942 года	295
<i>И. Косов.</i> Гвардейские минометы под Синявином	298
<i>П. В. Рухленко.</i> Во имя освобождения Ленинграда	308
Выписка из исторического формуляра 327 сд	313
<i>Р. М. Мохов.</i> Танки 98-й бригады в Синявинской операции	314
<i>Сергей Орлов.</i> Здесь всё озера да болота... ..	324
<i>Ф. П. Павлов.</i> 128-я стрелковая в Синявинской операции	325
<i>Б. А. Владимиров.</i> Синявинские бои	328
<i>Г. Г. Борисов.</i> В окружении	340
<i>И. И. Палкин.</i> С верой в победу	355
<i>З. С. Колесников.</i> Сыновьям — о мужестве отцов	382
<i>С. И. Гайдар.</i> Воспоминания о Синявинской операции	387
<i>Н. М. Семашкин.</i> У речки Черной	394
<i>Т. А. Самохвалова (Петрова).</i> Это было под Тортоловом	413
<i>А. А. Шабалин.</i> Мое участие в Синявинской операции 1942 года	419
<i>А. Г. Голубицкий.</i> Подо Мгою осенью сорок второго года	423
<i>А. Г. Романов.</i> В битве за Ленинград	429
<i>С. Х. Павлов.</i> Бои в районе Тортолова	434
<i>Николай Асеев.</i> Надежда	437
<i>А. А. Махаринский.</i> Всю войну — в 94-м медсанбате	438
<i>Е. Ф. Филина.</i> Песня	442
<i>С. А. Данич.</i> 294-я стрелковая под Синявином	443
<i>С. В. Егоров.</i> Памятные дни	448
<i>И. Папуловский.</i> Это была тяжелая работа... ..	453

<i>Сергей Орлов. Не с немцами воюем, а с болотом...</i>	458
<i>В. И. Иванов. Сентябрь: дни и ночи</i>	459
<i>А. С. Клейнман. Артиллеристы 372-й под Снявино</i>	463
<i>Г. Керт. Мой первый бой</i>	465
<i>А. И. Болотин. 376-я стрелковая дивизия в снявинских боях</i>	468
<i>А. Митькин. Рассказ артиллериста</i>	471
<i>Н. Ф. Казанцев. Сибиряки под Снявино</i>	474
<i>Н. М. Стрелков. Разведчики 372-й в Снявинской операции</i>	477
<i>Л. З. Кушер. В бою подо Мгою рвутся снаряды...</i>	479
<i>Н. И. Дюк. Выход из окружения штаба бригады</i>	480
<i>М. К. Кудрявцев. Сентябрь 1942 года</i>	481
<i>Ф. А. Меньшиков. Я не вышел из-под Снявина</i>	497
<i>В. И. Головань (Малова). 15-й медсанбат в Снявинской операции</i>	502
<i>В. Ф. Лобышев. Как мы наступали...</i>	505
<i>П. А. Чпышев. «И пала грозная в боях, не обнажив меча, дружина...»</i>	509
<i>Маргарита Алигер. Братские могилы</i>	510
<i>Н. П. Шерстнев. Сентябрьские бои на речке Черной в 1942 году</i>	511
<i>Д. А. Морозов. Они сделали все, что смогли</i>	514
<i>Сергей Поделков. Высота</i>	536
<i>Г. Бидерман. Гайтолово</i>	538
<i>И. Г. Донских. Бои в районе деревни Арбузово в сентябре 1942 года</i>	543
<i>Хассо Г. Стахов. Удар на Мгу и оборонительный рубеж Снявино</i>	553
<i>И. А. Иванова. «Погожим августовским днем...»</i>	558
<i>А. Чивилихин. Битва на Волхове (отрывок из поэмы)</i>	559
<i>А. В. Чупров. В тиши снявинских болот</i>	560
<i>В. А. Ступин. Видения</i>	585
<i>Они погибли за Ленинград</i>	586
<i>Послесловие</i>	615
<i>А. П. Межиров. Воспоминания о пехоте</i>	617
<i>Условные сокращения</i>	619

ISBN 978-5-86153-261-7



МАССОВОЕ ИЗДАНИЕ

**СИНЯВИНО, ОСЕННИЕ БОИ
1941–1942 годов**

Сборник воспоминаний участников
синявинских сражений

Составитель **Иванова Изольда Анатольевна**

Редактор *И. А. Иванова*

Обложка *А. Шмелевой*

Рисунки *Е. В. Абрамовой*

Набор *Т. Н. Бабан-Луценко*

Компьютерная верстка *Т. М. Каргапольцевой*

Формат издания 60×90 ¹/₁₆, Гарнитура SchoolBookC.

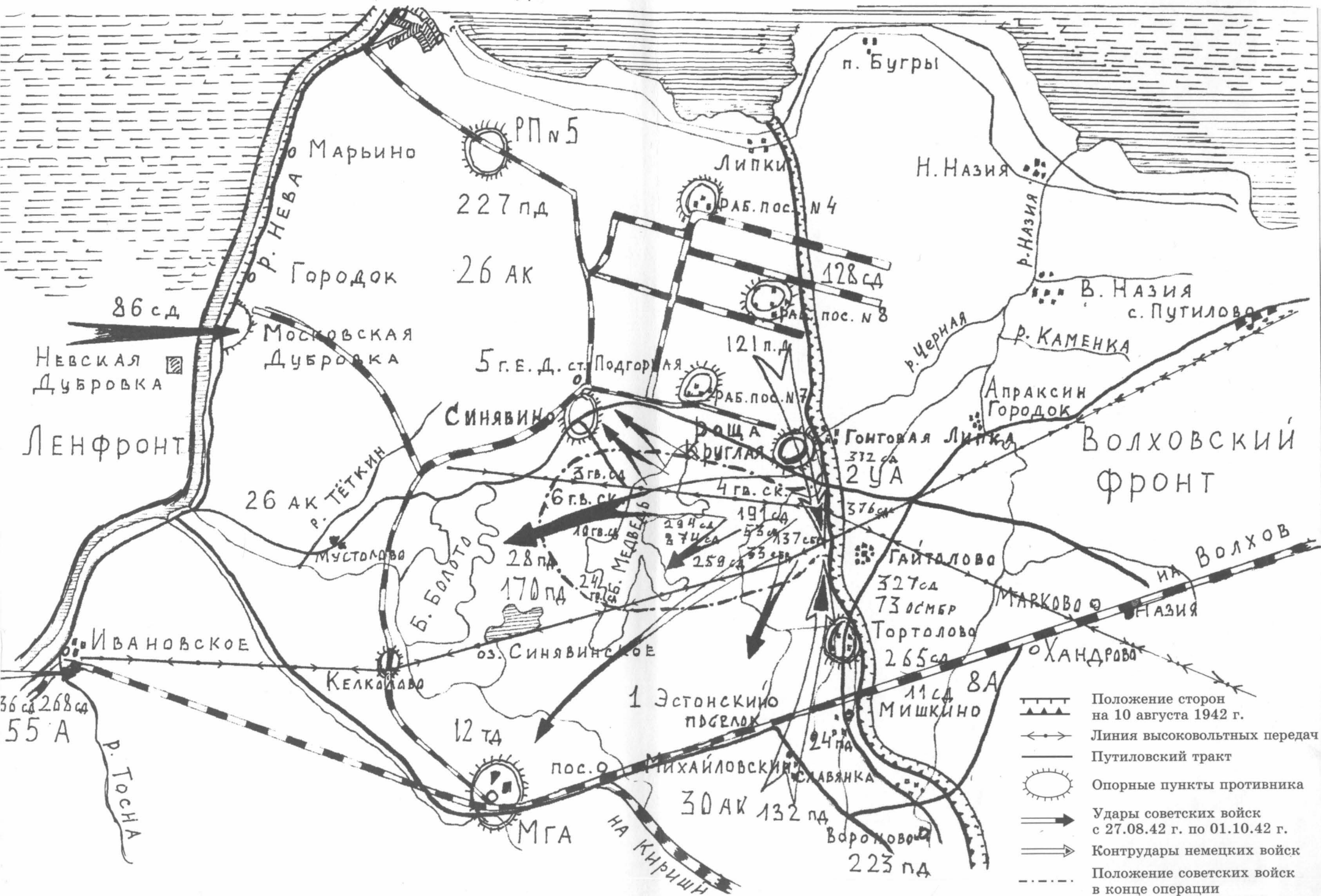
Усл. печ. л. 39,0 (+ вклейка).

Тираж 300 экз. Заказ № 509.

Отпечатано с предоставленных pdf-файлов
в ГП ИПК «Вести»

191311, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 3

Шлиссельбург Ладожское озеро



Шлиссельбург
Ладожское озеро
Марьино
Городок
Московская Дубровка
Невская Дубровка
Ленфронт

Р. НЕВА
Р. ТЕТКИН
227 пд
26 АК
86 сд
5 г. е. д. ст. Подгорная

Р. НАЗИЯ
п. Бугры
Липки
РАБ. пос. № 4
РАБ. пос. № 8
РАБ. пос. № 7
121 п. д.
128 сд

Н. Назия
В. Назия с. Путилова
Р. КАМЕНКА
Апраксин Городок
Волховский фронт

Синявино
Б. Болото
оз. Синявинское
26 АК
28 пд
170 пд
3 гв. сд
6 гв. сд
10 гв. сд
294 сд
274 сд
191 сд
53 сд
137 сд
259 сд
37 сд

Гонтановая Липка
372 сд
2 УА
376 сд
Гайталова
327 сд
73 осмбр
Тортолова
265 сд
11 сд
8 А
Мишкино
ОХАНДРОВА

ИВАНОВСКОЕ
Келкалово
Р. Тосна
36 сд
268 сд
55 А
12 ТА
пос. о. Михайловский
МГА
НА КИРИШИ

1 Эстонский пдбелок
пос. о. Михайловский
Славянка
30 АК
132 пд
Вароново
223 пд

- Положение сторон на 10 августа 1942 г.
- Линия высоковольтных передач
- Путиловский тракт
- Опорные пункты противника
- Удары советских войск с 27.08.42 г. по 01.10.42 г.
- Контрудары немецких войск
- Положение советских войск в конце операции

В книге собраны архивные материалы (как отечественные, так и немецкие), воспоминания ветеранов боев на синявинском направлении с 9 сентября 1941 г. по 10 октября 1942 г. — участников 1-й, 2-й и 4-й попыток прорыва блокады Ленинграда. Подробно описана Синявинская наступательная операция 1942 г., осуществленная с 19 августа по 10 октября 1942 г. силами Ленинградского и Волховского фронтов, предотвратившая штурм Ленинграда и сковавшая крупные силы противника, чем способствовала победе советских войск под Сталинградом.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей Великой Отечественной войны.

